От редактора серии:

“Воспоминания” Револьта Ивановича Пименова, видного участника движения инакомыслящих в СССР и гениального математика, издаются впервые. Они состоят из восьми частей.

Первая их часть, называющаяся “Один политический процесс”, написана в 1969 году, широко распространялась в самиздате и была частично напечатана в историческом сборнике “Память” (№№2-3, 1978-1980). Отдельные главы пятой части - “Борьба за освобождение” - публиковались в периодических изданиях в 1989-1992 годах. Остальные шесть частей никогда не издавались ни полностью, ни частично.

В первом томе этого издания опубликованы чч.1-4, во втором томе -чч.5 и 8. Части 6 и 7 считаются утраченными (они охватывают события связанные с делом Р.И.Пименова, Б.Б.Вайля и В.Зиновьевой, обвиненных в 1970 году по статье 190-1 УК РСФСР и приговоренных к 5 годам ссылки Калужским областным судом). Во втором томе также опубликована биобиблиография Р.И.Пименова.

Издание подготовлено по рукописи, предоставленной “Фондом имени Р.И.Пименова” (тел.: (095) 213-09-55). Использованы фотографии из архивов Н.И.Щербакова, В.А.Пименовой, Б.Б.Вайля, Э.С.Орловского, В.Л.Шейниса, Н.А.Манжаровой, Э.А.Кононовой, В.Р.Крым и других.

Купюры в тексте “Воспоминаний” сделаны по просьбе В.А.Пименовой.

Редакция серии выражает особую признательность Николаю Ивановичу Щербакову, без которого данное издание вряд ли бы состоялось, а также благодарит Вилену Анатольевну Пименову и Револьта Револьтовича Пименова за предоставленные фотографии и поддержку, В.В.Ахметьеву и И.М.Сучкову - за неоценимую помощь в решении технических вопросов.

ТЕЛЕФОНЫ ИЭГ “Панорама” **(095)202 74 10, 290 23 30**
Факс: **202 54 03**
E-mail: panorama@glas.apc.org

© Н.А.Митрохин, биография Р.И.Пименова, макет.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА 5. БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ - 3
§1. Мы ждем решения Верховного Суда - 4
§2. Я раскаиваюсь в своей умеренности - 18
§3. Второе судоговорение - 3 февраля - 30
§4. Второе судоговорение - приговор 4 февраля - 59
§5. Первая пересылка - 71
§6. Время и режим - 76
§7. Иван Гаврилович Щербаков в 1957-1960 - 92
§8. Ира Вербловская в лагере - 119
§9. Предтеча правозащитного движения Э.С.Орловский - 125
§10. Приключения Бориса Вайля - 164

§11. И совсем уж беглым пунктиром - 177
§12. Девятый вариант - 186
§13. Не математикой единой - 214
§14. Я попадаю во Владимирскую тюрьму - 228
§15. Экспозиция Кремля во Владимирской тюрьме - 238
§16. Лариса Михайловна Щербакова в борьбе за сына - 254
§17. "Хватит думать о статье, надо думать о человеке!" - 271
§18. Подключаются лингвисты - 279
§19. Келдыш выкручивает руки Миронову - 288
§20. Освобождение - 298

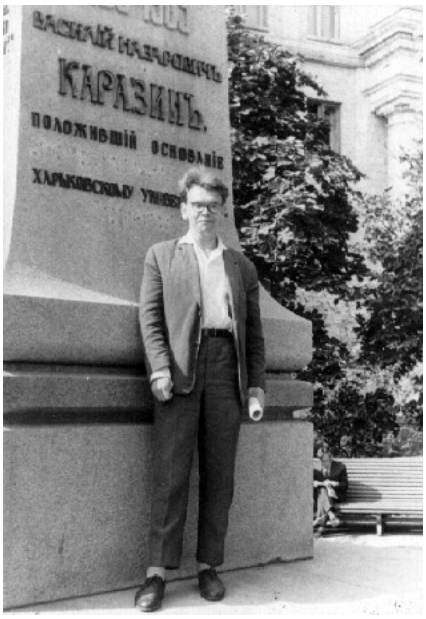
Основные аспекты жизни Р.И.Пименова в 1963-1970 годы - 308

Глава 8. ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ИЗ ЖИЗНИ МАРГАРИТЫ КЛИМОВОЙ - 312

Акт I. Занавес поднят - обыски - 330
Акт II. Климова ведет себя вызывающе - 352
Акт III. Или как Климова помогла следствию - 369
Акт IV. Или Гретхен и Фауст - 385
Акт V. Судоговорение - 386

Примечания Э.С.Орловского - 400
Автобиография Р.И.Пименова - 4035
Биография В.А.Шрифтейлик - 405
Биография Р.И.Пименова - 406
Краткий обзор научной деятельности Р.И. Пименова - 410
Список работ Р.И. Пименова - 411

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ - 4167
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ - 417
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ - 419



Р.И.Пименов на симпозиуме по математике. Харьков, 1964 г.

Глава V

БОРЬБА ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ

§1. Мы ждем решения Верховного Суда

Обращение адвоката к ученым; научность пересилила; кассационная жалоба; этап на Лубянку и обратно; мелочи тюремной жизни

Последнее слово Игоря Заславского - см. §18 гл.1 - подобно прожектору осветившее мою значимость как ученого посреди беспросветности моих политических заблуждений, фактически стало началом борьбы за мое освобождение. Схематически эту борьбу можно обозначить так: моего освобождения хотела и неуклонно - как танк - добивались моя мать (§16 далее); моего освобождения хотел бы и самого по себе и как демонстрации победы над правительством Эрнст Орловский и он неотступно - хотя и с меньшей энергией, но зато с большим знанием научного мира - действовал (§9); сам я, конечно, был вовсе не прочь выйти на свободу, но считал это немыслимым и не только не предпринимал шагов к освобождению, но своей позой по отношению к тюремно-лагерному начальству скорее затруднял его (§§13, 16); однако я ПРОДОЛЖАЛ НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (§§12, 14) и тем самым объективно облегчал борьбу за мое освобождение; привлеченные к проблеме "ученый в тюрьме" первыми двумя названными лицами ленинградские геометры вышли за узкий круг административно-невлиятельных ученых; массированное и широкое воздействие уже московских математиков и лингвистов побудило президента Академии наук М.В.Келдыша и редактора "Нового мира" А.Т.Твардовского, входивших тогда в ЦК КПСС, осуществить шаги в ЦК, в результате которых противодействие зав.отделом административных органов ЦК генерал-майора КГБ, члена ЦК Н.Р.Миронова было преодолено (§19), и я был освобожден. Тут я наметил только главные факторы и узлы, опустив все боковые ветви, "петли с обратной связью" и т.п; ниже эти усложняющие обстоятельства проясняются.

Хотя борьба закончилась победой одной стороны - меня освободили, в ее ходе бывали промежуточные победы другой стороны. К таковым бесспорно следует отнести февральский суд 1958 года, где срок мне повысили с 6 до 10 лет. Едва не обернулось такой же победой противников освобождения новое дело Бориса Вайля (§10) и перемещение меня в тюрьму из лагеря (§14). Фабульно трудно указать, в чем именно сказались на протекании этой борьбы лагерные судьбы, скажем, моего отца или Иры Вербловской, самих лишенных свободы действий и удаленных от меня территориально. Но подобно тому, как во время ожесточенной драки один лишь вид знакомого лица в окне может помочь угадать опасность сзади или, наоборот, отвлечь внимание и подставить себя под губительный удар, так и они не были посторонними для борьбы и ее исхода.

Из самих "условий задачи" - описать борьбу за мое освобождение - видно, что "агенты" этой борьбы - ученые, мои родственники, судьи, прокуроры, члены ЦК - находились далеко от меня. Я общался с ними посредством писем, научных рукописей, заявлений, приговоров, в строгом смысле, поэтому жанр нынешней главы - не "воспоминания", а ИСТОРИЯ - история, написанная одним из ее участников по документам и подсвеченная собственными воспоминаниями. Единственный "агент" борьбы, с которым я постоянно общался - это мои научные замыслы. О них я могу писать

непосредственно. Впрочем, чтобы не приписать себе в 1959 году тех идей, которые зародились у меня только в 1961 году, тоже приходится сверять, листая документы-рукописи. Надо признаться, что документов у меня сохранилось неожиданно много, хотя, к моему изумлению, от некоторых ключевых нет ни обрывка, ни следа.

Вся эта борьба протекала на фоне тюремно-лагерного быта. Но и лагеря и солагерников я буду рисовать только КАК ФОН, а не самих по себе. Тому есть несколько причин, некоторые из которых я назову, если допишу до гл.12. Желающие ознакомиться с тюремно-лагерной жизнью того времени отсылаются к книге Б.Вайля "Особо опасный", к "Памяти" §3, 5, к книге Шифрина "Четвертое измерение". Те, кто не может прочесть этих книг, приглашаются просмотреть кинофильм "Вокзал для двоих". У меня читатель не найдет ни портретов, ни даже исчислений лиц, с которыми мне довелось сталкиваться на этапах, на Воркуте, в Озерлаге. Те списки, которые присутствуют в §§9, 10, характеризуют Орловского и Вайля соответственно, а не лагеря. О некоторых из встреченных мною лиц я немного поведал в своих рецензиях в "Памяти" №№ 1, 3. Но вообще же о товарищах - или врагах - по заключению я буду здесь писать только в порядке редкого исключения. И прежде всего - в связи с тем, как их присутствие отражалось на названной борьбе за мое освобождение. Именно потому я не выкинул из этой главы параграфа про бериевцев. В этом отношении я сделал только два заметных исключения: я не мог заставить себя убрать строки о судьбе Симона Гогиберидзе, перед которым я преклоняюсь, хотя он никакого отношения к борьбе за освобождение не имел. И я счел невозможным умолчать про лагерные и нелагерные судьбы тех, кто был причастен к моему делу, хотя бы дальше они и не имели ко мне никакого отношения (§11).

Сейчас, осенью 1957 года, мы присутствуем у самого зарождения этой борьбы. Мой адвокат Райхман, устыдившись, что адвокат Шафир обскакал его, заполучив блестящий отзыв доктора наук Н.А.Шанина в пользу своего подзащитного Заславского, немедля направил официальные запросы о ценности исследований Р.И.Пименова член-корреспонденту А.Д.Александрову (7 сентября), председателю геометрического семинара ЛОМИ кандидату наук В.А.Залгаллеру (9 сентября), доценту Ю.Ф.Борисову - т.е. всем успевшим остепениться участникам "узкого семинара", о существовании которых Райхман узнал у Орловского; напомню, что Заславский взговорил о моих работах в четверг 5 сентября. Немедленно поступили благожелательные отзывы, впрочем, еще свидетельствующие о полном непонимании специфики момента (вот в письме-отзыве Шанина специфика понималась полностью!), составленные так, словно предназначены редакции математического журнала или Ученого совета математического факультета, тогда как читателями предстояло стать судьями и майорами-полковниками тюремно-лагерной администрации. Вот образцы:

"... Если говорить о формальных оценках, то вторая работа могла бы служить кандидатской диссертацией.

30 сентября 1957

.....А.Д.Александров"

"... является высоко квалифицированным специалистом и, как математик, проявил в своей последней работе незаурядные способности, выполнив исследование, которое безусловно должно быть доведено им до опубликования.

1 октября 1957

....В.А.Залгаллер"

"... считаю, что известная мне работа Пименова по космометрии вполне могла бы служить кандидатской диссертацией.

Математические работы Пименова не оставляют сомнения в его больших математических способностях и наличии творческой инициативы, о которой свидетельствует полная самостоятельность в выборе тем и методов исследования.

12 октября 1957

....Ю.Борисов"

Самое главные в этих отзывах - это то обстоятельство, что они БЫЛИ ДАНЫ. Ведь и Александров и Залгаллер дружно и не кривя душою считали меня вредным антисоветчиком, и Александров широко высказывал свое убеждение, что Пименова ПОСАДИЛИ ПРАВИЛЬНО, что он еще в 1951 году требовал сослать Пименова на Колыму[1]. Он гордился тем, что выгонял меня из университета, гордился своей политической проницательностью. Залгаллер, будучи, с одной стороны, партийцем и, дыша в унисон с Александровым, был, с другой стороны, евреем и, узнав про мое выступление на обсуждении Дудинцева (§3 гл.1), осветившее с неожиданной для Залгаллера стороны причины моих с Данилычем политических расхождений, не присоединялся к безапелляционным публичным и приватным антипименовским осуждениям шефа, но и не собирался ставить под сомнение ни справедливость судебного приговора, ни правильность действий партии и правительства. Да и лично ко мне он относился резко отрицательно, если не сказать враждебно. Борисов же тоже был членом партии и ничего не предпринял бы против желания шефа. И вот эти трое коммунистов, воспринимая приговор как всецело правильный - разве что чересчур мягкий применительно к Пименову - помня обо всех выходках Пименова против них лично, тем не менее ставят свои подписи под отзывами, свидетельствующими высокую научную значимость геометрических работ Пименова! Отзывами, назначенными по замыслу исходатайствующего их адвоката на улучшение судьбы осужденного Пименова!

А.А. Александров. Ленинград, 1948.

Я думаю, что одного этого поступка в их жизни в советской атмосфере достаточно, чтобы называть их порядочными людьми. В первую очередь это относится к Александрову: будучи ректором и членкором, он запросто мог бы "затерять" запрос из юридической консультации, мог протянуть с ответом годы, мог ответить - что было бы по букве истинно - что никакие опубликованные работ Пименова

[1] Ìíå ãîâîðèëè, áóäòî â "Âåñòíèêå âûñøåé øêîëû" â 1957 ãîä èëè â ÷åì-òî àíàëîãè÷íîì áûëà ñòàòüÿ Àëåêñàíäðîâà, â êîòîðîé íî êàê ðåêòîð óïîìèíàë ìåíÿ êàê âðàãà.

Р.И. ему неизвестны... Да мало ли что может сделать член обкома, ректор, когда его просят благожелательно отозваться о политическом вредном лице, которого к тому же он сам знает как политического врага! Но Александров при всей своей партийности был прежде всего УЧЕНЫМ, и его совесть ученого не позволяла ему лгать и уклоняться в трудной ситуации. Несколько позже, в 1961-1962 годы он совершил такой же по значимости поступок: в условиях, когда правильность и монопольность учения Лысенко была не просто признана, но подтверждена Хрущевым дополнительно на пленуме ЦК (см. §18), ректор Александров настоял, чтобы издательство Ленинградского университета опубликовало книгу профессора ЛГУ Лобашова, идущую вразрез с учением Лысенко. Посему, сколько бы мы все ни похохатывали над позднейшими писаниями Александрова насчет науки и нравственности, какие бы там ни содержались благоглупости, якобы само по себе занятие наукой способствует росту нравственности, причем нравственность имманентно должна оказываться марксистской, - сам Александр Данилович имеет право так думать: он БЫЛ нравствен в науке. И на своем 70-летнем юбилее, куда неофициально съехалось около сотни его прямых и опосредованных учеников, он имел все основания поставить во вступительном докладе на первое место вопрос о порядочности и нравственности ученого как о главном критерии в геометрии. Он-то не погрешил против научных и нравственных критериев.

Кабы Верховный Суд РСФСР прислушался к этим отзывам, оглашенным Райхманом в заседании 7 декабря 1957 года и скинул бы мне пару годков, скорее всего, никакой дальнейшей активности в мою пользу в среде ученых не возникло бы. Сам бы я воспринял такой приговор как справедливый по сути. И в дальнейшем судьба моя сложилась бы примерно так же, как бытие Игоря Заславского: без ажиотажа вокруг его имени, без пребывания в столицах ни меня физически, ни моей фамилии. Ну, может быть, был бы я нынче членкором, который за рюмкой матюкается: "Чего они сделали с Сахаровым!", но который помалкивает всюду, где больше одного человека. Не написал бы ни этих мемуаров, ни чего другого в том же духе. Но силы, враждебные мне ("Наша задача - сломать вас морально и физически", - декларировал полк[овник] Бурдюк 22 апреля 1959 года в Озерлаге), были могучими, и на преодоление их ученым пришлось разбудить сопоставимые по энергии силы, дремавшие в рассеянии в научной среде.

Эта-то деятельность ученых и составила позже мне имя.

Но такое и не грезилось тогда, в сентябре 1957 года.

Я еще даже и не знал, отзовутся ли геометры на запросы защитника, когда на второй неделе сентября строчил свою кассационную жалобу. Текст ее позже произвел определенное впечатление на писателей Н.С.Тихонова и А.Т.Твардовского, поэтому - и по другим более близким мне причинам - осмелюсь воспроизвести его. Но вообще-то, как выразился главный редактор "Памяти" по аналогичному поводу, "с тех пор уже столько писали такого материалу, что никого это заинтересовать не может". Это же замечание сохраняет свою силу применительно к большинству параграфов сей главы, за исключением разве что §§12, 16-19. Но вот он текст:

"Кассационная жалоба
от Пименова Р.И.

Я считаю нужным просить Верховный Суд РСФСР пересмотреть приговор по следующим основаниям.

Мне вменяется в вину написание мною в 1954 статьи "Судьбы Русской Революции". Я не могу признать это обвинение справедливым. Как видно из дела, статья мною писалась в 1952-53 и только окончена весной 1954. Это были кульминационные годы культа личности и годы, когда борьба с его последствиями еще почти не наметилась. Как видно из дела, я прожил годы 1947-53 с открытыми глазами, и в них набилось много мусору, связанного с теми вопиющими несправедливостями, о которых сейчас знают все, но которые тогда прикрывались высоким именем коммунизма. Именно этим объясняются те резкости и ошибочные утверждения, которые попали в статью. Но вскоре - задолго до ареста - я сам убедился в неправильности и вредности некоторых своих прежних мнений и перечеркнул несколько страниц статьи, изъяв их из общего текста. В распоряжение суда попали как раз только эти, разрозненные, перечеркнутые, хранившиеся среди старого хлама, три странички, которых я никому не давал читать. Кроме того, попала фотокопия первых четырех страниц, где содержится только отрицательная характеристика капитализма и где речь идет о 1870 годах. Остального текста этой статьи, в которой было несколько десятков страниц, в деле нет. Поэтому я не могу признать этой статьи "антисоветской", а обвинение меня на основе тех мыслей, от которых я отказался, - обоснованным и справедливым. Прошу изъять этот эпизод.

Далее мне вменяется написание статьи "По поводу речи Хрущева", где я, будто бы, изложил свое враждебное отношение к КПСС, советскому государству и руководителям КПСС и Советского правительства. Это неверно. Никогда у меня не было и нет враждебного отношения к КПСС и советскому государству. И в статье я писал не о руководителях КПСС, а о тех верных соратниках и учениках Сталина, которые повинны в преступлениях и раздувании культа личности. Если бы верные соратники Сталина: Молотов и Каганович - и ученик: Маленков - были бы разоблачены в мае 1956, у меня не было бы оснований писать свою статью. Сейчас я считаю ее просто излишней, ничего подобного писать бы не стал и прошу учесть, что некоторые поспешные и неудачно выраженные формулировки этой статьи объясняются тем обстоятельством, что в мае 1956 сама мысль о том, что кто-то, кроме Берии, повинен в извращениях культа личности, считалась антисоветской, хотя была правильной.

В абзацах 2 и 4 страницы 2 приговора содержится утверждение, будто я клеветал на КПСС. Это неверно. В моих статьях имеются порой неверные утверждения, возможно, что их даже больше, чем я вижу, - но нет ни одного клеветнического, т.е. заведомо для меня ложного высказывания. Утверждение, будто бы я клеветал, я считаю глубоко оскорбительным и неприемлемым для себя. Для меня всегда было самым главным - честно и объективно разобраться в явлениях окружающей жизни, без лжи, умолчаний и фальсификации. Об этом единодушно показали все свидетели (я

сейчас помню показания Рохлина, Орловского, Кудрявцева) и я прошу устранить из приговора это слово "клевета".

Далее, в абзаце 6 той же страницы мои беседы по истории называются антисоветскими. Я вообще не понимаю, как можно излагать с "антисоветских позиций" биографию Желябова (повешен 04.04.1881), биографию Гапона (повешен 28.03.1906), биографию Каляева (повешен 09.05.1905), - а именно это происходило в квартире Вербловской, как видно из дела. Я, действительно, излагал вопросы истории с немарксистских позиций, т.е. полностью игнорируя классовую борьбу. Но это мое право, право человека беспартийного, соглашаться или не соглашаться с марксистской политэкономией, считать, что психологические факторы в большей степени определяют историю, нежели классовая борьба.

Более того, роль Гапона я излагал в соответствии с написанной мною статьей и пьесой. И то, и другое имеется в материалах дела, ни приговором, ни обвинительным заключением мне не инкриминировалось, некоторые официальные инстанции советовали мне направить мою статью о Гапоне в Музей Революции, не считая, видимо, ее не только антисоветской, но даже антимарксистской; и я не понимаю, почему устное повторение того же самого названо "изложением с антисоветских позиций". Даже если бы мои взгляды были не только немарксистскими, но были "антимарксистскими" - отсюда еще далеко до "антисоветских позиций" в освещении истории. Во всяком случае, я считаю несправедливым то, что мне вменяются в вину мои взгляды на историю, и необоснованным то, что они называются "антисоветскими". Прошу устранить этот эпизод из приговора.

Я не могу согласиться и с тем, что мою неоконченную рукопись, начинающуюся словами "что такое социализм?" которую я предполагал озаглавить "У истоков культа личности", приговор называет антисоветской. В ней речь идет о внутрипартийной борьбе в 1925-29, в результате которой и развился "культ личности Сталина". И если даже там и есть вредные с партийной точки зрения высказывания, там нет ничего, направленного против советской власти, против завоеваний Октября, ничего антисоветского и контрреволюционного.

Что касается моей нелегальной деятельности, то в этой части я признаю свои действия после 21.12.56 ошибочными, а приговор справедливым, за исключением одной неточности. В последнем абзаце стр.2 утверждается, будто я ПЫТАЛСЯ СОЗДАТЬ нелегальную группу. Это фактически неверно. Группа - если то, что было, можно так называть - возникла стихийно, в результате реакции на неправильные действия ленинградских властей, направивших на площадь Искусств милицейские части, чтобы помешать дискуссии о Пикассо. Насколько необоснованными были действия милиции, видно хотя бы из того, что никому из подсудимых не инкриминируется участие в событиях на пл.Искусств 21.12.56. а арестованная 22.12.56 Красовская была выпущена, т.к. следствие не нашло возможным предъявить ей обвинение. (Описание этих событий есть среди вещественных доказательств.) Как ответ на эти действия возникли намерения заняться нелегальщиной - возникли стихийно, сразу у многих лиц. Когда такие намерения выяснились - я взял на себя руководство. Но потом так же стихийно стремления к нелегальщине

исчезли - и я не пытался помешать развалу группы в Библиотечном институте.

Сейчас я вижу, что был прав до 21.12.56, когда говорил, что за демократизацию нужно бороться только легальными средствами. Когда я ни от кого не скрывал и не конспирировал своих действий, а, напротив, посылал в официальные инстанции письма, в которых излагал свои, порой резко противоречащие установленным, взгляды (напр., по венгерскому вопросу). Моя нелегальная деятельность принесла только вред тому же самому делу расширения демократии, за которое я боролся, и дала возможность назвать меня, всегда и везде доказывавшего преимущества советского строя, преимущества социализма, - назвать антисоветским человеком. Но преступление совершено, и, как бы я теперь ни рассматривал свою прошлую деятельность, приговор в этой части справедлив.

Может быть, в кассационной жалобе неуместно писать о чувствах, но я не могу не сказать того, что забыл сказать в последнем слове. Есть какая-то нелепость в том, что я попал в тюрьму именно сейчас. Если бы я попал в тюрьму в 1947-1949, когда я возмущался ежовщиной - это было бы закономерно, но попасть в тюрьму, когда последствия 1937-38 исправлены, - нелепо и обидно. Я в 1952-1954 возмущался выселениями кавказских народов - а был арестован через месяц после того, как Верховный Совет принял решение возвратить эти народы на старые места. Я в 1954 кричал о необходимости децентрализации (и завоевывал себе на этом репутацию антисоветчика и антимарксиста) - а через неделю после моего ареста появилось детальное постановление о децентрализации. Я в 1947-1954 возмущался тем, что в угоду "Краткому курсу" история священной для меня Революции искажается, тем, что такие книги, как Джон Рид, запрещаются, - и это теперь исправлено. Нелепо именно сейчас оказаться в тюрьме. В декабре 1956 мне показалось, что возвратилась эпоха зажима и репрессий: я усмотрел это в шумной кампании против Дудинцева и в неиздании его книги; в действиях ленинградских органов госбезопасности против студентов - любителей Пикассо. Но я роковым образом ошибся: и эта книга издана, и не проведено (по моему делу) широких репрессий.

Все, или почти все, извращения, которые в течение прежних лет заставляли меня относиться к правительству с недоверием, устранены. Помню, что в 1951 я говорил: "В тот день, когда будет переиздана книга Джона Рида "10 дней", я стану самым лояльным человеком". Она издана в июле 1957. Но что могу я сказать сейчас, если я в марте арестован - и справедливо арестован - за нелегальную деятельность?

Нелепо пропадет и моя научная работа. Мне удалось доказать некоторые теоремы в геометрии, которые казались некоторым ученым небезынтересными. К сожалению, я не оформил своей работы в письменном виде, так как хотел предварительно проверить ее в широких научных дискуссиях. С этой целью я делал многочисленные доклады о своей работе. А сейчас все эти наброски обречены бесцельно погибнуть. И я еще раз чувствую нелепость того, что новые идеи могшие быть полезными науке, не появятся на свет или, по крайней мере, появятся со значительным опозданием - из-за моей ошибки в декабре 1956.

К этому сознанию нелепости моей преступной деятельности присоединяется горечь того, что мои действия бросили мрачный свет на мою жену Вербловскую и моего личного приятеля Заславского и привели их на скамью подсудимых.

Я прошу пересмотреть описательную часть приговора так, чтобы я почувствовал, что приговор в отношении меня до конца справедлив. Что же касается резолютивной части приговора, то, сознавая, что я своей нелегальной деятельностью совершил преступление, я не решаюсь просить ни о чем."

Написав и отправив заведенным порядком жалобы, мы устраивались ждать ответа на них и на прокурорский протест. Но уже в следующий понедельник, 16 сентября, вдруг приказывают: "С вещами!" Куда, зачем - не объясняют. Одно из неписанных в официальных, но главнейшее правило в жизни заключенного, более всего гнетущее его как личность, состоит в том что зеку никогда не говорят, ведут ли его в соседнюю камеру или на Дальний Восток. Держать в неведении его будущего - закон тюремного быта. Ну, выводят меня на шмон в те же клетки, что по прибытии. Затем во двор, где присоединяется Гена Зайцев, этапируемый после вступления приговора в законную силу. А затем - Ира Вербловская. Нас в боксах возят по городу. Заезжаем в "Кресты", берем там партию бытовиков. Конвой попался добрый, помнивший нас еще с дней суда. Двери боксов нам с Ирой открыли, мы сидим, держась за руки и в приоткрытую заднюю дверь воронка - поразительное добродушие - любуемся осенним солнечным Ленинградом. На одной из улиц, стоя под светофором, Ира даже углядела своего брата, приезжавшего в отпуск, в штатском (но на суд своей сестры не пришедшего, свидания с ней не просившего), стоявшего на углу. Он нас, конечно, не приметил, а она окликать не рискнула, дабы не сердить конвоя. Но мне показала, я тоже поглядел.

Привозят на Московский вокзал. Не туда, где мы привыкли садиться вольными, а примерно на полкилометра отступя по путям. Ведут с овчарками к особняком стоящему вагону.

- Шаг в сторону будет рассматриваться как побег, и конвой открывает огонь без предупреждения.

Идем человек двадцать, попарно, по приказу взявшись за руки (дабы руки были на виду, заняты и не шарили, чего не след). Мы с Ирой. Неуклюже помогаю ей вскарабкаться на какую-то высокую платформу, мой наспех повязанный узел с вещами рассыпается, путается. Вот и вагон. На вид - купейный. На деле - "столыпин". Описывать? Излишне!

Хотя тут нас с Ирой разлучили, но вагонный конвой запросто разрешал обмениваться записками и переговариваться, пока начальник-лейтенант спал, а он спал или делал вид, что спит, почти всю дорогу до Савеловского вокзала. В одной из записок она прислала стихи:

"На оконном стекле - решетка.
За решеткой - желтеющий лес.
Лишь порою хвойная щетка
Промелькнет на фоне небес.

Вместо двери в купе - решетка.
Вместо окон - глухая стена.
В коридоре тяжелой походкой
Расхаживает старшина.

В этих клетках-купе едут люди
С искалеченною судьбой.
Много крови, гадости, мути
Везут они за собой.

Я одна, ибо женщины редки,
Политических - вовсе нет.
Рядом ты. Наши клетки - соседки,
Я лицо твое вижу в стекле.

Слов любви не хочу повторять:
Над своею судьбой я не властна.
Но хочу тебя снова, как прежде, обнять.
Испытанья прошли не напрасно,

И рельсы на шпалах мне шепчут
Про странную долю мою.
И в этот сентябрьский вечер
Верю, надеюсь, люблю."

Мы переговаривались, шутили, не думая, ни куда, ни зачем нас везут. Радость встречи затмевала все. Захлебываясь, с волнением, Ира пересказывала мне судьбы других узников внутренней тюрьмы, с кем она познакомилась перестукиванием - переговариваясь через унитаз. Ее слова частично дополнял Гена Зайцев, с которым она прежде уже была заочно знакома тем же перестукиванием. Это знакомство имело продолжение: они встречались, оба освободившись, в мае 1963 года, когда Гена, поселившийся в Донбассе, обзавелся уже двумя детьми и в отпуск приезжал в Ленинград. Особенно пронзала Иру тогда судьба некоего Владимира Фрийде. Эмигрант или невозвращенец, он в 1956 году, поверив в либерализацию, решил то ли вернуться на Родину, то ли побывать туристом с паспортом ФРГ. Получив надлежащие визы и заверения в советском посольстве, поплыл теплоходом, увидел берега Ленинграда и на трапе был арестован[2]. Ему вменили измену Родине, шпионаж и еще что-то. Он выл - не в переносном, а в буквальном значении слова - в камере от отчаяния. Не понимал, зачем и кому это нужно. А Ира, еще увеличивая[...], сопереживала ему. Год же спустя, хлебнув лагерей, она писала мне по получении известия, что Фрийде врезали 25 лет:

- Фрийде получил многовато. Но почему-то меня это не трогает. Очерствела.

Да, имеется предел способности человека сочувствовать чужому горю. За некоторым порогом страдания уже перестаешь

[2] Áîþñü, ÷òî ÿ èëè Èðà ïîäàíàïóòàëè, è â îáðàçå Ôðèéäå äëÿ ìåíÿ ñëèëèñü ñóäüáû äâóõ ðàçíûõ çàêëþ÷åííûõ âíóòðåííåé òþðüìû: Âëàäèìèð Ôðèäå-Êóëèêîâñê÷ è ëåéòåíàíò Àíòîíîâ. Ñì. ñïèñîê â §9 è âîñïîìèíàíèÿ Áîðèñà Âàéëÿ.

воспринимать... Но тогда она симпатизировала активно всем политическим (бытовиков, как видно из ее стихов, она уже тогда выделяла как чужих). Поведала она мне про Гену Дмитриева и Сережу Пирогова, с которым и в известном смысле была знакома еще на истфаке. Сопоставляла свои ежегодные поездки в Москву: в 1953 году на похороны Сталина; в 1954 году с хлопотами в министерстве, дабы ее распределили вместо Карелии в Якутию; в 1955 году в то же министерство с хлопотами по увольнению; в 1956 году "сопровождала мужа в научную командировку"; теперь вот в 1957 году "сопровождаю мужа в тюремную командировку". Гадала, когда еще и как поедет в Москву.

Где-то по пути к нам подсадили пару свежеосужденных мужичков из Новгорода. Они пересказали газетные новости - им в тюрьме регулярно давали газеты, которых мы были категорически лишены. Жаловались они, что "посадили ни за что". После мне почти не попадался человек в лагере, который бы не плакался, что сидит, мол, ни за что. Трудно разобраться, сколько в этом защитной реакции, сколько искренней веры в несправедливость. Но разговор с лицами на такой позиции получается с трудом, не получилось его и на этот раз.

Поздним вечером везли нас по послефестивальной Москве - еще не были содраны праздничные афиши, какие-то флажки. Двери снова были полуоткрыты и после духоты "столыпина" приятно дышалось ночной свежестью. Возили долго, выгружая по одному, по два. Вот в воронке остались мы с Ирой вдвоем, но в разных боксах. Узнавая улицы, увидели, что подвозят к Лубянке. Там разлучили. Прошмонали. Прием показался грубее, нежели в ленинградской тюрьме. И в то же время подчеркнуто формально законнее: например, квитанции на отобранное принесли тотчас же, а не парой дней спустя. Но лица были каменные. Общее впечатление о меньшей человечности окрепло, когда я вошел в камеру (одиночку тож). Площадью она вдвое меньше, чем в Ленинграде: строили нынешнюю внутреннюю тюрьму КГБ на Лубянке в 1935 году, а петербургскую - в 1875 году. Много ниже. В окнах были не простые стекла, а слюда с частой проволочной сеткой ("гофрированные стекла"), так что сквозь них никогда нельзя было увидеть голубизны неба, что удавалось видеть в Большом доме поверх щита-намордника, если стать впритык к подоконнику[3]. Взамен открывавшейся вверх фрамуги была форточка на уровне пола. Следовательно - по законам физики - воздух никогда не вентилировался выше уровня пола. Батарея помещалась не под окном, а у противоположной стенки, от чего зимой должен создаваться устойчивый перепад температур. И - самое главное неудобство - не было ни водопроводного крана, ни раковины, ни унитаза. Была параша, а на оправку водили два раза в сутки. Женщин держали на отдельном этаже, где надзирателями были только женщины.

Мы договорились, дабы разузнать, для чего нас привезли, сразу по приезде подать начальнику тюрьмы заявления с просьбой

---

[3] Ñåé÷àñ â Ëåíèíãðàäå óáðàëè íàìîðäíèêè è çàìåíèëè îáû÷íûå ñòåêëà òàêèì æå ãîôðèðîâàííûì. Ìîëâà ïðèíñûâàåò ñèþ ïåðåìåíó êîñìîíàâòîå Òåðåøêîâîé-Íèêîëàåâíé, à íàñ÷åò åå ìîòèâîâ - óáðàòü ëè áåñ÷åëîâå÷íî âûãëÿäÿùèå æåñòÿíûå íàìîðäíèêè èëè æå ëèøèòü çàêëþ÷åííûõ è ïîñëåäíåé ïîëîñêè íåáà - ìíåíèÿ â ìîëîä ðàñõîäÿòñÿ. Ê ñëîâó, íàìîðäíèêè â Ëåíèíãðàäå áûëè ñíÿòû ñ îêîí ê 1956 ãîäó, èõ ïîåñòëè íàìîâ â 1957 ãîäó, âåøàëè áóêâàëüíî ó íàñ íà ãëàçàõ. Ñð. §6 è çàäóìàéñÿ íàä ðîëüþ Ìèðîíîâà, ñì. §19-20.

разрешить нам с Ирой свидания друг с другом. И авось? Попытка - не пытка, спрос - не беда. Подполковник вызвал меня и разъяснил, что это не в его власти, ибо мы числимся за Ленгорсудом, который и компетентен давать - не давать свидания. Что мы скоро вернемся в Ленинград и там сможем получить желаемое свидание. Что мы вернемся, как только дадим показания на процессе моего отца Щербакова И.Г., по делу которого в качестве свидетелей нас и привезли.

Про суд над моим отцом я рассказываю в §7. Приговор был вынесен 25 сентября, после чего мне дали свидание с ним. Кажется, дали свидание и ему с Ирой. А затем нас очень быстро повезли назад. На обратном пути конвой был недобрым, и мы с Ирой почти не имели возможности общаться. Конечно, в Ленинграде нам с ней никакого свидания не дали. Эта поездка, помимо того, что внесла элемент разнообразия в тюремную жизнь - мне предстояло проторчать еще семь месяцев в одиночке - явилась хорошей репетицией предстоящих мне этапов. Я передал матери просьбу насчет рюкзака-мешка-сумок, и она пошила мне великолепные тары для тюремных дорог, передала их в тюрьму.

Для нее мой увоз был тяжелым ударом, едва не сшибившим ее с ног. Дня два-три после нашего этапирования в Москву она явилась с обычной передачей мне в тюрьму. Старшина Шевченко, ведавший передачами (тогда их принимали не с Литейного, а с Воинова), бросил в окошечко:

- Не значится. Выбыл.

- Как? Куда?! Ведь еще же кассация!!

- Не знаю. Не положено. Нет такого.

Она тут же свалилась с приступом. Отдышавшись и навоображавшись самого худшего, побрела к адвокату. Райхман тоже всполошился, кинулся наводить справки, и ему довольно скоро удалось установить, что меня и Вербловскую увезли на процесс Щербакова. Он успокоил мать. Вот хотя бы на случай таких инцидентов следует не отказываться от защитника, будь то даже такая бездарная и трусливая адвокатесса, как Чекунова, защитница Щербакова. Мать, установив, что я в Москве, не смогла там со мной связаться: ее московские сестры Женя и Вероника побаивались прикосновения к судебно-тюремным инстанциям и не стали бы носить мне на Лубянку передач. Идея же контакта с новой женой отца, Марусей Лесновой, не могла бы вместиться в душу моей матери. Впрочем, постепенно и это осуществилось само собой, но на привыкание ушло несколько лет.

Вскоре у меня состоялось свидание с адвокатом. Иосиф Израилевич показал мне отзывы, пришедшие от Александрова, Борисова и Залгаллера, и поделился надеждами на впечатление, которое они произведут в Верховном Суде РСФСР при кассационном рассмотрении. Я тоже питал такие надежды. Не очень веря в это сам, он все же попытался внушить мне веру в предстоящую к сорокалетию амнистию, но когда я фыркнул, настаивать не настаивал. По его совету и исходя из того, что Данилыч без просьб с моей стороны дал благожелательный отзыв о моих работах, я сочинил, написал и отправил через тюремную администрацию ему письмо: своего рода завещание с перечислением всех моих сочинений, имевших отношение к геометрии, включая написанное

еще курсе на четвертом эссе "Об ошибках, лежащих в основаниях геометрии". Сейчас я не включаю в перечень своих математических работ это произведение, хотя оно сохранилось. Письмо было довольно сухое, просить я его ни о чем не просил. Ставил в известность, что всеми моими математическими рукописями будет ведать Орловский. Не знаю, получил ли он письмо: ответа не было, а после освобождения я позабыл поинтересоваться.

Написал я в прокуратуру жалобу на недозволенные приемы следствия:

"В нарушение статей 166 и 181 (ныне ст.170) УПК, обязывающих следователя принимать меры к сохранению в тайне обстоятельств личной жизни обвиняемого и других лиц, привлекаемых к следствию, капитан Правдин рассказал Вербловской и другим лицам о каких-то якобы имевших место обстоятельствах моей личной жизни; мне он же рассказывал то-то о якобы имевших место фактах личной жизни таких-то свидетелей; Вайлю ст. лейт. Кривошеин рассказывал то-то про свидетелей Кудрову и Гальперина. Прошу привлечь к ответственности и принять меры к неповторению подобных случаев в следотделе УКГБ по ЛО..."

Ответа не получил. Следователи любят ссорить лиц, привлекаемых к следствию; причины см. в §15, где о подборе кадров. Например, Орловский мне писал позже, что следователи ему

"намекали, будто ты смотрел на меня как на "дешевого батрака", а другим, оказывается, говорили, что-де этот грязный тип Орловский кормился вокруг деятельности Пименова."

Ну, а разговоры на постельные темы помогают ссорить, снижать уважение, дегероизировать. Но даже если отвлечься от того, что они умышленно нарушают зачастую сию статью УПК или просто любят почесать язык на скабрезные темы (вроде Туркина), в законе имеется неувязка, затрудняющая исполнение этой статьи. Ведь обвиняемый должен быть ознакомлен СО ВСЕМИ материалами дела. Поэтому, в частности, я должен был читать акт психиатрического освидетельствования И.Д.Заславского, а форма акта такова, что из него я - и Ира, и любой другой - узнаю, что до ареста он половой жизнью не жил. Ограничить же мое знакомство с этим актом следователи права не имеют. Таким же образом я познакомился со многими обстоятельствами интимной жизни моей матери, про часть которых упомянул в конце §1 гл.3.

Но все описанное не занимало щедро предоставляемого тюрьмою времени. Я был один и вежливо, но непреклонно отстранял то и дело возобновлявшиеся предложения сначала Правдина и Рогова, а потом Луканкина дать мне сокамерника. Игорь - как математик - тоже предпочитал одиночество.

“Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.
Два важных правила ты выслушай сначала:
Ты лучше голодай, чем что попало ешь,
И лучше будь один, чем вместе с кем попало."

Причин, почему начальство считалось с моим желанием, я не понимаю. То ли времена были еще такие либеральные? То ли они боялись моего красноречия и пугались, что я распропагандирую сокамерника? Вайль и Данилов все время имели сокамерников. Один такой компаньон развлекался: положит, бывало, спящему Борису жгут из ваты между пальцев ноги, подожжет и взрывается хохотом, когда тот внезапно проснется от ожога и метнется к ноге. Тоже занятие от скуки, ничем не хуже других занятий... Ира же пребывала в вынужденном одиночестве: женщин больше не было. Для нее оно было особенно мучительно. Ведь она и повыдала-то все, что знала и о чем смутно догадывалась, только из потребности разговаривать. РАЗГОВАРИВАТЬ. Все равно с кем, все равно о чем, не взвешивая последствий, но разговаривать!

- Меня целых двенадцать дней не вызывали на допрос, - с ужасом произнесла она мне на "очной ставке" в июне. А теперь поползут не двенадцать, а сто двадцать дней, за которые ее никуда вызывать не будут, в течение которых ей не с кем не то, что поговорить, но даже парой фраз перебросится.

"День сегодня бесконечно долог,
Слово "время" потеряло смысл.
Жжет сознанье тысячью иголок
Все одна навязчивая мысль..."

"Час я мою чистый стол,
Два - такой же чистый пол.
Тряпка рассыпается,
Уборка кончается."

И она кидалась перестукиваться, переговариваться, переписываться, убеждать надзирателей... С одним она установила особо хорошие отношения: он даже пускал ее ко мне в постель. Но нам от любезности этой было не совсем по себе, визиты эти прекратились скорее по нашей стыдливости. Всего во внутренней тюрьме Ира провела 380 суток.

Я тоже немного перестукивался. Но в сотню раз менее интенсивно, нежели она. Говоря точнее, я иногда отвечал на вызывающий камеру стук, но сам его никогда не затевал. Голиков обучил меня морзянке и поведал подробности про свою группу. Пустынцев прибавил кое-какие детали. Я относился к ним с интересом и в то же время настороженно, памятуя, что по рассказам во время суда Бориса, их подельник Трофимов, мол, каялся и уговаривал каяться его, Бориса. Логика была распространенная: все, мол, пропало, так надо выкручиваться ценой подешевле. Как это позже прозрачно сформулировал Михаил Мейлах: "Этот процесс не принципиальный, а конкретный. Поэтому нечего разворачивать принципы". Борис не то, чтобы поддавшись Трофимову, уговаривал меня в свою очередь каяться (как я не совсем удачно выразился в письме Орловскому позже), но зондировал в этом направлении: есть, дескать, и такое мнение, тоже человека с высшим образованием... Как я понимаю, эти "следственные" настроения минули к дате суда над той группой, и держались они в суде прилично. Но я-то в камере не знал, как они держались на процессе, я помнил то, что мне

рассказывал Борис Вайль! С Голиковым наладился было содержательный спор о Моммзене, но оборвался из-за перевода меня в другую камеру. На прогулочном дворике Тельников перебросил записочку:

"Дорогой товарищ! Встретимся после освобождения у Сфинксов по таким-то дням недели таких-то месяцев. Опознаем друг друга так-то. Не прекратим борьбу никогда! Записку съешь!!"

Этот было уже попозже, ибо хорошо помню, что жрал записку во время второго суда, ознакомив с ее содержанием всех своих подельников, С Тельниковым же повидался много позже, и не у Сфинксов на Университетской набережной, а в Москве, когда во второй половине шестидесятых годов в один из моих приездов в Москву он разыскал меня через общих знакомых[4].

И этих занятий было мало, чтобы заполнить время. Часть его уходила на математику, которой я занялся с апреля. Но новые идеи не рождались, сверх родившихся в апреле. А разработка старых упиралась не только в нехватку специальной литературы и в отсутствие аудитории, по реакции которой я понимал бы, ЧТО нуждается в доработке, а что - тривиально. Даже письменных принадлежностей не дозволяли. Палочкой-выручалочкой для моей психики оказалась классическая литература плюс моя привычка учить наизусть длинные тексты. Я учил Гомера, А.К.Толстого, Пастернака, "Илиаду", "Портрет", "Спекторского", "Лейтенанта Шмидта", "Девятьсот пятый год". Первых двух я всегда любил, а Пастернака открыла для меня Ира. Она настойчиво месяца два повторяла в записках, чтобы я взял в библиотеке его почитать. Я упирался, помня, как он мне в юности не нравился. Но она перемогла. Я выписал в очередной раз в десять дней - пленился музыкой - стал учить наизусть. Подчеркну, что это происходило за год до скандала с Пастернаком, так что на ее и на мой выбор влияли только ПОЭТИЧЕСКИЕ соображения. Прочел я всего Дюма по-французски, перечитал по-английски всего Шекспира и почти всего Скотта. Не могу вспомнить, из какого это романа Скотта стихи:

"For he who builds his faith upon
The Holy Text of pikes and gun
Device all controversies by infaillible artillery
And prove his doctrine orthodox
By apostolic blows and knocks,

Которые я тогда переводил вот так:

"Кто в основание веры кладет
Насилие, ненависть да эшафот,

[4] Î÷åíü õîðîøåå èçëîæåíèå äåëà Òðîôèìîâà - Òåëüíèêîâà â "Ïàìÿòè" §5 èñïîð÷åíî ïîðòàëåííûìè "äåëèêàòíûìè" óìîë÷àíèÿìè. Íàïðèìåð, íå ñêàçàíî, ÷òî îòåö ó Â.È.Òåëüíèêîâà - ãåíåðàë ãîñáåçîïàñíîñòè (ýòî îí ãîâîðèë ìíå ëè÷íî â 1969 ãîäó), õîòÿ óìîìÿíóòî, ÷òî åãî îòåö - î÷åíü âëèÿòåëüíîå ëèöî, òàê ÷òî àâòîð, ïîõâàë, çíàåò. Íå ñêàçàíî, ÷òî Ïåòðîâ â ñåíòÿáðå 1960 ãîäà ïóáëè÷íî, ÷åðåç "Ëåíèíãðàäñêóþ ïðàâäó", ïîêàÿëñÿ â ñâîåì "íåõîðîøåì, àíòèñîâåòñêîì ïðîøëîì" è áûë ïðèíÿò â ÊÏÑÑ. Ñì. ñïèñîê â §9. [Èìåòñÿ â âèäó ôðàãìåíò ñòàòüè Ðîæäåñòâåíñêîãî Ñ.Ð. (ïñåâäîíèì Èîôôå Â.Â.) Ìàòåðèàëû ê èñòîðèè ñàìîäåÿòåëüíûõ ïîëèòè÷åñêèõ îáúåäèíåíèé â ÑÑÑÐ ïîñëå 1945 ã. /"Ïàìÿòü", èñòîðè÷åñêèé ñáîðíèê, âûï.5. Paris, 1982. Ññ.249-261. (-Èçä.)]

Избавится от всех противоречий
Залпом непогрешимой картечи.
Что учение его передовое -
Докажет путем мордобоя."

Над Шиллером по-немецки я преимущественно спал, даже в тюрьме он скучен, еще скучнее, чем "Клим Самгин". Впрочем, его "Валленштейн" - исключение, он затронул какие-то чувства во мне. Еще в тот же период я "написал" в первый раз свои мемуары - в стихах от своих легендарных "предков" из трагедии "Борис Годунов" до того момента, как

"И в одиночке вот уж двести суток
Как не гаснет свет."

Раз в месяц майор Луканкин вызывал меня и давал при нем прочитывать приходившие на мое имя письма. Мать старалась поддерживать во мне бодрость. Эрнст с августа 1957 по апрель 1958 года прислал мне 22 письма и открытки. Он пересказывал газеты и пользовался каждым праздником (вплоть до "дня шахтера" и ему подобных) как предлогом для послания. Только одно из его писем не дошло до меня, скорее всего потому, что он в нем формулировал доводы в пользу подачи кассационной жалобы, т.е. "затрагивал дело", что в принципе запрещено. Бывало, я даже беседовал с Луканкиным по содержанию писем Орловского. Так - собственно, хронологически это позже, но неважно - Эрнст написал мне, что в "Ленинградской правде" опубликована статья генерал-лейтенанта Миронова о ленинградском УКГБ. Я спрашиваю Луканкина:

- А что, разве Миронова повысили в чине?

- Нет, тут Орловский ошибается. Николай Романович по-прежнему генерал-майор.

К концу года стали приходить письма от отца с обратным адресом "Мордовская АССР. Зубово-Полянский р-н. Сосновка ЖХ 385/7-1-12".

Так вот и плелась уже вроде бы устоявшаяся жизнь на пятом этаже внутренней тюрьмы. Ибо тогда в этом шестиэтажном здании (которое фальшивыми окнами с улицы Каляева замаскировано под трехэтажное) был заселен один только пятый этаж. Это позже первый этаж КГБ передало в аренду ОБХСС.

§2. Я раскаиваюсь в своей умеренности

Текст определения Верхсуда; сравнение его с приговором; бессовестное вранье вместо юридической точности; решимость их изобличить; гонения на свидетелей; иней

Под Новый год нам всем под расписку вручили Определение Верховного Суда РСФСР, отменявшего приговор по мотивам протеста, т.е. "за мягкостью". Вот его текст с небольшими сокращениями, устраняющими канцелярский реквизит, который можно почерпнуть из текста приговора в §18 гл.1; этот же реквизит убран из текста моей кассационной жалобы и ряда других цитируемых ниже документов.

копия
уг.дело № 78-70-25 1957

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в составе:

Председательствующего Крюкова В.В.

Членов суда Кетова А.И. и Фадеева Г.Е.

рассмотрела в судебном заседании от 7 декабря 1957 года кассационный протест прокурора города Ленинграда и кассационные жалобы...

заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР Кетова, заключение прокурора Степановой об удовлетворении протеста и объяснения адвокатов Райхмана, Зеркина, Шафира и Кугель, Судебная коллегия

у с т а н о в и л а:

Пименов, Вайль, Данилов, Заславский и Вербловская признаны виновными в проведении антисоветской деятельности, которая заключалась в следующем:

Пименов, имея антисоветские убеждения, среди окружавших его лиц проводил антисоветскую агитацию, распространял антисоветские рукописи. С конца 1956 года он вел работу по обработке молодежи в антисоветском духе по созданию антисоветской организации для борьбы с существующим в СССР строем. С участием осужденного Вайля он создал такую группу и предпринимал попытки к созданию других групп и привлечения других лиц к антисоветской деятельности.

В 1954 году Пименов написал антисоветскую статью под названием "Судьбы русской революции", в которой содержалась клевета на Коммунистическую партию, Советское правительство и призывы к борьбе с существующим строем. Статью эту Пименов давал читать своим знакомым. В мае месяце 1956 года Пименов написал антисоветскую статью по поводу выступления одного из руководителей Советского государства, в которой изложил свое враждебное отношение к Коммунистической партии, руководителям КПСС и Советского правительства. В ноябре 1956 года Пименов написал антисоветские тезисы по поводу венгерских событий, дважды обсуждая их среди участников созданной им антисоветской организации. Впоследствии Пименов написал статью аналогичного содержания, распространив ее среди своих единомышленников.

Пименов в квартире своей сожительницы Вербловской с ноября 1956 года по март 1957 года систематически читал участникам организации лекции и доклады, истолковывая в них отдельные вопросы с антисоветских позиций. 13 февраля 1957 года Пименов в квартире Вербловской производил обсуждение программы совместной антисоветской деятельности.

В декабре месяце 1956 года, познакомившись с Вайлем, Пименов принял меры к созданию антисоветской группы среди студентов Ленинградского библиотечного института, где в этих целях было проведено четыре нелегальных собрания.

В январе месяце 1957 года Пименов написал тезисы программы своей антисоветской деятельности и передал их Вайлю для ознакомления других лиц.

В феврале 1957 года Пименов изготовил антисоветскую листовку и пытался распространить ее накануне дня выборов 3 марта 1957 года.

В марте месяце 1957 года Пименов написал антисоветскую статью, озаглавив ее "Что такое социализм", в которой клеветал на деятельность Коммунистической партии и Советского правительства.

ВАЙЛЬ в 1955 вместе с Даниловым и неким Невструевым составили антисоветскую листовку, которую они пытались распространить в г.Курске, но впоследствии от своих намерений отказались и листовку уничтожили.

Кроме того, Вайль вступил в преступную связь с Пименовым и по его предложению участвовал в создании антисоветской группы в Ленинградском библиотечном институте. В этих целях Вайль организовал четыре нелегальных собрания, на которых обсуждались вопросы антисоветской деятельности. Вайль получал от Пименова антисоветские рукописи, хранил их и распространял среди окружавших его лиц.

В январе месяце 1957 года Вайль, находясь в г.Курске, установил преступную связь с Даниловым, пытался создать там антисоветскую группу.

В феврале месяце 1957 года Вайль в целях привлечения к антисоветской деятельности Жолудева с ведома Пименова выезжал в г.Новгород.

ДАНИЛОВ в 1955 вместе с Вайлем участвовал в составлении антисоветской листовки. Он же в январе 1957 г. принял предложение Вайля об участии в антисоветской организации и в период с января по март 1957 года систематически занимался сбором различных провокационных слухов и в виде так называемой "информации" посылал их в Вайлю в г.Ленинград. В своих письмах Данилов требовал от Вайля выслать ему антисоветские листовки для распространения их в г.Курске.

В июле 1956 г. Данилов написал Вайлю в Ленинград письма антисоветского содержания.

ЗАСЛАВСКИЙ, будучи знаком с Пименовым, весной 1955 составил вопросник под названием "анкета страны" для сбора сведений антисоветского содержания.

В 1956 года Заславский написал статью антисоветского содержания по поводу венгерских событий, которую он передал Пименову.

С ноября 1956 г. по март 1957 года Заславский систематически посещал квартиру Вербловской и Пименова, где с антисоветских позиций обсуждались вопросы историко-революционной борьбы в России, вопросы социалистического строительства и т.п.

ВЕРБЛОВСКАЯ, состоя с Пименовым в незарегистрированном браке, с мая месяца 1956 по день ее ареста занималась антисоветской деятельностью.

В июне месяце 1956 года Вербловская, опасаясь обыска в своей квартире, отвезла к Левиной антисоветские статьи Пименова, написанные им по поводу выступления одного из руководителей Советского государства.

В ноябре и декабре месяцах 1956 года Вербловская принимала участие в обсуждении антисоветских тезисов Пименова по венгерскому вопросу.

В январе 1957 года, опасаясь обыска и желая сохранить антисоветские рукописи Пименова, Вербловская отнесла их к своему отцу. После ареста Пименова, Вербловская эти рукописи передала своей подруге Шрифтейлик.

В период с января по март 1957 г. Вербловская неоднократно участвовала в нелегальных сборищах, устраиваемых Пименовым, и однажды среди участников антисоветской организации прочитала стихотворение антисоветского содержания.

В марте месяце 1957 года после ареста Пименова Вербловская пыталась установить связь между Вайлем и Кудровой.

Обвинение Данилова, Заславского и Вербловской в том, что они занимались антисоветской деятельностью в составе организованной группы, суд счел недоказанным и по обвинению их по ст.58-11 вынес оправдательный приговор.

В протесте прокурора поставлен вопрос об отмене приговора за необоснованным оправданием Данилова и Вербловской по ст.58-11 и за мягкостью меры наказания, определенной всем осужденным.

В кассационных жалобах:

Адвокат Райхман просит исключить из приговора обвинение Пименова по ст.58-11, а по ст.58-10 снизить меру наказания.

Пименов не отрицает своего участия в антисоветской деятельности, но считает, что некоторые эпизоды вменены ему в вину необоснованно.

Адвокат Зеркин просит исключить обвинение Вайля по ст.58-11, а по ст.58-10 избрать наказание Вайля с применением ст.53. Вайль просит о пересмотре дела.

Адвокат Шафир просит приговор в отношении Заславского отменить с прекращением дела производством. Заславский считает, что он осужден необоснованно.

Адвокат Кугель просит в отношении Вербловской приговор отменить и дело производством прекратить. Об этом же просит в жалобе осужденная Вербловская.

Проверив материал дела, обсудив доводы кассационного протеста и кассационных жалоб, Судебная коллегия находит, что приговор ... подлежит отмене по мотивам протеста.

Виновность Пименова в проведении антисоветской деятельности доказана фактом изъятия многочисленных написанных им лично рукописей антисоветского содержания. Показаниями осужденных Вайля, Заславского, Вербловской и свидетелей

Вишнякова, Кузнецова, Корбута, Бубулиса, Палагина, Шейниса, Зубер-Яникун и других установлено, что Пименов участвовал в создании нелегальной антисоветской организации, был ее руководителем и на устраиваемых сборищах читал свои рукописи антисоветского содержания, проводил их обсуждение, допускал при этом злобные антисоветские высказывания. Сам Пименов в своих показаниях не отрицал того, что он являлся организатором антисоветской группировки в Библиотечном институте.

Из показаний Вайля, свидетелей Кудрявцева, Вишнякова видно, что на одном из сборищ Пименов выступил с предложением расклеить листовки антисоветского содержания ко дню выборов в местные советы. Он же участвовал в составлении программы организации. Таким образом, виновность Пименова по предъявленному ему обвинению является полностью установленной.

Вайль не отрицает своей вины. Так, Вайль показал, что после знакомства с Пименовым в декабре месяце 1956, он предложил Пименову "подумать о программе" их организации, представил для этой цели свои черновики. Вайль подготовил и участвовал в четырех собраниях, организованных с участием некоторых студентов Библиотечного института, на которых Пименов с антисоветских позиций истолковывал политику Советского правительства и советскую действительность.

Изложенные обстоятельства нашли подтверждение в показаниях свидетелей Грекова, Кудрявцева, Бубулиса и других. Вайль не отрицает того, что он по заданию Пименова участвовал в сборе враждебной информации о Советской действительности. Он же привлек для этой цели осужденного Данилова, причем источником этих "сведений" явилось прослушивание антисоветских передач радиостанции "Голос Америки".

В своих объяснениях Пименов также утверждал, что он давал Вайлю много аналогичных поручений (л.д.145, т.9). Поэтому суд правильно признал Вайля виновным по ст.58-10 и 58-11.

Виновность ЗАСЛАВСКОГО полностью установлена фактом обнаружения и изъятия у него при обыске написанных им статей антисоветского содержания.

Заславский не отрицает также своей связи с Пименовым, следствием чего явилось систематическое посещение организуемых Пименовым сборищ, на которых Заславский принимал участие в обсуждении программы и докладов Пименова явно антисоветского содержания. Заславский получил от Пименова исполненные последним рукописи антисоветского содержания. В частности, при обыске у Заславского изъят текст машинописной рукописи Пименова, озаглавленной "Тезисы о Венгрии" (т.7, л.д.62-68) злобного антисоветского содержания. Заславский комментировал некоторые другие статьи Пименова (л.д.10, т.7, л.д.7-9, т.7).

Виновность ВЕРБЛОВСКОЙ доказана показаниями свидетелей Шейниса, Зубер-Яникун, Рохлина, Шрифтейлик. Вербловская в своих показаниях в суде не отрицала того, что она участвовала в обсуждении так называемых тезисов "о Венгрии", составленных Пименовым, в которых содержалась клевета на Советский Союз. Она же читала на одном из сборищ стихотворение антисоветского содержания. Будучи хорошо информированной о преступной антисоветской деятельности Пименова, Вербловская после его

ареста приняла меры к сохранению антисоветских рукописей Пименова.

В предъявленном обвинении Данилов изобличен фактом изъятия его письма, в котором Данилов выражает свое враждебное отношение к советской действительности и высказывает свое желание бороться с существующим в СССР строем (л.д.16, т.8). Данилов в своих показаниях не отрицает того, что он дал согласие Вайлю быть членом их организации и выполнял отдельные поручения Вайля по сбору враждебной и тенденциозной информации о советской действительности. Факт преступной связи Данилова с группой Вайля - Пименова установлен приобщенной к делу перепиской Данилова с Вайлем (л.д.26, 29, т.8).

Определяя Пименову, Вайлю, Заславскому, Данилову и Вербловской меру наказания по ст.58-10, суд не дал надлежащей оценки особой тяжести совершенным ими преступлениям, а также и тому обстоятельству, что осужденные занимались антисоветской деятельностью на протяжении длительного периода времени с привлечением в организуемые Пименовым и Вайлем сборища значительного числа лиц преимущественно из числа студенческой молодежи. При этом следует иметь в виду, что Пименов являлся инициатором и руководителем указанной группировки.

Оправдывая Вербловскую и Данилова по ст.58-11, суд оставил без оценки те обстоятельства, что Вербловская систематически участвовала в организуемых у нее на квартире сборищах. Она же после ареста Пименова приняла активные меры к сокрытию следов преступления, скрыв от органов следствия исполненные Пименовым рукописи антисоветского содержания.

Данилов хотя и не принимал непосредственного участия в организуемых Пименовым сборищах, но, находясь в г. Курске, знал о существовании антисоветской организации Пименова, дал согласие работать для этой организации, посылал Вайлю в г.Ленинград так называемые "информации". Данилов признал в суде свою вину в связи с группой Вайля в г.Ленинграде.

По изложенным выше основаниям кассационные жалобы осужденных и их адвокатов удовлетворению не подлежат.

На основании изложенного и руководствуясь ст.436 УПК, ...

ОПРЕДЕЛИЛА:

Протест прокурора г. Ленинграда удовлетворить. Приговор Ленинградского городского суда от 6 сентября 1957 в отношении... отменить со стадии судебного следствия, дело направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

Кассационные жалобы осужденных и их адвокатов оставить без удовлетворения.

п.п.Председательствующий - КРЮКОВ, члены: Кетов, Фадеев

Копия верна: Зам.Председателя Ленгорсуда

подпись Н.Исакова

отп. 9 экз. экз. № 4"

Это определение резко переменило мое настроение. Перечитывая его раз за разом на протяжении января, я все более и более заводился, возмущаясь явной бесчестностью коллегии из трех поименованных членов. Эта бесчестность так и перла едва ли не из

каждой строчки. Например, в приговоре в нескольких местах сказано: "Машинописные текст доклада "О культе личности и его последствиях" и послесловие "По поводу речи Н.С.Хрущева"." В определении же этот документ именуется "статья по поводу выступления одного из руководителей Советского государства". Почему? Зачем суд затирает точное наименование конкретного документа - вопреки стандартным требованиям правосудия? Да потому, что в 1957 году сам автор доклада Хрущев в ответ на вопрос иностранных журналистов, имеются ли в опубликованном на Западе тексте его доклада о культе личности неточности, произнес:

- Мне некогда читать каждую фальшивку.

Ну, коли "хозяин" дает понять, что, мол, "я не я и лошадь не моя", то естественно, что холуйская коллегия стремится уменьшить упоминание кличек этой "лошади" в официальном документе. Но какое это имеет отношение в Правосудию?!

В приговоре сказано, что

"в квартире Вербловской... Пименов систематически читал своим знакомым лекции и доклады по некоторым вопросам революционной борьбы в царской России и социалистического строительства в СССР с антимарксистских и антисоветских позиций."

В определении:

"...в квартире Вербловской... систематически читал участникам организации лекции и доклады, истолковывая в них отдельные вопросы с антисоветских позиций."

Резче, неопределеннее и страшнее для свидетелей, гуртом превращаемых в "участников организации". И - необоснованнее, ибо приговор не называл гостей так, а определение претендовало, якобы они лишь ПЕРЕСКАЗЫВАЮТ ПРИГОВОР: процитированному месту предшествует преамбула, в которой сказано, что, дескать, приговором подсудимые признаны виновными в следующем.

Тот же переход от конкретного указания к завыванию виден и в том, что в Приговоре тезисы называются, как в оригинале, "Венгерская революция", а в Определении про них говорится: "антисоветские тезисы по поводу венгерских событий", а в двух местах даже закавычивается, словно это и есть название тезисов: "Тезисы о Венгрии". Разумеется, в том же духе в Определении не называется конкретно "Правда о Венгрии", а бормочется: "другая статья аналогичного содержания", причем - в прямом противоречии с тем, что УСТАНОВИЛ суд в приговоре, пишется, будто бы эту статью написал Пименов, а не Шейнис. И все это искажение подается под шапкой объективного изложения приговора...

Такие пассажи, задолго до того, как я дошел до резолютивной части определения, вызвали уже при первом чтении ощущение априорной несправедливости, идущей сверху. Ведь несправедливость состоит, как правило, не в том, ЧТО делается, а в том, КАК делается. Можно дать вдвое больший срок, но осужденный будет чувствовать себя наказанным справедливо. И вся моя кассационная жалоба была проникнута поиском справедливых формулировок. А тут я натыкаюсь на прямую, бесспорную и

заведомую для членов коллегии фальсификацию приговора, на который ссылается определение. Это не породило во мне уважения к писавшей определение судебной коллегии, а, наоборот, вызвало желание бороться и против коллегии и против порядков, при которых такие бесчестные личности оказываются в состоянии вещать от имени Правосудия. Настроение, овладевавшее было мною в кассационной жалобе - вот я в том-то оказался неправ, я вот в том-то ошибался, надобно пересмотреть свои взгляды, признать правоту - хотя бы частичную - тех, кого я полагал своими противниками, - быстро сменялось настроением, диктовавшим, что надо продемонстрировать непреклонность своих убеждений, правота коих подтверждается самим фактом такого вранья от имени Правосудия.

Уже с такими мыслями и эмоциями я продолжал вчитываться в лежавшие передо мною документы. В приговоре:

"Написал "Что такое социализм", в которой путем тенденциозно подобранных фактов пытался опорочить историю и деятельность КПСС..."

В определении:

"Написал антисоветскую статью..., в которой клеветал на деятельность Коммунистической партии..."

Ну, знаете! Ведь "клевета", подобно "антисоветский", - не эмоциональный вскрик, не ругательное словцо, а юридический ТЕРМИН. У термина этого имеется совершенно точно определенное законом содержание: заведомо ложное утверждение, порочащее лицо или юридическое лицо. Значит, дабы доказать состав клеветы, необходимо доказать три вещи: 1) данное утверждение порочит данное лицо; 2) данное утверждение ложно; 3) автору или распространителю данного утверждения известно, что оно ложно. В случае же со статьей даже враждебно настроенная экспертиза была вынуждена признать, что ни одна цитата (а статья сплошь состояла из цитат и их сопоставлений) не переврана ни буквально, ни контекстуально. Суд в приговоре говорил о манипуляции с ФАКТАМИ, а не с вымыслами. Тут бы Верховному Суду указать низшим судьям, что Закон не предусматривает такого уголовного преступления, как "манипуляция с фактами", и исключить сей эпизод из обвинения как не содержащий состава преступления. И авторитетность приговора только возросла бы. Вместо этого определение имеет наглость ссылаться на приговор, якобы установивший наличие клеветы! Из текста моей кассационной жалобы, из моего последнего слова видно, как болезненно воспринимал я оскорбительное для меня обвинение в клевете. Самое надежное средство восстановить меня против кого-либо - обвинить меня в клевете. Определение достигло этой цели, восстановило меня против названной Коллегии, и не только против нее.

В приговоре про листовку Вайля - Данилова сказано, что они "пытались размножить и намеревались распространить". В определении же: "... пытались распространить". А кому, как не юристам в Верховном Суде, знать, что НАМЕРЕНИЕ и ПОПЫТКА - юридически различные термины, влекущие разное наказание! А ведь

как раз в этом эпизоде присутствовал повод проявить себя грамотным юристом в период восстановления законности! Ведь вменение Вайлю и Данилову этой листовки, факт существования которой НЕ УСТАНОВЛЕН ОБЪЕКТИВНО, - имелся только самооговор подсудимых при полном отрицании остававшегося на воле якобы третьего участника Невструева, даже не вызванного в суд; при отсутствии каких бы то ни было материальных следов листовки или приготовления к ней - и относительно которой имел место ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОТКАЗ подсудимых от совершения деяния - само по себе это ВМЕНЕНИЕ по меньшей мере спорно. Блюдущему законность Верхсуду надлежало бы вычеркнуть сей эпизод из обвинения Вайля и Данилова. Или потребовать провести доследование, указав суду на обязательность вызова Невструева в судебное заседание. Но данный состав судебной коллегии думал не о справедливости, не о юридической точности, а о конъюнктуре: выше их стоящие начальники указали тащить и не пущать, так тащи и неча рассусоливать о разных там тонкостях! Неудивительно, что и сама по себе такая позиция Коллегии восстанавливала и против нее и против тех, кто облек оную Коллегию полномочиями. Тем более восстанавливала она именно нас, ибо мы все происходящее расценивали преимущественно в аспекте: возрождается ли сталинщина или ее наследие ликвидируется? Всякое "тащить не миндальничать", "удар зубодробительный, удар скуловорот", "партия - это рука миллионнопалая, сжатая в один дробящий кулак" и т.п. воспринималось нами как возрождение Сталина - т.е. как зло, с которым надо биться.

Вопрос о власти в стране, в которой живешь и которая родная - сложнее отношения к голой силе. Хочется уважать власть в своей родной стране. Несправедливость же от имени власти пресекает любые попытки к уважению. От всякой несправедливости власть нравственно проигрывает - о какой бы нравственности ни говорить. И начавшееся было у нас в душах движение в сторону уважения к власти сменялось - мгновенно сменялось - противоположным движением, при котором вспыхивали пушкинские слова: "Представь себе судьбу в виде громадного орангутанга, с которым ты прикован на одну цепь..."

Не задерживался я уже недоуменно на таких нелепостях, как "сведения антисоветского содержания", на том, что "... Вербловская... среди участников антисоветской организации (у себя-то дома!) прочитала стихотворение антисоветского содержания", на том, что ей вменялась попытка "установить связь между Вайлем и Кудровой", не конкретизуя ни кто такая Кудрова, ни что за связь. Раздражало пренебрежение судебной коллегии к фактам. Я виновным в антисоветской деятельности себя не признал, так и записано в протоколе судебного заседания. Суд выразился осторожно: "Объяснения Пименова с частичным признанием своей вины". А коллегия, сминая всякие там никчемные юридические тонкости, пересказывает приговор так: "Пименов, Вайль, Данилов виновными себя признали." Лжет, якобы "в кассационной жалобе Пименов не отрицает своего участия в антисоветской деятельности", хотя как АНТИСОВЕТСКОСТЬ-ТО я и отрицал! Для доказательства моей преступной деятельности коллегия ссылается на показания

Кузнецова, который настолько все отрицал, что суд в приговоре вынужден был изъять из обвинения весь связанный с ним эпизод.

Бесили меня, привыкшего к строго логическим умозаключениям, логические (юридические тем самым) нелепицы. В определении имеется два пассажа:

"Пименов ... считает, что некоторые эпизоды вменены ему в вину необоснованно".

"Таким образом, виновность Пименова по предъявленному ему обвинению является полностью установленной."

В самом деле, вроде бы я признаю факты, достаточные, чтобы закатать меня по ст.58-10-11. Но некоторые факты - например, создание организации у себя на дому - я отрицаю. Коллегия рассуждает, что раз я признаю то, чего уже довольно для осуждения, то значит, виновность по предъявленному обвинению ПОЛНОСТЬЮ доказана. А ну, как учили меня в матмеховских семинарах, давайте рассмотрим пример на иллюстрацию общего утверждения. Допустим, Икса обвиняют в том, что он взорвал мост через Днепр и Московский Кремль. Икс признает, что взорвал мост, но отрицает взрыв Кремля. Взрыва моста достаточно, чтобы расстрелять Икса как диверсанта. Достаточно ли этого, чтобы утверждать, будто виновность Икса по предъявленному обвинению установлена полностью? Пример превращается к контрпример...

В целях очернительства Коллегия вырывает один-два фактика и обобщает их вопреки фактам: несколько, порядка 5%, сведений в "информации", как я рассказывал в гл.1, просочилось из радиопередач. Определение же утверждает как непреложный факт, что, мол

"источником этих "сведений" явилось прослушивание антисоветских передач радиостанции "Голос Америки",

имея в виду ВСЮ информацию.

Рассерженный, взъерошенный, оскорбленный, негодующий, ходил я взад-вперед по камере и метал молнии. Если в прошлый раз в своем последнем слове под воздействием корректности следствия и юридической строгости судопроизводства, впечатленный отсутствием массовых репрессий на воле и в ожидании суда над Молотовым, я призывал в зале суда своих друзей к прекращению нелегальной деятельности, то теперь я готовился к иному. Я рвался выйти и обличить наподобие Савонаролы "их", поправших Закон сверху. Ни о каком примирении говорить я не собирался. Напротив, решился доказать в суде, что всякий порядочный человек должен следовать нашему примеру. Гадал, что явилось причиной такой вопиющей несправедливости. То ли просто привычка к небрежности: "А, и так слопают!" То ли кого наверху задел мой процесс лично? То ли это общая политика "завинчивания гаек"? Ведь о том, что делается на воле, я ничего толком не знал. Ну, из реплик свидетелей на прошлом процессе у меня сложилось ощущение, что идет весна, что общее движение - в сторону либерализации. Правда, Орловский старался дать понять, что ”бочке меду есть ложка дегтю", но эти его "крохотные" оговорки не воспринимались нами, как следовало бы и

как можно было их воспринять в хладнокровном бытии. Ну, видел я газеты с портретами новых членов Политбюро, что на июньском пленуме, и прочел пару передовых (попутчики на этапе). Ну, проговорился один надзиратель, что Жукова сняли. Ну, все мы знали, что никакой амнистии к праздникам не дали. Вот и попробуйте из таких “элементов информации" вывести безошибочное умозаключение!

Как бы там ни было, несправедливость была налицо: поскольку прокуратура, загипнотизированная научным значением Заславского, не опротестовала приговор в его отношении, постольку - фактам вопреки и в разрез с его собственными признаниями - роль Заславского в Определении преуменьшалась. То, что ставилось в вину Вербловской, - не ставилось в вину Заславскому. А ведь бесспорно, что она знала и делала неизмеримо меньше его, исключая разве лишь ее послеарестную деятельность по укрывательству моих вещей.

В таких чувствах застиг меня адвокат, пришедший, кажется, 13 декабря советоваться со мной о линии защиты на предстоящем суде. Он отчитал меня за резкости вроде вышенаписанных рассуждений, велел "выкинуть глупости из головы". Обнадежил, что, по всей вероятности, в этот раз дадут мне на всю катушку - 10 лет. Выразил надежду, что при последующем кассационном рассмотрении удастся годик-другой сбросить.

Подобные чувства возмущения, желания дать отпор возникали и у других подсудимых. Лучшим доказательством этого утверждения было бы сравнение последних слов на первом процессе с последним словом на втором. Готовность наклонить голову при первом суде - и вызывающее заявление свое правоты и несправедливости суда на втором.

Раздражение шло еще и от того, что - вопреки корректности подготовки первого судоговорения - мне не дали бумагу для подготовки к защите. Потребовалось много заявлений Ронжину и Вольняшину, чтобы наконец - в ночь перед судом - мне выдали карандаш и считанное число листов бумаги, отдали мои записи по делу. Вот они "права на защиту" и "равенство сторон". О новом ознакомлении с делом не могло быть и речи: помни наизусть, то, что ты читал полгода назад!

Никто из свидетелей, повторно вызванных на процесс, конечно, не читал Определения: знали лишь, что "суд отменили". Но зато почти все свидетели испытали гонения. Орловский по окончании аспирантуры нигде не смог приискать себе работы по специальности - математик, дефицитнейшая профессия в те годы - и даже не по специальности. Перебивался временными приработками. Зубер было отменено ее распределение по окончании университета, она несколько месяцев искала работу, нашла уже после второго суда. Адамацкого, Бубулиса, Грекова, Кудрявцева, Кузнецова выгнали из институтов. Шейниса - из аспирантуры. Миролюбова - с работы из Политехнического. Разумеется, всех их исключили из комсомола, а Миролюбова из партии. Корбута, Лейтман, Назимову и, кажется, Палагина, выгнали только из комсомола, а не с работ-учеб. Забавно, как добрались до Шейниса - Назимовой. Гальперин проговорился о Кире Лейтман, и ту на бюро райкома стали исключать из комсомола за причастность к антисоветской организации

Пименова. Кто-то в момент исключения полюбопытствовал: как же она познакомилась с Пименовым, раз не в одном с ним институте занималась? Она призналась: через Назимову, Аллу Константиновну, преподавательницу марксизма. Шок был таким, что слушание дела приостановили, вызвали Назимову, убедились, что студентка Лейтман ее не оговаривает, и с ходу отобрали у нее комсомольский билет. Несколько дней спустя Шейнис, спокойно трудившийся в своей московской аспирантуре, и никем не тревожимый, счел нужным доложить по начальству, что у него в графе "жена" в анкете имеют место быть изменения: вместо "член ВЛКСМ" следует читать "беспартийная". От него затребовали объяснений, сначала устных, потом объяснительной записки, из которой констатировали, что он был знаком с главой антисоветской организации, вызван на суд одним из главных свидетелей и прочее, - и изгнали из комсомола с последующим отчислением из аспирантуры.

Совсем ничего - или почти ничего - не случилось с Акменом, Вишняковым, Гальпериным, Грузовым, Дубровичем, Кудровой, Машьяно-вой, Невструевым, Рохлиным, Шрифтейлик. Правда, Вишняков притворялся исключенным из Биб-лиотечного института, но Орловский совместно с Адамацким убедился, что это ложь. Правда, Рохлин еще ранее был исключен из комсомола "за высокомерие", а в эту пору взял да и уехал в Магадан на заработки. По той же причине взятки были гладки со Шрифтейлик: она никогда не была комсомолкой, на работу устраивалась эпизодически, выгнать ее практически было невозможно. Из редакции ее попросили, но было ли это связано с нашим делом или по другим причинам - темна вода в облацех. Дубровича тоже, как школьника 9-10 класса, выгнать-ущучить было бы трудновато.

В.Л.Шейнис - рабочий-расточник Кировского завода. Ленинград, 1958 г.

Мы в тюрьме ничего этого не знали, да и сами свидетели в силу своей разобщенности и привычного скрывания личных неприятностей не видели цельной картины, но все же общее впечатление приоткрылось нам во время второго, кажется, дня судоговорения. Секретарь суда вызывала свидетелей и анкетно спрашивала, кто где работает. Косяком шло несколько свидетелей с фразой: "Временно не работаю". Дошла очередь до Корбута. Того не оказалось в зале, и кто-то пояснил, что Корбута задерживает его шеф Л.В.Канторович. Зубер, которая и на этом процессе держалась очень взвинченно, выкрикнула:

- Корбут - единственный свидетель, которого еще не выгнали с работы! Вот он и опаздывает!

Все эти гонения, как и следовало ожидать, настроили свидетелей против судей, против властей, в пользу подсудимых. Конечно, не все рвались ДЕМОНСТРИРОВАТЬ. Но показания стали давать еще скупее, отказывая суду даже в видимости уважения и желания помочь. Шрифтейлик же в глаза оскорбила судью:

- Зачем Вы прятали чемодан Вербловской с антисоветскими бумагами Пименова? - вопросил председательствующий Вольняшин.

- Ну, как зачем? Пришла в слезах его жена. Говорит - арестован. Просит - спрятать. Я думаю, что всякий порядочный человек согласился бы спрятать в таких условиях.

- Не оскорбляйте суд, заявляя, что всякий порядочный человек пошел бы на преступление!

- Когда я говорю, что ВСЯКИЙ порядочный человек спрятал бы чемодан, я еще лично о Вас хорошо думаю, - обрезала Виля, выговорив фразу по всем правилам сценического чтения. Вольняшин, едва не взвыв от обиды, прорычал:

- Я Вас за хулиганство и оскорбление суда привлеку к уголовной ответственности!!

Но угрозы не сдержал.

Как бы мы ни кипели, два фактора были сильнее: мы устали, нам было скучно повторяться. Поэтому наше кипение не было непосредственным свежим возмущением, а вспышками помятых и довольно безразличных людей - что производит совсем разное впечатление.

Прежде всего, мы просто элементарно устали, просидев 10 месяцев без солнца, воздуха, воды, движения. Лишенные человеческого общения. Под пристальным и недоверчивым глазком.

Во-вторых, всегда неприятно повторяться. Ни нам, ни свидетелям не удалось бы воссоздать атмосферу непринужденной естественности, господствовавшую на первом процессе. Повторение, а отсюда - элемент искусственности, нарочитости, что уже граничит с фальшивостью. Рождается тоска. Скука-скучища тем усиливается, что исход действа - приговора - по нашему всеобщему убеждению был предопределен и ни в коем случае не зависел от нашего поведения. Мы могли бы поголовно начать клеймить советскую власть или начать ползать на коленях - от этого уже ничто бы существенно не переменилось бы.

В переплетении всех этих осознанных и неосознаваемых душевных движений близились мы к концу января, когда должен был начаться суд. Странные трюки выкидывает психика. Вот жил я в таком озлобленно-приподнятом настроении, можно сказать, и не жил, ибо разве же это ЖИЗНЬ в тюрьме? И вот же как раз в те самые дни, в январе 1958 года, испытал я блаженнейшее из блаженнейших настроений, которые, слыхивал я, выпадают на долю разве лишь наркоманам, принимающим ЛСД. На прогулочном дворике (продолжительность прогулки полчаса, по воскресеньям и праздникам не выводили) колючая проволока и сетка, паутинка забора покрылись изморосью. И, едва шагнув в сектор, я замер, зачарованный:

"В зимней призрачной красе дремлет рейд в рассветной мгле, сонно кутаясь в туман..."

"Как в мразный ясный день зимой пылинки инея сверкают, вратятся, зыблются, сияют..."

Вечная игра солнца на пылинках инея... пронзило, переполнило, вытеснило все-все внешнее, материальное и идейное. Красота и прикосновение к Вечности напрямую. И это чувство, пережитое мною тогда на тюремном дворике, вошло в мою душу навечно. Стало одним из самых больших моих сокровищ. Говорят, иные заключенные в одиночке сдружались с пауком в камере, и память о нем поддерживала их бодрость впоследствии. Паук, иней - а что-то они дают психике!

§3. Второе судоговорение - 3 февраля

Судья Вольняшин; показания Корбута; вопросы к Пименову о взглядах; дополнения к судебному следствию; прения сторон

Тот, кто ищет только фабулы (а тем паче экзотики), может смело пропустить этот и следующий параграфы. Но тот, кому ценны подробности, приглашается углубиться в воспроизводимую ниже запись двух дней судебного заседания, сделанную Э.С.Орловским и подвергнутую мною редактированию.

Во вторник 28 января началось повторное слушание дела. Продолжалось оно с перерывом на одно воскресенье по вторник 4 февраля, когда был вынесен приговор. Судья, назначенный проводить процесс, был Вольняшин. В прошлом - работник райкома. В его натуру впиталось ПРОВОДИТЬ УКАЗАНИЯ СВЕРХУ. Нам было померещилось, будто он лично злодей и негодяй, ибо он держался исключительно грубо, более "по-прокурорски", нежели поддерживавший обвинение прокурор Ронжин. И на свидетелей манера Вольняшина производила впечатление расправы, а не суда. Но вдумавшись и насмотревшись в жизни, я догадался, что мы были неправы. Ничего, окромя проведения в жизнь спущенных свыше установок, за его душою нет, если применительно к нему вообще можно говорить о душе. Год назад, в 1957 году, он судил Александра Гидони. Так как в начале 1957 года ему казалось, что веянием свыше является снисходительность, то он приговорил Гидони всего к двум годам. Получил выговор за либерализм. Ясно, что теперь он не в мягкости видел линию партии. Да и Определение требовало: бить по головам!

Я с ним сцепился в первый же день. Иру везли в воронке, и по высадке тут же во дворе ее стало тошнить. Я разнервничался. Когда нас вели - еще не наверх, а внизу, сразу по выходе из караульной - Ира на радостях встречи обернулась ко мне (нас вели гуськом) и стала что-то быстро-быстро говорить. Конвоиры раз, два, двадцать велели ей прекратить, а она игнорировала. Тогда один не то ударил ее плашмя штыком, не то штыком отвел ее руку и лицо от меня. И вот, едва я предстал пред лицо Вольняшина, как, придравшись к чему-то вполне пустячному - на уровне того, что он полюбопытствовал, с каким ударением произносится мое имя - я с возмущением пошел бессвязно выкрикивать:

- Вы бы лучше поинтересовались, в каких условиях содержатся ваши подсудимые! Что делается с их здоровьем! Вы-то - сытый жирный боров!

И так далее. Как почти всегда бывает в подобных случаях, я начисто упустил указать главную причину: что Вербловская не переносит запаха бензина, а поэтому, если ее сразу же из воронка будут везти в суд, то нарушат ее реальное право на защиту, так как она в это время находится в полуобморочном состоянии. Но этого я не сказал, словно Вольняшину уже известно это с той же степенью непосредственного видения воочию, как знали мы - подсудимые и конвой - бывшие рядом с воронком, когда ее вытаскивали. Он же, ни слухом, ни духом не ведавший о случившемся с Ирой, ни об Ириной идиосинкразии, да, наверное, и по сей день не полюбопытствовавший разузнать, в чем возят подсудимых (если

только его самого не посадили), недоуменно уставился на меня, а потом тоже стал вопить, призывая к порядку. Итак, когда адвокат заткнул мне глотку, мы с Вольняшиным уже взаимно невзлюбили друг друга.

Второй личный момент в отношениях с судом возник вот из-за чего. Мне, да вроде бы и всем нам, ход судебного следствия был глубоко безразличен. Единственное, чего я ждал, - последнего слова. В ожидании же мы болтали о том и о сем, не обращая внимания на проформу суда. Ни малейшей попытки самому записывать ход судопроизводства я не предпринимал, в отличие от первого процесса. Зато, читав незадолго до того Вальтера Скотта, я в суде написал одно из его стихотворений по-английски, а рядом - свой перевод в стихах. Стихотворение не того типа, что процитированное в §1, а невинное, вроде: "На поля пал туман, ах уж этот обман, все любовный туман, неужели ж обман?" Конвойный углядел, как я передавал записку Ире (которой на сей раз не позволили сесть рядышком). Налетел, отнял и торжествующе вручил председательствующему "контрреволюционную заговорщическую переписку". Вольняшин прочел и, естественно, возмутился теми негодяями, ради решения судьбы которых собрались три серьезных занятых человека, облеченных доверием государства, а те, словно нерадивые студенты на скучной лекции, обмениваются любовными записочками, вполне игнорируя облеченных.

Вербловскую, а через нее и нас всех, настроил против Вольняшина его кажущийся антисемитизм. Во время допроса свидетеля Шрифтейлик та произнесла, что Вербловская была ее подругой, на что Вольняшин отреагировал странно:

- А кто Вербловская по национальности?

Мы оторопели. Ира, которая лицом выглядит еврейкой, а по паспорту - русская (ибо родилась тогда, когда мечталось "без Россий, без Латвий жить единым человечьим общежитием"), всегда была чувствительна к таким "разоблачениям" и подумала, что Вольняшин антисемит и надумал "уличить" ее. Разумеется, Виля возмущенно фыркнула:

- А какое это имеет значение?

- Отвечайте на вопрос суда, а не задавайте вопросов суду, свидетель!

- Не знаю!

- Так какая же Вы ей подруга в таком случае?! - уличил ее Вольняшин. Он тщился доказать, что Виля прятала чемодан не как подруга, а как сообщница по организации. Ведь подруга непременно знала бы национальность, как же без установлении таковой дружить?.. Кроме того, перередактирование анкетной части в определении (где всем была дописана национальность, упущенная приговором) он воспринял, само собой, как требование установить в суде национальности подсудимых. В его приговоре национальность каждого указана[5].

Когда Райхман задал мне вопрос о моих взглядах (об этом я по его же вопросу на первом разбирательстве говорил несколько часов

[5] Íà ìîé âçãëÿä, óêàçûâàòü íàöèîíàëüíîñòü - â ïðèãîâîðå, â ïàñïîðòå ëè - ñîâåðøàòü çàïðåùàåìóþ çàêîíîì äèñêðèìèíàöèþ ïî íàöèîíàëüíîìó ïðèçíàêó. Åäèíñòâåííî, ÷òî ìîæåò, íàïðèìåð, îïðàâäàòü óïîìèíàíèå â ïðèãîâîðå íàöèîíàëüíîñòè "÷óâàø", ýòî ïîìåòêà: "Ïîäñóäèìîìó áûë ïðåäëîæåí ïðåäâîä÷èê ñ ÷óâàøñêîãî, íî îí îòêàçàëñÿ (èëè, íàïðîòèâ, ïîòðåáîâàë).

подряд), Вольняшин отвел вопрос и в дальнейшем запрещал мне излагать мои взгляды, ибо, как он ханжески объяснял:

- Вас судят не за взгляды, а за действия. Ваши взгляды суд не интересуют[6].

Свидетели держались скучнее, поблеклее, безличнее первого раза. Чаще отговаривались запамятованием обстоятельств, имевших место год с лишним назад. Но некоторые - например, Зубер с Дубровичем - не говоря уже об Орловском, не утратили боевого задора. С Дубровичем связан такой эпизод. После того, как он в приподнятых выражениях описал суду, как он, Дубрович, вовлекал подсудимого Пименова в борьбу со всем на свете, Вольняшин, безуспешно попытавшись сбить свидетеля с избранных им позиций, завершающе рявкнул:

- Ладно. Уходите отсюда. Нечего здесь делать несовершеннолетнему.

Тогда тихо поднялся я и, не успел еще Никита дойти до дверей, внес

"ходатайство об оставлении свидетеля Дубровича в зале суда, ибо в связи с допросом таких-то и таких-то свидетелей мне предстоит задать свидетелю еще некоторые вопросы."

Вольняшин растерялся: нарушать УПК, бывший на моей стороне, ему не хотелось. Но кому приятно брать назад собственное приказание как ошибочное? Он вывернулся:

- Ладно, пусть сейчас идет домой, а завтра приходит. Этих Ваших свидетелей мы будем завтра допрашивать.

Но потом попыток выгнать кого-нибудь из зала не предпринимал.

Народу в зале было неизмеримо меньше. Хотя Райхман по-прежнему затребовал судебного психиатра Случевского (я с улыбкой извинился перед ним, что его приходится теребить по нескольку раз), тот заявился без "шешнадцати ассистентов". Так что в зале присутствовали одни лишь свидетели. И их было меньше: большее число их, нежели в первый раз, предпочли вовсе не явиться. В коридорах по-прежнему устраивали нам демонстрации сочувствия, но они утратили элемент новизны и - оставаясь приятными - не так щекотали душу, как прежде. Да толпилось в коридорах народу поменьше - им тоже приелось. Защитники у нас сохранились прежние, только у Вайля вместо Зеркина был назначен Кравец. Совсем новым лицом в зал суда явился Шанин, которого Шафир вызвал свидетелем в пользу Заславского.

В понедельник допрашивали последним свидетеля защиты Орловского. Дав показания, он сел в зале и стал записывать происходящее. Тут перед концом судебного следствия обнаружилось, что свидетель Корбут, не явившийся вовремя, все-

---

[6] Ïî-âèäèìîìó, çàïðåùåíèå ãîâîðèòü î ïîëèòè÷åñêèõ âçãëÿäàõ ïðè îáâèíåíèè ïî ñò.58-10 (ëëè 70) íåçàêîííî. Âåäü "àíòèñîâåòñêàÿ àãèòàöèÿ ñîâåðøàåòñÿ ñ ïðÿìûì óìûñëîì è ñî ñïåöèàëüíîé öåëüþ ïîäðûâà", "âèíîâíûé ñîçíàåò, ÷òî ðàñïðîñòðàíÿåò àíòèñîâåòñêèå èäåè è âçãëÿäû", - êîììåíòèðóþ ó÷åíûå. Ïîýòîìó âîïðîñ î ÂÇÃËßÄÀÕ ïîäñóäèìîãî äîëæåí áûòü êðàéíå ñóùåñòâåí äëÿ ñóäà â äàííîì ñëó÷àå. Âîò ïðè îáâèíåíèè ïî ñò.190-1, äåéñòâèòåëüíî, âçãëÿä íå ñóùåñòâåííû. Íî ÿ òîãäà òàê óñòàë, ÷òî äàæå ýòîò ïðîñòåéøèé âîâñ íå ïðèøåë ìíå íà óì â çàëå ñóäà. Íå ñîãëàñåí, ÷òî ðàç Ìîñêàëåíêî âìåíÿåò ìíå "èçëîæåíèå ñ àíòèñîâåòñêèõ ïîçèöèé", òî ñóä îáÿçàí âûñëóøàòü ìîè îáúÿñíåíèÿ ìîåé ïîçèöèè!

таки пришел, и суд допросил этого свидетеля обвинения. Как мною принято, в нижевоспроизводимой записи я не стану отмечать, а тем более исправлять тех мест, где персонажи протокола говорят заведомую неправду. Потому ли, что персонаж - адвокаты, наспех перевирающие обстоятельства дела, потому ли, что персонажи - судьи, которые отродясь истиной не интересовались, потому ли, что персонажи - подсудимые, которым надобно защищаться, потому ли, что персонажи - свидетели, которые вот, как математик Корбут ниже, заверяют, якобы не знают слова "тетраэдр"...

"ПСИХИАТР дает свое заключение суду.

ПИМЕНОВ. Я хочу дать разъяснение в связи с одним вопросом защиты: одно из оснований помещения меня в психбольницу, как видно из т.8 листа примерно 50, состояло в том, что при мне было найдено переписанное от руки произведение Горького с резолюцией врачей: "Найдено воззвание к товарищам с бессвязными и т.д." Вторая причина - требования комсомольских работников. В истории болезни написано, что врачи взяли с меня обещание восстановиться в ВЛКСМ.

КОРБУТ. Я познакомился с Пименовым в сентябре или в октябре 1956. Посещал два раза собрания, где Пименов делал доклад о Гапоне, а потом бывал реже.

ВОЛЬНЯШИН. Видели ли Вы венгерские тезисы?

КОРБУТ. 8 ноября он читал тезисы. А с окончательным текстом меня познакомил следователь. Основная мысль этих тезисов была: наши войска были неправомочны вмешиваться в ход событий в Венгрии, ибо это - внутреннее дело венгерского народа.

ВОЛЬНЯШИН. Прошлый раз Вы много раз уличались зачтением Ваших показаний на предварительном следствии. Что, повторить эту процедуру опять? Говорите правду. Давал ли Вам Пименов какие-либо свои рукописи?

КОРБУТ. Нет, он давал мне две машинописи: перевод речи Тито в Пуле и свою статью о соцреализме.

ВОЛЬНЯШИН. А что это были за разговоры о "полной демократизации"?

КОРБУТ. В связи с речью Хрущева многие стали говорить, что еще не изжиты недостатки и злоупотребления периода культа личности.

ВОЛЬНЯШИН. Не увиливайте. Вот я Вам зачитываю отрывок из Ваших собственных показаний:

"Пименов говорил, что Советы не являются верховным органом власти, чем они должны быть по конституции."

Говорил или нет это Пименов?

КОРБУТ. За точность не ручаюсь. Идея была такова: в основном у нас управление идет со стороны партии, а Советы не являются полноправными органами управления.

ВОЛЬНЯШИН. Кто спорил с Пименовым?

КОРБУТ. Когда?

ВОЛЬНЯШИН. На сборищах. Вы ведь участвовали в сборищах и на квартире Кудровой?

КОРБУТ. Нет, с Кудровой я познакомился только в суде.

РОНЖИН. Предлагал ли Вам Пименов участвовать в составлении антисоветской листовки и что он в этой связи говорил?

КОРБУТ. Пименов говорил, что есть документ, с которым было бы целесообразно ознакомить широкие массы.

РОНЖИН. А что же это был за документ?

КОРБУТ. Кажется, там проводилась мысль, на которую обратил внимание товарищ председательствующий.

РОНЖИН. Кто из подсудимых при этом присутствовал?

КОРБУТ. Кажется, никто.

КУГЕЛЬ. Зачем Вы пришли 8 ноября 1956 в квартиру Вербловской?

КОРБУТ. Трудно сказать. Приглашал Пименов. Говорит - праздник все-таки, приходи.

КУГЕЛЬ. Рассматривали ли Вы это приглашение как явку на собрание членов организации?

КОРБУТ. Для этого не было никаких оснований. Собрались друзья за чашкой чая.

КУГЕЛЬ. А что вы все при этом делали?

КОРБУТ. Разговаривали на разные темы. Пили.

КУГЕЛЬ. Что был за скандал?

КОРБУТ. Не хотелось бы говорить об этом. Вербловская заявила, что ей надоели истерики Пименова, и чтобы при ней не собирались никто. Дело в том, что кто-то неудачно пошутил, Пименов обиделся на шутку и сказал, что так трепаться можно в любом другом месте.

КУГЕЛЬ. Вы разговаривали о нелегальной деятельности с Вербловской?

КОРБУТ. Нет, разговор был с Пименовым, который просил не передавать этого разговора Вербловской.

КУГЕЛЬ. О чем был этот разговор?

КОРБУТ. Разговор был о том документе, о котором спросил прокурор. В этом документе должен был содержаться ряд критических замечаний о нашей системе выборов. Говорилось также о том, чтобы сделать наши встречи более регулярными, обмениваться информацией. Конечно, достоверной. Размножать документы, которые трудно достать. Пименов специально подчеркивал мне, что Зубер-Яникун это все можно говорить, а Вербловской - нельзя.

КУГЕЛЬ. А о "тетраэдрах" шла речь?

КОРБУТ. Я такого слова не знаю.

КУГЕЛЬ. Подсудимый Пименов, с кем Вы разговаривали о "тетраэдрах"?

ПИМЕНОВ. О "тетраэдрах" разговор велся с Заславским и Зубер-Яникун. Корбут при этом не присутствовал.

ШАФИР. Часто ли Вы встречались с Заславским на квартире Пименова?

КОРБУТ. Далеко не всякий раз. В известный период я бывал даже чаще Заславского.

ШАФИР. А точнее, сколько раз?

КОРБУТ. Определенно помню три встречи: 8 ноября и два раза в январе, когда речь шла о Гапоне.

ШАФИР. Что говорил Заславский 8 ноября?

КОРБУТ. По некоторым пунктам тезисов Пименова Заславский возражал Пименову, но по каким именно, точно не помню.

ШАФИР. На предварительном следствии Вы говорили:

"По словам Заславского, в справедливое движение венгерского народа влилась волна реакции". Вы подтверждаете свои показания?

КОРБУТ. Да. Заславский указывал на односторонность Пименова. Он настаивал, что надо различать народ и реакционеров.

ШАФИР. Точка зрения Заславского на венгерские события была ближе к точке зрения Пименова или к точке зрения советской печати?

КОРБУТ. Он не разделял точку зрения Пименова. Точки зрения советской печати тогда еще не было, так что мне трудно сказать. Но я подтверждаю свои показания на предварительном следствии.

ШАФИР. А какие высказывания Заславского в январе Вы помните?

КОРБУТ. Помню, был разговор о методах борьбы за демократизацию. Заславский последовательно отстаивал точку зрения, что "чистое дело требует чистых рук". Заславский говорил, что надо использовать только легальные методы, т.е. действовать строго в рамках закона.

ШАФИР. Еще какие-нибудь высказывания Вы помните?

КОРБУТ. Мне трудно вспомнить после такого промежутка времени.

ШАФИР. Не знаете ли Вы мнения Заславского о некоторых статьях Пименова?

КОРБУТ. По поводу статьи о соцреализме я знаю достоверно. Тот экземпляр, который я отдал следствию по просьбе следователя, - это экземпляр с правкой Заславского. Правка Заславского была очень большая, и Пименов был не вполне доволен ею. Он сказал: "Ты уж очень там углы посрезал."

ШАФИР. А на следствии Вы не сказали про "срезанные углы." Вы ограничились фразой: "Недоволен был Пименов."

КОРБУТ. Я тогда позабыл.

ШАФИР. Расскажите о последнем периоде перед арестом Заславского.

КОРБУТ. Я стал бывать у Пименова редко. Со слов Зубер-Яникун мне известно, что Заславский был один раз в феврале, а потом, мне кажется, он отошел. Видимо, сыграла роль их идеологическая размолвка. Сыграла роль их беседа в середине февраля в присутствии Зубер-Яникун. Заславскому было предложено участвовать в деятельности по сбору информации, по распространению документов и т.п. Он считал, что это не для него, и отказался.

ШАФИР. Вы сказали на прошлом суде:

"Заславский категорически возражал против чего-либо объединяющего и отмежевался от Пименова."

Вы это подтверждаете?

КОРБУТ. Да.

ШАФИР. Какую роль играл Заславский на январских собраниях на квартире Пименова?

КОРБУТ. Роль его была чисто пассивная.

ШАФИР. Известно ли Вам что-нибудь о каких-либо антисоветских высказываниях Заславского?

КОРБУТ. Ничего.

ВОЛЬНЯШИН. С какими это недостатками, по словам Заславского, надо было бороться легальным путем?

КОРБУТ. С теми, которые являлись наследием культа личности.

ВОЛЬНЯШИН. Конкретно. Назовите недостатки конкретно.

КОРБУТ. Например, со злоупотреблениями некоторых наших органов власти.

ВОЛЬНЯШИН. Свидетель, я требую, чтобы Вы говорили конкретнее. О каких недостатках идет речь? Может быть, Вы называете недостатками наши достижения?

КОРБУТ. Попытаюсь раскрыть содержание слов Заславского, как я их понимал, хотя оговариваюсь, что это мое понимание. Имелось в виду ограничение свободы слова в результате доминирующего положения органов госбезопасности.

ВОЛЬНЯШИН. Ну, и как намечалось с этим, т.е. с госбезопасностью, бороться?

КОРБУТ. Ну, это пройденный этап. Гегемония органов госбезопасности ликвидирована партией в 1953. Речь шла о том, чтобы бороться, чтобы это не повторилось.

ВОЛЬНЯШИН. Вы что-то темните. О каких еще "недостатках" говорилось?

КОРБУТ. Говорилось, что в печати недостаточно подается информация о политической жизни внутри страны и за рубежом. Советы не полностью используют все права, которые дает им конституция.

ВОЛЬНЯШИН. Это все общие слова. Их можно принимать и так и этак. А Вы не уклоняйтесь от ответа на вопрос и говорите конкретно.

КОРБУТ. Говорилось лишь вообще, я так и передаю. О конкретных фактах разговоров не было.

ВОЛЬНЯШИН. Но ведь к этому призывает и партия. Зачем же вам было и с кем вести легальную борьбу?

КОРБУТ. Мы и хотели помогать партии в этой борьбе. Есть крупные сдвиги по сравнению с 1953 годом. Но процесс демократизации не везде в стране идет достаточно быстро. В этом движении за демократизацию должны ведь участвовать все, мы так и понимали.

РАЙХМАН. У меня в связи с показаниями свидетеля Корбута есть вопрос к подсудимому Пименову: как у Вас стоял вопрос о борьбе с недостатками, о борьбе за демократизацию?

ПИМЕНОВ. Мы думали так...

ВОЛЬНЯШИН. Подождите отвечать. Сначала закончим допрос свидетеля. У кого еще есть вопросы к свидетелю Корбуту?

КУГЕЛЬ. Как Пименов относился к социализму и капитализму?

КОРБУТ. Пименов считал, что социализм - это лучший общественный строй. Он имел в виду освободить социализм от тех наслоений, которые для социализма случайны. Но Пименов и никто из присутствующих никогда не говорили о реставрации капитализма.

КУГЕЛЬ. Слышали ли Вы от Вербловской какие-либо антисоветские высказывания? Или хотя бы высказывания против официальной точки зрения?

КОРБУТ. Никаких антисоветских высказываний или чего подобного не слышал.

ЗАСЛАВСКИЙ. Вы подробно изложили вопросы, связанные с ролью советов, партии, органов госбезопасности. Это - ваше изложение или Вы передаете мои собственные слова?

КОРБУТ. Точно я не знаю, но насколько я слышал, это примерное изложение взглядов Заславского.

ПИМЕНОВ. Так вот, по вопросу о демократизации мы думали так. Примерно в 1955 я стал чувствовать, что частично наступила оттепель и наступает весна. Основным было то, о чем забыл упомянуть свидетель Орловский, - массовая реабилитация. Я стал поговаривать, что "правительство идет впереди народа." Это означало, что правительство делало в тот период много хорошего, но на местах на эти хорошие шаги косились, потому что они мешали жить по-старому. Недостаточно ведь принять хорошее решение наверху; исполнение зависит от исполнителей, т.е. от народа. А так может получиться: в 1955 примут хорошее решение, а в 1960 - плохое. А народ будет безмолвствовать и в 1955, и в 1960... Кажется, это в Послесловии к речи Хрущева я сказал, что в ежовщине повинен не столько Ежов, Сталин или Берия, а сам народ, который терпел эту ежовщину и сам в ней участвовал. Поэтому я считал, что нужно бороться не с официальной линией, а с перестраховщиками, как бы их ни назвать. Нужно, чтобы писатели не держались в пределах "Краткого курса" или даже любого самого полного курса, а говорили то, что думают. Нужно, чтобы редакторы проявляли больше терпимости, помещали и статьи, не совпадающие с точкой зрения редактора. Вот, например, в журнале "Вопросы Истории" была максимальная свобода, я тогда больше и не считал нужным. А в оппонирующих журналах "Партийная жизнь" или "Коммунист" были одни лишь окрики. Те извращения, которые можно было устранить указом или инструкцией, были устранены. Но остались извращения, зависящие от навыков работы. Остались конъюнктурность, которую невозможно устранить инструкцией. Ведь, грубо говоря, всякий строй управления состоит из двух частей: конституционные, законные основы управления плюс практика, навыки управления. Так вот, во второй части очень распространены навыки, выраженные пословицей: "Закон что дышло, куда повернешь, туда и вышло". Полностью признавая конституционные основы советского строя, мы говорили о необходимости борьбы с "порядками", сложившимися во второй части; причем речь шла о борьбе в строгих рамках законности. По крайней мере, до 22 декабря я считал и говорил всем, что именно с этим надо в первую очередь бороться.

О советах. Сейчас всем известно, что группа Молотова - Маленкова препятствовала расширению прав местных советов. А вот в нашей подготовлявшейся листовке речь шла как раз о возвращении советам все полноты власти. Тогда это имело смысл и, как теперь видно, было направлено лишь против небольшой группы в ЦК.

РАЙХМАН. Была ли у вас общая программа? В обвинительном заключении сказано, что у вашей организации была программа, которую Вы передали Вайлю. Передавали ли Вы его программу?

ПИМЕНОВ. Об этом смешно говорить. Я знаю, что такое программа, чем она должна быть. Ведь я изучал программы всех исторически существовавших в России партий. Ничего подобного у нас не было. Неверно, будто я дал Вайлю программу, как и то, будто он дал мне черновики программы, как утверждалось на предварительном следствии. Единственный листок, о котором идет речь - это лозунг "Земля - крестьянам, фабрики - рабочим, культура -

интеллигенции". Плюс 10 пунктов, уточнявших и развивавших эти лозунги. Это были наброски, заметки, о чем поговорить, обсудить. Но я опоздал к поезду и просто отдал листок Вайлю без обсуждения. Потом и забыл про него. Этот обрывок бумажки нашли у Вайля при обыске. Мы на очной ставке с Вайлем вдвоем долго припоминали все обстоятельства появления этого листка. Во всяком случае он никогда не рассматривался даже как набросок программы.

РАЙХМАН. Являлось ли содержание этого листка контрреволюционным?

ПИМЕНОВ. Нет, хотя бы потому, что под лозунгом "Земля - крестьянам, фабрики - рабочим" произошла Октябрьская революция. Я не согласен с прозвучавшей в прошлом суде шуткой, будто бы этот лозунг годится лишь для "Общества сумасшедших на свободе". Этот лозунг лучше всего показывает, что я не выступал против завоеваний социализма. Вот в прошлый раз зачитывался отрывок из моего дневника: "Для меня образ капитализма - это фильм "Рим в 11 часов"." И в данном случае имелось в виду, что фабриками полезнее управлять через рабочие советы. В сельском хозяйстве разумнее, чтобы председателя не присылали откуда-то в колхоз, а чтобы выбирался орган, который ведет экономическое управление.

ВОЛЬНЯШИН. Нам Ваши взгляды неинтересны, можете их не излагать.

РАЙХМАН. Откуда Вы позаимствовали эти идеи?

ВОЛЬНЯШИН. Вопрос отводится как несущественный.

ПИМЕНОВ. Из югославских, но не только, а отчасти из китайских газет.

РАЙХМАН. Вы отрицали необходимость принципа партийности при изучении истории?

ПИМЕНОВ. Да. Об этом написано в предисловии к моим пьесам. Тезис Ленина о партийности в литературе был совершенно правильным, покамест существовали антагонистические классы и выражавшие их интересы политические партии. А сейчас тезис Ленина о партийности потерял буквально всякий смысл. Что, разве писатель должен быть, скажем, за рабочий класс ПРОТИВ интеллигенции? За время культа личности лозунг "партийность литературы и науки" стал пониматься не как требование встать на защиту определенного класса, а как требование к литератору и ученому в большом и малом подчиняться решениям партийных органов, что совершенно не вкладывалось Лениным в первоначальное требование "партийности". Такое подчинение привело литературу в малом к коррупции, подлаживанию к вкусам соответствующего партийного секретаря, а в большом - например, к печальной памяти постановлениям о музыке, принятым ЦК по требованию Сталина...[7]

ВОЛЬНЯШИН. Прекратите! Нас не интересуют Ваши мнения!

---

[7] Ïîñòàíîâëåíèå ÖÊ 1948 ãîäà î Øîñòàêîâè÷å áûëî îòìåíåíî ïîñòàíîâëåíèåì æå ÖÊ â ìàå 1958 ãîäà - ÷åðåç òðè ìåñÿöà ïîñëå îáñóæäåíèÿ Âîëüíÿøèíà. Çàìå÷ó, ÷òî è â ïðåäïðåäøåñòâîâàâøåé ðåïëèêå îí ñîâåðøàåò ïðîòèâîïîñòàâíå äåÿíèå. Áåäü â ïðèãîâîðå è â ïîñëåäíèå â íåêîòîðûõ ñëó÷àÿõ ÎÒÌÅ×ÀÞÒÑß èñòî÷íèêè àíòèñîâåòñêèõ óáåæäåíèé ïîäñóäèìûõ. Ñëåäîâàòåëüíî, ñóä ñ÷èòàò ñóùåñòâåííûì "èñòî÷íèê èäåé" ïîäñóäèìûõ. Îòâîäèòü ýòî âîïðîñ êàê íåñóùåñòâåííûé ñóäüÿ íå èìåò ïðàâà, åñëè ñóä èíòåðåñóåòñÿ" îòâîäèòñÿ â çàðîäûøå, èõ ïðèãîâîðû ïîä÷èíåíû ïðîïàãàíäèñòñêîìó çàäà÷è, à íå öåëÿì ïðàâîñóäèÿ.

РАЙХМАН. Вы хотите сказать, что партия не должна руководить литературой?

ПИМЕНОВ. Нет, я хочу сказать...

ВОЛЬНЯШИН. Суд отводит все эти вопросы как несущественные. Подсудимый Пименов, садитесь.

КРАВЕЦ. Вы сказали - в ответ на вопрос председательствующего, - что не совсем согласны с некоторыми положениями марксизма[8]. А согласны ли Вы с учением Ленина в части диктатуры пролетариата и с учением Ленина о Советах?

ПИМЕНОВ. Я не разделяю учения Маркса о преобладающем значении классовой борьбы. Этим определяется мое отношение к учению о диктатуре того или иного класса против других. Учение Ленина о Советах я вполне принимаю и всегда разделял, особенно в той части, где говорится, об участии масс в управлении государством. Как это было при Ленине.

ВОЛЬНЯШИН. Что Вы тут говорите о согласии с Лениным?! Вы же сами признавали, что Вы стоите на антимарксистских позициях!

ПИМЕНОВ. Я говорил тогда, что я придаю большее значение личным качествам исторических деятелей, нежели так называемой "расстановке классовых сил". Я предпочитал бы термин не "антимарксистские", а "немарксистские", ибо кое-что я и от марксизма принимаю. Но, по-моему, личные качества Желябова более важны...

ВОЛЬНЯШИН. Довольно. Товарищ прокурор, есть у Вас дополнительные вопросы к подсудимым?

РОНЖИН. Подсудимая Вербловская! Вы составляли опись антисоветских произведений Пименова; среди них была и такая статья, как "венгерские тезисы", содержание которой Вам было известно из ее обсуждения 8 ноября. Значит, Вы знали, ЧТО прятали в чемодане, отданном Вами на хранение Шрифтейлик?

ВЕРБЛОВСКАЯ. "Венгерские тезисы" я впервые увидела в машинописном варианте только у следователя. До того я видела лишь первоначальный набросок, который едва ли внимательно прочла. На "обсуждении" 8 ноября я не присутствовала. Я была у себя дома, принимала гостей, уходила на кухню и не имела цельного представления, что там говорится. 3 июля мне предъявили опись из 55 названий предметов, находившихся в чемодане. Там большинство совершенно некриминальные предметы, например, томик Ницше, который следствие давно вернуло матери Пименова. Опись, правда, я составляла в январе, но не сама, а писала под диктовку Пименова, так что не вдумывалась, что к чему. Вообще, я не помнила, что находится в этом чемодане до 3 июля. У меня не было ни малейших намерений укрывать антисоветские рукописи Пименова. О каком "укрывательстве" могла идти речь, если я из копии протокола обыска знала уже 26 марта, что у Пименова изъяты "Венгерские тезисы"?! Стала бы я прятать их от следствия 28 марта!

---

[8] Íàêàíóíå, â ñóääîó, ÿ äàë òàêîé îòâåò íà âîïðîñ, êàê îòíîøóñü ê ìàðêñèçìó: "Ëåíèí â ñâîå âðåìÿ äîâîðèë, ÷òî ó ìàðêñèçìà åñòü òðè èñòî÷íèêà, òðè ñîñòàâíûå ÷àñòè: ñîöèàëèçì, äèàëåêòè÷åñêàÿ ìàòåðèàëèñòè÷åñêàÿ ôèëîñîôèÿ è ïîëèòýêîíîìèÿ. Òàê âîò, ÿ âñåãäà áûë çà ñîöèàëèçì êàê ñòðåìëåíèå ê ñïðàâåäëèâîñòè. Ëþáèë è ëþáëþ äèàëåêòèêó. Íî ýêîíîìè÷åñêîå ó÷åíèå ìàðêñèçìà ÿ ñ÷èòàþ áåçíàäåæíî óñòàðåâøèì. Ìíå áëèæå è ïîíÿòíåå ìàòåìàòè÷åñêàÿ ýêîíîìèêà, íåæåëè ó÷åíèå î êëàññàõ è î ïðèáàâî÷íîé ñòîèìîñòè, äà è âîîáùå î ñòîèìîñòè ïî Ìàðêñó". Ñì. òàêæå §11 è §13 äàëåå.

РАЙХМАН. Прошу приобщить к делу характеристики на подсудимого Пименова, написанные член-корреспондентом АН СССР ректором ЛГУ А.Д.Александровым, кандидатом физико-математических наук доцентом Ю.Ф.Борисовым и кандидатом физико-математических наук В.А.Залгаллером. В этих характеристиках речь идет о научном значении работ Пименова.

ВОЛЬНЯШИН. У товарища прокурора нет возражений?

РОНЖИН. Нет, обвинение не возражает против приобщения к делу отзывов и характеристик на работы подсудимого Пименова.

ВОЛЬНЯШИН. Ходатайство защиты удовлетворяется.

РАЙХМАН. Прошу приобщить к делу ответ из редакции журнала "Вопросы Истории" подсудимому Пименову по поводу посылавшейся им статьи о Гапоне. В ответе ни слова не сказано о неправильности концепции статьи Пименова, но указано, что тема о Гапоне должна быть написана в рамках более широкой тематики.

ПРОКУРОР не возражает и СУД приобщает письмо.

РАЙХМАН. Прошу приобщить ответ из "Комсомольской правды" подсудимому Пименову о той же статье о Гапоне. В ответе не содержится никакой критики этой статьи, а говорится, что статья Пименова пересылается редакцией в Музей Революции.

ПРОКУРОР не возражает и СУД приобщает письмо.

РАЙХМАН. Приглашаю обозреть приглашение Пименову Р.И. от Астрономического Совета и Комиссии по космогонии АН СССР на всесоюзное совещание по космогонии в июле 1957 года в Москве, датированное маем 1957 года.

СУДЬИ и ПРОКУРОР обозревают, возвращая АДВОКАТУ.

ШАФИР. Прошу обозреть книгу Джон Рида "10 дней, которые потрясли мир", издания 1957, в связи с тем, что государственным обвинителем снова утверждалось, что по поручению Заславского и Пименова Машьянова распространяла "книгу Джон Рида и тому подобную запрещенную литературу".

СУДЬИ и ПРОКУРОР обозревают, возвращая книгу АДВОКАТУ.

ВОЛЬНЯШИН. Вы мне дадите эту книгу?

ШАФИР. С возвратом!

Прерву протокол. Вот та капля, в которой отразилась разница между прежним судьей Мироновым и Вольняшиным. Когда на первом процессе Райхман и Шафир внесли ходатайство о приобщении хвалебных отзывов о Джон Риде из "Литературной газеты" от начала 1957 года, Миронов возмущенно вскричал:

- Что вы мне суете мнения каких-то газет! Да я Джон Рида читал, когда Пименов еще не родился, и не "Литературке" меня убеждать в том, что это не антисоветская книга!

Вольняшин же увидел сию книгу впервые в руках у адвоката Шафира и тут же, в нарушение судебного регламента, обратился к тому с приватной просьбой дать почитать. Но возвращаюсь к прерванному Шафиру:

"ШАФИР. Прошу разрешить мне ссылаться на показания свидетеля Кудрявцева, помещенные в т.9 дела, ввиду того, что свидетель не явился на суд.

ПРОКУРОР не возражает и СУД разрешает.

ШАФИР. Прошу суд и государственное обвинение обратить внимание на научные характеристики подсудимого Заславского.

ОБРАЩАЮТ ВНИМАНИЕ.

Прошу обратить внимание на акт судебно-психиатрической экспертизы подсудимого Заславского, в котором указано на возможность заболевания Заславского туберкулезом.

ОБРАЩАЮТ ВНИМАНИЕ.

Прошу обратить внимание на имеющееся в деле письмо доктора физико-математических наук Н.А.Шанина о значении Заславского И.Д. для отечественной науки.

ОБРАЩАЮТ ВНИМАНИЕ.

КРАВЕЦ. Подсудимый Вайль, Вам вменяется в вину 8 эпизодов. Какие из них относятся ко времени Вашего совершеннолетия?

ВАЙЛЬ. Поездка в Новгород, во время которой я не застал того, с кем хотел встретиться, и безрезультатно вернулся. Разговор с Пименовым относительно листовки для десятиклассников, к которой ни я, ни Пименов не приступали[9].

ЛИВШИЦ. А Вы, Данилов, в Курске тоже занимались теоретическими изысканиями?

ДАНИЛОВ. Не с кем было. После 1955 я фактически ни с кем не встречался.

ЛИВШИЦ. Подсудимый Вайль показал: "Я намекал Данилову, что в Ленинграде есть организация, хотя на самом деле ее не было." Насколько реально делался Вам этот намек?

ДАНИЛОВ. Я не помню.

КУГЕЛЬ. Вербловская, когда Вами составлялась опись содержимого чемодана?

ВЕРБЛОВСКАЯ. В первой половине января. После ноября месяца, т.е. после выступления Пименова на обсуждении Дудинцева, многие говорили, что его могут арестовать, и я этому верила, хотя на самом деле это выступление не давало к тому никаких оснований и даже не инкриминируется сейчас. Звонили даже разные мои родственники и спрашивали: "Как? Ничего с ним? Не арестовали?"

КУГЕЛЬ. А почему так думали?

ВЕРБЛОВСКАЯ. Потому что в выступлении Пименова содержался личный выпад против ректора, и выступление вызвало широкую реакцию.

КУГЕЛЬ. А что из рукописей в чемодане Вы видели?

ВЕРБЛОВСКАЯ. Я видела ранее первую страницу рукописи, а полный текст, уже машинописный, увидала только на следствии.

КУГЕЛЬ. Прошу обозреть опись бумаг, изъятых у Шрифтейлик, и убедиться, что инкриминируются Пименову только "венгерские тезисы".

ВОЛЬНЯШИН. Ну, это Вы уже говорили. У Вас все?

КУГЕЛЬ. Прошу разрешить мне ссылаться на служебные характеристики на подсудимую Вербловскую, в которых сказано, что никаких идеологических отклонений на уроках она не допускала.

---

[9] Íàïîìíþ, ÷òî îáà ýòè "ýïèçîäà" - è êàæäûé "÷åðåç íàìåðåíèå", "÷åðåç ïðèãîòîâëåíèå" - ðàññêàçàë ñàì Âàéëü, íå áóäó÷è ïðèíóæäåí íèêàêèì óëèêàìè è íè÷üèì ïîêàçàíèÿìè. Íà î÷íîé ñòàâêå îí äîãîâîðèâàë ìåíÿ ïîäòâåðäèòü áåñåäó î ëèñòîâêå. Ïîâåðèâ âðàíüþ ñëåäîâàòåëþ, áóäòî áû "ïîëíîå ïðèçíàíèå îáëåã÷àåò ñóäüáó". À íå ïîâåðü îí èì, óíîë÷è - è âñå èíêðèìèíèðóåìûå ýïèçîäû ñêàòèëèñü áû â ïîðó åãî íåñîâåðøåííîëåòèÿ. Íîë-òî ýòî ïîíèìàëè, èì æèçíåííî âàæíî áûëî èìåòü õîòü ÷òî-òî íà ñîâåðøåííîëåòíåãî Âàéëÿ - äàáû ïðåñòóïëåíèå áûëî äëÿùèìñÿ!

ПРОКУРОР не возражает и СУД разрешает.

КУГЕЛЬ. Прошу удостовериться, что послесловие к речи Хрущева следует непосредственно сразу после основного текста и ничем не выделено.

УДОСТОВЕРЯЮТСЯ.

ВОЛЬНЯШИН. Желает ли кто из подсудимых дать дополнения к своим объяснениям в суде?

ПИМЕНОВ. Прежде всего, по поводу моего разговора с Вишняковым и Вайлем о проекте листовок "К десятиклассникам". Опубликован проект закона, согласно которому в ВУЗы будут приниматься лица только с трудовым стажем. Я считал, что для теоретиков - например, математиков или историков - такой стаж не полезен. Проект закона создавал угрозу для теоретических наук. Ну, для инженеров, может быть, трудовой стаж еще имеет смысл. Я считал, что в порядке всенародного обсуждения надо возражать против этого проекта закона. Мой собеседник - не помню, был ли то Вишняков или Вайль - настаивал на другом: материальное положение учащихся хуже, чем трудящихся. Поэтому, если будет принят закон о трудовом стаже, то при переходе с работы на учебу будет ухудшаться материальное положение, что отпугнет многих от учебы. Говорилось, что в листовке надо разъяснить это.

Далее, я хотел бы связно изложить историю возникновения "Правды о Венгрии", ибо на прошлом процессе в речи прокурора Демидова в этом вопросе возникла путаница. Я показал тезисы Шейнису, Кудровой и др. Эти "Венгерские тезисы" были написаны мною под горячую руку, очень резко. Орловский, например, на своем экземпляре, будучи недоволен моей резкостью, написал: "Ну и терминология!" Шейнис также ругал их за это и выдвинул идею написать чисто фактические тезисы, не содержащие оценок. Когда он написал свою фактологию, контртезисы, они с этим пришли к нам и обсуждали. Так что в присутствии Вербловской обсуждались исключительно хронология событий и т.п. вещи, не содержавшие в себе никаких оценок не за, ни против. Но уже потом, видимо, Шейнису, показалось одних фактов недостаточно, и он соединил свои факты с моими "венгерскими тезисами", и получились выпады против советского правительства и венгерской компартии. А потом я еще добавил. Таким образом, для своего оправдания Вербловской и не нужно было прибегать к цитатам из Ленина, ибо она и не участвовала в обсуждении текста с оценками.

Хочу сделать фактическую справку: судя по обвинительному заключению, можно подумать, будто речь Хрущева и чемодан были переданы Левиной одновременно. На самом деле речь Хрущева мы с Вербловской снесли 16 мая 1956, сразу после звонка Рохлина. Чемодан же мы отнесли около 20 июня, примерно за неделю до отъезда на математический съезд. В этом чемодане - около 33 названий. Из них инкриминируется лишь то, что связано с перепиской с отцом, кажется, всего три вещи.

Наконец, прошу удостовериться, что в т.8 имеется заверенная следователем цитата из Ленина, которую сначала хотели вменить мне в связи с разговором с Кузнецовым, а потом говорили, будто я выдумал сам эти слова и приписал Ленину.

ВЕРБЛОВСКАЯ. Из чемодана, хранившегося у Левиной, Пименову ничего не инкриминируется. Он ошибся, говоря, будто

содержимое приобщено к делу. Об этом содержимом ничего не говорилось ни в прошлом приговоре, ни в протесте прокурора, ни в определении Верховного Суда. Этот эпизод просто не упоминается.

ЗАСЛАВСКИЙ. Хочу обратить, что беловой текст моей статьи о речи Хрущева - это как раз лишь мои возражения на пименовское послесловие к речи Хрущева. И как раз это мне не инкриминируется. Все же остальные мои "статьи" - черновики, записи мимолетных мыслей. А за мысли, насколько мне представляется, у нас не судят.

ВАЙЛЬ. В связи с показаниями не явившегося на суд свидетеля Кудрявцева я хочу сказать, что я Кудрявцеву ничего не поручал говорить на четвертом собрании. Он выступал сам от себя. Поэтому я не совсем понимаю, что он имеет в виду.

Еще хочу задать вопрос свидетелю Адамацкому: Помните, как Вы советовали мне порвать с Пименовым, а я сказал, что мне не хочется, потому что я получаю от него интересную литературу и перечислил: речь Тито, выступление Карделя, интервью Тольятти?

АДАМАЦКИЙ. Да помню.

КРАВЕЦ. А почему Вы советовали ему порвать с Пименовым?

АДАМАЦКИЙ. Я человек осторожный, да и Кокорев отговаривал.

КРАВЕЦ. Вам Вайль когда-нибудь говорил, что мысли Пименова правильны по его мнению?

АДАМАЦКИЙ. Нет, он говорил лишь, что такая литература, вроде названной, полезна для общего развития.

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ ПРОКУРОРА РОНЖИНА

Товарищи судьи!

Подсудимые обвиняются в антисоветской деятельности. Поэтому суд должен подойти к этому делу с особым вниманием. Мое выступление ограничится рамками прежнего приговора и определения Верховного Суда РСФСР.

Протест сводился к следующему:

1) В прежнем приговоре была избрана слишком мягкая мера наказания.

2) Вербловская и Данилов были необоснованно оправданы по обвинению в участии в организации, т.е. по ст.58-11.

Так как протест удовлетворен в Верховном Суде, то я могу требовать повышения наказания всем подсудимым и признания Вербловской и Данилова виновными по ст.58-11. В этой части приговор меня не связывает. Возникает конкретная задача мотивировать обвинение. Суд же должен дать оценку фактам и доказательствам сторон.

В чем виновен каждый из подсудимых?

Пименов, будучи антисоветски настроенным человеком (это видно из его писем к отцу, стихотворений и т.п.), явился организатором антисоветской группировки. Оговорюсь, что документы 1949-53 гг. обвинение ему в вину не вменяет, а привлекает их исключительно для характеристики личности. Пименов говорит, что его деятельность антиправительственная, а не антисоветская. Но мне кажется, что советский строй и его правительство неразрывно связаны, а поэтому признать его различение невозможно.

Ему вменяются:

1. Написание статьи антисоветского содержания "Судьбы Русской Революции" в 1954. Полного текста статьи в материалах дела нет, но есть черновые листы, которые показывают, что она действительно антисоветская. Пименов эту статью распространял.

2. Написание и распространение статьи, являющейся приложением к восстановленному Пименовым, Вербловской и Рохлиным тексту доклада Н.С.Хрущева.

3. Им же написана антисоветская статья в форме тезисов "Венгерская революция". Он также распространял ее среди своих знакомых, устраивал сборища для ее обсуждения.

4. Он же виновен в создании переработанной статьи Шейниса "Правда о Венгрии", носящей сугубо антисоветский характер. Эта статья им не только создана, но распространялась и обсуждалась.

5. Организация сборищ и бесед антисоветского характера в квартире, где обсуждались тезисы. Уже в этом есть элементы организационной антисоветской деятельности.

6. Наиболее яркий признак 58-11 - в организации антисоветской группы в Библиотечном институте с помощью Вайля. Пименов был идейным организатором и вдохновителем всей организации. Он присутствовал на трех собраниях. Там обсуждались не только антисоветские вопросы в узком смысле, но и организационные вопросы. Один из многих примеров: попытка издания листовок, которые по поручению Пименова должен был выпустить Вишняков к 3 марта, но которые не были сделаны лишь потому, что негатив оказался нечетким. Он дал также задание Вайлю ознакомиться с лестницами на улице Халтурина, с которых можно было бы разбрасывать листовки.

7. Он был также инициатором сбора антисоветской клеветнической информации, которую оформлял в своеобразный бюллетень, который давал своим единомышленникам. Он давал Вишнякову, Вайлю и другим задания по сбору такой информации.

8. При поездке Вайля на каникулы в Курск Пименов его благословил на завязывание связей в г.Курске, которые могли бы быть использованы для антисоветской деятельности. С его ведома Вайль ездил в Новгород, чтобы установить связь с Жолудевым, которого Вайль считал антисоветски настроенным.

9. Пименов передал Вайлю на вокзале тезисы. Я не утверждаю, что это была программа. Что бы это ни было, содержание было антисоветским.

10. Наконец, уже в марте им была написана статья "Что такое социализм", имеющая антисоветские оттенки.

Нельзя признать доказанным:

1. Эпизод с Машьяновой. Я имею в виду дачу указаний Заславскому о завязывании через Машьянову связей с антисоветски настроенными людьми в Москве.

2. Эпизод по обвинению Пименова в том, что он пытался через Кузнецова сколотить группу в - я забыл в каком - институте. Он, правда, дал Кузнецову несколько экземпляров статьи для распространения, но никто не говорил о создании группы.

Вербловская обвиняется в следующем:

Вербловская передала Левиной чемодан с записями Пименова и статью "По поводу речи Хрущева." Этот эпизод не доказан, ибо ничего из содержимого чемодана ей не инкриминируется.

Но вина Вербловской доказана в том, что она 8 ноября участвовала в обсуждении венгерских тезисов, а в декабре - в обсуждении статьи Шейниса "Правда о Венгрии".

В присутствии свидетеля Орловского в начале 1957 Вербловская прочла вслух стихотворение явно антисоветского содержания.

В январе 1957 она унесла отцу чемодан с записями Пименова. Там был ряд материалов, содержащих антисоветскую пропаганду клеветнического характера. После ареста Пименова передала чемодан Шрифтейлик. Вербловская говорит, что она не знала, что было в чемодане. Это голословие. Раз Вербловская сразу перепрятывала чемодан в другое место, значит, она знала, что там есть! К тому же передавала конспиративно, в туалете, с соблюдением правил конспирации. "Знает кошка, чье мясо съела". Под № 44 в описи рукой самой Вербловской написано "тезисы", а их содержание она знала из обсуждения.

Ничего другого, кроме этого, против Вербловской нет.

Вина подсудимого Заславского:

В 1954 он составил вопросник "Анкета страны". Ясно, что он предназначался для сбора антисоветских клеветнических сведений. Вопросник этот не имел названия; свое наименование "анкета страны" он получил уже на следствии.

В 1956 он получил от Пименова "венгерские тезисы" и написал свои контртезисы.

Что же касается статей Заславского "О строительстве коммунизма в нашей стране", и "Коммунизм в России до и после второй мировой войны", то это черновики, которые не распространялись даже среди близких знакомых. Статьи, естественно, антисоветские.

(В записи отсутствуют несколько слов о Заславском.)

Подсудимый Вайль:

Еще в 16 лет вместе с Даниловым и Невструевым составил антисоветскую листовку. Данилов ее в каком-то количестве размножил, но распространена она не была.

Вайль сошелся в Пименовым на том, что они являются единомышленниками; я бы сказал - антисоветчиками.

Вайль по заданию Пименова создал группу в Библиотечном институте. Организовал сбор антисоветской информации. Принимал меры по созданию группы в Курске. Для этой цели он встречался с Рыковым, Синицыным, но положительно договорился только с Даниловым. Его он и привлек к работе группировки в Библиотечном институте. Данилов не знал участников группировки, но он знал о ее существовании, Он сообщал Вайлю сведения о фактах, которых не было в действительности. Вайль знал о намерениях Пименова относительно листовок, обследовал лестницы по улице Халтурина.

По своей инициативе, но с ведома Пименова, искал установления контакта с Жолудевым, но не установил, не застав того в Новгороде.

Вина Данилова:

В 1955 изготовил несколько экземпляров антисоветской листовки, но от распространения ее отказался.

В 1956 послал Вайлю письмо явно антисоветского содержания.

В 1957 дал согласие Вайлю принять участие в антисоветской организации.

Занимался сбором антисоветской информации.

Просил настойчиво выслать ему антисоветские листовки, а Вайль обещал их ему.

Вайль в одном из своих писем ставил задачу вербовать антисоветски настроенных людей, вести нехорошую, антисоветскую, пропаганду среди десятиклассников под лозунгом "все пути закрыты", т.е. возбуждать молодежь, которая в связи с мероприятиями партии и правительства не сможет попасть в вуз.

Исходя из вышеизложенного, я предлагаю суду квалифицировать деяния подсудимых следующим образом:

Пименову - по 58-10 его писанину и разговоры, и по ст.58-11 сборища на квартире и создание группы с помощью Вайля в Библиотечном институте.

Так же должны быть квалифицированы деяния Вайля.

Вербловская - я полагаю все же, что ее можно квалифицировать и по ст.58-11, ибо она помогала мужу и участвовала в сборищах.

Данилова тоже следует по 58-11, ибо он дал согласие участвовать в организации. Ведь для того, чтобы можно было квалифицировать деяния по 58-11, вовсе нет надобности, чтобы организация была столь же монолитной, как КПСС. Организационная деятельность может быть молчаливым сговором, как в деле, например, о коллективной краже. Наличие программы, устава, денежных средств - не обязательно.

Я не стану говорить о виновности Заславского по ст.58-11, ибо прошлым приговором он был оправдан в этой части, и по этому пункту не был принесен протест.

Теперь перейду к резолютивной части приговора.

Пименова, как организатора всего этого дела, я полагал бы наказать наиболее сурово, т.е. на 10 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на три года, т.е. применить максимум санкции статьи 58-10.

В отношении Вайля я полагал бы назначить срок наказания 7 лет без последующего поражения в правах.

В отношении Вербловской и Данилова и полагал бы ограничиться тремя-четырьмя годами лишения свободы.

В отношении Заславского, поскольку я связан прежним приговором, я думаю, надо оставить два года. Я не вижу оснований для повышения ему наказания.”

Речь свою Ронжин произносил вялым, бесцветным голосом. Ничего подобного блесткам ораторского искусства Демидова, который пугал, возмущался, приукрашивал. Ронжин поглядывал в обвинительное заключение, пересказывал его пункты, глотая фразы. Личного отношения к подсудимым не чувствовалось. Он бы не спросил:

- Как, Пименов, довольны приговором?

Но что-то от искренности жило и в этом функционере: в том же году ему поручили поддерживать обвинение Меклера и Рафаловича (там и шпионаж шился и антисоветчина; см. список в §9), а он возьми да и откажись в суде от поддержания обвинения! Его снизили до

уровня районной прокуратуры. Вот уж не знаю, восстановили ли Ронжина, когда Меклера реабилитировали? Какой-то Ронжин работал в Ленгорпрокуратуре в январе 1963, но тот ли в какой должности, я не знаю.

Тут Вольняшин предоставил слово Райхману, тот было дернулся с ходатайством объявить перерыв до завтра ради подготовки речи, а время, мол, позднее (шел одиннадцатый час заседания), но Вольняшин согласился только на двадцатиминутный перерыв.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ АДВОКАТА РАЙХМАНА:

Товарищ Председательствующий!

Т.Т. члены судебной коллегии!

Подсудимому Пименову предъявлено обвинение в том, что он в 1954 написал и распространил статью антисоветского характера "Судьбы Русской Революции". Это не доказано. Прежде всего, ее нет в деле. Ее читал подсудимый Заславский, но он говорит, что ничего антисоветского в статье не было. Ознакомившись с тремя перечеркнутыми страницами, имеющимися в деле, Заславский заявил, что этих страниц не было в том тексте, который он читал, получив от Пименова. Свидетели Шейнис и Кудрова показали, что в статье содержался ряд спорных положений, наличествовало идеалистическое толкование истории, но ничего антисоветского не было. Пименов показал, что он написанное на этих страницах признал неправильным, перечеркнул и никому не давал читать. Это подтверждается прочими показаниями. Следовательно, эпизод с "Судьбами Русской Революции" должен быть изъят из обвинения.

Ему вменяется, что в марте 1957 им написана статья "Что такое социализм", в которой он пытался опорочить деятельность КПСС. Эта статья вообще не окончена. Пименов писал ее, исходя из убеждения, что в "Кратком курсе" период борьбы с оппозицией освещен неправильно, с позиций культа личности. Это так и есть, это известно всем из решений XX съезда. Пименов решил заполнить эти пробелы и изложить объективно - в его понимании - этот период в жизни партии. На самом деле, он в ряде случае ошибается, можно с ним спорить, но нельзя утверждать, будто эта статья антисоветская.

Товарищ Хрущев говорит:

"Следует признать, что в среде интеллигенции нашлись отдельные люди, которые начали терять почву под ногами, проявлять шатания и колебания в оценке ряда сложных идеологических вопросов, связанных с преодолением последствий культа личности. Чем объяснить подобные шатания и колебания отдельных представителей из среды деятелей литературы и искусства? По-моему, это произошло потому, что некоторые товарищи односторонне, неправильно поняли существо партийной критики культа личности Сталина".

К таким людям относится и подсудимый Пименов. Я полагаю, что статья его ошибочная, но не антисоветская.

Пименов обвиняется в том, что он написал послесловие "По поводу речи Хрущева." Там, действительно, содержатся антисоветские высказывания, но при оценке этой статьи следует иметь в виду, что подобные же колебания проявляли в тот период и другие товарищи, например тов.Тольятти, которого никто не назовет

антисоветчиком. А он в своем интервью говорил о "перерождении" советского строя. Зная языки, Пименов много читал. В частности, статьи в итальянской, югославской, польской коммунистической печати. Они воспринимались им без критики. Вы слышали, что Пименов отрекся на прошлом процессе от этой статьи. Он высказал следующую мысль: узнав, что товарищи Молотов, Маленков, Каганович и Шепилов осуждены партией, он заявил, что перечеркивает ее.

Пименов обвиняется в том, что в ноябре 1956 написал тезисы "Венгерская революция", в которой допустил антисоветские высказывания. Это обвинение нашло подтверждение в ходе судебного следствия. Но при оценке этой статьи надо иметь в виду следующее Пименов не сумел разобраться в венгерских событиях. Польская и югославская печать в то время систематически неправильно освещала происходящие в Венгрии события. Пименов же покупал газеты в киосках, они у нас свободно продаются.

Пименов обвиняется в проведении антисоветской, нелегальной деятельности, С моей точки зрения здесь надо различать два периода. До 21 декабря - показывают все свидетели - Пименов говорил, что надо действовать в строгих рамках закона. После 21 декабря Пименов вступает на путь нелегальной деятельности. В этом, я согласен, есть криминал.

До 21 декабря ни в Библиотечном институте, ни в квартире Вербловской не было никаких разговоров об антисоветской организации. Что же произошло 21 декабря? В университете было назначено обсуждение выставки художника Пикассо, затем отменено, назначено в другом месте, отменено. Тогда студенты решили собраться в садике на площади Искусств. Но и тут милиция не допустила обсуждения. В этот же день студентка Красовская в ЛОСХ заявила, что такое недопущение обсуждения есть аракчеевский режим в искусстве. Ее тут же арестовали. Пименов и его друзья решили, что, значит, нельзя свободно и законно высказывать своего мнения.

Это была не инициатива Пименова. Свидетели показывают, что Кокорев заявлял, что надо собирать деньги, выпускать нелегальную газету.

После этого группа поставила задачу выпустить листовки к выборам в местные советы. Эта листовка по существу антисоветская, это я признаю. Но надо иметь в виду, что было сказано психиатрической экспертизой: Пименов ненормально бурно реагирует на различные события. В данном случае речь шла о реакции на арест Красовской.

Стремление молодежи обсуждать различные вопросы заслуживает поддержки. Молодежи свойственно ошибаться, старшие товарищи должны помочь ей не сваливать все в одну кучу, а разобраться.

К сожалению, воспитание Пименова в стенах университета происходило своеобразно: когда он под влиянием ряда обстоятельств подал заявление о выходе из комсомола, его поместили в психбольницу и держали 42 дня там совершенно здорового человека. При этом рассказ Горького "Человек" врачи расценили как бред Пименова.

Другой факт: разве это плохо, что студенты хотят обсуждать творчество Пикассо? Они все были на выставке. Почему не пригласить художников, не помочь молодежи разобраться? Вместо этого в университете комсомольские руководители просто сорвали объявление, сорвав обсуждение. То же произошло в Публичной библиотеке.

Не удивительно, что молодежь жадно слушала Пименова - новое, а с их точки зрения, и хорошее слово. Он талантливый, эрудированный человек, а в преподавании общественных наук, к сожалению, еще много начетничества и догматизма. Вот и слушают Пименова вместо преподавателя.

Прокурор требует вменить Пименову сбор клеветнической информации. Говорил об антисоветской, клеветнической информации. Это неправильно. В прежнем приговоре было сказано правильнее: тенденциозная информация. Пименов предлагал собирать лишь правдивые, проверенные факты, имевшие место в действительности.

Об антисоветской организации. Я не слышал от товарища прокурора четкого заявления: была ли создана антисоветская организация? В приговоре от 6 сентября говорилось правильно: Пименов ПЫТАЛСЯ СОЗДАТЬ антисоветскую группу среди студентов Библиотечного института.

На квартире же Пименова обсуждались произведения Пименова на исторические темы, и неправильно говорить, будто там была создана антисоветская группа. Это тем более неверно, что такого Пименову не вменяет даже обвинительное заключение, а неправомерно превышать пределы обвинительного заключения в приговоре. Тем более, что эти свои произведения Пименов направлял в редакции и получал ответы, что тему следует дать пошире, что статья направлена в Музей Революции, но ни одна редакция не указывала ему не только на антисоветскость, но даже и на неправильность его статей.

Исходя из буквального текста ст.58-11, я сейчас не возражаю против квалификации по этой статье, и не оспариваю мнения тов.прокурора, ибо Верховный Суд дал указание квалифицировать даже деятельность других подсудимых по этой статье.

О формировании своих взглядов Пименов подробно рассказал в своих собственноручных показаниях. Еще в детстве, в Магадане, он узнал о необоснованных репрессиях 1937-38. Во время своих путешествий он узнал о выселении чеченцев, карачаев и других народностей. На него произвел большое впечатление Джон Рид, а книжка эта была в то время необоснованно запрещена. Она высоко оценивалась Лениным, в то время как в "Кратком курсе" все излагалось совсем иначе.

До 1956 он был одинок, в 15 лет он ушел из дома, так как его отец грубо обращался с матерью. Пименов заявлял, что отец ему не отец. Он очень много читал, но старшего наставника не имел. Когда в 1949 только отец стал хлопотать, чтобы выписать Пименова из психбольницы, снова возникла дружба с отцом, и Пименов попал под его влияние.

Отец же Пименова приговором Мособлсуда осужден на 4 года за антисоветские письма Пименову, за сообщение ему

клеветнических сведений о событиях в Москве и антисоветские надписи на одной из книг Ленина.

Хотя Пименов сам и хочет считать себя умнее отца, на самом деле в детстве он был под влиянием своего отца, и этого нельзя не учитывать.

Надо учитывать также его истерическую психопатию.

Я согласен с обвинением, когда оно говорит, что Пименов совершил преступление намного больше, чем любой другой из подсудимых. Но с учетом изложенных мною смягчающих обстоятельств я считаю, что нельзя избрать ему максимальную меру наказания.

Ведь даже если скромно говорить, то Пименов является солидным ученым в области математики. Вот что пишет в своей характеристике член-корреспондент АН СССР ректор ЛГУ А.Д.Александров:

ЗАЧИТЫВАЕТ ХАРАКТЕРИСТИКУ.

ЗАЧИТЫВАЕТ ДРУГУЮ ХАРАКТЕРИСТИКУ (от Залгаллера).

Товарищи судьи! Ведь даже с точки зрения приоритета советской науки работы Пименова нужно как можно скорее опубликовать.

Поэтому я прошу суд избрать Пименову не слишком суровую меру наказания.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ АДВОКАТА КРАВЕЦА

Тов. судьи!

Товарищ прокурор просил признать подсудимого Вайля виновным в преступлениях, предусмотренных статьями 58-10 ч.1 и 58-11. Он перечислил эпизоды, инкриминируемые им Вайлю и просил дать ему 7 лет.

Я не слышал упоминания о возрасте Вайля. А ведь это было бы естественно услышать. Ведь он не 1919 года рождения, и не 1929 даже, а 1939.

А не присутствовал на первом рассмотрении дела. Само оно слушалось в закрытом заседании суда. И, тем не менее, циркулировало очень много слухов об этом деле. И вот я ознакомился с ним. Оно оказалось в 9 толстых томах. Из обвинительного заключения я увидел, что существовала стройная организация, которая существовала и действовала. Когда же я прочитал приговор, определение, а затем материалы самого дела, то эта стройная организация распалась у меня на глазах.

Впрочем, оговорюсь: организация, действительно, есть, если подходить к ее определению с точки зрения академика Вышинского. Но известно, что эта теория - такая стройная в себе - дала слишком плохие результаты.

Говорят, что Пименов - идейный руководитель. Свидетели в один голос хвалили Пименова. Но Пименов ничего не дал нового, а только плохо пересказывал то, что говорит буржуазная печать, "Голос Америки", "Би-би-си", все то, о чем говорит желтая и черная печать. Почему Пименов оказался "руководителем"? На это ответил эксперт-психиатр, который указал, что Пименов ставит себя в центр внимания окружающих и в своих собственных глазах.

А теперь посмотрите на подсудимого Вайля. Жизнь его сложилась тяжело. Он жил без матери. Отец его связал свою жизнь с другой женщиной.

И вот, когда Вайлю было 15 лет, т.е. когда он был в возрасте, в котором человек все впитывает, когда приятно общаться с более старшим - он встречается с более старшим, с неким Невструевым. Невструев диктует листовку. Кому? Данилову! - Почему? - Потому что Невструев трус. - А Вайль? - Вайль присутствует при сем. Что же здесь было? Была прикосновенность, был добровольный отказ, а не преступление. Наконец, об этом эпизоде рассказал сам Вайль.

А нам говорят, будто уже тогда у Вайля были антисоветские взгляды.

Я полагаю, что по этому эпизоду Вайлю можно вменить разве недоносительство, т.е. 58-12.

Теперь перейдем к тому, что происходило в Ленинграде. О "Ереси" я говорить не буду, здесь уже много говорилось об этом журнале.

Итак, Вайль попал на страницы газет.

Пименов, рыскающий в поисках людей, узнает его имя, начинает встречаться с Вайлем. Пименов более старший. Он рассказывает интересные вещи.

Нам говорят: Вайль выполнял поручения Пименова. Какие, позвольте спросить? Да он лишь сказал: "Ребята, приходите, будет один человек говорить интересные вещи". Это не преступление, а лишь пособничество.

Нам говорят: Вайль специально поехал в Новгород, чтобы встретиться в Новгороде с неким Жолудевым начет радиоприемника или радиопередатчика. Мотивируют это тем, что Жолудев - радиотехник. Но Вайль поехал в Новгород познакомиться с его достопримечательностями, историческими памятниками. Может быть, он и хотел поговорить с Жолудевым, но без всякой связи с этой группой.

У Пименова был еще один такой, более активный помощник - Вишняков. Но он - свидетель. Органы решили его не привлекать. А Вайль - хотя в тот момент ему было всего 17 с половиной лет - привлечен.

Товарищ прокурор более всего просил увеличить наказание именно Вайлю: более чем вдвое. Я не оспариваю ряд инкриминируемых эпизодов: сбор информации, передача товарищам извещения о собрании, чтение документов Пименова. Это все охватывается статьей 58-10 ч.1.

Конечно, мое положение трудное: Верховный Суд не согласился с доводами прежнего защитника Вайля тов.Зеркина. Но даже если обязательно соблюсти требование Верховного Суда, то вовсе необязательно применять к Вайлю столь суровое наказание, как просил т.прокурор.

Ведь о Вайле нельзя сказать слов: "Будучи антисоветски настроен", как о других подсудимых. Нужно, чтобы суд помог Вайлю своим приговором вернуться к учебе, которую ему пришлось прервать на первом курсе. Если не считать Данилова, который вообще не учился, то остальные подсудимые-то получили высшее образование, а вот Вайль - нет.

Учитывая несовершеннолетие Вайля, я прошу суд избрать в качестве меры наказания меру, приближающуюся к старой мере.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ АДВОКАТА ЛИВШИЦА

Тов.судьи!

В этом процессе подсудимый Данилов занимает особе место. Если другие имеют высшее или хотя бы среднее образование, то Данилов закончил всего 8 классов.

Если прочие подсудимые знакомы друг с другом, встречались, то Данилов знаком лишь с Вайлем.

Если, будучи осуждены прежним приговором, прочие подали кассационные жалобы, то Данилов согласен с прежним приговором и писал об этом в заявлении в Ленгорсуд и в возражении на кассационный протест прокурора.

Все же, раз мне приходится говорить в качестве защитника заново, я коснусь и обвинения по ст.58-10. Данилов признал себя виновным в сборе и присылке информации, носившей тенденциозный характер, в посылке Вайлю антисоветского письма.

Но что мы знаем о листовке? Какого она была содержания? Вайль сказал ее последнюю фразу. Данилов - подтвердил. А больше о ее содержании мы ничего не знаем. Мне представляется, что эту листовку нельзя вменять в вину Данилову.

Теперь перейдем к вопросу об организации. Формулировка обвинения такова: в январе 1957 года Данилов принял предложение Вайля участвовать в антисоветской организации. Товарищи мои по защите уже касались вопроса о существовании организации. И о том,

знал ли об этом Данилов. Вайль показал, что он НАМЕКНУЛ Данилову о наличии организации, хотя ее и не было. Ничего о целях этой организации Данилов не знал. Можно ли считать, что Данилов в ней участвовал? Если подходить так, как подошел государственный обвинитель, то получается, что переписка двух товарищей - это уже организационная деятельность. Да, это может быть так, если есть предварительный сговор, известно, куда идет информация. Мне представляется, что формулировка Верховного Суда:

"Данилов ... знал о существовании антисоветской организации Пименова, дал согласие работать для этой организации," - неправильна. Данилов вообще не знал Пименова.

Возьмем хотя бы "Комментарий к УК" издания 1946, т.е. периода, когда признавалась даже теория Вышинского. И то мы увидим, что деятельность Данилова не подходит под определение участия в организации.

Представьте себе на минуту, что его информация была бы правильной. Тогда его вина просто отсутствовала бы. Но, увы, его материалы оказались тенденциозными, т.е. не истинными. Но все-таки они не были заведомо ложными.

Определение Верховного Суда утверждает:

"Данилов признал в суде свою вину в связи с группой Вайля в гор.Ленинграде."

Это неверно! Данилов признал в суде лишь свою связь лично с Вайлем.

У него был тот же путь к преступлению, что у Вайля и Пименова: трудные семейные обстоятельства и слушание радиопередач "Голоса Америки". На следствии он рассказывал, как у него стали возникать сомнения в правильности действий правительства и желание критиковать их. На него влияли материальные затруднения, разлад с матерью, жил он как полубеспризорник. В этот период ему было 16-18 лет. Вообще, на этом процессе самый старший - рождения 1931 года, а самый младший - 1939. Данилов располагается посредине: в 1955 ему было 16 лет.

Я прошу суд учесть все это и определить справедливую меру наказания. Конечно, я не могу оспаривать Определения Верховного Суда, но я прошу не увеличивать меры наказания Данилову.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ АДВОКАТА КУГЕЛЬ

Тов.судьи!

Оценка доказательств принадлежит суду первой инстанции. И для вас вовсе не обязательно мнение Верховного Суда. То, что написано в определении Верховного Суда, - это неверно. Это, видимо, просто ошибка, будто

"Вербловская, была хорошо информированной о преступной антисоветской деятельности Пименова".

В связи с определением Верховного Суда мое положение особенно тяжелое, но я все равно буду опять просить об оправдании моей подзащитной. Положение Вербловской сильно отличается от положения других подсудимых. У остальных в прошлом были какие-то неправильные взгляды или действия. У Вербловской же ничего не было. Шестилетней девочкой она потеряла мать, которая умерла во время блокады. По окончании университета по историческому

факультету она в течение трех лет работала на Севере, преподавала географию, ибо не могла найти работу по специальности. В деле нет никаких доказательств того, что она был контрреволюционно настроена, но, напротив, есть доказательства того, что от нее скрывались контрреволюционные действия Пименова после 21 декабря.

1. Эпизод с чемоданом Левиной прокурор отказался поддерживать, ибо в нем ничего не было криминального.

2. От обвинения в хранении доклада Хрущева с послесловием тов.прокурор отказался. И это правильно, ибо по тексту нельзя было отличить, где доклад, а где послесловие, так оно было припечатано.

3. Обвинение в том, что она участвовала в обсуждении 8 ноября, не доказано. Сама она его отрицала. Все присутствующие показали - не участвовала. Ее вина состоит разве в том, что она не ушла из собственного дома.

Правда, она ошибалась, как многие в то время. Венгерские события еще шли. Было много неправильных оценок, публиковавшихся в свободно продававшихся в СССР газетах "Трибуна люду", "Борба" и других.

4. Товарищ прокурор говорит, что Вербловская участвовала в обсуждении статьи Шейниса. На самом же деле это Пименов пригласил Шейниса домой к себе, Пименову. Все свидетели говорят, что участие Вербловской было совершенно пассив-ным. Они даже не знали, что будет Вербловская. Пришли - оказалось, что дома жена, Вербловская. Она угощала чаем. Говорят, участие Вербловской доказывается ее пред-ложением усилить статью фразой, что революцию нельзя принести на красных шты-ках. Во-первых, фразу эту, как показали все допрошенные, предложила не Вербловс-кая, а Пименов. Вербловская лишь согласилась с мыслью мужа. Во-вторых, сама по себе мысль, что на красных штыках нельзя принести революцию - совершенно прави-льная. На этот счет есть недвусмысленное высказывание В.И.Ленина, которое и цити-ровала в судебном следствии Вербловская. Другое дело, что Вербловская там не к месту цитировала эту мысль Ленина. Но политически неправильно квалифицировать цитирование В.И.Ленина как "усиление антисоветской направленности статьи".

И еще раз повторяю: приходили гости не к ней, но не выгонять же было гостей мужа из дома!

Она ошибалась, но разве можно за ошибку привлекать к уголовной ответственности?

5. Перехожу к основному эпизоду. Она унесла чемодан с бумагами Пименова к своему отцу, а потом к Шрифтейлик, опасаясь ареста Пименова. Имела ли она в виду хранить и распространять контрреволюционную литературу? Контрреволюционной ли целью она руководствовалась в этом своем поступке?

В ноябре Пименов выступил в университете. Выступление получило большой резонанс, каждый врал по-своему. Я сама уже в то время, задолго до ареста Пименова, слышала мнение, что Пименова непременно посадят. Как с мыслящим человеком Пименов с женой не считался. Он говорил: "Чего с ней советоваться по политическим вопросам? Будет повторять заученные цитаты из Маркса о движущих силах!" Он любил ее как жену, а не как единомышленницу. Пименов и говорит: надо отнести чемодан к твоему отцу. Я хочу сохранить эти

вещи. Он переписывает от руки, фотографирует целые книги - все, что хочет он сохранить. Ведь там только венгерские тезисы контрреволюционные. А прочее - это ответы ему из редакций "Известий", "Правды", "Литературной газеты".

После ареста Пименова Вербловская, чтобы сохранить их и оградить от неприятностей своего больного отца, передает чемодан Шрифтейлик. Ну, а так как она уверена, что за ней уже следят - передача происходит тайно, в туалете.

А какие у нее отношения с мужем? Он много в 1956 занимался математикой, делал доклад на съезде. Все близкие друзья считают его гением. И, вправду, если он и не гений, то действительно - талантливый человек. Он бурно радуется после XX съезда. Вот как он сам говорил: "Если бы меня увидели после XX съезда, то признали бы сумасшедшим". При таком отношении к нему с ее стороны, он сам не хочет знакомить ее с Вайлем. Свидетели Зубер-Яникун и Корбут оба показывают, что Пименов велел ничего не говорить Вербловской об организации.

После обыска Пименова Орловский пришел к Вербловской и показал ей протокол обыска у него дома. В нем значилось "венгерские тезисы", потому у Вербловской не могло быть оснований желать скрыть эти тезисы от следствия, а было, как я говорила, лишь желание сохранить любимые вещи любимого мужа, не вникая, какие они.

Если следственные власти не привлекли Зубер-Яникун, Корбута, Вишнякова, то будет совершенно несправедливо осудить Вербловскую!

Я прошу вас оправдать мою подзащитную!

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ АДВОКАТА ШАФИРА

Тов.судьи!

Игорь Дмитриевич Заславский в возрасте 24 года оказался на скамье подсудимых. К этому времени он уже опубликовал 6 научных работ. Его имя уже стало известным среди советских математиков. Он принес много пользы советской науке. Как же он оказался на скамье подсудимых? Обвинительное заключение датирует начало его "антисоветской деятельности" 1954 годом. Это - период начала развенчания культа личности. Товарищ Хрущев сказал, что это вызвало глубокие и серьезные переживания. Напрасно было бы ожидать, чтобы человек, любящий свою родину, оказался бы индифферентным к происходящему. Заславский ошибался в оценке причин прежних ошибок, но это еще не является государственным преступлением. Я прошу вас, т.т.судьи, взять во внимание всю сложность вопроса, вставшего перед Заславским. И сложность стоящей перед вами задачи: совершить судебную ошибку это значит поставить под угрозу человеческую жизнь. В совещательной комнате вы должны будете, опираясь на закон и марксистское мировоззрение, оценить все обстоятельства настоящего дела.

Заславский обвинялся во многом, осужден он был за меньшее. Сегодня обвинение подается в видоизмененном виде.

1. Тов.прокурор вменяет ему, что он в 1954 обсуждал с Пименовым статью последнего "Судьбы Русской Революции". В прошлом приговоре этого эпизода не было; не было его и в протесте прокуратуры. Следовательно, этот эпизод не может инкриминироваться моему подзащитному; иное противоречило бы

ст.424 и 311 УПК. Однако, т.к. тов.прокурор счел возможным поддержать это обвинение, то я скажу несколько слов по существу. "Обсуждал" - может значить "одобрял", а может значить "возражал". Самой статьи в деле нет. Есть показания Пименова: "Заславский не соглашался". Заславский же сказал подробнее, что историческая часть его более-менее устраивала, а выводы его не удовлетворили, и он категорически возражал.

Значит, ничего подходящего под ст.58-10 нет.

2. В 1955 составил "Анкету страны", как она названа на следствии. Это листок бумаги голубого цвета, обнаружен у Пименова. На нем написано:

"О статистике. Управление. Аппарат. Экономика и право в деревне. Экономика и право в городе. Идеология. Армия. Национальный вопрос. История режима..."

ВОЛЬНЯШИН. Документ это есть в деле. Незачем его зачитывать полностью.

ШАФИР. Все это написано по наущению Пименова, но Пименову не вменяется. Что же здесь антисоветского? Возникла мысль сравнить разные строи. Она осталась невыполненной. Я полагаю, что этот эпизод не может вменяться Заславскому.

3. В обвинительном заключении сказано:

"Заславский получил от Пименова антисоветскую статью - тезисы - в ответ на которую написал свою аналогичного содержания." Прокурор сказал иначе: "Написал контртезисы". Мне это выражение больше нравится. Оно действительно правильно.

Ничего антисоветского в этой статье нет. Называется она "Предварительные мысли о венгерском восстании. Ответ на тезисы "Венгерская революция"." Есть ли в них хоть одно слово против советского государства, против советской армии? Предположим, что там есть даже ошибочные высказывания, пусть так! Но ведь там нет ни одного высказывания против политики советского правительства. Единственное место, где вообще упоминается о советском правительстве, звучит так:

"Помощь своим сторонникам со стороны Запада организуется в данное время эффективнее, чем со стороны СССР". (Речь идет о начале, о первых числах ноября.) Таким образом, по существу, Заславский призывал советское правительство оказать большую помощь коммунистам Венгрии! Я специально просматривал газеты, начиная с 24 октября 1956 года; я говорю о советских газетах. 28 ноября в изложении нашей печати было помещено выступление тов. Яноша Кадара о том, что выступление молодежи 25 октября было вполне лояльным. 6 ноября было опубликовано воззвание Временного Венгерского Рабоче-Крестьянского Правительства, в котором говорилось о "клике Ракоши - Гере". Поэтому можно утверждать, что взгляды Заславского в то время совпадали с отдельными утверждениями, публикуемыми в нашей печати, а нет никакой аналогии между взглядами Заславского и Пименова. Пименов считал, что в Венгрии имеет место революция в чистом виде, и недооценивал фашистские силы. Заславский же указывал, что дело обстоит наоборот. И так и было. В "Правде" 9 декабря помещено изложение о пленуме ЦК ВСРП, где сказано, что контрреволюция использовала лозунги, которые пользовались популярностью у народа. Именно в этом суть тезисов Заславского.

Наконец, свидетели Зубер-Яникун, Корбут, подсудимые Пименов, Заславский, Вербловская - все согласно говорят, что Заславский постоянно спорил с Пименовым, не соглашался с ним.

В обвинительном заключении, не знаю откуда - думаю, что по простой описке - появилось утверждение, будто Заславский передал свою статью, контртезисы, Пименову. Это неверно, и тов.прокурор сегодня этого больше не утверждал, хотя это ошибочное утверждение попало даже в прошлый приговор. Я прошу, чтобы эта ошибка не повторилась в вашем приговоре, т.т.судьи.

И, наконец, еще одно соображение. Свидетель Шейнис утверждал, что в составленных им, Шейнисом, тезисах, категорически отрицалась необходимость и возможность советского вмешательства в венгерские события. Шейнис глубоко заблуждался. Но его не привлекли к уголовной ответственности, и правильно сделали. А как же можно судить Заславского за то, что он доказывал необходимость советского вмешательства!

Теперь перейду к эпизоду о посещении Заславским квартиры Пименова. В обвинительном заключении было сказано, что

"Заславский неоднократно посещал квартиру Вербловской и Пименова, где..."

В определении Верховного Суда сказано иначе:

"Заславский не отрицает также своей связи с Пименовым, следствием чего явилось систематическое посещение организуемых Пименовым сборищ."

И мне кажется, что т.прокурор совершенно справедливо не упомянул сегодня об этом эпизоде. В самом деле, Заславский присутствовал 20 и 27 января, когда Пименов делал доклад о Гапоне. Слушать что-либо - не значит проводить пропаганду и агитацию. Обвинению надо было бы доказать еще, что в процессе слушания доклада Пименова Заславский допускал какие-либо антисоветские высказывания. Но анализируя материалы дела, данные судебного следствия, мы никак не можем прийти к выводу, что Заславский высказывал какие-нибудь антисоветские соображения. Свидетель Зубер-Яникун показала, что Заславский настаивал на создании Общества Античной Культуры. Она же говорила, что Заславский произнес фразу: "Интеллигенция всегда чем-то недовольна". Совершенно ясно, что этой фразой Заславский выразил свою насмешку над присутствовавшими в квартире Пименова. То, что в высказываниях Заславского не было ничего антисоветского, подтвердили свидетели Райскин, Рохлин, Орловский.

Кстати, об этих свидетелях. Райскин показал, что Заславский один раз сказал ему: "Удивляюсь, почему это Пименова до сих пор не посадили". Совершенно ясно, что в этом содержалось осуждение антисоветской деятельности Пименова. Свидетель же Орловский сам неоднократно начиная с декабря, делал выступления на собраниях у Пименова. Свидетель Кудрявцев, участвовавший в нелегальной группе Библиотечного института, показал, что, вводя его в свой дом, Пименов предупредил его, что

"Здесь собираются мои личные друзья. Они ничего не знают о нелегальной деятельности. Тут разговоры на политические темы вести не следует".

Таким образом, сам Пименов различал тех, кто бывал у него на квартире, и тех, кто находился вне квартиры, поближе к Марсову Полю!

В самом деле, того, что человек посещал квартиру Пименова, сидел у него на диване, - мало еще для квалификации действий по ст.58-10. Отвечать должны те лица, которые предполагали какие-то антисоветские действия. Таким лицом Заславский не является!

Наконец, перехожу к последнему эпизоду: статьи антисоветского характера, якобы написанные Заславским. Так назвать их можно только из любви к гиперболам, но других оснований нет. Прежде всего, это не статьи, а черновые наброски. Там, правда, есть большие, порой существенные ошибки и заблуждения. Но позвольте мне огласить последние строки одной из этих "статей":

"Нашим несокрушимым лозунгом должно быть:, да здравствует коммунизм!"

Может ли такая статья, статья с таким лозунгом, быть признана антисоветской?! Нет, выводы в статье не антисоветские! В этой статье автор утверждает, например, что ЦК КПСС правильно исправляет ошибки прошлого. Но он молод, он хотел бы, чтобы ошибки исправлялись побыстрее. И многое из того, о чем он писал, исправления чего он желал, уже исправлено позже, в промежуток между его арестом и настоящим судом: например, я имею в виду неправомерную ликвидацию ряда АССР и автономных национальных областей.

Во втором наброске, который целиком ошибочен и совершенно ясно является антипартийным, содержатся неправильные и вредные мысли и обобщения. Но это незаконченный набросок. И мне хочется поставить вопрос: как понимать "хранение антисоветской литературы," о котором говорится в законе? Очевидно, что подразумевается "с целью распространения". А была ли здесь цель распространения? Нет, ибо никто никогда этих двух (и третьего - о Венгрии) набросков не видел. Их обнаружили у Заславского только при обыске у него в связи с арестом Пименова. И они-то послужили основанием для ареста Заславского. Зачем же Заславский написал это? Очень простое и понятное объяснение дал сам Заславский: профессиональная привычка математика заставила его занести на бумагу свои неоконченные соображения, чтобы потом вернуться к ним и глубже додумать затронутые в них вопросы. То, что я понимаю формулировку закона правильно, убеждает меня, например, и учебник издания 1955 года, где прямо говорится, что хранение антисоветской литературы может быть вменено лишь при наличии цели распространения. Даже если считать, что вторая статья антисоветская (а я считаю, что она самое большее - антипартийная), то ввиду отсутствия цели распространения состава преступления в ее написании и хранении нет.

Чем же еще характеризуется Заславский, помимо не присущих ему политических упражнений? Нельзя пройти мимо других данных, которые лучше позволяют обрисовать облик подсудимого.

В деле есть копия письма Шанина, доктора физико-математических наук, на имя т.Хрущева. Там говорится буквально следующее:

"Заславский сделал значительный вклад в науку. Любой математик, работающий в области конструктивного анализа, в дальнейшем будет вынужден опираться на результаты Заславского, которые дают ответы на основополагающие вопросы в этой области математики."

Значит, Заславский укреплял советскую науку. А, укрепляя советскую науку, он тем самым укреплял и советское государство. Для характеристики Заславского куда существеннее не те записи, которые он делал за полтора-два года до ареста, а его непрерывная научная деятельность, давшая такие плоды в последнее время.

В определении Верховного Суда нет ничего, прямо относящегося к Заславскому. Там говорится буквально следующее:

"Суд не дал надлежащей оценки особой тяжести совершенных преступлений, а также тому обстоятельству, что осужденные занимались антисоветской деятельностью на протяжении длительного периода времени с привлечением в организуемые Пименовым и Вайлем сборища значительного числа лиц преимущественно из числа студенческой молодежи."

Заславский же не только никого не привлек, а и сам порвал с Пименовым, как выяснилось в ходе судебного следствия. Таким образом, сказанное к Заславскому не относится. Значит, к Заславскому не относимы те мотивы, по которым Верховный Суд отменил предыдущий приговор.

Т.т.судьи! Талантливый ученый, работ которого ждет страна, сегодня еще находится в заключении. И в опасности не только его свобода, но и жизнь его: вы помните медицинское заключение о возможности развития у Заславского туберкулезного процесса.

Между тем, Заславский не нанес никакого вреда обществу, хотя мог бы, я это понимаю, его нанести. Даже если вы признаете, что второй набросок содержит в себе состав преступления, то вы должны будете применить статью 8 УК РСФСР, ибо общественно-опасных последствий деяний Заславского не наступило. Но я надеюсь, что вы согласитесь с доводами защиты и оправдаете его.

Славные герои Великой Отечественной войны: Зоя Космодемьянская, Юрий Смирнов, Александр Матросов совершили немеркнущие в веках подвиги. В то время Игорь Дмитриевич Заславский был еще ребенком и не мог разделить их героическую деятельность. Но разве нельзя совершить подвига в мирное время?! Такой трудовой подвиг, подвиг научного открытия, и совершил Заславский! Когда вы удалитесь в совещательную комнату, вспомните слова доктора Шанина:

"В битве советской науки с иностранной каждый человек на счету, и советской науке нужен Заславский."

Вы должны возвратить Заславского семье, науке и стране."

Желающие обстоятельнее ознакомиться с манерой речей Г.М.Шафира соблаговолят прочесть сборник "Речи советских адвокатов", изданный в 1968 году, где на сс.146-156 помещена другая речь Шафира. Приношу ему мои извинения за то, что вышепроцитированная его речь приведена без авторской правки. Единственным извинением мне тут служит то обстоятельство, что все публикации написанного и сказанного мною осуществлялись без моей авторской правки (я не имею в виду математические работы).

Заодно обращу внимание ценителей тонкостей на следующие аспекты, постичь которые позволяет эта подробная запись Орловского. Во-первых, ощутимее становится связь, зависимость судов первой и второй инстанций. Ну, как без такой записи можно было бы поверить, что оценка доказательств - имел ли место тот-то факт или нет - зависит от априорного указания верховной инстанции? Во-вторых, виднее положение адвокатуры в советском судопроизводстве. В-третьих, отчетливо проступает неграмотность и даже просто вздорность (в речи Кугель) адвокатов. Наконец, сравнение записи Орловским первого и второго процессов демонстрирует, насколько возросло его мастерство.

Вольняшин предоставил было мне последнее слово, но не успел я договорить одной фразы, как перебил меня, спросив, много ли мне надо времени для его произнесения. Я ответил - много. Тогда он определил перенести заседание на завтра.

§4. Второе судоговорение - приговор 4 февраля

Последнее слово Пименова и комментарии к нему; последнее слово Вайля и Данилова; последнее слово Вербловской и комментарий; последнее слово Заславского; приговор; толпа сочувствующих

Назавтра началось с меня.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ПИМЕНОВА:

"Мое последнее слово будет состоять из двух частей: первая часть будет общей, а затем я коснусь предстоящего приговора.

Ненормальность в моем поведении - я имею в виду политическое поведение - очевидна. Я вырос в советской семье, мой отец в годы Гражданской войны работал в органах ВЧК. Никаких контактов с заграницей, хотя бы в форме прослушивания радиопередач, у меня не было. И то, что я совершил поступки, которые квалифицируются как контрреволюционные преступления, - это вопиющая, казалось бы, ненормальность. Казалось бы, каждый, кого интересуют судьбы молодежи в советской стране, должен заинтересоваться причинами этого. Но ни в речи гражданина Демидова, который поддерживал обвинение на предыдущем процессе, ни в речи гр.Ронжина, представляющего государственное обвинение на настоящем процессе, такого анализа не было.

Я не буду полностью пересказывать содержания моих собственноручных показаний от 13 и 15 июля 1957, которые как раз посвящены причинам такой ненормальности. Они слишком длинны, Скажу лишь основное.

Все дело в том, что сталинские годы я прожил с открытыми глазами.

Значительная часть моего детства прошла в Магадане. Там, в бухте Нагаево, я видел в 1944 следующую картину: людей штабелями укладывали на землю, связывали веревками и так в штабелях подавали на пароход. Это были заключенные. Я не знаю, за что они находились в заключении, по чьему приказанию их грузили таким образом. Но эта картина навсегда осталась у меня в памяти. Мне было 13 лет. И вот впоследствии, когда я слушал лекции по основам марксизма-ленинизма, лекции по педагогике, я иногда закрывал глаза и видел эту картину. И я спрашивал себя: с кем я? С теми, кто грузит, или с теми, кого грузят?

Я часто слушал рассказы отца об Октябрьской революции, читал много книг о ней, читал, в частности, высоко оцененную Лениным книгу Джон Рида "10 дней, которые потрясли мир". Эта книга еще несколько лет назад подлежала размалыванию на макулатуру "как устаревшая". А студентам в качестве высшей мудрости преподносился "Краткий курс", где исторические события излагались в искаженном виде.

Исходя из таких и подобных им размышлений, я подал в 1949 заявление о выходе из комсомола. Я не берусь решать, был ли я прав тогда. Я знаю, лишь как со мной тогда поступили: меня объявили шизофреником. Повод всегда можно найти: кроме факта выхода из комсомола, доказательством наличия у меня бредовых идей послужил листок с переписанным мною без указания автора произведением Горького "Человек".

Я не хочу перечислять все, что делалось до 1953, это всем известно.

Гражданин прокурор сказал, что хотя в прежнем приговоре нет эпизодов, относящихся к 1949-53, и он не просит признать меня виновным по этим эпизодам, тем не менее, по его мнению, суд должен учесть эти эпизоды как характеризующие мою личность. Поэтому я тоже скажу б этом несколько слов. Речь идет о моих дневниковых записях, в первую очередь в стихах. В качестве примера можно привести такие: Сталин

"в двадцатом стал генсек ЦК,
Но всем ворочал мудрый Ленин,
А Сталин, его скрытый тенью,
В то время был совсем не великан."

В то время это было явной антисоветчиной, а сейчас это общепризнанно. И надо помнить, что все преступления и беззакония, которые тогда совершались, творились не от имени Берии или Абакумова, даже не от имени Молотова или Кагановича, а от имени Коммунистической партии и советского правительства. Поэтому, если я в своих записях того времени и допустил резкие высказывания против последних, то я по справедливости не могу признать себя виновным в этом. В своем докладе "О культе личности и его последствиях" в закрытом заседании XX съезда Н.С.Хрущев сказал:

"Грубые нарушения социалистической законности, массовые незаконные репрессии честных советских граждан, аресты и ссылки без суда и следствия - порождали неуверенность среди населения, вызывали страх и озлобленность."

Это - общий социальный закон. А я - индивидуальная иллюстрация к этому закону. Действительно, иногда у меня возникала озлобленность, хотя я всячески старался, чтобы ее не было.

Что касается моего отношения к мероприятиям партии по исправлению последствий культа личности, к решениям XX съезда, то я должен сказать следующее: в 1955-56 среди моих знакомых не было человека, который радовался бы столь же сильно, как я. Среди моих знакомых были такие, которые впервые узнали о преступлениях, совершенных в период культа личности, и начали сомневаться. Но таких, которые радовались бы больше меня, не было. Я видел: несправедливо осужденные реабилитируются, излишняя централизация устраняется. И я был очень рад, что правительство и партия сами так решительно исправляют старые ошибки. Но я опасался, что хорошие решения так и останутся решениями, а на практике мало что изменится, а через несколько лет, может быть, и вообще все пойдет по-старому. Ибо не все можно сделать указом, инструкцией. Большое значение имеют сложившиеся навыки. Конституция у нас - я всегда это говорил и сейчас повторяю - самая демократическая. А вот "порядки", привычки, сложившиеся у нас за долгие годы вопреки конституции, неправильны. Единственная гарантия того, что культ личности не повторится, это по моему мнению - развитие самодеятельности населения. Только к этому и сводилась вся моя деятельность, во всяком случае, до 21 декабря.

Я не могу сказать, что занимался антисоветской деятельностью, ибо я всюду встречал ободрение и поддержку. Не

было ни одного человека среди моих знакомых, который осуждал бы мою деятельность в целом, по ее направленности. Были споры по частным вопросам, но в целом то, что я делал, никто не осуждал. Характерна разница с 1949 годом: тогда все, даже отец, сказали, что я был неправ, выйдя из комсомола, и я, как известно, в него вернулся... А теперь было совсем иное: сочувствие и поддержка. Антисоветская деятельность - это деятельность антинародная, а я против народа не шел, доказательством чего как раз и является то, что ни с чьей стороны не было ни малейшего осуждения, а была лишь активная поддержка.

Теперь о моей деятельности после 21 декабря. Никому из подсудимых не инкриминируется участие в событиях 21 декабря. Таким образом, даже следственные органы не считают преступлением то, что группа молодежи попыталась собраться в сквере на пл.Искусств, чтобы обсудить творчество художника Пикассо. Тем не менее, когда в этот же день в ЛОСХ студентка консерватории Красовская заявила, что действия милиции, не допустившей этого обсуждения, неправильны и создают аракчеевский режим в искусстве, ее арестовали. Красовская пробыла в тюрьме 14 дней. Трудно описать, что женщины переживают в тюрьме. Вот Вербловская была здорова, а сейчас кровью стала харкать. Красовская ничего не сказала не только против советской власти, но даже против какого-либо действия правительства. В ее речи было лишь замечание по частному вопросу о действиях ленинградской милиции. Поэтому ее арест ни в какие ворота не лезет.

Причем это не только меня задело. Все свидетели из Библиотечного института также говорили здесь о том, как сильно были они потрясены этим фактом. Инициатива перехода к нелегальной деятельности принадлежала не мне. Следствие не вызвало в качестве свидетеля Кокорева, ну, оно, видимо, знало, что делало. Я говорю это не потому, чтобы я хотел за чью спину спрятаться; в этом процессе не нашлось бы столь широкой спины. Если меня называют инициатором и организатором группы в Библиотечном институте, чтобы мне увеличить срок, - я стерплю. Но в целях установления истины и понимания причин я должен сказать, что это неверно: там группа возникла стихийно и так же стихийно распалась.

Венгерская революция 1956 произошла после того, как в СССР и Венгрии был проведен целый ряд очень хороших реформ. Я видел здесь аналогию с польской революцией 1863, которая также произошла вскоре после того, как в России был проведен ряд важных реформ. Я имею в виду не только освобождение крестьян, но и судебную реформу и другие реформы. Это также было справедливое народного движение, которое объективно способствовало реакции. Ибо польское восстание 1863 вызвало поворот к реакции в России. И вот я опасался, что венгерская октябрьская революция вызовет поворот к реакции у нас, и считал нужным этому противодействовать.

Так я расценивал свою деятельность тогда. Как я оцениваю ее сейчас? Это для суда не так важно, ЧТО я думаю сейчас, важнее, из чего исходил я тогда. Кроме того, мне трудно ответить на этот вопрос, ибо я уже в течение более чем 10 месяцев оторван от того,

что делается на воле, не имею возможности читать газеты, слушать радио. А ответ на этот вопрос целиком зависит от того, ЧТО делается на воле. Если на воле сейчас порядки таковы, как было в 1920-22 годах, т.е. при Ленине, то моя деятельность, особенно нелегальная преступная деятельность, была вредной. Если же сейчас порядки примерно 1930-34 годов, т.е. периода начала культа личности, то в этом случае я считаю свою деятельность полезной и правильной.

Субъективно я всегда исходил из интересов нашей страны, из интересов социализма, интересов советской власти. Дело суда - оценить, насколько мне это удалось.

Я считал, что для развития социализма необходима свобода обсуждать - и иногда осуждать - действия правительства. Известно, что в истории нашей страны был период, когда правительство в целом приняло много неправильных мер, таких, как выселение целых народов, массовые репрессии и т.п. Поэтому не всякая антиправительственная деятельность является антисоветской.

И во всей своей дальнейшей деятельности, всю свою жизнь я буду продолжать руководствоваться интересами социализма - как я их понимаю.

Я хотел бы, граждане судьи, чтобы вы в совещательной комнате вспомнили, что диктатура пролетариата и, в частности, ее карательные органы, одним из которых является суд, предназначены для подавления ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ КЛАССОВ, и решили - являюсь ли я представителем этих классов.

Я уже говорил, что считаю социализм лучшим общественным строем. Я никогда не думал о реставрации капитализма. Капитализм для меня воплощение всего самого худшего. Как я часто говорю, капитализм в моем представлении тождествен фильму "Рим в 11 часов".

Говоря анкетным образом, у меня нет никаких родственников ни за границей, ни с имуществом до революции.

Теперь перейду к вопросу о приговоре. Гражданин представитель государственного обвинения предложил приговорить меня к 10 годам лишения свободы, Вербловскую - к 3 или 4 годам... Чем он при этом руководствовался, я понять не могу. Я вспоминаю, что в царское время, известное своей жестокостью, существовал "Союз борьбы за освобождение рабочего класса". Этот Союз занимался изданием и распространением листовок с призывами к борьбе с царизмом, организацией забастовок и т.д. Деятельность Союза была раскрыта правительством, и руководитель Союза В.И.Ленин был осужден. И сколько же он получил? Три года - не тюрьмы, не каторги, а просто ссылки. Может быть, Вербловская гораздо опаснее для советского строя, чем Ленин для царского? Тогда, конечно, ей надо дать столько, сколько просил прокурор.

Дело суда - решить, виновен ли я, и определить меру наказания. Захочет суд практически вычеркнуть меня из жизни - ну, что же, я знал, что я делал. Я не несовершеннолетний Вайль и не влюбленная Вербловская.

В заключение еще два замечания. Гражданин прокурор утверждал, что у меня на квартире происходили собрания антисоветской организации. Действительно, у меня дома были собеседования по истории: я рассказывал, что знаю, о Гапоне, Каляеве и других, выдвигая на первый план личные качества

общественных деятелей, а не расстановку классовых сил. Я не скрываю, что рассказывал с антимарксистских позиций. Но я совершенно не понимаю, как можно утверждать, что я делал доклады с антисоветских позиций, если я говорил о деятелях, последний из которых был повешен 51 год назад, а советская власть существует 40 лет. Далее если можно еще спорить, была ли организация в Библиотечном институте, то называть организацией собрания у меня дома - это явная нелепость. Даже следствие не называло это организацией, а прокурор теперь называет. Эта несправедливость касается не столько меня, сколько свидетелей. Люди приходили ко мне домой, чтобы послушать мои историографические соображения, а сейчас они оказываются зачисленными в разряд членов антисоветской организации. Это - вопиющая несправедливость.

И последнее. В обвинительном заключении часто, а в прежнем приговоре - два раза употребляется слово "клеветнический" по отношению к моим статьям и моей информации. Я допускаю, что суд может расценивать мою информацию как вредную, как тенденциозную, даже как злобную и антисоветскую. Но для того, чтобы утверждать, что она клеветническая, надо доказать, что я лгал. Этого никогда не было. Моя совесть ученого требовала, чтобы я собирал лишь достоверные факты. И я всегда к этому стремился. Другое дело, насколько мне это удавалось. В судебном следствии выяснилось, например, что я был обманут с одним вопросам. Но я всегда стремился лишь к правдивости. Слово "клеветнический" оскорбительно. Я прошу суд, чтобы в приговоре этого слова не было."

Помню, Иру очень расстроила формула "влюбленная Вербловская". Я прибег к ней, как и к "несовершеннолетний Вайль", исключительно ради преуменьшения значения Вербловской и Вайля (и он, к слову, нисколько не обиделся; мало ли что говорится на суде или на следствии!). Штампы, формулы, особенно лапидарные, обычно врезаются в память. И я рассчитывал, что судьи будут под влиянием этой формулы во время написания приговора помнить про несамостоятельную роль Вербловской, которой двигала любовь. А так как среди подсудимых есть заведомо самостоятельный Заславский, которому прокурор требует до двух лет, то и Ире дадут не больше. Ведь срок тогда - не то, что после отсидки - казался долгим, нескончаемым, непереносимым... И рвался я изо всех сил сократить его ей. Она же услышала во "влюбленной Вербловской" презрение к ней, к не-личности, к немыслящему индивидууму, а ТОЛЬКО влюбленной. Не заслуживающей, чтобы с ней самостоятельно считались. В слезах она отвернулась от меня и не хотела внимать никаким резонам. Чем убедительнее я ей доказывал, что мои слова вполне в духе избранной ею же линии доказывать, что она "была лишь хозяйкой, которая разливала чай и выходила на кухню", тем более обиженной делалась она. Этот инцидент в огромной степени повлиял на содержание - и еще сильнее на тон - ее последнего слова. Следовательно, и на приговор, ибо, по моему убеждению, приговор Вербловской на 80% определился тоном ее последнего слова.

Другая моя фраза переполошила адвокатессу, а за нею и всех родственников Иры (напомню, что в зале суда родственники не присутствовали; пускать - избирательно - на такие процессы родственников стали только в семидесятые годы). По своей медицинской безграмотности я выразился "кровохарканье", тогда как у Иры всего лишь систематически шла носом кровь. Стала идти в тюрьме, конечно, на воле не было ничего подобного. Родные засуетились, вообразив, будто у нее туберкулез - "наследственность" - да "уже в такой форме". Заукоряли Кугель, что та не провела медицинского обследования, как провели Заславскому. Но на первом же свидании с отцом Ира успокоила всех, растолковав, что я - как всегда - поднапутал. Так ли уж "просто напутал"? При первом же рентгене в лагере в июне 1958 году у заключенной Вербловской обнаружили следы недавнего активного туберкулезного процесса. Спрашивается, ЧТО двигало моим языком?

“Твои слова на суде, совершенно курьезные, оказались зловещими,” - писала она мне, уже вернувшись из больницы в рабочую зону.

А вот где я напутал умышленно, так это в сравнении с 1863 годом. Я знал, что судебная реформа - 1866 года. Но в то же время комплекс реформ, осуществленных с 1855 года до польского восстания НЕ СВОДИТСЯ к одному освобождению крестьян. В зале суда, без книг-справочников, без цитат довести до сознания эту мысль, равно как и растолковать, что судебная реформа, намеченная к проведению рескриптом осени 1862 года, была бы без польской революции полнее и кардинальнее, гиблая задача. Поэтому я прибегаю к "рельефно-приблизительному изображению". Суть процесса реформы сверху, окраинная революция снизу, отшатывание верхов в реакцию - изображена мною правильно. Даже "инородческий обертон" присутствует. Всякий, мыслящий по существу, сумеет заметить мою неточность и подставить на место "судебной реформы" два-три других нововведения, случившиеся до 1863 года; при этом я великодушно предоставляю ему повод почувствовать свое превосходство надо мною. Ну, а коли такой "мыслящий по существу" еще и склонен решать ТРУДНЫЕ задачи, то он может попытаться поискать емкую формулировку, пронявшую бы моих слушателей в тот момент, где была бы названа ГЛАВНАЯ РЕФОРМА 1855-1862 годов, а именно - разрешение и даже стимулирование подданных со стороны царя высказывать собственные мнения насчет переустройства сложившегося законного и привычного порядка управления! Займитесь, в порядке домашнего задания.

Здесь я инстинктивно опирался на две привычки моей натуры. Я был преподавателем. Следовательно, я был обязан время от времени произносить неверные высказывания, дабы стимулировать работу мысли своих учеников. Помню, году в 1951 я, читая скучнейшую книгу по дифференциальной геометрии, пришел к выводу, что во всякой научной книге (кроме справочников, но я справочников не пишу, это иной жанр) должны непременно присутствовать опечатки. Для-ради того, чтобы от скуки безукоризненности читатель не заснул. Дабы в читателе развивалось сознание равенства с автором, начинающееся с несогласия с написанным, подтверждающееся доказательством, что написанное -

ошибочно. Конечно, для самолюбия лектора или автора это обидно, но для науки и для поиска истины - полезно. Во-вторых, мне привычна была физическая литература. А в ней все позволяют себе называть Землю - шаром, превосходно сознавая, что Земля - никакой не шар, а сплюснутый эллипсоид. Даже если повышать уровень точности, не эллипсоид, а гораздо более сложная фигура. Но, увы, историки никогда не получали геометрического образования и воображают, будто бы могут "точно" описывать "исторические фигуры" - а они куда как посложнее геоида! Их никогда не учили "разлагать в ряд", и они не умеют - за редчайшими исключениями - "выделять главный член разложения", занимаясь вместо того достижением иллюзорной точности. Само собой, там в зале суда этих пояснений я давать не мог. Кабы мог, то мне и не нужно было бы прибегать к кратной-рельефной формулировке!

Не заговорить же про весь этот комплекс идей, связанных с революциями, я не мог. Мне казалось долгом своим предостеречь присутствовавших в зале моих друзей, что в стране наступают годы реакции. Мне очень уж надо было для души произнести баррикадные слова: "Венгерская Революция Пятьдесят Шестого Года" и напомнить тем самым, что я не сдаюсь и не отрекаюсь.

Моя самооценка последнего слова и зала суда видна из следующих моих слов Эрнсту пару месяцев спуся, на свидании:

- Конечно, мое последнее слово, вероятно, намного хуже, чем последнее слово Димитрова, но есть одна существенная разница: ни одни немец, присутствовавший в зале суда, не крикнул Димитрову: "Привет!"

Эрнст же писал мне, что при произнесении последнего слова и при чтении приговора я радостно улыбался.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ВАЙЛЯ

Граждане судьи!

На скамью подсудимых и в камеру-одиночку меня, как ни странно, привела тяга к знаниям. Мы, молодежь, стремимся обсуждать, оценивать, взвесить все, что нам дают. Знакомство с Пименовым представляло для меня большой интерес в том отношении, что я получал от него интересную литературу, которую нигде в другом месте я достать не мог. Я имею в виду, например, книгу Джон Рид, переводы речей Тольятти, Тито, Карделя, перевод статьи Яна Котта, конспект доклада Хрущева и т.д. Вся эта литература - не криминальная. Изо всей литературы, которую давал мне Пименов, инкриминируется лишь послесловие к докладу Хрущева. Поэтому я надеюсь, граждане судьи, что вы не повторите ошибки, которая была в прошлом приговоре, где сказано, будто я систематически получал от Пименова антисоветскую литературу. В прошлом приговоре говорилось, будто я был настроен враждебно к советской власти. Это неверно. Я не мог чувствовать нелюбви к советскому строю, ибо более прогрессивного строя нет. Конечно, я не стремился к реставрации капитализма. Зачем мне надо, чтобы вернулись Морозовы, Прохоровы?

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ДАНИЛОВА

Я хочу сказать следующее.

До сих пор мои жизненные обстоятельства складывались так, что вся моя уверенность в справедливость, гуманность почти исчезла.

Я хочу просить вас, граждане судьи, чтобы вы доказали мне, моим товарищам, всем присутствующим, что существует справедливость, гуманность. Мне хочется верить в это.

На воле я много раз слышал, читал в книжках, что наш суд гуманный, справедливый, что он не только карает, но и воспитывает. До сих пор я не имел случая проверить, так ли это. Сейчас я на собственном опыте столкнулся с деятельностью суда. Я думаю, что в совещательной комнате, при вынесении приговора вы будете помнить, что из вашего приговора я и все присутствующие смогут убедиться, действительно ли наш суд такой справедливый, гуманный, как мы слышали об этом раньше, или нет.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОЙ ВЕРБЛОВСКОЙ

Граждане судьи!

Уже 10 месяцев я нахожусь в заключении, из них 8 месяцев - в одиночке... В одиночке потому, что с мая месяца я - единственная женщина среди политических преступников, находящихся во внутренней тюрьме. Мен кажется, это - еще одна причина подумать над тем, правильно ли я здесь нахожусь.

Мы имели возможность в порядке ст.206 подробно ознакомиться с делом, и я хорошо знакома с делом. И вот, когда читаешь дело, то поражает необъективность органов следствия. Доходит до смешного: так, например, к делу приобщены стихи А.К. Толстого! Ну, это курьез, а есть более серьезные вещи: тот, кто действительно совершил тяжкое государственное преступление, более того, занимался провокационной деятельностью, находится на свободе, среди свидетелей; я говорю о Вишнякове. А тот, кто ничего не совершил, находится в тюрьме только потому, что состоит в близких отношениях с совершившим; я имею в виду себя. То, что я по существу не причастна к этому делу, признавали даже следователи и прокурор. Например, гражданин Кривошеин говорил мне: "Среди лиц, замешанных в этом деле, Вы находитесь где-то на 12 или 14-м месте". Гражданин Демидов не раз говорил мне, что я случайно попала в эту историю. Тем не менее, я оказалась среди ПЯТЕРЫХ обвиняемых...

Известно, что по закону для того, чтобы признать человека виновным в контрреволюционном преступлении, обязательно нужно доказать наличие у него контрреволюционного умысла, т.е. нужно, чтобы он имел антисоветскую убежденность. В отношении всех других подсудимых в прошлом приговоре утверждается, что они были антисоветски настроены. Про меня это не сказано. Да это и понятно: ни на следствии, ни на суде ни один человек не спросил меня о моих убеждениях. Тут подробно интересовались взглядами 17-летнего Вайля, а также тем, какие взгляды были у него в 15 лет и как они изменились к 16 годам. А какие взгляды были у Вербловской, которая преподавала конституцию и историю советским офицерам, - никто не спросил. Почему? Да потому, что никто не сомневается, что мои взгляды ничем не отличаются от взглядов тысяч простых советских граждан. Никакого антисоветского умысла у меня не было и сейчас не появилось.

Кому нужно, для чего нужно, чтобы я сидела в тюрьме, мне совершенно непонятно. Кому от этого польза??? Фактически я отдана под суд только потому, что была в близких отношениях с Пименовым. По закону только члены семьи военнослужащего-изменника Родине могут быть осуждены, даже если они ничем не содействовали его преступлениям и даже не знали о них. А Пименов ведь не военнослужащий и не в измене Родине обвиняется. Знала ли я об антисоветской деятельности мужа? Нет. Занималась ли я сама антисоветской деятельностью? Нет. Тем не менее, прокурор обвиняет меня, и причем не только по ст.58-10, но и по ст.58-11. В качестве обоснования этого прокурор сказал: "Вербловская помогала преступной деятельности своего фактического мужа". Я не могу понять этого. Я перебираю инкриминируемые Пименову эпизоды, но не могу найти ни одного преступления Пименова, в котором я ему помогала бы.

Прокурор говорит: прочла вслух на квартире стихотворение антисоветского содержания. Я не спорю, такой эпизод был, хотя надо сказать, что это стихотворение скорее не антисоветское, а содержащее злобный выпад, направленный на подрыв единства (тут пометка Орловского, что он фразы не понимает, но она записана буквально), но я прочла его не изолированно, а когда рассказывала об аресте этого человека, автора стихотворения - Гидони. Я сказала, что за это стихотворение человек сидит в тюрьме, что подобных разговоров вести не следует. Какая же это антисоветская пропаганда?

Главный эпизод обвинения - чемодан, который я передала Шрифтейлик. Действительно, 26 марта я передавала Шрифтейлик чемодан с бумагами Пименова. По моей краткой описи в нем было 55 названий, а по более подробной описи, составленной в КГБ, бог знает сколько, куда больше. И вот среди всех этих бумаг был всего один документ, являющийся, по мнению органов, следствия антисоветским. Если бы моя цель состояла в том, чтобы спрятать этот документ, то разве нужно было бы тащить весь чемодан? Да и к тому же, я ведь уже 26 марта точно знала, что эти тезисы у органов следствия есть. Причина, по которой я прятала этот чемодан, не в том, что я будто бы хотела спрятать антисоветскую литературу, нет, причина другая: я хотела по просьбе близкого человека сохранить его личные бумаги, представляющие ценность лично для него. Внешне, действительно, была соблюдена форма преступления: передача произведена в женской уборной на Малой Садовой, т.е. соблюдена конспирация.

Теперь о моем участии в исторических собеседованиях, которые Пименов проводил у меня на квартире. Я действительно присутствовала на этих беседах, но не только я не делала антисоветских высказываний, но вообще главным образом сидела и молчала. Никто из присутствовавших там не привел вообще ни одного моего высказывания - ни просоветского, ни антисоветского. Ничего преступного в этих обсуждениях я не видела. Многие свидетели показывали здесь, что я была недовольна этими обсуждениями и требовала их прекратить. Да, это так, но не по политическим причинам, а по личным: 1) мне приходилось много работать, а тут собирались посторонние люди, не давали мне ни отдохнуть, ни подготовиться к урокам. 2) все собравшиеся смотрели

в рот Пименову, у него от этого портился характер, а это в первую очередь на мне сказывалось.

Мне тут сделали замечание, что я слишком оживленно веду себя, улыбаюсь, и по моему отношению к Пименову не видно, что я его преступную деятельность осуждаю. Что касается оживления, то я не знаю, как вел бы себя кто-нибудь другой на моем месте, если б увидел живых людей после того, как в течение восьми месяцев не видал ни одного человеческого лица, кроме кусочка лица надзирателя в глазок, а я вот улыбаюсь. Что касается моего отношения к Пименову, то Вайль может подтвердить - мы с ним вместе знакомились с делом в порядке ст.206 - что когда я впервые узнала о нелегальщине, о подготовке листовки к выборам 3 марта, это было для меня тяжелым ударом. Я не ожидала от него такого преступного авантюризма. И я не могла скрыть своего возмущения, несмотря на все мое хорошее отношение к Пименову. Однако с тех пор прошло много месяцев, ко всему можно привыкнуть, и сейчас у меня уже нет такого острого чувства возмущения против него, и мне было приятно услышать, что он сам называет это идиотизмом.

Все, кто меня знает, понимают, что это нелепость - обвинять меня в антисоветском преступлении. С каждой следующей инстанцией подтверждающей приговор, моя надежда слабее, но я верю все же, что в конце концов я буду оправдана. Просто не нашлось пока честного и смелого советского человека, который скажет: человек сидит ни за что, надо оправдать.”

Сумбурность, эмоциональный накал, самоощущение правоты - все эти перманентно присущие Вербловской компоненты душевного строя ярко отразились на ее последнем слове. Еще одна черточка проявится, когда я припомню ее фразочку мне в тот же день:

- Ну, зачем ты сказала, будто бы твои взгляды ничем не отличаются от взглядов тысяч простых советских граждан? Как-нибудь поиначе бы...

- Ничего ты не понимаешь! Конечно, мои взгляды - как у всех советских людей, т.е. антисоветские! Всякому ясно!

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМОГО ЗАСЛАВСКОГО

Нахождение в тюрьме располагает к размышлениям. За последние 10 месяцев я думал о многом и, в частности, о причинах, по которым прервалась моя научная деятельность и я оказался в тюремной камере. Я пришел к выводу, что одна из причин, хотя и косвенная, состояла в том, что я не был равнодушен к тому, что было вокруг меня. Я не жалею об этом. Я полагаю, что и в дальнейшем не должен приобретать "позорного благоразумия", говоря словами Маяковского, не должен становиться, если употребить выражение Бруно Ясенского, участником "Заговора равнодушных". Другой причиной было то, что я потерял голову, узнав о том, что происходило в период культа личности. Раньше я, конечно, знал об этом кое-что понаслышке, но точно я узнал это лишь из доклада Хрущева "О культе личности и его последствиях" на закрытом заседании XX съезда партии. Когда я узнал о тех масштабах, в которых происходили нарушения законности в период культа личности, у меня появились различные мысли о причинах этого, о возможных путях предотвращения повторения таких же явлений в

будущем. Моей ошибкой было то, что я эти мысли необдуманно заносил на бумагу. Я делал это отчасти по профессиональной привычке: записывать, чтобы не забыть, любую пришедшую в голову мысль, даже самую сырую, непродуманную, с тем, чтобы позже над этим подумать. Как видно уже по внешнему виду этих записей, это - черновые наброски, написанные мною для себя. Я их никому не показывал и не собирался показывать. Многие из этих мыслей ошибочны, даже глубоко ошибочны. Но эти наброски не отражают того, что я думал, а если в какой-то степени и отражают, то во всяком случае - односторонне. В деле имеется лишь одна рукопись, переписанная мною набело (речь идет о моем ответе на написанное Пименовым послесловие к докладу Хрущева о культе личности; эта рукопись мне НЕ ИНКРИМИНИРУЕТСЯ). В деле имеется также черновик этой рукописи. При сравнении беловой записи с черновиком хорошо видно, что когда я хотел делать свои мысли достоянием других, я прежде их более глубоко продумывал, очищая от всего вредного, наносного, демагогического. Поэтому, если даже у меня и были серьезные, глубокие ошибки, то они остались лишь моим достоянием, не причинивши вреда другим. Поэтому моя совесть перед людьми моей страны спокойна. А это, я считаю, главное. Вот все, что я хочу сказать."

Не случайно Игорь вместо естественно ожидаемого "совесть перед народом" пользуется громоздкой формулировкой "перед людьми моей страны". Он был лютым противником демагогии, которую понимал как употребление нечетко определенных или вовсе неопределенных понятий - сказывалась матлогическая школа. К сонму бессмысленных терминов им относился "народ". По требованию Игоря у меня дома было запрещено употреблять данное слово. Употребивший - лишался слова. Заведено это правило еще году в 1954, кажется, сразу по возвращении моем с Кавказа. Орловский знал эту особенность нашей речи, она ему нравилась, и потому в своей наспех и тайком записи в зале суда он ее заметил и отразил. Из девятого абзаца моего последнего слова видно, что я тоже поначалу вместо "народ" выражался "население" (следуя Заславскому и предвосхищая Солоухина). Но потом, смекая, что "с горбатым и говорить следует горбато", я в десятом абзаце сполз на обнакновенное[10] словоупотребление "народ".

Нас опять увели. А через несколько часов - проворнее, чем в первый раз - привели. И опять была демонстрация сочувствия - то самое "привет", который кричали "димитровым". И та же усталость - под стать процессу. Вольняшин, Хомутов и Лариков составили компиляцию из ошибок и искажений первого приговора и определения коллегии верхсуда. Вот стиль ихнего приговора:

"С ноября 1956 года по март 1957 года ЗАСЛАВСКИЙ, являясь участником созданной ПИМЕНОВЫМ антисоветской организации, систематически посещал квартиру ВЕРБЛОВСКОЙ, где принимал участие вместе с ПИМЕНОВЫМ и другими в обсуждении с антисоветских позиций...

"Вина ЗАСЛАВСКОГО в антисоветской деятельности доказана... показаниями свидетелей Райскина, Корбут, Назимовой..."

[10] Òàê â òåêñòå (-Èçä.).

Напомню, что в предыдущем приговоре суд ссылался на Шейниса и Назимову - никогда не знакомых с Заславским и ничего о нем не показывавших по этой причине. Вольняшин из настойчивых повторений Заславского и Шафира сумел усвоить, что Шейнис не при чем, но запомнить вторую фамилию - жены Шейниса - нашему судье было явно не под силу. Вот еще.

"Вина подсудимой ВЕРБЛОВСКОЙ установлена в том, что она, состоя с ПИМЕНОВЫМ в незарегистрированном браке с мая 1956 года по день ее ареста занималась антисоветской деятельностью, являясь участником созданной по инициативе ПИМЕНОВА антисоветской организации..."

Ну, конечно, всем - включая Заславского - квалифицировали по 58-11 также. Мне - те 10 лет, о которых просил прокурор, плюс поражение в правах на три года. Борису - шесть лет, Ире и Игорю - по пять, а Косте - четыре. Единственное, за что я признателен гр.Вольняшину, это за его фразу: "Виновным себя Пименов, по существу, признал." Ведь всякому читающему человеку известно, что вводные слова "по существу" в такого рода литературе означают: "На самом деле не так фактически, но мы поступаем так, как будто бы так." Машинально в ответ на вопрос: "Понятен ли приговор?" - я спросил, несколько наученный опытом поездки в вагонзаке:

- Является ли приговор секретным документом, т.е. имеет ли тюремная администрация право отобрать у меня копию приговора?

Вольняшин, сбитый с толку моим вопросом - он ведь никогда не думал ни о следствиях, ни о причинах своих деяний, он лишь исполнительный винтик, "проводивший указания сверху", - буркнул:

- Это знает сама тюремная администрация.

Решения вольняшина суда в части Иры и Игоря было настолько неожиданно, что мы не сразу пришли в себя. Вербловской врезали больше, чем Данилову. Больше, нежели требовал прокурор. Ни с чем не соразмерный срок. И Заславскому, в отношении которого прокурор не домогался даже увеличения прежнего срока, подбросили с двух до пяти! Бред, казалось нам. В тот миг, под влиянием Иры, мы умозаключили, что Вольняшин антисемит, потому именно им он и дал такие срока. Но сейчас я не смотрю столь упрощенно. Вайлю он дал же на год меньше прокурорских наметок. Мне кажется, что в вынесении приговора сыграли роль требования защиты и подсудимых оправдать Вербловскую и Заславского. Оправдать, вопреки очевидности. Это возмутило судей. Затем судей глубоко оскорбило то чувство человеческого достоинства, которое зазвучало в последнем слове и Вербловской, и Заславского. И, наконец сработало представление Вольняшина о справедливости. По-своему он был справедлив и последователен, Он полагал себя обязанным повысить срок Вербловской из-за определения Верхсуда, которое прямо этого требовало. Он нашел, что надо осудить на пять лет. Но ведь в ходе судебного разбирательства с полной отчетливостью обнаружилось, что Вербловская играла довольно случайную роль во всем деле, уж во всяком случае - не большую, нежели Заславский. Следовательно, ей нельзя давать больше, чем ему. Справедливость не позволяла. Из двух остающихся вариантов решения: обоим дать

"по минимуму", т.е. по два года, или обоим "по максимуму" т.е. по пять лет, судьи, в духе "веяний сверху", выбрали, само собой, второй вариант.

И снова была демонстрация сочувствия. И снова зал был полон друзьями. И снова по лестницам к нам тянулись руки. Чем были руки эти для наших душ? Вот из письма Иры Вербловской от 26 февраля 1959 года:

"Помню ли я толпы в коридорах, на лестницах, в зале 4/II-58? Разумеется! Иногда, когда бывает тяжело на душе, одолевают всяческие сомнения, я вспоминаю эту толпу, и возвращаюсь к мысли, что все правильно. что все оправдано."

И опять был воронок.

§5. Первая пересылка

Определение Верхсуда; доверенности Орловскому; этап; власовец; "есть вместе"; столкновение моралей; растерянность

Данилов кассации не писал, и его примерно через неделю после приговора этапировали в Мордовию - Дубравлаг. Нам же, писавшим, ответ пришел в начале апреля.

Судебная коллегия в составе Гаврилина М.А.[11], Овчинниковой А.М. и Калинина Н.И., заслушав 20 марта 1958 года члена суда Калинина, заключение прокурора Степановой[12], полагавшей приговор оставить в силе и исключением из обвинения Заславского статьи 58-11, и выступления адвокатов, пересказала описательную часть приговора от 4 февраля с одним существенным и рядом мелких, сокращающих изменений. Существенное заключалось в том, что в пересказе был целиком изъят эпизод со "сборищами на квартире Вербловской" в том месте, где речь шла о моих деяниях. Когда же об этих "сборищах" поминалось в местах, относившихся к Вербловской и Заславскому, то мои гости именовались не "участниками антисоветской организации", а "участниками сборища". Итак, моя кассационная жалоба, в которой я добивался снятия с оставшихся на воле бывших моих гостей клейма по 58-11, совпала по настроению данных членов Верховного Суда РСФСР. Вспоминая, что в первом Определении направленность мнений другой Коллегии того же Суда была противоположной, невольно вздохнешь над переменчивостью и неустойчивостью правосудия...

Коллегия признала, что Пименов, Вайль и Вербловская осуждены правильно. Что до Заславского, то

"Доказана материалами дела и вина Заславского в совершении им преступления, предусмотренного ст.58-10 ч.I УК РСФСР. Что же касается осуждения Заславского по ст.58-11, то приговор в этой части подлежит отмене, а дело прекращением производством в силу нарушения судом ст.ст.424 и 311 УПК.

Из материалов дела видно, что приговором Ленинградского городского суда от 6 сентября 1957 года Заславский по ст.58-11 был оправдан. В этой части приговор не опротестовывался прокурором и не был отменен определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 7 декабря 1957 года.

Не нашло подтверждения обвинение Заславского по ст.58-11 и в последнем судебном заседании. С учетом этого и личности осужденного ему и должно быть определено наказание. ... снизить Заславскому до 2 (двух) лет лишения свободы."

Мне до сих пор не ясно, была юридически права Судебная коллегия из Гаврилина, Калинина и Овчинниковой или Судебная коллегия из Вольняшина, Ларикова и Хомутова в толковании, на что распространяется отмена предыдущего приговора. Очевидную голословность формулировки "не нашло подтверждения ... в последнем судебном заседании" можно, конечно, обговорить и так и сяк, но я думаю, что тут проявилась всего-навсего немота и

[11] Ýòîò æå Ãàâðèëèí îòêëîíÿë ìîþ êàññàöèþ â äåêàáðå 1970 ãîäà, òîæå â ãîä Ñîáàêè.
[12] Òîé æå, ÷òî äîêëàäûâàëà ïðè ïåðâîì ñëóøàíèè äåëà â äåêàáðå 1957 ãîäà.

бессловесность членов Коллегии. Сказать же они хотели, что в последнем судебном заседании не было предъявлено никаких новых сравнительно с прежним приговором доказательств. Как бы там ни анализировать с позиций логической семантики или семантического логицизма их безграмотные опусы, изменением приговора резче, до боли, подчеркнула несправедливость осуждения Вербловской. И ей - единственной - довелось отсидеть от звонка до звонка...

Сразу после вступления приговора в законную силу дали свидания: с матерью, с Ирой, с Орловским. С последним - ввиду того, что я написал доверенность на ведение им всех дел, связанных с публикацией моих математических работ, а также доверенность на хранение моих книг, находившихся в опечатанной комнате Вербловской.

Видимая необходимость первой доверенности подпиралась обстоятельствами: мне приходили корректуры моих рефератов для РЖ Математики, куда меня завербовали во время Математического съезда и куда я уже успел написать несколько штук рефератов. На улицу Теряева шли гонорары за те же рефераты, за моим отсутствием почта их возвращала и бухгалтерия слала слезные открытки, умоляя сообщить адрес. Из "Успехов математических наук" пришел отзыв на посланную мною им "Космометрию", намечавший определенные переделки в тексте, предусматривая возможную публикацию. Словом, даже текущей деятельности по напечатанию набегало обозримо много, и доверенность представлялась нужным делом.

Собственно, мое мышление не такое юридическое, как у Эрнста Орловского, посему в идею доверенности я укладывал нечто большее: свое ВОЛЕИЗЪЯВЛЕНИЕ, что, дескать, вот мой поверенный по всем вопросам. Нечто более широкое, нежели даже объем "генеральной доверенности", про существование каковой я узнал гораздо позже уже от Чалидзе. Дабы подкрепить такое выражение своей воли и дополнительно поставить его в положение лица, представляющего во всем мои интересы, я написал вторую доверенность: на хранение моих бумаг и книг, находившихся в комнате Иры. Ира - по уговору со мной - подкрепила ее доверенностью от своего имени на того же Орловского. Эта доверенность мыслилась как некоторый заслон-щит Орловскому против Арновича и Враских, которые могли бы воспретить "постороннему" выносить "ирины книжки" из квартиры; против Михеенковых - Мосиной, которые могли бы и не впустить Эрнста в квартиру, "где ему делать нечего". Собственно - напрочь игнорируя доверенности, родственники именно так и поступили, когда лейтенант Прокопьев снял печати и запустил их в комнату, а Орловского не впустил. Да и до наложения печатей соседи успели пообокрасть комнату; в 1962 году Ира со скандалом кое-что вернула. А тут Арнович и Враская, углядев десяток книжек, которые они помнили у Иры, схватили их. И, конечно, утеряли к моменту ириного освобождения-возвращения. Ира особенно скорбела о потере дорогих ей писем матери, Долли Ильиничны, Британишского. Но потом, уже "без старших", Юра Вербловский согласился впустить Орловского и тот уволок книги и часть стеллажей. Эрнст замечательно все сохранил, наведя в каталогах еще больший порядок, нежели был у меня прежде. Из примерно тысячи книг за

шесть лет утерялось меньше двадцати штук, да и то преимущественно по моей вине. Например, я позволил ему дать подшивку "Нивы" за 1916 год Марине Таировой, у той ее углядела бабушка, разохалась про свое детство - и "Нива" навсегда скрылась с моего горизонта. Совсем иной процент (примерно 20%) пропавших книг при моем аресте в 1970 году. Приятели разворовали мою библиотеку, в основном уже начинавшие входить в моду раритеты, при христианнейшем благодушии Вили - вопреки занудству и педантизму Эрнста. Эрнст не только сохранил наличные книги - собрал-вытребовал по знакомым те, что я роздал почитать.

В самом конце апреля была последняя передача, в которой мать принесла неслыханный деликатес - копченую курицу, кою вторично довелось мне едать только ровно через 27 лет (это вовсе не тот вкус, что у копченой утки, коллеги-гурманы). 4 мая было свидание. Назавтра - этап.

Я не намерен описывать своей лагерной жизни в ее бытовых проявлениях. В конце концов, лагерь и тюрьма суть формы жизни. А жизнь не опишешь. Ведь не брался же я описывать, как я жил день за днем, учась в университете или в Валентиновке у тети Жени! А лагерь, повторяю, та же жизнь. Лишь пока в него не посадят, он видится чем-то небывалым кошмарным. "Вычеркиванием из жизни." Экзотикой. Может быть, тюрьма и сохраняла бы за собой эту роль невыносимого пугала, кабы у властей предержащих оставалось чувство меры. Кабы они уловили, что кратковременные сроки стращают и перевоспитывают - ПЕРЕВОСПИТЫВАЮТ без кавычек - сильнее и основательнее, нежели долговременное лишение свободы. Как ожидание на вокзале за несколько часов утомляет гораздо хуже, нежели поездка в поезде продолжительностью несколько суток. И по той же причине - привыкаешь. Тюремный быт становится естественной частью твоего существования. А человек устроен так, что живет - т.е. страдает и радуется, стремится и смиряется, надеется и отчаивается, помогает другим и урывает себе - в любых обстоятельствах. Достаточно привыкнуть ему к окружающей обстановке - и снова главным в его судьбе выступает его собственная психика, ее подспудные течения.

Великолепную картину - рельефно-приблизительную, экспрессионистско-импрессионистскую, очень верную по сути, только не надо копаться в подробностях и манере - тюремного быта дал нам Солженицын в "В круге первом". Вот то вечное, что в ней содержится, все оно было и со мной. "Или с бойцами. Или - страной. Или в сердце было моем." Ну, а конкретные подробности я выписать не умею. Он, впрочем, тоже не умел, переименовал реальных героев, чтобы не придирались к смещению красок. И я не буду описывать тюремно-лагерной жизни.

А вот переходы из одного состояния в другое - они и впечатление производят большее, и легче для изображения.

Итак, в понедельник 5 мая меня вывезли из Большого дома, к которому я уже привык как к родному, усадили в столыпинский вагонзак. Везли из тюрьмы одного. В купе-клетке (тройник) - тоже одного, других политических не было. Скоро стало известно, что везут на Воркуту. Только в районе Инты подсадили попутчика. Его из лагбольницы этапировали назад на Воркуту. Сидел он с

послевоенных лет, и кое-что порассказал. Но это было еще совсем не то, что я увидел сам, прибыв на пересылку.

Началось с того, что меня остригли. А затем я дожидался, пока начальство, ознакомившись с моим делом, решит, на какой лагпункт направить. Оказалось, что к моему тюремному делу была приложена такая поносная характеристика[13], что лагерное начальство сразу определило водворить меня на строгий, штрафной лагпункт. Любопытно, что доносы на меня за "перестукивание", например, написаны именно теми надзирателями, которые НЕ ДЕЛАЛИ замечаний за перестукивание; те же, кто открывал кормушку и велел прекратить, порой ругаясь, - доносов не писали! Да, так вот в ожидании, держали меня в камере, где номинально были одни только политические.

Но какие политические... Я в первый раз увидел нары - сплошные двухэтажные нары. Есть пришлось прямо из мисок - ложек не дали[14]. Камера была просторная, человек на 20-30, позже в такой объем, наблюдал я, и по полсотни набивали без звука. Нас же обитало всего человек восемь. Холодновато. Вижу - стекла выбиты. Жалуюсь надзирателю, что, мол, стекол нет, а за окном 20° мороза, вьюга воет. И слышу в ответ:

- Да вы же сами и бьете!

Выяснилось, что здесь в этой самой камере недавно устроили хибиш[15], протестуя против чего-то, прежние обитатели побили стекла. Что же это выходит? Я - человек интеллигентный, мыслящий о спасении России, а меня вдруг приравнивают к хулиганам, которые бьют стекла?!

На меня пластами обрушивалось и обрушивалось новое знание. Впервые я узнал, кто такие власовцы. Даром, что повешенного генерала Власова видел у кинотеатра "Гигант" в 1946 году... Нервно ходящий по комнате - я все еще мыслил и изъяснялся во фраерских терминах "комната", а не "камера" и жалующийся на свою судьбу человек оказался власовцем, охотно заговорившим со мною. Он поведал, что была целая многомиллионная армия русских людей, которые, говорил он, перешли на сторону Гитлера, дабы бороться против Сталина, дабы биться за освобождение России[16]. Что армия эта уже почти вся пораспущена из лагерей, а остались единицы, которым не повезло, вроде него вот. И всего-то из-за того, что он, служа в этой армии, в чем-то принимал участие, сжег во Франции, пошла она на хуй, какой-то задрипанный городок...

- Как во Франции?!

---

[13] Âïðî÷åì, Âàéëþ ìàéîð Ëóêàíêèí âïèñàë äàæå "ñêëîíîíöü ê ïîáåãó". È âåäü âîò íèêòî ñ íèõ íè ðàçó íå ñïðîñèë îòâåòà çà òàêîå âðàíüå!

[14] Ìíå è Èðå ìîÿ ìàòü ñðàçó ïåðåäàëè ïî êðóæêå (ýìàëèðîâàííé) è ïî ëîæêå. Êðóæêó ÿ ïðîíåñ ÷åðåç âñå ëàãåðÿ, à ëîæêó ó ìåíÿ âå÷íî îòáèðàëè, èáî íîà íå àëþìèíèåâàÿ, ò.å. íå ëîìêàÿ è ïðèãîäíà äëÿ ïîäêîïà è îðóæèÿ, ïîêà ãäå-òî åå ó ìåíÿ íå óêðàëè, âîîáðàçèâ, áóäòî íîà ñåðåáðÿíàÿ. À íîà áûëà äàæå íå ìåëüõèðîâàÿ.

[15] Òàê â òåêſòå. Â ëèòåðàòóðå ïðèíÿòî íàïèſàíèå - õèſåæ. (-Èçä.)

[16] Ïîçäíåå ÿ óòî÷íèë ìíîãèå äåòàëè è îáſòîÿòåëſſòâà, ÷òî åãî ðàſſêàç äàëåêî íå âſ âñåì ſſîâïàäàë ſ èſòèſſé, íſ ÿ ſèøó íå èſòſðèþ ÐÍÀ èëè äðóãèõ ſſſïàſſûõ âſèſſêèõ ſſäðàçäåëſſèé, à ſſåñòâóþ ſ òſſ, ÷òſ ſſàëèâàëſſſü íà ſſé ſſçã òſſää, íà ſſðâſſé ſſåſſſûëêå. Îòſå÷ó ſàſó, ſſſöèôè÷åſſêè ëàãåðſóþ åãſ ſøèáêó: â ſëåſ ſſſàëſ íåſſêſëüêſ ſèëëèſſſâ, èſ ſſ÷òè âſſåſ ſſòſſ "çà ſëåſ" ſſſñàäèëè, à â ëàãåðå ſſêſſſſ ſðſçâàëè "âëàſſſâöû" - ſòſſþää åãſ íåſſóðàçſàÿ öèôðà "íåſſêſëüêſ ſèëëèſſſâ âëàſſſâöåâ". Ñäàåòſÿ ſſå, ÷òſ ſſ êſſáſſòåſſſſ ÐÍÀ è íå ſðèſàäëåæè, à áûſ èç òåſ ſſëóſſſëèöàâ, ſſëóáåçſſóæſûſ âſèſſêſèſ ſſäðàçäåëſſèé, ÷òſ ôſðſèſſàäèſñ â Áåëſſóſñſèè åùå òſãää, êſãää ſàſ ãåſſåðàë À.À.Âëàſſſâ ſſëó÷àë ãåðſÿ Ñſâåòſêſãſ Ñſþçà íà Âſëſêſëàſſêſſ íàſſðàâëåſèè...

- Ну, да, власовцев немцы использовали карателями во Франции. Гитлер не доверял им воевать на русском фронте. Дурак он был!

- Почему?

- Да ведь власовцы дрались отчаянно. Не сдавались. Знали, что дороги назад нет. Даже когда немцы капитулировали - они дрались. Слышал про Прагу?

- Что про Прагу?

- Ведь ее советские войска брали уже после капитуляции Германии!

- Да ну? Ну и что?

- У кого брали: не у немцев, а у власовцев! Русские против русских дрались в Праге! И вот ни за что меня держат, всех выпустили...

Он ходил, маялся и переживал "несправедливость": в 1956 году их, политических, почти всех выпустили из лагерей на расконвойку. Обязан каждое утро являться на работу, но живешь вольно. Ну, не имел права свободно вести переписку, а только через лагерное начальство, но кто же это соблюдал. А во всем прочем - свободен. Живи, где хочешь, в пределах поселка или города. Можешь жениться, хозяйничать. И его тоже расконвоировали. Он выписал себе из центральной России жену с детьми. Устроился. И вдруг в мае 1958 года вышло предписание, чтобы всех расконвоированных вернуть в зону, за проволоку. И вот он - не совершив ничего - снова в лагере. А как же дети? Жена как?! - причитал он. И заунывно пел:

"Я тебя вспоминал средь зимы
В белоснежных полях Воркутой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой".

Он метался, переживал свою "несправедливость", делился ею с каждым, готовым слушать, требовал сочувствия от занятых своими делами. Ошарашенный, растерянный, подавляемый всем новым, что валилось на меня, - я навсегда запомнил его фигуру: этого крупно шагающего, громко ругающегося человека лет сорока, изменника России, сжегшего в карателях городок и терзающегося за свою жену...

И другие политические в камере. Все имеют пятьдесят восьмую. Но какие же они политические! Тут я сталкиваюсь с людьми, которые, на мой чистоплюйский взгляд, не заслуживают даже названия людей: картежники с единственным интересом выпить и чем-нибудь поживиться. Я не разбирался что и как. Я отчетливо видел, что это - гнусь и мразь; эти три-четыре человека, которые мне бросились в глаза.

Нисколько я не понимал, как надобно держаться в лагере. В частности, не ведал, что "жрать вместе" - дело священное. Если я с тобой ем, значит, я тебе вполне доверяю, числю тебя своим другом. Пожалуй, "есть вместе" в лагере означало еще большую степень душевной близости, нежели "спать вместе" в устах тогдашнего интеллигентного юноши на воле. Во-вторых, если я ем твое, то на лагерном языке это означает, что я беру на себя обязательство

поделиться с тобой тем, что имеется у меня. Закон этот, правда, не политических, а воровской. Но хотя в среду политических занесли его воры, он получил распространение широкое, и был в ту пору общепризнанным. Но я не знал и этих делений: "воры", "суки", "мужики", "фашисты", "цветные", "один на льдине". Даже с главным водоразделом "политические" и "бытовики" только начинал знакомиться. Не ведал я и того, что те, на кого я наткнулся, были собственно воры, в прошлом - "воры в законе", потом заработавшие при Сталине еще и 58-ю. Они следовали из лагеря в "крытку", т.е. часть лагерного срока была им заменена тюрьмой. И они стали угощать чем-то своим, какой-то тушенкой.

Я был выше головы сыт. Во внутренней тюрьме я привык есть очень хорошо. За эти год с лишним я, как уже упоминал в гл.1, съел апельсинов больше, чем за всю предшествовавшую жизнь и за пять лет после освобождения. На шоколад мне и смотреть не хотелось. Мне просто некуда было девать свое съестное. Сплошь да рядом я вызывал надзирателя и отдавал ему килограмм-два твердой колбасы или ветчины, которых мне не осилить. Привез с собой я полон мешок разнообразных вкусностей. Именно вкусностей, а не безличной "еды". К съестному же самому по себе я относился свысока, полупрезрительно. Отчасти - по молодости. Отчасти - "по-идейному". Отчасти потому, что в Ленинграде в те годы изобиловала всевозможная вкусная, доброкачественная и дешевая пища. И на воле, если я не ел когда, то потому, что бывал занят делами, времени пообедать не хватает. Не прерывать же интересный разговор уходом на коммунальную кухню готовить или разогревать еду! И вот с этой привычкой, с абсолютным НЕУВАЖЕНИЕМ К СЪЕСТНОМУ, я согласился - просто чтобы не быть неучтивым, не обидеть радушных хозяев - проглотить пару ложек этой самой тушенки, которой вообще-то терпеть не мог. Да есть и не хотелось. Нервное напряжение первых контактов с людьми после 403 суток одиночки отстраняло аппетит. Отведал и лег спать.

А они-то иначе все расценивают. Я поел - значит, приобщился. Вроде средневековой "клятвы кровью". Я сплю. Меня кто-то трясет за плечо и просит дать ему сахару: "Давай попьем чаю." Мне лень вставать. Что это за ценность - ЧАЙ - я понятия не имею. Мешок у меня как-то так лежит, что до него далеко тянуться. Пришлось бы упустить "постельное тепло". Ведь спальных принадлежностей не выдали, сплю, укутавшись своей шубой и теплым бельем; угрелся. Я ему: "Да не мешай спать!" - и поворачиваюсь на другой бок. Они истолковали сие как мою жадность: я-то с ними жрал, а теперь скаредничаю давать им сахару... Утром просыпаюсь, знать ничего не знаю, не помню ночного разговора. На сон я всегда был здоров, весь в отца. И тюрьмы сна моего не испортили. Правда, глядят они как-то странно, но откуда я знаю, КАК в лагерях друг на друга глядят спросонья? Лезу в свой мешок, поесть собираюсь - там ничего нет. Ни грамма продуктов. И свитера нет. Я спрашиваю, в чем дело. Трое молчат. Один, игравший роль переводчика с лагерного языка на язык фраерский, разъясняет мне, что я, мол, совершил эдакое вот гнусное преступление (передадим такими литературными словами его однообразную матерщину) против лагерных порядков, что я их оскорбил своею жадностью, что они - в порыве возмущения и желая проучить меня, молокососа - высыпали все то, что было в том мешке,

в парашу. Деревянная параша, огромная, рассчитанная на то, чтобы хватало на полсуток на три десятка человек, стояла в углу. Выбросили? При всей моей тогдашней наивности этому я не очень поверил. И правильно не поверил, ибо когда спустя сколько-то часов парашу выливали, никаких следов свитера или консервных банок не обнаружилось. Но "презумпция честности собеседника" не позволяла мне выказать сомнение в его словах.

И тут я совершаю еще одно преступление. Меня оскорбило, что я помещен с такого рода людьми. С людьми, которые в состоянии наложить руку на чужие вещи. Даже допустив, что они не себе взяли, а порвали и выкинули в парашу, - ведь это же ЧУЖОЕ! Да, кто его знает, для меня этот свитер, может быть, имеет не нательную и не рыночную ценность, а "элегическую", возводимую к груди любимой, прижимавшейся к нему! Они украли то, что я в полной доверчивости положил не под себя, а поодаль, не запертое, не спрятанное! Пусть я даже провинился перед ними, но как же можно наказывать ДО того, как объяснишь провинность? "Даже ГБ так не поступало." Потрясенный в своих светлых надеждах - это же были люди, которых я издали воспринимал как своих "товарищей по борьбе" - я тут же сел писать заявление начальнику пересылки с просьбой перевести меня в другую камеру, потому что "я не хочу находиться в одной камере в бандитами". Прежде, чем отдать бумагу надзирателю, я показал его "миротворцу"; прочие трое как раз ушли на прогулку. Он принял на себя роль парламентера - и я полагал своим долгом ознакомить его (и тем самым их) с моими намерениями. "Иду на вы." Он дико перепугался. Тогда я не очень понял, почему. Сейчас-то я знаю, что такое заявление могло бы послужить основанием для привлечения их по статье о "камерном бандитизме", кажется, 59-3 УК, грозившей расстрелом. Это тот же бандитизм, только при отягчающих вину обстоятельствах - беззащитное положение жертвы. В ту пору я не имел о ней представления. Он-то наверняка знал про "камерный бандитизм", но мне не сказал ничего. Самое неестественное в таких случаях - как я позже неоднократно наблюдал уже со стороны - что те, кто ЗНАЕТ юридические последствия, не считают своим долгом СООБЩИТЬ их незнающему. Все совершается во мраке, без разъяснений, Сам, дескать, поймет. "Законы" в лагерях преподаются не словами, практикой.

Он суетливо зауговаривал меня не подавать заявления. Не надо, дескать, горячиться. Что вообще кругом я сам виноват. А они вернут, надо было мне дать им этот треклятый сахар:

- Ты с ними ел!

Но это было для меня дико. Я не понимал значения "жрать вместе", а он не догадывался, что этого можно не знать.

“Ну, и что же, что ел?! - думалось мне. - Мало ли с кем я ел в жизни своей? Это же не причина, чтобы они шарили по моим шкафам.”

Но так как он ОЧЕНЬ уговаривал меня, и так как я в общем-то человек мягкохарактерный, и так как мне в душе мерзко было обращаться к лагерной администрации с просьбой о чем бы то ни было, - то в конце концов я отказался от идеи жаловаться и порвал заявление.

После этого мне вернули ту часть продуктов, которую они не съели. Свитера, правда, не вернули. Мотивировка сохранилась

прежней: его мол порвали и выкинули. Скорее всего, он был настолько соблазнительным, что им невмоготу оказалось расстаться с добром.

Тут один из них вернулся с прогулки. Уже вроде бы мир был восстановлен. Он подошел ко мне, говорит:

- Сними очки.

Я не понимаю, в чем дело, смотрю недоуменно. Он сам снимает с меня очки и бьет меня по морде. Не то, чтобы как сильно - в значительной мере символически. И выкрикивает:

- Я кровь свою проливал! Я здесь на Двадцать Девятой восстание устраивал! Я был в Центральном комитете, который руководил восстанием! А ты меня бандитом называешь?!

Я ничего не понимаю. Какое восстание? Догадываюсь, конечно, что "славное революционное прошлое", но конкретно, что именно за восстание и когда, и почему он, руководитель восстания, счел допустимым ограбить меня, новичка - не постигаю. И каким-то ухом в его выкриках слышу крики припадочного на Нахичеванском базаре. И вины своей не чувствую. Я со своей моралью стою, растерянный, перед совершенно другой моралью. Он в чем-то прав - шевелится во мне - но ведь и я прав.

Так я вошел в иной мир. Мир, представления о котором я не имел, ибо мы не читали ни "Архипелага ГУЛАГа", ни "В круге первом", ни Дьякова, ни Жигулина, ни Шаламова. Не слушали песен ни Высоцкого, ни Галича. Не смотрели кинофильма "Вокзал для двоих". Мы росли в десятилетия, когда власти помнили, что социалисты обещали построить общество БЕЗ ТЮРЕМ, а потому печать, радио и кино ни словом не проговаривались о мире тюрем. (Годы восторга быстрою перековкою блатного мира промелькнули до того, как мы соску сменили на ложку.) Теперь про это обещание они добросовестно позабыли, и литературы про то, как тяжело живется в лагерях-тюрьмах, сколько угодно. Вот и поэтому мне не нужно изображать этого мира.

§6. Время и режим

Изменения в идеологии; изменения в УК; глобальный взгляд; сразу после Берии; прижим весны 1958; постановления совминов декабря 1958; закон от сентября 1961; сравнение исправительно-трудовых кодексов 1924 и 1970 - свидания, переписка, одежда, деньги, передачи; мотивировки устрожений; смена контингента

Я попал в лагерь в очень особенное время. Инструкции и положения о правилах содержания в лагерях и тюрьмах менялись у нас на глазах; И не один раз, и даже не два. Тот, кто подобно Заславскому освободился осенью 1958 года, помнит о совсем другом лагере, нежели тот, кто освобождался вместе с Щербаковым летом 1960 года. И о третьем - мало похожем на оба предшествовавшие - вспоминает сидевший в 1962 году. Дабы все происходившее сделалось понятнее, припомним фон, на котором катились волны перемен 1957-1962 годов. И в глубину и в ширину.

В глубину - это было время, когда кардинально менялась идеология. От государства диктатуры пролетариата, все мероприятия которого предопределялись классовой борьбой, мы перешли в 1961 году к всенародному государству трудящихся, в котором отсутствует классовая борьба. В промежутке, в 1958-1959 годы, мы пережили рецидив сталинской теории "обострения классовой борьбы по мере приближения к социализму" в форме одобрительно перепечатанной из китайских газет теории "пульсирующей классовой борьбы". Этот отказ от "классовой борьбы", которого я все время требовал в своих речах на суде, будучи по существу здравым поступком, усилил советское государство. Те, кто страшился, будто бы отказ от теории классовой борьбы приведет к отказу от методов борьбы, развитых под покровом этой теории, успокоились, когда было найдено словосочетание "идеологическая борьба", под покровом теории которой сохранились основные прежние средства. Сама по себе эта теория столь же вздорна, как и теория "классовой" борьбы, и когда советское правительство поймет это и откажется от сей "теории", мощь советского государства только возрастет (ибо то, что базируется на истине, всегда сильнее того, что основано на лжи). Но не стану растекаться мыслью, буду держаться поближе к уголовно-лагерной теме.

Одним из проявлений прежней классовой теории было то обстоятельство, что нас судили за КОНТРРЕВОЛЮЦИОННУЮ пропаганду и агитацию. Натяжка бесспорная. Этот явный вздор был исправлен в том же году, когда приговор наш вступил в законную силу: в 1958 году был принят и с 1 января 1959 года вступил в силу Закон о государственных преступлениях, где соответствующее деяние именовалось уже "антисоветской пропагандой", а фикция революционности тех, против кого направлена такая пропаганда, сдавалась в архив. Опять же, как приближающий к истине шаг это мероприятие веско усилило советское государство. Мои слова в суде о том, что данная статья придумана против эксплуататорских классов, а какой же я эксплуататор, какой же я контрреволюционер - несшие изрядный разоблачительный заряд - перестали кого бы то ни

было задевать и волновать после указанной переформулировки закона.

Но менялись не только формулировки, изменялись и срока. Здесь нам полезно кроме идеологического измерения включить в рассмотрение еще хронологическое измерение. Согласно первому, приленинскому кодексу, максимальный срок заключения был установлен в 10 (десять) лет. При этом преобладали краткосрочные - измеряемые неделями и месяцами - наказания. В 1928 году малоизвестный Янсон[17] переориентировал все советское юридически-пенитенциарное мышление на ДОЛГОВРЕМЕННОЕ заключение. На сроки, измеряемые многими годами; тогда же началось заселение Колымы и прочего Севера заключенными, что при недельных сроках, конечно, было бы неосуществимо. В 1937 году максимальный срок был повышен с 10 до 25 лет. Сразу же после смерти Сталина Берия обещал новый кодекс и, похоже, что в его проекте максимальный срок предполагалось снизить до 5 (пяти) лет лишения свободы. Мотивировка: при Ленине было 10, а сейчас наше государство гораздо сильнее, чем тогда, и преступления ему не так страшны. Еще в 1956 году циркулировал проект (или "предпроект") нового уголовного кодекса, в котором максимальный срок заключения ограничивался десятью годами. При этом статья 58-10 в некоторых вариантах планируемого кодекса вовсе вычеркивалась; в гл.1 я уже писал, что ее действие было приостановлено в 1956 году. Согласно Закону о государственных преступлениях 1958 года статья 58-10 осталась (за другим нумером) в кодексе, но максимум санкции по ее части 1 снизился с 10 лет до 7, тогда как вообще предельный срок заключения с 25 лет понизился до 15. Через два года, в 1960 году, был принят и введен в действие с января 1961 года полный новый УК. При этом идеология КРАТКОВРЕМЕННОГО заключения не была восстановлена, хотя Хрущев демонстративно настаивал на том, что за определенные преступления вообще лучше не сажать, а брать коллективом на поруки.

Итак, продолжительность уголовной репрессии в целом уменьшилась, Конечно, это обстоятельство напугало "практиков", которые сложились во времена долгосрочных репрессий сталинского времени. Эти практики вырвали у верхов "компенсирующее" ужесточение режима содержания в лагерях-тюрьмах, чтобы, так сказать, произведение срока на жестокость сохранилось. И я попал в лагерь в то время, когда "второй множитель" в этой "энергии репрессии" возрастал. Возрастание шло ступенькам, порой с попятным движением. И для лучшего понимания происходившего целесообразней окинуть всю ширь от 1924 до 1970 года. В этой перспективе маленькими светящимися пятнышками на экране осциллографа истории судьбы моя, моего отца, Вербловской, Вайля и других наших современников точно очерчивают переходный процесс.

Номинально в 1957 году действовал Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1933 года. В интересующих нас аспектах он практически не отличался от ИТК 1924 года, под которым стоят подписи М.И.Калинина и А.С.Киселева[18]. В 1970 году был принят

---

[17] Í.Ì.ßíñîí, â 1923-1930 ãîäû - ñåêðåòàðü ÖÊÊ, â 1928-1930 ãîäû - íàðêîì þñòèöèè, 1930-1931 ãîäû - çàìïðåä ÑÍÊ ÐÑÔÑÐ, ñ 1934 ãîäà - çàì.íà÷. Ñåâìîðóòè. Ðàñïóðåëÿí 20.06.38. Ðåàáèëèòèðîâàí ïîñìåðòíî.

[18] Áèîãðàôèþ äåäóøêè Êàëèíèíà çíàþ âñå. Êèñåëåâ - ðîâåñíèê Ñòàëèíà è Òðîöêîãî, â ñîöèàë-äåìîêðàòèè ñ 1898 ãîäà, ÷ëåí ÖÊ ÐÑÄÐÏ â 1914 ãîäó. Îäèí èç âîæäåé “ðàáî÷åé

новый ИТК РСФСР, под которым подписи М.А.Яснова[19] и Х.П.Нешкова и нормы которого фактически начали действовать за несколько лет до его формального принятия. Каково же глобальное направление перемен у этих двух кодексов? И что происходило в "междуцарствие" их? Как менялась психика законодателя и чем мотивировались изменения?

Общеизвестны нарушения законности в 1936-1953 годы, когда то Ежов, то Берия по наущению или по попустительству Сталина не руководствовались никакими подзаконными нормами, заменяя их произволом-усмотрением; кто забыл, отсылается к §12 гл.4. Мне для моих целей не надо описывать их злодеяний, достаточно только напомнить, что в лагерях к 1953 году царил произвол. Одним из ярких и нежелательных для законодателя последствий такого произвола было положение с "суками" и "ворами" в лагерях. Эти бытовики, истинный паразитический элемент общества, попадая в лагеря, использовали вполне бесправное положение политических и угрозой ножа заставляли "мужиков-фашистов" трудиться на них. Этим они достигали фантастического превышения норм выработки, за что имели фантастические же зачеты и освобождались после двух-пяти лет заключения, имея по приговору все двадцать пять. Попавшись же на убийстве политического или иного зека, он никогда не рисковал своей жизнью, ибо смертной казни тогда не было; точнее, она применялась только к политическим - "к диверсантам, подрывникам", как было сформулировано в законе 1950 года. Положение чуть-чуть улучшил секретный Указ января 1953 года "кровь за кровь", по которому в лагере за убийство вводился расстрел. Резня-то приутихла, но загнанное положение политических и других "мужиков" сохранилось, так что ворье по-прежнему на их труде освобождалось досрочно.

Едва был арестован Берия и с ним куча эмгебистского начальства (см. §15 далее) - а по некоторым сведениям началось это еще в его правление, - как по лагерям прокатились волнения. Где забастовки, где захват заложниками чинов из лагерной администрации, где даже с пистолетными выстрелами по танкам. Воркута, Норильск, Джезказган - вот наиболее известные места "восстаний". С одним из таких повстанцев я и повстречался в предыдущем параграфе. В литературе много подробностей про восстания, к нашей теме они не относятся.

Важно другое. В духе настроений реабилитации высшее начальство в 1954 году в ответ на восстания не ужесточило режима заключения, а напротив, как правило, снимало с постов головку лагерной администрации. Не знаю формулировок-предлогов снятия: за жестокости ли, доведшие до возмущения; за расхлябанность ли, способствовавшую беспорядкам; было ли предрешено снятие до событий, а волнения послужили предлогом. Но снимали. И хотя головка восставших тоже подвергалась репрессиям, наказания были чувствительнее и ощутимее для начальственной головки, издавна привыкшей к безнаказанности. Например, от переживаний-ожиданий "что со мной сделают" генерал-полковник Масленников застрелился,

---

îîîîçèöèè“ â 1920/21 ãîäû. Â 1923-1934 ãîäû - ÷ëåí Ïðåçèäèóìà ÖÊÊ, â 1924-1937 ãîäû - ñåêðåòàðü ÂÖÈÊ ÐÑÔÑÐ. Àðåñò è ñìåðòü â 1938 ãîäó. Ðåàáèëèòèðîâàí.

[19] ßñíîâ, 1906 ãîäà ðîæäåíèÿ, ÷ëåí ÂÊÏ(á) ñ 1925 ãîäà; ñ 1938 ãîäà - çàì.ïðåäñåäàòåëÿ Ìîñêîâñêà, ñ 1950 ãîäà - åãî ïðåäñåäàòåëü, ñ 1952 ãîäà - ÷ëåí ÖÊ ÊÏÑÑ, ñî ñìåðòè Í.Ã.Èãíàòîâà (1966) äî 1985 ãîäà - ïðåäñåäàòåëü Ïðåçèäèóìà Âåðõîâíîãî Ñîâåòà ÐÑÔÑÐ.

едва попав под следствие, еще оставленный на свободе[20]. Зеки, волокущие четвертак, так не нервничали. Последовавшие затем реабилитации, порой принимавшие театральный характер, когда бесправного зека внезапно дергали на вахту, откуда он выходил в генеральском мундире, раздавая тычки прежним своим надзирателям, - вконец деморализовали лагерное начальство. Оно стало дозволять заключенным "все что угодно". Последовали массовые расконвоирования. Режим исчез. Надзиратели превращались в "шестерок". Слухи, один другого фантастичнее, перекрывались былью - Хрущев выступил с докладом, поносившим самого Сталина, памятники которому торчали в любом, захудалейшем, поселке.

Когда после разгрома "антипартийной группы" власть досталась группировке Суслова, сохранившей номинальным хозяином Хрущева, в тюремно-лагерном хозяйстве стали "наводить порядок". Первые "упорядочивающие мероприятия" вроде возвращения определенных категорий политических с бесконвойки за проволоку оформлялись простыми приказами по МВД и начались уже весною 1958 года. В более общем и резком виде они были оформлены как Постановления Советов министров республик; я ограничусь одной РСФСР, где такое постановление было принято в декабре 1958 года[21], одновременно с принятием Верховным Советом СССР Закона об основах уголовного законодательства и Закона об особо опасных государственных преступлениях. Оба эти закона без изменений - только с перенумерацией статей вошли в принятый в 1960 новый уголовный Кодекс РСФСР. А вот положение об исправительно-трудовых учреждениях 1958 года было решительно переиначено когда в июне 1961 года Совет министров РСФСР принял новое положение, которое уже и вошло без перемен в Закон, принятый Верховным Советом РСФСР в сентябре 1961 года. Этот закон был подписан Н.Г.Игнатовым[22]. В Исправительно-трудовом

---

[20] Âûÿñíåíèå îáñòîÿòåëüñòâ ñìåðòè Í.È.Ìàñëåíêîâà - îäèí èç îáðàç÷èêîâ, êàê âåäåòñÿ ïîäëèííî èññëåäîâàòåëüñêàÿ ðàáîòà. È ðåä÷àéøèé ñëó÷àé, êîãäà ìíå óäàëîñü ðàáîòàòü â òåñíîì êîíòàêòå ñ ïðîôåññèîíàëüíûì èñòîðèêîì. ß çíàë - è ïîåäàë î òîì ðåâêîëëåâèè "Ìàÿòà", - ÷òî ãåíåðàë Ìàñëåíêîâ áûë àðåñòîâàí è ðàññòðåëÿí ñðàçó æå ïîñëå âîðâóòèíêîãî âîññòàíèÿ. Çà ÷òî - ÿ íå çíàë, è ïðåäëîæèë âûñíèòü ìîòèâèðîâêè-ôîðìóëèðîâêè. Íî ïî÷òè ñðàçó æå ýòè ðåáÿòà îáíàðóæèëè, ÷òî Ìàñëåíêîâ â îôèöèàëüíîé ëèòåðàòóðå íå ïðè÷èñëÿòñÿ ê ÷åðíîìó ñïèñêó áåðèåâñêîé, à ëèáî çàìàë÷èâàåòñÿ, ëèáî ïîìíÿòñÿ ñâîèì "âåðõíèì ñëóæåáíûì ïîëîæåíèåì", ò.å. "êàê õîðîøèé". Îíè âûñêàçàëè ìíå ñîìíåíèÿ: íå îøèáàþñü ëè ÿ? ß íàñòàèâàë - ðàññòðåëÿí! Áóäü ÿ â èõ ãëàçàõ òðåïåòîì, îíè áû áðîñèëè èçûñêàíèÿ, èáî ïî äîêóìåíòàì ÿñíî - íå ðàññòðåëÿí, à õîðîøèé ÷åëîâåê. Íî ìíé àâòîðèòåò ïîáóæäàë óïððñòâîâàòü â ïîèñêàõ. Îæèäàëñÿ ðåçóëüòàò òèïà: ðàññòðåëÿí, íî ðåàáèëèòèðîâàí èç-çà âëèÿòåëüíîñòè åãî ðîäñòâåííèêîâ, ñëåäîâàòåëüíî, "íà÷àëè ðåàáèëèòèðîâàòü îòäåëüíûõ áåðåãîâåâ". Îäíàêî ïîèñê äàë ñîâåðøåííî ñíîãñøèáàòåëüíûé ðåçóëüòàò: äà, äåëî ïðîòèâ Ìàñëåíêîâà ÁÛËÎ ÂÎÇÁÓÆÄÅÍÎ. Íî îí óñïåë çàñòðåëèòüñÿ ñàì ÄÎ ÀÐÅÑÒÀ, à ïîòîì îñòàëñÿ ÞÐÈÄÈ×ÅÑÊÈ ÍÅÎÎÐÎ×ÅÍÍÛÌ. Ïîýòîì - è â ñèëó ðîäñòâåííèêà - ïîïàë â ïåðå÷åíü ñâåòëûõ èìåí. Âîò òàê îíî â íàóêå: ïîäñòàâëÿåøü äðóã äóãó ãäå ïëå÷è, ãäå ñïëåòåííûå ðóêè, ÷òîáû äóãîé âñêàðàáêàëñÿ âûøå. È íåò ÷èùå íàãðàäû, íåæåëè ñîçíàíèå, ÷òî ïîìîã äóãàì â óñòàíîâëåíèè èñòèíû, õîðîøèõ âûâåñèë è îêàçàëñü îøèáî÷íé.

[21] Âàðèàöèè ïî ðåñïóáëèêàì áûëè ïîðîé èíòåðåñíûìè. Òàê, â Ìîëäàâñêè â òå ãîäû â ÓÊ âîøëî óãîëîâíûå íàêàçàíèå çà îòêàç îñóæäåííîãî ðàáîòàòü â ëàãåðå - íà ÷åòâåðòü âåêà ðàíüøå, íåæåëè â ÐÑÔÑÐ. Êóðüåçà ðàäè äîáàâëþ, ÷òî â Àðìåíèè òîãäà æå áðà÷íûå ñîæèòåëüñòâî áåç ðåãèñòðàöèè áðàêà áûëî ñäåëàíî óãîëîâíî íàêàçóåìûì.

[22] Ìíå ïîìíèòñÿ, ÷òî ïîä êàêèì-òî Çàêîíîì ÿ âêëåë ïîäïèñü Áðåæíåâà (Ïðåäñåäàòåëü Ïðåçèäèóìà Âåðõîâíîãî Ñîâåòà ÑÑÑÐ â 1960-1963 ãîäàõ), íî íå óìåþ ñîñëàòüñÿ. Èãíàòîâ æå áûë òîëüêî ÷òî ïîíèæåí èç ñåêðåòàðåé ÖÊ è îò ýòîãî òðåùåãî â ÷èíîâíîé æèçíè ïîðàæåíèÿ óæå íå ïîðàâëèñÿ, òàê è óìåðåâ â 1966 ãîäó íà ýòîì òóïèêîâîì ïîñòó.

кодексе 1970 года очень мало перемен сравнительно с этим законом 1961 года.

В чем же суть перемен с 1924 к 1970 году? Их тенденция?

Прежде всего, в цели которую ставил Законодатель:

"Ст.2. Лишение свободы ... имеет целью как общее предупреждение преступлений со стороны неустойчивых элементов общества, так и предупреждение дальнейших посягательств преступника..." -

устанавливал кодекс 1924 года. Напротив, кодекс 1970 года угрожал:

Ст.1. ... исполнение уголовного наказания с тем, чтобы оно не только являлось карой за совершенно преступление, но исправляло и перевоспитывало ..., предупреждало совершение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами, а также способствовало искоренению преступности."

Мы видим позицию Законодателя 1924 года: они, верные экономическому учению марксизма, знают, что любое преступление - это симптом неправильного устройства общества. Карать за него личность столь же бессмысленно, как сечь плетьми море за бурю. Личности, лиц, собственно, не существует - имеются "элементы общества". И задача законодателя - найти целесообразные меры социальной защиты от неустойчивых элементов, "волн" в социальном море, а не "наказывать" волны. Никакого наказания, никакой "кары" - дикой звучала бы сия "буржуазная терминология" для т.т.Калинина и Киселева, многажды сидевших в царских тюрьмах. Кодекс же 1970 года пишется людьми, никогда не боровшимися против царизма за социализм, т.е. за общество без каторг и тюрем. Он составляется уставшими изнервничавшимися правителями, которые знают, что "эти распущенные люди" не желают соблюдать их правильных законов. Неграмотными правителями, которые искренне убеждены, что чем сильнее ударить, тем сильнее тебя уважать будут. И достаточно бесцеремонными, чтобы как на заложника возложить на заключенного ответственность за "совершение преступлений как осужденными, так и другими лицами". Вот в каком направлении вершились - не враз - изменения в 1957-1963 годах.

Это можно проследить и конкретнее. Кодекс 1924 года предусматривал зачеты - в кодексе 1970 года их нет. Конечно, бывали злоупотребления с зачетами, я сам с того начал, но характерно, что - как многие неграмотные люди - эти законодатели с грязной водой выплескивают из корыта и ребенка.

Кодекс 1924 года исходил из презумпции, что ОБЩЕСТВО ЗДОРОВО, и главной задачей ставил "приспособление преступника к условиям общежития" (ст.3а). Поэтому, в частности, предусматривались все меры к тому, чтобы заключенные имели как можно больше контактов с вольными: переписка вообще никак не ограничивалась кодексом, а свидания разрешались от ОДНОГО РАЗА В ПОЛМЕСЯЦА (на самых жестких режимах в лагерях и в тюрьме) до ДВУХ РАЗ В НЕДЕЛЮ (на самом мягком режиме - называвшемся тогда "высшим разрядом"). По кодексу же 1970 года число свиданий

колеблется от НУЛЯ (на строгом режиме в тюрьме), от ДВУХ КРАТКОСРОЧНЫХ В ГОД (на общем режиме в тюрьме) до ТРЕХ КРАТКОСРОЧНЫХ И ДВУХ ДЛИТЕЛЬНЫХ В ГОД на самом мягком режиме в лагере. Переписка, будучи неограниченной на самом мягком режиме уже на следующем по степени строгости ныне лимитируется: "Отправлять не более трех писем в месяц" (ст.53) и до одного письма в два месяца (ст.70). Никаких ограничений в получении книг с воли, конечно, в кодексе 1924 года нет. Напротив, по кодексу 1970 года никто с воли не может послать заключенному книги, ни собственной, ни купленной, ни им самим написанной. Как конкретно колебались порядки с перепиской лично у меня, иллюстрируется далее.

Но начинается разница даже не со свиданий и переписки, а с водворения в лагерь. По кодексу 1924 года:

"Заключенному разрешается носить свою одежду" (ст.121),

"Заключенному выдается не позже следующего после его прибытия дня личная книжка установленного образца" (ст.125),

"122. Вещи, которые заключенному запрещается держать при себе в камере, отбираются..."

123. За сокрытие заключенными не полагающегося к хранению в камерах имущества, они могут быть лишены права пользования им в течение всего или части времени пребывания в месте заключения,

124. Из недопущенного в камеры имущества заключенных деньги подлежат хранению на их текущем счету ... а прочее хранится в месте заключения или передаетеся местной милиции."

Разительно иное в кодексе 1970 года:

"Осужденные носят одежду единого образца... Осужденные, отбывающие наказание в исправительно-трудовых колониях особого режима, содержатся в помещениях камерного типа и носят одежду специального образца.

Хранение осужденными при себе денег и ценных вещей, а также предметов, запрещенных к использованию в исправительно-трудовых учреждениях, не допускается. Обнаруженные у осужденных деньги и ценные вещи изымаются и, как правило, обращаются в доход государства... предметы, запрещенные к использованию в исправительно-трудовых учреждениях, изымаются и ... сдаются на хранение до освобождения осужденного либо уничтожаются." (Ст.22.)

Никакого "удостоверения личности" не предусматривается. Зато практика установила - не предусмотренное кодексом - обязательное ношение нашивки на груди куртки с фамилией зека. Отличие от "личной книжки установленного образца" изрядное.

Я за свои шесть с чем-то лет испытал на себе переход от одной системы "воспитания" к другой. Поначалу вольная одежда разрешалась, а возбранялось носить одежду лишь военного и полувоенного образца. Деньги в небольших суммах разрешалось иметь на руках, но иногда полагалось письменно заявить, сколько у тебя денег, а при образовании излишков их могли отобрать. Презумпция - выиграл в карты, что незаконно. Часы, фотоаппараты,

аккордеоны - пожалуйста, покупай, получай в передачах и держи при себе сколько хочешь. Соберутся, бывало, литовцы на завалинке, запоют, заиграют свое. Там же на Воркуте меня фотографировали в зоне. Иру тоже в Суслово ее заключенные подруги фотографировали. Слыхивал я, будто бы даже приемник в Чуне иметь разрешалось, но поручиться за достоверность не могу. Потом все это стало безжалостно отбираться. Порой с уносом в каптерку, порой с разбиением. Мои часы, отобранные в Вихоревке и значившиеся в бухгалтерии за мною, не были отданы мне при этапе во Владимир и не были пересланы туда, невзирая, что я поднял всех прокуроров. Только пять рублей "их стоимости" перечислили мне на второй год пребывания во Владимирской тюрьме.

Верхняя одежда стала преследоваться. Но еще не запрещалось носить свитер под курткой, или вязаную шапочку под казенной шапкой. Потом - даже шерстяные носки и теплое нательное белье стали отбираться. Сначала можно было возить с собой и пользоваться собственным постельным бельем: простыни, пододеяльники, одеяла, подушки. Хоть и хлопотно со стиркой, но многие предпочитали свое. А для многих сентиментальных сердец очень важным казалось спать на "думочке", вышитой любящей рукой. Не менее важным для любящих сердец на воле или в другом лагере было сознание, что "он" спит на изготовленной "ею" подушечке. Для меня же при моих частых этапах, спасением бывало залезть под собственное теплое одеяло в пододеяльнике (подушек и простыней я не возил) на продуваемых всеми ветрами нарах очередной пересылки, где никакого казенного постельного белья и даже матраца "не положено". Потом у заключенных стали отбирать личные простыни-одеяла-наволочки, а выдачу казенных - прекратили. Простыни заменили "матрацовками", т.е. мешками, в которые засовывается матрац, и который стирали раз в один-два месяца. Число казенных одеял лимитировали строго одним и безжалостно отбирали второе. Слыхивал я, будто в семидесятые годы снова стали выдавать простыни.

Еще в 1960 году в книге "Советские исправительно-трудовые учреждения, написанной тремя авторами-сотрудниками МВД на базе положений от декабря 1958 года, на с.22 гордо декларировалось:

"Ношение специальной тюремной (полосатой) одежды, как унижающей человеческое достоинство, не допускается".

Но уже в 1961 году эту самую "зебру" ввели как должное для "особо опасных рецидивистов", и Борька Вайль поносил ее.

Деньгами по старому кодексу разрешалось пользоваться на свои нужды по личному усмотрению, включая питание, почти без ограничения.

Единственным условием был запрет пользоваться ВСЕМИ деньгами на твоем лицевом счете - около 1/3 или 1/4 денег "замораживалось" с тем, чтобы к дате освобождения у тебя накопились деньги. Но и при этом фиксировалась МИНИМАЛЬНАЯ сумма денег, которыми ты во всяком случае имел право пользоваться: на продукты, на кормежку в коммерческой столовой и т.п. Новый же кодекс, напротив, лимитирует МАКСИМАЛЬНУЮ сумму денег, свыше которой заключенный не имеет право израсходовать -

не свыше 15 (пятнадцати) рублей в месяц на самом мягком режиме, включая все поощрения-премии. В тюрьмах же эта "сумма" понижается до двух или трех рублей. При этом существенно, что ныне в понятие этих денег включаются ТОЛЬКО деньги, заработанные заключенным на работе в лагере (тюрьме), по лагерным расценкам. Так что, например, гонорары за публикации, пришедшие тебе в лагерь, считаются нетрудовым доходом и ты не можешь на них приобрести себе ни одного грамма хлеба до самого освобождения. Зарплата за последний месяц твоей работы на воле, которую бухгалтерия после многих проволочек наконец перешлет тебе в лагерь, - тоже "нетрудовой доход" в современной административной интерпретации.

И тут я испытал переход на себе. Коммерческих столовых на Воркуте я уже не застал. Баяли, будто ее закрыли за месяц до моего появления. Но в Мордовии они, кажется, еще функционировали при Заславском и Данилове. Потом пошли ограничения, и на спецу в Анзёбе нам разрешалось приобретать в ларьке (номинально раз в месяц, но реально - раз в два-три месяца) на сумму, эквивалентную тогдашней стоимости трех килограммов сливочного масла. Можно было расходовать ЛЮБЫЕ деньги со своего счета. Позже на Вихоревке можно было расходовать на питание только "заработанные" деньги, и резко уменьшили ассортимент продаваемых товаров. На Владимире сумма закупа была выше нынешних норм, но категорически запрещено было покупать сахар или получать его в посылках-передачах. Мать моя особенно переживала это лишение: сахар же нужен для умственной деятельности! Как же ты сможешь заниматься научной работой, будучи лишенным сахара на несколько лет?!

Тут мы подходим еще к одному важному аспекту. В кодексе 1924 года настаивалось:

"... режим в местах заключения должен быть лишен всяких признаков мучительства, отнюдь не допуская применения физического воздействия: скандалов, наручников, карцера, строго одиночного заключения, лишения пиши, свиданий заключенных с их посетителями через решетку" (ст.49).”

Статья 145 предусматривала некоторые ограничения - в порядке дисциплинарных наказаний - на свидания, выписку, передачу, пользование деньгами, но с оговорками: "Не свыше одного месяца", "деньгами в размере не свыше одной четверти их". А по поводу карцера, который, конечно, неустраним, коль скоро есть тюрьма, и который именовался "изоляция в отдельную камеру", то

"на срок до 14 суток, с ежедневной выдачей горячей пищи и выводом на прогулку через два дня на третий," -

А в статье 148 добавлялось вовсе анекдотичное для нашего поколения требование:

"Одиночная камера для изоляции подвергаемых дисциплинарному взысканию должна быть обычного размера, светлая и снабжена приспособлениями для спанья."

А на цементе в подштанниках без обуви в неотапливаемом боксе без окон и другого освещения - не хочешь, тов.Калинин? Правда, Калинину не довелось посидеть самому, но жена его сидела, авось рассказывала мужу. Да и подписавший ИТК 1924 года Киселев умер в заключении. Еще в упомянутой книге 1960 года настаивается:

"При этом карцер имеет дневной свет, а в ночное время электрическое освещение. В карцере поддерживается нормальная температура. В случае заболевания заключенные освобождаются от наказания карцером."

Не только сам таких карцеров не встречал, но не встречался и с кем-нибудь, посидевшим бы на таком "курорте". А вот смертельно больных людей в карцере - видывал лично. А вот к истекавшему кровью Ивану Тимкиву не подпускали врача недели три - в карцере. Насчет "дневного света" - так его даже в обычных, не карцерных, камерах не бывало из-за практики щитов-"намордников". Вот как описывается карцер кодексом тов.Яснова:

"Во время содержания в карцере, штрафном или дисциплинарном изоляторе, осужденным запрещаются свидания, отправка писем, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач и бандеролей, пользование настольными играми и курение. В карцере и в штрафном изоляторе постельные принадлежности не выдаются, водворенные в них осужденные на прогулку не выводятся. Содержание осужденных в карцере одиночное" (ст.54).

Начет питания, сравнительно с кодексом тов.Калинина, в кодексе 1970 года ничего, но известно, что кроме пониженной пайки хлеба в карцер дается через день кипяток. О размерах карцера, предназначенного для одиночного заключения, может дать понятие ст.59:

"Норма жилой площади на одного осужденного ... в тюрьмах - 2,5 квадратных метра."

Вернемся к наказанию голодом. Старый кодекс не предусматривал никаких ограничений на размер передач-посылок. Новый кодекс либо вообще исключает передачи-посылки (в тюрьмах), либо жестко их лимитирует: весом до 5 килограмм, только после отбытия половины срока заключения, и с частотой от одной в год до четырех в год (ст.28). И сии ограничения находились in statu nascendi в мое время. Сначала число и вес посылок был не ограничен. Потом, на спецу - раз в три месяца неограниченного веса; реально почта принимала до 8 кг, но у одного сосидельника брат работал на почте, и ему приходили посылки весом до 20 кг, так называемые "грузовые". Потом - в тюрьме на строгом режиме - посылки вообще были запрещены. На общем режиме в тюрьме с марта по сентябрь 1961 года разрешалась одна посылка в месяц, на вес внимания не обращали. С сентября 1961 года - одна посылка раз в шесть месяцев, весом строго до пяти килограмм, включая вес тары. Некоторые мои

сокамерники (см. §15) подкупали Исаеву, ведавшую приемом передач, и имели передачи чаще, большего веса и недозволенного ассортимента, но Исаева не хотела очень рисковать (ведь вся тюрьма гудела, что "у бериевцев привилегии" и тем самым объективно доносила на Исаеву), так что до "сладких дней" 1959 года им было далеко, как до неба. Поэтому, в частности, согласно старому кодексу заключенные могли пить молоко - при частоте передач два раза в неделю это нетрудно - и питаться свежими овощами-фруктами, согласно новому - полностью невозможно чисто технически. Более того, новый кодекс специально оговаривает применительно к вольнонаемным лицам, работающим совместно с осужденными:

"Не допускается передача осужденным вещей, продуктов питания, денег ... Виновные в этом, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке." (ст.34)

Чтобы кружки молока не налили. Чтобы огурца не сунули.

Мне кажется, эта статья предельно прозрачно иллюстрирует ту степень отчаяния, на которой находится Законодатель. Уж он бьет, и бьет, и бьет, а сострадание во все щели проползает. И тряпок не хватает затыкать лазейки милосердию. И никак не желают полюбить его эти люди, которые то и дело совершают преступления! А может быть, вспомнить бы слова Ленина, думавшего все-таки на порядок выше и вперед, нежели законодатели 1961-1970 годов: "Не в жестокости наказания" его "предупредительное значение"?! И вернуться к до-Янсоновским порядкам краткосрочных наказаний?

Что проистекает из таких "режимных" мероприятий, иллюстрирует судьба одного моего знакомого прораба. Он бытовик, в лагере я с ним не встречался. За дело ли, по ошибке ли попал он в лагерь - судить не стану. Но довелось ему посидеть на спецу, свежепостроенном. А бытовала практика, дабы "дать почувствовать", добавлять в раствор цемента-бетона соли, после чего бетон практически не просыхает. А ведь сидеть в сырой камере - не то, что в сухой. И вот он посидел и перевоспитался: выйдя на волю и вернувшись к профессии строителя, он всегда, где может, подсыпает мешок с солью в здания, возводимые им для ВОЛЬНЫХ. Пусть они, мол, гады чувствуют, какая у нас "сладкая жизнь" в лагерях!

Тут мы подходим к ассоциированной теме: как объяснялось себе и населению изменение в законодательстве, устрожение режима заключения? Борзописцы из газет решали проблему просто: из лагерного репродуктора над зоной плывут звуки "Танца маленьких лебедей", - значит, ворам и убийцам создали "сладкую жизнь", требуем усилить режим содержания! Никто в печати не обсуждал режим содержания таких, как мы: не воров, не убийц, вообще не совершивших никаких насильственных действий, не причинивших вреда ни одному человеческому существу, не шпионов, а граждан, родившихся и выросших при строе, который называется социализмом, и имеющих собственные мнения. Высказывающих эти мнения, осуждая правительство за конкретные его действия: за посадку невиновных в 1937 году, за ввод войск в Венгрию в 1956 году, за хрущевский закон об образовании и т.п. предлагающих свои собственные мероприятия по улучшению жизни в родной стране -

упразднить такие-то органы, перестроить такую-то сферу жизни. Вслух гогочущие над кукурузой на Севере.

Если в кодексе 1924 года некоторое объяснение определенным строгостям применительно к преступлениям по ст.58-10 отыскивалось легко:

"... вторая категория - профессиональные преступники, а также те из заключенных, которые, не принадлежа к классу трудящихся, совершили преступление вследствие своих классовых привычек, взглядов или интересов..." -

то какие же нужно изобретать "классы", чтобы суметь отнести меня, сына чекиста и учительницы, не имевшего никакой собственности, даже не слушавшего иностранного радио (что видно из приговора!), - к ВРАЖДЕБНОМУ КЛАССУ?! А признать, что - как учит марксизм - всякое преступление имеет СОЦИАЛЬНУЮ причину, что наличие таких "преступников", как я, свидетельствует о неправильностях в их собственной практике управления (например, в системе ихней пропаганды, о чем я подробно толковал в §1 гл.4) - им не под силу. Поэтому в новом кодексе они вовсе никак не мотивируют жесткий режим применительно к особо опасным преступникам" (равно как и объяснение этих деяний к "особо опасным преступникам").

Единственная известная мне "мотивировка" - зловещая, от которой мы в камерах вздрогнули - жестокости применительно к нам была помещена в форме карикатуры в "Крокодиле" году в 1960-1961. Складское помещение, несколько крыс с антисоветскими физиономиями в мышеловке, в дверях милиция уводит мужчину, подразумевается - Берию. И одна крыса другой с надеждой:

- Завхоз проворовался, теперь нас выпустят!

"Мотивировка", при которой несогласных с ними людей уже и за людей считать не к чему...

В статьях-заметках насчет того, что надобно "усилить режим", фигурировали обычно какие-нибудь насильники, злодеи с общечеловеческой точки зрения. Что в эти же условия могут попасть практически невинные лица, не подымалось в нашей литературе-искусстве до кинофильма "Вокзал для двоих". Газетной лажи вполне хватало на таких, например, политически невежественных личностей, как академик А.Д.Александров. Он, начитавшись и наслушавшись страшных россказней про бандитов, счастливо живущих в лагерях-курортах, был не удовлетворен представленным на сессию Верховного Совета РСФСР в сентябре 1961 года проектом Закона, находя его слишком слабым, мягким. Слова для выступления ему не дали, и он воздержался при голосовании. Его поступок - уклонение от единогласного одобрения - вызвал "возмущение общественности", и на следующих выборах его кандидатура выставлена не была.

Ну, а сами себе как управляющие мотивировали такой отход от установок М.И.Калинина? У меня нет сведений насчет годов 1957-1963, но в конце 1960-х годов мне попались несколько брошюрок, изданных для депутатов Верховного Совета СССР. Тематически в них содержался подбор сведений о содержании заключенных в различных странах. Подбор к сессии, где должен был приниматься

Кодекс или Основы его. И вот, вникая в них, обнаружил я, что подборка была заметно тенденциозной: приводились данные о режимах в диктаторских государствах. Отрывочно, утяжеляющие моменты. А вот той информации, которую можно почерпнуть хотя бы из шведских детективных романов, что в Швеции заключенного отпускают на уик-энд домой в семью, как правило, в этих брошюрках сыскать было немыслимо. Кто-то заботился, чтобы депутаты Верховного Совета не смутились бы противопоставлением-сопоставлением...

Применительно именно к нам, политическим, тюремно-лагерная администрация оправдывала жестокие мероприятия в своих собственных глазах примерно такого сорта рассуждениями. Да, конечно, среди осужденных по 58-10 изредка попадаются приличные люди, с которыми можно было бы управиться и более мягкими мерами. Но громадное большинство среди них - хулиганье и шпана, с которой обходиться можно только по-крутому. Фактически это было верно. Вот три разнородных эпизода. Ведут нас, группу человек в 10-15, по поселку со спеца в баню. И один или два - из нас, НАС - начинает цинично задевать, охальничая, проходящих женщин. Естественно, что она в ответ - зная, что мы с политического лагеря - поливает: "Всех вас, фашистов, пострелять давно пора!" Или вот во Владимирской тюрьме мой предшественник по камере 1-93 (см. §14) съел радиорепродуктор. Только ради того, чтобы на несколько дней, пока будут оперировать и извлекать детали, его поместили на больницу и кормили бы по-больничному! Или вот, в той же тюрьме неизвестный мне заключенный со второго этажа привязал свою мошонку веревкой, другой конец которой закрепил на двери, прибил гвоздем себя к табуретке и крикнул надзирателю: "Открывай дверь!" Дверь отворялась наружу. Да что приводить сотни подобных примеров, когда в книге А.Т.Марченко "Мои показания" автор, ничтоже смутяшеся, пишет про "корпусного врача Галину", хотя эта врач привыкла, что даже генералы (и белой и советской армий, сидевшие во Владимире) уважительно именовали ее "Галина Николаевна"!

Ведь в 1956-1958 годы в среду политических хлынул массовым потоком новый контингент: бытовики, которые "зарабатывали" себе пятьдесят восьмую в своем бытовом лагере. То он вытатуирует себе "раб КПСС" на лбу, то на половом члене - "портрет" Хрущева. Но чаще бывали загадочные истории, которые я слышал десятками. Опер (кум) бытового лагеря вызывает к себя имярек заключенного, угощает его папиросами-водочкой-колбасой, дает ему текст, пишущую машинку и велит размножить сей текст. Оставляет одного на денек или вызывает несколько дней подряд. Потом велит раскидать листовки по зоне (вариант - берет листовки с собой). Если при аресте зека начинает давать показания на кума, то у того оказывается надежное алиби, а машинки такой отродясь и не бывало на этом лагпункте. Словом, мотают тому десятку и переводят к политическим. О мотивах опера остается только гадать, их с ходу можно три взаимно-исключающих придумать: Но дело здесь не в их мотивах, а в том, что таким образом вся эта шпана, "шобла-ебла" заполоняла собой политические лагеря; ведь очевидно, что серьезный, даже бытовик, на такую авантюру не пошел бы даже при сколь угодно сильном давлении кума. Именно присутствием этого

неустойчивого и хулиганистого элемента лагерная администрация целиком оправдывала себе все прижимы по отношению ко мне, моему отцу, Вербловской, Вайлю, Трофимову, Хайбулину, Меклеру.

В упомянутой книге 1960 года авторы еще помнят, что

"Лишение самого дорогого блага - свободы, отрыв от семьи, невозможность распоряжаться собой, неизбежные неудобства и лишения - все это не может не причинять преступнику определенных страданий. Лишение свободы продолжает оставаться тяжелым наказанием" (с.14).

Конечно, это далеко от лаконической фразы Достоевского:

"Самое большое надругательство над человеком - это лишение его свободы".

Именно потому, что социалисты грезили избавить человечество от тюрем, от лишения человека свободы, Достоевский в юности увлекся социализмом. Именно в вопросе о тюрьмах Сталин усматривал в 1906-1907 годах главный аргумент против анархистов: раз анархисты болтают, будто бы при социализме сохранятся тюрьмы, значит, ни черта они не смыслят в социализме (см. §1 гл.4). Нет, конечно же, не сохранятся тюрьмы при социализме - вот только надо быстренько подавить эксплуататорские классы - никаких тюрем, жандармов, судей. И Калинин в ИТК РСФСР 1924 году писал:

"4. Исправительно-трудовое воздействие на заключенных в целях полного и действительного его осуществления должно проводиться путем дальнейшего усовершенствования и максимального развития, вместо оставшихся от прежнего времени тюрем, сети трудовых сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных колоний..."

И Хрущев - еще помня, что он давал какие-то обещания народу - широковещательно демонстрировал закрытие отдельных тюрем в Москве, клялся и божился, что к концу его семилетки с преступностью в СССР будет покончено. Переименовывал МВД в Министерство Охраны Общественного Порядка. Заводил добровольные народные дружины как общественный орган, которому предстоит при коммунизме - т.е. к 1981 году - сменить милицию. А Шелепин, дорвавшийся до власти в КГБ, напротив, искал, по кому бы громче ударить. И в новом кодексе спокойно, без оговорок насчет их исключительности, поминаются тюрьмы наряду с "исправительно-трудовыми колониями" (тем, что в просторечии называется "лагерями", хотя строго юридически это словоупотребление неправильно; но конечно "колонии" в калининском контексте - совсем не то, что в кодексе 1970 года).

И вот как раз в годы смены одного воззрения на места лишения свободы другим - нам довелось попасть в этим места.

§7. Иван Гаврилович Щербаков в 1957-1960

Шесть обысков и выемок; ретивый капитан; Щербаков и Орловский; Мы - "свидетели" у него; приговор; на Сосновке в Мордовии; Публикация заключенного; акт о павшей кобыле; досрочное освобождение; ссоры с женой

В §13 гл.1 я уже поведал, как Ира Вербловская своими экспансивными излияниями перед притаившимся микрофоном поставила под удар моего отца: в поисках чемодана у него "на всякий случай" произвели обыск 29 марта 1957 года. В духе искомого, изымалось главным образом то, что относилось ко мне:

"Мы, сотрудники Управления КГБ Московской области Савельев и Климушкин на основании ордера, № 17 от 29 марта 1957 года в присутствии понятого Кузьминых Антониды Андреевны коменданта ВНИИЛЭО Раисино, руководствуясь ... обыск у Щербакова Ивана Гавриловича ... дома № 14 по усадьбе Раисино...

1. Конверты разные с письмами Пименова Револьта на имя Щербакова И.Г. - всего 30 штук.
2. Конверты голубого и светло-голубого цвета на имя Щербакова И.Г. - принадлежат Пименову Р. - 2 шт.
3. Отрывок из белого конверта из адреса Пименова Р.
4. Карточка Пименова Р. и его отца - Щербакова И.Г., сфотографированных в усадьбе Раисино - 1 шт.
5. Письма Пименова Р. отцу без конвертов рукописные и одно печатное на пишущей машинке - всего на 10 листах.
6. Рукописи Пименова Р. на белой бумаге - на 6 листах.
7. Копия доклада 1 секретаря ЦК КПСС на XX съезде КПСС "О культе личности и его последствиях" с рукописными пометками и записями между строк и на полях - на 29 листах.
8. Копия печатных текстов статьи с заголовком Антидемократические высказывания на страницах советской печати" - 3 экземпляра, на двух из них надпись черной тушью - Пименова Р., начинающаяся словами "Уважаемый товарищ" и оканчивающаяся "польскую газету" и "югославскую газету" - на 13 листах.
9. Копировальная бумага черная с текстом пишущей машинки - всего 16 листов.
10. Копия печатного текста "Интервью тов.Тольятти для журнала "Нуово Аргументи" с подчеркнутым карандашом текстом - на 9 листах.
11. Копия печатного текста с заголовком "Депутату Верховного Совета СССР" - от Пименова Р.И. - на 1 листе.
12. Копия печатного текста с заглавием "Дополнение: завещание Ленина" - всего на 1 листе.
13. Белый лист с текстом пишущей машинки - 1 лист.
14. Конверты белые с надписями "Посольство Польской Народной Республики" и "Посольство Федеративной Народной Республики" - 2 шт.
15. Записи разные и письмо на имя Воли - всего на 3 листах.

....."

Обозрев поживу, капитан Егоров вспомнил, что еще в ноябре 1956 года сотрудник того же ВНИИЛЭО Паненков Григорий

Дмитриевич написал донос на означенного Щербакова И.Г., который-де в связи с событиями в Венгрии ведет антисоветские разговоры среди сотрудников лаборатории. Доносу тогда не дали ходу. Сейчас же, в свете раскрытия крупной антисоветской организации в Ленинграде, ряд материалов каковой обнаружен у антисоветчика Щербакова И.Г., капитану Егорову стало неоспоримо ясно, что надо энергично взяться и расширить дело. 30 марта к Марусе Лесновой снова заявляются С ТЕМ ЖЕ САМЫМ ОРДЕРОМ оперуполномоченные - добавляется Болихов и изымают:

"1. Журнал "Коммунист" № 18 за декабрь 1956 с подчеркнутым текстом и записями карандашом на полях на стр. 26, 27, 33, 34, 43 к статье "Выступление Э.Карделя".

2. Работа И.В.Сталина "Анархизм или социализм" издания 1950 с записями красным карандашом на полях на стр.60-67.

3. Журнал "Иностранная литература" № 2 за август 1955 с надписями черным карандашом на стр.198 и в конце статьи Мао Динь.

4. Работа И.В.Сталина "Экономические проблемы социализма в СССР" изд. 1952 с записями на полях на стр.15-18, 23, 27-29, 30, 74, 75, 78.

5. Конверты с письмами Щербакова И.Г. на имя Лесновой М.П. - 4 шт.

6. Конверты без писем Щербакова на имя Лесновой - 4 шт.

7. Конверт на имя Вербловской Ирины в Ленинград-137 до востребования - 1 шт.

8. Письма на имя Маруси от Ивана без конвертов - на 6 листах.

9. Рукопись в стихах "Голуби" на 1 листе[23].

11. Общая тетрадь в клетку в черной обложке с записями чернилами на 10 листах - 1 шт."

Позже, при передаче дела в суд, из этого вернули предметы, перечисленные в п.п.5-11. Курьезно, что из первого обыска ничего не вернули, даже "Завещание Ленина", изданное в 1956 году массовым тиражом. Даже фотографии!

Мало, мало для Егорова. Он помешался на идее пришить Щербакову не просто 58-10, но 58-11. При этом лавры разоблачения организации капитан хотел сохранить за собой. Следовательно, в Москве предстояло судить организацию, состоящую из одного человека - Щербакова. Забегая вперед, порадую читателя, что капитану не удалось убедить суд, будто такие организации бывают, хотя суд не блистал ни юридической культурой, ни смелостью адвоката, ни правовой грамотностью подсудимого. Да и все следствие велось неграмотно, с весомой дозой обмана и авантюризма.

Например, из первого же протокола обыска - п.14 - усматривается, что обыскивающие считают слово "Федеративной" таким же названием народа-государства, как "Польской". Что

[23] Ýòî ñòèõîòâîðåíèå íàïèñàíî íàðîäîâîëüöåì Í.À.Ñàáëèíûì è èçúÿòî ó íåãî íà êâàðòèðå â íî÷ü íà 3 ìàðòà 1881 ãîäà æàíäàðìàìè, øåäøèìè ïî ñëåäàì öàðñêóáèéö. Îí, êîíå÷íî, íå ìîã ñåáå ïðåäñòàâèòü, ÷òî óëèöû áóäóò íàçâàíû èìåíàìè Ïåðîâñêîé è Æåëÿáîâà, íî åãî ÿçâèòåëüíûå ñòðî÷êè áóäóò ïî-ïðåæíåìó ïîäîçðèòåëüíûû îðäåðà èìóùèì: "... Êåì æå èäåò ýòî çëîðåäíûå ê âàì ïðèâëåêàþòñÿ? Êåì? Ñêàæóò - ïðèðîäîé... Äëÿ áëàã ÷åëîâå÷åñòâà âûñêàæó ìíîãî ñâîå: Åñëè ïðèðîäà âðàæäåáíà îòå÷åñòâó - Âûñëàòü ïîäàëüøå åå!"

рукописи они описывают гуртом, без полагающихся уточнений: "начинающаяся словами ... кончающаяся словами". В п.8 они принимают на себя функции экспертов-графологов, ничтоже сумняшеся констатируя, что почерк - такого-то. То же самое относится к п.2 и п.5: откуда они знают, чьи это конверты и письма? Ведь не подписывал же я своих писем к отцу своею фамилией! Конечно, со слов Маруси, от которой они властно потребовали "отдать все, принадлежащее Пименову Револьту", они зачисляют эти бумаги в пименовские. Но в протоколе обыска недопустимо смешивать констатацию действий по изъятию и действий по допросу; хотя бы оговорили "со слов Лесновой - принадлежат Пименову." Но они даже не отмечают в протоколе не присутствия-отсутствия Лесновой в момент обыска, и совсем не указывают, что "обыскиваемое лицо" Щербаков ОТСУТСТВОВАЛ в момент обыска.

Капитан едет в Ленинград и допрашивает Щербакова КАК СВИДЕТЕЛЯ по делу Пименова, хотя Егоров не имеет никакого касательства к ведению того дела; он не включен в следственную бригаду. То, что он по фактически начатому им против моего отца делу допрашивал того в качестве свидетеля, является грубейшим нарушением процессуальных норм не только с его стороны, но и со стороны его ленинградских коллег, доставивших ему эту возможность. При этом ведь, как я уже писал, в Ленинграде Щербакова с 5 по 9 апреля "задержали", т.е. посадили в тюрьму. Издевательским образом его выпустили, чтобы не этапировать в Москву, а пусть доедет за свой счет - и 12 апреля арестовали на Ленинградском вокзале в Москве.

Сидят И.Г.Щербаков и его двоюродная сестра Клавдия Лихушина-Варенцова. Стоят Серафим Андреевич Шеин (слева) и двоюродный племянник Щербакова - Владислав. Раисино, 1949.

13 апреля капитан Егоров совместно с Болиховым и Тарасовым производят еще один обыск в доме Лесновой, забирая все газеты, на которых были хоть какие-то пометки; старые удостоверения отца, в том числе о службе в ЧК-ГПУ, что воспроизведены в §6 гл.2; все рукописи почерком отца; карту района города Магадана и т.п.

В этот же день в Ленинграде у Грузова был по указанию Вербловской изъят чемодан, который мы относили к Левиной 20 июня 1956 года. Находившиеся в нем бумаги показались ненужными ленинградскому ГБ, но письма от Щербакова ко мне - главным образом 1949-1953 годов - они передали капитану. В своих дополнениях к судебному следствию (см. §3), так всполошивших Вербловскую, я нарочно для свидетелей сказал, что из того чемодана несколько писем отца сочтено криминальными. Чтобы выдававший чемодан Грузов не думал, будто на его совести ничего нет ничего.

Но, кажется, стыдно ему не стало. Во всяком случае, ни он мне, ни какой-либо знакомый Грузова мне не говорили, будто бы Женю хоть сколько-нибудь мучали угрызения совести в связи с этим чемоданом. А Вербловская напрасно волновалась, будто ей могли что-либо пришить в связи с этим эпизодом из-за моих слов: раз эпизод не попал в обвинительное заключение, то суд не может его вставить в приговор на основании голословных заявлений одного подсудимого в самом конце судебного следствия!

Даже с этими письмами отчаянно ощущая недостаточность материалов, 17 апреля капитан посылает Болихова, Лукьянчука и Тарасова, которые из опечатанных шкафов достают документы отца, а 17 мая сам капитан вскрывает опечатанные шкафы и протоколирует:

"... В результате осмотра была обнаружена работа В.И.Ленина "О государстве" изд. 1933, на стр. 12, 13, 18, 19 имеются карандашные пометки и записи, исполненные Щербаковым.

Данная брошюра подлежит изъятию.

Для изучения диссертационной работы Щербакова "Тиф кроликов" изъят ее машинописный текст на 187 стр. ..."

Но даже штудирование диссертации по тифу - правильно "паратифу", но кондовое невежество препятствует капитану даже правильно скопировать название - кроликов не помогает этому ретивому и обезумевшему от длительного безделья гебисту.

Он пускается на следующий трюк.

В июне приезжает в Ленинград. Допрашивает меня, Иру, Бориса, Эрнста о моем отце. Иру - 5 июня, меня - 6, 7, 10, 11 и 14 июня, Эрнста - 13 июня; когда Бориса - не знаю, но ведь Борис и не знавал моего отца, так что протокол получился пустым[24]. Не знаю, как он допрашивал Иру, но мне он дал "честное слово коммуниста", что "мы Вашего отца арестовывать не будем", что "ничто из Ваших показаний не повредит Вашему отцу, а только поможет ему", ибо "некоторые полагают, будто речь Хрущева и др. написал Ваш отец, а только Вы своими показаниями можете снять с него эти обвинения." Не очень-то доверяя "честному слову" капеэсесовца, но и не привыкши ко лжи в лицо, я полагался более на юридическую сторону: ведь нас капитан допрашивал не как свидетелей, а как обвиняемых. Протоколы шли в НАШЕ дело. Если бы действительно отца арестовали или собирались бы арестовать, то завели бы дело на него и нас потянули бы свидетелями, рассуждал я. Убивать надо в детской колыбели тех, кто на следствии РАССУЖДАЕТ, вместо того, чтобы молчать и молчать. Рассуждать должно - знал еще Спиноза - только будучи свободными от страстей, а в тюрьме действуют силовые поля таких страстей, таких страхов, таких надежд, что все умозаключения искажаются и опорачиваются. Будучи подвешен за ребро на крюк, не рассуждай о крюках и ребрах, а терпи. Или вопи. Даже Христос в таком положении не удержался от ошибки в рассуждении: "илИ, илИ! ламА савахтанИ?"

Итак, стал я давать показания, изображая себя блудным сыном, который нес всякие резкости, а отец его одергивал.

---

[24] Âñïîìíèì ïðîöèòèðîâàííûå â §18 ãë.1 çàÿâëåíèå Áîðèñà Àáéëÿ ñóäó îá îòñóòñòâèè â äåëå ýòîãî ïðîöåññà - òàêîé ïðîòîêîë è íå íóæåí áûë ñëåäîâàòåëþ.

Например, я признал, что послал ему статью "Антидемократические высказывания на страницах советской печати" (см. §1 гл.1), вложенную в конверт с адресом Польской Народной Республики и Федеративной Народной Республики Югославии, дабы отец снес эти конверты в посольства данных СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ стран, к общественности которых я собирался апеллировать с целью показать, что в СССР есть люди, которые стыдятся поступков своего правительства (ведь статья моя ПОСЛАНА в "Правду", а "Правда" не опубликовала!), чтобы приличные люди не смешивали всех русских и советских людей с правительством этой страны. Отец же мой, говорил я, совершенно не согласился с этой затеей, отверг и эту мою статью и письма депутатам, как и прочее, и отказался помогать мне.

Я-то из кожи вон лез, выгораживая отца, а у капитана трансформировалось: ПОЛУЧАЛ УКАЗАНИЯ от руководителя антисоветской организации. А раз "получал", то МОГ ВЫПОЛНЯТЬ. Отсюда до "выполнял" или "собирался выполнять" дистанция микроскопическая. Правда, трансформировалось не в протоколах моих допросов, а в формулировках вопросов, задаваемых позже обвиняемому Щербакову со ссылкой на показания свидетеля Пименова... При юридической неграмотности моего отца ответы на такие вопросы ложились в протокол как раз, как надо было капитану. И в формулировки обвинительного заключения. И совести мой не легче. Потом названные протоколы были изъяты из нашего дела и направлены в дело Щербакова. Примерно так же выжимал он "подтверждения" наличия "организационной связи" и из Иры.

А вот протокол допроса Эрнста Орловского:

"ВОПРОС. Кого из родственников Пименова Вы знаете?

ОТВЕТ. Мать и отца - Щербаковых Ларису Михайловну и Ивана Гавриловича.

ВОПРОС. В каких отношениях с ними Вы находились?

ОТВЕТ. Лариса Михайловна живет в Ленинграде и я встречался с ней в период посещения мною Пименова до 1955, когда Револьт жил у нее. Впоследствии я раза три встречал ее на квартире у Пименова. Иван Гаврилович живет в Московской области, пос.Раисино. Летом 1956 г. после Всесоюзного математического съезда, в котором я принимал участие, я несколько дней по приглашению Пименова жил у Щербакова. Отношения у меня с ними были нормальные, никаких личных счетов не было.

ВОПРОС. Сколько дней Вы жили у Щербакова в Раисино?

ОТВЕТ. Я точно не помню, примерно дня три-четыре. Это вызвано тем, что я старался закончить свою диссертацию для того, чтобы отдать ее своему научному руководителю, проживавшему в Москве[25].

ВОПРОС. Когда Вы познакомились со Щербаковым?

ОТВЕТ. Я познакомился со Щербаковым как раз в это время.

ВОПРОС. Встречались ли Вы со Щербаковым в другое время?

ОТВЕТ. Нет, в другое время я со Щербаковым не встречался.

ВОПРОС. Переписывались ли Вы со Щербаковым?

ОТВЕТ. Нет, не переписывался.

---

[25] Ê ýòîìó âðåìåíè À.À.Ìàðêîâ óæå ïåðåõîäèë æèòü è ðàáîòàòü â Ìîñêâó. Åãî èçáðàëè ÷ëåíêîðîì â 1953 ãîäó.

ВОПРОС. Что Вы знаете об отношениях между Щербаковым и Пименовым?

ОТВЕТ. Об их отношениях мне ничего не известно. Разговоров на эту тему у нас с Пименовым не было.

ВОПРОС. Какие разговоры на политические темы велись между Щербаковым и Пименовым в Раисино?

ОТВЕТ. Я уделял основное внимание работе над диссертацией и в их разговорах участия не принимал. В моем присутствии разговоров на политические темы не было. Смутно припоминаю, что однажды за обеденным столом Пименов критически отозвался о каком-то положении марксизма, а Иван Гаврилович ему возразил. Более точно этот разговор я не помню, но своего развития он не получил.

ВОПРОС. Зачем Пименов брал с собой в Москву текст доклада Н.С.Хрущева "О культе личности" и послесловие к нему "По поводу речи Хрущева"?

ОТВЕТ. Мне это неизвестно, и я вообще не знаю, брал ли Пименов в Москву этот доклад. Пименов мне об этом ничего не говорил.

ВОПРОС. Какие разговоры по поводу доклада Хрущева о культе личности велись между Щербаковым, Пименовым, Вербловской и Вами в Раисино?

ОТВЕТ. Никаких.

ВОПРОС. А известен ли Вам сам текст доклада Хрущева "О культе личности" с послесловием "По поводу речи Хрущева", напечатанным Пименовым?

ОТВЕТ. Да, известен. Более того, подстрочные комментарии к этому докладу составлял в основном я. По моей просьбе Пименов передал мне печатный текст этого доклада и послесловия перед отъездом в Москву на математический съезд летом 1956 года.

ВОПРОС. Чем Вы можете дополнить свои показания по существу заданных Вам вопросов?

ОТВЕТ. Хочу уточнить, что Пименов передал мне не печатный, а машинописный текст доклада Хрущева. Первоначально записано "печатный" по ошибке."

По свидетельству Эрнста фактически ход допроса почти буквально воспроизведен в протоколе. В отличие от его ленинградских коллег капитан Егоров почти не вел неформальных разговоров с Орловским, а сразу, не дожидаясь ответа, формулировал свой вопрос в протоколе[26]. Единственная реплика, не отраженная письменно, была:

- Я Вас нарочно усадил в неудобной позе сегодня, чтобы Вы быстрее правду сказали!

И только тогда Эрнст сообразил, что столик отодвинут от его стула не случайно, а дабы ему не на что было бы облокотиться. И вспомнил, что заметил этого самого капитана в роли постороннего зрителя вчера на допросе 12 июня и, следовательно, тот был свидетелем его, Эрнста, длительного запирательства и внезапного признания по поводу "сговора" с Зубер, Дубровичем, Таировой насчет

[26] Òî÷íî òàê æå âåë îïèñüìåííûé ñûêòûâêàðñêèé Òóðêèí Ã.Ò., êîòîðûé äîïðàøèâàë ìåíÿ è â ÷èíå êàïèòàíà (1973 ãîä, ïî äåëó Øèõàíîâè÷à) è â ÷èíå ïîäïîëêîâíèêà (1983 ãîä, ïî äåëó Êëèìîâîé), à â ïðîìåæóòêå - ïî äåëàì Ì.Õåéôèöà è Ñ.Ïèðîãîâà

записи своих показаний... См. §15 гл.1. Прекрасны все же эти воровские попытки капитана прибегнуть к "физическому воздействию". Только егоровы не понимают, с кем они имеют дело. Такие люди, как я или Орловский - крайне неприхотливы и нетребовательны. И, коли ЕСТЬ, обо что опереться, - обопрутся непременно, но если НЕТ, то не заметят "лишения". По крайней мере, такими мы были тогда.

Даже не знай я от Эрнста, что запись в протоколе довольно близка к фактическому разговору, это легко усмотреть из самого текста. Разве не видно из предпоследнего вопроса, как капитан теряет остатки терпения и швыряет в глаза Орловскому "бесспорную улику", после которой допрашиваемый должен был бы истечь признаниями о слышанных разговорах, лишь бы его самого не засадили за соучастие?!

Упоминаемый Эрнстом разговор происходил - собственно, даже длинная цепь разговоров нас вчетвером (Маруся никогда не принимала в этих беседах участия, ей это просто было неинтересно; эту черту унаследовал ее сын Николай, которому в ту пору было 3 года от роду). Ведь, надеюсь, читатель не принял на веру ПОКАЗАНИЙ Орловского, якобы политических разговоров не велось и в наших с отцом разговорах участия он не принимал. Стоит вспомнить и суть дискуссий, и позиции участников, это выходит за рамки "поправок" к протоколам, чего я обычно не делаю. Отец сразу же после "низвержения" сталинского кумира настаивал, что первоочередная задача сейчас летом 1956, разоблачить сталинские воззрения на природу и функции государства. Нужно опровергать теоретические основы той формы государства, которую оно приобрело за годы правления Сталина на практике. Я, не вслушиваясь, отмахивался: чего, мол, бороться с "дохлой лошадью"! Другие есть дела! Эрнст же трубил о противоречиях, неувязках и вранье в докладе Хрущева. Для него характерно видение мира сквозь очки правовых фикций (подробнее см. в §9). Существенным ему казалось, скажем, сопоставление официального сообщения а причинах смерти Орджоникидзе "от разрыва сердца" с официальным же заявлением Хрущева 19 лет спустя: "Самоубийство, застрелился". Сопоставление ОФИЦИАЛЬНЫХ заявлений советского правительства в 1936-1938 годах, что, мол, никаких советских граждан ниже военнослужащих в Испании нет и быть не может, ибо СССР соблюдает соглашение о невмешательстве, - с начавшими при Хрущеве появляться публикациями о героизме советских людей в Испании; тот же Хрущев в докладе поминал генерала Мерецкова как хорошо зарекомендовавшего себя в войне в Испании. Примечаний такого рода к изданному нами докладу Хрущева сколько угодно. Отцу с его прагматизмом и анархическим догматизмом все это казалось несущественным и мелким. Копание в пустяках. Ну, врали? Так кто нынче помнит КАК врали? Ну, врет Хрущев? А кто из политиков не врет и не врал? Ведь врет же ради хорошего дела, дабы разоблачить и обругать тирана Сталина! Не на эти мелочи надо смотреть, а на слова того же Хрущева:

"Ленин применял крайние репрессивные меры, когда в стране были еще эксплоататорские классы, когда остро стоял вопрос "кто кого?" Сталин же применял крайние репрессивные меры, когда

вопрос "кто кого" был уже решен, когда эксплоататорские классы были уничтожены, в стране был уже построен социализм..."

"Даже в разгар борьбы к оппозиции не применялись крайние репрессивные меры - борьба велась на идейной основе. А через несколько лет, когда социализм был уже построен, когда у оппозиционных течений не оставалось никакой массовой базы, против бывших сторонников этих течений начались репрессии."

Указывать надо на эту НЕАДЕКВАТНОСТЬ средств. Умело поворачивая эту неуместность репрессивного, карательного, ГОСУДАРСТВЕННОГО аппарата в условиях отсутствия классового антагонизма, в условиях отсутствия опасности реставрации капитализма, можно будет стимулировать пересмотр сталинского учения о государстве как непременной составной части социализма, настаивал Иван Гаврилович. В определенном смысле он предвосхищал ход мысли идеологов КПСС. Ведь через пять лет, на XXII съезде, была промульгирована отмена "диктатуры пролетариата", т.е. "крайние репрессивные меры" были признаны изжившими себя (см. §6 и §19). Правда, как я уже написал, практики стали почитать "нормальным" то, что прежде считалось "крайним", но это не может котироваться как возражение против идеи Ивана Гавриловича.

Ни я, ни Эрнст не оценили эту идею. Я скорее склонялся тогда к позиции Орловского. Моему отцу это не нравилось. И не только по той причине, что любому неприятно, когда слушатель - тем паче родной сын - соглашается не с тобой, а с твоим оппонентом. Нет, ему активно не нравился сам Эрнст Орловский. Не потому, что у того чрезмерно громкий голос и чем чаще всего в то время Орловский отпугивал "воспитанных людей". Глуховатому отцу громкость голоса не досаждала, он и сам, разгорячась, начинал кричать. Ему была чужда и неприемлема вся ПРАВОВАЯ позиция Орловского. Человек должен жить не по законам, не по писаному праву, а по совести - вот квинтэссенция мировоззрения "анархиста" и "толстовца" И.Г.Щербакова. Право в глазах всех анархистов - эрзац, ненадежный и формальный заменитель совести, добропорядочности, честности, искренности в отношениях между людьми[27]. Орловский же и сам весь пропитан правом, и требует от других людей, чтобы они жили по этим бумажным установлениям. Даже самые бытовые, интимные проблемы пропускает чрез призму разложения на законнические цвета. Это злило отца, побуждало его резко отзываться об Орловском. И порой, когда он начинал возводить на Эрнста напраслину, обвинял отсутствующего Эрнста в "бессовестности", он прибегал к более сильным выражениям - я вступался, начиная столь же грубо лаяться с отцом. Последняя такая ссора - как сейчас помню - безобразно взвилась на эскалаторе метро перед Ленинградским вокзалом в Москве в 1976 году.

Но возвратимся на 20 лет раньше. Спор о Сталине и его марксистском учении о государстве, про который Щербаков смутно проговорился капитану, был отражен Орловским в протоколе допроса в процитированной невнятной форме. Капитану, конечно, мало. Рвение заставляет капитана изыскивать "доказательства" ДВУСТОРОННЕЙ организационной связи Щербакова и Пименова. Ну,

[27] Ñð. òàêæå §1 ãë.2 îá îáùèõ âçãëÿäàõ íà çàêîíîñòü.

переписка - хорошо, хотя маловато для организации. Правда, в письмах Щербаков сообщал Пименову - конечно же, "клеветнические" - к этому я вот-вот перейду - сведения о якобы имевших место на заводах Москвы забастовках в ноябре-марте. Сведения, вошедшие в "информацию", издававшуюся ленинградской организацией и, кстати, не опровергнутую на следствии никакими справками. Так что при ШИРОКОМ понимания связи - связь и усмотреть можно. Но хотелось бы поразмашистее...

И он решает использовать до конца юридическую безграмотность моего отца. Попутно реализовать заветнейшую мечту - пришить связь с заграницей. Как я упоминал в §11 гл.1, отец привез мне 23 марта книгу Гамсуна "На заросших тропинках" на норвежском языке, купленную по его просьбе Беляевым, ездившим зимой 1956/57 года в командировку в Норвегию. Исходя из присталинских представлений о "связи с заграницей", отец мой воображал, якобы приобретение "такой книги" за границей - бесспорный криминал. Это сродни Ириному страху, будто главный наш криминал - напечатание "секретного доклада Хрущева". На самом деле, конечно, ни то, ни другое судом нам не инкриминировалось. Но по своему суждению о законности отец мой больше всего упорствовал именно в этом пункте. Вначале он отпирался от всего эпизода. Уличенный магнитофонной записью моего бурного восторга с выражением ему благодарности, а также соответствующими показаниями Вербловской, Иван Гаврилович признает, что привез, но запирается, от кого получил. Капитану же только того и надо: значит, есть НЕЛЕГАЛЬНАЯ СВЯЗЬ с заграницей! Ему и фамилия Беляева, которая тоже попала на магнитофонную ленту, не нужна; скорее всего, Дмитрий Константинович в своем отчете о поездке доложил про покупку этой книги, да и покупал он ее, думаю, с санкции "органов по культурной связи с заграницей". Капитану же не Беляев требуется, а именно ТАЙНАЯ СВЯЗЬ. Может быть, работает и то соображение, что сам Д.К.Беляев, как брат невинно репрессированного, а теперь посмертно реабилитированного ученого-биолога[28], окружен в эти годы определенной аурой неприкосновенности. Словом, обойдемся и без признания Щербакова в этом пункте. Но покамест отсутствует corpus delicti - сама книга. 15 июля по просьбе капитана ленинградское ГБ в очередной раз вскрывает печати на комнате Вербловской, производит выемку книги Гамсуна и препровождает ее в Москву. Это - в глазах капитана - самый веский материальный довод в пользу идеи о наличии двусторонней организационной связи между мной и отцом: "По заданию руководителя антисоветской организации получил нелегально из-за границы..."

В ходе следствия Щербакова приводили к начальнику УКГБ по Московской области[29], генералу, фамилию которого он вспоминает то как Светличный, то как Семичастный. Генерал все допытывался, откуда Щербаков подобрал клеветнические измышления о забастовках. Отец чистосердечно отвечал: в трамвае. Видимо, имея в виду, что отец живет в 150 метрах от своей службы, что до ближайшего трамвая - не меньше двух километров, что мой отец по

[28] Çëûå ÿçûêè òâåðäÿò, áóäòî ïîêîéíûé áðàò áûë òàëàíòëèâåå âûæèâøåãî.

[29] Ýòèì ïîïóòíî ïîðîâåðãàþòñÿ äîìûñëû â "Ïàìÿòè" [1]5, ÿêîáû ãåí[åðàë] Ìèðîíîâ ÎÒËÈ×ÀËÑß îò ñâîèõ êîëëåã òåì, ÷òî ëè÷íî âñòðå÷àëñÿ ñî ñâîèì ïîäñëåäñòâåííûì: âðåìÿ áûëî òàêîå, ÷òî ïîè âñå áûëè âûíóæäåíû âñòðå÷àòüñÿ.

образу жизни либо сидел дома, либо на службе, а ездил в город автобусом-метро, генерал укоризненно качал головою:

- Ай-яй-яй! Вот скрываете, не хотите признаваться! А ведь я Вам даю честное слово коммуниста, что за все это время ни в Москве, ни в Московской области не было ни одной забастовки, ни одного случая отказа от работы. Не стыдно Вам ложь распространять? Охота покрывать лжецов?!

- Да? Правда не было?

- Я Вам точно говорю!

- Вы не ошибаетесь?

- Совершенно достоверно. - Разговор перешел на доверительный полушепот.

- Ну, тогда я должен заявить Вам, что Вы и Ваши подчиненные работаете из рук вон плохо и не знаете, что у Вас под носом творится!

- Что Вы говорите??

- Да то, что Вы не знаете, с кем я в камере сижу! С шофером автобазы, у которого в обвинительном заключении написано, что он - за забастовку!

- Вон!!! - побагровел генерал.

Когда отец вернулся в камеру, его сокамерника уже с вещами перевели в другую камеру. Как видно, в Москве не один кап[итан] Егоров был любителем "честного слова".

Обвинительное заключение, составленное капитаном Егоровым, квалифицировало деяния Щербакова И.Г. по ст.58-10 ч.1 и 58-11. Суд состоялся 24 и 25 сентября. Нас с Ирой и отцом везли в одном воронке, но в разных боксах; это был воронок без общей камеры, а только из двух рядов боксов. Дорогой, дабы известить его о только что произошедшей смене в верхах, я как можно громче переругивался с конвоем, напирая на фамилии Молотова, Маленкова, Кагановича в соответствующем контексте. Трудился вотще: за шумом мотора он при свой глухоте меня не услышал, а про "переворот" узнал сам ранее.

Будучи приведен пред лицо судии, я отказался отвечать. Попытку его сослаться на мои показания на предварительном следствии я отшвырнул, констатировав, что меня допрашивали как обвиняемого, а не как свидетеля, и я там вовсю врал, дабы выгородить себя и наговаривая на Щербакова. Судья полистал дело и изумленно произнес:

- Да, как обвиняемого... Ну, ладно, я Вас предупреждаю по ст.92 и 95 УК об ответственности за отказ и за ложные показания - как свидетеля. Распишитесь. Теперь говорите.

- Еще по царскому закону считалось невозможным заставлять свидетельствовать сына против отца.

- Но у нас же не царские законы.

- А, ваши законы!.. - И я, как говорят в лагерях, "потянул" насчет человечности, законов и перемены законов в такую сторону. Суд с перепугом, отец с изумлением смотрели на меня. Защитница отца искала, под какой стол спрятаться от ужаса, трясшего ее тело. А я рассчитывал, что чем свирепее произведу я впечатление - я, получивший "всего" 6 лет ,- тем меньше они дадут смирному и вежливому отцу. Моя тактика тут же рухнула, так как прокурор немедля уточнил, что мой приговор опротестован за МЯГКОСТЬЮ.

Словом, я отказался отвечать и судье, и народным заседателям, и прокурору. Но когда вопросы мне стала задавать защитница отца Чекунова, то, оговорив, что раз она представляет интересы моего отца, я согласен ей помочь - я стал отвечать. И разыгрался маленький цирк: председательствующий Синчурин формулировал вопрос, Чекунова повторяла его мне, а я отвечал, демонстративно повернувшись к ней, а не к суду. И суд терпел, а куда бы он делся? Ничего толком от меня не услышали. Потом меня увели, ввели Иру. Она обошлась без демонстраций, но ничего не могла припомнить, а ее показания на предварительном следствии были дезавуированы, как и мои. И судьи в приговоре не смогли сослаться в подтверждение вины Щербакова ни на Пименова, ни на Вербловскую.

И.Г.Щербаков и его жена Мария Павловна Леснова. Подмосковье, Раисино, 3 марта 1952 г.

Суд, естественно, отклонил обвинение в организации. Про Гамсуна, как и следовало ожидать, в приговоре ни слова. Но мой отец, более всего страшившийся "гамсуна", еще до суда постарался облегчить свое положение. Так как его до суда - дожидаясь нас - держали довольно долго и в разных тюрьмах (на Лубянке, в Лефортово, в Бутырках), то ему попался и сокамерник, которого назавтра выпускали на волю[30]. Отец упросил его съездить в Раисино и велеть Марусе выяснить - она знает у кого - можно ли назвать, от кого он получил книжку. Если можно - пусть принесет ему в передаче черной смородины. Недели две спустя черную смородину в передаче он получил. Посему, когда председательствующий вопросил его, откуда у него Гамсун, Щербаков спокойно ответил:

- От кандидата биологических наук Беляева Дмитрия Константиновича, ездившего в загранкомандировку.

- Почему же Вы это скрывали на предварительном следствии?

- У меня не было доверия к следователю, а к Вам вот есть.

Тем дело и кончилось. Стоит добавить, что с Беляевым никаких неприятностей не было: в §7 гл.4 приведен его послужной список, да и в этой главе в §18 я помяну его. И еще - совсем уж детективный роман. Сокамерник отца вовсе не приходил к его жене. Черную смородину Маруся передала ему случайно, совершенно не догадываясь о ее кодовом значении[31]...

Вот приговор, он короткий:

ПРИГОВОР

---

[30] Ñåé ìîòèâ - îñâîáîæäàþùèéñÿ íà äíÿõ ñîêàìåðíèê, èëè äîáðûé íàäçèðàòåëü, ñ êîòîðûì ìîæíî ïåðåäàòü ïîðó÷åíèÿ - ÷àñòî çáó÷àë â äåëàõ, êàñàâøèõñÿ ìåíÿ: â 1957, â 1970, â 1982 ãîäó. È çà "ñîêàìåðíèêîì" ñòîÿëî ÃÁ. Íî ýòî - îòäåëüíàÿ ñàãà, êîòîðóþ, åñëè ñóìåþ, ïîäàì â ãë.8.

[31] Êîãäà ÿ âûøåë, âûñëóøàë îò îòöà ýòó ïîåçäêó è ñòàë ðàññïðàøèâàòü Ìàðóñþ, íå ïðèíåñ ëè åé ñìîðîäèíó êòî èç ñîñåäåé, íå ïîäñêàçûâàë ëè åé êòî, ÷òî èìåííî ÷åðíàÿ ñìîðîäèíà ÷åì-òî îñîáåííîãî ïîëåçíà, îíà óæ íè÷åãî òîëêîì íå ïîìíèëà. Ñàìà îíà âåäü òîæå óçíàëà î åå ñïåöèàëüíîì êîäîâîì çíà÷åíèè ëèøü ïî÷òè ððè ãîäà ñïóñòÿ, êîãäà Èâàí Ãàâðèëîâè÷ âåðíóëñÿ è ïîÿâèëîñü äóøåâíîå âðåìÿ ïðåáûâàòü òàêêå ïîäîáíîñòè.

дело № _____

Именем...

24-25 сентября 1957 г. Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда в составе председательствующего Синчурина, народных заседателей Юдис и Орловой, при секретаре Матвеевой с участием прокурора Яковлева и адвоката Чекуновой, рассмотрели в закрытом судебном заседании в гор.Москве дело по обвинению Щербакова Ивана Гавриловича, 1902 г. рождения, уроженца дер.Филимоновки Хоперского р-на, Сталинградской области, жителя усадьбы Раисино, Балашихинского р-на Московской области, русского, служащего, с высшим образованием, беспартийного, женатого, работавшего заведующим диагностическим отделением Всесоюзной Научно-исследовательской лаборатории пушного звероводства, не судимого в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст.58-10 ч.1 и 58-11

установила

Подсудимый Щербаков с 1954 по день ареста имел письменную связь с ныне осужденным по другому делу по ст.58-10 и 58-11 Пименовым, своим сыном. Эта письменная связь носила преступный характер, так как в письмах Пименова излагались антисоветские контрреволюционные взгляды, а в некоторых письмах Щербакова к Пименову антисоветские взгляды последнего поддерживались и сообщались клеветнические сведения о волнениях и забастовках в гор.Москве. В 1956-57 гг. Щербаков получил от Пименова статьи резкого антисоветского содержания, озаглавленные: "По поводу речи Хрущева", "Письмо депутату", "Правда о Венгрии", "Что такое социализм" и другие. Как в письмах, так и в упомянутых статьях Пименов излагал свое враждебное отношение к советскому социалистическому строю, к коммунистической партии и к руководителям КПСС и советского правительства.

Все эти статьи и письма антисоветского характера Щербаков хранил у себя дома, и они были изъяты у него при обыске. Кроме этого, Щербаков, будучи антисоветски настроенным к существующему в СССР политическому строю, эти свои настроения излагал в записях на полях книги Ленина "О государстве" (т.3 пакет № 7) и в своих письмах Пименову советовал ему быть поосторожнее (т.2, л.д.200-202).

Подсудимый Щербаков виновным себя не признал в предъявленном ему обвинении, в то же время, не отрицая фактических обстоятельств дела, пояснил, что письма и статьи, полученные им от Пименова, на его взгляд являются не антисоветскими, а антиправительственными или критическими на мероприятия КПСС и ее политику. Не отрицая клеветнических сообщений Пименову о волнениях и забастовках в гор.Москве и антисоветских записей на книге Ленина "О государстве", считает это необдуманными своими действиями. Однако объяснения подсудимого Щербакова в необдуманности своих действий и об отсутствии в упомянутых выше письмах и статьях антисоветского содержания несостоятельны. Вина Щербакова в поддержании переписки с Пименовым подтверждается наличием ряда писем и статей, изъятых при обыске у Щербакова и Пименова и приобщенных к делу как вещественные доказательства. Наличием переписки антисоветского характера между ним и Пименовым, чего не отрицает

ни Щербаков, ни Пименов. Кроме этого, Щербакову предъявлено обвинение в поддержании связи с руководителем антисоветской организации Пименовым, т.е. по ст.58-11 и в распространении статей и писем, полученных от Пименова среди других лиц.”

В судебном заседании оба эти эпизода не нашли своего подтверждения. Выяснено, что о существовании антисоветской группы, руководимой Пименовым, Щербакову ничего не было известно. По поводу распространения содержания антисоветских статей, допрошенные в суде свидетели Леснова, Данилов[32], Повецкий, Абрамов и Перельдин[33], сослуживцы Щербакова ничего не показали, а единственных и несущественных показаний свидетеля Шеин, находившегося со Щербаковым в неприязненных отношениях, недостаточно[34]. Поэтому оба упомянутых эпизода судебная коллегия исключает из обвинения Щербакова за недоказанностью.

Судебная коллегия признала Щербакова виновным в поддержании письменной связи антисоветского характера с Пименовым и хранении антисоветских статей и писем, т.е. в совершении преступления, предусмотренного ст.58-10 ч.1 УК РСФСР, исключив из обвинения его ст.58-11, поэтому ...

приговорила:

Щербакова Ивана Гавриловича .... с отбыванием в ИТЛ на четыре года, без поражения в правах. Срок отбывания меры наказания исчислять ему с зачетом предварительного заключения с 13 апреля 1957 г.

Меру пресечения ...

Вещественные доказательства - статьи и письма хранить при деле. ...

председательствующий Синчурин

нар.заседатели: подписи

верно: член суда Синчурин

секретарь:

би Матвеева"

Две подписи собственноручные, чернилами. Печать не приложена, приговор не прошит. Помета "би", видимо, указывает печатавшуюся копию машинистки.

При самом поверхностном чтении приговора видно, что максимум, в чем можно обвинить Щербакова - в хранении, недонесении и заранее не обещанном укрывательстве. Но рассудку вопреки суд счел возможным получение и хранение писем - пусть, ладно уж, "антисоветского" содержания - трактовать как АГИТАЦИЮ

---

[32] Äàíèëîâ Ââåäåíèé Ïàâëîâè÷ - ïîñëåäíèé ìóæ Ìèëè Åëèñååâíé, ïëåìÿíèöû Èâàíà Ãàâðèëîâè÷à.

[33] "Ïåðåëüäèí" â ïðèãîâîðå îøèáî÷íî. Ïðàâèëüíî "Ïåðåëüäêè".

[34] Íåïðèÿçíåííûå îòíîøåíèÿ ìåæäó Øåíîì è Ùåðáàêîâûì, ñêîðåå âñåãî, âûäóìàíû ïîñëåäíèì. Îí äàë ïîêàçàíèÿ, ÿêîáû ìåæäó íèì è Ñåðàôèìîì Àíäðååâè÷åì Øåíîì èìåëàñü ðåâíîñòü ê Ìàðóñå Ëåñíîâîé. Êîíå÷íî, Ìàðóñÿ ïîëèò ïîâåðòàòü õâîñòîì, Ñåðàôèì ìîã øëåïóòü åå ïî çàäíèöå, ðàññêàçû ñàìîé Ìàðóñè î åå ñåêñóàëüíûõ ïðåæäàíèÿõ ìîëîäè, îòðàçèâøèñü, äîëãî äî îòöà èç óñò Ñåðàôèìà è âîçáóäèòü â íåì ìèíóòíóþ ðåâíîñòü. Ýòî íå ìåøàëî Ùåðáàêîâó âûïèâàòü ñ òåì æå Øåíîì è ñîãëàñíî "âñå ýòî áëÿäñòâî". Íî ññûëêà íà ðåâíîñòü - åäâà ëè íå äèêñòóâàííå, ÷òî ïðèìëåò ñîâñóä êàê äîêàçàòåëüñòâî îãîâîðà. Ïîýòîìó ïðè îòâåòå íà "ôîðìàëüíûé âîïðîñ", â êàêèõ âû íàõîäèòåñü îòíîøåíèÿõ ñ òàêèì-òî, âñåãäà ñëåäóåò ïîäòâåðäèòü îáñòîÿòåëüíî, íå çàìåòèâ ëè â âàøè îòíîøåíèÿ ñêðûòàÿ ðåâíîñòü. Íå ìîãëà ëè îíà îêàçàòüñÿ çàìåøàííîé äàæå áåç âàøåãî âåäîìà... Âåäü ëþáîãî ìóæ÷èíó ìîãëà áû îãîâîðèòü âîçðåâíîâàâøàÿ ëþáîâíèöà. Âñïîìíèòü, íå áûëà ëè äàþùàÿ íà âàñ ïîêàçíîÿ æåíùèíà âàøåé ëþáîâíèöåé... È ò.ä.

И ПРОПАГАНДУ. Установив допросом свидетелей, что Щербаков статей НЕ РАСПРОСТРАНЯЛ, т.е. не вел пропаганды, суд НА ОСНОВАНИИ статьи, карающей как раз за распространение и пропаганду, признает его ВИНОВНЫМ!

Неумение судей справляться с поступающей к ним информацией видно из того, что они помещают в приговоре, будто бы отец получил от меня "Правду о Венгрии" и "Что такое социализм", вставляя фразу, якобы они были изъяты у него при обыске! Достаточно взглянуть на протоколы обысков, чтобы убедиться - это вранье! Да и не давал я ему их никогда и не мог дать - характерно, что в приговоре отсутствует ссылка на том дела или пакет или лист дела - хотя бы потому, что вторая статья существовала исключительно в единственном, рукописном, экземпляре и изъята была при обыске у меня! Просто кап[итан] Егоров устрашения ради вписал эти статьи, уговорив отца, якобы тот слышал про их существование, а отец, сдается, спутал их с "Об историческом романе", которую он для чего-то сжег.

Будь у адвоката Чекуновой хоть что-то за душой, кроме животного страха, как бы ее самое не засадили "за связь с антисоветчиком Щербаковым", она могла бы отвести эти эпизоды. Она могла бы и сослаться на то, что "Письмо депутату", как и все прочее посланное мною в газеты, мне, автору, НЕ ИНКРИМИНИРОВАНО приговором, а значит, еще менее может инкриминироваться Щербакову согласно принципу РАВЕНСТВА ПЕРЕД СУДОМ[35]. Чекунова могла бы обоснованно настаивать, что мои письма хранились отцом без цели распространения - вспомните соответственные пассажи в речах Райхмана и Шафира. А статьи, присланные ему, Щербаков не только НЕ РАСПРОСТРАНЯЛ, но ОТКАЗАЛСЯ распространять, так что доказан УМЫСЕЛ Щербакова на "нераспространение". Адвокат указала бы на нарушение по крайней мере двух статей УПК: самых главных свидетелей Пименова и Вербловскую допрашивали как обвиняемых - нарушены ст.135 и 164-165 (ныне ст.150 и 158) УПК, и дело моего отца слушается отдельно от моего дела, хотя в его приговоре моя фамилия встречается практически столь же часто, как его: 15 и 18 раз соответственно (нарушена ст.117 УПК). К слову, совместное слушание подкрепило бы позицию Вербловской - Кугель, что давая Левиной "Доклад Хрущева", она не знала и не могла знать, что там же припечатано "По поводу речи Хрущева", ибо из п.7 первого протокола обыска у Щербакова видно, что и сами сотрудники госбезопасности проглядели это приложение! Далее, я в этом приговоре незаконно назван "осужденным", ибо приговор по моему делу еще не вступил в законную силу, да и оказался отмененным! Нарушена ст.319, требующая основывать приговор исключительно на "имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании", а ни "Правда о

---

[35] Òàêîé æå âîïèþùèé ñëó÷àé íàðóøåíèÿ ðàâåíñòâà ãðàæäàí ïåðåä ñóäîì ñëó÷èëñÿ ÷åòâåðòü ââêà ñïóñêòÿ: Ì.Ì.Êëèìîâó îñóäèëè â 1983 âîäó çà ðàñïðîñòðàíåíèå åþ "Âòîðîé êíèãè" Í.ß.Ìàíäåëüøòàì, õîòÿ êíèãà ýòà áûëà ïîóáëèêîâàíà Íàäåæäîé ßêîâëåâíîé ëåò çà 15 äî ñâîåé ñìåðòè ïîä ñîáñòâåííîé ôàìèëèåé, æèëà îíà â Ìîñêâå è íèêîãäà íå ïðèâëåêàëàñü - ôîòÿ áû â ôîðìå "ïðåäóïðåæäåíèÿ" - ê îòâåòñòâåííîñòè çà íàïèñàíèå è èçäàíèå çà ðóáåæîì íè ýòîé êíèãè, íè âîñïîìèíàíèé îá Îñèïå Ìàíäåëüøòàìå. Âîðî÷åì, íè Êëèìîâà, íè åå àäâîêàò Îñîôèé, ïîäîáíî ñëó÷àþ ñî Ùåðáàêîâûì è ×åêóíîâîé, òîæå íå ññûëàëèñü íà òî, ÷òî îíà çíàëà, ÷òî Ìàíäåëüøòàì ÍÅ ÏÐÈÂËÅ×ÅÍÀ, à ïîòîì ðàñïðîñòðàíÿòü êíèãó ÌÎÆÍÎ, ò.å. íå îñïàðèâàëè "çàâåäîìîñòè", "óìûñëà". Ó ìåíÿ â Êàëóãå èñêëþ÷èëè èç îáâèíåíèÿ ýíèçîä, êîãäà Îðëîâñêèé äîêàçàë, ÷òî ÿ íå ìîã çíàòü î êðèìèíàëüíîñòè ðàñïðîñòðàíåíèÿ äàííîãî òåêñòà.

Венгрии", ни "Что такое социализм" не рассматривались в суде; не было предпринято в судебном заседании рассмотрения вопроса: соответствуют ли действительности сведения о забастовках в Москве или нет. Да, видимо, и не могло быть такого рассмотрения в присутствии судей, которые выдумывают в приговоре состав преступления, не фигурирующий в законе: "Поддержание связи с руководителем антисоветской организации". От этого "состава" так и веет духом тех лет, когда боялись приютить несовершеннолетнюю дочку "врага народа", чтобы не угодить "за связь". Встретив такой "состав" в обвиниловке прокурор был обязан не утвердить обвинительное заключение как неграмотного и противозаконного!

Но это, так сказать, "высокие", "звездные" претензии к защитнику. А вот вполне земная. Чекунова не смогла или не подумала добиться, чтобы Щербакову зачли в срок заключения те три или четыре дня, которые он провел в ленинградской тюрьме "как задержанный". А ведь в свете тех перемен, про которые я рассказывал в предыдущем параграфе, разница всего в несколько дней могла сделаться роковой: все наработанные зачеты внезапно пропали, и у некоторых как раз за день-неделю "до освобождения".

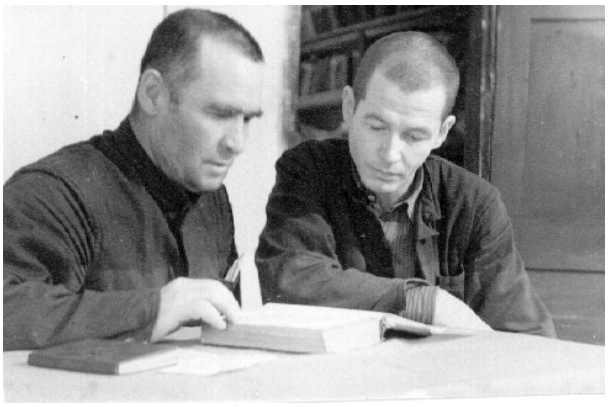
Кассационную жалобу его быстро отклонили, и еще до того, как Верхсуд РСФСР рассмотрел наше дело в первый раз, Иван Гаврилович оказался в Мордовии, официально Дубравлаге. Это как раз те места Тамбовской губернии, откуда родом его дед и отец, см. §1 гл.2. Почти все время он провел на Сосновке, ЖХ 385/7-1-12, с годичным перерывом с июля 1958 по август 1959 года, когда он был на Парце, 385/10. На общих работах его держали очень недолго, использовали в основном по специальности ветеринара (права была его мать, радуясь выбору такой профессии!). Но чаще оформляли его не ветврачом, а ветфельдшером. Почти сразу его расконвоировали, но в марте 1959 года, как и всех, законвоировали: после этой даты "особо опасных преступников" уже не дозволялось пускать без конвоя.

М.П.Леснова после окончания Казанского ветеринарного института. Казань, 1952.

Маруся все время - и, насколько я осведомлен, верно - ждала Ивана Гавриловича. Часто писала, слала посылки и деньги. Тетушка его Дарья Андреевна Авсенева не только сама слала посылки, но развернула бурную агитацию среди родственников в помощь Ванюшке. Она поставила на ноги всех уцелевших Лихушиных, Мариных, припомнила события чуть не полувековой давности, согласно которым выходило, что они все в долгу перед Щербаковыми... Тогда-то восстановились уже почти забытые Иваном

Гавриловичем родственные связи. И потом до самой смерти он поддерживал их. Впрочем, работая ветеринаром, отец мой мало нуждался в еде. У него даже спирт был в достатке. Посылки ему важны были как символ, как осознание неразрывной связи и памяти. Довольно скоро он сам начал часть заработанных денег отсылать жене. У нее с деньгами было туго: врачи тогда оплачивались существенно хуже нынешнего, даже полторы марусиных ставки бесследно исчезали при наличии сына. Она какое-то время даже комнату свою - одну из трех, с отдельным входом - сдавала, но тогда жилье еще не так высоко ценилось, как нынче. Случалось, что заколотив на почте посылку мне или отцу, Маруся вдруг обнаруживала, что у нее недостает денег на оплату почтового сбора... Отец же даже из лагеря умудрялся в лагерь Вербловской, когда та заболела, отправлять дефицитные медикаменты. К слову, она здорово преувеличила опасность заболевания, и он вскипел и тут же намахал и отослал пять негодующих заявлений: Ворошилову, Генеральному прокурору, министру здравоохранения, в "Правду" и в Комитет советских женщин. Мол, как же это вы, наобещавшие социализм и общество без тюрем, обращаетесь с больной политзаключенной! Он на эти заявления ответа не получил, а Вербловскую по ним вызывали. И за политикой он внимательно следил и отметил, что в 1958 году в советской печати - в связи с критикой Программы Союза Коммунистов Югославии - подчеркнули, что при коммунизме ГОСУДАРСТВО ОТОМРЕТ, государства и государственного аппарата принуждения НЕ БУДЕТ.

На эти темы он много, с неиссякающим молодым задором, вел разговоры в лагере и с Костей Даниловым, с которым познакомился и близко сошелся в лагере. Спорил он и с Краснопевцевым и с Молоствовым. Близко и надолго - по гроб - подружился он с пятью годами младшим его доцентом-геологом Иваном Прокофьевичем Шараповым, севшим в феврале 1958 года на 8 лет за письма-критику-выступления-афоризмы. Шарапов вспоминал:



И.П.Шарапов и Л.Н.Краснопевцев (справа). Мордовия, 1960 г.

- Добрый, отзывчивый, чуткий человек был Иван Гаврилович. Всегда поможет, всегда можно было к нему прийти чайку попить (Шарапов был на земляных работах в зоне). Но очень уж наивный. Все настаивал, что если бы люди все жили по Кропоткину, то все было бы хорошо. В наш век - кто будет жить по Кропоткину?! Хотя, конечно, сам Кропоткин святой был человек.

Словом, жил Иван Гаврилович, добивался от ГБ возвращения книги Гамсуна, но добился лишь письменного отказа. Со мной переписывался активнее, чем на воле.

В бытность в лагере у него вышла из печати заметка. Это последняя из его шести публикаций. Написана она была прежде, зимой 1956/57. "Авитаминоз B_1 у серебристо-черных лисиц" в журнале "Кролиководство и звероводство", 1960, №4, с.20-21. За его

фамилией. В лагерь ему сначала прислали корректуру, потом гонорар. Вот тонкое наблюдение над документами, которое может сгодиться археографам: сопроводительные письма при корректурном оттиске, при извещении о гонораре посылались в конверте, адресованном на лагерь. Но текст этих писем, исполненный на бланке редакции, не содержит АДРЕСА Щербакова, только обращение к нему. Так как в редакциях не хранятся "копии конвертов", а вот копии писем хранятся, то объяснение элементарное: редакция старалась не оставлять следов своего благого дела. И если в архиве, куда сдаются копии писем, сидит стукач, стукач ничего не заподозрит по таким копиям. В случае чего можно было бы отделаться: "А мы и не знали!" Знали, конечно! Заметку проталкивал в печать С.Я.Любашенко, член редколлегии журнала, живший в том же Раисино, друживший и покровительствовавший Щербакову. Он и сокращал-редактировал.

Главной заботой Ивана Гавриловича было освободиться по двум третям. Это значило вместо апреля 1961 года - в декабре 1959. Но зачеты на "придурочной" работе ветеринара шли умеренные. Их недоставало. И вот он сочиняет следующее казуистическое заявление:

"Прокурору по надзору Дубравлага.

Прошу разъяснить мне: может ли быть для инвалида 3-й группы единственной причиной к непредставлению их на суд администрацией лагеря по 2/3 то, что нет полностью зачетов на оставшуюся 1/3 срока, даже в том случае, когда зачетов не хватает не по вине заключенного, а вследствие продолжительного пребывания (во время следствия и суда) в тюрьме, вследствие болезни и трудоустройства?

Я обращаюсь к вам за разъяснением потому, что это касается лично меня. Я 8 месяцев пробыл в тюрьме и более двух месяцев болел в лагере, остальное время добросовестно работал, взысканий и нарушений не имел. 13 декабря 1959 исполнилось календарных 2/3 моего срока, т.е. 2 года и 8 месяцев. Зачетов я имею на 1/1-60 немногим больше 260 дней.

Прошу Вас конкретно ответить на интересующий меня вопрос.

20/II-60”

Разъясню для неграмотных советологов, что, конечно, никаким инвалидом III группы Щербаков не был, но СПРАВКУ об инвалидности он заполучил сразу же, отсиживаясь первые месяцы на больнице, дабы присмотреться и разобраться в ситуации. Даром, что ли, он сам хоть и "вет", но врач, даром ли его жена - врач? Любую медицинскую бумажку сварганят в два счета! К тому же, Щербаков уже и пенсию получал - работа на Колыме давала право на пенсию чуть ли не с сорока лет - а пенсионера естественно зачислить в инвалиды…

Да прокурор, конечно, и отвечать не стал. Потом Щербаков поднабрал зачетов и рассчитал в апреле 1960 года освободиться. Но тут у него на излечении сдохла нестарая лошадь, принадлежавшая начальнику лагпункта. Сельская местность, свое хозяйство, даровая обслуга-лагерники, об автомобилях тогда и не грезили, да и дороги в Мордовии - не дай бог попасть туда на собственной машине! Так что лошадь - ценность, капитал и орудие труда. С горя начальник заорал

на Щербакова, что это - саботаж и вредительство, что от антисоветчика и ждать другого было нечего, что он ему намотает второй срок. К счастью, отец быт тертым калачом, и знал, с кем имеет дело. Конечно, он не пустился декламировать насчет прав человека, не предался вздохам о загубленной судьбе, а составил акт:

"УТВЕРЖДАЮ"
И.О.НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
полковник ЧЕРНЫШОВ

СОГЛАСОВАНО:
НАЧАЛЬНИК
ВЕТИНСПЕКЦИИ
майор ВЕРИГА

АКТ

1960 года "19" апреля пос.Сосновка

Мы, нижеподписавшиеся, Зам. начальника 7 лаготделения капитан АГЕЕВ, представитель Ветинспекции Управления Дубравлага начальник Центрального ветлазарета ветврач ДАНИЛЕНКО, зав.гужтранспортом 7 лаготделения ЛАРИН, ветврач ЩЕРБАКОВ, ветсанитарка САЛЬКАЕВА, составили настоящий акт в том, что сего числа произвели патологоанатомическое вскрытие трупа лошади 7 лаготделения - кобылы, вороной масти рождения 1953 года, под кличкой "Галка", павшей в 13 часов 19 апреля с.г.

При этом установлено:

АНАМНЕСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ:

Накануне указанная лошадь была оставлена на отдых (предназначалась для с/х работ), на ней не работали с 6 апреля по день падежа.

19.IV в 6 часов утра у лошади был обнаружен отказ от корма, угнетенное состояние и повышенная температура тела - 39,7°. При осмотре видимых слизистых оболочек была заметна легкая желтушность их. Других отклонений от нормы не наблюдалось. К 12 часам температура тела достигла 40°.

В связи с тем, что в данной местности в этот период времени наблюдались случаи заболевания пироплазмозом, было применено специфическое лечение против пироплазмоза, был инъекцирован лошади гемоспородин в соответствующей терапевтической дозе. Спустя одни час лошадь, с проявлением признаков болезненного беспокойства и нервных явлений, пала.

НАРУЖНЫЙ ОСМОТР ТРУПА

ПАТАНАТОМИЧЕСКОЕ ВСКРЫТИЕ

ПАТАНАТОМИЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ

Гастроэнтерит и миокардит.

Заключение:

Смерть лошади последовала от аутоинтоксикации, вызванной воспалением всего желудочно-кишечного тракта.

Подписи

Конечно, всякий знающий специалист сразу увидит, что ветеринарный врач лечил лошадь не от того, от чего она сдохла: лечил от пироплазмоза, умерла от гастроэнтерита, боль от которого, соединенная, возможно, с болью от инъекции, довела до разрыва сердца. Но это увидит ГРАМОТНЫЙ человек. Начальник лагпункта к таковым не относился. Он видит БУМАГУ С ПЕЧАТЬЮ, с непонятным содержанием. Важно для его психики, что ИМЕЕТСЯ ДОКУМЕНТ, следовательно, лошадь пала ЗАКОННО. Заодно начальник сумел выдать свою личную мертвую кобылу за казенную, а живую казенную перегнал к себе. Правда, новая похуже прежней любимой, к ней еще детки не привыкли, так что Щербаков все-таки гад и я его не

представлю в следующем месяце на досрочное освобождение, но что же с ним сделаешь, раз он АКТОМ успел разжиться!..

В июне его представили на УСД, и вот он уже обладатель двух документов:

"РСФСР форма Б
СПРАВКА I 062933
Министерство внутренних дел
Управление ИТЛ "ЖХ"
Лаготделение № 7
20 июня 1960 серия № БУ
выдана гражданину Щербакову Ивану Гавриловичу года рождения 1902 национальность русский. Уроженцу дер.Филимоновка, Хоперского р-на Сталинградской обл., осужденному Московским областным судом 24-25 сентября 1957 г. по ст.ст. 58-10 ч.I УК РСФСР к 4 годам лишения свободы имеющему в прошлом судимости не судим в том, что он отбывал наказание в местах заключения МВД с 13 апреля 1957 г. по 20 июня 1960, откуда освобожден по определению постоянн. сессии в/суда Морд.АССР от 15.6.60 г. условно-досрочно на 9 месяцев и 23 дня
фотография Щербакова
Начальник Управления (подразделения) колонии, тюрьмы
подпись
Начальник отдела (части), подпись
секретарь тюрьмы 7 отделения гербовая печать
Управления ЖХ

Вверху на этой стороне надпись:

"Паспорт выдан IV-РФ 718268 от 21/IV-60 г."

На обороте:

"Следует к месту жительства гор.Калинин Калининской обл. Выдано денег на питание в пути на четверо суток. Выдан билет на проезд до станции Калинин железной дороги, стоимостью 68 руб или деньги на билет в сумме А № 896244
начальник финчасти подпись
подпись освобожденного-ой Щербаков

Справку на получение паспорта получил Щербаков.

Второй документ выдается не каждому; у меня, например, и у Иры его не было.

"УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее гр.Щербакову Ивану Гавриловичу 1902 в том, что он за время отбывания наказания в исправительно-трудовых учреждениях МВД СССР работал в качестве ветврача с 25 ноября 1957 г. по 20 июня 1960 г. К работе относился добросовестно.
начальник подразделения подпись
п-я № 385/7
20 июня 1960
гербовая печать почтового ящика № ЖХ-385/7"

Опять же прошу документалистов не верить буквально датам!

Сначала Иван Гаврилович ходатайствовал дать ему "направление" сразу в Раисино, но в Московскую область направлять освободившихся не разрешалось, ему определили местом жительства Калинин. Не доезжая до него, он вышел в Москве и приехал в Раисино. Как только он появился, они с Марусей побежали в контору зверосовхоза и разжились справкой (к нему все отнеслись хорошо):

"Справка

Гр-н Щербаков Иван Гаврилович был постоянно прописан и проживал в Раисино Московской обл. Балашихинского р-на с 1947 по 1957 год. В настоящее время вернулся к месту своего постоянного жительства в Раисино, где у него в доме № 14 живет семья, состоящая из жены и малолетнего сына. Справка выдана для представления в органы милиции.

Комендант Холявко

29/VII-1960

треугольная печать ВНИЛЗО"

И Щербакова прописали "к жене". Его восторженно встретил боготворивший его тогда семилетний сын, да и сама заждавшаяся Маруся. Но, увы, счастливой жизни у них не сложилось. Во-первых, на обоих почти одновременно свалилось уже "обычное" бедствие: у него обнаружилась язва желудка, он вскоре надолго попал в больницу и, вспоминая собственного отца, уже приготовился себя хоронить. Почти тогда же у Маруси диагностировали то ли рак, то ли язву желудка, и в больницах они лежали попеременно. Привыкнув размашисто рассказывать направо и налево про свои переживания (см.§7 гл.4), жена его в годы одинокого ожидания столь же бурно делилась своими невзгодами. А у кого их нет? Дети ведь всегда болеют и в чем-то нуждаются... И наговорила много жалостливого вздору, о котором и сама бы позабыла, конечно, кабы не жили они в такой маленькой деревне, где все сослуживцы знают, какая каша в каком горшке у кого варится. Те, кому она плакалась, помнили с пятого на десятое и, в свой черед, испорченным телефоном донесли до возвратившегося Ивана Гавриловича, как Маруся страдала и страдает из-за того, что он такой злодей, загубил ее молодую жизнь, лишил ее всех знакомых, держал в клетке, а когда его не стало, ей и обратиться за помощью было не к кому! А ведь она - хорошая. Вот, когда она сдавала комнату студенту, уж как он за ней ухлестывал, а она не ушла с ним, Ивана Гавриловича ждала! Для самолюбивого Щербакова слышать из посторонних уст такие увещания, да еще с примесью правдивых подробностей из его с Марусей постельных переживаний было обидно. Он пустился заподозривать жену в неверности, вспыльчивость в нем не угасла с возрастом. Она - перевалив за тридцать и переживая известную женскую перестройку этого возраста - не только не спускала ему таких незаслуженных оскорблений, но держалась вызывающе: ты вот врешь, якобы я тебе изменяла? Ну, так да, изменяла. И сын твой - вовсе не твой и не от тебя! Он ее кулаком сбивает на пол, а она геройски настаивает на том, что, мол, никогда его ни вот столечки и не любила! Опомнившись - да и протрезвев - он соображает, что Маруся и

знакома-то не была, когда зачала сына, с тем, кого она сегодня называет "настоящим отцом ребенка". Соображает, что всем своим обликом сын в него самого. А через неделю - заново...

§8. Ира Вербловская в лагере

Надежда на счастье; мариинские лагеря; Маградзе, Машкова, Санагина; переписка; Озерлаг и бунт на женском лагпункте; в Дубравлаге; Пастернак, Ивинская и Емельянова; освобождение; ее роль в моей судьбе

Перепетии судьбы Иры, вплоть до настроений, в те годы входили в мою судьбу и в мои переживания неотъемлемой составной моей частью. Однако именно поэтому баллада о Вербловской должна была бы помещаться в той самой главе "Эрос, любовь, секс", написать кою я все еще не умею. Как же поступить? Придется скользить по поверхности, опираясь на торчащие углы подлинной истории и совсем минуя те, что утоплены вовнутрь. Придется. Набросаю эдакую "выпуклую оболочку" лагерной судьбы Вербловской.

В тот же день 12 апреля, когда нам с ней дали свидание, когда я ее напутствовал: "Жить ожиданием - обкрадывать себя", - ее этапировали, тоже не говоря куда. В Свердловске на пересылке ее подзадержали, там ее догнал Борис Вайль, оттуда они "вместе" поехали восточнее. В Новосибирске их мгновенно переадресовали дальше и, разлучив в Мариинске, задержали ее на пересылке на 11 дней, сносясь, в какой лагерь определить. Влюблена она была в меня сильно, и уже на той же пересылке сочинила первое законное письмо мне, не зная еще даже, где я, в какой части света. Вообще она писала мне много и часто - за полтора года пребывания ее в мариинских лагерях от нее до меня дошло 80 писем, примерно по одному в неделю, а ведь было много и недошедших, бывали и бандероли. Хотя с перепиской между заключенными поддерживались обременительные строгости, но у меня в личном деле она была обозначена как жена, так что ее письма ко мне в основном доходили. Правда, бывали полосы, когда на моем спецу вдруг вводили "порядок": вручать письма только первого числа каждого месяца. Именно вручать, про отправление речь особая, с отправкой писем все время худшало. Поэтому порой мне давали сразу пять-шесть писем от нее. Сплошь да рядом позже отправленное письмо приходило намного раньше отправленного. Иногда два-три месяца валялось не врученное. Поначалу такие "воспитательные меры" доводили ее до истерики, до отчаяния, до сердечных приступов. Но так как в лагере ни истерика, ни отчаяние, ни сердечный приступ "не прохонже", то постепенно душа грубела и покрывалась все более крепкой кожей. "Привычка свыше нам дана, замена счастию она."

На счастье она надеялась очень сильно, и почти в каждом письме уговаривала меня, что счастье нам обязательно будет, что мы созданы друг для друга и т.п. Но совершить какой-нибудь сомнительный шаг по пути к счастью, например, к собственному освобождению, она не только не совершала, не только не могла сделать, а даже отпрыгивала в противоположную сторону, когда ей предлагали сделать такой шаг или когда ей казалось, будто предлагают. Оно, конечно, тупость тамошних лагерных гебистов - "оперуполномоченных" или "кумов" - трудно даже выразить. Один из них додумался до того, что предлагал этой гордой женщине, безумно влюбленной в мужа, согласиться на роль стукачки при собственном

муже: тогда ее, дескать, досрочно освободят, а его расконвоируют. Впрочем, тороплюсь. Это произошло уже в бытность ее в Озерлаге.

В Мариинских лагерях ее сначала кинули на сельхозработы в Суслово, 217/7-2. Месяца не прошло, как она заболела, и ее перевели на больницу в Мариинск[36]. Там-то рентген и установил у нее следы недавнего туберкулезного процесса, что крайне перепугало родственников, веривших в наследственность от ее матери, умершей от туберкулеза. Подлечив ее от эксудативного плеврита, ее признали годной без ограничений к любому труду. Вернули на Суслово. Весь летний сезон они работали без выходных, от зари до зари, только дожди давали отоспаться. Иногда ее как грамотную переводили на другую работу, вроде нормировщицы, учетчицы, но товарки сразу начинали шипеть, что вот, мол, жиды повсюду устраиваются получше - антисемитизм в женских лагерях похлеще, чем в мужских, а в лагерях он вообще погуще, нежели на воле. Ира не выдерживала выпадов по этой линии, заводилась, срывалась, долго не удерживалась. Чуть ли не по этой причине угодила она в марте 1959 года в карцер на неделю: подралась.

Да что там "антисемитизм"! Из примерно семи сотен зека там сотни две были свидетели Иеговы, две - бандеровки (оуновки). Ну, шпана из бытовичек несчитанная (см. конец §6). Ну, десяток-другой молодежи "венгерского призыва". Заправляли же всем на лагпункте человек пятнадцать "эсесовок", как их прозвали там. Это были бабы-полицаи, служившие карательницами при немцах, имевшие большой лагерный стаж и необходимую же лагерную перспективу - лет по 25. Так как и верующие и бандеровки относились к разряду идеалисток (идея "Бог" или "самостийность), а блатные из-за близорукости мышления ни на что серьезное претендовать не могли, то власть умело прибрали к своим рукам искушенные материалистки, которые и к немцам-то рванули ради материальных благ, и к другой власти готовы были ползти за тем же благами. Надзорсостав был из мужчин, им не хотелось вникать во внутренние дела баб - был бы внешний порядок на зоне да план на рабочей зоне - и все было передоверено "активисткам". Эти "эсесовки" "чуть ли не с плетью", как выражаются рассказчицы, поддерживали порядок и свою власть на зоне. Ненависть "эсесовок" к еврейкам смыкалась с глубоко вкоренившейся у украинок неприязнью к еврейкам.

Вербловская вообще плохо сходилась с лагерным окружением, непрестанно жаловалась в письмах на среду. Вот от 3 октября 1958 года:

"Вообще, ужасно хочется отдохнуть от людей. Я от них устала больше, чем от лагеря, чем от работы. ... Вокруг кишит такой мелкотой, которую не следовало бы замечать, но она дает себя чувствовать на каждом шагу."

А ведь еще полгода не истекло, как она томилась в одиночке и тянулась к людям сквозь стены! Почти как у меня, у нее в первые

[36] Ïðèìå÷àíèå äëÿ çíàòîêîâ ÿçûêà. Êîãäà ÿ ïèøó: "Ïåðåâåëè â áîëüíèöó", - ÿ âûðàæàþñü ïîâîëüíîìó, ïî-àêàäåìè÷åñêîìó. Êîãäà ÿ ïèøó: "Ïåðåâåëè íà áîëüíèöó", - ÿ âûðàæàþñü ïîëàãåðíîìó. À ïî÷åìó ÿ ïåðåõîæó ñ âîëüíîãî ÿçûêà ÿçûêà íà ëàãåðíûé èëè íà êàêîé èíîé, îñòàâëÿþ â êà÷åñòâå äîìàøíåãî çàäàíèÿ ëèòåðàòóðîâåäó XXV âåêà.

недели украли шерстяную кофту. Она тут же метнулась к администрации, требовала и добилась розысков, кофту нашли уже распущенной на шерсть, последовала омерзительная и многонедельная процедура доказывания, что шерсть от той кофты, воровки цедили:

- Мы тебя сделаем бедной на всю жизнь! - но на такие угрозы, как и вообще на всякие угрозы, Вербловская отвечала бесстрашным пренебрежением. К слову, конечно, ничего не сделали укравшие, и не могли бы сделать: власть блатных все-таки поувяла сравнительно с солженицынскими временами. Но инцидент сей не улучшил ее положения в бараке.

Среди ОУН-УПА попадались не только анекдотически темные бабы, "знавшие", что "Шевченку преследовали за то, что он не захотел вступить в коммунисты". Там была и Екатерина Зарицкая, жена М.М.Сороки, вполне ему под стать. Очень культурная, величественная обликом, даже когда обречена ходить в юбке, пошитой из мешка из-под цемента, она обладала безмерно широким сердцем, и ее доброта и отзывчивость не знали границ. Но Вербловская не заметила Зарицкой, а сама Зарицкая не сочла нужным обратить внимания на Иру.

Ира сходилась и "влюблялась", а затем ссорилась и на год "переставала замечать" прежнюю подругу. Так у нее было с одной литовкой, как-то причастной к правительству независимой Литвы. С ленинградкой, которую позже "раскусила". Со львовянкой Юлей. С грузинкой Нателлой Маградзе, с которой сошлась, поссорилась на полтора года, а потом подружилась "на всю жизнь". В лето 1959 года она сблизилась с Валентиной Семеновной Санагиной, которая могла порассказать о Пастернаке, проклинаемое имя которого не сходило тогда со страниц газет. А вскоре она сошлась с Валей (Валентиной Ефимовной) Машковой. И эта четверка вскоре почти всегда стала проводить все свободное время вместе.

Все четверо сидели по 58-10-11, точнее, Машкову судили по эквиваленту, действовавшему в 1959-1960, см. §6. Санагина еще перед войной была осуждена вместе с бывшей сотрудницей Луначарского Анной Барковой, поэтессой, и со своим мужем. Муж шел как "агент НТС". В ту пору "Национально-трудовой союз", недавно выделившийся из РОВС (Российский общевойсковой союз") Врангеля - Кутепова, был опереточной организацией. По сю сторону границы Ягода - Ежов - Берия выбивали из арестованных признания, якобы они суть агенты НТС. В статьях о чекистах, берегущих наши границы, хвастались, сколько энтеэсовских диверсантов разоблачили и покарали, а кучка пройдох-эмигрантов собирала вырезки из советских газет и публиковали обзоры их как реляции о подвигах героев-энтеэсовцах по ту сторону железного занавеса, в Зоорландии, выражаясь по-набоковски. Апогея сие вранье достигло в 1950 году, когда посредством вырезки из советской газеты, в которой лялякалось, якобы С.М.Кирова убила злодейская рука, посланная НТС (конкретно - из Белграда), эти проходимцы добились, что ассигнования на радиостанцию "Свобода" от американского сената передали в их распоряжение. Ведь "американцы - народ деловой". Им нужны "доказательства эффективности". Где же сыщешь лучшее ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, нежели "признания самих советских газет"?! Ну, ко времени появления Вербловской Баркова освободилась, Санагина

сидела по второму лагерному сроку, муж ее уже помер в лагере же. Всех троих спустя несколько лет реабилитировали, Баркова кажется, даже публиковала мемуары о Луначарском[37]. По возрасту Валентина Семеновна годилась в матери Ире.

Моложе Иры - 1940 года рождения - была тезка Санагиной Валя Машкова, урожденная Цехмистер. Приехав с Северного Кавказа в Москву и поступив на физфак, Валя через пятикурсника-химика Петропавловского познакомилась с Юрой Машковым и быстрехонько оказалась участницей нелегальной типографии. У них уже был шрифт и программа журнала, когда в ноябре 1958 года их взяли. Петропавловского признали невменяемым, Надя Бацуло раскаялась и получила 2 года, Вадим Попов раскаялся и получил 3 года, а трое непокаявшихся и произнесших громовые обличительные речи на суде - Нодар Григорашвили, Юрий Машков и Валя Цехмистер - получили тогдашний максимум по 7 лет. Первый доказывал преимущество анархо-синдикализма, второй - что марксизм противоречит естественной природе человека, а третья - что у нас в стране, дескать, государственный капитализм.

Нателла Маградзе, уроженка Тбилиси[38], была полной ровесницей Иры, родились в один день. Впрочем, из другой по устремлениям семьи. У Иры брат служил с душой в армии и не тянулся к духовному поприщу. У Вали брат был уголовник, а сестра - замужем за милиционером, так что и Валя, и Ира в каком-то смысле не находили себе в семье духовного отклика. У Нателлы же сестра была писательницей, и сама Нателла тянулась к труду литератора. История ареста Маградзе аналогична истории ареста Машковой[39] с той разницей, что она не демонстрировала непреклонности на суде, получила "всего" четыре года в свои восемнадцать девчоночьих лет. Во внесудебном порядке пьесы ее сестры были сняты с репертуара, что оказалось для ее чувствительной тонко-организованной натуры непереносимым ударом - в несколько лет ее сестра сошла с ума и умерла. Кажется, это случилось в 1962 году, вскоре после ее поездки в Ленинград, во время которой она встречалась с только что освободившейся Вербловской. У сестер было такое сильное пристрастие к драматургии, что под влиянием Нателлы Ира в лагере начала было сочинять пьесу "о вятичах", хотя ни до ни после не тяготела к театру. Замысел был о расколе у большевиков в 1910 году, о склоках отзовистов и большевиков, на дальше одной сцены - и то утерянной - драма не продвинулась.

Осенью 1959 года мариинские женские политические лагеря ликвидировали, их перевели в состав Озерлага, и Вербловская с 28 ноября оказалась почти рядом со мной: на станции Невельской[40], 401/14. Вспыхнула безумная надежда - вдруг дадут свидание друг с другом: в принципе мужу и жене в пределах одного лагерного

---

[37] Ïî ñëîâàì Ñàíàãèíîé, Áàðêîâà îñòàëàñü ñòàðîé äåâî÷, ÷òî ïðîòèâîðå÷èò ðåïóòàöèè Ëóíà÷àðñêîãî.

[38] Òàì æå ñèäåëà è äðóãàÿ Íàòåëëà èç Òáèëèñè, çà äåìîíñòðàöèþ â çàùèòó èìåíè Ñòàëèíà. Íî ýòî áûëà øïàíà-óãîëîâíîñòü, è Èðà ñ íåþ íå îáùàëàñü.

[39] ß èìåíóþ åå Ìàøêîâîé, ïîä ýòîé ôàìèëèåé îíà îáùåçíàñòíà, íî âûøëà îíà çàìóæ çà Þ.Ìàøêîâà òîëüêî â 1965 ãîäà è äî òîãî áûëà Öåõìèñòåð.

[40] Âîò ðàñïîëîæåíèå óïîìèíàåìûõ çäåñü è â §§10, 12, 13 ñòàíöèé íà âåòêå Òàéøåò - Áðàòñê (íûíå - ÷àñòü ÁÀÌà): Òàéøåò - Íåâåëüñêàÿ (âòîðàÿ) - ×óíà (÷åòâåðòàÿ) - Âèõîðåâêà (ñåäüìàÿ) - Àíç¸áà (âîñüìàÿ) - Áðàòñê (äåâÿòàÿ). Çàâåùàþ â XXV âåêå èçäàòü ñ ñîîòâåòñòâóþùèì, ñîâðåìåííûì ñîáûòèÿì êàðòàìè. È, êîíå÷íî, ôîòîãðàôèÿìè-ïîðòðåòàìè ó÷àñòíèêîâ, íà÷èíàÿ ñ Õðóùåâà.

управления разрешались личные свидания. Но, во-первых, я в Вихоревке находился на спецу, т.е. формально ШТРАФНОМ подразделении, а во-вторых, в юридическом браке мы все же не состояли, и тут одной лишь записи с моих слов в моем личном деле было недостаточно. В ту пору около нас обоих потерлись гебисты, причем мне мой Макаров рекомендовался приехавшим из Москвы, поигрывая на струнке "свидания" в том числе. Но, как всегда в подобных ситуациях, Ира шарахнулась в противоположную сторону, дабы не совершить сомнительного шага. Более того, с их слов - о, эта доверчивость к словам профессиональных лжецов - она вообразила, будто бы я готов что-то сделать по их указке, отречься от чего-то, заложить кого-то, не знаю уж подробностей. И тут же произвела мне выволочку в письмах - эзоповски, но доходчиво - что, мол, ТАКОГО она мне никогда не простит. И от подачи заявления о свидании наотрез отказалась сама. Через неделю-другую, прочухавшись, она сама не понимала, как ей такое взбрело в голову, и угрызалась несколько месяцев. У меня нет моих писем к ней, и я не помню, как я отреагировал на столь несусветное поношение.

Как вообще относился я к ней тогда? По-видимому, любил, ибо мне было больно от ее страданий. За дальнейшими подробностями, равно как и за экспликацией интенционала и экстенционала термина "любить" отсылаю к ненаписанной главе "Э.Л.С." Пожалуй, я облегчал ей жизнь тем фактом, что существует человек, которому можно выложить свою душу, настроения, даже глупости.

Ее собственные родичи писали ей мало, неаккуратно - во всяком случае так она жаловалась мне. Первые месяцы много тепла уделяла ей тетка, увы, вскоре умершая. Брат фактически не писал, ни пока служил в армии, ни когда был демобилизован по громадному сокращению армии в конце 1959 года. Отец ее отнюдь не был к ней безразличен, пару раз загорался "кардинально" ей помочь, но на регулярную переписку был неспособен, да и посылки слал спорадически, то две в неделю, то ни одной за полгода с лишним. Первый раз он рванулся вызволять ее, едва она попала в лагерную больницу, в мае-июне 1958 года. Он сразу подал прошение о ее помиловании. Так как такие ходатайства не рассматриваются без заявления от осужденного, Вербловской предложили самой написать. Она, гордо сознавая себя невиновной и осужденной ни за что, начертала отчетливо:

"Прошу рассмотреть мое дело по существу и помиловать меня. Я осуждена на 5 лет... Как на следствии и на суде, так и теперь признать себя виновной в какой-либо умышленной антисоветской деятельности я не могу. Поэтому считаю, что осуждена неосновательно. Находясь уже год и 5 месяцев в заключении, я чувствую себя также советским человеком, каким была всегда. Прошу мое заявление удовлетворить. 26/VIII-58".

Разумеется, сразу отказали, ибо помиловать можно только того, кто признал себя виновным. Единственным последствием таких ее фраз было то, что "кумы" стали предлагать ей ДОКАЗАТЬ, что она "такой же советский человек". Она заводилась на такие предложения, лагерная характеристика утяжелялась, зачеты ей не шли. Второй раз Савелий Григорьевич кинулся высвобождать свою

дочь тоже после ее болезни, летом 1960 года. Тогда он самолично отправился в Верховный Суд хлопотать. Там удивились, почему это ее не освободили по 2/3, истекшим как раз в июле 1960 года. Всех, мол, освобождают по 2/3, - заверили его. Он тут же написал требование администрации Озерлага освободить его больную дочь согласно указанию Верховного Суда. Вербловскую вызвали, предложили опять-таки написать самостоятельное заявление на сей предмет и со вкусом по всей форме шмякнули обоих отказом, ссылаясь на действительно имевшиеся у нее нарушения и взыскания, а также на отсутствие зачетов.

В промежутке между названными двумя кардинальными акциями отец изредка посылал ей деньги, еще реже писал, да и не выражал при этом сочувствия или понимания, а ругал дочь, которая столько невзгод причинила больному старику-отцу. Жаловался и жаловался на свое здоровье. Жаловался на расходы, которые он вынужден нести из-за нее. Вот из письма Орловского от 13.12.58:

"... затем он заявил, что не сможет пустить меня в (Ирину) комнату раньше, чем через неделю (как потом выяснилось, он вел в это время лихорадочные переговоры с Диной (Креневой) о том, чтобы та отделила твои книги от Ирэниных с тем, чтобы он мог Ирэнины книги сразу же загнать, возместив тем самым стоимость апельсинов, которые он ей носил в тюрьму, несмотря на то, что он прекрасно знал, что ее воля совсем иная)".

Речь идет о попытках Орловского действовать в соответствии с моей и Вербловской доверенностями, помянутыми в §5; "воля" относится к ним, а не к апельсинам. А вот и сама Ира вздыхает в письме мне:

"Шафир вытянул у отца тысячу рублей".

Дело в том, что Арнович вообразил, будто бы различие в судьбах Вербловской и Заславского вызвано наличием у Игоря столь блестящего адвоката (тогда как Шафир блестящ только потому, что никогда не берется за проигрышные дела). Он отобрал дело у Кугель, передал его Шафиру. К слову, моя мать тоже наняла Райхмана для Вербловской, а Ира по-прежнему считала своей защитницей Кугель. Как уж сии три адвоката управлялись между собой, но примерно с год у Вербловской было три защитника. С нулевым исходом. Да и насчет трат: ну кому нынче придет в голову сказать насчет адвоката, которому пришлось уплатить по такому делу сто рублей, будто он "вытянул" из клиента "целых" сто рублей?..

Из ее знакомых больше всего писал ей Юра Кроль, и его письма ей помогали жить. Наладилась регулярная переписка с моей матерью, Ира очень к ней привязалась и как-то признавалась: "Юрка, восхищающийся твоей матерью, прав". Про их отношения см. §16. Но все же главным каналом для излияний оставался я. И ее экстравертная натура изливалась. Вот от 4 февраля 1960 года:

"Сегодня два года, как мы последний раз встретились на Фонтанке. Помню переполненное помещение и знакомые и

незнакомые глаза, пожирающие нас. Помню, ты стоя взял меня за руку, и так, держась за руки, мы и простояли с тобой весь текст. Помню, ты шепнул мне: "Смотри на меня!",- а я смотрела в зал, и ты сказал: "Да, верно, ты пытаешься вобрать в себя, надышаться", - и сам устремился глазами в зал".

От 21 июня 1961 года:

"... косовицу... люблю. когда высокая трава падает под моей косой, мне кажется, что я исполин и от взмаха моей руки падают деревья (так думают потревоженные гусеницы и муравьи, и я в это время думаю по-ихнему). А когда разрушаю гнездо, всегда почему-то вспоминаю наших гостей 25 марта: Р-раз - нет гнезда. Р-раз - и голо кругом. А иногда мне кажется, что я выпалываю баобабы, и это страшно важно. Так я кошу, пока не устаю. А когда уже жду отдыха и кошу ничего не думая".

Примерно такие же оды слагала она своей езде на лошади - какое-то время она работала возчиком. Вот от 26 марта 1960 года:

"На днях что-то разразмышлялась в связи с трехлетием. Перепишу тебе все, что записала тогда. "Человек более или менее устойчивый от тяжелых ударов не ломается, не сгибается, а зачастую делается сильнее. Сравнение опошлено, но верно: сталь закаляется. Но вот ржавчина быта, мелочей разъедает эту сталь и от нее уберечься значительно труднее. Она въедлива, умеет глубоко проникнуть и, как ни страшно, не допустить ее в душу тяжелее, чем собраться внутренними силами и выстоять после серьезного удара. Собственный арест и первые, самые трудные дни заключения стоили мне меньше нервов, чем нелепая ссора накануне твоего ареста из-за обоюдного нежелания вынести на кухню посуду. Не следует из этого делать вывод, что я хоть на одну минуту смотрела на свой арест легкомысленно. Нисколько. Смотреть с перспективы веков и тысячелетий на свою судьбу с ее превратностями можно, но с какой перспективы смотреть на бесчисленные досадные повседневные мелочи?!" А здесь они еще въедливее."

Видимо, то обстоятельство, что она способна была помнить пререкания насчет вынесения посуды, помнить дальше следующего утра, действительно утяжеляли ее жизнь. Мне до этого письма казалось, будто бы я хорошо сохранил в памяти вечер воскресенья накануне ареста, я его даже в тюремной поэме описывал: была Виля, гадали, разговаривали о религии, марксизме, можно ли называть марксизм разновидностью религии. А вот ведь оказывается, когда Виля ушла, то мы еще бранились, кому за ней чашки убрать?.. Так сильно бранились, что Ира сопоставляет надрывность перебранки с трагедией ареста - и на переругивания ушло ее нервов БОЛЬШЕ, чем на арестные переживания?! Но вот я не помню, корова напрочь языком слизнула, никакой посуды, никакого взаимного неудовольствия! Напротив, я помню нежность ночью... И даже ее письмо не помогло мне припомнить никакого облачка между нами в тот вечер - кроме той тучи, о какой я писал в §11 гл.1: гадание на картах сулило что-то зловещее, от чего мы оба содрогнулись, пряча

страх в насмешливость. Не знаю, все ли женщины таковы, но смахивает, что да. Им тяжелее живется, несчастным.

Думается, что именно из-за своей озабоченности "ржавчиной быта" Ира и болела чаще. Вот я, даже провалившись в трескучий мороз в прорубь - мы запасались водой в виде кусков льда на весь лагерь, - с трудом вытащенный и просидевший потом в ожидании опять-таки открытого грузовика на берегу (бегать-то для сугреву не позволил конвой!), я даже не затемпературил. И когда осколком камня в карьере мне пропороло руку - никакой болезни из этого не воспоследовало. Ну, правда, от потери крови - пока доплелся через рабочую зону до вахты, а потом пока разыскали фельдшера с бинтом - я потерял сознание. Но приведенный нашатырем в чувство, я уже НЕ БОЛЕЛ, хотя не преминул попользоваться случаем получить освобождение от работы - правая же рука, гражданин начальни-чек - на несколько дней. А Вербловская все время температурила, дышала с трудом, по телу множились нарывы, стреляла непонятная боль, фиброматоз груди мерещился раком. Редкое письмо без описания хворей. И не только письма мне. Раздраженная ее жалобами, врач на зоне кидала ей совет: "Надо жить половой жизнью, все пройдет". А вот из письма Орловского от 23.04.1960:

"Иван Гаврилович и другие мордовцы забросали меня паническими письмами про состояние здоровья Ирэны. Но продукты, насколько мне известно, она получает регулярно. Я ей написал, чтобы она сообщила, что ей нужно, и я немедленно пошлю. А посылать посылки, чтоб они возвращались, нет никакого смысла. Очень неприятно, что она больна, но хуже еще то, что она старается убедить себя в том, что она чуть не умирает и в разных других страшных вещах: что ей запретят переписку с тобой и т.п., отпадает одно основание для паники, она тут же выдумывает другое. И это началось не сейчас. Еще летом мать приехала от нее в страшной панике. Никаких оснований для паники она указать не могла, просто Ирэна заразила ее своим настроением. И что с этим делать, прямо не знаю."

Но не только кажущиеся, а и всамделишние болезни набрасывались на нее: летом 1960 года по лагпункт Невельской гуляла эпидемия рожи, так Ира не только подхватила ее на правую ногу, но попадала в больницу с рожей даже дважды.

Когда она не болела, она занималась самокопанием. Вот ее письмо от 9 апреля 1960 года:

"Да, конечно, ты прав. Надо судить о людях (человеке) по лучшим поступкам. Но я по своей наивности, видимо, не предполагала такого количества весьма неприглядных моментов в жизни так наз. "порядочных людей." Короче, идеализировала. Почему легко было впасть в другую крайность. И вот, получив твое письмо, я сделала, как ты пишешь - попробовала припомнить свои срывы, даже не срывы, а случаи, когда я была не на высоте. Получилось, признаюсь честно, картина дрянная. Ну, а т.к. дрянью меня даже враги не считают (кроме, разве что, Сержа Бернадского), то таким образом я убедилась в твоей правоте, - что судить по худшим поступкам нельзя."

Вот 8 ноября 1960 года она приводит мнение Нателлы о ней:

"За эти полтора-два года ты очень сильно изменилась. Повзрослела - это слово плохо применимо в нашем возрасте, перешла в зрелость. Тогда ты была какая-то во все влюбленная, с удивительной свежестью восприятия. Сейчас - совсем другая. Ты как-то очень поумнела, стала иначе смотреть на мир".

Вот про обволакивающий ее антисемитизм ("черные волосы") от 01.04.60:

"Я вспоминаю твою фразу, что ты старше меня на год и на 42 дня сумасшедшего дома. А на сколько я старше тебя? - На гриву черных волос!"

И все время она так или иначе соотносит себя со мной; вот от 11.04.61:

"Вчера мы здесь отмечали день рождения одной и как-то невольно вдались в детские воспоминания. Рассказывали немного о своем детстве - с 7 до 13-14 лет. Все присутствовавшие - публика холостая. И вдруг как-то я почувствовала, что даже детскими воспоминаниями я вдвое богаче их - у меня есть свои воспоминания и твои рассказы о твоем детстве. Пусть не так уж и много ты рассказывал о нем, но даже те немногие факты дали мне возможность прожить самой его.

Представь себе как забавно! Я рассказывала, как в 11 лет я жила самостоятельно с братом, а про себя думала ("вспоминала"): "Представьте себе, ведь когда я делала то-то и то-то, Револьт за тысячи км от меня ходил на лыжах в сопках, учился в таком-то классе, занимался тем-то и тем-то", как будто МОЕ даже столь далекое прошлое - это наш совместный опыт."

Грызла она меня и еще больше себя за аборт декабря 1956 года. А порой вскидывалась из-за неудачных формулировок моих писем:

"О себе писать нечего. Вернее, слишком много. Нечего во внешнем плане. А на душе слишком много накопилось. Только тебе это не нужно все. Ты полон и счастлив своими успехами. И "возиться" с моими "душевными состояниями" тебе некогда; да и не к чему "баловать". Само образуется. Не так ли? Это, пожалуй, самый здоровый подход." (09.09.1960)

Вот от 3 ноября 1960 года:

"Вот сижу, Волчик, и думаю глупости. Вот тебя освободили как-нибудь на днях. Вот ты по пути домой заехал ко мне. Уехал. И мне радостно и вместе с тем горько. А ты будешь ждать меня оставшиеся почти полтора года?

Как видишь, в голову лезут только глупости."

Глупости-то глупостями, но прежде ей не мерещилось, что я проеду на запад мимо Невельской, а в те дни мне уже было предопределено ехать - не заезжая к ней - аж во Владимирскую крытку. Я и проехал 5 декабря. Плохо все-таки умеем мы обрабатывать наши предчувствия и вроде бы "глупые видения"... Только еще два ее письма после этого успели дойти ко мне в Вихоревку - и я ответить не успел - а потом она стала слать их - после двухмесячного замешательства, стоившего ей многих нервов - на Владимир.

Впрочем, нервы потрепались у нее в те зимние месяцы не только из-за отсутствия писем от меня. На женском лагпункте стряслось небывалое ЧП, в результате которого их "четверка" до тла распалась. Первое "выпадение" было приятным: Санагина освободилась. Как бы "взамен ей", знавшей Пастернака довольно поверхностно и десятилетия назад, на лагпункт прибыла последняя жена Пастернака, Ивинская, и ее дочь Ира Емельянова. Формально они были посажены за валютные операции, сопряженные с получением гонорара за "Доктора Живаго". Посажены сразу же после смерти Бориса Леонидовича[41]. Позже, в §18 я вернусь к ним. Ира познакомилась с ними в первые же дни, но теснее сблизилась с Ирой Емельяновой потом, уже в Мордовии.

В это время кончился срок у одной польки по имени Зося. Ее и арестовали в Польше, и в Польше же у нее оставался муж и другие родственники. А тут при освобождении ей выдают советский паспорт и указывают гражданство СССР. Она в крик: не буду освобождаться с такими документами! Я полька! Давайте польский паспорт! Ну, администрация Озерлага и прав таких не имеет, это дело Москвы, но Озерлаг своевременно не известил о таком казусе, а теперь поздно. Обойдется, двести миллионов живут с советским паспортом и не рыпаются. Гнать ее за зону. Если не хочет документов брать, так без документов.

Администрация в Озерлаге была кондовая, со сталинских времен сохранившаяся. Начальник Озерлага полковник Евстигнеев еще с Андреем Небольсиным служил. Майор Эттлин - что одно время у нас на Вихоревке подвизался в подчинении капитана Комракова - даже в воспоминания Дьякова попал как лютый произвольщик. Вот случай покурьезнее. Следователь Курешов работал в уголовном сыске до революции. После революции - стал в советском угро. Пришли в Краснодон немцы - стал служить в уголовном отделе тамошней полиции. Когда Олег Кошевой с товарищами попались на разграблении грузовика с сигаретами, дело это, зачисленное под рубрику воровства, досталось ему. Но после его рапорта, что это, дескать, подростковое хулиганство, у него дело изъяли. Когда наши выбили немцев, Курешов смылся и через небольшой срок проявился - кем бы вы думали? - начальником одного из лагпунктов в Озерлаге! Надлежащие бумаги о работе в органах сумел сберечь. Лишь в 1952 году его арестовали. С ним встречался Володя Переверов, которому тот жаловался:

- Я сижу только за то, что дал показания, как видел собственными глазами, что Олег Кошевой уезжал в Германию, как с

[41] Äðóãóþ òàêóþ äåëèêàòíîñòü â âûæèâàíèè àðåñòà ÿ çíàþ â ñëó÷àå ñ Ï.È.ßêèðîì - åãî íå áðàëè, ïîêà íå óìåðëà åãî ìàòü, óæå îòñëåäèâ çà ñâîåãî ìóæà íåïîâèíîé ëåò ñåìíàäöàòü...

ним прощалась его мать и рядом стоял тот эсесовский начальник, с которым она тогда жила.

Многие помнили, как он был начальником лагпункта. При такой администрации немудрено, что "эсесовки" продолжали на женском лагпункте заправлять по-прежнему, а администрация не утруждала себя хлопотами по репатриации польки Зоси. Так вот, выталкивают Зосю на волю, а она вцепилась в спинки коек-вагонов и вопит дурным голосом:

- Не пойду!

Бабы в бараке тоже в крик:

- Не дадим!

Надзиратели шарахнулись прочь. Эсесовки дернулись было заступиться за администрацию - и тогда началось. Зона объявила голодовку с двумя требованиями: выдать Зосе польские документы и убрать с бригадиров и с других "придурочных" постов эсесовок. Голодовка проходила в перемежающей лихорадке: иеговисты то присоединялись, то отмежевывались. У них ведь своя забота: ждать конца света, а перед тем пострадать посильнее от неправедной власти... Понаехало начальства - сам Евстигнеев, его замполит полковник Курилин, зам. по режиму полковник Кочетков. Уйма гебистов, озабоченных выяснением "подстрекателей". Вся эта публика "беседовала" в том числе с Вербловской, причем Евстигнеев топал на нее ногами и поносил меня. Ну, а с Валей и Нателлой и не беседовали даже. Они обе вместе с бандеровкой Галей Голояд объявили сухую голодовку и держали ее, даже когда зона стихла. Поэтому их изолировали в карцер, прямо оттуда потащили "на суд", который заменил им лагерь - тюрьмой. И в феврале 1961 года этих троих повезли вслед за мною. С Валей у меня были некоторые контакты в тюрьме, а с Нателлой - не могу припомнить. Ира неоднократно возвращалась к переживанию того, что с Валей и Нателлой ей не удалось проститься: прихожу в барак - вещи Вали брошены под мою койку, а ее самой нет... Сама Ира отделалась карцером.

Опять о телепатии. Как раз в это время у меня возникли сильные перебои в переписке с Ирой, и ничего рассказанного я не знал. Но тем не менее ощущал - как никогда остро - что у нее там какая-то беда. И поэтому в моем письме от 20 марта 1961 года среди обсуждения математических поручений Эрнсту в связи с его перепиской с профессором Б.А.Розенфельдом вдруг прорывается истерический вскрик:

"Из указанной им библиографии меня интересует терминология. Надо бы взять терминологический словарь и посмотреть, каким терминам соответствуют мои. Особенно меня смущают "постулированная прямая", "одноименные прямые". Со статьей Соммервилла я знаком лишь по пересказам в книгах Кагана и Розенфельда. А нужна ли она мне? Откуда я знаю, что мне нужно! Мне нужно только знать, что с Ирой не происходит никакой беды..."

Это - уникальный случай в моей переписке. Больше такой несвязности - исключая ситуации, когда несвязность выполняла эзоповские функции - в ней не попадается. Есть все-таки

неосознаваемые нами средства передачи психических воздействий, есть!

Эсесовок поснимали, Зосю повезли в Москву, а оттуда прямиком в Польшу. Евстигнееву врезали по шапке, а всех политических из Озерлага вывезли в Мордовию. Говоря осторожнее, кажется, этот перевод был предрешен до истории с голодовкой, но есть основания полагать, что голодовка ускорила. И, опосредованно, та же голодовка способствовала моему освобождению через два с половиной года: на меня была омерзительная лагерная характеристика, но выдавшее характеристику начальство было опорочено в глазах московского начальства, так что при определенном предрасположении можно было закрыть глаза на отрицательность. Кажется, с середины 1963 года Евстигнеева все же сделали начальником Дубравлага.

Женщин везли иначе, чем меня. Меня - обычным столыпиным - везли месяц с пересылками Новосибирск - Свердловск - Киров - Владимир. К слову, благодаря Ире я ехал во Владимир шикарно. Дело в том, что этот этап в крытку готовился загодя, и от них заранее скомплектовали партию неисправимых верующих, что в ожидании этапа в тюрьму пригнали к нам на спец и разместили в старом корпусе. Когда они прибыли, то сразу передали мне со ссылкой на Иру какую-то жратву. Я еще галантничал, не желал обирать женщин, объедать их. У меня до сих сохранилась записка, в которой они сердито отругивают меня за невзятие, усматривая в этом обиду Ире. Да, так вот, повезли-то нас в одном столыпине. И оказалось, что с Вихоревки в крытку везут единственного мужчину - меня. И около 30 человек женщин. И все женщины обо мне слышали. И непременно хорошее. Не только от Иры. Словом, никогда так обо мне не заботились, как в это путешествие.

Но возвращаюсь к женскому этапу. Их перевозили теплушками - просторно, даже в окно можно глазеть, безо всяких пересылок по маршруту: Тайшет - Омск - Курган - Челябинск - Златоуст - Уфа - Куйбышев - Сызрань - Рузаевка - Потьма. Меньше чем за шесть суток, и уже 21 апреля их водворили на 385/17-А. Буковка "А" означает "литерный", т.е. более строгий режим. В апреле же из Озерлага этапировали и всех мужчин, причем взамен спеца в Анзёбе рядом с женским строгим в Мордовии расположили мужской, впрочем, не камерного, а барачного типа. И у Иры закрутился новый период лагерной жизни: мужчин можно было видеть через запретку, а при удаче даже перекинуться запиской или окликнуть. После стольких лет изоляции. Она была очарована Карлом Фрусиным, влюблялась в Сашу Гидони и его стихи, покорялась безукоризненным аристократом Юрой Меклером. Впрочем, влюбленности эти покамест цвели без ущерба для ее любовных излияний мне в письмах. Ставить в пример мне Фрусина она пустилась только тогда, когда освободилась, а я еще сидел. Да и как бы это эмоциональная женщина не влюбилась бы хоть на минутку в автора стихов о любимом Ленинграде:

"Пляски снежинок, гирлянды огней
Город вечерний - картинки и сказки.
Тихая площадь, фигурка на ней
Вся в ожидании счастья и ласки..." (Гидони)

Или с Юрой Меклером. Началось с того, что он передал ей книгу Юнга "Ярче тысячи солнц". Но быстро-быстро, считая мое прошлое своей собственностью, Ира со свойственной ей экспансивностью делится с Меклером моими отношениями с Юрием Этиным - Меклер был с тем знаком. Думая меня порадовать, она докладывает мне, что "Юра М. так же относится к Этину, как ты," - а я хватаюсь за голову, какие у нее представления о доверительности.

Как это нередко бывает в лагерях, перевод на более строгий режим реально отозвался заметным улучшением в быту, настроении, так что осенью 1961 года Ира писала, что изо всех лагерных лет лето в Мордовии было для нее настоящими "просперити". 10 июля у нее сутки провела на свидании моя мать, "возвращаясь" из Владимира с получасового свидания со мной. Собственные родственники Вербловской ни разу во все годы заточения к Ире на свидания не ездили: ни отец - всего лет на шесть старше моей матери, - ни брат-близнец. Для моей матери добираться проселочными дорогами без регулярного транспорта - при ее бронхиальной астме - было пыткой, но Ире так хотелось свидания, она так о нем мечтала, такие письма слала... А когда освободилась, то доброго слова о моей матери в письмах не сказала, упреки и несогласия. А после 1963 - так словно и не существовало на свете Ларисы Михайловны.

С обычными нервотрепками дождалась Вербловская своего освобождения строго по концу срока - в среду 28 марта 1962 года. Уже месяца за четыре с лишком ее стали теребить: куда, мол, намерены поселиться по освобождении? Она просила в Ленинград. Отказали. Выпросила месяц подумать. Надумала - в Лугу. К слову, тогда до Луги еще не ходила электричка. За 48 часов до освобождения забрали у нее все вещи на проверку, тщательнейшим образом все прошмонали, разрезая даже швы на рюкзаке, бушлате и т.п. Кажется, отобрали кучу записок, что она везла от подруг на волю.

"На воле пока обнаружила следующее: ходить приятно. Кушать - нет. Пошла в Потьме в столовую и из всех блюд выбрала рассольник и пшенную кашу. И то сознание, что она лучше сварена, чем та, что ела до сих пор, было мне неприятно."

- писала она мне в 6 утра 29 марта с вокзала. Аналогичное же произошло, когда три дня спустя В.В.Иванов в Москве повел ее в ресторан - она заказала только стакан кефира. И хотя недели через две моя мать с Илларием Яковлевичем водили ее в "Север" и она с удовольствием объедалась лакомствами, это отношение к еде изживалось у нее медленно; рецидивы давали знать позднее, когда она лежала в ленинградской больнице:

"... к передачам отношусь так же, как там к посылкам - ем понемногу, не очень раздавая, не оставляя на столе куски масла или сахара, как другие. Мне это просто кажется кощунством.".

Сразу же из Потьмы, минимально промедля в Москве, она примчалась ко мне во Владимир. Нам дали получасовое свидание.

Она еще побеседовала с замполитом майором Хачикяном. Потом направилась в Ленинград.

Завершая эту пунктирную повесть о пребывании Иры Вербловской в лагере - повесть, которую она могла бы сама написать лучше, но написать которую она все же не написала, так что я просто вынужден делать это за нее - вернусь к тому, какое место занимала она в моей душе. Конечно, не ее ошибки и вздорные порой требования: "Пиши на имя XXII съезда жалобу!" - что она повторит потом в письмах моей матери и Эрнсту - определяли тогда это место. Оно определялось ее верой в меня, в мои силы.

"Иногда, когда я как можно более реально стараюсь представить твои условия - постоянное полуголодное состояние и др. - мне делается страшно и я мечусь, теряю себя, не зная, как могу еще я смеяться, радоваться чему-то, думать о чем-то пустом, когда ты там, голодный, взаперти.

И вместе с тем, как для маленького ребенка его мать всегда самая красивая, так для меня ты - самый сильный, самый умный, самый самый. И это поддерживает во мне веру, что ты выдержишь и мы будем вместе." (26.11.61)

"Волчик, но ты будь силен, родной мой; будь крепок. Ведь даже в этих условиях ты поддерживаешь меня, ты мой маяк. А маяк не может тускнуть." (06.12.61)

"... знаешь, когда я думаю о подробностях твоего быта, я ужасаюсь. Но где-то внутри бьется глубокая вера в тебя и в твои силы, что ты пройдешь через все это как Фрези Грант из "Бегущей по волнам" Грина по воде - не замочив ног, не повредившись. Если это чудо, значит, я верю в чудо." (24.12.61)

Чтобы мужчина - особенно творческий мужчина, истеричный как всякий поэт - мог держаться, не ломаться, не опускаться, необходимо, чтобы в него верили так. По такой вере и впрямь обретешь крылья или пройдешь по воде как по суху... Она дала мне эту веру.

§9. Предтеча правозащитного движения Э.С.Орловский

Поклон Эрнсту; домашняя жизнь Эрнста[42]; письмо Орловского от 18.06.58; письмо Револьта от 11.06.58 и ответ Эрнста от 19.06; письмо Эрнста от 22.03.59; от 02.09.59; перечень политрепрессий за 1957-63 по Орловскому; протесты Орловского на собраниях и правительству; личная жизнь его

Не меньшую, если не большую роль, чем Вербловская, сыграл в моей тогдашней судьбе Эрнст Орловский. Я уже писал в гл.1, что во время суда он оказался тем кристалликом, вокруг которого выпали из бесформенного раствора и, сконцентрировавшись, обрели лица все свидетели и знакомые свидетелей. Я думаю, что его наверняка арестовали бы по обстоятельствам дела, кабы не то "досадное обстоятельство", что его мать уже была посажена в 1936 году и реабилитирована в 1956 - "место смерти - РСФСР". В те годы к детям реабилитированных относились с некоторой бережностью, сажать избегали. И после суда Эрнст на долгое время оставался средоточием нашей связи с волей. Нашими руками на воле. Источником наших знаний о том, что творится на воле. А мне - уже персонально мне - он сделался еще и мостом, по которому я вошел в мир математиков, а тем самым и на свободу. Без него я никогда не смог бы написать ни статьи для "Докладов АН", о которой речь в §12, ни многого другого. Земной ему поклон от меня.

Как раз примерно к нашему аресту Орловский окончил аспирантуру и устраивался на работу в один "ящик". Но ему дали от ворот поворот, и примерно полгода никакой совершенно работы он найти не мог. Статьи 209 (или ее аналога) УК тогда еще не существовало, так что Орловскому не лагерь за "тунеядство" угрожал, а лишь голод и отсутствие ботинок. Он подрабатывал однодневными заработками, вроде "книгоношей", но жил главным образом на гонорар матери, который после ее ареста зажилил Географгиз, а после ее реабилитации Орловский частично отсудил у Географгиза. Правда, толику гонорара урвал у него отец, который поначалу из трусости запрещал сыну подавать в суд на Государственное Учреждение, а потом, когда иск завершился победой, вспомнил, что сам может претендовать на наследство покойной жены. С отцом у Эрнста были вообще тяжелые, взрывчатые отношения. Он не мог простить отцу ни того, что тот женился сразу же после ареста матери (и даже, кажется, неоднократно), ни того, что отец воспитывал его в духе слепой веры в Сталина и Правительство (безуспешно, но тем насильственнее), ни того, что отец - по мнению Эрнста - мало заботился о своем старшем сыне Феликсе, умершем, не достигнув 20 лет, от туберкулеза, а Эрнст боготворил своего старшего брата... Отец же, занимавшийся идеологической работой, считал Эрнста непутевым, неприспособленным к жизни и опасным для своей карьеры болтуном. Мачеха не уделяла ему никакого серьезного внимания. Единокровный брат Клим высматривал, чего стибрить у дурака-братца. Хорошо хоть у Эрнста комната - и просторная - была своя, с отдельным входом. И он как-то выстоял самые трудные месяцы,

[42] Ïðèì÷àíèÿ Ý.Ñ.Îðëîâñêîãî ê òåêñòó ýòîãî ïàðàãðàôà ñì. íà ñòð.426

потом повезло устроиться на завод "Полиграфмаш" переводчиком технической документации к отправляемой на экспорт продукции.

Повесть о внешних обстоятельствах жизни Орловского дала бы лишь многократно преломленное, искаженное представление о нем. Дабы его понять, дабы постичь его роль в нашей жизни, надо СЛЫШАТЬ ЕГО, ну, скажем, ЧИТАТЬ ЕГО ПИСЬМА. Тогда мы войдем в тот мир, в котором он жил, из которого на всех соприкасавшихся с ним веяло духом свободы. Именно то, что он был СВОБОДНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, производило неотразимое впечатление. А свободным он был, ибо жил в этом своем мире, в котором тогда не жил еще почти никто из советских людей. Но вот некоторые из его писем:

ЭРНСТ - РЕВОЛЬТУ № 28

отправлено 18.06.58 - получено 25.06.58

"Револьт, привет! Я очень виноват, что до сих пор не написал, но прошу тебя, Револьт, не обижайся. Ты знаешь, сколько накопилось того, что надо написать, что просто страшно приступать к письму. Открытку я тебе послал 2/VI, чтобы ты видел, что я письмо получил и про тебя не забыл, а после этого писать коротенькое письмо не имело смысла. А на длинное все никак не мог выбрать времени. Ну, сегодня решил - ладно, сколько напишу, столько пошлю. Если здесь не будет ответа на какой-либо твой вопрос или просьбу, это не значит, что я забыл, просто я не дошел до этого, напишу, значит, в следующем письме.

Начну с конца, т.е. с твоего письма от 31/V. Кагана тебе Л.М. послала, причем вначале по ошибке 1-й том, а потом 2-й. Розенфельда я тебе выслал заказной бандеролью 15/VI. В этот же день послал тебе заказной бандеролью 2 статьи, присланные из РЖМата - из числа тех, к-рые были у тебя еще до ареста. Черновиков рефератов этих статей не нашел. Что касается Милна, то среди книг, к-рые были на Чкаловского, я этой книги не нашел. Там есть книга Милна, но не Kinematic Relativity, а другая. Сейчас я пишу не дома, я не помню ее названия, но не та. М.б., ты ее кому-нибудь отдал или м.б. она на Московском. Мне пока некогда было туда съездить. Учебники и словари древнегреческого какие-то есть, на память не помню. А книг на греческом языке у меня нет, но, кажется, ряд книг есть на Московском. Что, газеты и журналы, о к-рых ты пишешь, имеются в вашей библиотеке или это чья-то личная собственность? Ты ничего не пишешь о том, работаешь ли ты, какие зачеты и т.п.? Чем конкретно Мордовия лучше вашего лагеря (кроме, разумеется, климата)? Борька Чуну очень хвалит, между прочим, он встретил там Сержа. Что у вас за народ? Политические выделены или нет?

Что касается космометрии, то я вижу только один полный экземпляр (с формулами и чертежами), кроме того, 2 экз. астрономической части. Полного экземпляра без формул и чертежей я ни одного не вижу, только отдельные разделы. А дипломной есть 2 экз. - один с пометками А.Д., другой без.

Марине я написал твой адрес, и она тебе видимо сама напишет. Она строит планы поехать к тебе и жить там. В июне прошлого года с таким планом носились она и Зубер, а сейчас только она. Я ее отругал за такую бессмыслицу и полагаю, что ты ее тоже отругаешь. Хотя, конечно, такое намерение трогательно, но я такого рода вещи отношу к категории "истерии". Кстати, несколько странно,

что Игорь и Боря о Зубер, кажется, очень хорошего мнения, в отличие от тебя. Что касается меня, то мне она всегда казалось какой-то странной, да я ее очень мало знал, а даже не знал ни фамилии ее, ни имени. Первый месяц после 25/III я чувствовал себя как на необитаемом острове - не было ни одного человека, с которым можно было бы поговорить. И к следователю тоже не вызывают. Я уж, чтобы выйти из такого состояния, раза 3 или 4 ходил на Чайковского, требовал, чтобы мне объяснили в чем дело, тем более, что у Пименова мои книги, к-рые мне нужны и т.д. Но, конечно, они мне ничего не говорили. (Кстати, тебе не рассказывал Меньшаков, как я звонил ему 1/V? Я поздравил его с праздником и попросил друзьям передать то же. Он обещал передать. Потом он сказал, что они не прочь со мной побеседовать, но только чтобы у меня не было с собой кодекса. Я же говорил, что я очень хочу с ними беседовать, но с кодексом в руках.) И вот вдруг, в середине апреля звонит Зубер (правда, перед тем она заходила на Воинова и настаивала, что я там). Я был, конечно, очень рад. В апреле-мае мы с ней виделись очень часто. И - сейчас, конечно, смешно, но факт - чуть не договорились до женитьбы. Но потом она стала меня избегать, да и кроме того, я убедился, что - о чем бы она ни говорила в ее словах действительность переплетается с фантазией. Это я тоже отношу к категории "истерии". Конечно, я наверное это слово употребляю неправильно с медицинской точки зрения, я под ним понимаю всякое метание из одной крайности в другую и т.д. и т.п. В той или иной степени, может быть, это у каждого человека бывает, но вот например, у тебя этого почти нет. А у Эрики всего этого - явно в избытке. Поэтому мне с Эрикой просто неприятно разговаривать, и я к ней за последние полгода заходил всего один раз - на ее день рождения, хотя Женя Грузов мне очень нравится. При этом она просила меня передать тебе привет и просьбу написать ей. Я сказал, что привет я передам, но я сомневаюсь, напишешь ли ты ей, и передал ей то, что ты о ней говорил. При этом сказал, что м.б. она сама тебе напишет. Она сказала, что у вас очень с ней сложные личные отношения и добавила, что писать заведомо не будет, а пожалуй, не стоит и привета передавать. Твое письмо отцу произвело на многих очень сильное впечатление, особенно на Костю и Марину. Причем, когда Марина сначала услышала о нем, она на это никак не реагировала. Но когда она сама прочла его, она была вне себя, тем более, что ей еще наговорили относительно твоих взаимоотношений с Ирэной многое. Она повернула буквально на 180° и считала тебя олицетворением всего плохого. Но потом совершила еще один поворот и опять же на полные 180°. Что касается меня, то, откровенно говоря, сначала это письмо на меня подействовало очень неприятно. Но потом как-то я читал статью В.И.Ленина "О национальной гордости великороссов", и впечатление от этого письма значительно ослабло. Неприятный осадок остался от всего того, что говорили о твоих отношениях с Ирэной. Правда, мне Аржанков об этом ничего не говорил, но зато несколько знакомых твердят об этом. Правда, я рассуждаю так: если бы это было в достаточной степени верно, то не только правом, но обязанностью обвинения было указать на это для характеристики морального облика обвиняемого. Раз этого не было сделано, то, по-видимому, из мухи делают слона. Но все же неприятно, ибо, очевидно какой-то

повод для всего этого ты дал. Прости пожалуйста, все это, конечно, бестактно с моей стороны, но мне не хочется скрывать от тебя то, что я думаю. Тем более, что в целом я гораздо лучше теперь тебя понимаю, чем раньше. (Конечно, против тех твоих утверждений, с которыми я всегда спорил, я и сейчас стал бы возражать.) Не знаю, конечно, твоих нынешних мыслей, но я говорю о том, что теперь мне понятнее некоторые твои прежние поступки, понятнее весь круг твоих интересов (Интересно, что случаи, когда какая-либо книга есть и у тебя, и у меня, встречаются чрезвычайно редко. Как ни странно, это - факт). Сейчас, когда есть время, я с большим интересом читаю книги из твоей библиотеки и иногда думаю, а стал ли бы я читать их лет 5 назад? - Вряд ли. Пожалуй, лишь бегло просмотрел бы. Между прочим, недавно вышел однотомник Леонида Андреева. Я его прочел и тем самым впервые познакомился с его творчеством. Не все мне понравилось. Но такие рассказы, как "Губернатор", "Рассказ о семи повешенных", "Первый гонорар" произвели на меня большое впечатление. Особенно - "Губернатор". Очевидно, этот рассказ нельзя отнести к реалистическим, тем не менее, он в высшей степени правдоподобен (что у меня является высшей оценкой). (А интересно, как бы я оценил его лет 5 назад? А два?) И в этом отношении он сходен с пьесой Назыма Хикмета "А был ли Иван Иванович?", которая мне очень нравится, хотя тоже, конечно, не реалистична. Только что вышел двухтомник Степняка (Кравчинского). Я тоже совершенно не был знаком с его творчеством, да и вообще не помнил толком, кто он такой. Он ассоциировался у меня почему-то с книжками о тяжелой жизни крестьян и т.п. И вот я прочел двухтомник "Андрей Кожухов" - совершенно замечательное произведение, ну - буквально каждой детали веришь, - да, могло быть только так. Но, ты знаешь, роман "Штундист Павел Руденко" мне тоже очень понравился. Только автор упускает из виду, что к "религии" Валериана можно применить его же рассуждение о религии Павла Руденко: что всегда бывают сначала апостолы, а потом их сменяют попы. Биографические очерки Степняка тоже очень интересны. Ты, знаешь, прочел я вчерашние газеты, и мне так захотелось позвонить тебе, поделиться впечатлениями. Но, увы, это невозможно. Приходится писать. Да и то, если я хочу сегодня опустить письмо, то надо закругляться. Впрочем, я думаю, что твои впечатления от вчерашнего сообщения не намного отличаются от моих. Ну вот, вместо того, чтобы дать тебе отчет о выполнении твоих поручений, все письмо заполнил "лирикой". Ну, ладно, продолжение - в следующем письме. Сердечный привет от Ирмы. Пиши подробнее о своей жизни, о людях и т.д.

Это письмо 28-е (25-я была открытка, 26-ым и 27-ым я считаю бандероли). Да, между прочим, ты очевидно получил все мои письма, кроме одного (Жду от тебя обещанных ответов на них). 16-ым я считаю перевод от 3/II. Деньги ты получил, тебе только не дали корешка, но там было всего несколько слов - привет и т.п. А вот 17-е письмо (от 5/II) почему-то до тебя не дошло. Оно недлинное. Там вначале идут соображения в пользу подачи кассационной жалобы, затем, кратко пересказывается письмо Ив.Гавриловича. Далее я приводил выписку из учебника истории для 9 класса: введение земств - 1864; судебная реформа - 1864; реформа гор. упр-я - 1870; военная реформа (введ. всеобщей воин. повинности) - 1874, - т.е. все

это после 1863. В заключение я писал, что смотрел у Л.М. твои фотографии. На большинстве фотографий последних лет ты какой-то нахмуренный и не похожий на себя. К тому же застегнут на все пуговицы или в галстуке. А вот мне очень понравилась замечательная карточка 1940 г. в Геленджике. Там ты улыбающийся, точь-в-точь такой, как при чтении приговора. Я припоминаю, ты вроде говорил, что какую-то открытку уничтожили и тебе не дали. Так ли это или это недоразумение?

Да, кстати, ты пишешь свой адрес "Воркута 11", но на марках каждый раз стоит штемпель "п/о... Цемзавод." Однако в почтовых справочниках и дополнениях к ним такое п/о отсутствует. В чем причина?

Ну, ладно, все. Пиши. Будь здоров. Всего хорошего.

Эрнст

РЕВОЛЬТ - ЭРНСТУ № 3

отправлено 11.06.58 - получено 18.06.58

Дорогой Эрнст!

Твою открытку от 02.06.58 получил вчера. Кстати, для правильной оценки времени, которое затрачивается на движение письма, имей в виду, что я всегда посылаю письма утром следующего дня по отношению к помеченному в письме.

Ну, я не дожидаюсь твоего письма, грозящего быть бесконечным (еще ничего, если только по длине; но самое опасное это стремление достичь бесконечного совершенства стиля и т.п.).

Итак, к делу. Но, впрочем, какое у меня дело? Вчера я получил посылку. Посему сегодня утром я призвал гостей и пили какао. Мне оно после здешней заварки (именуется кофе, но обладает вкусом опилок) показалось блаженством. Но за всякое блаженство надо расплачиваться. Я расплатился тем, что ничего не делал во весь день. Обычно я плотно занимаюсь космометрией с 08.00 до 16.00. Ну, а сегодня возник непредвиденный выходной. А к тому же сегодня получил долгожданную бандероль и совсем опустил руки. Ведь мне был нужен 2-ой (второй) том Кагана, а прислали первый. Corpo di Baccho! Теперь я внушил себе, что не могу заниматься и буду развлекаться. Вообще, Эрнст, моя мать ведь не сильна в математике, так ты проследи за отправкой книг. (Кстати, пусть она посылает их посылкой, а не бандеролью. Мыслимое ли это дело, по 7 рублей за бандероль платить! И по другим причинам.) Так вот, мне нужны книги:

Каган, том второй

Розенфельд, Неэвклидовы геометрии

Моя космометрия (машинопись, 1 экземпляр)

Milne, Kinematic Relativity

Рашевский, Риманова геометрия (последнее издание, 1955-56)

(Норден), Пространства Афинной связности

(?) Основания дифференциальной геометрии (эта книга с автографом Жоры Антонюка)

(?), Сборник задач по дифгеометрии

Кроме этих моих книг я просил бы еще следующее:

Статьи, присланные мне на реферирование

Blaschke, Differentialgeometrie, т.2. Он есть в библиотеке матмеха. Там его все равно никто не читает. Пусть кто-нибудь возьмет, пришлет мне. Я через 6-9 месяцев верну.

Ну, о прочем я уже тебе писал.

Да, еще, пришли газету "Политика", скажем, группами по 10-15 номеров с начала этого года. Я здесь вычитал в Humanite, что оказывается, фашистский мятеж в Алжире начался с того, что мятежники разгромили американское представительство при попустительстве полиции. Кроме того, французские газеты кишат абсолютно нецензурными выражениями, которые печатаются с весьма прозрачными пропусками букв. Забавно. Да, я не знаю, просит ли об этом Ира или нет, посылай ей независимо от ее просьбы Trybuna Ludu и польский словарь и учебник (Дворецкого, есть в моих книгах). Она будет брыкаться, но пусть растет интеллектуально. Покупай для меня стенограммы и протоколы всех съездов, коих у меня нет, и те тома академического издания Ленина, кои содержат новое.

Да, еще, пришли мне те статьи, где кто-то открыл нечто близкое к моим результатам. Еще нужен итальянско-русский словарь. Я совсем забыл итальянский. Читаю Unita, что разразился предвыборный скандал из-за того, что епископ назвал коммуниста, живущего в невенчанном браке, "публичным греховодником" - печатно, а вот подробности скандала ускользают. А досадно. Срочно вспоминаю испанский. Этот словарь тут есть. С той недели собираюсь, коли даст Аллах, учиться разговорному французскому. Литовский идет туго. Главное, не хватает времени. Кручусь, как белка в колесе, даже побриться не успеваю. А потом это трудный язык. Труднее древнегреческого. Близок к санскриту.

Да, еще, ты как-нибудь урезонь мою мать не тратить деньги попусту: телеграммы зачем-то посылает, бандероль заказной, всякие дорогостоящие деликатесы. Пусть лучше на те же деньги книг купит. Честное слово, ем конфеты и грызет совесть, что так бесполезно деньги пропадают. Сколько можно было бы книжек купить на них! Послал ли денег Марусе? Помогайте ей.

Ну, ладно, пойду гулять. Погода хорошая, солнечная. Снег почти сошел. Ветра нет. Забыл похвастаться, что я, кажется, развил свою космометрию до того, что сумел дать аксиоматику римановой геометрии и еще общее. Самому не верится. Привет всем-всем, особливо Борьке и Игорю, для которых вкладываю записки (можешь их прочесть). Твой Revolte 11.06.58. Воркута.

ЭРНСТ - РЕВОЛЬТУ № 29

отправлено 19.06.58 - получено 25.06.58

Привет, Револьт!

Вчера отправил тебе письмо, а, придя вечером домой, с радостью обнаружил письмо от тебя. Отвечу сначала на это письмо, а затем буду, если хватит времени, продолжать вчерашнее.

Странно, почему ты не работаешь? По своей воле это или по воле начальства? И временное такое состояние или постоянное?

Что касается твоих математических результатов, то я могу тебе лишь позавидовать. Мне не завидно, если, скажем Юра Волков не тот, который в Кировске, а тот, к-рый в Л-де, или Гера Цейтин напишет интересные работы. Ибо у меня остается утешение, что если

бы я уделял все свое внимание математике, то м.б. и я написал бы не хуже. Но ты меня начисто лишаешь такого утешения. Ты ведь занимался космометрией даже в 1956 и успешно. Я и раньше не понимал, откуда у тебя время, м.б. ты умеешь его, как резинку растягивать? А после всего этого и после знакомства с твоими бумагами это недоумение усилилось. Да даже если взять такую мелочь, как джентльменские ответы (или, кажется, по твоей терминологии - аристократические?) библиотекам и т.п. учреждениям, это ведь тоже требовало времени! И ведь тем не менее не было такого впечатления, что у тебя жизнь по минутам расписана. Во всяком случае, иногда можно было придти к тебе неожиданно и трепаться на совершенно отвлеченные темы. Правда, тебе почти не нужно было читать газет, юридич. и т.п. журналов. Но все же. Независимо от всего прочего, твои математич. работы, очевидно, сохранят свое значение надолго. А я кто? Я как-то не нашел вполне своего места. Математику я бросил. И ты тут, конечно, нисколько не виноват (пользуюсь случаем сказать, что я очень тронут твоими письмами А.А-чу и Николаю). Ей-богу, так. Да ты это теперь, несомненно, и сам видишь. Математика мне надоела, а вернее я не согласен уделять ей основное внимание, а без этого (у меня, по крайней мере) научной работы не получится. Ну, хорошо, я работаю переводчиком. Работа неплохая. Нелегко было бы придумать более для меня подходящую работу, что касается "отсутствия перспектив", то это чепуха - не обязательно каждому человеку быть ученым или вообще какой-либо "шишкой". Коли неизбежно, чтобы человек 8 часов в день делал не то, что ему вздумается, а то, что ему скажут, то я не возражаю работать всю жизнь переводчиком. Работаю я не хуже других. Но вот в чем дело: эти "другие" поступают сейчас на курсы усовершенствования по ин.языкам при ЛГУ. Меня никто не заставляет туда поступать. Однако с т.зр. работы, да и вообще с т.зр. знания языков, мне это тоже было бы необходимо. Курсы бесплатные. Но - они в нерабочее время, 12 часов в неделю, в течение 2 лет. Это опять то же самое: я должен буду весь отдаться своей работе, тратить на нее не только рабочее, но и свободное время. Конечно, хорошее знание языков - вещь полезная. Если б эти курсы продолжались 2 месяца, или 2 года, но по 2 часа в неделю, я разумеется пошел бы. А так. Я, конечно, не пойду. Но боюсь, что это приведет к тому, что меня в конце концов погонят: "другие" будут переводить лучше меня, да и сам факт, что они повышают свою квалификацию, а я - нет, будет говорить не в мою пользу при очередном сокращении. В апреле уже было одно сокращение, но меня не коснулось. Хотя отцу всегда говорю, что мне безразлично, погонят меня или нет, мне это конечно не очень безразлично, и мне не хотелось бы опять пережить период апрель-август 1957. Правда, в то время я был не только без работы, но и без друзей каких бы то ни было, что надеюсь, не повторится. Но я утешаю себя таким рассуждением, что, если я пойду на курсы, то меня погонят с работы тоже, ибо я буду дремать на работе не иногда, как сейчас, а всегда. Ибо читать газеты, журналы и т.п., писать письма я все равно не брошу. Кстати, интересно, как меняется психология: раньше я считал, что если я спал меньше 10 часов, то это очень мало, а сейчас считаю, что спать больше 6 час. это очень много. Тем не менее, я, как и раньше, успеваю сделать

гораздо меньше, чем предполагаю. На кровати лежит груда непрочитанных книг, газет и журналов. Есть вещи, которые я собираюсь сделать "в ближайший викенд" вот уже в течение года или двух. Если б хоть кто-то напоминал мне! Но все же, кажется, я стал успевать на какую-то бесконечно-малую величину больше, чем раньше. По крайней мере, мне так кажется. Хотя отец продолжает закидывать меня записками, что я-де человек неорганизованный, в комнате беспорядок, превратил ее в книжный склад, что якобы вредит не только моему здоровью, но и всех жильцов квартиры, занимаюсь никчемной филантропией, не женюсь, редко хожу в кино, не желаю понять, что Тито платный агент Даллеса, до сих пор не написал рефератов в РЖМатематика и т.д. и т.д.

Отобрал тебе книги: Рашевского, Нордена, Веблена и Уайтхеда, задачник и итальян. словарь и пошлю их, как только найду время. Ты ведь просишь послать их посылкой, а не бандеролью. Это сложнее. По цене же, вероятно, эквивалентно. Преимущества заказной бандероли перед простой: а) известна ее судьба - потеряла почта или нет; б) если почта потеряла - платят небольшое возмещение. Разница в стоимости - 1 руб, независимо от веса, так что большие бандероли лучше посылать заказными. Ну, а посылки все, конечно, идут как заказные.

"Трибуну Люду" Ира не просила, но просила подписать ее на "Пшеглонд культуральны", а если невозможно, то послать ей пару книг по истории раб. движения в Польше и словари рус.-поль. и пол.-рус. Так вот: на "Пшеглонд" подписки на этот год не было совсем, как и на ряд других польских журналов. Кроме того, подписка на второе полугодие закончена, да и подписывают они в пределах данного населенного пункта. Та что я послал ей словари и купил еще 2 книжки новых по истории революц. движения на польском яз. Впрочем, она пишет, что очень устает на посадке картошки и едва в состоянии просматривать даже "Правду". А покупать "Тр.Люду" каждый день в киоске я, конечно, не в состоянии.

Что касается "Политики", то то же относится и к ней. Я ее выписываю, но мои экземпляры я посылать тебе не буду. Если что увижу интересного, буду тебе писать. А неужели у вас есть "Юманите" и "Америка", но нет "Политики"? (Благодарю за новости из "Юманите" и "Униты". Я, впрочем, об этих фактах знал из "Политики", но ты пиши, ибо я этих газет не читаю). Ты узнай, не можешь ли ты там подписаться на 4-й квартал на "Политику". М.б. послать отсюда перевод в Воркутинскую "Союзпечать"? А не то я могу на 4-й квартал подписать еще 1 экз. на себя или на Л.М. для тебя (если будет подписка на 4-й квартал).

Что касается того, что мать-де лишние деликатесы посылает, то ведь первые два письма твоих ей были почти паническими. Лучше бы кому-нибудь другому писал в таком стиле, а ей более оптимистично. Третье твое письмо было более доброе, но, как ни странно, после первых двух Л.М. и его истолковала в самом мрачном плане - что ее-де туда не пустят, что ты там долго не проживешь и т.п. Я уж пытался, насколько мог, ее успокоить. Кстати, ты ставишь меня пред трудной дилеммой, написав рядом слова, к-рые желательно показать Л.М-не, и слова, которые ты, кажется, не очень хочешь, чтобы она видела. Деньги Марусе я послал, но твою просьбу я не вполне понял.

Кстати, "водопровод, сработанный рабами Рима" не вошел в нашу жизнь, а всего лишь в наши дни (как и сказано у Маяковского): им не пользуются. Чего ты хаешь Борьке эсперанто? Ты же им сам пользовался. За это в наказание я тебе пошлю бюллетень об эсперанто, изданный Ленин. Домом ученых. Там и моя статейка. Конечно, ее редакция немного исправила. Я не вполне понял конец твоего письма Игорю. Чем вызвано предостережение - "Не думать о смерти"? И насчет морали тоже. Конечно, это ты не для меня писал, но коли я уж прочел, то м.б. ты пояснишь.

Статью из "Учен. записок Орехово-Зуевского Пед.и-та" я не имею возможности послать: в продажу они не поступали, я писал в И-т (заказным), но они, видимо, не относятся к аристократам, и мне вовсе не ответили. Выкупил по Ирэниной подписке т.т.37 и 36 4-го изд-я Ленина. Т.37 - это письма к родным (есть несколько новых), а т.36 - разн. статьи из 3-го изд-я, из Лен.сборников и т.д. (Но, напр., речь к вопросу о концессиях отсутствует). На полное с/с Ленина я подписался, пока ничего не выходило. Видел макет 1-го тома: в раздел "Материалы" помещен ряд прошений Ленина; неплохой справочный аппарат. Кое-что новое, очевидно, будет в каждом томе. Из съездов вышел пока только 6-ой. Вот будут удивляться кап.Удовенко и особенно Белоногов! Себе я его купил. Кажется, он еще есть в продаже, куплю еще и тебе. Очень культурно издан, неплохой именной указатель и т.п.

Ну ладно, продолжение следует.

Будь здоров. Всего хорошего.

Это письмо 29-е.

Эрнст

19/VI 58."

Для истинного понимания переписки, конечно, нужны реальные комментарии, вроде того, что "Вчерашние газеты", упоминаемые в конце письма №28, содержали в себе официальное сообщение о казни "Имре Надя и его сообщников". И эмоциональные комментарии, которые дали бы прочувствовать читателю XXV века, ЧЕМ для нас явилось такое сообщение! "Нас" - не только сидевших. Виля вот не сидела, а когда четверть века спустя я предложил ей назвать пять самых запомнившихся событий 1958-1959 годов, она первым выдохнула: "Казнь Имре Надя", - и вспомнила, как проплакала всю вечернюю смену в тот день. Только она почему-то упомнила, будто Надя расстреляли. Нет, его повесили. Знакомые гебисты много позже рассказывали мне, будто бы его вешал лично Андропов. Да, так вот такие комментарии раздули бы текст вдесятеро. Но мне кажется, что для постижения души и мира Эрнста Орловского и не нужны такие примечания. Ведь и его непосредственным слушателям не всегда до конца бывало понятно, о чем он говорит. Поэтому вот следующее письмо, тоже без пояснения, и с сохранением всех особенностей правописания (кроме скобок, где я подчиняюсь возможностям машинки).

ЭРНСТ - РЕВОЛЬТУ № 67

отправлено 22.03.59 - получено 04.04.59

Привет, Револьт!

Я очень много хочу тебе написать, но длинное письмо требует страшно много времени. Да и, откровенно говоря, не очень хочется писать, если многие письма по непонятной причине не доходят.

Поэтому в этом письме ограничусь тремя вопросами, которые я обязательно должен тебе сообщить: 1) перечень посланных тебе и полученных от тебя писем и бандеролей; 2) о продлении твоей доверенности на мое имя, срок которой истекает; 3) что я делаю в отношении твоих научных работ.

Итак, послано мною тебе после 25/XI, т.е. после письма и бандероли, которые ты заведомо получил:

1. Заказная бандероль 7.XII. Из нее французско-русский словарь и "Цезарь Борджиа" на франц.яз. издания 1889., как ты писал, тобою не получены. Я написал запрос начальнику п/я 215/3 и просил либо отдать тебе эти книги, либо вернуть их мне. Ответа нет. Я упомянул об этом в своем письме в "Крокодил". Остальное содержимое этой бандероли ("Раздумье" Панферова, математическая брошюрка, журнал "Проблемы мира и социализма" и две газеты) ты, как я понял, получил (№ 56).

2. Заказное письмо от 13.XII на 6 стр. (№ 57).

3. Заказное письмо от 14.XII на 3 стр. (№ 58).

4. Заказная бандероль от 22. XII (№ 59). Вернулась ко мне 2.II "за выбытием адресата" (входящий штемпель Анзёба 8.I, исходящий неразборчив). (Содержимое этой бандероли вновь послано мною тебе 25.II.)

5. Простая бандероль от 31.XII (№ 60). Содержала газету "Известия" за 26.XII.

6. Заказное письмо от 7.I (№ 61) - в основном повторение первой половины письма от 22.IX (№ 43), не полученного тобой ввиду твоего переезда из Анзёба в Вихоревку.

7. Заказная бандероль от 14.I (№ 62). Вернулась ко мне 30.I "за выбытием адресата" (даты на анзебских штемпелях неразборчивые). Содержимое этой бандероли вновь послано мною тебе 25.II.

Все вышеуказанные письма и бандероли адресованы мною в Анзёбе, ибо я до середины января не знал, что ты выбыл оттуда перед Новым годом и вернулся лишь в конце января.

8. Открытка от 17.I на Иркутск (№ 63) - коротенькая открытка, содержащая лишь привет и перечень посланных и полученных писем.

9, 10. Две ценных бандероли от 25.II на Анзёб (№ 64 и 65). содержание: доклад Н.С.Хрущева на XXI съезде; Томсон - Предвидимое будущее (Москва, 1958); Бахитов - Об одной новейшей социальной утопии (Москва, 1958); Урбан - Две бочки рома (Москва, 1958); Материалы по машинному переводу вып.I (Ленинград, 1958); 3 выпуска "Роман-газеты" 1958 (роман Николаевой "Битва в пути"); "Архив Горького" том VI (Москва, 1957) Инфельд - Эварист Галуа (Москва, 1959); сборник "Из истории ВЧК" (Москва, 1958); около десятка газет "Правда" и "Ленинградская правда" за декабрь 1958 - январь 1959 (в одну все не поместилось).

11. Заказная бандероль от 3 марта на Анзёб (№ 66). Содержит книгу: Гильберт - Основания геометрии.

Я не имею от тебя подтверждения получения ни одной из перечисленных бандеролей и писем. Возможно, что кое-что ты получил, но не дошли твои письма, где ты об этом сообщал. Надо бы делать так (хотя это и нудно): в каждом письме сообщать о всех посланных и полученных письмах не после предыдущего письма, а после того из прежних писем, которое заведомо получено. Я тоже буду так делать.

Получено от тебя за тот же период письмо от 16-17 XI (№ 18) штемпели - Анзёб нечетки, но кажется, 18.XI, Ленинград 26.XI, от 17.XII (№ 19, через мать), от 14-16.I (ты зря перестал нумеровать, но я знаю, что по крайней мере, одного твоего письма не получил; Тайшет 20.I, Ленинград 27.I), от 18.2 (через мать).

Мать получила за тот же период: от 17.XI (Анзёб 19.XI, Ленинград 26.XI), от 25.XI (Анзёб 27.XI, Ленинград 4.12), ст.19.XII (Анзёб нечетко, вроде 23.XII, Ленинград 28.12), от 1-2.I (Тайшет 8.I, Ленинград 12.I), от 14.I (Тайшет 20.I, Ленинград 25.I), от 22.I (с геометрической статьей, Тайшет 10.2, Ленинград 17.2), от 28.I (Тайшет 11.2, Ленинград 17.2), от 30.I (Анзёб 15.2, Ленинград 19.2), от 22.2 (Анзёб 23.2, Ленинград 28.2), от 14.2 (Анзёб 25.2, Ленинград 28.2), от 28.2 (Анзёб 2.3, Ленинград 4.3), от 15.3 (я его еще не видел, но знаю, что там ни мне и никому другому писем не вложено).

Напиши, пожалуйста, что ты получил и что посылал, начиная с декабря. И когда же кончатся твои переезды! Вот опять, наверное, бандероли, посланные на Анзёб, не дойдут (я, как знал, сделал на бандеролях приписку: "В случае изменения адреса прошу дослать". Но судя по предыдущим, они редко бывают столь любезны, чтобы дослать хотя бы на несколько километров.)

Теперь о доверенности. Согласно Гражданскому кодексу РСФСР, доверенности выдаются на срок не более трех лет, а если в доверенности срок не указан, она сохраняет силу в течение одного года. Таким образом, твоя доверенность, заверенная ленинградской внутренней тюрьмой, на днях утрачивает силу. Поэтому заверь у своего начальства и пришли новую сроком на три года. При этом надо изменить ее текст. Во-первых, твоя совместная с Ирэной доверенность составлена крайне неудачно. Неясно, какое ты имеешь отношение к перечисленным там вещам. Неясно, что собственно мне доверяется. Так что нотариус отказался заверить с нее копию. Я спорил, что раз доверенность заверена в установленном (впрочем я не знаю, каким нормативным актом) порядке, то он должен заверить. А твоя подпись, даже если б она была и совсем лишняя, не может лишить силы правильный в остальном документ. Но переубедить нотариуса я не смог. Можно было бы, пожалуй, подать на нотариуса в суд, но я не стал. (А интересно, что бы решил суд). Впрочем, сейчас все равно срок и этой доверенности истекает. Во-вторых, ни одна из доверенностей не содержит права отыскивать твои книги из чужого незаконного владения, а это нужно было бы. В-третьих, нелогична формулировка "действия, связанные с опубликованием рукописей (кроме их уничтожения)". Разве уничтожение - это действие, связанное с опубликованием? Ты написал это потому, что вообще понятие "связанные с опубликованием" недостаточно четко. А потому я предлагаю это выражение исключить. Само собой разумеется, что я буду осторожно пользоваться твоей доверенностью. При возможности с тобой

связаться я все сколько-нибудь существенные вопросы буду решать с твоего согласия. А при невозможности - в соответствии с моим пониманием твоего желания. Ты пишешь чушь, конечно, когда уверяешь, будто твоя доверенность дает мне право исправлять тексты твоих писем в редакции или печатать твои статьи под моим именем. Таких прав доверенность не дает и не может дать. Да я и не стал бы этим правом пользоваться. Выдавать твои научные статьи за свои я не стану ни в коем случае. Объяснять редакции несомненно все равно пришлось бы еще до опубликования, ибо ведь рецензировать будут кто-либо, кто уже слышал о твоих работах. Но дело не только в этом. Я же вообще не могу приписать себе твои работы. Между прочим, имей в виду, что ты нисколько не связан сроком доверенности: согласно ст.270 ГК доверитель может во всякое время отменить доверенность, и даже соглашения в отмену этого права недействительны. Отмена доверенности сообщается поверенному и учреждениям, с которыми поверенный должен иметь дело (если они известны доверителю). Пользование доверенностью после ее отмены влечет ответственность. Пожалуй, лучше всего написать две доверенности: первую примерно такую - доверяю Орловскому хранение принадлежащих мне книг, газет, журналов, а также моих рукописей и адресованных мне писем с правом пользования и распоряжения, доверяю ему также право истребовать мои книги и рукописи из владения третьих лиц, предпринимая все необходимые для этого действия, включая, в случае необходимости, предъявление иска в суде. Да, я забыл вставить оговорки: после "распоряжения! - "без права уничтожения", а после "третьих лиц" - "кроме моей матери Щербаковой". Тебя может удивит упоминание о суде, но я думаю, что это может оказаться полезным, в частности, в отношении "Илиады" и "На заросших тропинках" (твое мнение?) Что же касается права распоряжения, то оно дает мне право давать твои книги и рукописи другим лицам, обменивать дублетные экземпляры книг. Сюда входит и право продажи, в каком случае деньги, конечно, поступили бы в твою собственность. Я не собираюсь ничего продавать, можешь это оговорить, но мне это кажется излишним. Обмен же дублетов, я думаю, ты будешь приветствовать, если он сделан разумно. Пока что такого случая не было, но, возможно, представится. Вторую же доверенность примерно такую: доверяю Орловскому редактирование моих рукописей, а также совершение всех действий и решение всех вопросов, связанных с их опубликованием. Эта доверенность не охватывается предыдущей, ибо редактирование, конечно, не входит в понятие "распоряжение". Да и вообще, там имеется в виду рукопись как материальная вещь, а здесь как овеществление предмета духовной собственности, т.е. авторского права. Так, если я перепишу твою рукопись, то новая рукопись как вещь очевидно будет моей собственностью, но содержащееся в ней произведение разумеется моим не станет. Поэтому вместо "рукопись" здесь лучше сказать "произведение", т.е. сказать: "редактирование моих произведений" и т.д. При этом отпадет также необходимость повторять и в этой доверенности оговорку "кроме уничтожения". Можно для популярности сказать более подробно, как было раньше, т.е. перед "совершение" добавить: "направление их в редакции и издательства и вообще". Из всего, что я написал, можно склеить полный текст предлагаемого мной проекта

доверенностей. Мне не хочется тратить на это время, это ты легко сделаешь сам, совершенно однозначно. Для ясности я подчеркнул соответствующие слова. Надо только добавить положенное начало: место и дата словами, затем твои ф.и.о. (и мои тоже, конечно, нужны), имя, отчество и адрес.

Рукопись твою из "Успехов математических наук" я забрал. Рефераты все твои в реферативный журнал послал (впрочем, это я уже писал, кажется). Ответа никакого нет, но ведь они и не отвечают обычно. Подожду еще несколько месяцев, и тогда, если не напечатают, напишу запрос: когда предполагаете печатать. Об астрономической части Огородников говорит, что Зельманов так ничего и не ответил. Придется, видимо, мне самому писать Зельманову, хотя если не объяснять, что и как, то Зельманов удивится - при чем тут я. Огородников часто бывает в Москве, неужели он не видел Зельманова. Популярную статью твою прочел, по-моему, ее можно печатать после небольшой правки, которую я могу сделать (и в значительной части уже сделал). Но вот где? Для академических журналов или Вестник ЛГУ она, конечно, не подходит. Для "Техника молодежи" и "Знания - сила" - тоже. Остаются "Природа", "Наука и жизнь" и сборник "Математическое просвещение". Но и в этих журналах статьи в таком стиле не встречаются. Ну ладно, доделаю правку, отдам перепечатать, а потом куда-нибудь пошлю (в "Природу", пожалуй?). Статья же твоя для "Докладов" нуждается в более серьезной правке, с целью сделать ее более понятной. Начинать, надо, очевидно, со статьи в "Докладах", излагающей результаты первой части "Космометрии". Впрочем, я говорю о ранее присланной тобой статье для "Докладов", новую я еще внимательно не читал, геометры ее тоже сейчас не имеют желания читать. Я договорился с Залгаллером, что напишу на основе твоей статьи такую статью дя "Докладов Ак.наук" с изложением первой части "Космометрии", которая была бы понятна мне самому, после этого Юра Волков с полной рукописью в руках проверит, все ли утверждения доказаны, потом Залгаллер отредактирует и отдаст Александрову, чтоб тот отдал Смирнову. Пока остановка за мной, я начал это делать, но тут пришла твоя новая рукопись, а потом я около месяца не мог выбрать время заняться этим. Ты уже знаешь, очевидно, что Залгаллер и Волков написали подробный официальный отзыв от имени ЛОМИ о твоих работах, первая подпись там директора ЛОМИ Петрашеня, а потом две их подписи. А раньше Юра написал ряд замечаний на 2-ю часть "Космометрии" (собственно, на первую треть ее). Пошлю тебе их потом. В Издательство иностранной литературы я писал, оттуда прислали копию ответа, посланного ими тебе летом: книги, изданные за рубежом более 10 лет назад, ИЛом не издаются, а издаются Физматгизом (быв. Гостехиздат), советуем обратиться туда, заручившись предварительно поддержкой крупного специалиста.

Мать твоя почему-то очень резко возражала против того, чтобы я писал в "Крокодил", а когда я ей сказал, что написал, даже рассердилась. Еще более странно, что и люди, которые, казалось бы, думают иначе, считают, что я делаю чушь, занимаюсь глупым докихотством. А что же не докихотство? Ответа нет. Ты преувеличиваешь, конечно, приписывая моему письму в "Соц.законность" улучшение положение с пересылкой денег

заключенным. Из чего не следует, что не стоит писать. Писать о том, что неправильно, я всегда буду, хотя и неприятно, когда ни один человек не считает это разумным. Между прочим, я вынужден был пообещать твоей матери, что пока не буду посылать тебе копию подробного ответа, который она получила из ГУИТК на свою просьбу предоставить тебе условия для научной работы.

Пока кончаю. Будь здоров. Всего хорошего.

№ 67 22 марта 1959

Эрнст"

Как изумительно отчетливо проступает из этого письма духовный облик Эрнста Орловского! Человек, обитающий в мире юридических понятий, норм и отношений. Он продумывает нюансы формулировок в доверенностях - а за все годы, пока у него на руках имелись эти самые доверенности, НИКТО ни разу не потребовал их предъявления! Он-то, правда, их совал под нос лейтенантам Прокопьеву и Голубкову, но те - мягко выражаясь - чхали на них и выпирали щуплого Орловского своими упитанными корпусами за дверь комнаты Вербловской. Эрнст же продолжал жить в ЮРИДИЧЕСКОМ МИРЕ, гораздо более благоустроенном, нежели реальный мир. Гораздо более упорядоченном, нежели мир идеологических установок и директив. Дающим душевную опору, и с ней сознание определенной свободы и независимости. С позиций права можно СВОБОДНО СУДИТЬ даже установочную передовую "Правды". Вот это-то дыхание свободы и шло от Эрнста "глотком свободы" и к свидетелям и к конвоирам в коридорах суда. Однако в обществе в целом пора для увлеченности миром юридических фикций еще не наступила. Вот лет десять спустя Есенин-Вольпин и Чалидзе озарят прелесть ПРАВОВОГО МИРА и за ними устремятся сотни приверженцев. Не случайно в те дни, сразу после калужского суда, в ноябре 1970 года будет создан Комитет по правам человека, куда Чалидзе, Твердохлебов и Сахаров пригласят Орловского "экспертом-консультантом". Но это будет позже - и хронологически, и по счету душевного личного времени. Покамест же Орловский - в согласии со мной и при противодействии моей матери, и горестно вздыхая, что даже Ирма не понимает его ("ни одни человек" в предпоследней содержательной фразе) - занимается "донкихотской деятельностью": рассылкой протестующих писем по редакциям.

"Донкихотство". Ума не приложу, с чего это бескорыстную борьбу со злом прозвали донкихотством. И тогда, в ответном Эрнсту письме, и сейчас я знаю: донкихотство - это борьба с ВЫДУМАННЫМ злом (с ветряными мельницами). Борьба же с НАСТОЯЩИМ злом - имеет другое название, даже если она заведомо обречена, даже если она ведется неумело, даже если идеалы, во имя которых она ведется, нежизненны.

Но бог с нею, с терминологией. Все равно большинство людей по-прежнему будут пользоваться неправильной терминологией, не отдавая себе отчета, как порабощает их эта ошибочная терминология. Эрнст Орловский

"Свободы сеятель пустынный,

Он вышел рано, до звезды..." -

и до старости сохранил благородный порыв этого сеятеля, не озлился на неграмотных и себялюбивых, составляющих большинство, не пришел к выводу:

"К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь..."

Да будет славен Э.С.Орловский предтеча правозащитного движения.

Вот еще одно, последнее, письмо, которое я тут процитирую:

ЭРНСТ - РЕВОЛЬТУ № 76

отправлено 02.09.59 - получено 20.11.59

Привет, Револьт!

Сейчас (4/VIII) получил твое письмо от 22/VII (точнее, от 18/VII с постскриптумом 22/VII и с письмом жене от того же числа). Очень, очень рад. Тебе хоть и не сразу пошлю ответ, но напишу лучше сразу.

Возможно, что многие тебя неправильно понимают. Но что касается меня, то, мне кажется, я тебя очень хорошо понимаю. Бывает, конечно, когда человек воображает, что он что-то понял, но понял он совершенно неправильно. Как Борька, продумав год над той задачей о Северном полюсе, прислал ответ: "Северный магнитный полюс", или как у одной нашей пожилой эсперантистки: она изучает эсперанто чуть не с детства, но все же делает забавные ошибки. И вот, переписку она еще поддерживает, но в устной беседе получается по принципу: один про Фому, другой про Ерему. Помню, в 1957 году я пытался помочь ей в беседе в одним французом, она замахала на меня руками: мы и так прекрасно понимаем друг друга. Они "понимали" друг друга, но таким образом, что понятое одним часто не имело ничего общего с тем, что хотел сказать другой. Я надеюсь, что у меня не так. Хотя я, конечно, не могу сказать, что я всегда все понимаю (таких людей, которые понимали бы все, сказанное любым другим человеком, очевидно, не существует. Да и одного определенного человека вряд ли можно до конца понять), но я претендую на то, что могу отличить когда я действительно понимаю и когда нет (во всяком случае - могу отличить более точно, чем большинство людей). Поэтому я думаю, что не ошибаюсь, когда говорю, что понимаю тебя правильно. Вообще я уже писал тебе, что стал понимать тебя гораздо лучше. (Могу еще добавить, что я совсем не уверен, как бы я тебе ответил, если б ты, скажем, в январе 57 - а тем более, скажем, в мае 56 - вдруг спросил бы меня: а ты будешь писать мне, если...) Это утверждение я могу повторить снова, отнеся его к периоду после того письма. Причем, конечно, о твоей эволюции (если она есть) я представления почти не имею, так что все это относится к тебе нынешнему, поскольку ты не отличаешься от прежнего. (Вот про Борьку и Игоря я могу, кажется, сказать, что они ничуть не изменились. Ирэна же, мне кажется, изменилась, о чем я тебе, впрочем, писал.). Парадокс: о тех, с кем я переписываюсь, я знаю намного больше, чем о тех, с кем живу, в одном городе. Насчет того, что ты будешь умалчивать о некоторых твоих интересах. Прежде всего, мне кажется, что в заблуждение ты меня не вводил. Во-вторых, я думал о причинах всего этого, Не могу сказать, чтобы я понял твои побуждения. Но ясно, что обижаться мне было бы глупо (а может быть, мне надо не обижаться, а радоваться?). Это дело

твое. Возможно, что меня действительно не очень интересуют выводы прикладного характера из теоремы, но к самим теоремам твое предположение о том, они мне неинтересны, надеюсь, не относится? Я не понял, что именно в тебе не понимает никто из знакомых. О Фридрихе статьи в твоих бумагах нет. Трилогию я прочел зимой. Я не писал тебе разве о своем впечатлении? Я был в восторге. Причем мне тоже больше понравились вторая и третья части. Кое-кто говорит, что в третьей части много анахронизмов, но я готов считать это в данном случае несущественным (не равняй художественное произведение с научной статьей или публицистикой. В художественном произведении анахронизмы допустимы, но в меру, и при обязательном условии, что они сделаны сознательно. Анахронизмы несознательные свидетельствуют о том, что автор плохо изучил эпоху, и их оправдать нельзя, хотя, конечно, их никогда нельзя искоренить совсем, а лишь свести к минимуму.) Я прочел третью часть после твоего замечания, что ты сейчас окончательно понял, как она правильно написана. Прочел и согласился с этим замечанием - в той мере, в какой я могу судить о его правильности. И все же вторая часть еще лучше. Что же касается первой части, то я узнал из нее кое-какие сведения из истории (что, быть может, легче было найти в специальной литературе), есть интересные места, но в целом пьеса во-первых, перегружена конкретно-историческим материалом, а во-вторых, конец совсем не вяжется с общим стилем пьесы, чушь какая-то. Первые же две пьесы я считаю очень хорошими как раз и с художественной стороны тоже. Живо представляешь себе героев, веришь, что не только они так поступали, но иначе и не могли поступать. (Я не совсем понял, что ты называешь "элементом бреда". Я согласен с тем, что не должно быть буквального копирования действительности. В качестве примера хороших пьес я обычно привожу следующие три известные пьесы: Когрут - Такая любовь, Чапек - Мать, Хикмет - А был ли Иван Иванович. Это очень разные пьесы, и по содержанию и по форме. Но у них есть одно общее: ни одну из них нельзя понимать совершенно буквально, будет абсурд. А между тем читаешь и думаешь: очень правильно, вот именно так в жизни бывает. Вот эту особенность ты и называешь "элементом бреда"? Тогда я с тобой согласен.) А собственно, где это "бред" в "Карийской трагедии"? Анахронизмы? Так это не то: ведь можно допустить, что это так, если читатель не знает подробности истории или если фамилии заменить вымышленными, то вполне можно себе представить, что именно так все и было. (Кстати, я никаких анахронизмов не заметил, пока мне не указали на них люди, лучше меня знающие историю.) Ага, вот и сам пишешь о смещении хронологических рамок (этой фразы я при первом чтении не заметил) - ну, правильно, я и не сомневался, что ты это сделал умышленно. Одно время я думал, а не послать ли эти пьесы в какой-либо журнал (или хоть одну из них). Но меня кажется, убедили, что шансов на напечатание практически нет. Сейчас выходит немало брошюрок о Халтурине, Мышкине, А.Ульянове и т.д. То, что ты пишешь о своем отношении к Ивану Платоновичу, я хорошо понимаю. Это даже для меня не новость. Некоторое время назад я уже понял, что ты к нему именно так относишься (не так давно, тогда, когда я прочел все книжки о нем, кои есть в твоей библиотеке). Сам я, конечно, до такого отношения к нему пока не

дошел, но книжки все я прочел с громадным интересом. Между прочим, стихи его производили на меня большее впечатление, когда ты их читал вслух, чем когда я читаю их в книжке. (А где они напечатаны полностью? В воспоминаниях это ведь отрывки.) Хотя, мне кажется, я их сейчас лучше понимаю. Вот Фридриха я не могу прочесть ни строчки сам, хотя когда ты читал, я мог иногда слушать и как будто даже понимать. Ты не пишешь отзыва о биографии Галуа. Мне она очень понравилась. И больше не математическая, конечно, сторона. Мне очень понравилась такая мелочь, как наличие послесловия, где точно разъяснено, что факт, а что предположение. Конец мне кажется неправдоподобным. Т.е. не исключено, конечно, что могло быть и так но слишком похоже на плохие детективные романы. Но в целом я не ожидал, что Инфельд может так написать. Конечно, я ожидал, что книга интересная: Инфельд неглупый человек, а жизнь Галуа в самом сухом изложении будет крайне увлекательной. Но, считая Инфельда представителем "чистой науки" да учитывая еще его биографию, я не ожидал, что книга будет столь правильной. Вся книга - сплошной панегирик "донкихотству", да причем больше половины выдумано, и, значит, не навязано автору документальным материалом, а сознательно вставлено, или, говоря иными словами, обязано своим появлением - таланту (или "художественному чутью") автора. Очень, очень правдоподобно и полезно. (Ты, вероятно, знаешь, что правдоподобно" - это у меня высшая похвала. Я не говорю "правда", потому что, если понимать буквально, это все, может, совсем не так было. Впрочем, некоторые люди, кажется, употребляют эти слова как раз наоборот: под "правдой" понимают "высокую правду искусства", а под "правдоподобием" - "натуралистичность". Но я предпочитаю свою терминологию, тем более, что она ближе к обычному значению слов и ее можно объяснить без "высоких слов", коих я не терплю.) А насколько верно изобразил Ропшин себя в Жоржике? Краски сгущены, это понятно, дуэль выдумана, конечно. Ну, а все же? Вероятно, не дальше, если не ближе к действительности, чем образ, вытекающий из его речи 1924 года. Так? Воспоминания ответа не дают: там психологии немного. Сейчас я ряд книг читаю иначе, чем читал прежде. Вот ту книжку, к-рую я забрал у В.Ж., я читал первый раз (в 56 г.) "с точки зрения статистики", как ты выражался, т.е. с точки зрения фактов. И расценил ее как любопытную, конечно, но не очень интересную. В 57 же году она показалась мне крайне интересной, ибо я уже читал ее "с точки зрения психологии". Пожалуй, все же "статистика" и сейчас преобладает в моем сознании, над "психологией", но последняя, однако, отвоевала у первой большое место. А жалко все же, что ты уничтожил свою поэму о Каляеве. Быть может, она была и не столь уж неудачной? Пьесы "Быль в двух частях" в твоих бумагах нет. "Архив Горького" я потому тебе и послал, что был поражен полным сходством концепций. Некоторые, конечно, говорят: сейчас-то мы можем вернее судить, чем Горький тогда, у нас больше источников. Так, конечно. Но какие же источники опровергают мнение Горького? Я таких не знаю. Между прочим, ты читал в Литературке, что произошло с этим томом "Архива"? Он вышел в конце 57, тогда же появился в крупных библиотеках. В продаже же в Москве было несколько десятков экземпляров, а в Ленинграде не было ничего. Затем, в начале 59 в

Литературке появилась заметка группы известных писателей под заглавием "Возмутительная история" (или что-то в этом роде). В ней говорилось, что московские продавцы отвечают "книга распродана", тогда как большая часть тиража лежит на складе, а магазины не берут ее, опасаясь, что книга не разойдется. После этой заметки книга была выпущена в продажу и распродана в течение двух дней. Предисловие к эпопее. Не пойму, о чем речь. Что касается статьи об историческом романе, то, насколько я понимаю, она у Райхмана, равно как и письмо Марьямова, письмо из Астрономического совета и... что еще - не знаю, ибо мать отдала ему в VII 57 пачку бумаг без всякой описи (и от Аржанкова взяла без описи), да и потом давала. Я понимаю ее, но не уверен, отдаст ли Райхман все это (он, может уж и сам не помнит, что брал). Если нет, будет жалко. Насчет философии истории. Мое мнение, мне кажется (но волне возможно, что здесь я ошибаюсь), близко к твоему, хотя и выражу его совсем в других словах. Коротко я сказал бы так: интегрально - фатализм, локально - волюнтаризм. Рассматривая ретроспективно, мы всегда можем найти, какими причинами (экономическими и т.п.) объясняется то или иное явление истории (успех той или иной партии, победа той или иной страны и пр.), точнее - в принципе можем. Более спорно - можно ли найти единую линию развития в истории. Я думаю, все же более или менее да (в прошлом). Но в каждый данный момент человек действует так, как будто все зависит от его воли (любой человек, независимо от его убеждений), и не должен притворяться, будто он сознательно следует экономическим законам. Законам этим он следует бессознательно (с одной стороны, его действия определены какими-то объективными причинами, с другой - приведут ли его действия с определенному результату зависит от действия других людей, точнее, - от статистической их характеристики, а она определяется также объективными причинами). Выходит, что даже тот, кто верит в материальные факторы истории, должен сам исходить лишь из моральных (материальные окажут свое действие через статистику). Ну, конечно, можно еще исходить из узко-эгоистически понимаемых материальных факторов, но не такого рода поступки двигают историю (хотя они входят в общую статистику). Собственно, вместо "моральные соображения" следовало сказать "как ему кажется нужным" (это несколько шире, пожалуй, хотя зато становится почти тавтологией). Если кто хочет следовать оракулу или гадать на кофейной гуще - пусть, статистика все выровняет. Мне хочется одновременно выставить два противоречащих друг другу положения (не знаю, как выбраться из этого противоречия): с одной стороны, не мешало бы, чтобы люди поступали менее безответственно, т.е. думали: а хорошо будет, если все так будут делать? Если кто считает, что ничего от него не зависит, то и молчал бы, а не говорил то, с чем он сам же не согласен. С другой стороны не надо стараться предугадать все сколь угодно далекие следствия своего поступка (как для себя лично, так и для общества): а вдруг будет хуже? Может быть. Ну, а вдруг будет лучше? Вреда от ошибки отдельного рядового человека для общества быть не может: за ним никто не пойдет, статистика все сгладит. Конечно, эти пожелания противоречивы. Но может быть так: первое относить к форме, второе - к содержанию. Выказывать свое мнение или стараться не иметь

вообще своего мнения - это вопрос формы. Высказывать ли мнение, в справедливости которого убежден лишь на 90%, а не на все 100% - это вопрос содержания. Впрочем, разграничить трудно. Отдаленных последствий каждого мелкого поступка предугадать невозможно: они зависят от слишком большого числа факторов. Нелепо молекуле думать: а как будет себя вести газ, если я полечу вверх? - газ будет подчиняться закону Бойля-Мариотта и другим, быть может, еще неоткрытым законам, и тем точнее, чем более независимы молекулы друг от друга. Склеивание молекул или иное воздействие внешних сил подрывает статистические закономерности, и поведение газа становится трудно предсказуемым. Как будто, его можно предсказать и без статистики. В некоторых случаях, да. Но статистические закономерности действуют точнее. Если нам надо равномерно распределить возможно равномернее 100 г соды в ста банках с водой, можно поступить двояко: либо отвесить по грамму и положить в каждую банку (нестатистический метод), либо слить всю воду вместе (или соединить сосуды как можно более широкими трубами) высыпать туда соду, подождать, пока растворится, а потом опять разлить по сосудам (статистический метод). В каком случае задача будет выполнена точнее? Ясно, во втором. Впрочем, точность нестатистических методов быстро повышается. Но мне кажется, до создания единой планирующей машины в мировом масштабе (к-рая была бы точнее статистических законов) далеко, пожалуй, - дальше, чем до машины, пишущей стихи. Сумбур? Вижу. Но, я думаю, ты кое-что поймешь и при случае напишешь свои соображения. Это близко к твоим рассуждениям о погоде и климате. Тем не менее, я не понимаю Есенина, Шостаковича и пр. Не зарекаюсь: может, и буду когда-нибудь понимать. Чем черт не шутит! Но мало вероятно. Я бы не стал называть атомы и электроны живыми, хотя у них есть черты сходства с жизнью. Впрочем, это спор о словах. Насчет того, что жизнь - это отклонение от статистики, я где-то уже читал. (не у Шредингера ли?), и пожалуй даже не в одном месте. Так что ничего особенно парадоксального и непонятного, а тем более - нелепого я в твоих рассуждениях не нахожу. Надеюсь, я понял тебя в основном правильно. Я учту, конечно, твои пожелания насчет того, кому показывать письмо, кому - нет, Но я понимаю список как примерный. Отступление: возвращусь к вопросу о "бреде" в третьей пьесе. Я сообразил, что "бредом" ты считаешь скорее не анахронизмы, а сны. Но это тоже вовсе не "бред". Во-первых, сон - это вполне допустимый и распространенный прием даже в чисто реалистических произведениях. К каковым я не отношу упомянутые мною выше три пьесы (хотя Ирма и разъяснила мне очень подробно, что их следует считать реалистическими. До некоторой степени - это опять спор о словах). А можно было бы (так делают в романах, вместо "сна" в пьесах) просто чередовать эпизоды из прошлого и из настоящего. Каждый эпизод в отдельности ведь можно считать вполне реалистическим. А место его в пьесе - это уж дело композиции. А в упомянутых трех пьесах иначе: там действуют умершие люди или некто, знающий, что будет дальше, или персонифицируется одна черта человека и т.д. Как сказано у Б.Л.: "О! весь Шекспир, быть может, только в том, что запросто болтает с тенью Гамлет" (стих. "Брюсову"). Я тебе уже хвалил книгу Синерво "Товарищ, не предавай", но я не помню, писал ли я об одном ее рассуждении, а

именно, что человек, знающий свою цель и верящий в то, что она несомненно будет достигнута, выше человека, не знающего цели или нечетко ее себе представляющего, или не верящего, что ее можно достигнуть (не говоря уже о верящих в то, что ее нельзя достигнуть). Ну, о последней категории я не буду говорить, но вторая категория мне кажется выше первой. И не потому, что первые аморальны, как ты говорил (они-де примыкают к делу, успех которого гарантирован): ведь этот успех будет, может, через сто лет после их смерти. А потому, что совершено невероятно, чтобы успех мог в точности совпадать с ясным представлением о цели, к-рое предшествовало успеху. И еще потому, что люди, абсолютно уверенные в правоте своего дела, редко склонны быть слишком разборчивыми в средствах. (Хотя, казалось бы, наоборот: если мое дело обеспечено, я не повредю ему, если ограничу себя в средствах. Но история, кажется, говорит об обратном.) Все эти рассуждения сходны, конечно, с пресловутым утверждением, которое я всегда считал совершенно нелепым: "Движение - все..." Считал. Но считаю ли? Вообще, метод - это форма, а форма, пожалуй, не менее важна, чем содержание. Об этом много у Неру. Или помнишь у Льва Толстого в "Круге чтения": "Если благое дело нельзя осуществить благими средствами, то либо оно не благое, либо время его не пришло". Пришло ли время, нельзя определить абстрактно, одними рассуждениями и исследованиями. В этом был прав В.И.Ленин, полемизируя против тех, кто считал, что время для социализма в России не пришло. Но я вспоминаю эти слова Ленина всегда вместе с приведенными словами Толстого. И вот еще что: прочтя "То, чего не было", я не только лучше понял описываемых там людей и задумался над поставленными там социологическими и моральными проблемами, но и понял, кажется, как стала возможной Февральская революция. Действительно, можно ли было представить себе подобный роман, скажем, в 1904? (Что он не мог быть написан тогда, ясно. Но я не об этом. Предположим, он каким-то чудом оказался бы написанным и даже набранным. Как бы реагировала царская цензура?!) А в 1912 было, видимо, бесполезно его запрещать: все равно все везде обсуждали подобные проблемы. Вот такое, значит, было настроение в обществе (даже среди сравнительно консервативных его элементов) в 1912. Или взять возмущение Родзянко деятельностью Малиновского. А ведь после этого были Распутин, Сухомлинов, "прогрессивный блок" в Думе, да еще Земгор и Военно-промышленный комитеты (что, кажется, означало отстранение бюрократии от некоторых сторон русской жизни). Неудивительно, что от царя осталась в 1917 одна вывеска, хотя этого не замечали ни царь, ни его противники. На твой вопрос о Юре ничего пока ответить не могу. Интересно, что у нас на работе есть почти твой тезка. Но он не Револьт, а Револьд (как тебя писал Прокопьев). Это долженствует означать "революционное движение". К тому же у него есть брат с тем же именем, отчеством и фамилией. Различны лишь годы рождения: у этого 1935, а того - 1925. Кстати, зовут его на работе так, как тебя зовет мать: Волик. Несколько дополнительных замечаний к историческим соображениям, приведенным в конце предыдущего письма. Сейчас выходит немало пьес, книжек и т.п. про Мусу Джалиля. Следовало бы, как будто, лишь радоваться, что признаны, наконец, заслуги человека, которого

несправедливо считали предателем, тогда как он честный человек и герой. Но вот я читаю эти книжки (скажем, пьесу, если не ошибаюсь, Ишмурадова "Бессмертная песня") и говорю себе: эти книжки, разумеется, не искажают облик Джалиля в худшую сторону; и вспоминаю слова Ленина о том, что Малиновский принес больше пользы, чем вреда (пожалуй, и Азеф?). Мне кажется, если он переходил на сторону немцев, не веря им, оправдываясь тем (перед собой), что он-де спасет свою жизнь и будучи редактором газеты, сумеет сделать что-либо против немцев, то он хотя, быть может, и не предатель, но и не герой. Достаточно поставить вопрос: можно ли такое поведение ставить в пример. Он, правда, взял с немцев обязательство скрывать настоящую фамилию редактора газеты (чтобы его авторитет не влиял в пользу немцев на колеблющихся военнопленных. А можно это объяснить и как-либо иначе), но ведь, как и следовало ожидать, очень скоро стало известно, что редактор - Джалиль. Попытки наборщиков и др. совершать мелкие пакости против немцев - каверзные опечатки и пр. он решительно пресекал. Но он все же скрывал эти проступки от немцев, потом выпустил на базе типографии газеты некоторое к-во листовок, после чего немцы его арестовали и казнили. Это все по упомянутой пьесе. Может быть, я скажу парадокс, но мне кажется, герой он только в том случае, если сначала искренне поверил немцам, а потом, поняв свою ошибку, начал борьбу. Т.е. когда он, выходит предатель (сначала), но и и герой (потом): тем труднее ему было снова поворачивать на 180°. В общем, честный человек. Но, повторяю, если судить по книжкам, дело было совсем не так, а так, как описано выше. И все же его не только не презирают, но восхваляют, ставят о нем оперу, присвоили звание Героя и т.д. Да, у меня недостаточно ясно написано: под переходом на сторону немцев я понимаю здесь не сдачу в плен, а согласие (уже будучи военнопленным) стать редактором газеты. Приводимое тобой стихотворение из Шевченко мне понравилось. Я сразу взял "Кобзарь", чтобы прочесть его полностью. Но там русский перевод Ф.Сологуба, в этом переводе оно совсем не звучит. Взял тоже в наше б-ке Б.Л. - изд. 1934, единственное, к-рое было. Но там лишь извлечения из поэм, и цитируемого тобой места совсем нет. Мне понравилось не все. Но понравилось все же: отрывки из поэм, в частности - описание восстания на "Потемкине", далее "Брюсову", "9-е января (первоначальный вариант)" (так написано в заглавии). Но в некоторых местах я чувствую: надо сначала историю почитать. "Огонек" №14 прочел, достать - постараюсь. Относительно "На заросших тропинках" учту твои пожелания, но срок исковой давности ведь три года, так что будет ли кто с тобой "потом" разговаривать? Конечно, напишу сначала отцу, а потом попробовать что ли им сначала написать? Кстати, юридические новости: еще в одной республике - в КазахССР - приняты УК и УПК. Текста пока не видел. На-днях издан Указ, что с 1-го января все дела между гос., общественными и кооперативными (кроме колхозов) учреждениями, организациями и предприятиями изымаются из ведения судов и передаются в ведение госарбитража. Однако в ведении суда были дела, одной из сторон в которых были органы транспорта, органы Госбанка, органы, оказывающие коммунальные услуги, Литфонд СССР и подобные ему фонды. Письмо, конечно, было послано. Кому оно понадобилось, не знаю. Ничего интересного, на мой взгляд, там

не было, да и вряд ли оно сейчас актуально - там всего-то две странички. Впрочем, он писал, что посылает второе письмо через дом. Так что пересказывать его вряд ли стоит. Между прочим, ты, наверное, знал, когда работал в БАН, некоего Н.Ф.Лютикова, зав. сектором Отдела хранения. Так вот, сейчас в БАН вывешено решение товарищеского суда, рассмотревшего дело о незаконном выносе этим Лютиковым книг из библиотеки. Началось все с того, что он читал в БАН лекцию, на к-рой демонстрировал книгу в качестве своей, а оказалось, что она БАНовская. При обыске у него было обнаружено 46 БАНовских книг со срезанными печатями и с его подписью (кто производил обыск, я не понял: если следственные власти, то при чем здесь товарищеский суд, а если общественность, то ясно, что обыск в прямом смысле слова они не имели права производить). Приговор: считать эти действия несовместимыми со званием советского библиотечного работника, просить дирекцию уволить его, считать необходимым принять меры по усилению охраны книжных фондов. Насчет "Дон-Кихота". Те же люди все время называют Дон-Кихотом меня: пишу в "Крокодил" и т.д. и т.п., оснований, надо сказать, для этого достаточно. Но вот, например, сегодня как раз в газете стихотворение Прокофьева "Маяковскому", где говорится о мещанах, показывающих кому-то кукиш в кармане. Это, конечно, отвратительно, я не желаю уподобляться подобным людям. "Крокодил" мне на предпоследнее письмо ответил, что оно переслано, как и предыдущие, в Мин-ство для окончательного ответа и что редакция повторяет еще раз, что подобные материалы публиковать в журнале невозможно. На мое последнее же письмо (7 VII) ответа до сих пор нет. Я очень рад, что к тебе относятся не хуже, чем ко всем остальным. А то ведь мать вообразила, будто у администрации с тобой личные счеты. Эту фразу она даже, к сожалению, вставила в свою январскую жалобу (уже после того, как она показывала проект этой жалобы мне). Еще больше я рад, что пишешь об этом сам. Это показывает, что ты вовсе не считаешь себя какой-то исключительной личностью (скорее уж мать считает тебя каким-то особенным: она считает, что все, кроме тебя, там бандиты). Очень рад, что ты оказывается, получил и письма № 35 и 51, которые, я думал, исчезли (и даже писал по этому поводу запрос цензору. Почему же он не ответил на запрос? Мордовские цензоры иногда отвечают на такие запросы.) Так что, по существу, дошли тебе все мои письма (кроме нескольких открыток, затерянных в связи с твоими переброскими). А не знаешь, получена ли Вадимом открытка от 11.XI.58? Все, что там написано, было потом повторено в письме, но все же интересно. Из "Успехов" пришел ответ: надо соблюдать правило оформления рукописей (я не обратил внимания, что таковые печатаются на последней странице каждого номера "Успехов"), из которых главное: заметка, присланная без предварительного согласия редакции, не должна превышать 12 машинописных страниц. Сейчас я вычеркнул все указанные тобою рубрики и пытаюсь внести еще кое-какие сокращения, но это делать очень трудно, а ни Герка, ни Игорь помочь, по существу, не хотят. Пока есть еще две-три лишних страницы. Как только что-либо придумаю, перепечатаю и пошлю в "Успехи" снова. В № 6 Реф. журнала "Математика" напечатаны твои рефераты. Дал ли ты матери доверенность на получение гонорара? Без доверенности ей не дадут.

Сейчас буду просить РЖМат дать еще статьи тебе на реферирование. Зельманов на мой повторный запрос до сих пор не ответил. "Космологию и число" я до сих пор не забрал у Залгаллера. А не забрал потому, что не выполнил своего обещания написать свой текст статьи для "ДАН", к-рый бы он потом подредактировал. Это, конечно, не оправдание, но я не оправдываюсь, а объясняю. А сейчас, боюсь, он уехал в отпуск. По этой же причине не послал ее пока отцу. А "Философский смысл космометрии" пошлю отцу в самые ближайшие дни, вероятно, еще до настоящего письма (будет приписка в конце). Книга Мак-Витти в твоей б-ке действительно есть, я посылаю ее тебе. Пошлю также брошюру об А.Ульянове, закон о школе РСФСР, речь Хрущева на июньском пленуме (речь на съезде писателей ты, вероятно, уже читал?): "Математическое просвещение" № 4, "Комс. правду от 15 VII, "Литгазету" от 6 VIII (прочти рецензию на роман Шундика на стр. 2-3). Подробная опись будет в конце письма Вчера 8 VIII: в "Известии" была статья, которая мне кажется важной: "Торговать, а не распределять" - речь идет не о розничной торговле, а об оптовой. На-днях подал в суд на Ленинградский почтамт, требую с него 537 руб. Дело в том, что до 1.1.59 за утраченное заказное международное письмо платили, как и за внутреннее, 5 руб. (в соответствии с приказом Министра связи). Теперь же платят 81 руб. 75 коп. (в соответствии с Конвенцией). Но ведь конвенция не менялась. Из Братского же суда я иск взял обратно, поскольку основания для него отпали. Я тебе писал об указе 14.2 (а не 12.2, как ты пишешь). Малая сов.энц. не буквы Х. и Ф. пока не выходила, в БСЭ же Файзуллы нет. Я купил "Историю КПСС", но пока достал лишь один экз. Когда будет свободно, пришлю. Пропал ли Хайям, я так до сих пор и не знаю. Как только я буду точно знать, что он исчез, я подам в суд. Я очень, очень хорошо понимаю то, что ты пишешь на этот раз про Залгаллера (впрочем, ты это уже писал). Но мне надо еще будет к нему зайти за твоими рукописями. Нет смысла уклоняться и от разговора о содержании твоих работ. Но просить его о редактировании я, пожалуй, не буду. Благодарю за разъяснение начет Университета (1952 и 1953). Интересно, кому могли понадобиться твои книги ("Учр.собрание" и другие, перечисленные мною в письме № 57)? Соседям они явно не нужны (вряд ли они пошли бы их продавать на барахолку, а еще менее вероятно, чтобы они их стали читать), Сав.Гр-чу тоже, Прокопьеву еще меньше! Жалко, что они пропали. И не знаешь, с кого спросить. Надеюсь, ты не забудешь ответить на письма №№ 57, 58. Надеюсь, что твой антоним к слову "легкомысленный" не относится ко мне. А кажется, то, что Борька сделал в ноябре, красивее, чем мне показалось вначале. Юре Волкову я твою тетрадь послал уже давно, но никакого ответа. И на открытку мою он не отвечает. В конце месяца постараюсь выбрать время заехать к нему. Сейчас купил тебе сегодняшнюю "Известию" (от 9 VIII) - ради статьи акад.Семенова о развитии науки. Что касается письма жене, которое я прочел с твоего разрешения, то я вижу, что там кое-что и меня касается. Это неудивительно: чего ж тебе повторяться. Но во избежание недоразумений хочу отметить, что из предыдущих твоих писем жене я почти ничего не читал. Мать их читала, но считала, что мне их не следует читать, хотя мне казалось, что при отсутствии специального запрещения читать эти письма (с твоей стороны)

действует твое общее разрешение читать все твои письма. (Что же касается писем жены тебе, то в соответствии с ее просьбой мать и сама их не читала, а тем более мне не показывала.) Весьма сомневаюсь, чтоб я говорил что-то вроде "мяукающих и немяукающих". Это ты выдумал. Может, я и говорил что-либо похожее, но не в таких словах. Да нет, и то не помню, даже и отдаленно похожего. Восхваляет же он, кажется, всех своих ленинградских знакомых (хотя, вероятно, и в меньшей степени), что еще глупее. Что касается золотой медали Дарвина, то я опасаюсь, что опять понял односторонне и будешь ругать меня за дезинформацию. А я в этом нисколько не повинен: ведь я ясно написал "ср. речь Н.С.Хрущева на июньском пленуме (этого года)". А ты небось эту речь не читал (если читал, тогда твои восторги неуместны). Что касается книги Черча, то в "Матем.прос." был ведь список не вышедших, а выходящих в 1958 г. книг. Книга П.С.Новикова "Математическая логика" кочует по таким спискам в 1947 г. (с перерывами). Книги в продаже в Ленинграде нет. Оба твоих письма жене (вложенные в письма №№ 25 и 27) ей послал. А были ли письма, обозначенные (в явной форме) номерами 24, 26, 28? Вообще, включаешь ли ты в счет писем мне те письма, где ты обращаешься ко мне и к матери одновременно? Один твой реферат напечатан в РЖМат № 4 и 7 рефератов - в РЖМат № 6. Деньги они, по-видимому, выслали тебе. Что касается просьб о новых референдах: я написал им твой адрес еще в ноябре с просьбой посылать статьи по этому адресу. Будучи в Москве, я редактора отдела (от которого, кажется, и зависит посылка референдов) не видел. Разговаривал с сотрудниками отдела и секретарем редакции. Большинство из них реагировало не без некоторого, совершенно естественного, удивления. Но ничего и не просил, лишь спросил, известен ли им твой адрес, и добавил, что лучше всего писать на Тайшет, на Управление. Вышел, наконец, том IV "Трудов Третьего Всесоюзного математич.съезда", там напечатано резюме твоего доклада. Я купил тебе этот том. "Историю КПСС" купил и тебе тоже. Том 2 Детской энциклопедии посвящен геологии и астрономии, в частности, помещены биографии выдающихся астрономов: 9 русских и 3 иностранных (Гершеля, Лапласа, Хаббла). Насчет "На заросших тропинках" постарайся изложить мне ясно все, что известно тебе о судьбе этой книги: кто, когда, у кого ее взял, куда передал и где она должна быть сейчас (то, что ты знаешь из всего этого). Насчет Хайяма: Иркутская почта ответила на-днях: книга вручена секретарю Козиной, администрация на мой запрос не отвечает - придется, видно, подавать в суд. Попробую прежде запросить эту Козину: кому он передала из Вихоревки эту книгу. Меня сейчас посылают на месяц в колхоз, и причем внезапно. Так что опять не успею послать ИГ-чу "Философский смысл космометрии" (разве что в колхозе перепишу от руки). По той же причине, видимо, не пошлю тебе книг и газет, а лишь письмо. Но если послать вперед книги, то тебе могут не дать письма. Письмо же мать до моего отъезда в колхоз написать не успеет. И уговорить почту не прицепляться, если в бандероли будет письмо, она не берется. Да впрочем, она и вообще не хочет отправлять бандероль. Пришел первый номер "Обозрения современной физики" - он посвящен вопросам, смежным с биохимией. Купил тебе № 4 Мат.просвещения (не помню, писал ли я

об этом выше). Насчет корзины с твоими старыми документами ты пишешь что-то очень странное: можно подумать, будто я хочу сам их читать, а матери не дать прочесть. Я согласен, что они сейчас не столь уж интересны, но я не прочь был бы с ними ознакомиться. Но ведь мать говорит, что они, скорее всего, уничтожены как ненужный хлам? На-днях в Комс.Пр. была подборка на тему о необходимости развития подготовки кадров по эконометрии. Поскольку Комс.пр. у вас есть, ты, очевидно, эту подборку видел. От твоего Юры было письмо, где он обещал не позже 1/IX сделать копию твоей рукописи (в тетради). А в каком номере Огонька про Винера и Литературку? Поскольку ты все бандероли получил, то на эту тему, очевидно, писать уже никуда не нужно. С большим интересом прочел письмо жене, вложенное в письмо № 25. В польской газете "Политика" сообщается, что некоторые польские суды начали признавать действующим правом довоенный закон, согласно которому газета, поместившая неверное сообщение о к-л гражданине, должна поместить опровержение, и причем на том же месте, тем же шрифтом и с заголовком того же цвета и того же размера. Газета считает точку зрения этих судов ошибочной. На-днях по приглашению рабочих з-да Кр.Выборжец в Ленинград приезжала группа сотрудников МИДа. Они читали лекции на различных з-дах. Один из них (кажется, Теплинский) пришел и к нам на завод. Он прочел лекцию о Ближнем и Среднем Востоке. Наше начальство напрасно опасалось, что я буду задавать много вопросов. Я не задал ни одного вопроса по той простой причине, что лекция была абсолютно исчерпывающей, лектор как бы предугадывал все возможные вопросы и заранее отвечал на них. Безусловно этот лектор лучше владеет материалом, чем лекторы Горкома партии и даже некоторые московские. Говоря об Иордании, он отметил что одной из причин падения антиимпериалистического правительства Набулси (созданного в конце 1956) послужила неправильная политика коммунистов: хотя они крайне слабы в этой стране, они все же едва выйдя из подполья, стали добиваться передачи им власти. Касаясь Египта, лектор отметил, что президент Насер ловко использовал борьбу различных коммунистических организаций между собой, чтобы расправиться с коммунистическим движением. Он отметил, что Насер пытается оправдать запрещение партий ссылкой на то, что буржуазные партии тянули бы в сторону Запада, а коммунисты - в сторону СССР, а он-де стоит за нейтралитет и за единство народа. Лектор отметил, что хотя арабы с точки зрения языка, религии, культуры, исторических судеб представляют собой единый народ, их объединение в настоящий момент было нецелесообразным (очевидно - с точки зрения арабского рабочего класса). Касаясь Ирана, лектор отметил, что США категорически отказывались взять на себя обязательство защищать Иран в случае "косвенной агрессии", и только после заявления правящих кругов Ирана, что в таком случае Иран откажется и от договора о помощи в случае прямой агрессии, эта формулировка была в договор о помощи включена. Как известно, Иран сорвал переговоры с СССР о пересмотре советско-иранского пакта 1921 г., разрешающего ввод советских войск на территорию Ирана. А теперь иранская дипломатия по всякому поводу и без повода заявляет о своем стремлении к улучшению отношений с СССР, просит СССР

предложить какую-нибудь программу улучшения отношений, заявляют, что пойдут навстречу пожеланиям СССР. Они добиваются, в частности, прекращения радиопередач на персидском языке, рассказывающих правду об иранском правительстве, о том, как далеко оно от интересов народа. А вместе с тем они отказываются порвать договор о военной помощи с США, лицемерно заявляя, что они согласны заключить аналогичный договор и с СССР. Говоря об Ираке, лектор отметил, что компартия участвовала в подготовке народной революции 1958 (наряду с военной организацией Абдель Керим Касема). Касем благожелательно относится к компартии. Правда, формально все партии до сих пор вне закона. Но фактически коммунисты выпускают газеты, организуют крестьянские союзы, а несколько месяцев назад канд. в ЦК КП был включен в правительство. Касем обещал в январе 1960 официально разрешить партии. Однако в самое последнее время в отношениях между Касемом и КП наблюдалось охлаждение: Касем заявил, что он будет бороться против анархии, имея в виду левые силы. В этом охлаждении сыграли свою роль левацкие загибы части коммунистов, осужденные на последнем пленуме ЦК КП Ирака (постановление пленума, напечатано в сокращенном виде в "Правде", этот номер "Правды" я тебе пришлю). В Ираке действуют трибуналы, сурово расправляющиеся с предателями народа: руководящими деятелями прежнего режима, а также сторонниками ликвидации независимости страны и присоединения к ОАР. Процессы проходят в ускоренном порядке и при закрытых дверях. Иракский народ отвергает клевету западной печати по поводу этих процессов и лицемерное сочувствие преступникам. Часть народа считает даже эти меры недостаточными. Вооруженные отряды КП по ночам расправляются с наиболее реакционными деятелями, подчас с излишней жестокостью, скажем, привязывают к автомобилям. Пленум ЦК признал ошибкой применение подобных методов, которые хотя и являются естественным выражением гнева народа, но не всем населением правильно понимаются. Отвечая на вопрос: что заставило Эйзенхауэра согласиться на обмен визитами, лектор отметил, что в настоящее время все трезвые политические деятели на Западе (т.е. все крупные политические деятели, кроме разве Аденауэра - ср. впрочем его послание Хрущеву, опубликованное в "Правде" 31/VIII) пришли к выводу, что в случае ядерной мировой войны победителей не будет, будет гибель цивилизации. Известно, подчеркнул лектор, что наша точка зрения иная: если капитализм развяжет новую мировую войну, то погибнет не цивилизация, а прогнивший капиталистический строй. Еще о Валериане: а может быть все же опасности, которой он не избежал, и нельзя было избегнуть. М.б. не нужно содержания, а лишь форма, не нужно идеи, а лишь принципы, типа "не убий" (я к примеру лишь называю этот принцип). С др. стороны, как все же опровергнуть человека, который стал бы утверждать, будто жизнь человечества невозможна без религии? В истории мало смысла говорить о том, что было бы, если... Однако невозможно говорить об истории, а тем более об уроках истории, не употребляя этого выражения. Если допустить это выражение, то приходится признать понятным и выражение "исторически неизбежное" - это то, что произошло бы и в том случае, если бы отсутствовал рассматриваемый данным историком фактор. Если же

(что будет вполне логично) признать, что ввиду немассовости исторических событий к ним эти понятия неприменимы, то придется отказаться полностью от сравнения заслуг тех или иных исторических деятелей или партий (или ограничиться их моральной или эстетической оценкой, а не исторической). Это, кажется, точка зрения Л.Толстого и романа "То, чего не было". Но ты, вроде бы, не так считал. Что о тебе Игорь сказал "по секрету", ты очевидно, догадываешься. Ты говоришь, что заинтересованное лицо не может, де, возражать. Но ты ведь сказал, что на подобные мелкие личные нападки ты отвечать вообще никогда не станешь. Так что этот аргумент отпадает. Про порошок разговор возник случайно, исходя из множественного числа выражения "экспертн.к-ия" в обв.закл. Так что я про рогатку не понял. Микрофильм "Коня" возвращен органами полностью (кажется, без одной стр., к-рой и не было). Резерфорд гос. деятелем или юристом не был, а был пацифистом, и за это отсидел в американской тюрьме около 2 лет (1917-18). По моему мнению, 99% людей любой категории (достаточно массовой), кроме категории лжецов, искренни, даже когда кажется, что нелепость их рассуждений очевидна. Ты читал "Лес богов" Б.Сруога? - Как они там демонстративно шапки одевали перед немцами! Но как же такая демонстративность и правдивость могут сочетаться со скрытностью?! Обв. закл. само по себе не является доказательством. Приговор должен основываться лишь на доказательствах, рассмотренных в судебном заседании, и ссылаться лишь на них. Суд не отверг выводы экспертов, а просто не рассматривал их, сочтя излишними. Я не сомневаюсь, что с т.зр. адвоката разумно было экспертов не вызывать. Но я бы на твоем месте это мнение отверг. В той мере, в какой имела смысл твоя защита вообще, твои объяснения и т.п. Ровно в той же мере (а может, и в большей), имело смысл вызвать экспертов. Др. основания были - они упомянуты в обв. заключении, а от части своих характеристик они, я думаю, вынуждены были бы отказаться. Суд считал аксиомой определенную характеристику твоих статей и, как мне кажется, просто уклонился от полемики, когда ты пытался это оспорить. Экспертам уклоняться было значительно труднее. Если кто-то считает, что другое лицо, перейдя в христианство (или, скорее, - уверовав в Христа, что, пожалуй не то же самое, если под христианством понимать религию), стало светлее и выше, то это вовсе еще не означает, что первый человек сам перешел в христианство. Насчет Петра Ал. меня как раз и интересовало, оцениваешь ли ты низко лишь отдельные его работы или в целом перестал его высоко ценить. Очевидно - первое. Ст.175 УПК: о производстве обыска составляется мотивированное постановление. Ст.179: следователь, приступая к обыску, обязан огласить соотв. постановление. Мне известно, что те же люди иногда предъявляли пост-е по собственной инициативе. Поэтому я считаю весьма вероятным, что, если бы сразу потребовать, они бы предъявили. Тем более, что в журнале "Сов.милиция" 1958 №4 с.45 сказано: "предъявление обыскиваемому лишь ордера, а не мотивированного пост-я является грубейшим нарушением закона". В отношении Лени Пленум Верх. суда СССР отменил как опр-е ВСуда РСФСР, так и пост-пе ПрезВСуда РСФСР и передал дело на новое кассационное рассмотрение, при котором был подтвержден приговор от 23/IV. Насчет меда. Ну и что ж, а в данном случае я ему верю.

Какие еще причины? А то, что есть люди именно с такими взглядами, к-рые он приписывает ему, и они как раз восхваляют его (Славку) (ну, может, у него менее карикатурные). Я не говорил в марте 1956, будто что-то не подтвердилось, и уверен, наоборот, что это верно. Я очень жалел, что меня спрашивали о той польской статье в июне, а не в июле - это звучало бы совсем иначе. Что касается председателя, то думаю, что им был министр, и поверил он в иное утверждение лишь после убедительных доказательств. Вот про Жору вопрос сложнее. Возможно, ты прав. Это не противоречит, что я верю всему, что про него говорят. Это две стороны правды. Насчет моей разбросанности: конечно, я остаюсь самим собой. Но все же, мне кажется, я стал менее разбросанным: математикой почти не интересуюсь, физикой довольно мало, а что касается всяких трамвайных маршрутов, то тут я совсем деквалифицировался. Насчет силы воли: совет неконструктивный - а как ее укреплять. Насчет того, кому хуже: ты не прав, ведь речь идет всего лишь о совете. Насчет конспекта вы с матерью опять разошлись во мнениях. Я ее, конечно, вполне понимаю, тем более, что так думает и Ира. Клим, конечно, подлец. Я и хотел разнести письма сам. Но все дома стали орать: что ты делаешь, он сам разнесет. Вроде, говорит, разнес. Я в этом сомневаюсь, но дома их нет. Впрочем, с почты его все же выгнали, или сам ушел, во всяком случае - больше он там не работает. Перевод Олегу я торопился послать пока он в Иркутске, поэтому послал, сколько было (все равно опоздал, и так до сих пор не знаю, получил ли он, писал во Владимир, не отвечает). А вообще, это не столь просто. Доп. том БСЭ вышел в прошлом году, он содержит материалы о явлениях и лицах, по тем или иным причинам пропущенных в основных томах (напр., из-за того, что они приобрели известность лишь после выхода соотв. тома). Почему второй? Это первый из этой категории. Правда, мне казалось, что первый - Ханджян, но оказывается суд был уже после смерти Ханджяна. Или ты первым считаешь того, о ком говорил Мухитдинов осенью 1956 г.? Но ты забыл - он как раз и говорил об Икрамове. Принимаю к сведению все, что пишешь в письме № 29 о Залгаллере и Александрове (впрочем, это повторение того, что ты уже писал). Но каким же образом это согласуется с твоей просьбой (несколько ниже) просить Ал-рова написать отзыв о переводе Гамова (писал ли я тебе, что в 1957 Гамов получил всемирную премию - забыл, чьего имени - за научно-популярную литературу?). Я не вполне понял насчет заявления от 6.XI. Хорошо, что ты написал о заявлении К-й: я выпросил у матери прочесть ее копию. (Между прочим, она перестала показывать мне адресованные ей письма Ирэны; правда, они, кажется, действительно, для меня малоинтересны. И уж совсем непонятно, что она очень неохотно показывает мне твои письма, адресованные ей, если есть отдельное письмо мне - но не пойми этого как просьбу не писать мне отдельно. Это, конечно, не упрек: я мать очень уважаю и восхищаюсь ею, она делает для тебя, вероятно, больше, чем большинство других матерей. Но тем менее понятно.) А что же Жора делал? Ничего. Во всяком случае - ничего такого, что было бы отменено после его увольнения. Идеи Андреева о моделировании языка я перескажу тебе в другой раз. Вышла в переводе с польского брошюра "Рыцарь акрополя" - о Манолисе Глезосе. Там приведены два высказывания реакционных деятелей о

Глезосе. Первое - в 1945: неважно, что он коммунист, он - греческий патриот, его подвиг славит весь греческий народ. Второе - в 1947: всю моральную низость этого человека показывает его поступок 1941 года, он сорвал эту грязную тряпку с Акрополя, заведомо зная, что за этим последует усиление репрессии немцев против мирных граждан, весь греческий народ ненавидит его за это. Выходит, даже в Глезосе можно обнаружить кусок Нечаева. (Последняя фраза не имеет оценочного характера.) Не помнишь ли ты "Литгазету" за 1 мая 1957? Там на 4-й полосе статья Джанни Родари. Как будто почти тривиальная. Но мне запомнилось, во-первых, как косо смотрел на него библиотекарь в фашистской Италии, выдавая ему Маркса и т.п. А во-вторых, он описывает озорство школьников и студентов (тогда же), в частности на военных занятиях, и находит в этом некий смысл. В одной из тех Лигазет за нынешний год, к-рые я тебе пошлю, есть другая статья Дж.Родари, где доказывается, что детей надо приучать к бунту против авторитетов (правда, мне не показалось убедительным описание того, как он приучает свою дочь бунтовать против отца - все сводится к формальности).

Будь здоров. Всего хорошего.

№ 76 1 сентября 1959 г.

Эрнст

П.С. Итак, в колхоз я не поехал, хотя и не отказывался. Произошло это следующим образом: я стал требовать, чтобы завод выдал комбинезон (думаю, что з-д мог бы это сделать). Кроме того, я спросил, как будут платить (при отправке на полевые работы теперь платят не 100, а 50% среднего заработка, плюс, конечно, то, что там заработаешь. Но вот, напр., на такой работе, как переборка картошки люди из нашего отдела зарабатывали значительно меньше, чем 50% среднего заработка). Мне объяснили, что на этот раз направляют не на полевые работы, а на строительство коровника (на месяц, примерно на 200 км от Ленинграда). А потому будут платить 100% среднего, но зато там уже ничего больше платить не будут. Тогда я спросил: ”А может быть, полагаются какие-либо суточные или командировочные?” (Потом я узнал, что на других з-дах в таких случаях действительно платят суточные. В справочниках обо всем этом ничего нет.). На что нач. отдела кадров заявил мне: отправляйтесь обратно в отдел, мы постараемся найти человека, к-рый задает меньше вопросов, чем Вы. В общем, я рад, что не поехал: я пропустил бы 4 бановских выставки и не сделал бы многого другого, что собираюсь сделать (опять всем страшно давно не писал). Хотя, быть может, мне было бы полезно для разнообразия съездить туда. Машинка же у меня уже год, как не слепая (другой шаг), как ты этого не замечаешь? Посмотрел твою статью: по-моему, все правильно. Шаумяна доклад на совещании я помню, мне не очень понравился (тезисы в брошюрке), я уж не помню сейчас, о чем он. Вообще Шаумян пишет слишком схоластично, "научно". Формулу для определения фонемы я из твоей статьи вычеркнул, ибо гораздо точнее и правильнее сказано словами. Юре звонил, он уехал в отпуск, вернется в середине месяца. Но откровенно говоря, я почти уверен, что он откажется читать твою статью (ибо я знаю его отношение к тебе - оно очень резко отрицательное). После разговора с матерью я решил в этом месяце не посылать тебе бандероли, а только письмо, которое я отдам матери, и она вложит его в свое. В

"Соц.законности" № 8 говорится как об уже почти решенном деле, что не только в Молдавии, а везде будет введена уголовная ответственность за неподчинение администрации мест заключения и за отказ от работы в местах заключения. В какой-то газете на-днях была статья, автор которой недоумевал по поводу того, что принцип "кто не работает, тот не ест" почему-то не распространяется у нас на места заключения. Я не встречал ни одного человека, который бы резко вас осуждал. Хотя есть немало людей, находящих подлыми поступки, в связи с которыми могли пострадать (и пострадали) жена и др. А еще больше людей, которые просто не желают иметь никакого контакта с тобой, и даже ничего слышать о тебе, и даже видеть тех, кто переписывается с тобой! Уж пусть бы лучше осуждали тебя, было бы честнее и порядочнее! Что касается идей Андреева, то у меня где-то законспектирован его доклад, но сейчас я не буду искать, а попробую суть изложить по памяти. Он сравнивает вероятность вообще букве встретиться в русском тексте с вероятностью этого же события при дополнительном условии "известно, что эта буква занимает энное место с конца (начала) слова". Находит ту букву и то эн, при которых это отношение максимально. Оказывается (кажется, что это "о" на конце слова). Тогда он интересуется такими же отношениями вероятностей в случае, когда числитель берется при условии "буква стоит на предпоследнем месте, а последнее - буква о". Опять находит максимум по всем буквам. Так он определяет некое характерное окончание (как он узнает, на скольких буквах остановиться, я не понял, как и то, как у него получаются инфиксы - префиксы-то получаются). В конце-концов он имеет возможность найти части речи, количество форм каждой части речи с грамматич. характеристиками, но без названий. Например, часть речи № 1 имеет два вида изменений: по виду А она имеет две формы, по виду Б - 6 форм, - а всего 12 форм (терминологию я сочиняю на ходу, и мало удачно, я имел в виду существительное с двумя числами и шестью падежами). Далее он находит, что эта часть речи может изменяться по своим 12 формам, скажем, шестью способами (склонения, конечно, не три, ибо здесь будут учтены и некоторые редкие склонения). Не помню уж, получаются ли у него и роды у сущ., или только у прилагательных. Кажется, получались. И т.д. получаем полную схему грамматики не только без семантики, но и без знания грамматического смысла категорий. Причем он говорит, что вопреки ожиданию получается очень близко к традиционной грамматике.

Ну ладно, кончаю. Еще раз привет.

2/IX 59

П.П.С. А разве в твоем духе - рассуждать, чьи мнения можно критиковать, а чьи нет?"

Вместо того, чтобы в комментариях раскрывать, что Слава и Жора здесь суть Вячеслав Молотов и Георгий Маленков и т.п., я предложу читателю мысленный эксперимент: представьте, что вот это письмо зачитывается ему без пауз - как написано без абзацев - самым громким голосом радиовещания. Представили? Тогда вы услышали, каков был Эрнст Орловский в общении (до конца семидесятых годов, когда его голос потишел). Громкостью и бесцеремонностью в обращении он резко выделялся среди всех

известных мне лидеров правозащитного направления в демократическом движении: Есенина-Вольпина, Чалидзе, Твердохлебова, Альбрехта. Не случайно Ира Вербловская летом 1962 года писала мне из Ленинграда:

- Эрнста я люблю вдали, а вблизи он мне неприятен.

У нее стандартное наименование Эрнста в письмах было "Орущий". И Виля вспоминает:

- Когда Эрнста на Пушкинской не бывало, все жалели, что отсутствует такой умный и эрудированный собеседник. А когда он бывал, так это была чума в квартире - никому невозможно переговорить друг с другом, у всех болит голова.

Она же вспоминает эпизод, рисующий, как Эрнст не замечал ничего рядом творящегося, что не входило в его мир юридических представлений и журнально-газетной информации. Был он у Вили в гостях. Мать Вили Сарра Абрамовна, которая "для удобства существования" обычно рекомендовалась Софьей Борисовной, испекла пирожков и несла к столу на тарелочке. Эрнст вещал, что он вычитал в периодике всего мира. Тарелочка выскользнула из рук Софьи Борисовны, пирожки рассыпались. И она и Виля опустились на корточки собирать их под столом, под стульями. Эрнст же, изогнув шею, чтобы им было удобнее слушать, продолжал, не видя пирожков на полу, не наклоняясь помочь. Безостановочно, упирая на юридические нюансы.

Сам он в процитированном письме и в других сетует на собственную разбросанность. Да, он почти ничего не заканчивал. Конечно, он гораздо лучше, полнее и точнее, написал бы то, что изложено в §6. Мог бы написать тогда же, в 1958, в 1961, в 1970 годах. Он все это знал уже тогда же - но соединить и закончить не умел. Вкладывал гору труда, но стремление к совершенствованию, сознание, что невозможно достичь им самим признанных кондиций, останавливало его в начале почти на всех поприщах, на какие он ступал.

Опять же, как предтеча Демократического движения, на сей раз в варианте Литвинова-Шихановича, он собирал сведения о политических репрессиях. Но "Хроники текущих событий" он не создал. Вот перечень, составленный им по моей просьбе в 1963 году из его разрозненных записей:

"1) Пименов ...[43]

2) Щербаков ...

3) Успенский Кирилл Владимирович, рожд. 1915, писатель, чл. СП СССР Кирилл Косцинский, арест, в Л-де VIII 1960.

4) Шагдаров, мастер з-да "Ленгазаппарат", 1957, получил 8 лет за сталинистскую агитацию.

5) Фурсель Вилхо и Тупицын, осуждены в октябре 1959 Верх.Судом Карел. АССР по ст.1 и 2 з-на о гос. преступлениях на 10 лет (в июне 1959 перешли в Финляндию, в июле выданы Сов.Союзу).

6) Тарасюк Леонид Ильич 1925 г.р., Л-д, ст.7 ч.1 з-на о гос.преступлениях, ст.182 чч.1 и 4. Арестован 2.1.59, осужден 23.04.59 на три года, Верх.Суд РСФСР снизил до 5 месяцев, но

[43] Íè÷åãî íîâîãî ñðàâíèòåëüíî ñ èçëîæåííûì ó ìåíÿ. Ìèêðîñêîïè÷åñêèå ðàçíî÷òåíèÿ ðàçáèðàòü çäåñü íåóìåñòíî.

пленум Верхсуда СССР отменил снижение. Свидетели: Тарасюк Ф., Шмуглер, Доманская?

7) "Союз коммунистов":

1. Трофимов Виктор Иванович, Л-д, арест.24.05.57, на 10 лет.

2. Пустынцев Борис арест.24.05.57, на 10 лет, помилов. до 5 л.

3. Малыхин, арест. в конце мая 57, на 10 лет, ст.58-1А через 19 снята Верховным судом.

4. Петров Слава, арест.13.06.57, 58-10 через 17, на 3 года, см. хвалебную статью о нем "Лен.правда" от 15.09.60.

5. Голиков Александр, арест.24.05.57, на 10 лет.

6. Тельников Володя, Москва, 1937 г.р., арест. 18.06.57 на 6 лет.

7. Хайбулин Борис, арест. 15.06.57, на 5 лет.

8. Потапов, 58-10 через 17, на 3 года.

Процесс состоялся 9-19.09.57. С № 1-6, кроме № 4 по 58-10 и 11. Тельников и Хайбулин в Москве - "Союз революционных ленинистов". Свидетели: Геля, Бэн, наборщик - убит в драке до суда.

8) Дмитриев Гена, Л-д, выделено из дела Трофимова, арест. в конце мая 1957, суд в октябре 1957, 6 лет, снижено до 3 лет.

9) В апреле 1957 арестованы и в июле осуждены по 58-10:

1. Мартыненко, на 6 лет, снижено до 3 лет.

2. Орлов, на 4 года, снижено до 2 лет, освобожден осенью 1958 по зачетам.

Переписывались с американским посольством на предмет переезда в США.

10) Арестованы летом 1958 по 58-1а, якобы за "Доктора Живаго":

1. Рафалович Адик, 10 лет.

2. Меклер Юра, 6 лет.

11) Арестованы 24.08.58 или около этой даты в разных городах, осуждены в Ленинграде по 58-10, 11:

1. Молоствов на 10 лет на 7 лет

2. Солохин Николай Дмитриевич на 8 лет на 6 лет

3. Гаранин на 7 лет на 5 лет

4. Козлов на 6 лет на 4 года

Указаны сроки, оставшиеся после рассмотрения в Верхсуде, которые потом были снижены.

12) Дело о платине, март-май 1957, Л-д, центральная фигура

Клебанов,

Эльпорт,

Асиновский

поляки муж и жена, еще 5 человек.

13) Косарев Вадим Николаевич, 1940 г.р., Л-д, арест. 13.12.57, осужд.5.03.58 по 58-10, 16-11 (один) на 7 лет. Свидетели две девушки. В начале 1960 освобожден условно по указу 14 июля 1959. Одновременно надзорная инстанция, не зная об этом, снизила срок до 2 лет.

14) Матяш Владимир Иванович, рожд.1934, Л-д, офицер, товарищ которого сбежал за границу. Осужден по 58-10 на 3 года, затем оправдан, но 31.12.57 дело возвращено на доследование.

15) Арестованы в июле-августе 57 в Москве, осуждены по 58-10, 11, вроде бы сторонники западного капитализма:

1. Краснопевцев Сергей на 10 лет

2. Рендель на 10 лет
3. ?Казовой? на 10 лет
4. Семенченко Миша на 8 лет
5. Меньшиков на 8 лет
6. ? на 8 лет
7. Покровский на 6 лет.
8. Гольдман на 6 лет.
9. ? на 6 лет.

16) Осуждены в Л-де осенью 1958 по 58-10:

1. Кулябко.
2. Фомченко Вадим.

17) Гидони Ал-р Григорьевич, арест. 22.12.56, осужден в апреле 57 в Л-де по 58-10 на 2 года. Осенью 1957 привлечен снова в Саранске.

18) Бернадский Серж, быв. ленинградец, осужден по 58-10 на 5 лет в Семипалатинске. Был свидетелем по лагерному делу Синкевича-Вайля.

19) Лагерное дело ГРАСО - "Гражданский Союз"

1. Синкевич...[44].

20) Ш. (?) Георгий, 1936 г.р., арест.12.56 в Томске. Был свидетелем по делу ГРАСО. После отбытия наказания уехал в Ригу, где отец его, директор филармонии, член коллегии Мин.культуры в свою очередь сам был арестован в 1937, реабилитирован с признанием 27-летнего партстажа, хотя членом партии не был[45].

21) Фриде, арест. в конце 1957 при возвращении в СССР. Ранее был заочно приговорен к расстрелу. Приговорен в Л-де на 25 лет, снижено до 15.

22) Левин и др., Л-д, по 58-10 на 10 лет. Записывали на магнитофоны джазы, передачи "Св.Европы" и "зашифрованные инструкции НТС".

23) Конец 1957, истфак ЛГУ. Типографским образом изготовленная брошюра "40 лет ошибок и преступлений".

24) Братья Фокины из ЛГУ, начало 1959, за шпионаж.

25) Нефтяной факультет Горного и-та, секретарь комсомольской организации, фамилия вроде Бро, исключен из ВЛКСМ, потом восстановлен; 1956-57.

26) Студент Ин-та Лесгафта перед 7.11.57 читал на обсуждении журнала "Нева" в ГПБ такие стихи, что все разбежались, исключен из ин-та, уехал на целину или Иркутскую ГЭС, где арестован.

27) Вильнер Миша, Петрозаводский ун-т, летом 1959 привлечен по 58-10, кончилось исключением из Ун-та и переходом на завод.

28) Студент ЛИСИ зимой 1956-1957 арест. за отказ стать осведомителем и пощечину, но вскоре выпущен и А.А.Андреев похвалил коллектив за его защиту.

29) Матмех МГУ, зимой 1956-1957 вывешен портрет Троцкого с приветственной надписью - арестованы и осуждены[46]:

---

[44] Ñì. â §10 òåêñò ïðèãîâîðà, ñ êîòîðîãî äåëàë âûïèñêó Îðëîâñêèé.

[45] Ø. - ýòî Ãåðà Øâåéíêè, ñ êîòîðûì ÿ ñèäåë â îäíîé êàìåðå â Èðêóòñêîé òþðüìå, òîæå ïðèâëå÷åííûé ïî ýòîìó äåëó.

[46] Íà ìåõìàòå ÌÃÓ â êîíöå 1956 ãîäà Ì.Áåëåöêèé âûïóñòèë "Ëèòåðàòóðíûé áþëëåòåíü", â êîòîðîì, â ÷àñòíîñòè, ïèñàëîñü, ÷òî "Íå õëåáîì åäèíûì" - ýòî "áóäüùèé íàñ êîëîêîë", â ñîîðâîæäåíèè ðèñóíêà, ãäå ïðîëåòàðñêé ðâàë íà ñåáå öåïè ïîä çåìî êîëîêîëà. Ê âåñíå 1957 ãîäà Áåëåöêèé áûë èñêëþ÷åí. Â íîÿáðå 1956 ãîäà Âàäèì ßíêîâ ïðîèçíåñ ðåçêîå âûñòóïëåíèå

30) Янков Вадим, осенью 1956 исключен из МГУ с мехмата за речь о соцреализме. Позже окончил.

31) Красильников Миша. Л-д, филфак, арест.7.11.56.

32) Атаманенко. Л-д, арес.весной 1957 по 58-10, уже пожилой человек

33) Жирков. Л-д, арест. в конце 1957 за сталинистскую агитацию.

34) Пирогов Сергей Кузьмич. Ленинградец, осужден в Архангельске.

35) Студенты, арестованы в Л-де до декабря 1958 по 58-1а, 58-10; сведения из лекции:

1. Гудзенко
2. Арефьев
3. Титов

36) В 1956 двое исключенных из ЛГУ за аморальное поведение решили бежать за границу. Сведения из лекции.

37) Багрецов, наборщик, совместно с техником до декабря 1958 в одном КБ Ленинграда изготовляли антисоветские листовки. Сведения из лекции. см. п.55.

38) В конце 1956 в Л-де арестован преподаватель вуза, при обыске найдено оружие и фашистская литература. Сведения из лекции.

39) Студент ЛГУ в 1956 задержан при попытке бегства на иностранный пароход. Сведения из лекции. КГБ решило ограничиться исключением из ун-та и направлением на целину. Он позже на Братской ГЭС был бригадиром бригады коммунистического труда.

40) Рукописный журнал "Ересь" ЛГБИ, конец 1956. Редколлегия:

1. Вайль
2. Кудрявцев
3. Пачевский Тальмонд
4. Слепакова
5. Троицкий Александр

41) Статья Шейнина в "Известиях" 06.09.59[47]: разоблачена антисоветская группа студентов, после беседы в КГБ решено оставить их в вузе.

42) Та же статья Шейнина: бригадир спичечной фабрики в Бийске Шумилов обвинен по 58-10, дело передано на рассмотрение общественности. Собрание состоялось 18.06.59.

43) События в Муроме 30.06.61. Аналогичные события в Александровске.

44) "Известия" 28.08.63, статья В.Т.Шумилова (Лен.УКГБ):

1. Немецкий Ю.И., экономист, Л-д, связан с американским шпионажем, приглашен в КГБ, покаялся.

ïðîòèâ êîìñîìîëà è îðãàíèçîâàë áîéêîò ñòóäåíòîâ íà ìåõìàòå. Òîæå èñêëþ÷åí ê âåñíå 1957 ãîäà. Ïîëàãàþ, ÷òî èñïîð÷åííûé òåëåôîí äîíåñ äî Îðëîâñêîãî ýòè èñòîðèè. Íè ïîðòðåòà Òðîöêîãî, íè àðåñòîâ â òó çèìó íà ìåõìàòå íå áûëî. Óäàëåííîñòü èñòî÷íèêà èíôîðìàöèè îò ÌÃÓ âèäíà èç òîãî, ÷òî òóò îí ìåõìàò èìåíóåò ïî-ëåíèíãðàäñêè "ìàòìåõ" (óæå â ñëåäóþùåì ïóíêòå - ïðàâèëüíî). Êàê âñå ïðåâðàùåíî, âèäíî èç òîãî, ÷òî È.Â.Îãóðöîâ ìíå â 1985 ãîäó ðàññêàçûâàë ïðî "ãðîìàäíóþ äåìîíñòðàöèþ ñòóäåíòîâ ËÃÓ íà Òåàòðàëüíîé ïëîùàäè â íîÿáðå 1956 ãîäà â çàùèòó Âåíãðèè". Ïîñìîòðåâ, óñòàíîâèëè, ÷òî ðå÷ü èäåò î ñõîäêå 21.12.56 íà ïëîùàäè Èñêóññòâ; ñì.§§8, 18 ãë.1 è §§3-4 çäåñü.

[47] Öèòàòó èç ýòîé ñòàòüè ñì.â §16 äàëåå.

2. Коршун Н., инженер КБ, Л-д, дело по 58-10 передано на рассмотрение коллектива.

3. Фенев А., Л-д, арест. в конце 1962 по 58-10. Его друзья:

4. Ряузов.

5. Зиновьева из ГПБ.

6. Тимашкова из ГПБ.

45) В "Вечернем Ленинграде" от 17.03.59 названы иеговисты:

1. Заврайская Зинаида, 24 лет, арестована.

2. Калинкина Мария, она же Валя.

3. Кандыбей Мария.

4. Тарасова Галина, 26 лет, арестована.

5. Брат Володя.

6. Людмила Л., 20 лет.

7. Тамара И. 18 лет.

8. Татьяна М., 20 лет.

"Вечерний Ленинград" от 14.04.60 называет еще иеговистов:

1. Быкова Т.

2. Лебедев В.

3. Нарышкина Л.

4. Некрасова П.

5. Петрова Ф.

6. Румянцева Анастасия, 57 лет.

"Вечерний Ленинград" 26.04.60 называет раскаявшихся иеговистов:

1. Калинина А.

2. Калинина Е.

3. Кандыбей, сын Марии.

4. Кондратьева Е.

5. Моченкова М.

6. Орлова Л.

7. Редькова Екатерина И.

8. Трохалева А.,

снова упоминает брата Володю, он же Иван, и называет нераскаявшихся иеговистов:

1. Кандыбей Мария Гавриловна, осенью 1961 осужд. на 7 лет.

2. Родина Екатерина Ивановна.

3. Румянцева Анастасия Александровна, осенью 1961 осужд. на 7 лет.

4. Соколова Вера Григорьевна.

5. Чеснокова Валентина Александровна, осенью 1961 осужд. на 7 лет.

46) "Комсомольская правда", от 15.09.60, статья Лякина о Ленинграде, где упоминаются:

1. Братья И. и их товарищи, связанные с иностранцами.

2. Инж. С. с судостроительного предприятия чуть не стал преступником.

47) "Комсомольская правда" от 30.10.60, статья Ю.Дмитриева и "Ленинградская правда" за то же число, статья К.Курбатова:

Решетов А.Н., инж. Гипрокаучука, ленинградский филиал, писал анонимные клеветнические письма, взят на поруки коллективом.

48) "Смена" 17.10.59, статья А.Островского: начали с фарцовки, а кончили продажей чести и совести, в Ленинграде:

1. Клейнман Эдуард.
2. Алферов Игорь.
3. Культэ Олег.

49) "Ленинградская правда", статья Лякина 05.03.59 о
1. художнике Г. (Гудзенко[48]; ср.статью в декабре 1957)
о фарцовщиках:
2. Бедеров Э.
3. Безуглый Виталий.
4. Вигдорчик Валерий, ин-т киноинж.
5. Городковский В.
6. Дементьев Б.
7. Джус Юрий.
8. Заостровский Ю.
9. Краснюк Марк.
10. Круммер О.
11. Савицкий О.
12. Шафранов Борис, ин-т киноинж.

50) "Смена" 26.10.60 статья В.Крицкого: американский студент К. интересовался архивными материалами по истории XIX века по заданию секретной службы[49].

51) "Комсомольская правда" 30-31.08 и 01.09.60 статьи И.Шатуновского. Осуждены в Москве:
1. Репников Вячеслав.
2. Рыбкин Ростислав[50].

52) "Смена" от 15.12.59, статья Т.Дьяконовой: КГБ разобралось в антиобщественной деятельности Мамыкиной Эммы, из Ленинграда.

53) "Пограничник", 1959 № 22, статья А.Логачева:
1. Ситников, преступник, жил в Москве, потом на Дальнем Востоке.
2. Шумилов, упомянутый в п.42.
3. Шукан Н.Г. из Канска, взят на поруки.

54) "Ленинградская правда" от 13.07.58, статья А.Непомнящего:
1. Ин-ский.
2. Художник З.

55) "Ленинградская правда" 06.08.58, статья П.Елисеева, К.Рогова:
1. Сотрудник типографии И.Багрецов рассылал анонимные клеветнические письма, см.п.37.
2. Гольдштейн С. клеветнически обвинял других в особо опасных государственных преступлениях, сам осужден за спекуляцию.
3. Гордиенко С., кандидат мед.наук, писал клеветнические письма личного характера и антисоветские фальшивки.

56) "Советское государство и право", 1959, № 8, статья В.С.Тикунова.

---

[48] Ãóäçåíêî Ðîäèîí Ñòåïàíîâè÷. Ðîäèëñÿ â 1931 ã. â ã.Ïîëòàâà. Õóäîæíèê. Â ñåðåäèíå 50-õ ãîäîâ æèë â Ëåíèíãðàäå, ãäå è áû àðåñòîâàí 1 àâãóñòà 1956 ã. Ñëåäñòâåííûì îòäåëîì ÓÊÃÁ ïî Ëåíèíãðàäñêîé îáë. ïî ñò. 58-10 ÷.1 ÓÊ ÐÑÔÑÐ. Â 1956-1960(?) âîäàõ - ïîëèòçàêëþ÷åííûé ìîðäîâñêèõ ëàãåðåé. (-Èçä.)

[49] Âîçìîæíî, "Ê" - ýòî Ýäóàðä Ë.Êèíàí, âñêðûâøèé ìèñòèôèêàöèþ ñ ïåðåïèñêîé “Êóðáñêèé - Ãðîçíûé". Åãî è ê äåëó Êîñòèíñêîãî-Óñïåíñêîãî ïûòàëèñü ïðèøèòü.

[50] Ïî ýòîìó äåëó À.Ñ.Åñåíèí-Âîëüïèí ïîìåùàëñÿ â ñóìàñøåäøèé äîì, î ÷åì Îðëîâñêèé òîãäà íå çíàë.

1. Мария Р. в знак протеста против необеспеченности жильем и др., подожгла цех в Л-де; с ней разобрались и помогли с жильем.

2. Эрик Т., школьник в Эстонии, взят на поруки.

57) "Смена" 22.05.62, статья И.Лисочкина:

1. Бродович Ольга.

2. Бродский Иосиф.

3. Вовк Кирилл.

4. Волпянская Мариамна.

5. Гужков Вилли, с механобра.

6. Козлов Анатолий, с механобра.

7. Уманский Александр, осужд. на 7 лет. Его жена - Нежданова Мария, с матмеха ЛГУ.

8. Шахматов Олег, осужд. на 7 лет.

9. Шемшединов Сергей.

58) "Ленинградская правда" от 11.11.61 и "Труд" от 19.01.62 упоминает сионистов из Ленинграда:

1. Дынкин Е.Ш., осужд. на 4 года.

2. Казанов Н.А., осужд. на 7 лет.

3. Печерский Г.Р., осужд. на 12 лет.

Свидетели:

1. Абрамзон Я.Ш.

2. Борухов С.Б.

3. Буданицкие М.Б. и Е.Г.

4. Дымент С.А.

5. Лубанов А.Р.

6. Подрядчик Л.

7. Сквирский С.И.

8. Стесин А.С.

9. Теслер А.Д.

10. Шапоринский А.И.

11. Эздрин А.Б.

59) "Неделя" 1962 № 35:

1. Балакирев Валерий, работал на Кировском з-де в Ленинграде, дважды пытался бежать за границу, хулиганил, спекулировал, сослан, подделал документы, помогал шпионам ФРГ, - рассказал Загвоздин Александр Васильевич из КГБ.

2. Один молодой человек арестован КГБ за распространение слухов, выяснилось, что повлияли ошибки периода культа личности плюс обывательские слухи. Освобожден, пошел на моск.завод, окончил вуз заочно, пишет стихи, - рассказал Лебедев Владилен Валентинович из КГБ."

Из самого перечня видно, как мало у Орловского знакомых, как пристально он читает газеты.

Наша переписка с ним проходила разные фазисы. Воркута - мы оба творим словоохотливые эпистолы. Вихоревская фаза - его послания объемисты, я прорываюсь нерегулярно, большая часть моих писем изымается цензорами, которые штудируют мои послания не в Вихоревке, а в Чуне или в Тайшете (что видно по штемпелям, пунктуально отмечаемым Эрнстом), а объем - или, точнее, площадь - моих писем все заметнее сужается. Наконец, владимирская стадия, когда мне дозволено писать раз в месяц на одном листе и только родственникам. Получать я могу тоже исключительно от

родственников, так что Эрнст вынужден ютиться приписками к письмам моей матери. Даже бандеролей с обратным адресом моей матери не пропускали, если он был надписан рукой Орловского - так он был известен администрации тюрьмы! Ведь он не ограничивался перепиской о мной, он включил в круг адресатов и Трофимова, и Синкевича, и других борькиных знакомцев, а Синкевич попал на Владимир за два года до меня, и мы с ним частично пересеклись там. Эрнст оказывал услуги и моим вихоревским сокамерникам, например, разыскал для Папилова адрес его матери и наладил между ними переписку. Писать он продолжал упорно, но тематика помаленьку менялась. Во-первых, из-за гонений на него по местам служб, а во-вторых, из-за вхождения в его жизнь Эроса.

К гонениям он пришел так. На "Полиграфмаше" поначалу все шло хорошо. Его ценили, и знания его использовали нешаблонно. Так, когда приехала группа шведских экспертов, ему поручили сопровождать ее по городу день или два. Но постепенно отношения ухудшались. Ведь он задает слишком много вопросов: то, как полагается экипировать служащих, направляемых в колхоз (а четверть века спустя прочел в "Известиях", что КЗоТ безмолствует по вопросу о направлении в колхоз инженеров), то - на лекции по международному положению. То он высказывает сомнения в правильности ОГУЛЬНОГО взятия на поруки воров, прокатившегося после того, как Хрущев обнимался с одним раскаявшимся вором. То вот на заводе устроили митинг единодушного одобрения действий советского правительства в связи с высадкой американских войск в многострадальном Ливане. В резолюции, в частности, фигурировали пугающие слова:

"Сегодня, когда над миром нависла угроза третьей мировой войны, мы еще теснее сплотимся вокруг нашей партии, ее ЦК и советского правительства" (июль 1958).

Орловский просто не поднял руки, и его воздержания "не заметили". Он же в частных беседах, будь то при одном или двадцати одном слушателях, не понижая голоса, настаивал, что никакой угрозы войны из-за Ливана быть не может, и он ничего не имеет против этой резолюции, согласен сплачиваться, если грозящие слова о войне уберут из текста. Ретроспективно он прав, конечно, никакою войною и не пахло. Из опубликованных с тех пор документов известно, что Эйзенхауэр и не помышлял по этому поводу не то что мировую войну развязывать, но даже региональную. Но правоту Орловского почему-то не смогла оценить тогдашняя заводская парторганизация. Впрочем аргументов против доводов Орловского парторги не находили. Просто отношения портились. Какой-то умник на заводе - подстать Орловскому законник - стал грозить ему увольнением "по требованию профсоюза" (ст.49 КЗоТ). И когда 17 мая 1960 года "все трудящиеся" одобряли срыв Хрущевым парижской встречи с Эйзенхауэром[51], Орловский уже не молча воздержался, а потребовал, чтобы его воздержание зафиксировали в протоколе. Разразился скандал. Он настаивал. Через несколько дней

[51] Ïåðåä òåì Õðóùåâ ïîïåçíî âñòðå÷àëñÿ ñ Ýéçåíõàóýðîì â ÑØÀ, è áûë íàçíà÷åí îòâåòñòâåííûì çà ïðîâåäåíèå âèçèò ïðåçèäåíòà â ÑÑÑÐ. Î íåì ìíîãî òðóáèëè, íî èñïóãàëèñü, ÷òî ïðîâàëèòñÿ åùå áîëüøåå ëèêîâàíèå, íåæåëè ïðè ïðèåçäå Òèòî â ÑÑÑÐ ëåòî 1956 ãîäà. Ôîðìàëüíûì ïîâîäîì ñðûâà ïàðèæñêîé âñòðå÷è áûë ïîëåò Ïàóýðñà.

его стали исключать из профсоюза за "совершение антигосударственных действий" и выгонять с работы по названной статье, предусмотренной для увольнения штрейкбрехеров[52]. Орловский затеял переписку с ЦК ВЦСПС, его оставили на заводе с минимальной зарплатой, из профсоюза исключили, взносы спорадически то брали, то отказывались принимать, а в мае 1961 года уволили "по сокращению штатов". Он сразу же устроился даже на большую зарплату на "Красногвардеец" в Бюро технической информации, но уже в июле его стали просить "уходить по-хорошему". В сентябре ему объявили выговор за минутное (буквально ОДНА минута, так и зафиксировано в акте) опоздание - сразу СТРОГИЙ и С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ ОБ УВОЛЬНЕНИИ. Он лихорадочно искал другую работу, устроился в январе 1962 года в Патентный отдел ВНИИНефтехима, страшно далеко от дома, но через две недели его уволили "как не выдержавшего испытательного срока". Он обжаловал по суду, результат был нулевым. До сентября он промучился-промыкался переводами-халтурками. В результате он три с половиной года не был в отпуске - не считать же "отпуском" безработицу. Измотался. Пошли нервные заболевания - паралич лицевого нерва и т.п. В этой связи он превосходно рисует в письмах систему, именующуюся "системой здравоохранения" - со всей свежестью восприятия. Тем временем дома обострились отношения: брат Клим женился и его жена Галя стала намекать, что следовало бы Эрнсту отдать свою 23-метровую комнату им, семейным, обреченными жить в 16-метровой. Тут еще подвернулась Виля Шрифтейлик, которая из христианских побуждений подзуживала Эрнста к такому самопожертвованию, но я рявкнул: "Пошли Вилю к черту!", - а Галю он и сам был готов послать, и, поддержанный мною, Эрнст сохранил свою площадь для книг. Была морока с разделением лицевого счета через суд, не было денег платить за квартиру. И не хватало родной души, на которую можно было бы опереться. На новой работе - по патентам - возникли трудности с допуском, в профсоюзе он не восстанавливался. Еще в то же время Орловский многократно обращался к Хрущеву: как, мол, тому не стыдно лгать, будто бы у нас нет политических заключенных? А Пименов? А Вербловская? А прочие из вышецитированного списка? Примечательно, что Орловского все же не посадили - он умел облекать свои мысли в точные, не перехлестывающие грань, формулировки. Было еще множество подобных обращений, предвосхищавших деятельность подписантов. Про все эти крупные и мелкие события, как всегда не градуируя их, он и писал мне на обороте материных писем.

В эту "диссидентскую" жизнь вторгалась "жизнь личная". Мы, люди, "умом громам повелеваем", а "телом в прахе изнываем". И самое дерзкое "Я Бог" сопровождается у Державина уничижительной антитезой "Я червь". Из соображений ханжества, из соображений отсутствия достоверной информации о "червеобразной" стороне жизни исторических деятелей, историки обычно обедняют портреты общественных героев. Счастьем-удачей для историков должно быть наличие таких возвышенных и бесстрашных людей как Орловский, чью плотскую жизнь можно достоверно реконструировать, опираясь

[52] Äëÿ íåãðàìîòíûõ â XXV âåêå ïîÿñíÿ, ÷òî øòðàéêáðåõåðàìè íàçûâàëèñü âî âðåìÿ îíî ðàáî÷èå, ñðûâàþùèå çàáàñòîâêó, ïðîâîäèìóþ ïðîôñîþçîì ïðîòèâ íà÷àëüñòâà.

на бесспорные свидетельства многочисленных посторонних лиц. Ведь о своих сердечных и постельных делах он трубил так же громко, как об общественной деятельности, о патентоведении и о кодексах.

Как я бегло упоминал в §6 гл.1 и как подробнее задержался в §10 гл.4, Орловский "на каждом перекрестке" рассказывал и обсуждал сексуальные дела своих знакомых, лишь только они оказывались ему известными. Ведь, как я настаиваю, Эрнст жил в мире правовых фикций, для него важны были ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ, ПРАВИЛА, ПРИНЦИПЫ. Близорукий - в буквальном смысле слова, ибо он носил сильные очки, которые с 1945 по 1960 не менял, они исцарапались, да и были вредными для глаз, поскольку двояковыпуклые, - он не видел выражений лиц, глаз, движений пальцев, игры мускулов икр или бедер. В импринтинговый период своего бытия он не выработал в себе умения "охватывать" человека по этим нюансам движений. Будучи девственным, он наблюдал, как женятся (или сходятся без регистрации) один за другим его приятели, и жаждал и тут уловить формулируемые словами ЗАКОНЫ. Что здесь "законы" диктуются касаниями и интонациями, а не словесно, что внезапная хриплость голоса или скованность движений значит больше самых неопровергаемых силлогизмов, он не мог знать, да и сейчас, прочтя это, не поверил бы мне. И вот он сначала обсуждал известные ему эпизоды из быта своих знакомых:

"Орущий огорчил меня тем, что все эти годы не закрывая рта орет о тебе. Орет обо всем на свете, не считая нужным делать секрет даже из самого интимного. Т.ч. ты весь (в самом искаженном виде) - достояние широчайшей гласности, даже твои отношения с...

Объяснять ему, чтобы он заткнулся, бесполезно. Он не умеет. При всей моей симпатии к нему, дружбу с ним вести не буду." (23.04.62)

Эрнст при всей его доброй хорошей душе отталкивает своей болтливостью и бестактностью. Ты скажешь, что ведь не это в нем главное. Согласна. Но общение с ним мне не доставляет приятного. А потому я при внутреннем хорошем к нему отношении (доброжелательном) не поддерживаю с ним отношений" (11.11.62)

Подобная реакция на него учила его. И к 1968 он стал заметно сдержаннее. Одновременно стал забывать, как он вел себя в 1958. Стал искренне думать, будто бы всегда хранил альковные тайны.

Эрнст неоднократно просил меня высказать мое мнение о женщинах. Я - не ссылаясь на личный опыт - сделал "тенденциозную подборку" из мировой литературы, послал ему, запретив показывать это письмо ЖЕНЩИНАМ. Полгода-год спустя он известил меня, что дал прочесть его двум женщинам, одна мол согласилась "с твоим мнением", другая - нет. Лежала у него пачка моих писем, в том числе такие, которые я категорически и эксплицитно запретил показывать определенному лицу. Но вот сие лицо пришло к нему, и Эрнст не воспрепятствовал тому, что оно взяло эту пачку и стало читать "забравшись с ногами на мою кровать и посмеиваясь". При это он внутренне был всегда твердо убежден, что он, дескать, никогда не разглашает чужих тайн:

"... об этом он просит никому не говорить. А такое пожелание отправителя я, как я уже писал, во всех случаях считаю для себя обязательным." (26.07.58)

Потом он пустился обсуждать новые для него собственные переживания:

"Мне так надоели поддразнивания со всех сторон, что мол до 31 года, а все еще мальчик, что поддался одной особе, хотя с ней мне и очень скучно. Но это оказалось настолько глупо и неинтересно, что вряд ли я к ней еще пойду, хотя она меня и зовет, звонит. А нравится мне по-настоящему лишь один человек, которого ты знаешь. Но я ей, очевидно, не нужен. Ара же мне время от времени пишет, что де, меня не забыла и т.д. Но что я могу ей ответить, если я ее почти и не вспоминаю." (29.05.60)

Но пошел и во второй, и в четвертый раз, пропуская ради этого встречу с важным и интересным для него лицом. А потом:

"Одно время очень часто стала заходить Марина. Мои домашние почему-то считают ее уродкой и дурой. Это конечно далеко не так. С ней по крайней мере интересно разговаривать. А в остальном вряд ли интереснее с ней, чем с той, о к-рой я тебе писал в прошлом году. Я не решился бы на ней жениться потому, что ее поведение совершенно непредсказуемо. Конечно, это, кажется, свойство, отличающее человека от машины, но все же в каких-то границах. А она может исчезнуть без всякого объяснения. А через полгода окажется, что она в Жданове или во Владивостоке, а может быть - на Южном полюсе. Ей надо такого мужа, к-рому она бы полностью подчинялась." (18.05.61)

Его же угораздило влюбиться в Ирму Кудрову, которая была занята совсем иной любовью. Он ей был смешон. А его трогательно-беспомощные и бестактные письма к ней и читать невозможно без физического ощущения неловкости.

"Личные мои дела все в том же плачевном положении. Видимо, дело в недостатке у меня "лирики", к-рый, как я уже писал, мешает мне даже в работе. Я-то знаю, на ком я хотел бы жениться. Но у меня все время такое ощущение, будто я все говорю и делаю как-то не так. Будто чуть-чуть иначе, и все было бы так, как я хочу. Но в результате я начинаю говорить и делать совсем глупости. И полгода уже совсем ее не видел.

На-днях на неделю приезжала Ара в командировку с сыном. Большой уже парень - 11 лет - и хороший. Похоже, что она и сейчас еще согласилась бы за меня выйти. И она мне нравится больше очень многих. Если бы по логике жениться, то, пожалуй, стоило б именно на ней. Но из женитьбы "по логике" вряд ли что хорошее может выйти. Да и неловко, пожалуй, ежели жена зарабатывает больше мужа." (декабрь 1961)

Ему неудержимо требовалось рассуждать и обговаривать:

"Эрнст умоляет научить его, как жениться" (13.04.62).

Потом он шлет Ире письмо на 6 листах о своей интимной жизни. Пару месяцев спустя - опять:

"Получила вчера еще одно письмо от Эрнста, все про свои любовные дела. Преуморительное ... Привожу его очень понятные мне рассуждения в связи с одной особой (не Ирмой), на которой он, было, подумывал жениться.

"Известно, что она имеет не одного любовника. Но если б я полюбил по-настоящему, то мне было бы плевать на все, лишь бы она меня тоже любила. ... Впрочем, если я не люблю, то мне тем более плевать на ее любовников."

Написал веселую историю, как его "обгуляла" одна особочка. Ну чистейшая оперетта!" (10.05.63)

"К Аре ездил - она живет недалеко от Бронниц. Говорит, вышла замуж, но мужа я не видел. Но она как-то странно говорит - вроде она в любой момент от мужа согласна уйти." (02.62)

с Арой закончилось буффонадой:

"Уважаемый, Револьт!

Орловскому повезло, что он был в Москве, как сказал его брат, иначе я наверняка свернул бы ему шею. Я предупреждал его, чтобы он оставил в покое мою жену... Он был доволен моим корректным предупреждением. Теперь этого не будет.... Все эти до востребования и телеграммы за чужой подписью, это удел жалкого подлеца, а с подлецами по подлому поступают. Можете передать ему, что я пойду на ВСЕ, чтобы оградить свою семью от таких, как Орловский. ... Хотел якобы жениться на моей жене (но, что самое удивительное, после того, как мы поженились)....

Юлий." (28.12.63)

А с Ирмой - насмешливой отставкой:

"... было сказано, что я веду себя, как 15-летний школьник и слишком подобострастно отношусь к женщинам, а после того меня просто выгнали. И попытки как-то восстановить отношения ни к чему не привели..." (май 1963)

Так вот и шла жизнь Эрнста Семеновича Орловского - во всех измерениях. См. также §20. А я его любил и любить продолжаю.

§10. Приключения Бориса Вайля

Второй срок Вайля; моя прикосновенность; приговор; общительность Бориса; о мемуарах Б.Вайля

Борька Вайль чуть было не посадил меня еще раз. Не умышленно, упаси бог, невзначай! Этапировали его из Ленинграда 14 апреля, после Иры. Как и меня, направили его не в мягкий мордовский лагерь, а подальше в Озерлаг, где даже на общем режиме зачеты почти не начислялись, так что досрочное освобождение мало кому светило. Ира проторчала в Свердловске шесть суток, так что Борис нагнал ее, и потом они, с краткой остановкой 23 апреля на Новосибирской пересылке, вместе "путешествовали" до Мариинска, откуда его повезли дальше, до Тайшета. Оттуда - на Чуну[53]. Там он сходу пустился "делать доклады" и "читать лекции" о современном состоянии освободительного движения в Ленинграде. Поведать он мог много о чем: о нашем деле; о деле Трофимова - Тельникова со слов самого Трофимова; о деле Лени Тарасюка; о деле Дмитриева; да и о более ранних Красильникове, Красовской, Гидони - все околоуниверситетская молодежь. Ну, он и рассказывал! А собиравшиеся слушатели, оказывается, были сорганизованы: они числили себя некоей организацией, в которой для удобства были поделены "министерства". Ну и как это часто бывает, ихний "министр безопасности" Мещеряков служил стукачом, так что "госбезопасность" сорвала сей плод, едва лишь он налился румянцем. Их арестовали в сентябре 1958 года и заперли в шизо, ставший исполнять обязанности следственного, а не штрафного изолятора. Подробности можно прочесть в "Особо опасном" Б.Б.Вайля, а также в приводимом ниже приговоре, отсутствующем в книге Вайля, и я их не повторяю.

Я сам оказался на Вихоревке в сентябре, и довольно скоро получил сведения - сначала расплывчатые слухи, потом все уточняющуюся информацию - о новом аресте Вайля. Я был тогда на одиннадцатом, общем, и довольно легко мог отправлять письма, минуя цензуру. В нескольких письмах таких - дублируя для надежности - я известил ленинградских друзей о случившемся. Примерно в таких терминах:

"Новое дело на Чуне. Загремели:
Синкевич Олег Львович (он же Эдик), 1938, 6 классов, бытовик в "10" пункте.
Луков Георгий, 1927, столяр, "8" пункт.
Бернадский Сергей Викторович, 1932, университет, "10".
Вайль Борис Борисович,
Муха Михаил Александрович, 1935, 8 кл., быт., "10".
Кононов, примерно 1940, юрист III класса, "10".
Связным был Куратов Владимир, 1935, без образования, бытовик, "10".
Кроме того, по тому же делу:
Ржаницына Лариса и Козлов."

[53] Ðàçìåùåíèå ñòàíöèé íà ó÷àñòêå Òàéøåò - Áðàòñê ñì.â §8.

Мое послание содержало ошибки, видимые простым сличением с текстом приговора. Я не отличал свидетелей от обвиняемых. Ржаницыну - сестру Леонида - звали не Лариса, а Вера (позже она попала в один лагерь с Ирой Вербловской и оттуда по 2/3 освободилась осенью 1959 года. Ира безапелляционно называла ее стукачкой). Но в основном мое "донесение" содержало верную информацию. Одно из моих писем "сгорело" - не знаю уж: тут ли в Вихоревке или в Ленинграде. Оперативники всполошились быстрой утечкой точной информации. Заподозрили мою "органическую связь" с этим делом, не возглавлял ли на самом деле сию организацию? Не "островок" ли она в целом "архипелаге" таких же организаций, руководимых мною?! Словом, к тому времени, как меня перебросили на спец на Анзёбу, следственно-оперативные органы уже во всю раскручивали вопрос: не привлечь ли меня. И под новый год, 31 декабря 1958 года дернули-таки меня в следственную тюрьму, в Иркутск ("на красный корпус").

Тем временем капитан Дубянский, ведший в Иркутске следствие, вдруг передал Вайлю "привет от Рогова", предъявил упоминавшиеся мною в §15 гл.1 листовки от имени "Комитета спасения России" и предложил:

- Чего уж там тянуть. Сознавайтесь, что ваши. Пименов уже сознался.

- Сознался? Чудесно! Давайте его сюда на очную ставку. Я с удовольствием с ним поболтаю!

То ли от такой позиции Вайля, то ли из-за того, что срок следствия уже истек, но меня продержали там всего с десяток дней (с 4 по 14 января). Один-единственный раз вызвали на допрос, а затем этапировали назад на Анзёбу. Дубянскому на его вопрос, откуда сведения, содержавшиеся в перехваченном моем письме, я чистосердечно объяснил, что слышал разговор двух неизвестных лиц за дверью. Я их не видел и не знаю даже, заключенные они или вольные, конвой или администрация. Но, по голосам судя, мужчины. Очной ставки мне не дали, и я не только не повидался с Борисом в этот приезд, но даже записочкой не обменялся. С кой-какими его подельниками и свидетелями виделся. В частности, со Швейником, которого так обидел лет через десять тем, что не вмиг узнал его у кого-то в гостях. Так эти листовки Комитета Спасения России остались бесхозными.

Лихость Вайля не ведала границ. Сидя уже под следствием, он продолжал разбрасывать листовки, спуская их в щель воронка, которым его возили из тюрьмы в следственное управление (в Иркутске они разделены значительным расстоянием). Эти рукописные листовки, начинавшиеся обращением: "Товарищ! Оглянись вокруг...", - наделали хлопот УКГБ по ИО, искавшему авторов повсюду, только не у себя под носом. Лишь когда сокамерник Вайля бытовик Попов проболтался, тогда нашли. Вайлю добавился еще один эпизод в приговор.

"Именем ... марта 23-26 дня 1959 года Судебная коллегия по уголовным делам Иркутского областного суда в составе:

председательствующего Алексеевой

народных заседателей Тюкель и Козлова

с участием прокурора Недоросткова

от защиты отказались

при секретаре Морозовой

рассмотрев в закрытом судебном заседании в гор.Иркутске дело по обвинению:

СИНКЕВИЧА Олега Львовича, 1937 года рождения, по происхождению из служащих гор.Ленинграда, русский, беспартийный, окончил 6 классов, судимый в 1953 по Указу от 4.VI.47 к 5 годам ИТЛ, в 1956 году Кировским облсудом судим по 58-10 ч.1 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ, определением Верхсуда наказание снижено до 5 лет лишения свободы, отбывал наказание в Озерном УИТЛ[54],

ЛУКОВ Георгий Матвеевич, 1928 года рождения, по происхождению из служащих гор.Ленинграда, русский, беспартийный, окончил 8 классов, судимый в 1945 году Военным трибуналом Ленинградского военного округа на ст.193-7 п."г", 193-15, 162 п."г" УК на 6 лет лишения свободы, вторично судим Военным трибуналом Ленинградского военного округа по ст.58-1а УК на десять лет лишения свободы, наказание отбывал в Озерном ИТЛ,

МУХА Михаил Александрович, 1935 года рождения, уроженец гор.Киева, по национальности украинец, беспартийный, окончил 8 классов, судим в 1953 году по Указу от 4.VI.47 к 10 годам ИТЛ, в 1956 году судим постоянной сессией Краслага по ст.58 IV 20 ч.1 УК к 10 годам лишения свободы, отбывал наказание в Озерном ИТЛ.

РЖАНИЦЫН Леонид Васильевич, 1932 года рождения, уроженец гор.Чимкента Южно-Казахстанской области, русский, имеет среднее образование, беспартийный, судим в 1957 году Алма-Атинским облсудом по ст.58-10 ч.1 УК к пяти годам лишения свободы, отбывал наказание в Озерном ИТЛ,

ВАЙЛЬ Борис...

МЕЩЕРЯКОВ Борис Петрович, 1935 года рождения, уроженец гор.Куйбышева, русский, беспартийный, окончил 6 классов, судим в 1953 по Указу от 4.VI.47, в 1954 году по ст.193-7 УК и в 1957 по ст.58-10 ч.1 УК к 5 годам лишения свободы, наказание отбывал в Озерном ИТЛ,

преданы суду Синкевич, Луков, Ржаницын, Вайль, Мещеряков по ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК, Муха по ст.58-10 ч.1, 58-11 и 19-59-9 УК РСФСР.

Проведя судебное следствие, судебная коллегия УСТАНОВИЛА:

Подсудимые Синкевич, Муха, Ржаницын, Мещеряков, Луков и Вайль отбывали меру наказания по предыдущим приговорам в Озерном ИТЛ, встречались между собой на разных лагпунктах и вели разговоры между собой. Установив, что все они имеют одинаковое враждебное отношение к существующему экономическому и политическому строю в СССР, весной 1958 решили объединиться для совместной борьбы против существующего строя в СССР.

Весной 1953 года на 019 лагпункте сосредоточились Синкевич, Луков, Мещеряков и Муха, где имели связь с Синкевичем, который проводил работу по созданию организации. В начале мая все четверо собрались после отбоя в зоне в библиотеку, где Муха был библиотекарем, договорились между собой о создании ядра контрреволюционной организации. Синкевич был избран секретарем

---

[54] Óêàç 04.06.47 - íîâîå äðàêîíîâî ïîäòâåðæäåíèå Óêàçà "çà êîëîñêè", ôîðìàëüíî "çà õèùåíèÿ". Ñò.193-7 "ã" - äåçåðòèðñòâî, ñò.193-15 - íàðóøåíèå ïðàâèë êàðàóëüíîé ñëóæáû, ñò.162 "ã" - êðàæà èç âîñ.ñêëàäà.

и начальником политического отдела, Муха - начальником отдела связи, Мещеряков - отдел безопасности и Луков - организационный отдел. Здесь же договорились такие сборища-оперативки проводить каждую субботу и вести работу по вербовке новых членов антисоветской организации.

На последующей оперативке каждый участник организации присвоил себе кличку. Синкевич - "Малыш", Луков - "Дед", Муха - "Атом", Мещеряков - "Дядя".

На следующую оперативку был приглашен Вайль, который ознаменовал свое вступление в организацию сообщением "Из жизни ленинградского общества", содержащим извращенные данные о советской действительности. Присвоил себе кличку "Чех". На этой оперативке все пятеро договорились о написании Устава их организации, назвав ее Гражданский Союз (ГРАСО), и клятвы. В конце мая вновь собрались Синкевич, Муха, Луков, Мещеряков и Вайль, обсуждали представленный Синкевичем, устав ГРАСО, но в силу разногласий возникших по двум вопросам - это по вопросу объединения с другими группами и вопросу методов борьбы против существующего строя, устав принят не был.

Помимо создания организации по борьбе с существующим строем и активным участием в обсуждении вопросов практической враждебной деятельности, каждый из участников данной группы совершил следующие преступные действия:

СИНКЕВИЧ являлся создателем антисоветской организации ГРАСО, лично написал устав ГРАСО, обсуждал его с членами организации и привлекал других лиц содержащихся в Озерном ИТЛ, изготовлял, хранил и распространял другие документы антисоветского содержания, вел работу по вовлечению других лиц в свою антисоветскую деятельность, поддерживал с ними письменную связь, знакомил с шифром, вел переписку зашифрованным порядком, содержащую указания по борьбе с существующим строем, принимал участие в приобретении запрещенной в лагерях радиоаппаратуры.

ЛУКОВ помимо активной работы по созданию антисоветской организации и работы в ней начальником организационного отдела в последнее время секретарем, написал текст клятвы членов организации, вел работу по вовлечению новых членов организации, пользовался шифром при переписке с другими единомышленниками, хранил у себя черновые записи устава-программы, написанной Вайлем, на оперативках организации активно высказывался о проведение диверсии и террористических актов,

МУХА помимо активного участия в работе организации написал текст клятвы и удостоверения члена организации, обучал шифру других единомышленников, шифровал записки и документы, содержащие антисоветские высказывания против борьбы с существующим строем[55], изготовлял листовки антисоветского содержания, устанавливал связь между членами организации и другими лицами, враждебно настроенными к советской власти, приобрел два радиоприемника с целью проведения антисоветской агитации как среди заключенных, так и среди жителей поселка Чуна. Будучи сторонником диверсии, показывал применение простейших взрывов с помощью разных химических соединений, вел агитацию на

[55] Â òîé êîïèè, ñ êîòîðîé ÿ ïåðåïå÷àòûâàþ, ïîìåòêà: "Áóêâàëüíî òàê â îðèãèíàëå".

совершение поджога "ДОКа" и т.д. хранил рецепты взрывчатых веществ.

ВАЙЛЬ, прибыв для отбытия наказания на 019 лагпункт сразу же вступил в преступную антисоветскую связь с Синкевичем, в мае вступил в организацию по борьбе с существующим строем в СССР, активно принимал участие в обсуждении устава ГРАСО, работал в помощь Мухе по шифровке документов антисоветского содержания, так им было зашифровано написанное им же сообщение "Из жизни ленинградского общества", расшифровывал поступающие записки от других членов организации, написал программу-устав контрреволюционной организации, а будучи доставленным в Иркутскую тюрьму № 1 в связи с данным делом, Вайль, совместно с заключенным Поповым написал листовки антисоветского содержания, в которых извращал советскую действительность и призывал к борьбе с Советским правительством и ЦК КПСС.

МЕЩЕРЯКОВ за период конца апреля и в мае 1958 года вел активную работу в организации ГРАСО, обсуждал устав ГРАСО, клятву, о работе и безопасности организации, а в конце мая, убедившись в несостоятельности этой организации, стал принимать меры к ее развалу с тем, чтобы вывести из организации Синкевича, нарушающего конспирацию, а позднее прекратил всякую антисоветскую деятельность и написал заявление в КГБ.

РЖАНИЦЫН осенью 1957 года установил связь с Синкевичем, и договорились вести совместную антисоветскую деятельность, но Синкевич был переброшен на другой лагпункт, тогда, договорившись связь поддерживать через жену Ржаницына - Ржаницыну Ларису и договорившись о шифре, которым будут пользоваться, изготовил и хранил, распространял листовки, письма антисоветского содержания, с клеветой на советскую действительность, извращал политику партии и правительства, допускал злобные выпады в отношении руководителей ЦК КПСС и Советского Правительства. Распространял среди заключенных антисоветские измышления. Вел переписку с Синкевичем, в которой получал от Синкевича указания о создании группировки, начальником которой, от имени организации, назначался он, Ржаницын.

Вся преступная деятельность Синкевича, Мухи, Ржаницына, Лукова, Мещерякова продолжалась весной 1958 года, захватывая Синкевича, Лукова, Ржаницына осень 1957 года, Вайль с мая 1958 и продолжалась в тюрьме будучи доставлен туда по настоящему делу[56].

Свою вину в предъявленном обвинении все подсудимые кроме Мещерякова признают, отрицая ее антисоветский характер и утверждая, что они против существующего экономического и политического строя СССР. Мещеряков свою вину признал, но утверждает, что убедившись в несостоятельности их борьбы отказался от нее и принял меры развала организации.

Судебная коллегия считает, что вина подсудимых Синкевича, Лукова, Вайля, Ржаницына полностью доказана признанием всех фактов предъявленного обвинения этими подсудимыми, показаниями Мещерякова и Мухи, показаниями свидетелей Куратова, Бернадского, Зимнухова, Синякина и других, которые подтвердили отдельные антисоветские действия Синкевича, Вайля, Лукова,

[56] Ñíîâà ïîìåòêà: "Áóêâàëüíî òàê â îðèãèíàëå".

Ржаницына. Вина их подтверждается изъятыми документами графической экспертизой. Действия Синкевича, Лукова, Вайля, Ржаницына правильно квалифицированы ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК, хотя Ржаницын и отрицал свое участие в организации, но он имел связь и договоренность о совместной работе с Синкевичем, почему его действия правильно квалифицированы ст.58-11 УК.

Вина Мухи подтверждена частичным признанием своей вины Мухи, показаниями подсудимых Синкевича, Лукова, Вайля, Мещерякова, изъятыми вещественными доказательствами, заключениями графической экспертизы, показаниями свидетелей Зимнухова, Синякина, Куратова. Действия Мухи правильно квалифицированы ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР, однако судебная коллегия считает, что ст.19 - 58-9 подлежит исключению из обвинения Мухи, т.к. установлено по делу, Муха предлагал и призывал к совершению диверсии, но никаких приготовлений к совершению таковых не имел, наличие рецептов взрывчатых веществ к подготовке диверсии отнести нельзя, а призыв к совершению диверсии должен войти в состав преступления, предусмотренный ст.58-10 ч.1 УК РСФСР.

Вина Мещерякова в совершении преступления, предусмотренного ст.58-10 ч.1 УК РСФСР подтверждена признанием своей вины Мещерякова показаниями подсудимых Синкевича, Лукова, Вайля, Мухи, показаниями свидетелей Малого, Синкина, Зимнухова, двум последним Мещеряков давал задания антисоветской деятельности по выходу на волю. Установление факта прекращения своей антисоветской деятельности и разоблачения организации может только влиять на определение меры наказания.

На основании изложенного и учитывая степень вины каждого подсудимого в совершенном преступлении...

ПРИГОВОРИЛА:

СИНКЕВИЧА Олега Львовича, ЛУКОВА Георгия Матвеевича, МУХИ Михаила Александровича по ст.58-10 и 58-11 УК РСФСР подвергнуть десяти годам лишения свободы.

Поглотив настоящим приговором неотбытую меру наказания по приговору Кировского облсуда от февраля 1956 года в отношении Синкевича, Военного трибунала ленинградского военного округа от 1954 года в отношении Лукова, постоянной сессии Крайсуда Красноярского края от 1956 года в отношении Мухи, исчислять наказание всем трем по настоящему приговору с 26 марта 1959 года и в соответствии ст ст.20 УПК[57]. Примечания: первые три года в виде тюремного заключения с отбытием в тюрьме. Из обвинения Мухи ст.19 - 58-9 УК исключить, эти действия считать квалифицированными по ст.58-10 ч.1 УК.

РЖАНИЦЫНА Леонида Васильевича на основании ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР подвергнуть семи годам лишения свободы с отбытием первого года в соответствии ст ст.20 УК в тюрьме. Предыдущий приговор Алма-Атинского облсуда от 12 июня 1957 года поглотить настоящим.

Отбытие наказания по настоящему приговору исчислять с 26 марта 1959 года.

ВАЙЛЯ Бориса Борисовича на основании ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР подвергнуть семи годам лишения свободы, исчисляя срок

[57] "ÓÏÊ" âìåñòî "ÓÊ" - â îðèãèíàëå. Â ñëåäóþùåì àáçàöå - ïðàâèëüíî.

наказания с 26 марта 1959, поглотив настоящим приговор Ленинградского горсуда о февраля 1958 года.

МЕЩЕРЯКОВА Бориса Петровича на основании ст.58-10 ч.1 и 58-11 УК подвергнуть четырем годам лишения свободы с исчислением срока наказания с 26 марта 1959 года, поглотив настоящим приговором неотбытую меру наказания по приговору Верхсуда Якутской АССР 1957 года.

Вещественные доказательства как не имеющие ценность по делу - уничтожить.

Меру пресечения всем осужденным оставить прежнюю - содержание под стражей в иркутской тюрьме № 1.

Приговор может быть обжалован в Верховный суд РСФСР в 72 часа с момента вручения копии приговора осужденным.

Председательствующий: Авдеева[58]

Народные заседатели: Тюкель и Козлова

Копия верна: Морозова."

Итак, Вайлю суммарно выходило 9 лет, с марта 1959 года считая (а у меня было 10 - с марта 1957 года считая). Еще во время второго процесса он делился с Игорем предчувствием:

- Вот сегодня нас окружает человеческое тепло и сочувствие. А я боюсь, я уверен, что, когда меня будут судить следующий раз, я буду одинок и никому не нужен.

- Неужели ты рассчитываешь сесть еще раз?! - испуганно и недоуменно вопросил Заславский.

- Да уж такое у меня предчувствие...

Оно не обмануло Бориса. Не только никаких сочувственных зрителей не было на этом третьем в его жизни судоговорении, не только выяснилось, что товарищ по организации Мещеряков давно работал против товарищей (и тем не менее суд фактически добавил ему полгода сроку!), но мерзко, спасая свою шкуру, выдавая и оговаривая других, вели себя свидетели Бернадский, Ржаницына и другие[59]. [...]

Но Борис не унывал. Даже то, что его девушка - Тамара Ходасевич, с которой он учился в Библиотечном институте, которая потом принесла передачу и пришла на суд - уже летом 1958 года известила его, что выходит замуж за другого, не могло погрузить его в меланхолию. Он по-прежнему возил по этапам свои волосы, те, что у него срезали при водворении в лагерь. Длинные с золотистым отливом кудри. Бережно хранил, демонстрировал, отстаивал при шмонах и развивал многословную теорию необходимости их сохранения. Летом-осенью 1959 года он посредством "Комсомольской правды" умудрился завести переписку с неведомой до того ему жительницей Смоленщины Людмилой Алексеевной Васильевой. Они так полюбили друг друга, что она стала ждать его до 1965 года (пару раз повидав его на краткосрочном свидании), когда они поженились

---

[58] Íåñîîòâåòñòâèå ôàìèëèè ïðåäñåäàòåëüñòâóþùåãî - â íà÷àëå "Ìåùåñêîâà", à â êîíöå "Àâäååâà" - òàê â îðèãèíàëå. Óíè÷òîæåíèå âåùåñòâåííûõ äîêàçàòåëüñòâ âîïîëå ýòîãî íåãðàìîòíîãî äîêóìåíòà.

[59] Â ñâîèõ âîñïîìèíàíèÿõ Áîðèñ Âàéëü ðèñóåò äóõîâíé, ïðèâëåêàòåëüíûé îáðàç Áåðíàäñêîãî. ß ëè÷íî ñ Áåðíàäñêèì íå áûë çíàêîì, ïèøó íà îñíîâàíèè îòçûâîâ î íåì â òîãäàøíèõ ïèñüìàõ Âàéëÿ, Âåðáëîâñêîé, Îëüâîâñêîãî è óñòíûõ îòçûâîâ àâòîðèòåòíûõ òîãäà äëÿ ìåíÿ ëèö. Âïðî÷åì, îáúåäèíÿÿ ïðèâëåêàòåëüíîå â Áåðíàäñêîì ñ íåïðèâëåêàòåëüíûì, ïîëó÷àøü áîëåå æèâîé è ïðàâäîïîäîáíûé ïîðòðåò. Òî æå íàñ÷åò Ðæàíèöûíé: ñâîå ìíåíèå î íåé ÿ ñîîáùèë â îñíîâíîì îò Âåðáëîâñêîé.

и живут вместе до сих пор, вот уж сколько лет как в Копенгагене. Но обо всем этом он писал сам.

Сначала Вайля продолжали держать в Озерлаге, тоже на Вихоревке, но не на спецу, не где я[60]. С одной из первых партий, перебрасывавшихся в Дубравлаг, его этапировали в Мордовию. В 1961 году, после введения эвания "особо опасный рецидивист" ("ООР"), ему присудили ООРа и водворили на особый режим, где на него напялили полосатку. Но Борис по-прежнему не унывал, всегда оставался бодрым, оптимистичным и очаровательным. С людьми сходился мгновенно. "Вся Мордовия" перезнакомилась с ним и все его любили. Вот два "плода" его общительности: стихотворение и список.

Стихотворение Михаила Красильникова, присланное мне и Ире Борисом и помогшее нам жить:

"С утра крутился снег намокший
И таял на плечах подолгу.
А где-то по соседству Мокша
Стремилась превратиться в Волгу.

Я видел этот снег когда-то,
И каждый штрих полузабытый
Подсказывал похожесть даты
И повторяемость событий.

Я видел этот снег намокший,
Таящий ветра терпкий запах,
Но та река была не Мокшей,
Но та река текла на запад.

... Декабрьский ветер снова дует,
Зажат мордовскими лесами.
Через кордоны лет иду я
Кривыми невскими мостами."

К слову, к 1960 году Красильников уже освободился и даже смог вернуться в Ленинград.

Вот составленный по моей просьбе в 1965 году Борисом по памяти список лиц, адреса которых он знал:

"1. Рачунас Пранас, 58-1а, 25 л. 385/1.
2. Горбовой, 58-1а, 25 л. ООО 385/5.
3. Курчик Николай, 58-1а, 25 л. 385/10, ООР.
4. Сорока Михаил Михайлович, 58-1а, 25 л. 385/11.
5. Кичак Игорь Осипович, 58-10, 10 л. 385/10, ООР.
6. Куралин Анатолий Васильевич, 58-1б, 58-8, 25 л. 385/10, ООР.
7. Митрейкин Вольт Константинович, 136, 20 л. 385/4.
8. Чемонин Владимир, 59-3, 58-2, 25 л. 385/10, ООР.
9. Давыденко Леонид Михайлович, 58-1б, 59-3, 25 л. 385/10 ООР.
10. Колесников Леонид, 58-10, Указ 2-2, 82, 25 л. 385/10, ООР.

---

[60] Îòìå÷ó ìîþ îøèáêó â ðåöåíçèè ("Ïàìÿòü" ¹1) íà êíèãó Øèôðèíà - Øèôðèí âñòðå÷àëñÿ ñ Âàéëåì â Âèõîðåâêå.

11. Осипов Владимир, 70, 72, 7 лет. 385/11 с 1961 "Измайловская группа"[61].

12. Бокштейн Илья, 70,72, 7 л. 385/11 с 1961 "Измайловская группа".

13. Кузнецов Эдуард, 70,72, 7 л. 385/7 с 1961 "Измайловская группа"[62].

14. Смирнов Геннадий, 58-10, 385/10, ООР.

15. Соловьев Сергей Дмитриевич, 58-1б, 82, 25 л. 385/10, ООР.

16. Кудрявцев Александр Федорович, 58-1б, 58-8, 58-10, 25 л., с 1955, 385/10, ООР.

17. Бестужев Петр Владимирович, 58-1б, 58-8, 58-10, 58-11, 25 л. 385/7.

18. Рафалович Адольф Вениаминович, 58-1а, 10 л. 385/7.

19. Рыбкин Ростислав, 58-1а, 10 л. с 1959, 385/7.

20. Репников Ростислав, 58-1а, 12 л. с 1959 385/11.

21. Тупицын Петр, 58-1а, Владимир, ООР.

22. Зайцев Виктор, 58-1б, 58-8, 25 л. с 1952 Владимир, ООР.

23. Балашев Виктор, 70, 72, с 1962 Владимир, ООР.

24. Кудрявцев Анатолий Никитич, 58-10, 10 л. 385/10, ООР.

25. Евграфов Николай, 58-10, Указ 2-2, 25 л. 358/10, ООР.

26. Ситко Леонид, 58-10, 8 л. с 1958 385/11[63].

27. Вайдекуров Юрий, 58-10, 58-1а, 15 л. 385/10, ООР.

28. Машков Юрий, 58-10, 58-11, 8 л. с 1958 385/11 или /7[64].

29. Костин Николай Петрович, 58-1а, конец срока 1970 385/11.

30. Новожицкий Андрей Иванович, 58-1а, 58-10, 10 л. 385/11."

Больше вспомнить не удалось.

Но, конечно, помнил он неизмеримо больше имен. Просто для моих тогдашних целей нужны были адреса, а не глобальный список, о чем я ныне жалею.

Несколько слов о мемуарах Вайля "Особо опасный". Прежде всего я рад, что он их написал, и скорблю, что их у меня изъяли 30 ноября 1982 года. В целом они мне нравятся. И общее впечатление от них - правдивость. Это не означает, что я согласен с его оценками - всеми, большинством или некоторыми. Но спорить здесь заочно с

---

[61] Íàèáîëå ïîëíóþ áèîãðàôèþ Â.Í.Îñèïîâà ñì.: Âåðõîâñêèé À.À., Ïàïï À.À., Ïðèáûëîâñêèé Â.Â. Ïîëèòè÷åñêèé ýêñòðåìèçì â Ðîññèè. Ì.: Ïàíîðàìà, 1996. Ññ.279-281. (-Èçä.)

[62] Êóçíåöîâ Ýäóàðä Ñàìóèëîâè÷. Ïðàâîçàùèòíèê, àêòèâèñò äâèæåíèÿ çà âûåçä åâðååâ èç ÑÑÑÐ. Ðîäèëñÿ 29 ÿíâàðÿ 1939 ãîäà. Â 1960-1961 ãîäàõ ñòóäåíò ôèëîñîôñêîãî òàêóëüòåòà ÌÃÓ. Ó÷àñòíèê ïîýòè÷åñêîõ ÷òåíèé "íà Ìàÿêîâñêîì. Â 1961 ãîäó îñóæäåí ïî äåëó Îñèïîâà-Êóçíåöîâà-Áîêøòåéíà-Êâàíîâà ïî ñò.70 ÓÊ ÐÑÔÑÐ íà 7 ëåò èàâåðñé. Íàõîäÿñü â çàêëþ÷åíèè, îñîçíàë ñåáÿ âåðóþùèì. Â 1970 ãîäó ïðåäïðèíÿë ïîïûòêó áåãñòâà â áîëüøóþ. Àðåñòîâàí â ñîñòàâå ãðóïïû èç 12 ÷åëîâåê â èþíå 1970 ãîäà çà ïîäãîòîâêó ê óãîíó ñàìîëåòà (ò.í. "äåëî ñàìîëåò÷èêîâ") äëÿ âûëåòà â Èçðàèëü è ïðèãîâîðåí â äåêàáðå 1970 ãîäà ê ñìåðòíîé êàçíè; êàññàöèîííóé ñóä çàìåíèë åå íà 15 ëåò ëèøåíèÿ ñâîáîäû â ÈÒÊ îñîáîãî ðåæèìà. Â 1973 ãîäó, íàõîäÿñü â çàêëþ÷åíèè, íàïèñàë äíåâíèê è ïåðåäàë åãî èç èäããàòîðà íà âîëþ. Äíåâíèê èçäàí íà Çàïàäå, ïðîíåñ àâòîðó èçâåñòíîñòü. 27 àïðåëÿ 1979 ãîäà Êóçíåöîâ áûë îñâîáîæäåí â ñîñòàâå ãðóïïû èç ïÿòè ñîâåòñêèõ ïîëèòçàêëþ÷åííûõ è âûñëàí èç ÑÑÑÐ. Â ýìèãðàöèè ñòàë ðóêîâîäèòåëåì ðóññêîé ñëóæáû "Ðàäèî Ñâîáîäà" è ÷ëåíîì ðåäêîëëåãèè æóðíàëà "Êîíòèíåíò".

Ïóáëèêàöèè Ý.Êóçíåöîâà: "Äíåâíèêè", Ïàðèæ, Les Editeurs Reunis, 1973; "Ìîðäîâñêèé ìàðàôîí", êíèãîòîâàðèùåñòâî "Ìîñêâà-Èåðóñàëèì", 1979. (-Èçä.)

[63] Î Áåñòóæåâå Ï.Â., Áîêøòåéíå È.Â. è Ñèòêî Ë.Ê. ñì.: Êîâàëü÷óê-Êîâàëü È.Ê. Ñâèäàíèå ñ ïàìÿòüþ (ïîä.ðåä.À.ß.Èñòîãèíé è Í.À.Ìèòðîõèíà)/Äîêóìåíòû ïî èñòîðèè äâèæåíèÿ èíàêîìûñëüùèõ. Âûï.5. Ì., 1996. Áåñòóæåâ (ñ.356), Áîêøòåéí (ñ.354), Ñèòêî (ññ.302-392). (-Èçä.)

[64] Î Ìàøêîâå Þ.Ò. è Ìàøêîâîé (Öåõìèñòåð) Â.Å. ñì.: Ìåìóàðû ðóññêèõ íàöèîíàëèñòîâ. /Äîêóìåíòû ïî èñòîðèè äâèæåíèÿ èíàêîìûñëüùèõ. Âûï.1. Ì., 1995. Ññ. 87, 175, 176-179, 194-223

ним? Переубеждать кого? Читателя XXV века? Не буду. Исправлю лишь его фактические ошибки, которых - насколько я могу судить - очень немного.

К стр.72. Мне не очень понятно, почему Вайль скрывает Невструева, названного в обвинительном заключении и в приговорах-определениях, за инициалами "С.В.", а Костю Данилова - за инициалами "Г.Д." Ведь вот Ю.Красовскую же он не укрывает, не щадит от "диффамации"! Но впрочем это расшифровать нетрудно и к ошибке не приведет, а вот читатель, знающий, что в нашем деле на следствии фигурировал свидетель Ронкин из Курска, может оказаться введенным в заблуждение, когда Борис бесспорно о нем, будущем художнике, пишет на стр. 72 "Валерия Р." На самом деле в обвинительном заключении указан И.Н.Ронкин. И с Валерием Ефимовичем Ронкиным из Ленинграда его путать не надо.

Б.Б.Вайль. Вена, октябрь 1977 г.

На стр.116 он пишет: "Родился Орловский в 1928... родители репрессированы в 1937". Нет. Эрнст Орловский родился в 1929 году, 21 мая. А в 1936 году арестована его мать, секретная сотрудница НКВД. Отец же его никогда не подвергался никаким репрессиям - см. §9.

Вайль все время ошибочно именует следователя Кривошеина Кривошеевым.

К стр.136. Моя цитата из А.Д.Александрова по поводу преследований евреев в 1951 (см. §3 гл.1) приобретает в пересказе Вайля какой-то легкомысленно-ловеласовский оттенок: "... посмотрели бы вы, как они за юбкой Голды Меир бегали". Я не произносил даже имени Г.Меир в 1956 году на обсуждении Дудинцева. Уверен, что Александров не произносил в 1956 году его. Я этого имени просто не знал. Сказал же я: "Одна мадам из Израиля", - и только из насмешек Вербловской над моей невежественностью выучил это имя. Нам с Александровым и не нужно было оно, вовсе безразлично! Суть этой "формулы Александрова" - которую, по моему убеждению, и не он придумал, а лишь повторил вослед какому-нибудь инструктору или замзаву отделом ЦК - не в имени, а в том, что никому неведомый эмиссар из Израиля вызывает такое трепыхание в среде московских евреев! "Значит, в решительную минуту они и изменить могут!!" - домысливали инструктора с александровыми. А вот то, что в публикацию "Памятью" моих мемуаров вклинивается НЕНАПИСАННОЕ мною имя сего эмиссара, а Борис Вайль одевает эту фамилию в юбку, - серьезный историографический и археоведческий факт. Так искажаются свидетельства.

К стр. 144-145:

"Красовскую продержали в тюрьме только 12 дней, ее определенно продержали бы и больше, если бы не глухой ропот интеллигенции в Ленинграде, безусловно дошедший до властей.

Говорят, что она вышла из тюрьмы надломленной, избегала общения. Как бы то ни было, теперь всю жизнь за ней будет ходить досье, и при случае ей всегда вспомнят эту роковую фразу.”

Было бы очень важно, если бы Вайль умел предъявить доказательства, якобы "глухой ропот" повлиял на власти в сторону освобождения. Но это - домысел. За Красовской в глазах ГБ числилось гораздо меньше, нежели за Вишняковым или Шейнисом! Может быть, она еще убедительнее этих двоих расплакалась и покаялась? Это тоже домысел, не хуже вайлева, однако. Про будущую жизнь Красовской Вайль тоже пишет чересчур категорично. Ко времени его эмиграции Юлия Красовская выпустила в СССР уже не одну книжку по искусству. "Досье" не помешало. И, видимо, не такая уж больная она все же, раз разъезжает по глухим северным районам страны, собирая песенный фольклор.

Совершенно загадочен для меня пассаж на стр.157:

"Каковы были взгляды этих математиков? Я не ошибусь, если скажу, что все они были социалистами, но не все марксистами. Но трезвый позитивный подход приближал их к марксизму."

Ошибаешься, и даже очень здорово, дорогой мой Борис! Прежде всего, ты обнажаешь свою собственную марксистскую неграмотность: ты не знаешь, что Маркс был врагом позитивизма. Во-вторых, кого и когда "трезвый позитивный подход" приближал или мог приблизить к марксиз- му - к этой далекой от науки смеси поэтических мечтаний с упрощенным видением мира в нелепом членении "труд-капитал"?! Бредовость марксизма в середине XX века видна невооруженным глазом, особенно в Советском Союзе, где нет буржуазии, "мешающей сделать все как надо". Ну, ладно, ты можешь не соглашаться со мной в такой оценке. Но ведь речь идет не об оценке, а об ИЗЛОЖЕНИИ тобою НАШИХ взглядов ("группа математиков"). Надо исходить из того, что услышал от носителей этих взглядов, а не из того, что домыслил за них. Как же мог Вайль, сидевший рядом со мной на скамье подсудимых, когда я выпаливал одну за другою фразы, отмежевывавшие меня от марксизма, от ленинизма (см.гл.1, гл.4 и §3 этой главы), - написать такую несусветную чушь? Вайль тут весьма неосторожно переступает порог собственной компетентности, ибо ведь он никого из этих математиков кроме меня не знавал. Его знакомство с Заславским приходится на пору отступничества того, а потому не может быть источником сведений о Заславском 1954-1956 годов. Я писал уже, что в 1954 году Заславский проповедывал мысль о создании "Конституционно-Коммунистической Партии" ПО АНАЛОГИИ с Конституционно-Демократической Партией, созданной в 1905 году. Если я - всегда помнящий фактическую историю - употребляю такую формулу, то грамотный читатель (слушатель) может понять, что Заславский питал к коммунизму примерно такие же чувства, как Милюков - к монархии. Как Милюков в 1908 году выступал категорическим противником лозунга "Долой самодержавие!", так Заславский настаивал в 1954-1956 годах: "Нашим несокрушимым лозунгом должно быть "Да здравствует коммунизм!". Именно так и только в той же милюковской мере. Конечно, Ленин и Троцкий

клеймили за это Милюкова "защитником самодержавия", обзывали его партию "явно монархической", но и царь, и монархисты, и административные органы власти - не говоря уже про самого Милюкова - знали истинное отношение Милюкова к идее монархии. Как и я помню рассуждения Заславского насчет "коллективизма". Но Ленин и Троцкий клеймили кадетов таким образом в трезвых политических целях, не заблуждаясь насчет истины. А Вайль - заблуждается, и это очень грустно. И - повторяю - математикам обидно.

Стр.188. Мой отец получил 4 года, а не 5, как пишет Вайль. Непонятно, зачем Борис повторяет применительно к Вербловской и к чемодану: "Она даже не знала, какие там бумаги"? Ну, конечно, Вербловская твердила сие на суде, но неужто же Вайль хоть на минуту поверил такой нелепице? Даже Наталья Горбаневская и та знает, что к высказываниям подсудимых на суде нельзя относиться с полным доверием, "потому что им нужно было защищать себя".

И на стр.189 нелепа фраза, приписываемая следователю: следила, мол, за Вербловской женщина, почему передача чемодана и была сразу обнаружена. Кабы было так, поиски чемодана не растянулись бы на пять-шесть дней, зацепив кучу непричастных лиц!

На стр.198 сплошной домысел:

"Тем временем ректор ленинградского университета академик А.Д.Александров, грозивший Пименову Колымой, счел своим долгом помочь своему коллеге Пименову. Помочь как ученому. Он обратился к Миронову с просьбой, чтобы Пименову разрешили в камере писать свою научную работу. Миронов разрешил, и Пименов вплотную занялся своей кандидатской диссертацией, на которую у него раньше не хватало времени. Вообще чернила и бумагу давали только для написания жалоб и заявлений. ... Пименова не ограничивали в книгах, и это была заслуга Александрова. Остальным давали одну книгу на 10 дней."

Здесь верна только фраза, начинающаяся "Вообще", да вводный причастный оборот в первой фразе. Всем давали по ДВЕ книги на 10 дней. А конкретно обо мне: Александров никогда не обращался к Миронову. Был он тогда - и до 1964 года - не академиком, а членкором. Никакого касательства к моим занятиям (к возможности занятий) наукой во внутренней тюрьме он не имеет. Самый ранний отзыв о моих работах - и адресованный не тюрьме, а адвокату - исходил от него в конце сентября 1957 года, т.е. после окончания следствия и даже суда. Миронов тут не при чем. Мне действительно давали карандаш (а не чернила) и блокноты. Давали из-за инцидента с Роговым в начале апреля (см. §12 гл.1), когда он нагрубил мне, а потом испугался, что я подпорчу ему жизнь. И в порядке заглаживания инцидента он разрешил мне занятия математикой и дозволил прибавить к двум книгам еще одну по математике и одну на иностранном языке. С книгами так и продержалось до мая 1958 года, а карандаш и блокнот у меня отобрали, когда Вербловская попалась с записками. Она же потом выпросила у Лякина восстановить мое право на карандаш и бумагу. Писал я тоже не "кандидатскую диссертацию". Основа моей

кандидатской сочинена мною пять лет спустя, во Владимирской тюрьме. Это так называемая "полуриманова геометрия", см. §14.

Хотя я столь подробно "разнес" написанное Вайлем, я нисколько тут не возмущен и даже не удручен его неточностью - в данном эпизоде и в данном контексте. Для людей, которым до лампочки и Пименов, и Александров, и Миронов, и у которых нет времени читать больше десятка строк про этих персонажей, - так и надобно рассказывать. Ибо в целом эта приблизительность довольно выпукло передает размещение сил и позиций в 1957-1963 годах. Если бы Вайль СОЗНАТЕЛЬНО прибег к такой популярной манере изложения - я восхитился бы его мастерством. Оно стыкуется с тем, что я писал в §4 в комментариях к своему последнему слову.

Мне непонятно, как относиться к словам Вайля на стр.244-245 о том, что, дескать, зачеты отменили "поздней осенью 1958". Мой отец еще в начале 1960 года подсчитывал число своих зачетов, его не представляли на досрочное освобождение по причине нехватки зачетов и т.д. В.Ржаницына освободилась по зачетам осенью 1959 года. Но я точно знаю, что со вступлением в силу нового УК в 1960 году уже все зачеты были аннулированы. И слыхивал истории, похожие на те, что рассказаны Вайлем в этой связи.

На стр.276 Вайль называет Леонида Ржаницына Алексеем, а на стр.162 пишет, будто того приговорили к пяти годам, тогда как по приговору - к семи.

На стр.283-284 Вайль рассказывает про группу грузин, сидевших по обвинению в попытке убить Хрущева в 1960 году. Я не согласен с Борисом в двух пунктах. Во-первых, он декламирует:

"О том, насколько несерьезно было обвинение этих грузин в терроризме, свидетельствует тот факт, что после падения Хрущева их приговор был опротестован и всех освободили.”

Эта риторика доказывает, что Вайль ничего не смыслит в механизме освобождения в нашей стране. Обоснован или необоснован приговор - дело десятое для возбуждения вопроса о его пересмотре. Самые, казалось бы, обоснованные приговоры, где и признания, и материальные улики, и свидетели имелись, пересматривались. И - наоборот. Мало ли сам Вайль читывал анекдотически-необоснованных приговоров?! Приговор пересматривается тогда, когда имеется влиятельное лицо (группа), которое может побудить прокуратуру к пересмотру. Такими влиятельными сеньорами в данном случае оказались Мжаванадзе и другие близкие к этому бывшему кандидату в Политбюро функционеру. Они заботились "о своих" - о грузинах. Чувство, начисто отсутствующее у нас, русских, воспринимающих себя необъятной нацией. Они "спасали своих детей", хотя бы те и не были прямыми сыновьями аппаратчиков.

Второе. Все, написанное в этой связи Борисом, наталкивает на вывод, якобы никаких покушений на Хрущева и не было. Ну, с Маквебашвили я не сталкивался ни лично, ни в бумажных розысканиях. Но от Иры Каплун и Володи Борисова, занимавшихся этим вопросом не дилетантски и имевших почти прямую связь с Галиной Брежневой, знаю, что в Хрущева только грузины стреляли дважды. Что еще в семидесятые годы в одном из сумасшедших домов

досиживал один грузин, как-то причастный к одному из выстрелов. Вообще в этой связи отмечу, что отдельные места воспоминаний Бориса производят впечатление отредактированных в угоду сантиментальному левому читателю-датчанину, который, конечно же, против всякого насилия. Борис вот уделяет место воспоминанию, что впервые он про народовольцев толком прочитал только во внутренней тюрьме, но забывает процитировать по этому случаю свои стихи, которые он как раз в этом аспекте читал нам в воронке во время поездки в суд: "И только не хватает Каракозова сегодня!.." ...

На стр.289 Вайль статью 77-1 УК РСФСР ошибочно называет статьей 88-1.

На стр.351 про В.Зиновьеву неверно сообщает, будто бы ее приговорили к одному году условно; ее приговорили к двум годам условно. Здесь, скорее всего, отталкивается он не от текста приговора, а от такой же ошибки в "Листопаде в Калуге".

§11. И совсем уж беглым пунктиром

Данилов в Мордовии; Заславский углубляет разрыв со мною; Кудрова; Адамацкий; Шейнис; Таирова; Корбут и Канторович

Данилов раньше всех нас попал в лагерь, потому что не подавал на кассацию, уже в феврале. Работа у него была разнообразная, одно время он даже дневальным в бараке был. Окончил в зоне 10-й класс, перескочивши через девятый. Окончил курсы токарей. Зачеты у него шли, но случались и взыскания, аннулировавшие часть зачетов, так что он освободился позже моего отца, хотя срок у них был равный, а сел Данилов раньше. Кстати, познакомившись в лагере с моим отцом, он сдружился с ним. Вообще, он поддерживал дружеские контакты со всеми - кроме Заславского, не желавшего их. Даже несколько раз написал Ире, хотя переписка между заключенными запрещена и трудна. Одно из его писем пришло ей как раз в крайне трудную минуту и содержало именно те слова, в каких она нуждалась тогда; она долго с благодарностью воспоминала про это письмо от сентября 1959 года. Освобождаясь, Костя собирался поступать в Архитектурный институт. Писал Ире:

"Разве я могу забыть тебя, Револьта, Борьку? Ведь такое, как с нами, случается только раз в жизни!"

Вернулся в Курск, но никуда учиться не устроился. Вскоре за него вышла замуж машинистка - о, переплетенность нитей, - которая работала в курском УКГБ и в 1957 году перепечатывала материалы-рапорты о Данилове и Вайле! Ее прогнали с этой работы после такого замужества. Переписка с ним как-то заглохла.

Краткосрочные наказания пугают и перевоспитывают людей сильнее. Заславский тому ярчайший пример. В начале апреля его этапировали в Мордовию. Уже летом исполнились те 16 месяцев лишения его свободы, что составляли 2/3 срока, но у него еще не было зачетов. Работу ему определили учетчиком на лесобирже, причем с первых же недель расконвоировали, так что жил он за зоной, на частной квартире. Попытку избавить его от физического общего труда, сформулированную как ходатайство ЛОМИ о предоставлении возможности Заславскому заниматься математикой в рабочее время, лагадминистрация отвергла. Для него при кратковременности и расконвойности его пребывания в лагере этот отказ был не так уж существен, но на всех, думавших о моей научной работе, он произвел зловещее впечатление. Если даже ему, не имеющему 11-го пункта, с таким маленьким сроком, отказывают в ходатайстве института Академии наук, то на что же рассчитывать мне, с максимумом срока, с титулом "руководителя организации" и сразу водворенному на штрафной лагпункт? И еще в одном отношении его судьба наводила на мрачные размышления в аспекте моей будущности.

После освобождения в октябре 1958 года ему не позволили прописаться в Ленинграде; он прописался в Луге, хотя фактически жил у родителей в Ленинграде на Ковенском переулке. Но работы нигде не находил. Ни в Луге, ни в Новгороде, ни в Якутске, ни в

одном из многих десятков городов, куда он и формально заявлениями и неформально через знакомых предлагал свои знания и квалификацию. В Новгороде и директор института и первый секретарь обкома лично заверяли его, что готовы принять его на работу, но зачисления не происходило. Так он мыкался больше года, и это, конечно, производило впечатление. И я это упомнил, когда не стал дожидаться, чтобы времяисчисление пошло на "годы" при моих собственных заминках с трудоустройством после освобождения; см. §20.

Испуг и потрясение Заславского от следствия, суда, этапа, блатных на пересылке и в лагере были огромными. Он не успел воспринять лагерь как способ привычного существования; для него это было сугубо временное, считанные недели "перетерпеть". И уж, конечно, никогда не дать повториться такому! Поэтому, хотя в суде и в воронке он подчеркивал, что порвал со мной только в политическом отношении[65], а чисто дружественные связи он сохраняет - и даже выступил с трогательной защитой меня как ученого (см. §18 гл.1), - он уже летом 1958 года решительно отказался иметь со мной КАКИЕ БЫ ТО НИ БЫЛО КОНТАКТЫ.

Повод был таков. Попав на Воркуту, я стал прикидывать, кто бы мог помочь мне в оформлении статьи о космометрии, см. §12. Естественно, вслед за Эрнстом следующей всплыла кандидатура Игоря: он тоже слушал мои лекции по космометрии в 1955 году, вносил ценные замечания, имеет опыт публикаций в журналах. Значит, сможет подсказать многое в редакторском отношении. И я сразу же - через Эрнста - обратился к нему с рядом вопросов. В ответ разразились проклятия:

"С Револьтом я категорически отказываюсь иметь какую бы то ни было переписку, во-первых, потому что достаточно ясно заявил ему в свое время, что всякие деловые связи между нами прекращены, во-вторых, потому что, как показывает его письмо, он ничего не забыл и ничему не научился. Снова деловые поручения, снова требования, излагаемые в повелительном наклонении, да еще с прибавлением слова "обязательно". Отвратительно то, что он пытается заставить меня исполнять его поручения, спекулируя на разнице в нашем положении. Он хорошо изучил мои слабые струны. Правда, его поручения касаются в основном математики, однако я хорошо знаю его умение переводить окрепшие деловые связи на нужные ему рельсы. Одним словом, я ему не слуга и не соратник, пусть ищет себе других компаньонов. На его письмо отвечать не буду и требую, чтобы ты мне его писем больше не пересылал. Письмо его отсылаю обратно. Я пишу о своем требовании только тебе, так как, по-видимому, только ты можешь выступить в роли промежуточного почтового отделения. Однако можешь сообщить о моем требовании всякому, кто, как ты будешь знать, намерен оказать мне подобную же услугу. (Да и вообще можешь не делать из этого тайны)..."

Далее следовали несколько строк о моих личных качествах, которые Эрнст мне не процитировал. На сию эпистолу Эрнст недоуменно развел руками:

---

[65] Òåðìèíîëîãèÿ áûëà: "äåëîâûå ñâÿçè", îò Äåëà.

"До сих пор я считал, что согласно грамматике в повелительном наклонении выражаются не только требования, но и просьбы и советы. И что, если человек решил заниматься только математикой, то вряд ли его можно против его воли перевести на что-либо иное."

"... тебе будет интересно иметь текст своего письма, когда будешь читать цитату из письма Игоря, где он промысливает к твоему письму то, чего в нем совсем нет."

Все лицемерие Игоря Заславского в его мотивировках разрыва отчетливее всего выявилось его изменением отношений и с Ирой Вербловской. Во время суда он распинался в хорошем к ней отношении, обещал ей писать-дружить и прочее. А в 1958-1959 годах во многих письмах она недоуменно спрашивает меня, почему это Игорь ей не пишет, не отвечает, чего он против нее имеет. А имел он одно - страх. Панический страх, что его снова обвинят в поддержании связи с антисоветчиком ("ничего не забыл и ничему не научился") Пименовым. Этот страх читал я на его лице, когда подходил к нему среди толпы людей. В 1964 году, когда он приезжал в ЛОМИ защищать кандидатскую диссертацию. В 1966 году, когда мы встретились на приеме в Кремле во время Международного конгресса математиков. Он пожимал мне руку, он чокался бокалом, но он жаждал удрать подальше от меня. Он даже отказывался "иметь дело с теми, кто поддерживает связи с ними (т.е. со мной и Вербловской) отношения", - так он писал нескольким своим корреспондентам. В частности, по той причине в одной из своих публикаций в 1965 году я "выразил благодарность И.Д.Заславскому". То-то небось страшно сделалось ему от такого публичного обнажения факта наших с ним связей!

Около 1960 года ему удалось наконец-таки устроиться в Математический институт Армянской Академии наук. С тех пор он безвылазно живет в Ереване, где и женился. У его семейства с давних лет были устойчивые связи с армянами из Закавказья, кажется, с выселенными около 1949 года из Тбилиси в 24 часа "лицами армянской национальности" в том числе. Не знаю я, что хронологически предшествовало: женитьба или оформление на работу. Сам я никогда не бывал в Ереване, а любопытно было бы посмотреть, как бы он повертелся при моем приезде!

Судьбы всех арестованных мы проследили, обозрим теперь свидетелей. Они жили той нормальной человеческой жизнью, в которой, как признавала Вербловская, ссора из-за невымытой посуды отнимает больше нервов, чем арест. Поэтому живописать их бытие труднее. Но вот совсем редким пунктиром.

Уже в 1957 году Ирма Кудрова стала разводиться с Борисом Гальпериным, а в начале 1959 года родила от другого - этот Леонард не имеет никакого касательства к нам всем, так что я о нем писать не стану, - дочку Катю. Но осталась жить одинокой матерью. В трогательных и наивных письмах к ней Эрнст предлагал удочерить Катю, но Ирме эти предложения были смешны, как и сам Эрнст. Ирма время от времени писала Ире и, кажется, Косте. Когда моя мать отправлялась ко мне на свидание в июле 1959 года, она передала с нею обширное тайное письмо для меня, где содержался анализ политической ситуации в стране. Анализ напирал на ПОРАЖЕНИЕ

НАДЕЖД. Соответственно, она рекомендовала мне "принять меры по самосохранению", "смирись, гордый человек". Напиши, дескать, убедительно-правдоподобное покаяние, прошение о помиловании. Притворись. Дабы выжить. Дабы вернуться в строй. Я прочел - не стал у себя оставлять, возвратил матери - и написал в ответ, если не в стиле Джордано Бруно, то уж во всяком случае напирая на совсем другой АНАЛИЗ наличной политической ситуации в стране. "Анализ" с обеих сторон велся не в политологических и даже не в марксистских терминах, а в российски-погодных: "оттепель", "весна", "зима". Некоторое представление о том, ЧТО я писал, дадут стихи. Первое я сочинил три месяца спустя, в годовщину ухода из комсомола (всегда памятный для меня день), второе - под Новый год:

"Это было десять лет тому назад...
И никто из вас не был тогда со мной.
Снова осень. Снова пламенеющий закат.
Те же решетки вновь - перед лицом, перед душой.

Жест отчаянья? Вопль путника в пустыне?
Дело чести, совести и уважения к себе?
Радость видеть страхом перекошенные мины?
Шаг, прыжок, переворот в судьбе?

Как назвать, как оценить поступок?
Ведь оценка - всем известно - дело вкуса...
Что вы знаете про напряженность в вечность уходящих суток?
Как вам рассказать о дьявольских соблазнах и искусах?

Я в горах блуждаю, одинок.
Молнии-шары в двух метрах от меня.
Холодно и жутко. Весь промок.
Скатываюсь, собственное легкомыслие кляня.

Твой путь - трамвай, асфальт и лифт.
Мой путь - блужданье бездорожьем.
Его намечу сам, дыханье затаив,
А твой - тебе - другим - проложен.

Мы чужие, с самого начала.
Лишь на миг увлек экзотикой своей.
Помню: слякоть, мы на берегах Канала,
Мне Борис читал стихи из глубины души твоей.

Вот и все. Упала с глаз завеса.
Я сижу, верчу в руках твое письмо...
Пожелтели, падают, кружатся листья леса...
Осень - это так, хоть не смотри в окно!

Я третий год встречаю в заключеньи -
И каждый раз по-разному встречаю.
Хожу по камере в нелепом возбужденьи,
Как будто бы чего-то ожидаю.

Чего мне ждать? Ведь я законы знаю!
Не только те, что пишутся людьми!
Так для чего напрасно ожидаю?
Так для чего волнения мои?

Не лучше ль спать, как спят соседи -
Бушлаты сверху одеяла накидав,
Как спят сурки, как спят медведи -
Над головою руки разметав?

Не лучше ль было б мне идти путем покойным,
Остепениться и корову завести?
Пристроиться при ремесле при дойном,
Жить-поживать, потомство развести?

Не знаю, лучше или хуже было бы это,
Но не могу я спать - не мог я жить иначе.
Ну, Старый Год, не забывай, с приветом!
А с Новым вместе выпьем за удачу!

Ну, эти стихи я и не посылал Ирме, а письмо мое до нее не доехало. На обратном пути мать заехала к Ире в Суслово. Та прочитала ирмино письмо и мой ответ ей, и оба письма уничтожила. Не знаю, что уж моя мать наврала Ирме, почему я не ответил ей. Осенью 1963 года Ирма выражала мне обиду на отсутствие ответа тогда. [...]

Из круга Кудровой больше никто с нами не переписывался непосредственно. Изгнанный из аспирантуры Виктор Шейнис вернулся в Ленинград, где его никуда не брали, пока он не определился на Кировский завод - сначала учеником токаря, потом токарем, дойдя до высшего разряда и баснословных для интеллигента заработков. Алла Назимова через год-другой добилась-таки изменения мотивировки в постановлении об исключении: "Исключить из ВЛКСМ за пассивное членство в антисоветской организации" - сменили на "За утрату политической бдительности" или чем-то столь же банальным. Но это никак не сказалось на судьбе ее мужа, который токарил по-прежнему. В июне 1963 года Ира писала мне, что слышала из десятых уст, будто Шейнису "предлагали другую работу", но он раздумывает. Фактом остается, что он работал токарем до лета 1964 года и никаких покаянных статей в газету, наподобие Петрова, не сочинял. Соскин несколько лет проработал в провинциальном городишке, Псков или что-то подобное, а потом перебрался по специальности в Ленинград, где со временем поселился в уродливо выкроенных комнатах в бывшем дворце на Дворцовой набережной.

Все свидетели - и Ирма тут явилась главным организатором - или почти все, но уж кружок Кудровой - Шейниса непременно, равно как и Орловский навещали мою мать в ее и в мой дни рождения всей компанией. У матери не было телефона дома, так что вообще-то она была ограничена в общении. Свидетели же организовали и сбор средств в помощь нам и нашим родителям среди себя и среди своих знакомых. Конечно, и тут не обходилось без природных человеческих

черточек: то не дашь своей десятки, то из общественных денег израсходуешь на себя полсотни. Но при всех сиих несовершенствах натур человеческих баланс был все же в нашу пользу. А главное - активная самодеятельность общества. Общество не ожидало помощи от какого-нибудь "фонда", будь то солженицынский фонд или гонорары Сахарова. Общество само изыскивало средства. Именно в эти годы стал очень незаметно зарождаться и почти нечувствительно обращаться самиздат - преимущественно из редакционных портфелей журналов и издательств. Это тоже была самодеятельность и активность общества: люди садились за машинку и перепечатывали, а не ждали, когда к ним придет удобная типографски изданная книга.

Пожалуй все же, что свидетели как целое все заметнее рассыпались на собственные кучки. Кульминацией их сплоченности была свадьба Зубер и Грузова. Она случилась так. В коридорах суда шумно и "единодушно" договорились, что в воскресенье 1 сентября 1957 года все компанией отправятся на пикник в лес. Но как-то все проспали, кроме Иры Зубер и Жени Грузова. В лес они поехали слабо знакомые, а вернувшись, уже потом в коридорах суда "ходили, держась за ручки". У Жени были жена и ребенок, но он их оставил, хотя формальный развод потребовал нескольких лет (до 1960 года), и в конце 1957 года состоялась многолюдная их свадьба, на которой присутствовали все свидетели - кроме Эрнста, которого Ира по смутному чувству неловкости (см. его письмо № 28 в §9) не позвала. Грузов довольно быстро отпал от общей компании, а Зубер то отпадала - тем более, что Ира Вербловская наотрез не пожелала вести с ней переписку, - то заявлялась к Эрнсту и помогала ему вписывать формулы в мои статьи, начинала слать посылки и бандероли Вербловской.

Так же быстро, примерно тогда же, женился Корбут, но на посторонней этому кругу девушке. Для его судьбы очень важно, что он стал работать у Канторовича.

Леонид Витальевич Канторович, почти ровесник А.Д.Александрова, едва ли не раньше него ставший доктором и профессором и получивший уже годам к 25 глубокие математические результаты относительно упорядоченных бесконечно-мерных пространств, в 1939 году, т.е. в свои 28 лет, обнаружил, что с применением математических методов - связанных с выпуклыми функциями - можно успешнее решать те экономические задачи, в которых требуется обеспечить максимум продукции при минимуме затрат. Попутно обнаружилось, что никакая "трудовая теория стоимости" не участвует в таком решении, а "теневая стоимость" или "теневая оценка", автоматически возникающая у Канторовича и помогающая эффективно решать экономические задачи, по своему политэкономическому смыслу соответствует так называемой "теории предельной полезности", раздербаненной основоположником в одном из своих шизофренических томов. Неудивительно, что в том же 1939 году Канторовича Л.В. вызвали в ленинградское управление НКВД, отобрали все экземпляры его сочинений и велели держать язык за зубами. Он так перепугался, что никто из нас, студентов, не подозревал, что Канторович, читавший на матмехе курс функционального анализа, имеет какое-нибудь отношение к экономике. После 1945 года, когда фон Нейман переоткрыл

результаты Канторовича и тем положил начало тому, что нынче принято называть "линейным программированием" или "математической экономикой", положение Канторовича лишь ухудшилось: ведь теперь в глазах министерства "безопасности" он выглядел апологетом "американского шпиона" Неймана, не даром "фона", сочинившего свою "теорийку" в антисоветских целях подрыва великого учения Маркса...

Несколько помог Канторовичу Залгаллер, вместе с ним применивший, без лишних фраз, его формулы к задаче наиболее экономного раскроя "ткани"-металла на некоторых важных заводах. Заступничество этих влиятельных производственников, сэкономивших тысячи тонн дефицитной листовой стали, членство в КПСС - все это держало Канторовича на плаву, хотя и тут случались тяжелейшие срывы психики, кончавшиеся помещением в сумасшедший дом, где он кидался на психиатров и кусал их. Хозяйственники свели его с Косыгиным, тот выхлопотал Канторовичу Сталинскую премию в 1949 году. Но словосочетание "математическая экономика" оставалось запретным. В 1956 году, среди прочих разумных деяний, правительство дозволило применять гласно математические методы к экономике. Канторович организовал несколько совещаний, в 1958-1960 годы появились первые в СССР публикации по математической экономике. Из осторожности они все же именовались длиннее и расплывчатее: "Применение математических методов к экономике". Официальная политэкономия социализма рассматривала эти "применения" в точности, как Церковь в XVI веке теорию Коперника: как курьез, который позволяет математически быстрее вычислить результат, хотя, конечно, Земля неподвижна, а Солнце ходит вокруг нее, т.е. стоимость есть результат труда, то бишь воплощение общественно необходимого времени... В 1958 году Канторовича избрали член-корреспондентом АН СССР по специальности "экономика" по Сибирскому Отделению. Но связей с Ленинградом он не утрачивал, бывал там не реже, чем в Новосибирске.

Подталкиваемый моими высказываниями в пользу матэкономии против "политэкономии", Корбут пошел специализироваться к Канторовичу. Он быстро стал одним из эрудированнейших знатоков. Организовал составление библиографического указателя по матэкономическим публикациям. Довольно скоро, но я не помню даты, защитил кандидатскую диссертацию. Положение его в этом быстро расширявшемся в те годы мире стало устойчивым и авторитетным. Вместе с тем прикосновенность его шефа к правительственным сферам побуждала и его, и всех его сотрудников к предельной осторожности в поступках, высказываниях, круге знакомств. Корбут отнюдь не рвал с нами, наподобие труса Заславского, но и не афишировал былой близости. Зачем было "демонстративно" помогать пострадавшему хорошему человеку, коли в правительстве готовились чудесные мероприятия, после проведения которых вообще не будет "пострадавших", а для проведения которых так важно "не напугать противников реформ", "не дать им предлога"?

А реформы - в самом деле - готовились. Косыгин всерьез верил в математическую экономику, и Канторович в 1963-1964 годах был одним из главных разработчиков намечавшейся экономической

реформы, своевременная и быстрая реализация которой, думается мне, не дала бы советской экономике докатиться до брежневского состояния к восьмидесятым годам. В 1964 году Канторович избран академиком, в 1965 году получил Государственную премию. Примерно тогда же он разработал формулы для численной оценки различных рент, в том числе трудно учитываемой "экологической ренты". Но, как известно, разговоры о реформе нужны были только для того, чтобы оторвать Косыгина от Хрущева, и ничего серьезного сделано не было. Разве что в 1975 году Канторович получил еще Нобелевскую премию за математическую экономику и в интервью в Осло отмежевался от Сахарова - этим исчерпались его успехи по внедрению. Невежественное и злобное противодействие казенных политэкономов, державших десятилетиями в руках подбор таких же кадров, довело до того, что при Андропове в июне 1983 года ЦК принял специальное постановление против "чрезмерного" применения математики в экономике. Так главное дело жизни и осталось за бортом жизни у Канторовича - поневоле откусишь ухо психиатру, уж не обижайтесь, Наталья Николаевна!

Адамацкий работал на “Электросиле” токарем IV разряда. В 1959 году заново вступил в комсомол, слегка покаявшись. Его избрали в цеховое бюро, он стал учиться на курсах комсомольских пропагандистов, получил от завода и от ВЛКСМ блестящие характеристики для поступления в вуз. Женился. Поступил на вечернее отделение филфака ЛГУ. Потом - через пару курсов - вдруг побил все в доме, поджег квартиру, а после того, как его выписали из психбольницы, развелся с женой и уехал жить за город. Дальнейшая его биография - это предыстория "Лепты" и "Круга".

В 1959 году Виля Шрифтейлик познакомилась с Александром Гиттельсоном и обрела в нем идеального соавтора. Их пьесы, одно время бывшие на грани постановки в театрах и предвосхитившие всю "бытовую" тематику-проблематику Трифонова (только с более глубокой, чем у него, постановкой), так поглотили ее время и душевные силы, что вся история с Вербловской и мною отступила на периферию ее сознания, почти как и не было. В то время начинала свое бытие будущая "квартира на Пушкинской" - тогда еще на Загородном. Тогда еще - только Наталья Викторовна Гессе и Регина Моисеевна Этингер. Эта квартира вскоре превратилась в "салон", "открытый дом" для половины свободомыслящих Ленинграда[66], и перед нею мелкой дробью умалялось связанное с нами, отходящее в далекое прошлое впечатление. Вилена стала бывать там. Из круга Кудровой-Шейниса там как-то никто не прижился, кроме одного Радика, который не был проявлен следствием по нашему делу. Впрочем, Вилена, едучи в туристское путешествие во Владимир в 1962 году, помнила о моем существовании и даже подумывала, не посмотреть ли снаружи на тюрьму, внутри которой томится Револьт. И когда в 1960 году они с Гиттельсоном писали "Сорок дней" (пьеса о Бруно), она немножко примеряла его ко мне.

После двухлетнего молчания вдруг объявилась Марина Таирова, сменившая было фамилию на Митрофанову, но уже разводившаяся с этим самым Митрофановым, только что родившая дочку и сходящаяся новым браком с, в свою очередь, разводящимся супругом. Она посыпала письмами в мой и Ирин адреса:

---

[66] È ìîñêâè÷è òàì âðàùàëèñü. Íàïðèìåð, Å.Ã.Áîííýð.

"... Это нелепый кошмар... Я всегда помню тебя, добрую, светлую. Помню твою комнатку, провалившийся диванчик, кровать, покрытую рваным одеяльцем, стеллажи вдоль стен, подгоревшие котлеты и дешевый винегрет. Как нелепо, что все это кончилось!..".

Что можно отвечать на эти ахи после всего, описанного в §8? Как сопереживать, что она потеряла своего возлюбленного чеха? По словам Эрнста, Марина писала стихи не хуже, а лучше стихов Н.Слепаковой, но я никогда не видывал их. Даже при встрече в 1963 году Марина мне о них не упоминала. Но если она вправду писала стихи, то ничего удивительного, что в свой день рождения, 2 июля 1962 года, когда ей исполнилось 22 года, она сделала попытку отравиться, попала в психбольницу. Кажется, у нее и туберкулез обнаружили. Работала она в детском саду или яслях, нянечкой, у Витебского вокзала. Жила у родителей на Васильевском острове. Я ее видел последний раз числа 30 декабря 1963 года, садившейся в трамвай на Первой линии навстречу какому-то своему новому счастью. А потом и не слышал. В связи с ней припомню один курьезный загиб мыслей.

Перед моим первым тюремным Новым годом мать моя терзалась: поздравлять или нет? Ведь поздравление "напомнит ему, что все люди празднуют, а он - в камере". Марина же зашла много дальше:

"... этим летом она договорилась, даже до того, что-де вообще всякое письмо напоминает вам, что вы в заключении. И поэтому, хотя она очень хочет писать тебе и Ирэне, но не будет. Вот это логика!",-

восклицал Эрнст 13 декабря 1958 года. Не спорю, и такой мотив присутствует, когда достаешь письмо из конверта или тебе вынутым его протягивает замполит. Но самодовлеющее выделение этого обертона в диктующее поступок чувство - такую самоубийственную чувствительность душевной кожи - встречал еще только у Рида Грачева. В таком же антилогичном завороте.

Никите Дубровичу - в которого, к слову, повально влюблялись женщины из-за сказочной его красоты - мать запретила всякую переписку с нами, да он и утратил, как мне кажется, сам к тому интерес, поступив на физфак ЛГУ.

Греков убрался в свою родную Одесскую область. Передавали, будто там в районной газете он поместил заметку "У кого я учился мастерству библиотекаря", в которой, дескать, перечислил фамилии всех известных ему лиц, причастных к нашему процессу.

Кудрявцев только летом 1963 года смог поступить на филфак ЛГУ.

Миролюбов, помыкавшись, году к 1963-1964 заново вступил в партию и допущен к идеологической работе - вколачивает в нас марксизьм.

Невструев, так ни в чем и не признавшийся и не повинившийся, никак не пострадал и работал в Курске референтом общества "Знание".

Вольняшин отличился. Однажды вечерком, выходя из кино "Октябрь", он свернул с Невского на Литейный, вошел в подворотню,

расстегнул ширинку и стал поливать стену. Дружинники потребовали прекратить безобразие. Он распалился:

- Да вы знаете, кто я такой?!

Для выяснение личности они доставили его в милицию. После этого его выгнали-таки из судей. Он подвизается теперь в ролях защитника. Боже, несчастная наша адвокатура!

§12. Девятый вариант

Обретение профессионального стиля; первая редакция; этапы и вторая редакция; эпизоды быта и шестая редакция; критика Залгаллером и седьмая редакция; другие математические работы; приятные новости; неприятные; десятый вариант статьи в "Доклады АН"

Рассказав, как сумел, про всех связанных со мной лиц, возвращаюсь к теме главы. Здесь речь пойдет о том, как я занимался математикой в заключении. Сузим тему до - как я писал одну статью в лагере, точнее, в лагерях.

Едва вырвавшись из внутренней тюрьмы, получивший возможность иметь чернила, бумагу, переписку, я стал покрывать бумагу строками новых или переработанных старых теорем. Тематика сохранялась прежняя: построение такой аксиоматики геометрии, из которой получались бы все девять (см. §9 гл.4) и даже - как я понял уже во внутренней тюрьме в апреле-мае 1957 года - не девять, а 3^n геометрий; это на плоскости при $n=2$ их $9=3^2$. Но теперь акцент ставился не на получении теорем, а на такой их формулировке и доказательствах к ним, чтобы математические редакции журналов приняли мои статьи к публикации.

Чисто профессиональная трудность была немалой. В бытность мою в университете я похвалялся: "Слава Богу, я не математик!" - и не примерялся к журнальной литературе на предмет усвоения стиля. Потом я и вовсе отошел от математики, обратившись к истории, так что даже не листал журналов по математике и физике. Своими космометрическими находками я делился, не предполагая превращать их в свою профессию. Будучи стопроцентно убежденным, что в СССР никогда не напечатают никаких исследований, из которых вытекало бы, что Вселенная может быть конечной, я опять же не почитал обязательным следовать требованиям профессиональных публикаций. Из цитат §9 гл.4 видно, как далека манера моего трактата 1955 года от принятого журналами отчужденного сухого стиля. Только летом 1956 года, после одобрительного приема моего выступления на Математическом съезде, а, главное, после бесед с московскими профессорами, я впервые задумался о напечатании моей космометрии не как о чем-то заоблачном, а как о реальном предприятии. И тогда же обратился к более или менее систематическому чтению математических журналов в связи с сотрудничеством в РЖМат. Но что значило 8 месяцев такого внимания к математической периодике в сравнении с последующими 14 месяцами отрыва от нее в тюрьме! Впрочем, до ареста я успел несколько переработать написанное в 1955 году, убрал экзальтацию и послал длинный текст в "Успех математических наук". Отзыв из УМН, датированный 23.03.57, прочитанный мною только на Воркуте, как бы намечал программу необходимой деятельности:

"Следует иметь в виду, что статья требует тщательного редактирования, особенно в части философских утверждений автора и терминологии... недостаточно ясен общий план изложения (почему выбрана именно данная последовательность теорем?). В каком смысле говорится о кинематике?...

Всякое новое аксиоматическое построение таит опасности локальных ошибок. Поэтому перед публикацией статьи необходимо обеспечить рецензента, который проверил бы точность доказательств основных утверждений ... однако после проверки статьи, может быть, следовало (ее) сократить, чтобы сделать более четкой основную линию изложения, не отвлекая внимания читателя на детали."

И вот мне, брошенному на строгий лагпункт в поселке Цементный, даже почтовое отделение которого не значилось еще в опубликованных справочниках, под Воркутой, в разношерстную компанию от персонажей §5 до полковника Репина (Репнина?), посаженного в 1948 году за участие в разветвленном армейском заговоре против Политбюро и перепосаженного уже при мне, в июле 1958 года, в день, когда он должен был бы освобождаться по концу срока, предстояло осуществить эту программу, намеченную неизвестным мне тогда рецензентом из УМН[67]. А ведь мне и разложиться-то было некогда: 21 мая водворен я на лагпункте Ж 175/24, на Цемзаводе. Едва успел я наслушаться - но еще не разобраться в них - россказней о недавней варфоломеевской ночи, которую часть украинцев учинила тут другой части украинцев, предавших, мол, дело УПА, как 29 июля всех нас дернули на этап, ибо Воркута как место отбывания политзаключенными ликвидировалась - всех с Воркуты, Колымы и Норильска свозили в Озерлаг, что между Тайшетом и Братском, см. схему станций в §8. Сентябрь я провел на пересылке в Тайшете, на "шестьсот первом". С 16 сентября - в Вихоревке, 215/3-001. С 3 ноября - на 215/3-026 на той же Вихоревке. С 28 ноября на спецу "у Гитлера" (Абрамова) на Анзёбе, 215/3-А. В начале января в Иркутске (см. §10), вернулся обратно к Гитлеру в январе же. 3 марта нас всех свезли в Вихоревку на спец "буряковку" ЖШ 410/4-42А[68], сначала на старый корпус, месяцев через десять - на новый, непросыхающий (ср. §6). Только к концу 1960 года обрел я территориальное успокоение во Владимирской тюрьме № 2, той самой, что предусмотрительно выстроена подле кладбища. А писать свои теоремы не останавливался ни на один день.

Каждая свободная минутка - я так или иначе пишу статью о космометрии, которую должны будут безоговорочно принять в математическом журнале к публикации:

"Настоящая работа возникла из решения задачи: дать единую аксиоматику в духе Эвклида для эвклидовой плоскости, частной теории относительности и сферической геометрии. Работа имеет два аспекта: геометрический и космологический.

С точки зрения первого дана аксиоматика с исходным понятием "точка" и отношениями "Точка А недалеко от точки В", "точка В между А и С", "точка А передвинута в точку В движением Д". Отношение "между" применимо лишь к точкам, попарно недалеким.

---

[67] Îòçûâ ïèñàë, êàê âûïëûë ïîçæå, Í.Â.Åôèìîâ. Òîãäà Íèêîëàé Âëàäèìèðîâè÷ áûë ïðîôåññîðîì, íåçàäîëãî äî ñìåðòè â 1982 ãîäó ïî óñîâå ñòàòü ÷ëåíêîððîì. Îí õàðàêòåðèçîâàë áûë áëèçîê øêîëå À.Ä.Àëåêñàíäðîâà, íî íå ïðèíàäëåæàë ê íåé, áóäó÷è è ñòàðøå Àëåêñàíäðîâà, è æèâ â Ìîñêâå, è âûðàñòèâ ñîáñòâåííûõ ó÷åíèêîâ. Â íåêîòîðîì ñìûñëå îí òîæå áûë ó÷åíèêîì Á.Í.Äåëîíå. ßðêîé ëè÷íîñòüþ, ìîå äóìàåòñÿ, îí íå áûë. Íî ó÷åíûì áûë ãëóáîêèì, îðèãèíàëüíûì è äîáðîæåëàòåëüíûì.

[68] Ñìåíà "215/3" íà "410/4" - ìåõàíè÷åñêîå ïåðåèìåíîâàíèå.

Например, в эвклидовой плоскости всякие две точки недалеки, а в сферической лишь те, расстояние между которыми $\langle \frac{\pi\hat{e}}{2}$. В §1-2 устанавливаются некоторые теоремы "общей абсолютной геометрии", в основном связанные перпендикулярностью. В §3 вводятся аксиомы однородности: через точку на плоскости либо не проходит ни одной прямой, неоднородной данной, либо одна, либо более одной. Так выделяются три группы геометрий (с положительной, вырожденной или знаконеопределенной метрикой). В §4 вводятся аксиомы эквидистантности: перпендикуляры к прямой либо сближаются, либо эквидистантны, либо расходятся. Комбинируя эти аксиомы, получаем 9 плоских геометрий. Устанавливаются (§5) уравнения треугольника и dS^2, обнаруживается двойственность (§6) между геометриями, корень которой кроется в том, что формулировка аксиом однородности двойственна обычной формулировке аксиом параллельности. Устанавливается связь (§7) с системами Кэли-Клейна, находится (§6) вид плоскости в целом. Строятся модели. Переходя к четырехмерностям, получаем 9 геометрий, из которых 6 имеют кинематико-космологический смысл.

Космологический аспект таков: мы начинаем с локального изучения Вселенной (отношение "недалеко"), в основу кладем понятие "событие" и преобразование систем отсчета от одного инерциального наблюдателя к другому. §1-2 говорят о свойствах, присущих и пространству, и времени. §3 выделяет собственно пространства, кинематику ньютоновского типа и кинематику эйнштейновского типа. §4 классифицирует космологии с точки зрения основного закона, царящего во вселенной: протяжение, равновесие или отталкивание. В связи с этим возникают три ньютоновских космологии и три эйнштейновских. Хотя в явном виде из этих космологий встречались только две, можно естественно связать каждую из них с именем астронома, фактически ее изучавшего. Устанавливается неожиданная связь между типом кинематики, основным законом космологии и собственно геометрией ее: при кинематике типа Ньютона пространство необходимо эвклидово; в случае Эйнштейна оно эвклидово лишь при статичности вселенной; при господстве притяжения пространство лобачевское, а при господстве отталкивания - сферическое. С помощью уравнений треугольника легко получить формулу красного смещения спектра далеких галактик; она такова, что наблюдения эффекта второго порядка однозначно определяют выбор между типами космологии (§8).

Все изложение намеренно максимально приближено к элементарному, все аксиомы носят качественный характер, не постулируются никакие формулы; тензоры не употребляются".

Примерно таков был первый вариант статьи, набросанный мною еще на той самой ПЕРВОЙ ПЕРЕСЫЛКЕ. Почти сразу же я отправил рукопись письмом матери - ограничений в переписке еще не существовало - она сразу перепечатала статью на машинке, пару экземпляров прислала мне, я внес в текст кое-какие изменения. Именно потому я пишу: "Примерно таков был первый вариант", - первоначального текста не сохранилось, а лишь вот этот, уже видоизмененный сравнительно с рукописью. Но я стал ощущать

острую неудовлетворенность получившимся. Что это за выраженьица: "корень двойственности", "группы геометрий", "естественно связать с именем астронома"?! В математической работе таких перлов популяризации быть не должно! Что это за исторический подход: "Работа возникла из..."? Дело надо говорить, а не около него! Да и вообще менять надо кардинально, не отдельные фразы! И вот дорогой с Воркуты в Тайшет, пересылками на Красной Пресне, в Свердловске, в Новосибирске рождался текст:

"Р.И.Пименов. "К основаниям геометрии".

Вводятся аксиоматизируемые понятия "точка A", "точка A недалеко от B" ("A|B"), "точка B между A и C" ("ABC"). Вводятся аксиомы сочетания. Отношение "между" применяется лишь к попарно недалеким точкам. Отношение "недалеко" нетранзитивно. Отмечу две существенные аксиомы: если A|B, то существует C, A|C и B|C. Если даны две точки A и B, то существует цепочка $A=A_0$, A_1, A_2, ..., A_{n-1}, $A_n=B$ т.ч. A_i между A_{i-1} и A_{i+1}. Индуктивно определяется прямая. Для лучей с общей вершиной определяется отношение между. Вводятся аксиомы движения, т.ч. в каждой точке существует неизолированный луч, т.е. такой, который лежит между двумя однородными с ним в любой плоскости и между этими однородными лучами возможен непрерывный переход. Ни отрезка на этой постулированный прямой, ни углы между ними нельзя сжать во внутрь самих себя.

Определяется перпендикулярность прямых и доказывается ряд теорем общей абсолютной геометрии.

Рассматривается плоскость и на ней пучок лучей с общей вершиной. Возможно одно из трех:

1) либо все прямые этого пучка однородны (т.е. могут быть совмещены движением) с постулированной прямой;

2) либо есть единственная неоднородная;

3) либо их более одной.

Доказывается, что в последнем случае есть два семейства неизолированных прямых, разделенных парой изолированных. При этом отрезкам из обоих семейств неизолированных можно приписать длину (так же, как в 1 и 2 случаях для всех прямых). Углам между однородными прямыми можно приписать аддитивно число во всех случаях.

Определяется понятие одинаковых перпендикуляров к прямой (чтобы устранить неоднозначность перпендикуляра к изолированной в случае 2).

Рассматриваем плоскость, на ней прямую и к ней два одинаковых перпендикуляра. Можно доказать одно из трех:

1) либо расстояние между перпендикулярами уменьшится;

2) либо оно останется неизменным;

3) либо возрастет.

Получаются 9 плоских геометрий, названия которых связаны с их кинематико-космологическим смыслом:

Таблица 1

однородность эквидистантность	Гаусс	Ньютон	Эйнштейн

Риман	сферическая	зелигерова	фридманова
Эвклид	эвклидова	галилеева	минковская
Лобачевский	лобачевская	хабблова	дезиттерова

Аналогично определяется неизолированная плоскость и вводятся аксиомы трехмерной однородности. Получается 27 геометрий. При этом доказывается, что однородные прямые на разных плоскостях удовлетворяют одной и той же аксиоме эквидистантности, а изолированные плоскости всегда эвклидовы. Отсюда два важных следствия:

1) При ньютоновой кинематике пространство эвклидово. 2) Если координата действия (в многообразии время-пространство-действие) замкнута, то пространство эвклидово, а вселенная статична. Далее, при господстве закона притяжения в эйнштейновой кинематике пространство лобачевское, а при отталкивании - сферическое.

Следуя приему Гаусса, выводятся метрические соотношения. Внешне это формулы сферической геометрии, но только входящие в них величины следует считать не вещественными, а вида $\xi=xj$, где $j=1, r, i, r^2=0, i^2=-1, tgtx=rx$.

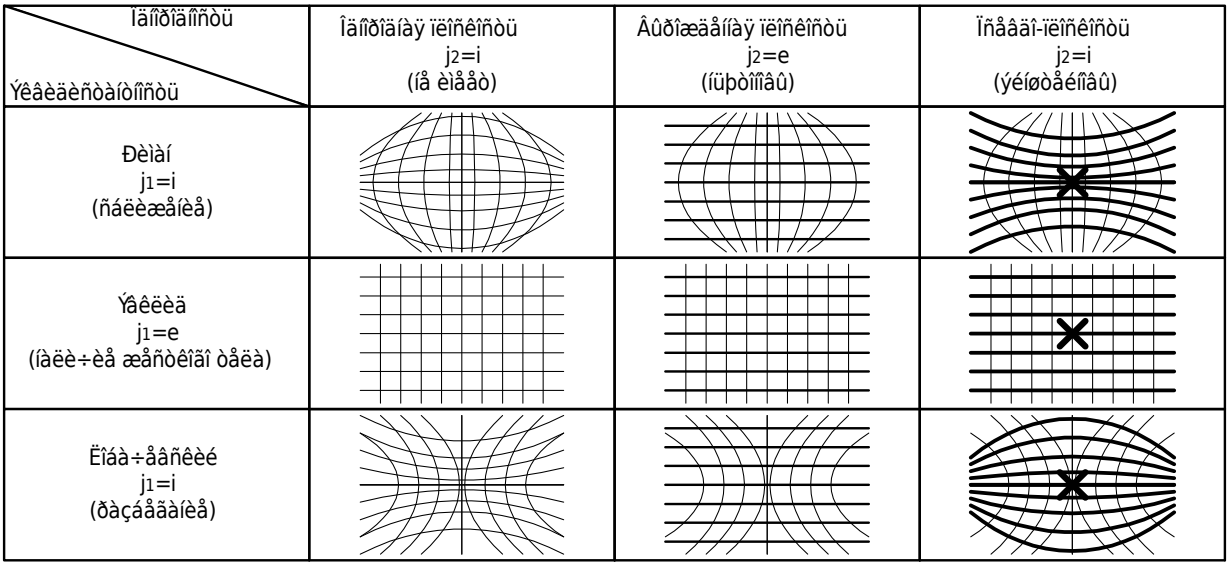


Рис.1

Тогда "теорема Пифагора":

$tg^2c=tg^2aj_1+tg^2bj_1j_2+tg^2aj_1tg^2bj_1j_2$.

Радиус-вектор через проекции на оси:

$tg^2r=tg^2xj_1+...+tg^2x_nj_1...j_n$.

Квадратичная форма:

$$ds^2=\frac{(dx_1j_1)2+...+(dx_nj_...j_n)2}{(1+(x_1j_1)2+...+(x_nj_1...j_n)2)2}$$

В мире Фридмана свет галактики, покоившейся в момент испускания, придет к нам с фиктивной допплеровой скоростью

$v=-2cth^2\ \frac{l}{r}$ (фиолетовое смещение)

При статичной Вселенной не будет систематического смещения. В мире де Ситтера:

$v=2ctg^2\frac{l}{r}$ (красное смещение)

где l - расстояние до галактики в момент испускания; R - константа; c - скорость света."

А в промежутке были у меня изматывающие свидания с матерью на Воркуте, в поезде и в Москве. А в промежутке потрясла меня свердловская пересылка, когда нас, раздетых догола мужчин держали в коридоре то ли перед врачебным осмотром на сифилис, то ли перед баней, и прогнали мимо нас такую же раздетую толпу женщин. В той же свердловской пересылке много легенд ходило о бунте малолеток: об их неукротимости и о беспощадности, с какою с ними расправлялись. Впрочем, о малолетках, возможно, я наслушался при пребывании там же в декабре 1960 года. В промежутке был инцидент в столыпине, сыгравший формирующую роль в моей лагерной характеристике, о чем я и не подозревал тогда, до июня 1963 года. Нас загнали в столыпин наскоро, а когда поезд тронулся, конвой стал нас прошманывать и перегонять прошмонанных в назначенную камеру. Не желая простужаться - фраер еще зеленый был я - я, разувшись, стал босыми ногами не на пол, а подкинул уже просмотренную конвоиром портянку. Он заподозрил нечистое, велел становиться на пол, убрать портянку. Я произнес речь о простуде, чистоте и прочих культурно-гражданственных ценностях. Он молча пнул меня лапой в сторону, и я волей-неволей очутился босыми ступнями на полу. Я обиделся и пригрозил ему, что буду жаловаться. Кажется, я даже расположился через несколько часов писать жалобу огрызком карандаша да заспорив со спутниками, кому подведомственен конвой, не закончил писанины. Но солдаты видели, что я не просто сбрехнул про жалобу, но что-то строчу. И упредили меня. Не выходя из своего отсека, начальник конвоя составил "акт" о том, что я-де в пути "оказывал сопротивление" конвою, "угрожал ему" и "вел антисоветскую агитацию в вагонзаке". Акт сей без моего ведома был приложен к делу, попал в тюремно-лагерное досье и служил хорошим аргументом при всех дальнейших отягощениях моего положения. Никто никогда не затребовал с меня "объяснительной записки" по поводу этого "акта" - до приезда Ушакова в 1963 году, см. §19. Ведь этой цели служит ихняя надпись на акте: "заключенный от подписи отказался".

Когда я прибыл на пересылку в Тайшет, у меня уже не оставалось чистой бумаги. Процитированный текст написан на обороте машинописи "полного текста космометрии", т.е. того, что посылалось в УМН и что в первые же недели переслал мне Эрнст на Воркуту. Я собирался вносить в текст поправки, а пришлось использовать как бумагу... И еще я испытал в промежутке мучительный стыд - ох уж эти интеллигентские переживания! Случилось, что на лагпункте Цементном на несколько дней освободилась комнатка - именно комната, а не камера - относившаяся к какой-то прежней школе. Там имелись даже доска и мел. И я свободно мог размещаться в ней на день - на работу никого не выводили - как-то само собой получилось, что эту комнату признали за мной. Сидел и писал. И вот раз утром вхожу и вижу, что на доске изображена - слегка наклонно - голая женщина. Четким - и

я бы сказал "профессиональным" - силуэтом с раздвинутыми ногами и подробнейше вырисованной промежностью, тогда как лицо едва намечено, кисти ног-рук не окончены. Тут же каждый волосок, каждый бугорок выписан с любовным томлением. От растерянности я даже дверь не закрыл за собой, а когда оглянулся, в дверях стояли трое, и один из них перевел взор с доски на меня, как бы говоря:

- Мы-то думали, что приехал приличный человек, а он вот чем занимается наедине в свой комнате! Вот ему для чего мел понадобился!

И самая поспешность, с которою я стер доску, лишь подтвердила ему такое мнение обо мне. И еще одно переживание было в промежутке. Смотрю я из окошка - уже в Анзёбе - и вижу барак. Из дверей выводят пару зеков, останавливаются снаружи у двери. К воротам идет один конвоир, ворота открываются, какая-то машина едет с воли к воротам. Позже я узнал, что их должны были везти в больницу, это была машина за ними, у кого-то из них был острый приступ чего-то. И вот один зека, не вытерпев, не дождавшись конвоира, бежит от барака к воротам - еще внутри зоны, обнесенной колючкой. И раздается выстрел. Одиночный. Он падает, как-то незабываемо нелепо повернувшись вокруг оси. От ворот к нему бежит конвоир. С вышки - в воздух - звучат еще два выстрела. Убит, к чему теперь рыданья...

И вот я лежу на верхних нарах на пересылке, слушая слева рассказы о том, как охрана на 601-м вступила-де в сговор с заключенными, выпускала ночами их грабить жителей Тайшета, запускала потом назад, отбирая добычу и вознаграждая грабителей водкой. Справа же бывший казак, прибывший со мной с Воркуты и много старший меня, ровесник Фельдману, в сотый раз воспоминает, как он лихо жил в Западном Берлине. Он вступил в казачью армию атамана Краснова, когда тот в 1942 году прибыл на Дон, вместе с немцами отступил до Берлина, при капитуляции растворился в руинах Большого Берлина и месяцев 8-10 промышлял грабежами в городе, благо выдавать себя за русского офицера означало безропотное подчинение всех немцев. Его схватили американцы, приговорили к смертной казни, но взамен исполнения передали русским. Там его держали под следствием до тех пор, покамест не была отменена смертная казнь - см. §1 гл.4 - врезали 25 лет и бросили на Воркуту. Сладчайшим воспоминанием его жизни были те самые - разбойные - месяцы... А я в шестой раз переписываю, улучшая, статью и переделываю пятый и шестой абзацы так:

"Определяется понятие одинаковых перпендикуляров к прямой (этим устраняется неоднозначность перпендикуляра к изолированной в случае 2):

Рассматриваем трипрямоугольник Ламберта с равными прямыми углами. Возможно одно из трех:

1) либо верхнее основание меньше нижнего;

2) либо верхнее основание равно нижнему;

3) либо верхнее основание больше”.

Этот вариант перепечатывается Эрнстом, он вписывает формулы и врисовывает таблицу, излавливает в ЛОМИ Залгаллера, дает ему машинопись: годится ли для "Докладов Академии Наук"?

Залгаллер читает и редакторским чутьем своим различает, что не пойдет в печать. Он тут же высказывает Орловскому свои замечания, которые тот по памяти (а в феноменальности его памяти мы убедились во многих местах гл.1, да и этой) воспроизводит мне на присылаемом специально экземпляре статьи - идет уже апрель 1960 года, когда я получаю; см. §6, где поведано, как правила затрудняли переписку, §9, где уточнено, как осложнялась конкретно моя с Эрнстом переписка, и §14, где еще кое-что про то же. Вот критика:

"Смахивает скорее на резюме, а не на статью для ДАН. Надо пореже писать "вводятся", "доказывается", а почаще "введем", "можно доказать". Вначале добавить несколько фраз - цель автора. Как в Кагане называются соответствующие аксиомы? В названных аксиомах неясная формулировка: они отличаются от обычных? Вместо каких тогда? Термин "однородный" не объяснен. Говоря про трипрямоугольник Ламберта, надо упомянуть, что если имеет место какой-либо случай, то и всегда будет так."

И так далее, не задерживаясь уж на пропущенных сказуемых и обозначениях. Хорошо, что у меня напрочь отсутствовала самолюбивая обидчивость автора: я всегда любые ругательные замечания в адрес своего текста воспринимал с позиций деловых. Раз формулируются такие возражения, значит, мой текст дает если не основания, то хотя бы повод к этим возражениям, следовательно, мне надо прислушаться к критике и улучшить формулировки. Этому меня научила мать: если человек говорит тебе о твоих недостатках, значит, он хорошо к тебе относится. Тот, кто плохо к тебе относится, тот молча ПОЛЬЗУЕТСЯ твоими недостатками, или обсуждает их ЗА ТВОЕЙ СПИНОЙ. И эту абстрактную максиму она внедряла в меня многолетним справедливым шпынянием по конкретным поводам, добиваясь реальных, хотя бы и малых, улучшений. Поэтому только из меня не развился "непризнанный гений", замкнувшийся в сознании, что никто-де его не понимает, - а ведь уж как ставила меня в сию позицию судьба! Вспоминаю - гораздо позже - в первый год работы в Сыктывкаре М.П.Рощевский поручил мне дать отзыв о подготовленной монографии Б.Г.Новаковского о некоторых усовершенствованиях программного обеспечения для "Наири-С". Я увидел, что в работе содержатся очень интересные результаты, которые изложены варварским языком, допускающим двоякое (и даже полизначное) истолкование. Я стал указывать Борису Григорьевичу на неудачные выражения, предлагал, как бы можно было улучшить их, но он разобиделся, забрал машинопись, и книга так и не увидела света. "Неужели же я не старался писать, как лучше?!" - был лейтмотив его возражений. У меня подобного не бывает. Когда мне показывают недостатки моего текста, я готов зачеркнуть раз, два, десять, пока не получатся свободные от возражений формулировки[69]. И вот у меня появляется такой вариант:

---

[69] Ñêàçàííîå îòíþäü íå îçíà÷àåò, ÿêîáû ÿ ëèøåí ñàìîëþáèÿ èëè äóðàöêèõ ðàçíîâèäíîñòåé ñàìîëþáèÿ. Óñëûøàâ, íàïðèìåð, îðè âòîðîì ïîñëå îñâîáîæäåíèÿ îáðàùåíèè â ïàðèêìàõåðñêóþ îò ìàñòåðà, ÷òî ó ìåíÿ ñëàáûå âîëîñû, ÿ äî ñåðäöåáèåíèÿ íáëäåñÿ (ÿ æå ñ þíûõ ëåò çíàë, ÷òî ó ìåíÿ ãóñòûå è ïðåêðàñíûå âîëîñû), áîëüøå â òó ïàðèêìàõåðñêóþ íè íîãî, õîòÿ äóãàÿ áûëà ðàñïîëîæåíà äàëüøå è íåóãîíåå... Òàê-òî! Òîëüêî êîãäà ðå÷ü çàõîäèëà î Äåëå, ÿ ñ ïîðîãà, àïðèîðè, îòìåòàë âîçìîæíîñòü äëÿ ñàìîëþáèÿ è òùåñëàâèÿ âëèÿòü íà ìîè ðåøåíèÿ è ïîñòóïêè. È óæ êîíå÷íî, ãðàíèöà ìåæäó "Äåëî" è "ïðèóðüþ" íåàëêãîðèòìèçóåìà. È ñêàçàííîå íå îòíîñèòñÿ ê

"Цель работы - построить единую аксиоматику всех геометрий постоянной кривизны положительной, знаконеопределенной и вырожденной метрик, что равносильно аксиоматизации космологии кинематическими средствами.

Начинаем с плоских геометрий. Исходные объекты: точка A и прямая a. Вводим отношения $A|B$ (A близка B); ABC (B между A и C); $A \in a$, (A лежит на a); $A \to A'$ и $a \to a'$ (A передвигается в A' и т.п.). Аксиомы расположения близки (I), II, §82, но вместо I_2 требуем: "Из любых трех попарно близких различных точек прямой хоть одна между двумя другими". Аксиомы принадлежности близки (2), §2, но начала аксиом I_1 и I_2 модифицируются так: "Для любых двух близких точек...". В соответствие с этим несколько дополняем аксиомы расположения, структуры и движения.

Среди всех прямых выделяем класс прямых, называемых постулированными, и описываемых аксиомами: 1) постулированную можно передвинуть в любую постулированную и только в постулированную. 2) Постулированную можно повернуть вокруг любой ее точки в обе стороны. 3) Этот поворот можно осуществить непрерывно, не выходя из класса постулированных. 4) Отрезок постулированной нельзя сжать. 5) Угол между постулированными нельзя сжать.

Говорим, что a перпендикулярна b одинаково с a_1 ($a \perp b$) если при отражении полуплоскостей относительно b одновременно $a \to a'$ и $a_1 \to a_1'$. Говорим, что $A|a$ (точка A близка прямой a), если A' симметрична A относительно a и $A'|A$. Определяем координаты так: из точки O на постулированный x восставляем $y \perp x$. Из точки M опускаем $MX \perp x$ и $MY \perp y$. Отрезки OX и OY называем координатами точки M. Основная теорема абсолютной геометрии: при фиксированных x и O всякая точка M ($M|x$ и $M|y$) имеет однозначно определенные координаты.

Конкретизируем плоскости по признаку одномерной однородности так. Рассматриваем пучок прямых. Возможно одно из трех:

1) всякая прямая пучка является постулированной ("I-однородная плоскость");

2) в пучке есть единственная не постулированная прямая ("вырожденная плоскость");

3) в пучке есть две или более непостулированные прямые ("псевдоплоскость").

Конкретизируем плоскости по признаку эквидистантности. Рассматриваем трипрямоугольник Ламберта (с одинаковыми перпендикулярами).

Возможно одно из трех:

1) бок меньше противоположного основания (Риман);

2) бок равен противоположному основанию (Эвклид);

3) бок больше противоположного основания (Лобачевский).

Во всех точках имеет место один и тот же постулат I-однородности; для всех трипрямоугольников имеет место один и тот же постулат эквидистантности.

óêëîí÷èâûì íàìåêàì è íåâíèìàòåëüíûì èíñèíóàöèÿì.

Получаем 9 плоских геометрий, из которых 6 имеют кинематический смысл. Координатные сети изображаются так (объяснения символов дается ниже):

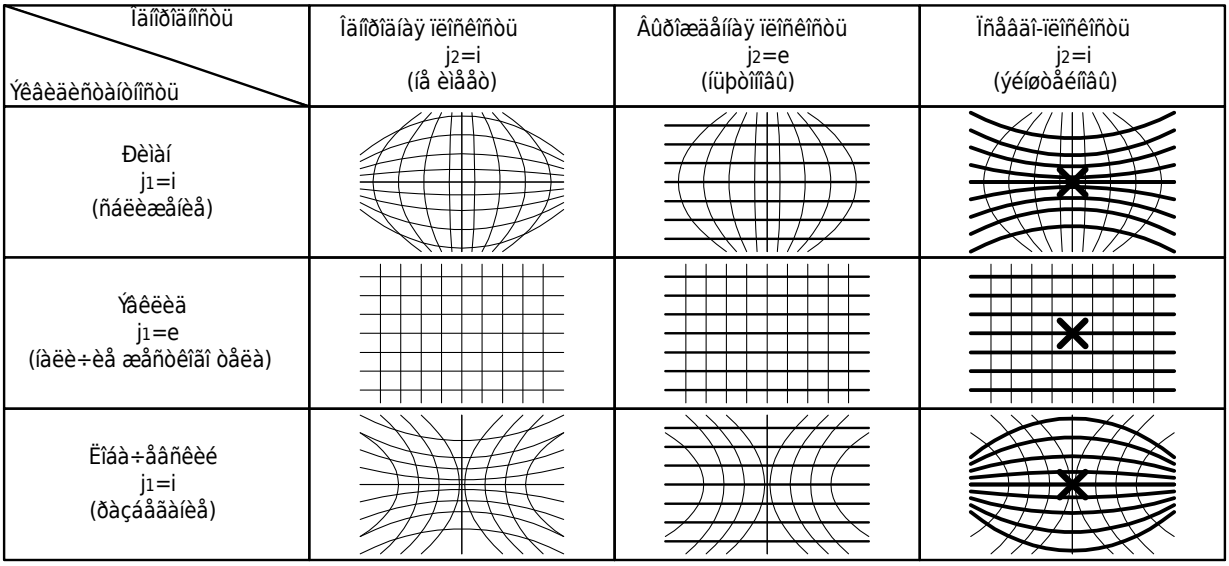


Рис.2

По методу Гаусса (см. (I), I) находим уравнения треугольника и трипрямоугольника. Все девять тригонометрий можно единообразно записать как формулы сферической тригонометрии, считая входящие в формулы величины вида $\xi=xj$, $\xi=xj_1j_2$, где x - вещественное, а j_1, j_2, $j_3=\{^{1}_{r2}$ и $r^2=0$, $i^2=-1$; аналитически формула определяется формальным разложением в ряд. В частности, $\mathrm{tg}rx=rx$, $\cos rx=1$ (о числах r см., например, (3) гл.V).

Тогда радиус-вектор OM выражается через координаты

$$\mathrm{tg}^2\frac{OM}{R}j=\mathrm{tg}^2\frac{OX}{R_1}j_1+\mathrm{tg}^2\frac{OY}{R_2}j_1j_2 \qquad (2)$$

Здесь R_1 - "естественный масштаб" постулированной; R_2 - прямых перпендикулярных постулированным. Значения j_1,j_2 указаны в табл. (1). В зависимости то того, к какому семейству относится прямая OM, $R=$, $j=$

Эвклидовы плоскости ($j_1=r$) однозначно моделируются аналитически аффинной плоскостью, где допустимыми преобразованиями считаются параллельный перенос плюс либо эллиптические вращения ($j_2=1$), либо сдвиг вдоль прямой ($j_2=r$), либо гиперболические вращения ($j_2=i$).

Внутренность некоторого четырехугольника неэвклидовой плоскости ($j_1\neq r$) моделируется внутренностью сферического четырехугольника (с теми же уравнениями сторон), прямые - большими кругами, движения - автоморфизмами сферы. Сфера задается уравнением

$$(\xi j_1)^2+(\eta j_1j_2)^2+\zeta^2=1,$$

где ξ, η, ζ - вещественные, $\zeta=\cos\frac{OM}{R}j$, $\xi=\zeta\mathrm{tg}\frac{OX}{R_1}j_1$, $\eta=\zeta\mathrm{tg}\frac{OY}{R_2}j_1j_2$.

Следовательно, локально наши геометрии определяются однозначно; интегрально же - нет, ибо возможно многократное покрытие сферы.

Для построения n-мерных геометрий выделяем постулированные k-плоскости ($1 \le k \le n-1$). Конкретизируем геометрии по признаку k-однородности: в $(k+1)$-пространстве рассматриваем пучок гиперплоскостей, содержащих общую $(k-1)$-мерную постулированную плоскость, и формулируем три возможности, аналогичные постулатам I-однородности.

Таким образом, мы дали аксиоматику, позволяющую единообразно и исчерпывающе строить все 3^n n-мерные геометрии, соответствующие системам Кэли-Клейна (см.(1), II, гл.17).

Кинематически осмысливаются одномерно неоднородные, но 2- и 3-однородные 4-пространства. Точка - событие; постулированная прямая - инерциальная частица; движение - преобразование системы отсчета; близость - возможность послать световой сигнал. Постулаты I-однородности разделяют кинематики с предельной скоростью и без нее. Постулаты эквидистантности звучат так: "Расстояние между двумя мгновенно взаимно неподвижными инерциальными частицами l_0 через время t будет ли $l_t > < l_0$?

Случай $l_t > l_0$ дает космологию "расширяющейся Вселенной", бесконечной во времени, но сферической в пространстве. Систематическое красное смещение спектра.

Случай $l_t = l_0$ дает обычную частную теорию относительности, без смещения спектра.

Случай $l_t < l_0$ дает космологию "пульсирующей Вселенной", возможно, замкнутой во времени[70], но бесконечной в пространстве (пространство Лобачевского). Систематическое фиолетовое смещение спектра.

Мы не привлекаем теории гравитации по Эйнштейну, не вводим понятий "масса", "плотность". Таким образом, основные результаты релятивистской космологии не зависят от ее самого уязвимого пункта - гипотезы равномерного распределения материи.

Упоминаемая литература.

1. Каган В.Ф., Основания геометрии, 1949 и 1956.

2. Гильберт Д. Основания геометрии, 1948.

3. Розенфельд Б.А., Неэвклидовы геометрии, 1956.

4. Труды III Всесоюзного математического съезда, т.IV, 1959, стр.78-79, доклад Пименов Р.И. "Аксиоматическое исследование пространственно-временных структур."

Даже неспециалист увидит, как резко изменился текст, какую громадную роль сыграли замечания Залгаллера в изменении, - а специалист согласится, что изменение здесь обернулось улучшением. Но сколько же успело произойти в мире и в моей душе с осени 1958 до апреля 1960 года, когда был дописан этот седьмой вариант статьи (были и промежуточные)?

К слову, я не застопорился на одной этой статье. До названного срока я написал в лагере:

---

[70] Â äîêëàä àâòîðà (4), ò.IV, ñòð.79 ñëåäóåò âíåñòè óòî÷íåíèå: íà ñòðîêå 21 âìåñòî ôðàçû "Âðåìÿ - çàìêíóòî" ÷èòàòü "Âðåìÿ îñåò áûòü çàìêíóòî".

"1. Космометрия, ч.2, 94 стр.
2. Резюме "Космометрии", 2 стр.
3. Философский смысл Космометрии, 7 стр.
4. Геометрия, космометрия, эконометрия, 182 стр.
5. Предисловие к общедоступному изложению Космометрии, 4 стр.
6. Кинематический подход к космологии, 37 стр.
7. Основания геометрии в связи с космологией, 43 стр.
8. Перевод книги Милна "Относительность, тяготение и структура мира". Рукопись в двух общих тетрадях.
9. Системы дивергенции (опыт перенесения некоторых идей кибернетики на не теоретико-информационные вопросы), 56 стр.
10. Кинематическая относительность, 50 стр.
11. Космология и натуральное число, 15 стр.
12. Аксиоматика прямой, 37 стр.
13. Соображения, связанные с серологическим анализом, 2 стр.

И как раз в эти недели я наносил на бумагу одну из любимейших моих работ, доныне не изданную, задуманную в карцере в декабре 1959 года:

14. Основания геометрии в связи с началами космологии, математической экономики, лингвистики, биологии и др. ("Пятивариантная статья"), 126 стр."

Я перечислил только связанные с математикой труды. Кроме того, удалось написать с десяток рефератов для РЖМат. Работал я тщательно, до педантизма. Вот отрывок из моего письма от 2 июня 1960 года Эрнсту:

"Я закончил исправление Космометрии 1. Основные внесенные мною изменения...
Закончив, я составил словарь употребленных мною терминов (почти сотня карточек), сверил их с алфавитными указателями у Кагана и Розенфельда, устранил разнобой. Затем написал статью для ДАН..."

За протянувшиеся - или промелькнувшие? - два года случились и радостные, ободряющие события. Наконец-то вышел из печати тот том трудов Съезда, в который было включено мое сообщение 1956 года. Так что теперь "у меня уже есть публикация"! Ведь рефераты, хотя их насчитывалось уже несколько десятков, нельзя же всерьез принимать за самостоятельную публикацию. Но и с рефератами связано чувство радос-ти - мне приходили корректуры моих рефератов! А какое это волнующее чувство - держать корректуру своей статьи! Перечитывать набранный типографскими литерами твой собственный текст. Ставить под ним подпись - разрешение тиснуть. А если это к тому же твоя первая или одна из первых публикаций, под которой значится твоя фамилия? А ежели к тому же корректура после долгих мытарств - датирована 3 июля 1957 года, получена в июле 1958 года, утратив редакционный свой смысл - поступает на твое имя в лагерь?! Да это восторг поупоительнее,

нежели "первое свидание" или бенефис! Кровь пузырьками шампанского булькает по всему телу...

Вышли из печати труды того самого Совещания по вопросам космогонии, приглашением на каковое так потрясал адвокат Райхман на обоих процессах. Ну, моих докладов там не было, само собой. На зато на нем впервые прозвучало в советской литературе, что МИР МОЖЕТ БЫТЬ КОНЕЧЕН. Небезызвестный Кольман[71] настаивал на том, что марксистской философии не противоречит гипотеза конечности Вселенной. И хотя Кузнецов[72] с пеной у рта протестовал против этого утверждения, на том же совещании, слово и место для публикации Кольману предоставили. Немного погодя даже "Вопросы философии" (1960, № 11) опубликовали Кольмана. Таким образом, мне не надобно было теперь первому, собственным лбом, прошибать стену "марксистского", "философского" предрассудка: более авторитетные люди потрудились за меня. Тогда же была опубликована заметка Зельманова, который, собственно, свел к нулю все пререкания насчет конечности-бесконечности: он доказал, что Вселенная, которая в одной системе отсчета является бесконечной, может в другой системе отсчета оказаться конечной. Следовательно, атрибуты "конечность-бесконечность" не суть объективные характеристики реальности, а изменчивые, относительные средства нашего описания. Мысль не новая, ее по другому поводу доказал Милн в 1935-1958 годах. А еще в другом обличии высказывал ее Пуанкаре в 1902 году. Но важно, что это БЫЛО НАПЕЧАТАНО В СОВЕТСКОМ ЖУРНАЛЕ. Милна-то ведь великий знаток физики товарищ А.А.Жданов директивно поносил как мракобеса! А Пуанкаре был обруган не меньшим физиком - Лениным! Зельманова же опубликовали и не обругали. Правда, объективности и умеренности ради следует добавить, что осторожный Абрам Леонидович сформулировал свой тезис в виде столь трудно понимаемой теоремы, что, возможно, совфилософы его так и не прочитали. Во всяком случае, мне не попадалось в советских философских журналах обсуждения философских следствий из теоремы Зельманова. Но я-то уловил значение этой публикации. Для меня она бывал радостным событием - на скованной льдом реке "Философские проблемы космологии" лед тронулся. Глядишь, и великий ледовитый Океан Философской Мысли в СССР вскроется?! А кроме того практически облегчалась задача моей публикации: ведь специалисты теперь, после Зельманова, будут менее бояться моих мыслей. И уж во всяком случае с теории относительности снято табу, ею пользуются как само собой разумеющимся аппаратом. В стране, где господствует единственно истинная философская наука, тесно сплоченная с органами партии и правительства, и где в январе 1953 года теория

---

[71] Â ñòàëèíñêèå âðåìåíà ñóùåñòâîâàëî äâà ãëàâíûõ ìàðêñèñòà-àâòîðèòåòà â ôèëîñîôèè ìàòåìàòèêè: Ý.ß.Êîëüìàí è Ñ.ß.ßíîâñêàÿ. Ó Êîëüìàíà áûëè êíèãè íà ñåé ñ÷åò. Íà ìàòñúåçäå 1956 ãîäà Êîëüìàí ïðåäëàãàë ïîñëàòü ìó ñúåçäà ïðèâåðñèîíåðó òåëåãðàììó ìàòåìàòèêó Ñòðîêó, ïîâåðãàâøåìóñÿ-äå çà ïðîãðåññèâíûå âçãëÿäû ãîñïîäñòâóþùåé ôèëîñîôñêî-èìïåðèàëèñòè÷åñêîé âîéíû Ãîëëàíäèè. Î òîì, ÷òî îí ñàì ñèäåë è áûë ðåàáèëèòèðîâàí, íè ÿ, íè âñåâëàäóþùèé Îðëîâñêèé íå çíàëè. À î òîì, ÷òî îí ñî âðåìåíåì ñäåëàëñÿ äèññèäåíòîì è ýìèãðàíòîì - äàæå â êîþíàðõ åìó ñàìîìó íå ãðåçèëîñü, íàâðíî.

[72] Á.Ã.Êóçíåöîâ áûë â ìîëîäîñòè ïðèñòàëåí çàóðÿäíûì ñòóêà÷îì-òîïòóíîì ê Ã.Ì.Êðæèæàíîâñêîìó. Ïî ñìåðòè òîãî - ê äóãè. Íî ïîäíàòåðñÿ òàì, óñâîèë íàóêîîáðàçóþ òåðìèíîëîãèþ, íàõâàòàëñÿ èäåé è ñëîâå÷åê, äàæå ïîáùàëñÿ, "ñîîðîâîæäàÿ" íà ìåæäóíàðîäíûõ êîíôåðåíöèÿõ, ñ Áîðîì è äðóãèìè è - ãëÿäèøü - õîäèò â àâòîðàõ êó÷è "ôèëîñîôñêèõ" éíèæåê è "êàê ó ëþäåé" ìåìóàðîâ...

относительности журналом "Вопросы философии" была заклеймлена как идеалистическая и реакционная, - это жизненно важный сдвиг к лучшему не только для моей судьбы, но и для всей науки физики.

К событиям, облегчающим прохождение мой статьи в печати, следует отнести также изменение моего мнения об участниках геометрического Семинара А.Д.Александрова. До 1959 года мне довольно было подумать об обращении к Залгаллеру или кому-нибудь из них, как в памяти, словно из шкатулки, выскакивала, разрастаясь и заполняя собой 45-ю аудиторию матмеха, сцена марта 1953 года:

"АЛЕКСАНДРОВ:... подавал заявление об уходе из комсомола. У него недопустимые, хуже чем реакционные взгляды. Политически он враждебен нашей стране. Я раньше думал, что, может быть, все-таки из него хоть геометр получится, а вот теперь он сам признает, что все его теоремы ошибочны. Так что он нам не нужен. Недавно его по политическим причинам исключили из комсомола, и я не хочу терпеть его на Семинаре!

ЗАМОРЗАЕВ: Пименов всегда был идеологически вредной единицей. Я неоднократно сигнализировал на это, и удивляюсь, зачем его терпели. Ведь именно такие, как Пименов, и становятся шпионами. В наше время, когда как никогда нужно повышать политическую бдительность, когда разоблачена банда врачей-убийц, надо беспощадно выжигать пименовых. Гнать его надо, и не только из Семинара!

ПИМЕНОВ: Ну, меня исключали не за политику, а за хулиганский поступок, за пропуски лекций. Вот Волков и ...[73] присутствовали на бюро, они могут подтвердить, что ни о какой политике ни одного слова сказано не было.

ВОЛКОВ и ... молчат.

ПИМЕНОВ: А что тут говорит Заморзаев, - так это его личное мнение...

ЗАЛГАЛЛЕР: Ну, мы не будем обсуждать этой проблемы, а просто попросим товарища Пименова покинуть нас.

ПИМЕНОВ: До свиданья, Александр Данилович!”

И в своих письмах 1958-1959 годов я запрещал матери общаться с Залгаллером, чего-нибудь просить у него, верить ему. То же в письмах Эрнсту.

Но вот я в лагере, сижу вместе с теми самыми "шпионами" - среди кучи липовых был один и настоящий, эстонец Эвальд, прошедший обучение в Швеции и возвратившийся на Родину для борьбы. И что же? Данилыч пишет характеристики в мою пользу. Залгаллер - тоже. Оба они не отказывают Райхману ни в какой зависящей от них помощи мне. Заморзаева давно нет в Ленинграде: по распределению он попал в Кишинев, осел там, глаз в Питер не кажет. Волков зимой 1958/59 года выступил на Семинаре с подробным разбором моей работы - это заняло несколько заседаний - отметил неудачные места, Эрнст потом пересказал мне его замечания, но в целом вывод был безусловно одобрительный.

---

[73] Âòîðîé ÷ëåí îàêóëüòåòñêîãî áþðî ïðîñëè ó ìåíÿ â 1964 ãîäó âî âðåìÿ Õàðüêîâñêîé ãåîìåòðè÷åñêîé êîíôåðåíöèè ïðîùåíèÿ, è ÿ ïðîñòèë åãî. Ïîýòîìó, åñëè íî ñàì òîãî íå çàõî÷åò, ÿ íå ñòàíó íàçûâàòü åãî îáìàíùèêîì.

Семинар, а прежде всего Залгаллер и Александров, принимает решение, что как только я напишу редакционно-приемлемый текст, заметка моя будет дана академику, который представит ее в "Доклады АН СССР", а тогда ее публикация гарантирована. Тем самым мне предуказывается жанр публикации - помните, что первый вариант был не озаглавлен, а следующий процитированный уже носил название? Ведь название можно дать только после того, как определены жанр произведения и место публикации! В июле 1958 года Александров выдает еще один отзыв в мою пользу - короче и энергичнее:

"... Я считаю темы его работ заслуживающими серьезного внимания. Полученные им результаты желательно опубликовать. С точки зрения научной было бы также желательно, чтобы Р.И.Пименов мог продолжать свои исследования по вопросам геометрии..."

В марте 1959 года Математический институт (ЛОМИ) на бланке института направил Райхману основательный отзыв о 10 моих работах, в том числе о четырех, написанных уже в местах лишения свободы, завершавшийся констатацией:

"Р.И.Пименов в своих работах выдвинул и в основном осуществил интересный новый подход к построению геометрической аксиоматики пространства-времени. Рукописи его представляют несомненный научный интерес.

... Завершение и публикация этих работ с научной точки зрения представлялась бы очень желательной.

Зам. директора МИАН СССР,
доктор физмат.наук Г.И.Петрашень
Секретарь парторганизации ЛОМИ,
председатель геометрического
семинара, канд.физмат.наук В.А.Залгаллер
Преподаватель кафедры геометрии
ЛГОЛУ, канд.физмат.наук Ю.А.Волков".

Когда Залгаллер понимает, что Орловский не справится с взваленной им самим на себя миссией:

"напишу на основе твоей статьи такую статью для "Докладов Ак.Наук" с изложением первой части "Космометрии", которая была бы понятна мне самому,"

- см.его письмо №67 в §9, - Залгаллер приступает к редактированию непосредственно моей рукописи, дабы не оттягивать. И я прощаю им содеянное прежде[74]. Я разрешаю себе в дальнейшем обращаться к ним за помощью. Это, бесспорно, увеличивает мой потенциал.

Очень много сил вдохнул в меня Le Petit Prince, par Antoine de Saint-Exupery, только что изданный у нас по-французски, раньше чем

[74] ß íå èñ÷åðïûâàþùå îòðàçèë èõ çàñòóïíè÷åñêóþ äåÿòåëüíîñòü. Êàæåòñÿ, â 1959 áûëî åùå îäíî ïèñüìî Àëåêñàíäðîâà òî ëè â Îçåðëàã, òî ëè â ÌÂÄ, íî ó ìåíÿ îòñóòñòâóþò òî÷íûå ñâåäåíèÿ. È åùå ÷òî-òî áûëî.

был издан в русском переводе, который мне подарил на вихоревском спецу Карл Фрусин.

В это время, демонстрируя мощь советских ракет, забросили вымпел на Луну. Неожиданным образом это подняло мои акции: слово "космометрия", которое я придумал, когда "космос" ассоциировался то с "космополитизмом", то с "косметикой", стало ассоциироваться с БОЛЬШИМ КОСМОСОМ, с КОСМИЧЕСКИМИ ИССЛЕДОВАНИЯМИ, с ракетами, оборонной мощью и неограниченными ассигнованиями...

Очень обрадовала меня публикация моего отца (см. §7). Ведь она означала, что работы заключенных можно публиковать! И юридически можно, и практически дозволяется! Ура! А уж я-то напишу, за мной дело не станет.

Ободрительно и зараз зловеще воспринималось опубликование в "Успехах математических наук" большой статьи И.Н.Хлодовского. Умер в лагере в 1951 году в возрасте 48 лет. Реабилитирован в 1954 году. Напечатана статья в 1959 году. И мурашки по коже, и "все же не пропало".

Но, пожалуй, больше поддерживавшего, помогавшего - нечего назвать. Даже в такой подробности, как книги, - ситуация хмурая. Из текста последнего варианта заметки видно, что я вспомнил, какие книги мне нужны точных ссылок ради, получил их. Уже и вспомнить было не так-то просто. А с получением бандеролей положение резко ухудшилось. Одно время полагалось получать либо одно письмо в месяц, либо одну бандероль в месяц. Правотворчество в этой области варьировалось - см.§6. И мне приходилось бороться - заявлениями в разнообразные инстанции - за право получать научную литературу. Мать, опираясь на отзывы, добилась в МВД бумаги, разрешавшей мне получение и отправление научных работ. Слала мне часто ее копии. Цензоры мне этой бумаги на руки не выдавали (она на бланке, а вдруг заключенный использует бланк для изготовления подложного удостоверения? А если копия и не на бланке, то все равно ДОКУМЕНТ в пользу заключенного? Да зачем ему таковой выдавать?!), но из упоминаний я знал о ее существовании, а факт ознакомления лагадминистрации с этой бумагой незримо помогал мне.

И я разбрызгивался заявлениями:

“В Управление МВД по Иркутской области

Я по своей специальности математик (до ареста преподавал в Ленинградском Технологическом Институте). До ареста начал научную работу, которая по мнению ученых-специалистов представляет интерес и которую с научной точки зрения надо завершить. Но с того времени, как я попал в Озерлаг (сентябрь прошлого года), администрация постоянно чинит мне в этом препятствия. Так, когда я 03.11.58 просил у зам.нач.Озерлага Кочеткова предоставить мне работу по специальности или близкую к этому, он, не желая поинтересоваться характеристиками академиков, ответил, стуча по приговору: "Ваша характеристика здесь, а не там," - а затем приписал мне отказ от работы (хотя, как легко проверить, все предыдущее время я выходил на работу). С тех пор вот уже 8 месяцев я содержусь на спецстрогом режиме, хотя никаких нарушений не имею.

В последнее же время меня совершенно лишили всяких практических возможностей закончить свой научный труд. Цензура не пропускает мне ни бандеролей с научной литературой, ни писем с указаниями моих рецензентов о недочетах в моих работах, ни писчебумажных принадлежностей (а так за последние 4 месяца ларек был всего один раз, что и купить последние невозможно). Дошло до того, что я до сих пор не знаю, получены ли адресатами отправленные мною более двух месяцев назад бандероль с математической рукописью и доверенности на ее печатание, которых местная администрация не хотела отправлять и которые были приняты только благодаря личному указанию побывавшего здесь 22.40.59 представителя МВД[75]. В цензуре лежат 6 бандеролей на мое имя и ряд писем, а я безо всякой провинности с моей стороны лишен вдруг возможности их получить. Когда я просил начальника Озерлаг Евстигнеева не лишать меня возможности получать систематически научную литературу и научную информацию, он пренебрежительно ответил: "Подумаешь, какие-нибудь две формулы вывели. Ну, и что ж из этого?" (16.06.59)

Я не прошу каких-либо улучшений для себя. Если из-за того, что нет ларька и не пропускаются бандероли, нет зубного порошка и гниют зубы, черт с ними. Ведь это мои зубы. Но когда речь заходит о научной работе, то тут не пристало безразличие и пренебрежение. Ведь она уже не моя, а принадлежит науке. Тем, что меня лишают возможности получить научную информацию, - этим тормозится окончание научной работы, а ее ждут ученые-математики, она нужна математикам и астрономам. Например, отзыв Математического Института Академии Наук, подписанный директором и секретарем парторганизации, говорит: "Завершение и опубликование этих работ с научной точки зрения представлялись бы очень желательными". (Подлинники всех отзывов можно истребовать из Юридической Консультации № 2 г.Ленинграда.)

Не дайте же сгнить научной работе. Дайте мне возможность завершить ее. Ведь если Вы не можете или не хотите дать мне работу преподавателя и держите меня здесь, то я не прошу ни о чем, кроме как о возможности полностью и своевременно получать присылаемую мне научную литературу, т.е. я не прошу ничего от Вас, а прошу только не мешать мне в моем, безусловно полезном, по мнению ученых, труде.

27.06.1959."

Написано карандашом - чернила были запрещены.

Между прочим, полковник Евстигнеев, который по совместительству пописывал как журналист на моральные темы, был не совсем неправ в своей недоверчивости. Ведь среди лагерников попадались всякие, в том числе и СИМУЛИРОВАВШИЕ научную деятельность - как там выражались, "кидавшие под ученого". Самым ярким представителем такого кидняка запомнился мне Слава Караванский. Он сидел где-нибудь с тетрадкой - так, чтобы его и тетрадку все видели, но заглянуть в тетрадь было бы нельзя - и напускал глубокомысленный вид. Одно время он пустил слух, якобы трудится над теорией времени, но когда я очутился рядом и он осознал, что "плавает" в ответах на естественнейшие вопросы

[75] Òîò ñàìûé ïîëêîâíèê Áóðäþê, ñì. §1 ýòîé ãëàâû.

специалиста, он лихорадочно заменял тему. Встреченный мною год спустя, он оказался работавшим над словарем рифм. Впрочем, ни малейшего представления о стихах, рифмах и даже правилах грамматики я у него не обнаружил (учтя это, он "уточнил" свою тематику - это стал словарь рифм в украинском языке). Он ощущал мой скептицизм, держался настороженно. Но и я не был заинтересован разоблачать его шарлатанство, ибо "по аналогии" обо всех пишущих заговорили бы как о мошенниках. Посему я своим мнением о нем редко делился, только с людьми, в ком был уверен, что дальше не пойдет. А сейчас он в Париже, моя откровенность ему не повредит.

Упомянутая в заявлении юридическая консультация тоже не была обойдена мною:

"17.10.58

Уважаемый Иосиф Израилевич!

Насколько мне известно, в ближайшее время Вы намерены ехать в Москву в связи с моим делом. Конечно, Вы выступаете в этом процессе по поручению моей матери, а не по моему, поэтому решающими для Вас могут и должны быть установки, данные ею; но, возможно, вы учтете также и интересы объекта Вашей защиты, хотя я и не считаю возможным в данный момент подавать жалобу от своего имени.

Я исхожу из принципа: лучше синица в руки, чем журавль в небе. Чем радоваться тому, что мне вместо 10 лет будет срок в 9,5 лет (или т.п.), я предпочту получить условия, в которых я смогу быть полезным науке - сейчас....

Прежде всего необходимо, чтобы я имел возможность собрать все воедино, сопоставить с опубликованными научными работами, уточнить некоторые доказательства, короче - завершить труд. Возможно, при этом откроются новые перспективы и мне удастся установить другие новые результаты.

Второе основное условие - возможность сообщить ученому миру то, что найдено мною. ...

Находись я в условиях, в которых жили до приказа № 309 сотни з/к на строгом режиме, т.е. при отсутствии обязательного вывода на работу, я и не просил бы ничего. Днем, когда в бараках пустело, я вполне находил себе место и возможность заниматься. Окажись я в условиях одиночного заключения - я вполне мог бы заниматься. А ведь сейчас в Москве, Ленинграде, Краснодаре внутренние тюрьмы используются всего на 10-15%; местечко мне нашлось бы. Если бы меня захотели использовать с учетом моих специальных знаний, но не могли бы расконвоировать или доверить какую-либо работу, то всегда можно было бы использовать меня, например, так. Реферативный журнал "Математика" очень нуждается в специалистах по геометрии, могущих реферировать статьи на иностранных языках. Содержите меня в одиночке, не платите мне ничего за реферирование - вы сэкономите тысячи, а науке будет только польза, ибо в таких условиях я всегда смогу, кроме этого реферирования, завершить свой труд. ...

Конечно, я всегда мог бы отказаться от работы и уйти на спец на 450 г хлеба, 4 посылки в год. Но, с одной стороны, кажется, там запрещают иметь книги и чернила, а с другой, там наверняка

разрешают лишь одно письмо в месяц, и только близким родственникам.

А мне необходима неограниченная переписка. Я должен иметь возможность советоваться о математических вопросах, узнавать новости в геометрии, запрашивать математическую литературу - и для этой цели "ближайшие родственники" служить не могут.

Более того, я должен иметь возможность высылать свои математические статьи: сначала в рукописи, потом получить машинописный текст, вставить в него формулы и снова выслать. Это опять не уложится в одно письмо в месяц, т.ч. даже тут нет выхода.

Но последнее сохраняет свое значение даже при нахождении на общем режиме. Как Вам известно, 16.09.58, в Анзёбе, на 26 лагпункте 3-го отделения п.я.215 (Озерлаг) лицо, отрекомендовавшееся "начальником управления по контролю за лагерями", в плаще, т.ч. погоны его не были видны, заявило мне, что впредь администрация лагерей не будет принимать к отправке никаких научных статей или работ от з/к; "здесь занимайтесь, а на волю высылать нельзя".

Ну, допустим даже, что некоторое время низовая администрация не будет знать об этом нововведении. Но со временем я буду лишен и этой возможности знакомить ученых с моими трудами. ...

Результативно, я хотел бы, чтобы Вы попытались создать для меня сносные с научной точки зрения условия.

1) Либо одиночное заключение и работа типа реферирования.

2) Либо общелагерное содержание и невывод на работу. ...

3) Хотя бы относительная гарантия от частых этапов. ...

4) Отсутствие ограничений в переписке и разрешение высылать свои научные работы. ..."

Главнейшая наивность сего послания не в том, конечно, что я воображал такими аргументами кого-нибудь из начальства заинтересовать. Наивность глубже. Представим, что кто-то наверху, в Верховном Суде или в МВД, или в КГБ захотел бы удовлетворить мои просьбы (отвлекаясь от их сумбурности). Но ведь он же НЕ СМОГ бы этого сделать! По простой ведомственной причине: мои просьбы касаются нескольких ведомств зараз, никто не правомочен решить их на свою ответственность, а надо прибегать к согласованию РАЗЛИЧНЫХ ВЕДОМСТВ. Например, дабы перевести меня в одиночку, нужно согласование МВД и Прокуратуры, а в данном случае еще очевидно КГБ и АН, возможно, даже Минздрава. К просьбам вроде моих могли бы всемилостивейше снисходить монархи, полновластные князья, но в условиях даже минимального разделения властей они неисполнимы. И величайшая моя наивность - в том, что в душе моей обитала бессознательная вера в присутствие абсолютного просвещенного деспота. В этом также отразилось, что вырос я в эпоху культа Сталина.

Вот еще одна попытка:

"Депутату Верховного Совета РСФСР

Ковалевской Таисии Петровне

от Пименова Револьта Ивановича, 1931, осужден в 1958 за антиправительственную деятельность по ст.58-10 и 11 на 10

лишения свободы. Нахожусь на спецлагпункте ЖШ 410/4-42а, Вихоревка Иркутской обл.

Заявление

Как мне стало известно, в ответ на Ваш запрос о том, созданы ли мне условия для завершения научной работы, капитан Комраков ответил Вам, что созданы. Поэтому я просто перечислю Вам условия содержания, предоставляя самой судить, являются ли они условиями создания научной работы.

Я содержусь (с ноября 1958) в камере с количеством 3-4-6-10 человек. В последнее время - шесть. Нам отведено несколько квадратных метров, из которых большую часть занимают сплошные нары (в два этажа); меньшую - параша и тумбочка. Стола, табуреток, вообще чего-либо иного, кроме перечисленных предметов, в камере не имеется. По неизвестным мне причинам такое содержание называется не тюрьмой, а лагерем. Переводят сюда людей без указания срока.

Писать приходится лежа, либо сидя по-турецки. Снимать бачок с тумбочки (бачок для воды) на пол запрещается, да против этого, равно против всякой попытки пристроиться писать на тумбочке, стали бы горячо возражать все остальные обитатели камеры, ибо это лишило бы их последних трех шагов, которые они в состоянии сделать и обрекло бы на полную неподвижность. ...

Далее, запрещается иметь чернила, химические карандаши, тушь и т.п. Т.о., писать приходится только простым карандашом. Разумеется, остальные обитатели камеры живут всяк своей жизнью, что не порождает тишину.

Далее. С мая месяца введены жесткие условия получения корреспонденции: одно письмо или одна бандероль в месяц. Введены не для меня лично, а для всех, содержащихся на спецлагпункте. Поэтому практически невозможно получать научную литературу, научную информацию в письмах. За апрель-июнь я не получил ни одной бандероли с математической литературой, хотя в цензуре лежит, по крайней мере, три бандероли с такими, например, книгами, как "Кибернетика" Винера, "Введение в кибернетику" Эшби, "Логические исследования" (сборник) и ряд других. Т.к. моя мать не математик, а пропускаются лишь письма родственников, то фактически я лишен возможности получать необходимые мне научные сведения.

Более того, когда мне в апреле месяце потребовалось отослать доверенности на напечатание моих рукописей, капитан Комраков отказался их принять, не приводя никакой разумной мотивировки. Потребовалось личное приказание полковника из МВД, посетившего нас 22.04.59, чтобы эти доверенности были отправлены.

Из норм питания помню следующее: на человека полагается в год 5 кг 475 г сахара[76]. Посылки же разрешается получать лишь раз в три месяца.

Прогулка - час в день.

Вот основные материальные условия содержания. Мое содержание ничем не отличается от содержания остальных.

24.07.1959."

---

[76] Â ñåãîäíÿøíåé ãàçåòå ÿ ïðî÷åë, ÷òî âçðîñëîìó ÷åëîâåêó íàäî ñúåäàòü 36 êã ñàõàðà â ãîä, âêëþ÷àÿ êîíôåòû, ìåä è ïðî÷èå ñëàäîñòè.

И я пробивал стены и рогатки, и количество книг у меня росло.

А тогда терзала проблема хранения их в условиях барака или камеры. Уже за тот небольшой месяц, пока я был не на спецу, а на просто строгом в 1958 году, я вступил в острый конфликт не с администрацией, а с "товарищами по заключению" как раз из-за хранения книг. В бараке не было ни тумбочек, ни стола, кроме одного, на котором постоянно играли в домино. Писать, лежа на верхней полке "вагонки" вдвойне неудобно: раскачивается, проклятая, в отличие от сплошных нар. Книги из-под головы и матраца вылезают и сваливаются. Пошастав по зоне, раздобыл я тумбочку, уплатив за нее маслом. Масло же, в свой черед, я заработал, написав нескольким бандеровцам жалобы о пересмотре дела в верхсуде; почему-то моя манера писать нравилась. Приволок тумбочку. Но на нее мгновенно запретендовал другой заключенный, выдвигая сложные мотивы, основанные на давности, давностью же опорачиваемые и ставящие под сомнение законность владения ее тем лицом, у которого я ее приобрел. Слово за слово мы с ним начали ругаться. Собрались зрители. Подначивали. Я с верхотуры чем-то в него швырнул. Он не стерпел оскорбления от молокососа (сам-то он уже второй десяток разменял), схватил длинную скамейку, стоявшую при доминошном столе и, богатырски вращая ее, ринулся наносить удары по мне. Бить вверх, цепляясь за тесные нары и за низкий потолок неудобно и нелепо. Мне хватало приложить малейшее усилие, чтобы тормозить его таран, прижимая к матрацу. Драка длилась, пока зрителям не наскучило. Тем временем кто-то третий уволок тумбочку. В этой связи я получил выговор от Бориса:

"05.06.59

Дорогой Револьт,

Жорка рассказывал о тебе, но что он может рассказать о тебе интересного? Только о том, как он порезал тебе мочалку и как вы поссорились, а потом-де помирились.

Рассказывали мне, как ты дрался из-за какой-то тумбочки, как ты бил кого-то и как били тебя.

Вот такая чепуха.

Один тип в свое время сравнивал тебя с быком, а меня с кохинхином. Но, видно, он ошибался, т.е. ты проявляешь себя в точности как кохинхин.

...

И - хватит драться, ты уже большой."

После этого письма или до били мы всей камерой изобличенного стукача. Били жестоко, без сюсюканья. Очень впечатляющее ощущение, когда невскрытая консервная банка в твоей руке врезается в тело избиваемого. Или все же это произошло раньше, и как раз этот случай имеет в виду Борис? Смешиваются даты. И вот лицо стукача я помню, вижу всю его фигуру, но ни фамилии, ни имени не могу вспомнить.

А сколько с книгами было мороки на этапах. Как повелительно роняло начальство, инспектирующее Владимирскую тюрьму, начальнику корпуса: "Камера захламлена книгами"! Не было хлопот с книгами только на Анзёбе, "у Гитлера", который не мудрствуя лукаво решил, что содержать нас положено на карцерном режиме. Ни книг,

ни бумаги, ни чернил, ни даже карандаша! И безо всякого ограничения сроков - ср. кодексы в §6. Оно, конечно, и у него обмякло со временем: с одной стороны, мои жалобы, поток писем и бандеролей мне, копии отзывов. С другой - даже у Гитлера были какие-то родственники, родственники его приятелей, которые где-то учились заочно. Им предстояло решать контрольные работы. Ну, дабы я смог за них написать сии контрольные, я получил и бумагу, и ларек, и чернила, и даже опять же сливочное масло[77]. Но была какая-то полоса у Гитлера, когда все свои выкладки я вел исключительно в уме. Главным образом тогда я резался в шахматы, в частности, с упомянутым Жоркой - с золотой фиксой, в кожанке, ну, типичный блатарь из Ростова. Очень он обижался, проигрывая. Мухлевал.

Оголодал я за это время и научился ценить еду. Правда, тогда еще не были введены современные правила "получения" посылок (см. §6). Но свыше полугода я вообще не дождался ни одной посылки из-за частой смены адресов: ведь посылку в тюрьмах не пересылают по новому адресу, а возвращают отправителю. Публика же на этом спецу тоже по разным причинам посылок не имела. Оголодали мы. И вши появились. Когда нас возили в баню на общий лагпункт - разумеется, не давая контактировать с тамошними заключенными, - нам, случалось, через забор кидали чего пожрать. Помню, вижу до сих пор глазами, как летят кусочки сахара, падают в свежий лошадиный навоз, а мы, оглядываясь, дабы охрана не засекла, подбегаем, наспех выковыриваем и, не тратя времени на счищение, торопливо глотаем кусочки. При одном из моих этапов меня по ошибке конвоя - литеру "А" в направлении не сумел прочесть - на два-три дня поместили на общую зону. У меня при себе была наволочка с мукой - потом, при случае, расскажу про эту муку и бочку с икрой - которую я по плюшкинской привычке ничего не выбрасывать возил с собой, без малейших перспектив как-либо ею попользоваться. Меня заметил мой воркутинский знакомый - я легко сходился с людьми, - который здесь оказался поваром. Узнав о муке, он загорелся: давай скооперируемся - ты муку, я мясо, наварю пельменей. Я обрадовался, отдал ему наволочку. Он назвал своих друзей, и мы раза два-три поели от пуза расчудесных пельменей. Потом до меня дошли слухи, что за воровство в этой столовой его здорово побили и прогнали с поваров. Разумеется, уже пожирая пельмени, я догадывался о небезгрешном происхождении мяса, но меня это не остановило. Есть хотелось.

Пришлось мне пережить и этап в следственную тюрьму по делу Вайля, о чем я писал в §10, - зловещей была поездочка.

А на спецу уже у Буряка стоял лютый холод: полотенце, повешенное на ночь на печку, примерзало к ней под утро! Ведь в целях безопасности нам не доверяли самим топить печи, их протапливали снаружи. Ну, экономя и казенные дрова и личные усилия, лишь делали вид, будто топят. А нам, уж специально в нашу камеру, достался сокамерник Вольт Митрейкин, который и в эту морозину открывал непременно форточку и минут по двадцать стоял на голове, а потом принимал прочие йоговские позы. Впрочем, я-то с ним сдружился и до сих пор с удовольствием листаю альбом с его рисунками, стихами и сказками. Жаль, что более серьезные его

[77] Òîãäà ñëèâî÷íîå ìàñëî íà âîëå áûëî ïîâñþäó. Èìåííî ìàñëî, à íå ìàðãàðèí. Ëþäè åùå æèëè áåçî âñÿêèõ "ïðîäîâîëüñòâåííûõ ïðîãðàìì".

повести у меня затерялись при переездах. Он тоже вносил свой вклад в мои настроения:

"Юный мир исхлестан плетью быта,
Испоганен пошлостью невежд.
Обухом наотмашь перебиты
Золотые радуги надежд.

Не вчера ль наивно линовал я
Чистых дум заветную тетрадь.
В ней ничто плевка не миновало,
Я устал их липкость вытирать.

Прошлый день сегодняшним зачеркнут,
И листая дней былых листы.
Реже улыбаюсь я, и щеки
Реже заливает алый стыд.

С детских лет мечталось мне о море,
О чужих неведомых краях.
Много приключенческих историй
Закоулки памяти хранят."

Впрочем, был он сложнее, не столь романтически чистым, как его стихи претендуют. Он сидел за покушение на убийство при краже - переросшей в ограбление - пишущей машинки; до того за ним числилось множество краж и чего похуже в бродяжничестве. Эта последняя кража получила также квалификацию по 58-10 из-за того, что кто-то из соучастников дал показания, будто бы машинка была нужна для печатания антисоветских листовок. В быту он был неудобен еще высокой степенью лживости - не только поэтического вранья, но и корыстного обмана. Тем не менее, стихи трогали:

"Боже! Ну разве ты милостив не был?
Ну не будь так жесток!
Оторви мне от краешка неба
Голубой лоскуток!"

Пережил я - а еще сильнее моя мать - и тяжелейшее разочарование. Учительницу математики материной школы Т.П.Ковалевскую выбрали в марте 1959 года депутатом Верховного Совета РСФСР. Не имея ни малейшего представления о том, как устроена власть в РСФСР, Ковалевская легко пообещала своему завучу:

- Ну, Лариса Михайловна, теперь мы Вашего сына быстренько освободим!

Увы, депутатского авторитета Т.П.Ковалевской не хватило даже на то, чтобы добиться приема гражданки Щербаковой Л.М. начальником ленинградского Управления КГБ т.В.Т.Шумиловым, хотя соответствующее ходатайство на депутатском бланке направилось по адресу... В ходатайстве о моем помиловании, поданном матерью и поддержанном депутатом Ковалевской, им без проволочек отказали

как раз в марте 1960[78]. Нечего говорить уж о том, что несколько попыток Райхмана добиться пересмотра дела в Верховных Судах РСФСР и СССР в порядке надзора все остались безуспешными.

В юридическом плане катастрофа была громадней и касалась не одного меня. С весны 1958 года "всенародно обсуждался" проект нового закона о государственных преступлениях. Согласно проекту максимум по 58-10 ч.1 снижался с 10 лет до 7. Поэтому никто не сомневался, что мне - как и всем осужденным по этой статье на 10 лет - снизят срок до семи, равно как и тем, кто по 58-1 имел 25 лет - до 15. Спор шел о том, в какой мере такая перенормировка коснется осужденных, подобно Борису или Ире, на 6 или 5 лет. В дискуссию втянулись Орловский, Вайль, Трофимов, Вербловская и много других. Исходя из вроде бы совсем недавнего прецедента февраля 1957 года, когда снизили наказание за самовольную отлучку, Эрнст полагал, что всем пропорционально скинут, но беспокоился, что и зачеты могут отменить. Да что там доморощенный юрист Орловский, когда лагерное начальство, знавшее закрытые инструкции, в Мариинских лагерях думало так же.

"На-днях зачитывали Проект основ нового законодательства, и говорили, что все дела подлежат на местах пересмотру" (письмо от Вербловской от июля 1958)

"Разумеется, я понимаю, что Кодекс≠амнистии (чего не понимают очень многие)",

писала та же Ира, уговаривая меня держаться поосторожнее, дабы при пересмотре не повредить. И вот вдруг, со введением с 1 января 1959 года нового уголовного закона, НИКОМУ НЕ СКИНУЛИ. Позже, при общем пересмотре всего Уголовного Кодекса в 1960 году, такое нарушение всемирного и извечного юридического принципа, провозглашенного в самих Основах советского законодательства в том самом 1958 году, "ПРИДАВАТЬ СМЯГЧЕНИЮ ОБРАТНУЮ СИЛУ" - еще раз подтвердили. Словно умышленно нечто демонстрируя. Что? И отменили, конечно, зачеты. Люди с 25 годами лагеря или тюрьмы остались сидеть в стране, где значилось, якобы максимальный срок лишения свободы - 15 лет.

Это разочарование, безусловно, сказалось и на моем самочувствии, ибо - не входя в дискуссии относительно "пропорций", я все же не мог и мысленно допустить, чтобы с 10 до 7 уменьшили, раз в самой статье говорится, что потолок - семь. Но этот поступок правительства научит меня той мудрости, которая афористически выражена Л.Я.Волохонским: "Надо верить в Советскую Власть".

За эти годы был казнен Имре Надь и другие министры венгерского правительства, арестованные в середине ноября 1957 года. Пастернаку осенью 1958 года присудили Нобелевскую премию, тут же исключили из Союза Советских писателей, газеты обрушились на него: сидит, мол, жаба, в болоте! В 1958 году была вновь обругана Югославия за "ревизионизм", за отклонение от классового подхода диктатуры пролетариата. Зато одобрительно перепечатана из китайских газет концепция "пульсирующей классовой борьбы", что

[78] ß ñàì îòêàçàëñÿ ïèñàòü ïîìèëîâàíèå, íî íå ñîîáùàþñü, ÷òî îòêàçàëè áû ïðè íàëè÷èè ìîãî ïðîøåíèÿ. ß æå áûë òîãäà òàê ðàçãðàæäåí, ÷òî ìîã ëèøü ñêàçàòü òîëüêî: "Ïîìèëóéòå ìåíÿ çà òî, ÷òî áûë ÿ ÷åñòåí, ïîìèëóéòå ìåíÿ, çà òî, ÷òî áûë ÿ ïðàâ...", - êàê ÿ è ñòðî÷èë â òîãäàøíèõ ñòèõàõ.

было всеми воспринято как возрождение сталинского учения о том, что чем громаднее успехи в строительстве социализма, тем ожесточеннее и непримиримее, тем острее и решительнее классовая борьба. Подписчикам возвращались деньги за "Борбу" и прочие югославские газеты, подписка на которые была проведена летом 1957 года. В январе 1959 года на XXI съезде Хрущев сказал и четырежды повторил в течение одного года:

- В Советском Союзе нет политических заключенных.

Первый раз это вранье было произнесено в противопоставлении - а вот в Югославии имеются, и притом немало! Последний раз произнесено со ссылкой в адрес Ворошилова: вот, мол, Климент Ефремович подсказывает мне напомнить, что в СССР нет политзаключенных! Осенью 1959 Хрущев успел съездить в США - пресловутые "13 дней, который потрясли Америку" и там припугнуть американцев, бросив по телевидению:

- Мы вас закопаем!

И постучать на сессии ООН ботинком по столу заседаний. А в мае 1960 года сбили Пауэрса, после чего изменился состав Политбюро и судили шпиона Пеньковского.

Все это и множество другого, вроде моих заявлений, опубликованных в "Памяти" №1, лежало между вышеприведенными двумя редакциями моей статьи для "Докладов". И, конечно, десятки листов исписал я символами математической логики, по всем правилам Шанина отшлифовывая доказательства тех теорем-утверждений, которые войдут в статью. Ведь по правилам ДАН из-за экономии места там теоремы публикуются без доказательств. Но эти доказательства по научной порядочности ДОЛЖНЫ СУЩЕСТВОВАТЬ. И быть корректными. В принципе мыслится, что академик выслушивает автора, требуя предъявления доказательств, после чего представляет статью в редакцию. Отсутствие моего прямого контакта с гипотетическим академиком не избавляло меня от обязанности иметь эти доказательства. Я их писал. И не воспроизвожу их здесь только по той причине, что на моей пишущей машинке нет матлогического шрифта. А они ведь тоже трансформировались - как и вышецитированный текст...

Внимательно прочитав последний вариант, Залгаллер на данной ему Эрнстом машинописи карандашом набросал ряд редакционных улучшений. Например, во втором абзаце вместо:

"Аксиомы принадлежности близки (2), §2", -

предложил:

"Аксиомы принадлежности схожи с соответствующими аксиомами (2) §2".

Ведь коль скоро я придаю слову "близость" специальное терминологическое значение, то редакционно неправильно употреблять его в расхожем смысле в той же самой статье! Вместо $a \perp b$ он предложил писать $a \perp b (\mathrm{mod} c)$, заметив, что так удобнее наборщику, а ведь для меня понятие "набор" было туманным мреянием...

Испещренная такими его пометками машинопись вернулась ко мне. Себе Залгаллер собственноручно переписал всю мою статью со своими исправлениями; это было связано с недавним инцидентом, когда на несколько месяцев подзатерялась одна данная ему Эрнстом моя работа. Эрнст перепечатал его редакцию, прислал мне. В основном я ее принял, кое-что все же изменил, и в августе 1960 года послал следующее:

"Цель работы - построить единую аксиоматику для пространства постоянной кривизны, несущих метрику положительно определенную, знакопеременную или вырожденную. Если рассматривать кинематику как геометрию четырехмерного многообразия пространства-времени, то наши аксиоматики охватывают космологические модели, исходящие из равноправности точек пространства-времени. При этом наши аксиомы чисто кинематические, уравнения тяготения Эйнштейна не используются.

1. Начнем с плоских геометрий. Исходные объекты: точка A и прямая a. Вводим отношения: $A|B$ (A близка B); ABC (B между A и C); $A \in a$ (A лежит на a); $A \to A'$ и (A передвигается в A' и т.п.). Аксиомы расположения сходны с соответствующими аксиомами (I), т.2, §82. Но аксиома I_2 о том, что из трех различных точек прямой хотя бы одна лежит между двумя другими, формулируется только для попарно близких точек прямой. Аксиомы принадлежности сходны с аксиомами (2), §2. Только в аксиомы I_1 и I_2 вводятся слова: "для любых двух близких точек..." аналогично дополняются аксиомы структуры (I) и используемый вариант аксиом движения.

Среди прямых выделяется класс прямых, называемых постулированными. Он описывается следующими аксиомами. 1) Постулированную можно передвинуть только в постулированную, причем в любую постулированную. 2) Постулированную можно повернуть вокруг любой ее точки в обе стороны. 3) Этот поворот можно осуществить непрерывно, не выходя из класса постулированных. 4) Отрезок постулированной нельзя сжать (передвинуть свою правильную часть). 5) Угол из постулированных нельзя сжать.

Говорим, что a перпендикулярна b одинаково с a_1, если при некотором передвижении одной из полуплоскостей, определяемых прямой b, в другую одновременно $a \to a$, $a_1 \to a_1$. Записывается это в виде $a \perp b (\mathrm{mod} a_1)$. Говорим, что точка A близка прямой a ($A|a$), если существует A', близкая A и симметричная A относительно a. .

Вводим координаты. Из точки O на постулированной прямой x восстанавливаем существующий и единственный $y \perp x$. Из M опускаем $MX \perp x$ и $MY \perp y (\mathrm{mod} x)$. Отрезки OX, OY называем координатами точки M. Из формулированных аксиом своего рода "абсолютной геометрии" вытекает, что при фиксированных x и O всякая точка M ($M|x$, $M|y$) имеет однозначно определенные координаты.

2. Чтобы определить конкретную геометрию, следует к аксиомам абсолютной геометрии добавить два варьируемых постулата, каждый из которых может иметь три взаимно исключающие формулировки.

(A) Рассматриваем пучок прямых. Возможно одно из трех. 1) Всякая прямая пучка - постулированная (однородная плоскость). 2) В пучке есть единственная не постулированная прямая (вырожденная

плоскость). 3) В пучке есть две (или более) не постулированных прямых (псевдоплоскость). Доказывается, что для всех пучков прямых справедлив один и тот же из постулатов (А). Выбор одного из этих постулатов конкретизирует возможные геометрии по признаку однородности прямых или, как мы будем говорить, по I-однородности.

(Б) Рассмотрим трипрямоугольник Ламберта с одинаковыми перпендикулярами. Возможно одно из трех: боковая сторона трипрямоугольника больше, равна или меньше противоположного основания. Это соответствует планиметриями Римана, Эвклида и Лобачевского. Доказывается, что для всех трипрямоугольников имеет место один и тот же из постулатов (Б). Говорим, что выбор одного из постулатов (Б) конкретизирует возможные геометрии по признаку эквидистантности.

Получаем 9 плоских геометрий:

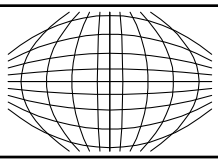
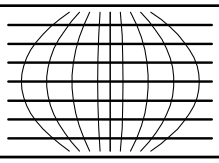
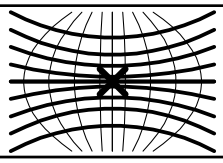
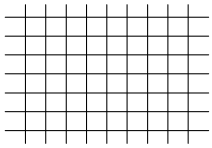
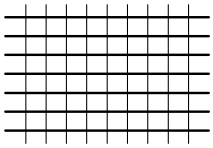
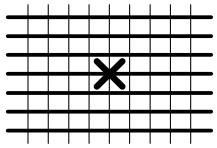
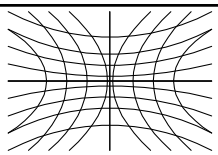
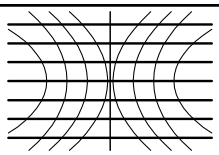
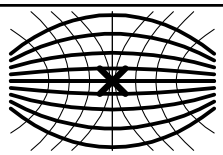
Ïàíðîïàíîñòü / Ýêâèäèñòàíòíîñòü	Îäíîðîäíàÿ ïëîñêîñòü $j_2=i$ (íå èìååò)	Âûðîæäåííàÿ ïëîñêîñòü $j_2=e$ (íüþòîíîâû)	Ïñåâäîî-ïëîñêîñòü $j_2=i$ (ýéíøòåéíîâû)
Ðèìàí $j_1=i$ (ñáëèæåíèå)			
Ýâêëèä $j_1=e$ (íàëè÷èå æåñòêîãî òåëà)			
Ëîáà÷åâñêèé $j_1=i$ (ðàçáåãàíèå)			

Таблица 1

3. По методу Гаусса (1), т.1, 347-357 находятся уравнения треугольника и трипрямоугольника. Все 9 геометрий можно единообразно записать как формулы сферической тригонометрии на сфере

$$(\xi j_1)^2+(\eta j_1 j_2)^2+\zeta^2=1 \qquad (1)$$

Здесь ξ,η,ζ - вещественные, а j_1, j_2 могут представлять собой различные типы единиц 1, r, i ($1^2=1$, $r^2=0$,$i^2=-1$).

Радиус-вектор OM связан с координатными отрезками OX, OY соотношениями:

$$\mathrm{tg}^2\,\frac{OM}{R}j=\mathrm{tg}^2\,\frac{OX}{R_1}j_1+\mathrm{tg}^2\,\frac{OY}{R_2}j_1 j_2.$$

Здесь R_1 - "естественный масштаб" постулированных; R_2 - прямых, перпендикулярных постулированным; $R=R_1$ или $=R_2$; $j=j_1$ или $=j_2$ в зависимости от типа прямой; аналитические функции не вещественного аргумента определяются, как обычно формальным разложением в ряд (в частности, $\mathrm{tg}xr=xr$, $\cos xr=1$)[79].

4. В табл.1 изображены (локально) координатные сети для девяти случаев. Тонкими линиями изображены постулированные

[79] Î ÷èñëàõ *r* ñì., íàïð., (3), ãë.5.

прямые, толстыми - непостулированные прямые, пунктиром - единственные непостулированные или граничные непостулированные.

5. Эвклидовы плоскости моделируются арифметической аффинной плоскостью, где допустимыми движениями считаются параллельный перенос и либо эллиптическое вращение (j_2=1), либо сдвиг вдоль прямой (j_2=r), либо гиперболическое вращение (j_2=i).

Внутренность четырехугольника OXMY неэвклидовой плоскости моделируется четырехугольником на сфере (1), где

$$\xi=\zeta\mathrm{tg}\frac{OX}{R_1}j_1,\ \eta=\zeta\mathrm{tg}\frac{OY}{R_2}j_1j_1,\ \zeta=\cos\frac{OM}{R}\ j$$

Поэтому в малом введенные планиметрии определяются однозначно. Но в целом возможны многолистные покрытия сферы.

6. Для построения n-мерных геометрий выделяются постулированные k-плоскости. Геометрии классифицируются по признаку k-однородности: в (k+1)-мерном пространстве рассматриваем пучок гиперплоскостей, содержащих общую постулированную (k-1)-плоскость, и формулируем один из трех постулатов, как и при классификации по I-однородности.

Построенная нами аксиоматика позволяет единообразно и исчерпывающе строить все 3^n n-мерные геометрии, отвечающие системам Кэли-Клейна (1), т.2, гл.17.

7. Кинематически осмысливаются I-неоднородные, но 2- и 3-однородные четырехмерные пространства. Точка интерпретируется как событие: постулированная прямая - как инерциальная частица; движение - как преобразование системы отсчета; близость - как возможность переслать световой сигнал.

Выбор постулата I-неоднородности, т.е. 3-го из постулатов (А), выделяет кинематику с предельной скоростью. Постулаты эквидистантности (Б) означают, соответственно, что расстояние между двумя мгновенно взаимно неподвижными инерциальными частицами со временем увеличивается, или сохраняется, или убывает. Первый случай дает космологию "расширяющейся вселенной", бесконечной во времени, но сферической в пространстве. Второй случай дает обычную частную теорию относительности. Третий случай дает космологию "пульсирующей вселенной", возможно, замкнутой во времени[80]; само пространство при этом - Лобачевского.”

Название статьи и список литературы оставались прежними. Рисунок, по совету Орловского, я сделал не цветным. В тексте уже была дана разметка на курсив - вместо дилетантских подчеркиваний прежнего варианта.

Этот вариант - десятый по счету среди сохранившихся, а было еще пять или шесть утраченных[81] - был, наконец, одобрен Залгаллером и Александровым, которые показали его академику Владимиру Ивановичу Смирнову, который вовсе и не знал меня, и даже работал-то на физфаке, а не на матмехе. Тот согласился

[80] Â (4) ñòð. 79, ñòðîêà 21 âìåñòî “âðåìÿ - çàìêíóòî” ñëåäóåò ÷èòàòü “Âðåìÿ îæåò áûòü çàìêíóòî”.

[81] Ñðàâíèòå åãî ñ ïåðâîíà÷àëüíûì. Íè÷åãî ïîõîæåãî? À? Îäíàêî - âåäü îá îäíîì è òîì æå. “Ñóòü” îñòàëàñü ïðåæíåé, èçìåíèëèñü “òî÷êî ôîðìóëèðîâêè”. Â ýòîì è ñîñòîèò òðóä íàïèñàíèÿ.

предоставить его в Доклады. Для-ради надежности Залгаллер продублировал и послал копию Решетняку - который вместе с Боровским в 1959 году по призыву Хрущева перебрался из Ленинграда в Новосибирск создавать Академгородок - заручившемуся согласием академика С.Л.Соболева представить эту заметку в Доклады. Ни я Соболева, ни он меня тоже лично не знали и не видели.

Но тут возникло новое препятствие, из-за которого заметка тогда не была опубликована, но зато - как это ни парадоксально - я и оказался освобожденным досрочно.

Препятствие заключалось в правилах публикации научных работ в Советском Союзе. Наивные люди полагают, что, дескать, автор делает такие-то открытия, изобретает новые формулы, а журналы публикуют, что понравится. Нет. Для того, чтобы иметь возможность опубликовать свою статью в журнале, автор - во всяком случае, математик, ибо в разных дисциплинах несколько разные процедуры - обязан представить справки, что в его статье нет никаких открытий и изобретений. Ну, подробнее про все сие и поговорю позже, как того требует хронология. Но уже на грани пятидесятых и шестидесятых годов было введено правило, которого не существовало прежде или которое НЕ ИСПОЛЬЗОВАЛОСЬ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ прежде. Редакции стали требовать от авторов представлять наряду со своей статьей также справку от учреждения, где работает автор, что данное учреждение не возражает против публикации названной статьи. На каком-то этапе справка эта мыслилась как документ финансового характера: вообще-то надо платить автору гонорар, но математические журналы нищие, они гонорара не платят под тем предлогом, что работа выполнена в порядке служебного задания, по плану. Вот такая справка-разрешение от учреждения и является основанием не выплачивать гонорар. Но постепенно функция этой справки стала меняться, учреждение должно было ручаться за то, что в статье автор не разглашает никаких государственных тайн. Последняя редакция "акта экспертизы" уже требует засвидетельствовать, что опубликование названной работы "не могло бы принести вред Советскому государству," - формулировка настолько общая, что даже смысл утрачивает. Впрочем, поскольку учреждениям-редакциям-чиновникам нужны бумажки, а не смысл, постольку значение свое эти справки-акты сохраняют: отсутствие их служит основанием для НЕРАССМОТРЕНИЯ редакцией посланной статьи; у меня это повторилось в 1972-1974 годах. Механизм этот гарантируется тем, что Горлит не ставит своего штампа "В печать разрешается" на редакционных материалах при отсутствии этих справок-актов.

И вот, чтобы академику Смирнову направить мою заметку в Доклады, требовалось разжиться такой справкой с "места моей работы". С этого момента историю создания мною заметки "К основаниям геометрии" можно считать законченной; в дальнейшем текст почти не менялся, и с небольшими оговоренными там добавлениями опубликованный в 1964 году вариант совпадает с последним из вышеприведенных. Но история прохождения текста через публикацию отнюдь не закончилась. Только это другая история, частично рассказываемая в §17-20.

Времени брутто на редактирование своей заметки в ДАН я затратил два года: с лета 1958 по лето 1960 года.

Лежа на нарах в Тайшете в сентябре 1958 года, я наряду с этой статьей "К основаниям геометрии" обдумывал еще рассказ "Девятый вариант". Там предполагалось поведать о заключенном, который, лежа на нарах, пишет научную работу, забраковывает один за другим варианты и пишет, пишет... В моих замыслах рассказ не имел конца. В душе я не надеялся на счастливый конец. Мои письма матери лета и осени 1958 года проникнуты отчаянием и истерическим воплем: я здесь не выживу, гибель моя уже вот она. Когда весной 1960 года нас впервые вывели в зону каменоломного карьера, я дважды пытался выйти на огонь автоматчиков - "попок на вышках", - поперев напролом в наглую через запретку-колючку. Один раз меня вытащил - после второго выстрела - Карл Фрусин, а другой раз - до выстрелов не дошло, но автомат был уже вздернут, едва ли не упирался в мой живот - Николай Лунев. На самом деле конец выпал счастливым. Правда, вариантов пришлось забраковать больше. И я оказался не один, не в одиночестве - чего не ждал, когда обдумывал рассказ. Пусть же этот параграф сохранит название того, ненаписанного, рассказа.

§13. Не математикой единой

Лекции по философии воли; физические ереси; курс истории русской революции; окружение; переосмысливание проблемы собственности; курс математической экономии; Вольно-Российский Университет на Вихоревке в 1960

Линейность и неуклонность моей математической деятельности в годы 1958-1960 могут ввести в заблуждение. Нет, я не оставил своих нематематических привязанностей. И так же, как в случае с математикой, я почитал своим долгом ПОДЕЛИТЬСЯ с обществом своими знаниями. В случае с геометрией эта проблема приобретала - как всегда случается с математически ясно поставленной проблемой - более простой вид, нежели в случае с историей. Требовалось довести мое узкоспециальное знание до сообщества узких специалистов-геометров; путь к тому лежал через публикацию в определенном журнале при выполнении определенных стилистических условий. Когда же мысль обращалась к моим философски-социологически-историографическим знаниям, ни круг возможных адресатов моего знания, ни вид публикаций, донесших бы его до них, не выглядел ни определенным, ни устойчивым, ни доступным, ни однородным. Все делалось расплывчатым, а от того значительно труднее. Но я не отказывался от решения или поисков решения - что в глубинной своей сути, по-моему, одно и то же - и этой, более трудной задачи. А решение нескольких задач зараз, как я имел уже удовольствие писать, всегда стимулировало мои силы, изобретательность, проницательность. Множились ассоциации, возникали совместные решения.

Среди компаньонов по заключению попадались не одни бытовики-уголовники. Впрочем, и таким, порою, я повествовал историко-фантастические байки, где жрецы Древнего Египта переплетались с инопланетянами, которых, закодировав в электромагнитное излучение, посылал кто-то с далекой звезды на Землю[82]. Это я, так сказать, писал устную беллетристику. Особенно любил внимать таким фантазиям один профессиональный убийца, имевший не менее десятка хладнокровных "мокрых дел" при квартирных ограблениях. Он спал как раз подо мной на спецу у Гитлера, и его фамилия-имя поминаются в списке Б.Вайля в §10, да я не хочу ее называть. Он, в свою очередь, делился, как он уделывал баб.

Не все были убийцами. Встречались даже люди очень высоких нравственных правил. Вот цитата из моего письма от 06.02.63:

"Дело было летом 1960, в Вихоревке, на карьере. Мы с Карлом узрели, что сквозь проволоку в зону забралась курица и шагах в двадцати от нас снесла яйцо. Голодные мы были все, усталые. Уже отмечались случаи, когда в лагере друг у друга воровали продукты, вот мы с Карлом и стали обсуждать: 1) как поступят с яйцом прочие и 2) как следовало бы поступить в этой ситуации с позиций морального

[82] Îñíîâåííî ëþáèë ÿ ìóññèðîâàòü è äåòåêòèâíî-ïñèõîëîãè÷åñêè óñëîæíÿòü ñèþ èäåþ, ââîäÿ äâîéíèêîâ: èíîïëàíåòÿíèí ïåðåäàåò ñâîþ - îáðàçîì ëó÷îì êëåòêè ñâîåãî ðàäèçìà - íà Çåìëþ îäíî ðàç, äðóãîé, ñîðîê ïÿòûé. Ïåðåäàâàííûå êîìè âñòðå÷àþòñÿ - è âîò òóò-òî íà÷èíàåòñÿ! Óâû, ïîòî âñå ýòî ÿ ìíîãî ðàç ÷èòàë â ÷óæèõ íàó÷íî-ôàíòàñòè÷åñêèõ ïîâåñòÿõ, à ñáîðíèêà ìîëî òàê è íå âûøëî... À âåäü ó ìåíÿ áûëî ëó÷øå, ïîâåðüòå ñòàðîìó ðàññêàç÷èê!

перевооружения бухманизма. И вот, пока мы (долго!) разглагольствовали, яйцо заметил один галичанин. Он и по-русски-то плохо говорил, разве что матерился хорошо. Темный крестьянин. Изредка молился, как привык в детстве. И вот он, без слов, подошел, взял яйцо, отнес к запретке и крикнул: "Эй, хозяйка, твоя кура яйцо снесла. Возьми," - и ушел. Взглянули мы с Карлом друг другу в глаза, стыдно нам стало за многоглаголанье..."

Но этот "галичанин", как я осторожно выражался для цензуры, конечно, был не "политическим", а "военнопленным" рядовым УПА. И разговаривать мне с ним было не о чем: в сердце своем он мне, москалю, не верил. А в проявлениях был темен и не интеллектуален.

Но бывали и те, кто сидел в самом деле за политику - если, конечно, не быть чересчур ригористом и не отрицать вослед за Юрой Гастевым политического характера всех дел по 58-й (см. §1 гл.1). Уже помянутый Митрейкин, хотя не относился к ним, но по живости интеллекта и кругу своих интересов скорее должен быть причислен к политикам. Он был, наверное, первым, которому я прочел довольно длинный и связный курс лекций. Один из таких циклов назывался "Философия воли"; он возил записи вделанными в толстую тетрадь с описаниями упражнений по хатха-йоге.

Вот - в его редакции - некоторые положения этого курса:

"Философия решает два вопроса: 1) в сфере мышления и 2) в сфере практики. В сфере мышления основным, первостепенным вопросом является вопрос о границах познавательной способности человека.

В сфере практики основным вопросом является вопрос о ценности человеческого бытия, о смысле жизни.

Философия может быть явной (осознанной), т.е. выраженной индивидуальными авторами в форме философских произведений, и неявной например, философия, входящая в состав религий, песен, преданий, просто повседневной жизни. ...

Платон ... подлинная сущность вещей. Кант ... ноумен. Шопенгауэр ... Воля. Ницше ..."

За этим предисловием следовала биография Ницше и почти без комментариев близкий оригиналу текст "Так говорил Заратустра". Камю, Ясперса, Киркегора и пр. я тогда не знал. Однако споры про экзистенциалистов уже велись на пересылках - помню. Хотя этого нет в записях Митрейкина, а впервые мною такой тезис зафиксирован на бумаге три года спустя, наверняка нечто подобное нижеследующему я ему говорил, может быть, не в такой афористичной форме:

"Говорят, что машина сможет заменить и превзойти человека, ибо он может мыслить, а человек отличается от животных и превосходит их своим мышлением. Следовательно, раз машина может мыслить лучше человека, она его превзойдет. Некоторые пугаются такого вывода и обрушиваются на единственную, по их мнению, доступную посылку силлогизма, заявляя: машина не может мыслить! Ее действия нельзя назвать мышлением! По-моему, решение парадокса находится не так. Машина может мыслить. И

мыслить лучше человека. Но не мысль главное в человеке. Мысль - это орудие малого разума - является одним из простейших, механических действий. Главное в человеке - воля. Правда, воля есть в любом субъекте. Но отличаются между собой живые и неживые (и т.д.) существа объемом своей воли и ее интенсивностью. А никакая машина не в силах заменить человеческую волю. Но, как известно, волю нельзя объективировать понятиями ..."

Говоря технически, я выступал против заблуждения Фомы Аквинского, который вроде бы первый в европейской философии поставил интеллект (мышление) выше воли (в частности, выше любви). А неграмотные атеисты, повторяя вослед за отцом церкви Фомой Аквинатом слова о величии человеческого разума, воображают, будто бы борются против религии!

Моя философия воли имела одно нетривиальное применение несколько месяцев спустя после прочтения лекций. Заболел у меня зуб. Требую врача. Нету. Когда приедет - скажем. Месяц, два, не помню уж сколько, ноет и дергает. Ладно. Приезжает зубной врач. Вызывает одного за другим - много нас таких. Доходит очередь до меня. Сажусь перед бормашиной. Он смотрит и разводит руками: можно, конечно, запломбировать, но для этого надо сверлить, а перед тем успокоить нерв, но вот у него кончилось лекарство (мышьяк, что ли). Поэтому на мой выбор: либо он будет сверлить без умерщвления нерва, либо отложит пломбирование до следующего своего приезда через несколько месяцев. Впрочем, можно и вырвать зуб, но зуб в основе здоровый. Прикинул я: рвать - зубов не остается. Ждать - не вытерплю столько времени. Сверлить - да я же никогда не мог терпеть бормашину и в идеальных условиях. А, сверлите! Начал он. Боль адская - по живому-то нерву. И вот, извиваясь от боли, я вдруг как очнулся: но ведь воля - выше всего. Воля может заставить испытывать радость вместо боли и боль вместо радости. А ну-ка, скомандовал я себе, испытывай РАДОСТЬ. Это ПРИЯТНО, когда сверлят зуб по нерву, ВОСТОРГ испытывай! И, в самом деле, мгновенно боль отступила, и я погрузился в блаженство, кайф, наслаждение. Даже досадно показалось, когда бормашина умолкла. Дантист заметно удивился, как я спокойно перенес, но я не посвятил его в свою "профессиональную тайну". Прошло четверть века, рассекречиваю.

Митрейкину или Карлу Фрусину читал и полусерьезные, полушутливые лекции об атомной физике. Тут приходится подробнее разъяснить мою позицию. С моей точки зрения, атомная - и мельче - физика в XX веке не является наукой. Тому имеются две причины: одна собственно внутри-научная, а другая - социально-деонтическая. Собственно научная такова. Наблюдения за мирозданием показывают, что в природе словно бы все вещи составлены из похожих деталей, но однако не существует двух идентичных вещей, ни деталей. Нет двух одинаковых камешков, нет двух тождественных листьев. Они - похожи, но всегда между двумя схожими экземплярами обнаружатся различия. Таков эмпирический факт. Однако атомно-ядерно-квантовая физика за исходный постулат принимает положение о тождественности, скажем, всех электронов. Это допущение о том, будто бы в природе могут существовать неотличимые, совершенно одинаковые штучки в огромных

количествах, настолько противоречит моему эмпирическому знанию о неповторяемости предметов физического мира, что я не могу поверить никаким выводам из него. Электрон тогда перестает быть предметом физического мира, ведь современная физика как раз настаивает на том, будто весь физический мир состоит из электронов (и прочих столь же стандартных частиц). Нет, это игра ума, удобные понятийные конструкты, - все что угодно, только не "реальность" и не "отражение реальности". Таково мое внутренне-научное возражение против современной физики. Социально-деонтическое, выходящее за рамки физики возражение против нее сформулировалось у меня позже, потом и напишу, главе в 6 или 9.

И вот я полюбил играть с мыслью, что надо бы физику перестроить, приписывая электрону массу и заряд не стандартные, а плюс-минус 1%, 10%, 0,1% с вероятностным распределением отклонений. То же относилось к протону и вообще к нуклонам. Таким подходом легко объяснить "туннельный эффект": средний электрон не в силах преодолеть такого-то силового барьера, а исключительно отклоняющийся - но зато и редко встречающийся - от среднего электрон - может. И мои "лекции" - вот никак не могу вспомнить, в чьей записи - уплыли от меня, из Озерлага достигли Дубравлага и попали на глаза Ю.Б.Меклеру. Тем же невосстановимым путем пространствовал до меня уж на Владимир его возмущенный отзыв: "Никакого отношения к современной физике это не имеет!" Забегая на два десятилетия вперед, сообщу, что теперь - благодаря моим настояниям - эта идея уже нашла себе выражение в форме публикации моего сыктывкарского ученика. А именно: он доказал, что все известные на 1976 год "элементарные частицы" барионы МОЖНО рассматривать как одну-единственную частицу, параметры которой раскиданы со случайными уклонениями, вроде как у людей вес, рост, объем талии[83]. Конечно, например, А.Д.Сахарова это доказательство не убедило и он, подобно Меклеру, не заинтересовался моим рассказом о результатах Громова.

[83] Òî÷íåå, ãèïîòåçà î òîì, ÷òî âûáîðêó èç 49 áàðèîíîâ ñ òî÷íî-óñòàíîâëåííé ìàññîé ìîæíî ðàññìàòðèâàòü êàê íåïðåðûâíî ðàñïðåäåëåííóþ (ïî ãàììà-ðàñïðåäåëåíèþ èëè ëîã-íîðìàëüíî) ñëó÷àéíóþ âåëè÷èíó, íå îòâåðãàåòñÿ õè-êâàäðàò-êðèòåðèåì Ïèðñîíà, è ò.ï. Ñì.Ãðîìîâ Í.À. ñòàòèñòè÷åñêîå èññëåäîâàíèå ñïåêòðà ìàññ àäðîíîâ. Äåïîíèðîâàíî â ÂÈÍÈÒÈ 12 ìàÿ 1977, [1]1880-77. Ðåôåðàò â ÐÆÔèçèêå 1977, 9Á, 440.

Владимир Алексеевич Переверов (слева) и харьковец Николай Пасыник. Озерлаг, 1958 г.

Читал я еще Митрейкину лекции по языкознанию: начала компаративизма, фрагменты из истории лингвистики. Системати-ческие серьезные лекции начались у меня со знакомства с Володей Переверовым. Впрочем, хронологи-чески они были первыми. Шестью годами моложе меня, он имел гораздо больший жизненный опыт. В шестилетнем возрасте он последовал за своей матерью, забранной немцами в Ost-Arbeiterin, с берегов Азовского моря на запад Германии; ср.прикидки, что могло бы случиться со мной, в конце §3 гл.3. Освобожденные англичанами, они вернулись в СССР, но уже в 12 лет он по обвинению в грабеже получил 10 лет. Да-да, в двенадцать лет на десять годков. Был освобожден бериевски-ворошилов-ской амнистией. А в 1956 году он загремел уже по 58-10, тоже на 10 лет. Я не буду вдаваться в описание его жизни, я хочу надеяться, что он сделает это сам, а если я вмешаюсь и расскажу про него, то он по лености возомнит, что ему и работать больше не надо. В нем я обрел идеального слушателя: ему было интересно, и он не стеснялся перебивать меня вопросами по существу дела. Мы были вместе недолго, но я выплеснул на него курс истории русской революции - от декабристов до пятого года. Порой при этом присутствовали и другие случайные слушатели. Ведь читались лекции где-нибудь в укромном уголке рабочей зоны, где никто из начальства не накроет бездельников, а побездельничать хотелось не нам одним; зачеты же в Озерлаге практически не начислялись, как я писал. Восприятие русской истории как единого процесса борьбы за освобождение от декабристов до наших дней уже сложилось у меня к тому времени. Именно тем ценна для меня поэма Айхенвальда "Листопад в Калуге", написанная в 1970 году, что в ней воплощена эта моя заветная идея, а не тем формальным обстоятельством, что она посвящена мне и Вайлю. Содержание моего курса было подчинено этой концепции. Поиски политических прав - права на социальное участие, как уже в 1959 году вычитал я формулировку в одной из социологических книжек, - и тупое, бессмысленное и жестокое противодействие царской власти[84] этим поискам. Я не идеализировал Чернышевского, разделяя воззрения на него Достоевского (вплоть до "Крокодила") и Лескова (нынче

[84] Òåðìèí "öàðñêàÿ âëàñòü" âêëþ÷àåò â ïîíÿòèéíûé àïïàðàò Íèêîëàÿ I, è Àëåêñàíäðà II, Àëåêñàíäðà III, Íèêîëàÿ II. È ïðàêòè÷åñêè âñå ïåðâóõãîä ÷èíîâíè÷åñòâî, áþðîêðàòèþ ìèíèñòåðñêîãî óïðàâëåíèÿ è áîëüøóþ ÷àñòü ãóáåðíàòîðîâ è èõ áþðîêðàòèþ.

добавлю - Набокова), но я проводил мысль, что гонениями на Чернышевского царская власть гораздо сильнее ослабила себя, чем если бы она оставила его на свободе проповедывать свою чушь в журнале. Я не знал тогда имен Васильчикова, Самарина, Чичерина, поэтому доказательства того обстоятельства, что царская власть препятствовала любым самым умеренным стремлениям к политическому улучшению в стране, были у меня более банальными и расхожими в советской историографии 1920-1940 годов; но уже тогда я отмечал важность роли славянофилов и тот факт, что царизм их преследовал. Уже тогда я знал, что суть крестьянской реформы 1861 года заключалась в освобождении крестьян С ЗЕМЛЕЙ, а не в "ограблении" крестьянской земли. Инцидент с Каракозовым я воспринимал как изолированную случайность вне общего хода освободительного движения. Но с Нечаева - начиналось. Тут я подробнейшим образом припоминал и воспоминания Засулич, и "Бесов", анализировал логику идеологии и психологию характеров. Противопоставляя Нечаеву чистейших Чайковского и Кропоткина, я датировал рождение партии социалистов-революционеров началом семидесятых годов - "Социально-революционная партия Земля и Воля". По-моему, в этих лекциях я не вдавался в анализ социализма, его уместности-неуместности, осуществимости-неосуществимости. Мне помнится, что Володя тогда мыслил в социалистических терминах и дискуссий на эту тему на возникало. Но пафос ратоборства народовольцев я усматривал не в стремлении к социализму, а в жажде ПОЛИТИЧЕСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ России. Именно потому эта горсточка людей фактически выражала устремления ВСЕЙ мыслящей России и в конечном счете посмертной инерцией свалила-таки царскую власть. Именно потому Достоевский признавался, что не мог бы выдать полиции бомбистов, про которых узнал бы, что они идут убивать Царя. Басни о том, что "не убей Перовская Александра II, в тот день была бы подписана конституция", я отвергал, как к сим ходячим домыслам относиться и подобает. Причину гибели “Народной воли” я усматривал исключительно в умелой деятельности Плеве и Судейкина, т.е. считал эту причину полицейской, а не политической (и, нечего говорить, не социальной, не экономической, не классовой). В этих лекциях я припоминал все, что мог - и перевирал, конечно, по памяти-то! Но эти частные ошибки совершенно не важны, по-моему. Я рассказывал, как потом преемники народовольцев и уцелевшие из них создают "Партию народного права" - почему-то именно эта партия больше всего импонировала Володьке, - которая уже откровенно сворачивает социалистические знамена, провозглашая борьбу за правовое общество, за нормальные политические свободы первостепенной задачей. Подчеркну, что это было именно ПОЛИТИЧЕСКИМ шагом, а отнюдь не "изменением мировоззрения" и тем более не "ренегатством". Ведь основатели этой партии Аптекман, Натансон, Пешехонов, Тютчев доказали своей личной деятельностью впоследствии, что никогда не уставали верить в идеи социализма и считать его КОНЕЧНОЙ ЦЕЛЬЮ своих жизненных усилий. Но в 1894 они добивались достижения цели ПРОМЕЖУТОЧНОЙ, а не конечной. В силу инфантилизма и неграмотности мышления у большинства советских авторов, пишущих на исторические темы, такие различия смазываются, остаются непонятыми. Это знамя “Народного права”

подхватил - хотя тут не было персональной преемственности, а я всегда тщательно прослеживал именно биографические обстоятельства, личности для меня были важнее программ - шесть лет спустя "Союз Освобождения", который, так сказать, служил "надводной" нелегальной частью "подводного" легального земского движения. В то же время социально-революционная партия возродилась и в виде газеты, и в образе Боевой Организации. Сложнейшее переплетение земского движения, гапоновского дилетантства и систематического центрального террора привело к победе Русской Революции в 1905 году. Где-то на периферии барахталось, домогаясь привлечь к себе внимание, невлиятельное социал-демократическое движение оторвавшихся от России полузнаек. С особым омерзением отзывался я о Плеханове.

За 1905 год я перевалить не успел: нас разлучило начальство, швырнув меня на спец. Мне-то и на общем еды не хватало. Володька, проповедуя в ту пору теорию "малоедения", подкармливал меня своей пайкой. А тут на спец, на пониженную норму... Володька увез с собой кучу стенограмм и протоколов съездов, которые в моем истолковании помогали ему понимать, откуда пошла есть земля советская.

На спецах подходящих слушателей не находилось. Ну, конечно, попадался культурнейший человек Горбовой[85]. Но ему мои лекции были не нужны. Напротив, я сам внимал его рассказам по истории Украинского самостийного движения, одним из авторов которого - движения! - был он сам. Ну, его телохранителям и оруженосцам Николаю Курчику и Степану - забыл фамилию - я преподавал систематически географию, но в пределах школьного курса. Были и другие, перед памятью которых я до сих пор благоговею. Из украинцев еще - Михаил Михайлович Сорока, так и умерший в тюрьме. Из литовцев - Пранас Рачунас, который дал мне текст Евангелия от Иоанна на литовском языке в первые дни моего пребывания на Воркуте. И я дорогой выучил изрядную долю текста - овладевая таким образом литовским языком, ибо по-русски-то я Евангелие помнил. И был еще один, у души которого я смиренно прошу прощения за то, что забыл и имя его и фамилию. Он прибыл этапом с Колымы, где сидел с 1932 года. Тогда он был осужден за участие в настоящем кружке сопротивления в Ленинграде - не оппозиционно-троцкистском, а общегуманистическом, в упомянутом выше смысле "Листопада в Калуге". В лагере ему несколько раз набавляли. В момент прибытия ему оставалось еще лет двадцать сроку. Ноги его были покрыты от бедер и ниже черными цинготными пятнами. Дух его был бодр и светел. Немногословен, несгибаем, неведом.

Но таких было мало. Считанные дни, когда в камере вдруг возникал кто-нибудь вроде них. Иногда в соседних камерах оказывался родственный по духу человек, с которым заводился обмен записками или книгами. Впрочем "обмен" преимущественно бывал односторонним - книги давал я. Мне ведь много книг присылали. Вот, например, список книг, переданных мною 9 марта (1959 или 1960 года) в камеру №9, скорее всего Толе Куралину:

---

[85] Î íåì ÿ ïèñàë â "Ïàìÿòè" ¹3, â çàìå÷àíèÿõ íà êíèãó À.Ò.Ìàð÷åíêî.

"1. Хейнман. "Как буржуазные экономисты сражаются с советскими темпами."
2. VIII съезд РКПб.
3. III съезд РСДРПб.
4. Одуев "Реакционная сущность ницшеанства".
5. "Контрреволюционный заговор в Венгрии".
6. "Александр Ульянов".
7. Тетрадь по Греции.
8. "Государство Израиль".

Тетрадь по Греции - это не книга, а мой конспект какого-то учебника по древней истории, перемежавшийся сведениями и историософскими размышлениями о русской и всемирной истории, главным образом под углом Шпенглера - Тойнби.

Зато, кажется бессменно, весь старый корпус высидел со мной бывший стукач, тоже с Колымы. Его там кум уговорил кого-то заложить обещанием на освобождение, а после доноса или показаний отправил его назад в барак, да еще не позаботившись скрыть от обитателей его роль. Ну, на Колыме его много били. Он уже отошел от стукачества, ненавидел начальство. Лежал, не двигаясь, закутавши лицо бушлатом и испуская вонь, и безостановочно бормотал:

- Выбросили, как гондон, бляди.

Ни с кем никогда не разговаривал. Писем не получал и не отправлял. Никто никогда не угощал его ничем из посылки. Он лежал наискосок от меня, внизу, на противоположном конце.

Порой я взрывался стихами:

"Алый парус! Мечта неотвязная!
По этапам и нарам со мной.
Алый парус. что в жизни прекраснее -
Море, парус, песок и прибой.

Алый Парус! О, сказочник дивный,
Для чего ты мне душу пронзил?
Воры, суки, их споры и кривды...
Унеси меня прочь, унеси!

Плоскогорье где льется Суанское,
Где живет домовой у печи...
Отчего нельзя жить просто сказкою?
Помолчи же сосед, помолчи!"

Но преимущественно я не позволял себе так расслабляться, а думал. И в 1959 году в моих политических установках произошел перелом. Простая, вполне тривиальная мысль посетила мою голову и прочно осела в ней, потеснив прежние убеждения и предрассудки. А именно: я задался вопросом: каковы экономические гарантии политических свобод? Каков, так сказать, экономический базис свободы слова, свободы вероисповедания, свободы печати, свободы выбора, свободы социального участия? Ответ был таким простым, он до такой степени полностью содержался имплицитно в общеизвестных марксистских тезисах, что стыдно сознаваться, что

додумался до него только под тридцать лет! Собственно здесь, как в математике: достаточно правильно задать вопрос, чтобы тут же получить ответ, но вот догадаться ПРАВИЛЬНО задать вопрос - это очень нелегкая наука. Конечно, ясно же, что наличие экономических средств, собственности - у этих самых субъектов слова, вероисповедания, печати, выбора, участия. В противном случае "кто платит, тот и заказывает музыку" - владелец, точнее распорядитель, экономических средств назначает, какие говорить слова, каким богам поклоняться, чем заполнять газеты, кого выбирать, в чем участвовать... Следовательно, для истинной свободы всех названных человеческих побуждений нужно, чтобы собственность была как можно сильнее раздроблена! Не слияние ее в одну или две формы собственности, а раздробление. Логические следствия из этой мысли я позволю себе не приводить - они очевидны. Хотя иногда я формулировал следствия этого открытия в терминах "социализм-капитализм", обычно я избегал такого противопоставления из-за неточности, неопределенности этих терминов. Ведь "реальный капитализм" нашего времени так же сильно отличается от "капитализма" марксовских времен, как "реальный социализм" нашего времени - от мечтаний Бакунина, Маркса, Оуэна, Прудона, Сен-Симона. Свобода невозможна без частной или мелкогрупповой собственности на средства производства. Мне пришлось ликвидировать свою безграмотность и изучить различные аспекты собственности: владение, распоряжение, пользование, использование, отчуждение и т.п., см. любой учебник римского права.

Когда нас из камер спеца стали с 27 мая по конец сентября 1960 года выводить на карьер-каменоломню, я ближе познакомился с Фрусиным, Луневым и Шайдуллиным. У них у каждого была чистая 58-10, было общее стремление к бескорыстному знанию и некоторая позиция справедливости. Образование у них было разное, от высшего до низшего. Карл Семенович Фрусин получал из дому такие книги, как Б.Рассел "История западной философии", изданную у нас с опущением главы о Марксе и с грифом "Для научных библиотек" и Р.Карнап "Значение и необходимость" - с тем же грифом. Последнюю я у него выклянчил, первую не смог. Он человек грамотный, живет в Австралии, пусть сам пишет свои мемуары. Николай Родионович Лунев ничего из дому не получал, кроме писем от родителей о бедственном положении его малолетней дочери, оставшейся и без матери (умерла). Профессией был он плотник, но был начитан. Хамид Шайдуллин с трудом читал и говорил по-русски. Мы сошлись, скооперировались в "артель", стали работать вчетвером. Потом прибыл Переверов. Они взяли на себя выполнение и моей нормы, а я принял на себя просвещать их на все доступные мне темы, от космологии, до истории. Им я повторил курс истории русской революции (возможно, обогатив плодами недавних размышлений - у меня не сохранилось ни клочка записей). Возможно, из-за Карла я обогатил курс также соображениями насчет роли евреев в русской революции. Надо сказать, что среди зека был очень сильно развит антисемитизм - гораздо заметнее, нежели в отделах кадров на воле! Помню, когда одного украинца майор Эттлин одновременно со мной заталкивал в карцер, тот орал:

- В России 250 миллионов жидов, но все они маскируются!

Да, так вот Карла часто и зло задевали. Он не давал спуску, а так как он был рослый и крепкий, то его побаивались. И тема "евреи" была наболевшей. А массовое участие евреев в русской революции с конца XIX века - бесспорно. Моя позиция была: даже непропорционально большое участие евреев в революции не меняет исконно русского характера всего освободительного движения. Про роль расселения евреев по трем государствам - России, Австро-Венгрии и Германии - в ходе этой революции я додумался уже позже, главным образом, в "репетициях" с Вилей. Хотя это тоже тривиальная мысль. Но, конечно, непропорциональное участие евреев придавало революционному движению специфическую окраску[86].

Второй цикл лекций, прочтенных им, были лекции по математической экономии. От этих лекций сохранились тетради с моими записями не самих лекций, а того, что я нашел нужным записать после того, как попробовал свои мысли на язык, на слух. Высказал, обсудил, совершил "разведку словом" - теперь пишу. Пишу с учетом возможных шмонов, в предвидении цензурных проверок при отсылке или в иных ситуациях. Вот оглавление этой тетради:

"Введение в методы 7
1. Продукция и ее свойства 7
2. Цена и ее математическое различие от продукции 17
3. Математический аппарат, связанный с преобразованием классификации 23
4. Производственные или технологические операторы 29
5. Модель Вальраса или задача о соответствии выпуска спросу 37
6. Некоторые следствия теоремы Вальраса-Вальда 47
7. Модель Вальраса при ограниченных ресурсах и дальнейшие экономические законы 54
8. Задача о расширяющемся производстве в простейшей формулировке 63
9. Предприятие, его масса и система предприятий 67
10. Числовые примеры экономических затруднений, возникающих при решении задачи о расширяющемся производстве 73
11. Матрица излишков и теорема Томпсона 81
12. Модель Ноймана 85
13. Модель Леонтьева 90
14. Возникновение модели Леонтьева 97
15. Простое воспроизводство и модель Леонтьева 106
16. Экономический объект 109”

Но оглавление дает лишь отдаленное представление о том, что же я рассказывал. Конечно, §16, будучи хитроумным геометрическим вывертом, не присутствовал в лекциях. Идейный пафос записанного

[86] Çàáâãó íà íåñêîëüêî ãëàâ âîâðåä. Ìíå óäàëîñü - ïîñëå ïðî÷òåíèÿ Ë.Í.Ãóìèëåâà - ñäåëàòü íåòðèâèàëüíîå îòêðûòèå: ïîäàâëÿþùåå áîëüøèíñòâî äåÿòåëåé äâèæåíèÿ XIX âåêà ðîäèëèñü íà ïðÿìîé ëèíèè (îò ãëîáóñ) ïðèìåðíî îò Âåíû - Òðèåñòà äî Ñàðàòîâà - Ñàìàðû. Â 1840-1870 ãîäû. Íî âðÿä ëè ÿ äîæèâó äî íàäëåæàùåé íáàáîêè è ïóáëèêàöèè ýòîãî ðåçóëüòàòà. Ìàòåðèàë - íåñêîëüêî ñîò, áëèçêî ê òûñÿ÷å, áèãðàôèé. Îòíîñèòñÿ ê èäåå Ãóìèëåâà: ïàññèîíàðíîñòü ïîðæäàåòñÿ ëó÷åâûì, ëèíåéíûì âîçäåéñòâèåì èç òðîïîñôåðû íà ïîâåðõíîñòü Çåìëè.

варианта лекций в том, что три, казалось бы, самых различных подхода, три воззрения на экономику и производственные отношения оказываются РАВНОСИЛЬНЫМИ. Один подход можно было бы назвать МОНОПОЛИСТИЧЕСКИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ - стремление получить максимальную денежную (стоимостную) прибыль. Другой можно было бы назвать ПЛАНОВО СОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ - стремление произвести как можно больше продукции (не в стоимостном выражении, в натуральном!) при наименьших затратах ресурсов (натуральных). Третий подход можно было бы назвать РЫНОЧНЫМ - два игрока торгуются, но разумно, не поджигая складов оппонента, не отравляя его и не распуская про него клеветы, и в результате торга приходят к обоюдовыгодному соглашению. Так вот, мне казался потрясающе важным тот факт, доказанный математической экономией, что все три стратегии действия экономически равносильны, приводят к ОДИНАКОВЫМ ПОСТУПКАМ И РЕЗУЛЬТАТАМ. Итог, так сказать, не зависит от "философии", которою руководствуются. Это - доказанные теоремы, доказаны не мною.

Много внимания уделял я истории вопроса. Еще до Маркса Антуан-Огюст Курно высказал идею описать экономический процесс некоторым уравнением при соблюдении определенных неравенств. К сожалению, тогда математика была развита недостаточно, лишь после Курно создал Грассман аппарат "экстенсивных величин", т.е. "векторов". Поэтому методы Курно, фактически пытавшиеся свести ВЕКТОР продукции к одному ЧИСЛУ, были неадекватны предмету изучения. Конечно, невежественный Маркс обругал Курно, но не за истинные недостатки теории, а за "прислужничество капитализму", "измену делу пролетариата" и другие столь же содержательные грехи. Современник Маркса Леон Эстри Мори Вальрас в семидесятые годы прошлого века воспользовался идеей векторов и матриц, написал модель "затрат-производства" практически в современной форме (imput-output)[87]. Был, само собой, обруган Марксом-Энгельсом-Каутским. Однако Вальрасу не хватило тогдашних математических средств - опять же они еще не были развиты в математике[88] - для доказательства существования решения написанной им системы уравнений. Потом независимо к таким же уравнениям пришел Кассель, а Вальд в 1934 году дал математически строго доказательство существования решения.

Казалось бы, наличие математического решения должно было бы отмести все пустое словоговорение вокруг "неустранимости кризисов" - доказано, что кризисы можно устранить. Ан нет. В §11 я уже рассказывал, как Канторович в 1939 году совершенно самостоятельно и "в другой философии" пришел к подобным уравнениям, нашел их решение - и что из этого вышло. К слову, Канторович, как истинный математик, считающий непременным

---

[87] Óìó íåïîñòèæèìî, êàê âîñõèùàëèñü îòêðûòèå âåêòîðîâ âñå èùóùèå èñòèíû ëþäè XIX âåêà - çà èñêëþ÷åíèì ìàòåìàòèêîâ, êîíå÷íî! Í.À.Ìîðîçîâ äàæå â Øëèññåëüáóðãå óìóäðèëñÿ íàïèñàòü òðàêòàò î "âåêòîðèàëüíîì èñ÷èñëåíèè"; êàæåòñÿ, Ä.Ê.Ôàääååâ ïðèøåë â àëãåáðó îò ïðî÷òåíèÿ ýòîãî òðàêòàòà. Âåêòîð - ò.å. ñæàòàÿ çàïèñü íåñêîëüêèõ âåëè÷èí â ôèêñèðîâàííîé ïîñëåêàòóðå (ïî ïîðääëåíèþ Ýøáè) - êàê áû íà ëåòó ëîâèë è óäîâëåòâîðÿë ïîòðåáíîñòè âðåìåíè, íà÷èíàâøåãî ñòàíîâèòüñÿ ãðîìîçäêèì.

[88] Çäåñü ñèòóàöèÿ ïðîòèâîïîëîæíà òîé, ÷òî áûëà â òåîðèè ïðîñòàíñòâà-âðåìåíè. Ìàòåìàòè÷åñêèé ìîäåëü, îòâå÷àâøèé ñîâðåìåííûì òåîðèè îòíîñèòåëüíîñòè è êîñìîëîãèè ñ êðàñíûì ñìåùåíèåì ÁÛËÈ ðàçðàáîòàíû åùå â ñåðåäèíå ïðîøëîãî âåêà, íî òèçêè íå óìëëè ïðî÷åñòü ðàáîò Êýëè-Êëåéíà, è ïîòî èì ïðøëîñü 50-80 ëåò ñïóñòÿ çàíîâî "èçîáðåòàòü âåëîñèïåä", ïðèäóìûâàÿ "ôèçè÷åñêèå îáîñíîâàíèÿ", êîòîðûå íà äåëå íåðåëåâàíòíû.

подчинять свои достижения принципу перманентности (см. §3 гл.4) задумался и над тем, какое же место занимает теория Маркса в научном видении экономики. Оказалось, по Канторовичу, что определять стоимость продукции по труду, затраченному на ее изготовление, а труд - по общественно-необходимому времени, является правильным в одном-единственном случае. Если труд - единообразный, а орудия труда и предмет труда - не ограничены и поставляются извне. Например, когда речь идет о вскапывании участка земли на равноплодородной неорганической долине, а лопаты в изобилии бесплатно привозятся кем-то со стороны. В этом случае рекомендуемые Марксом рецепты совпадают с рецептами, предлагаемым оптимальным программированием.

Но вернусь к решению Вальдом уравнений Вальраса - Касселя. Только после Второй мировой войны, в условиях второй промышленной революции, когда Нейман указал на связь этой теории с теорией игр и когда появились ЭВМ для численного решения таких уравнений в масштабах фирм, только тогда Г.У.Кун нашел точные условия и сформулировал теорему о разрешимости, известную сейчас всем в линейном программировании как теорема Куна - Таккера.

Обращение мое к истории не ограничивалось этим узловым моментом. Например, рассказывая о модели Леонтьева, я вспоминал, что это - сотрудник советского Госплана, сбежавший в США в двадцатые годы и научивший всю Америку тем прогрессивным методам экономического анализа, которые были разработаны советскими экономистами до рывка "пятилетку - в четыре года!", - рывка, при коем этих экономистов посадили и постреляли, а методы их в их родной стране выкинули на помойку, заменив их волюнтаризмом Вознесенского, впрочем, тоже расстрелянного. К этому месту относился - хронологически - такой пассаж. Я брал некоторые иллюстративные цифры для соответствующих матриц и векторов, а затем рассуждал:

"Пусть некто, желая как можно быстрее вывести страну из промышленной отсталости, директивно задает темп роста 20%... Всего выпуска данного года, как мы ни комбинировали предприятия, оказывается после подсчетов, не хватит, чтобы осуществить необходимые затраты в следующем году. Нарушается закон технологического соответствия. Выбор произвольного темпа роста является нарушением чисто технологического фактора. Это приводит к несоответствию возможностей и намеченного. Ресурсов будет нехватать. В стране рождается товарный голод, дефицитность, перманентный кризис недопроизводства. Базаров создал соответствующую теорию:

"Для капитализма присущ имманентный кризис перепроизводства, а социализму характерен неустранимый кризис недопроизводства", БСЭ, I издание.

Срывают необоснованные планы. Начинаются поиски "виновников" срыва, розыски "саботажников" и порождается стремление путем фиктивного завышения показателей скрыть его срыв. Так неучет чисто технологических показателей порождает такие общественно-социальные последствия, как страх и ложь. Но даже если отвлечься от них, все равно налицо крушение перспектив,

что во всяком случае не способствует стабилизации общества и не порождает чувства уверенности."

Уходя в более далекое прошлое, я обсуждал проблему детерминированности социального развития (хода истории). Тут я выдвинул идею многофакторности. Точнее, я учил, что разговаривать о ПРИЧИНАХ в истории бессмысленно. Идея причины возникла в сравнительно простых ситуациях, например, в физической или химической. Она неприменима к ситуациям, когда невозможно неограниченно повторять опыт, выделяя причину в чистом виде. Скажем, при бросании камней с Пизанской башни Галилей мог зачеркнуть результаты, относившиеся к ветреному дню; результаты тех бросаний, когда мальчишки с улицы свистом или киданием камней вверх отвлекали его от точного счета секунд; результаты тех экспериментов, что он проводил после получения очередных пастырских посланий от величайшего физика всех времен и народов кардинала Беллармина, после коих он обливался холодным потом и у него дрожали руки. В истории же элиминироваться от подобного рода помех нельзя. И идея "причины" не выдерживает в ней критики. Но зато бесспорно, что на социальные события, на ход истории оказывают воздействие (влияние) те или иные ФАКТОРЫ. Я еще не знал тогда про существование "факторного анализа", разработанного в американской экономической, социометри-ческой и биометрической практике. Даже при наблюдении за уникальным, невоспроизводимым явлением можно догадаться, что некоторые факторы вовсе не сказываются на его протекании, а некоторые - сказываются заметнее, чем другие. И оказалось, что можно даже приписать численный "вес" разным факторам. Повторяю, тогда я не знал точных формулировок факторного анализа, но общие идеи его носились, наверное, в воздухе, потому что я их высказывал. За первооткрывателя я себя и тут не выдавал. Я считал, что общую методологию ФАКТОРОВ в социологии разработал П.Л.Лавров в своей полемике против марксизма, упрощенно сводившего - в жажде быстренького "монистического объяснения истории" - все зависимости в обществе к "экономический базис определяет производственные отношения”[89] и подобным перлам. Я же полагал, что одними и теми же производительными силами, данными англичанам и готтентотам, породятся куда как разные производственные отношения!

Раз уж я позволил себе заговорить в терминах матриц и векторов, то задержусь на еще одном доводе в пользу того, что "атомы живые". Этого я Митрейкину не рассказывал за его абсолютной математической безграмотностью, но инженеру Фрусину, кандидатура которого на место преподавателя математики в лагерной школе рассматривалась одновре-менно с моей (тоже была отвергнута, но его в тот раз швырнули не на спец, а на общий), рассказывал. В экономике каждое предприятие имеет свою "технологическую матрицу А" (чаще пишут многословнее "матрицу технологических коэффициентов"). Поступающая на предприятие

[89] Óæå îäíà ïîñëåäíÿÿ ôîðìóëèðîâêà íàãëÿäíî âñêðûâàåò òÿïëÿùèñîñòü, íåïðîäóêòèâíîñòü åå ïîïóëÿðèçàòîðîâ â ðóññêîì ÿçûêå: ãäå òóò ïîäëåæàùåå, à ãäå äîïîëíåíèå â âèíòåëüíîì ïàäåæå? Òî æå ñàìîå ñî çíàìåíèòîé ôîðìóëîé "Áûòèå îïðåäåëÿåò ñîçíàíèå". Îí çàêîíàì ðóññêîãî ÿçûêà ýòî îçíà÷àåò è "ñîçíàíèå îïðåäåëÿåòñÿ áûòèå", è "áûòèå îïðåäåëÿåòñÿ ñîçíàíèå", íî ñîçäàòåëÿì ýòèõ ôîðìóëèðîâîê íåêîãäà áûëî çàäóìûâàòüñÿ. Ííè ñëåïî ïðåâîñõîäíî.

продукция x (сырье, рабочая сила) перерабатывается в выпускаемую продукцию y. Математически это записывается уравнением $Ax=y$. Те нечастые случаи в экономике, когда $y=x$, отвечают автаркической экономике, замкнутой самой на себя, недеградирующей, и неразвива-ющейся. Аналогично можно представить себе экологические условия в виде матрицы A, обозначить наличествующую на начало года совокупность живых организмов (особей всех видов) в виде вектора x, а то, что останется на конец года - вектором y. Опять же формулой действия экологических условий на существа x запишется $Ax=y$. Если происходит вымирание, то $y<x$, если кролики в Австралии дико плодятся, то $y>x$. Устойчивое состояние - экологическое равновесие, экологическая ниша - получается, когда $y=x$, т.е. $Ax=x$. Аналогично можно рассмотреть гено-фенотипный оператор A, не стану на этом задерживаться. Итак, жизнь - экономическая, экологическая, фенотипная - в ее устойчивом состоянии СВЯЗАНА С УРАВНЕНИЕМ $Ax=x$, решения которого в алгебре называются "собственными векторами" матрицы A (отвлекаясь от масштабного множителя). Но со времен молодости Гейзенберга известно, что именно подобными собственными векторами - только не в конечномерных, а в бесконечномерных векторных пространствах - описываются объекты квантовой механики. Одно время квантовая механика даже именовалась "матричная механика". Можно представить себе, что атому (элементарной частице) свойственна определенная матрица, "перерабатывающая" условия среды. И атом существует, покамест его "выпускаемая продукция" совпадает с его "потребляемой продукцией"... Аналогия манящая... Эти свои импровизации я никогда не развивал до "серьезных разработок", тем паче до публикаций. Но устно разбрасывался ими направо-налево, в различных степенях подробностей, в зависимости от образования слушателя.

Какого рода мысли волновали меня тогда и обсуждались нами, проиллюстрирую выдержкой - формально не вполне законной, ибо цитируемый текст написан два года спустя уже во Владимире, выдержкой из моей рецензии на книгу "Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении" под редакцией Беккера и Боскова, 1961. Одна из статей сборника написана Знанецким:

"... 7°. Как в этом плане должна выглядеть социология? Она рисуется мне как геометро-кинематическая абстрактная теория, изучающая перемещения коллективных актеров (социальных учреждений) в пространстве ценностей. Рассматриваемая в отрыве от экономики, она - незавершенная, индетерминистская. Объединенная с ней, она, возможно, дает полное, детерминистическое (в широком смысле) описание человеческого поведения в человеческом обществе. Это описание количественное, на языке функций.

Такое описание должно быть дополнено, по мысли Знанецкого, "человеческими документами". А именно, пусть, например, мы установили, что в некотором обществе распределение индивидуумов по некоторому признаку носит характер нормального гауссова распределения. Тогда социолог обязан:

1) установить математическую закономерность,

2) доказать ее эмпирическими статистическими данными,

3) выбрать несколько представителей максимальной интенсивности признака и дать их человеческий портрет: их письма, дневники, образ жизни - словом, все, чтобы они стали нашими хорошими знакомыми. Здесь социолог должен быть поэтом,

4) выбрать несколько представителей минимальной интенсивности признака ("несколько исключений") и дать их человеческий портрет.

Говоря почти автобиографично: социолог должен "алгеброй поверить историю", но затем воплотить эту "алгебру" и живые образы "человеческой трагедии".

В таких вот лекциях и собеседованиях текло лето 1960 года от Рождества Христова в каменоломне на спецу на Вихоревке. Еще какие-то мои сочинения "онологичного содержания", как пишут в протоколах обысков, обращались в Озерлаге и Дубравлаге - не помню названий. Когда камень был исчерпан (фактически или по плану - не помню), нас перебросили на строительство кирпичного, кажется, трехэтажного, дома. Прежде всего мы четверо выстроили себе избушку из железных прутьев, фанеры и толя, с печуркой из бочки, где продолжали занятия нашего Вольно-Российского Университета, время от времени имитируя усердный перевоспитательный труд. Надо сказать, что в этом - в туфте, а не в труде - мы поднаторели настолько, что непрерывно имели перевыполнение плана и, как следствие, дополнительный ларек. Сим мы удачно отличались от Вербловской, которая все свои силы вкладывала в подневольный труд, очень гордилась, что была лучшим косарем то ли на бригаду, то ли на лагпункт, но однако никаких поощрений и поблажек за это не имела. Нам, конечно, помогало то, что наш начальник, капитан Комраков, был наркоманом.

§14. Я попадаю во Владимирскую тюрьму

Причина перемещения и причина причины; чудесная камера; усердные занятия математикой и обильные плоды; круг чтения

Почему я попал на крытку? Как всегда, причины скрываются одна под другой, как у луковицы. Внешняя причина, зафиксированная Определением выездной сессии иркутского суда, восходит к заявлению заключенного Лосенкова Василия примерно такого юмористического содержания:

"Начальнику лагпункта спецстрогого режима Озерлага
Заключенный Пименов надсмеялся надо мной, что я не смогу заработать денег на покупку аккордеона и со своими подручными Фрусиным, Луневым и Шайдуллиным отняли у меня камень, который я бы смог перевыполнить норму и заработать денег на покупку аккордеона, как работая в каменном карьере нам нужен камень и тем препятствуя мне честно трудиться...
Заключенный Лосенков, ст.58-1а, 25 лет ни за что."

Я не читал этого заявления, воспринял его только на слух при разовом зачтении, но стиль и структуру уловил - ручаюсь. По внешности оно так же анекдотично, как заявление моего отца в §7 с требованием освободить его на том основании, что у него не хватает зачетов для освобождения. Но не столь безобидно. Лосенков не был из каких-нибудь фаворитов начальства, жил себе "один на льдине". Бывший полицай. Ну, еще прежде, был он редактором коммунистической газеты в Минске, а когда туда вошли немцы, перестроился редактором выходившей под немцами газеты, пропагандировавшей свободу Белоруссии от евреев и прочие нацистские орднунги. Это все, что можно было узнать от самого Васи. Но такие преступления покрывались амнистией 1955 года и раз ему с четвертака ни года не скинули, значит, он принимал личное участие в карательных акциях, но про это он помалкивал. Он потихоньку сходил с ума, грезил уже много лет, как заработает деньги и приобретет аккордеон - который, к слову, и держать бы в камере не позволили. На карьере он, все так же в одиночку, выбрал удобное, по его мнению, место - по другую сторону бугорка от нас четверых.

Придется вдаться в технологию труда в каменоломне. Нащупанный в земле камень окапывается канавками, дабы его можно было шевельнуть. Под ним выкапывается ямка-ров, в которой разводится огонь. Разогревши, обливают холодной водой. Вслед за тем начинают дробить кувалдами, сначала разваливая на куски, а потом мельча эти куски на продукцию указанных размеров. Итак, Лосенков начал окапывать свой камень. Одновременно - мы свой, со своей стороны. Оба камня глубоко уходили в землю. Нас было четверо, мы работали вдесятеро быстрее хилого Васи, имея стимулом не какой-то онанический аккордеон, а желание поскорее "закрыть норму" и заняться делом, т.е. самообразовательными беседами. Когда мы смогли, наконец, качнуть камень, обнаружилось, что от наших усилий шатается и васин камень, и что это не два, а один массивный каменище. Мы его выдернули, Фрусин со смаком

прошелся в адрес антисемитизма вообще, полицаев конкретнее, а Васи особливо. Лунев разложил и разжег костерок. Шайдуллин тряхнул кувалдой. Я посоветовал Васе поиграть пока на аккордеоне и отошел подальше, ибо побаивался осколков от Хамида - один из них уже смазал мне руку.

Прошло три, если не четыре месяца с этой истории, нас уже перебросили на другой объект, как власти дали заявлению Лосенкова ход. Причем выделив именно меня.

Почему же? Потому, что истекал последний срок содержания меня на спецу. Срок водворения на спец тогдашними правилами определялся в полгода, мог быть продлен до года. В исключительных случаях - еще один раз продлен. Меня привезли на спец в ноябре 1958 года. Осенью 1959 года меня морочили обещаниями, что вот-вот переведут на общий (собственно, строгий, но по сравнению со спецом его обычно именовали "общий"), но внезапно оставили. Тут сгодилась история с письмами: Эттлин должен был отправить на почту мое письмо матери, уже пропущенное цензурой. Но он не снес его на почту. На следующий месяц - то же. Когда уже скопилось три письма (по письму в месяц), я зашумел, при разбирательстве выяснилось все беззаконие Эттлина, за что он посадил меня в карцер. Правда, решение оставить меня на спецу датировано до карцера, но при последующих объяснениях начальство с успехом ссылалось на то, что его приходится в карцер сажать, что из карцеров мол не выходит, такой нарушитель. Но все это было год назад, и ныне шел уже ноябрь 1960 года. Дольше держать меня, не рискуя нарваться на прокурорский втык, было небезопасно. В то же время никак не вмещалась идея, чтобы меня допустить на общий, где не камерный, а барачный режим, где сотни лиц. Значит, надо комбинировать. Тут мы встречаемся с одной любопытной закономерностью, до которой не дотумкалось правозащитное движение. Именно: наличие юридических прав, охраняющих граждан, порой - при известной коррумпированности администрации - оборачивается большими неприятностями для граждан. Не будь у меня оговоренного законом права выйти со спеца через такой-то срок, держали бы меня там по усмотрению, не изобретая никаких дополнительных мне гадостей. Но дабы не нарушать закон, им требовался документ, якобы я нарушаю порядки. И приходилось ущемлять меня. Тут заявление Лосенкова сгодилось как основательный предлог. А почему нельзя было пускать меня на общий? Да из страха перед словом. "Мое оружье - мысль, а твердая уверенность в свободе мысли - неиссякаемый источник моей силы." У них этой силы не имелось, они эрзацем выставляли штыки, колючку, непросохший цемент нового корпуса спеца.

И вот они придумали, как убрать меня с этого лагпункта, но не допустить на общий. Условия задачи приводили к однозначному решению: перевести меня в тюрьму, где камеры еще меньше, а режим еще строже. Конечно, сохранялась неоднозначность: переводить ли меня приговором или определением суда? В первом случае нужно возбуждать уголовное дело, инсценировать состав преступления, указывать статью УК, тревожить прокурора, следователей, допускать адвоката, может быть, ленинградского - все посторонний лагпункту элемент. Черт его знает, что может всплыть, ведь Пименов дошлый. Возьмет, продемонстрирует вшей на

суде - ему-то ничего не изменится, а нас по головке не погладят... Его голыми руками не возьмешь! А вот определение не требует никаких хлопот: обвинения Пименову вовсе не надо ПРЕДЪЯВЛЯТЬ, никаких процессуальных прав у него нету, никого постороннего не требуется. Лагерное начальство вносит постановление суду, суд поручает представителю лагадминистрации провести перед судом процедуру "опроса" (не ДОПРОСА, который регламентирован УПК), при которой "опрашиваемому" даже не сообщается ни о предстоящем суде, ни о выдвинутых против него материалах. После этого суд зачитывает Пименову определение, каковым определяется заменить Пименову часть неотбытого срока лагеря на тот же срок тюрьмой. Обжаловать не то что в Москву, даже в Иркутск невозможно, ибо определение на руки не выдается, даже глазами не прочитает, ишь какой грамотный! Нет, только то, что услышит в момент оглашения, очкарик затруханный!

Да, находкой обернулось для них заявление Лосенкова. А ведь повремени они с этим заявлением, то могли бы меня через десять месяцев и расстрелять. В мае 1961 года вышел Указ, который тогда не был распубликован, а только оглашен по тюремному радио и который сейчас вошел в УК статьей 77-1, согласно коей:

"... лица, осужденные за тяжкие преступления, терроризирующие в местах лишения свободы заключенных, ставших на путь исправления... а также организующие в этих целях преступные группировки... от восьми до пятнадцати лет или смертной казнью."[90]

В той же Владимирской тюрьме нам объявили по радио о расстреле Денисова, который, удерживая ЧЕРЕЗ КОРМУШКУ ПРИ ЗАПЕРТОЙ ДВЕРИ КАМЕРЫ за плечо капитана - он просил хоть кусок хлеба подкинуть, голодно было двухметроворостому Денисову - сорвал нечаянно у того погон. Расстреляли по этому самому Указу... Да, поторопились они, а то бы меня расстреляли! И, конечно, им бы не помешало, что Указ принят уже после совершения инкриминируемых деяний: в том же году осудили Рокотова за взятки-хищения на 15 лет. После вынесения приговора вышел Указ, повысивший санкцию по этой статье до расстрела. Приговор отменили, и в новом рассмотрении Рокотова приговорили к расстрелу. Газеты известили, что приговор приведен в исполнение. Так что, не поторопись они - расстрелять бы могли. А мне повезло. Мне вообще безумно везло в те годы.

Повезло уже тем, что из трех политтюрем того времени - Вильнюс, Владимир, Хабаровск (не считая одной таинственной, о которой ходили слухи, но в которой никто не бывал) - меня этапировали именно во Владимир. И дальше везло.

Итак, водворили меня в крытку. Ну, сначала там вдарили по мозгам: все продукты отобрали, посадили на пониженное питание на два или на три месяца. На первом этаже. Ничего, там был такой баптист, верзила чуть не до потолка, он задавал тон в камере, блатные не пикали. А взамен хлеба у нас с ним была духовная пища, и при обоюдном уважении мы благополучно управлялись с прочими

---

[90] Â ïðèìå÷àíèè ê ñò.77-1 â ÓÊ ñêàçàíî, ÷òî îíà ââåäåíà Çàêîíîì îò 25 èþëÿ 1962 ãîäà. Íåòî÷íî. Ââåäåíà íåïîñðåäñòâåííûì Óêàçîì â ìàå 1961 ãîäà. Âîçìîæíî, èìåëèñü ðåäàêöèîííûå îòëè÷èÿ.

сокамерниками. А на второй неделе марта 1961 года меня перевели в 93-ю камеру того же первого корпуса, на третьем этаже. И - о, в какую реку бросили щуку!

Не то чтобы это была молочная река с кисельными берегами. Нет, в ту пору зверского ужесточения режима ни о молоке, ни о киселе заикаться не приходилось (см. §6). Совсем не в этом заключалось мое везение на этот раз. Эта была математическая река с историческими берегами. И опять же везение возникало из стремления начальства сделать мне как можно хуже. Оно, узнав из тюремно-лагерной характеристики на меня, что я кого хошь в две минуты распропагандирую и включу в свою громадную армию-организацию, рассудило поместить меня с такими сокамерниками, которые автоматически обеспечат гарантию против распропагандированности. Гарантами оно выбрало "бериевцев", т.е. тех немногих аппаратчиков Берии, которые сидели во Владимире. Уж они-то и донесут сразу же - что те и делали исправно не реже трех дней в неделю - и пропаганде не поддадутся, да и у меня охоты с ними разговаривать не возникнет.

Если к этому добавить, что на работу в тюрьме в те годы не гоняли, то проясняется, почему я попал в райские условия, почему потекла математическая река с историческими берегами. Ведь эти бериевцы содержались в весьма приличных условиях. Не потому, что они будто бы, как писал А.Т.Марченко, "пользовались привилегиями". Нет, по совершенно иным причинам. Прежде всего потому, что они знали снаружи ту систему, внутрь которой их посадили, или, если хотите, "знали изнутри" эту систему. Поэтому они знали, как и к кому обратиться. Разница между ними и Толей Марченко во Владимирской тюрьме - это разница между людьми, идущими по болоту с хорошим топографическим планом, и человеком, не знающим даже, где он очутился, распластавшимся между двух кочек того же болота.

Сверх того, у многих из них был надежный и могущественный тыл на воле: не жалевшие на них денег богатые родственники, знавшие, кому и в какой форме дать взятку; этого также не было у Марченко, когда он "собирал материал" для книги "Мои показания". Однако все их "льготы" были незаконными и про них НЕЛЬЗЯ БЫЛО УПОМИНАТЬ. Когда Ира на первом же по освобождении свидании увидела, что я выбрит, она в следующем письме закидала меня вопросами: сам ли я бреюсь, сколь часто и т.п., так как помнила, что в лагерях-тюрьмах не бреют, а стригут под машинку. И едва ее письмо миновало тюремную цензуру[91], как в обеих камерах устроили грандиозный шмон, позабирали лезвия и много чего еще неположенного. Потребовалось несколько недель, чтобы восстановился прежний порядок, но вот зеркал при этом все

[91] Öåíçóðà âíèìàòåëüíî ñëåäèò, ÷òîáû ââîçèìîñòâåííûå ÓÏÓÙÅÍÈß íå ïîïàäàëè â ïèñüìà. Ïðèìåð. Èðà ñ Íàòåëëîé âñòðå÷àëè íîâûé 1961 ãîä â Íåâåëüñêîé, áðîäÿ ïî çíîå, òàíöóÿ ó âàõîû ïîä çâóêè âàëüñà ïîä ðàäèî. Íî ýòî æå âîïèþùåå íàðóøåíèå ðåæèìà: â 22.00 (èëè 23.00) îòáî, è íèêòî èç ç/ê íå èìåòü ïðàâà ñèäåòü, íå òî ÷òî áðîäèòü ïî çîíå. Òîëüêî ëåæàòü! Ïîýòîìó íåâåëüñêîé öåíçîð âû÷åðêíóë èç èðèíãî ïèñüìà ìíå "áðîäèëè è ñèäåëè äî äâóõ ÷àñîâ íî÷è". Âåäü ïèñüìî øëî â òþðüìó, è òàìîøíèå êîëëåãè îõîòíî ó÷èíÿò ïàêîñòü íåâåëüñêîìó íà÷àëüñòâó. Íà ïîíèìàíèè ÒÀÊÈÕ èõ îòíîøåíèé ñòðîèë Â.Áóêîâñêèé ñâîþ òàêòèêó, ïðèíåñøóþ åìó çàìàòûå óñïåõè â òîé æå Âëàäèìèðñêîé òþðüìå â ñåìèäåñÿòûå ãîäû. Íî äàáû ýòîìó íàó÷èòüñÿ, íàäî íå áûòü èäåàëèñòîì. À ýòî íåëåãêå äëî - ñîõðàíÿòü èäåàëû, íå áóäó÷è èäåàëèñòîì. È, êîíå÷íî, íå áóäó÷è è íå ïðåòåíäóÿ íà ñâîþ èäåàëüíîñòü...

лишились на очень долго. Надзиратели же "не замечали", что лица бриты.

И вели себя бериевцы с соблюдением правил человеческого общежития. Как люди, привыкшие ВЛАДЕТЬ СОБОЙ в разнообразных и тяжелых условиях. Не "самовыражавшиеся" подобно истерическим бытовикам с их "полевым зрением". На них нельзя было положиться, что они не стукнут на тебя куму, напротив, можно было быть уверенным, что СТУКНУТ, заметив мало-мальски подозрительное. Женя Брик, например, и не скрывал, что стучит, и даже теоретически обосновывал это. И вся тюрьма знала. Поэтому Валя Цехмистер слала мне записки со своего второго этажа - раздатчик боялся передавать их мне в руки, ведь мои сокамерники заметят, стукнут, и его, раздатчика, снимут с теплого местечка! Но мои бериевцы и не прикидывались, будто они мне друзья. Зато можно было положиться, что они не сожрут твою пайку, не отсыплют себе твой сахар, не привяжутся к тебе с душевными излияниями, не откроют форточку вопреки воле большинства камеры, не затеют драку в камере. Словом, гады, но цивилизованные. Из них один только подполковник медицинской службы, с забытой мною еврейской фамилией, который, по слухам, сидел за неудачные эксперименты над людьми (он работал в институте им.Баха и со мной стал разговаривать только потому, что я сразу при имени Баха протянул: "А, Алексей Николаевича!.."), нарушал заведенную корректность отношений. Он лез ко всем с настырностью какого-нибудь блатаря. В правительство он регулярно посылал "изобретения", как обезопасить от радиации (один способ помню - следовало после взрыва атомной бомбы замазать ноздри хлебным мякишем). А к нам ко всем приставал, вроде как ко мне в день запуска Гагарина в космос. Мы спускались на прогулку, и на лестнице он накинулся на меня:

- А Вы почему не улыбаетесь? Почему Вы сегодня не радуетесь?! Вам страшны наши успехи в космосе?!! Вы враждебно относитесь к Гагарину??!

И в стиле таких восклицаний он сразу же накатал донос, даже уйдя ради этого с прогулки пораньше. Но он был исключением, над ним и над его покушениями носить генеральскую папаху (что дозволено полковникам, но не подполковникам) все презрительно посмеивались, да и освободился он к осени 1961 года, отсидев свои 10 лет, так что можно сказать определенно, что приставаний в этой среде не было. Этим обеспечивался покой в камере. И текла в спокойствии полноводная математическая река.

В списке работ математического характера, сочиненных мною во Владимирской тюрьме - 69 (шестьдесят девять) наименований. Это за два с половиной года. Вот наиболее крупные - сохраняя нумерацию списка, составленного Орловским по присылавшимся через ЛОМИ и получавшимся им рукописям

"24. К вопросу о фонеме.

25. О геометризации лингвистики и происхождении языков.

28. Соображения по поводу возможного применения геометрии к биологии.

29. О геометризации экономики.

31. Ценность информации, геометрия и структура сообщения.

32. О применении математики к гуманитарным наукам.

33. Аксиоматика пространств, допускающих движение, и ее космологическое значение.

34. О логике речи.

35. К экономической динамике.

36. О заметке Ясинской "Полуэвклидовы и полунеэвклидовы пространства”.

38. Полулобачевская плоскость.

39. Об аксиоматизации и геометризации экономики и биологии.

49. Именованные римановы пространства.

53. Именованные сферические пространства.

56. Аксиомы дискретного линейного расположения и цветовая интерпретация.

57. Абстрактная теоретическая механика.

59. Общий обзор методов Милна.

60. К определению римановой кривизны и к формулировке теоремы Шура при знаконеопределенной метрике.

64. О математизации таксономии.

67. О преобразованиях (трансформациях) в грамматике.

68. Описание массовых феноменов геометрическим языком.

71. Полуриманова геометрия.

76. Основы алгебры протензоров.

80. Основы протензорного анализа.

82. Импримитивные геометрии.

84. Основы геометродинамики при ньютоновой кинематике.

86. Аксиоматическое определение тензора.

87. Построение плоскости на базе близкого следования.

92. Полуриманова геометрия (сокращенный вариант).

94. К пятимерной теории единого поля.”

Здесь даже не общее число работ важно, а сколько к каждой было набросков и вариантов! Можно было бы повторить §12. Ведь стиль моей работы не изменился. Даже не то самое важное, что я научился сразу писать так, как принято в журналах, и две из перечисленных работ (№ 92 и 93) тотчас по моем освобождении приняли в печать совершенно мне до того неизвестные редакции и редакторы, а это были объемистые по математическим меркам статьи по два издательских листа каждая. Они опубликованы под названиями "Полуриманова геометрия" в Трудах семинара по векторному и тензорному анализу и "Единая аксиоматика пространств с максимальной группой движения" в Литовском математическом сборнике. Три другие (№ 76, 80, 94) тоже опубликовали сразу же, но в урезанном виде, под названиями: "Алгебра флагтензоров" и "К определению полуримановых пространств" в Вестнике ЛГУ и "Применение полуримановой геометрии к единой теории поля" в Докладах АН.

Важнейшим было то, что я вышел за круг методов (аппарата), внутри которого находился в 1955-1960 годах. Из только что названных пяти работ лишь №93 относится к старой тематике - это подробное изложение с доказательствами теорем, анонсированных в заметке, которой посвящен §12. Прочие четыре - совершенно новая тематика, новый аппарат.

Говоря более специальным языком, до тех пор я рассматривал только пространства постоянной кривизны. Такие, куски которых можно свободно перемещать по ним самим вроде как куском стекла скользить по плоскости, осколком сферы - по сфере. С середины прошлого века формально известна, хотя всерьез стала разрабатываться только в XX веке, так называемая риманова геометрия (это совсем не то, что "геометрия Римана", упоминаемая в табл.1 §12). Это - геометрия переменной кривизны, когда участки так же невозможно совмещать друг с другом, как холмы Валдайской долины с Приэльбрусьем. Фактически имелось две довольно разных геометрии: одна "собственно риманова", которая обобщает ЛЕВЫЙ столбец табл.1, и "псевдориманова геометрия", которая обобщает ПРАВЫЙ столбец той же таблицы. В "левом случае" все прямые локально одинаковы, а в правом - в каждой точке имеется пучок одинаковых прямых, заключенных между двумя особенными прямыми (на рисунке - пунктирные; см. также первый рисунок в §9 гл.4). СРЕДНИЙ же столбец, когда кривизна была бы переменной, но в каждой точке имелась бы одна-единственная особенная прямая, ускользал от тех методов геометрического анализа, которые были известны до меня. Иными словами он ускользал по причинам неудачного математического подхода: аппарат, разработанный для собственно римановой геометрии и для псевдоримановой геометрии, не мог быть применен к этому случаю. Технически это формулировалось так: по определению риманова и псевдориманова метрика не вырождена (т.е. не обращается в ноль некоторый определитель), а наличие одной-единственной особенной прямой как раз означает, что метрика - вырождена.

Я же сумел построить аппарат, который единообразно накрывает все три случая. Средний столбец табл. 1 спокойно входил - наравне с правым и левым - в общую теорию. Соответствующую ему геометрию (при переменной кривизне) я естественно назвал полуримановой геометрией[92]. Аппарат получился сложным, громоздким, ибо он по самой сути является определенным усложнением (= "обобщением") тензорного аппарата. Того самого тензорного аппарата, которого мы с Тасей Тушкиной никак не умели охватить в изложении Д.К.Фаддеева... И для меня построение такого протензорного ("зам. тензорного" в переводе с латыни) исчисления значило в душевном смысле куда как много. То, перед чем я всегда пасовал, то, что мне было не по зубам, я осилил. Не просто выучил. Эко дело, выучить! Нет, я именно ОСВОИЛ, сделал этот аппарат своим. Я построил похожий на него, но более сложный. Такой, что прежний является всего лишь его частным случаем (о, великий принцип перманентности!). И построенный аппарат оказался не пустой игрушкой: применение его к содержательной геометрической задаче позволило получить ускользавший прежде случай переменной кривизны для вырожденного случая. Ура! Множество комплексов исчезли из моей психики после такого достижения.

И за такой труд моя умиротворенная душа тут же получила - или придумала себе сама - философическую награду. Ведь я мыслил не в одних лишь геометрических терминах, а все время в идеях

[92] Ñåé÷àñ ìíîãèå àìåðèêàíöû èìåíóþò "ïñåóäèìàíîâîé ãåîìåòðèåé" òî, ÷òî èñïîêîí âðåìåí çâàëîñü "ïñåâäîðèìàíîâîé ãåîìåòðèåé", íî ñèå îòíîñèòñÿ ê ïðèâû÷íîé àìåðèêàíñêîé èñòîðè÷åñêîé áåçãðàìîòíîñòè.

пространства-времени, теории относительности, физической проблематики устройства мироздания. Псевдориманова геометрия, обобщая правый столбец таблицы 1 §12, моделировала пространство-время общей теории относительности. Той самой, в которой не имеется абсолютной одновременности. При этом кривизна в ней менялась от точки к точке. Но до создания общей теории относительности физики работали в категориях, относившихся к ньютонову пространству-времени, в котором и абсолютная одновременность БЫЛА, и кривизны НЕ БЫЛО (т.е. кривизна равнялась нулю). Как же можно сравнивать - законно сравнивать - две теории, если они отличаются между собой СРАЗУ по двум позициям? Все равно, что сравнивать Иванова, окончившего университет, с Петровым, только что отнятым от материнской груди. А вот мой аппарат, моя полуриманова геометрия, позволили сравнить Иванова, закончившего университет, с Ивановым же в грудном возрасте. А потом Иванова в грудном возрасте - с Петровым в грудном возрасте. Ибо полуриманова геометрия как раз описывает то пространство-время, в котором ИМЕЕТСЯ абсолютная одновременность, да только вот кривизна - в отличие от классического ньютонова миропонимания - не ноль, а меняется от точки к точке и со временем.

Следующая награда, тогда же свалившаяся на мою душу, вывалилась из журнала "Nature", в котором тогда было опубликовано Letter to Editor, где автор вспоминал единую теорию пространства-времени-электричества, выдвинутую еще лет за десять до моего рождения, писал ее основные формулы и приводил доводы в пользу ее физического осмысления. Я тут же увидел, что раз он "электрическое" измерение считает физически другой природы, нежели пространственно-временные измерения, то это означает, что в моих терминах в соответствующей плоскости должны быть не все прямые равноправны, а присутствовать особенные прямые. Простые - для меня - выкладки показали, что в этом случае может возникнуть только одна-единственная особенная прямая (в каждой точке). Значит, опять мы имеем дело с вырожденным случаем, т.е. сюда надо применять не риманову и не псевдориманову геометрию, что делает недоразвитый автор, а мою великую полуриманову геометрию, гип-гип-ура, ибо тогда спасается даром инвариантность описания, которой нет и быть не может в калуцевски-клейновском варианте применения к этой теме обычной римановой геометрии! Эх, потанцевать бы, да пять коек на одиннадцати квадратных метрах, и едва ли сокамерники и надзиратели проникнутся симпатией к чувствам, побуждающим меня прыгать от ликования...

Повторяю, для моего душевно-духовного мира великим событием оказалась моя способность перейти от аксиоматических приемов пространств постоянной кривизны к тензорным методам пространств переменной кривизны. Я не топчусь на месте, не повторяю одних и тех же достижений, хотя бы каждый раз и все в лучшей форме. Нет, я сделал существенный шаг вперед, и в направлении, в котором прежде никогда не хаживал.

Конечно, и тут были свои трудности. Например, я был лишен возможности отсылать свои математические тексты матери или отцу или Орловскому или вообще какому бы то ни было ЛИЦУ. Все их я адресовал ДОЛЖНОСТИ - на Математический институт, на имя

Председателя геометрического семинара. И каждое сопроводительное письмо начиналось: "Гражданин председатель геометрического семинара..." А к нему администрация прилагала нечто такого рода:

"Тюрьма №2 УВД
Исполкома Владимирского областного
Совета депутатов трудящихся
"11" XII 1961
г.Владимир
В Ленинградское отделение
Математического института
гор.Ленинград

Препровождается письмо заключенного Пименов Револьт Иванович 1931 осужденного по ст.ст. срок конец срока ранее судимого о чем ходатайствует математическое изобретение приложение на листах

Начальник тюрьмы... подпись зак.529"

А иногда это был "Реестр № на корреспонденцию через фельдсвязь МВД СССР". Никогда больше в жизни В.А.Залгаллер не получал так адресованных ему посланий. Но он согласился получать их, выстояв даже в домашнем конфликте: его жена Софья Ильинична[93] была резко настроена против меня и не одобряла его участия в моей судьбе. Однако научные соображения у Залгаллера, один раз оказавшись выше его личных пристрастий, другой раз выше партийного долга, превозмогли в третий раз и над супружеским выговором.

Гораздо хуже, что мне стала грозить опасность "впасть в ферматизм". Измученный долгим непечатанием, приходя в восторг от собственных достижений, я начинал заподозривать лиц, соприкасающихся с моими работами - И ВСЕ-ТАКИ НЕ ПЕЧАТАЮЩИХ ИХ - в нечистых личных помыслах. Хуже. Порой я срывался и ПИСАЛ про свои подозрения Эрнсту (т.е. матери для Эрнста). К чести для меня, я ни разу ДВАЖДЫ не высказывал таких обвинений. Это значит, что после первого из обвинений, скажем, в адрес Розенфельда, Орловский убедительно разнес мои поношения и инсинуации в пыль. И его доводы меня убедили. В адрес Розенфельда я больше не ругался. Здесь опять мне повезло, что у меня был на том конце Эрнст, который не подлаживался к моим настроениям, а резко возражал, если считал меня неправым. Будь там другая личность, например, решившая бы "не волновать спорами меня", она бы соглашалась с моими обвинениями и - обратной связью - я бы заводился еще дальше... Да, в адрес Розенфельда я больше не ругался. Но ведь число лиц, соприкасавшихся с моими бумагами, исчислялось десятками. И одно из таких лиц украло-таки одну мою рукопись, данную ему в надежде заинтересовать мною. И я даже имя его знаю - да вся страна с некоторых пор часто встречает его фамилию в подписях под некрологами ученым. Но что я могу утверждать, если у меня даже копии не осталось? Где доказательства? А, вот то-то! И сиди, не рыпайся!

---

[93] Ñîôüÿ Èëüèíè÷íà - åå ïàñïîðòíîå èìÿ, à íà äåëå åå çâàëè Ìàéÿ. Òî÷íî òàê æå, êàê Åëåíó Ãåîðãèåâíó Áîííýð íà äåëå çîâóò Ëþñÿ.

Так что простор для "ферматистских" кляуз у меня оставался, и мне всерьез помогал Орловский, да и тот же Розенфельд, если уж я его припомнил. Скажем, едва лишь мои работы по полуримановой геометрии дошли до него, я получил извещение, что не я один думаю в этом направлении. На такое голословное утверждение я, конечно, мог бы раскипятиться: делают подготовку, гады, чтобы обокрасть! Но Розенфельд сразу же сообщал библиографию Эрнсту, тот присылал мне список, а иногда и саму работу, и я видел, скажем, что некоторый - объективно довольно слабенький сравнительно с моим - вариант полуримановой геометрии УЖЕ опубликовал Парнасский. Такие точные указания хорошо исцеляют от ферматизма.

Так вот и текла моя "математическая стремнина". А прежде чем объяснять, почему она "в исторических берегах", перечислю хоть некоторые из книг, прочитанных мною в стенах того же первого корпуса тюрьмы №2. Вот кое-какие из моих тетрадей с записями прочтенных книг:

"1. Дирак, Основы квантовой механики.
2. Каттанео, О постулатах, общих классической и релятивистской кинематикам (на итальянском).
3. Франклин и Новожилов, К аксиоматическому определению синуса.
4. Полемика Франкля с Фоком в "Успехах Физических Наук".
5. Федоров, Современное состояние колориметрии.
6. Снитс и Сокал, Численная таксономия (на англ.).
7. Хатипов, К теории поверхностей в пространстве с распадающимся абсолютом.
8. Аббасов, Спинорные представления движений квазинеэвклидовых пространств.
9. Аббасов, Отражения от плоскостей в квазиэллиптических пространствах.
10. Берг Р.Л. и Тимофеев-Ресовский, О путях эволюции генотипа.
11. Новиков И.Д., Свойства кривизны сопутствующего пространства некоторых космологических моделей.
12. Макарова, К теории циклов параболической геометрии на плоскости.
13. Хокинс, Расширение Вселенной (англ.)"

"1. Гуггенхеймер, Топологические методы в основаниях геометрии (англ.).
2. Тейлор, 5-мерная космология и гипотеза отрицательно заряженных звезд (англ.).
3. Кэпп, К объединенной космологии (англ.).
4. Сборник "Естествознание и философия".
5. Арчидьяконо, Единое видение Вселенной согласно теории Луиджи Фантаппье (итал.).
6. Фонология санскрита и русского по различительным признакам.
7. Баргман, Теория относительности (англ.).
8. Ван дер Варден, Принцип исключения и спин (англ.).
9. Иост, Принцип Паули и группа Лоренца (англ.).

10. Фиппс, Возвратное движение в специальной теории относительности (англ.).

11. Синнот и Денн, Курс генетики."

"1. Море, Курс теории вероятностей, (франц.).

2. Леруа, Идеи чистой математики (франц.).

3. Блэк, Природа математики (англ.)."

А тетрадей этих у меня сохранилось не три, а три десятка... Вот чем иногда оборачивается взыскание, налагаемое лагерной администрацией.

Ну, чем еще добрым помянуть Владимирскую тюрьму? Зубы мне там вставили. В юности я поспешно рвал зубы, едва заболят. И уже к Воркуте остался почти без зубов: на моей тамошней карточке видно, какой я беззубый. Еще парочки лишился в Вихоревке. И во Владимире стал требовать протезирования. С год вел борьбу, добился летом 1962 года. С воли пришел врач и фантастически быстро поставил мне верхний мост справа на третий-шестой зубы. И мост продержался 22 года, сломавшись только в 1984 году, когда я был в дальней поездке за Нерчинском.

§15. Экспозиция Кремля во Владимирской тюрьме

Вспомним газеты 1953; список "бериевцев"; академик Шария; генерал-полковник МГБ Мамулов; нач.канцелярии Людвигов; межбиблиотечный абонемент; чутье наладчика в историографии; памяти меньшевика Симона Гогиберидзе

Почему же я говорю, что эта полноводная река "текла в исторических берегах"? Да потому, что мои сокамерники были живой историей. Собственно, уже окаменелостями, но еще живыми. Живущие исторические памятники. А я был уже достаточно грамотным историком, чтобы уметь прочесть начертанные на них иероглифы. Конечно, будь моей исходной концепцией ХРУЩЕВСКАЯ установка - см. §12 гл.4, - якобы Берия и его сообщники - это банда, прокравшаяся к рычагам власти с целью подорвать социалистические завоевания нашего строя и губить верных сынов партии, я мало что смог бы выудить из них. Но я не так вмиг проникаюсь сегодняшними установками, припоминаю вчерашние и позавчерашние и сопоставляю их. Кроме хрущевских разоблачений из §12 гл.4 я к моменту моей встречи с бериевцами помнил еще вот что.

13 января 1953 года газеты известили нас о разоблачении подлых врачей-убийц. 21 января секретарь ЦК Н.А.Михайлов в докладе на Ленинской годовщине растолковал нам, что эти врачи-убийцы суть "подлые шпионы и убийцы, спрятавшиеся под маской врачей и продавшиеся рабовладельцам-людоедам из США и Англии". 4 апреля, когда Михайлов был понижен до секретаря Московского комитета, та же "Правда" опубликовала сообщение Министерства внутренних дел, которое с 7 марта возглавлял Л.П.Берия - при этом МГБ было объединено с МВД, а оба прежние министра получили отставку, - о реабилитации "группы врачей, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже и террористических действиях в отношении активных деятелей Советского государства." Впервые прозвучали слова о том, что "показания арестованных ... получены... путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия". Точно так же впервые констатировалось, что "зарубежные реакционные силы в своих попытках вести подрывную деятельность против Советского государства не могут иметь внутри нашей страны сколько-нибудь значительной социальной опоры" - это после того-то, как в январе клеймилась идея затухания классовой борьбы!

Место лично Берии в те месяцы точно указано той же "Правдой" 10 июня: "Существо политики нашей партии, изложенной в выступлениях товарищей Г.М.Маленкова, Л.П.Берия и В.М.Молотова, состоит..."

Но 10 июля та же "Правда" опубликовала сообщение о пленуме ЦК, исключившее Берия "из рядов КПСС как врага коммунистической партии и советского народа", и в передовой подробно разъяснялось:

"... активизация преступной деятельности Берия объясняется общим усилением подрывной антисоветской деятельности враждебных нашему государству международных реакционных сил.

Активизируется международный империализм - активизируется и его агентура.

... Берия стремился... активизировать буржуазно-националистические элементы в союзных республиках.

... потерял облик коммуниста, превратился в буржуазного перерожденца, стал на деле агентом международного империализма. Этот авантюрист и наймит зарубежных империалистических сил вынашивал планы захвата руководства партией и страной в целях фактического разрушения нашей коммунистической партии и замены политики, выработанной партией за многие годы, капитулянтской политикой, которая привела бы в конечном счете к реставрации капитализма."

Ни слова о нарушении, дескать, Берией советской законности не было. Говорилось, правда, о "неправильных действиях МВД", но тут же объяснялось, что они состояли в попытках поставить МВД над партией и в выдвижении работников в МВД по признаку личной преданности ему, Берии. Наконец, опубликованное в декабре 1953 года все в той же "Правде" сообщение о суде и приговоре над Берией и шестерыми другими функционерами, содержит указание только на следующие вины Берии:

".. - в измене Родине, организации антисоветской заговорщической группы в целях захвата власти и восстановления господства буржуазии; в совершении террористических актов против преданных Коммунистической партии и народам Советского Союза политических деятелей, в активной борьбе против революционного рабочего движения в Баку в 1919 году, когда Берия состоял на секретно-агентурной должности в разведке контрреволюционного муссаватистского правительства в Азербайджане, завязал там связи с иностранной разведкой, а в последующем поддерживал и расширял свои тайные преступные связи с иностранными разведками до момента разоблачения и ареста, т.е. в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1б, 58-8, 58-13, 58-11 УК РСФСР."

Отмечу, что одним из судей был упомянутый выше Михайлов. По нынешнему кодексу это статьи 64, 66 и 72, а вот 58-13 отменена - это "служба в царской охранке провокатором". Не занимаясь детскими вопросами о том, в какой именно "иностранной разведке" служил Берия к лету 1953 года, зададимся вопросом: какую политику, "выработанную партией за многие годы", отменил Берия и какую "капитулянтскую политику" навязывал он в ЦК? Ясно, что политика расширения репрессий не могла быть "капитулянтской" перед "активизирующимся международным империализмом", который всегда "как предлог" использует "вопрос о правах человека". Перечитайте, перечитайте внимательно, не ленясь, не скользя глазами по тошнотворным строкам. Вдумайтесь. Перечитали? Еще раз. Вспомнили, КАКАЯ политика предшествовала марту 1953 года, тому марту, когда активизировался Берия?

Ну вот, а теперь вспомним, что я уже и в 1953 году понимал, что Берия и Маленков были две примерно равновесные группировки, боровшиеся за власть, причем Хрущев до падения Берии был на стороне Маленкова, а сама борьба завязалась не после смерти

Сталина, но задолго до нее - хотя тогда я еще не осознавал связи смерти Жданова с этим соперничеством. И въедливая придирчивость Орловского, когда мы восстанавливали доклад Хрущева, предостерегла меня против безусловной доверчивости к хрущевской концепции. Чего уж естественнее - свалить на все равно расстрелянного и свои ошибки, и ошибки-преступления тех, кто сегодня твой союзник? И вот, имея все это в своей голове, входил я в камеру 1-93 и вместе с нею встречался на прогулочном дворике с камерой 1-97.

Но надобно представить обитателей этих камер:

Штейнберг Матвей (Матус) Азарьевич (Озарьевич). С конца двадцатых годов в ОГПУ-НКВД, а потом откомандирован для службы в НКИД, в частности, в Испании. Арестован с поста начальника УМГБ Якутской АССР в 1954 году или около этого.

Брик, Евгений. Родился примерно тогда, когда Штейнберг начал службу в ОГПУ. С девятого класса школы (тогда последнего) служит в НКВД. Работал советским разведчиком в США. Арестован в 1955-1956 году при попытке попросить политическое убежище в США. Пятнадцать лет тюремного заключения.

Это - в камере 1-93. Потом в ту же камеру водворили еще:

Мамулов (Мамульян) Степан Соломонович, бывший начальник мест лишения свободы, генерал-полковник. Представляете, до чего же это бодрит - сидеть в одной камере с бывшим начальником мест заключения!

В камере 1-97, с которою мы соединялись по часу в день, находились Людвигов Борис Александрович, бывший начальник канцелярии самого Л.П.Берия.

Шария, Петр Афанасьевич, бывший секретарь ЦК Грузии по агитации и пропаганде.

Недолго там пробыл - при мне недолго, а всего-то десять лет - и тот подполковник медицинской службы с утраченной фамилией, кажется, Майоранский.

Первоначально Мамулов помещался в этой камере, но когда с больницы выгнали на общий корпус двух других, его перевели к нам. Вот эти двое, попавшие в 1-97.

Судоплатов Павел Анатольевич, генерал-лейтенант МГБ, начальник IV - Иностранного - Отдела НГВД-МГБ.

Эйтингон Наум Исакович, заместитель Судоплатова, известный всему миру как организатор убийства Троцкого.

Правда, по поводу этих двоих Штейнберг меня уверял, будто бы фамилии у них не настоящие, "все они свои фамилии сменили, когда начинали служить в чека". Но что значит такая смена фамилий, если их дети носят их же фамилии и отчества?

Постоянно в 1-97 находился не имевший никакого отношения к бериевцам, такой же им антипод, как и я, Симон Леванович Гогиберидзе, социал-демократ.

Сравнительная характеристика Брика и Штейнберга содержится в моем письме матери от 1 января 1962 года:

"Новый год встретил очень хорошо. И не только с точки зрения сытости. И настроение было веселое, праздничное; по крайней мере у меня. Матвей Озарьевич вырядился так, что хоть на волю, на вечеринку можно. У меня, правда, не было пиджака. Но зато я надел

новую китайскую рубашку, вместо галстука повязал шнурок от ботинок (как до революции интеллигенты-народники носили, или как техасские миллионеры делают). Ну, Женя, тот не стал одеваться. Однако они оба пошли рассуждать о смокингах да о прошлой жизни и испортили себе настроение. А я без оглядки радовался. Выпили швейцарский the Mercure, закусили, поболтали. Словом, встретили. Говорят, мне светлая рубашка очень шла, совсем меняла лицо. Ну, М.О. я не очень-то верю: он в своих комплиментах так же лжив, как в своем охаивании. Но Ж. тоже подтвердил. А он может солгать, чтобы причинить другому зло, но я ни разу не слышал, чтобы он лгал, чтобы сказать приятное другому".

Отсюда, кстати, усматривается, что ни о какой дружеской доверительности между нами речи не было и быть не могло. Не было между нами таких отношений, чтобы они "спешили поведать мне секреты Кремля". Но и Штейнберг, и другие за два с лишним года общения где проговаривались, где упоминали как общеизвестное, где исправляли мою ошибку, где подтверждали мою догадку, где в моем присутствии разговаривали между собою. Если и Штейнберг и Мамулов иногда на мои прямые вопросы отвечали все-таки прямо (правду или нет, другой вопрос), то вот Эйтингон никогда не произносил ни слова. Как и в беседах 5-8 лет спустя с П.Якиром, Эйтингон хранил величественное молчание. На вопросы не отвечал. Но выслушивал то, что я рассказывал ему о прошлом событии. И если я угадывал, то он величаво помавал главою. А если я впадал в ложную версию, то глаза его презрительно сощуривались.

Ну, что они там рассказывали? Подробности, которые оценит только очень большой знаток. Да и тот не будет знать, куда же вставить сведеньица, разве что в кинофильм?

Владимирский централ. Внутренний двор. 1988 г. Фото В.Ю.Вяткина.

Ну, вот Штейнберг вспоминает осенний день в Ленинграде, когда оппозиция - "ленинцы", как они себя называли, а официально - "троцкисты и зиновьевцы" - вывели своих сторонников на демонстрацию 7 ноября 1927 года. И как он, в рядах конной милиции, пятил своего коня, чтобы крупами лошадей оттеснить демонстрантов, согнать их к беспарапетному участку - и в Фонтанку! Но ведь я вот уже "полностью исказил" характер его повествования. Он не произносил первой фразы - он вспомнил этот эпизод только после того, как на многократных пробах убедился, что его слушатель - я - прекрасно знает канву фабулы и не будет нуждаться в

пояснениях. И, конечно, "чтобы" во второй фразе у него отсутствовало: надобно было бы быть стопроцентным кретином, чтобы не сообразить, ЗАЧЕМ пятили лошадей, а кретину Штейнберг не стал бы рассказывать. И про свое личное участие он в явном виде не упоминал. А весь пафос его элегического воспоминания заключался в наслаждении всадника беспомощностью пешего, на которого надвигается массивный лошадиный зад. Пешего, который знает: "Берегись коня сзади". Пешего, который со всех сторон видит неотвратимо давящий строй таких задов. Истинно сладострастное наслаждение этим буколическим видением так и перло из Матвей Азарьевича. Пожалуй, ему даже было дотла неважно, за какую политическую линию выступал этот пеший, был ли он перед тем одним из крупных начальников в Ленинграде, и уж, конечно, несущественно, умел ли он плавать. А вот "как он повертится!" распаляло его и в 1927, и в 1962 году. Я прекрасно понимаю, что как историк должен был бы, обязан был бы задать "проверочные вопросы": на каком именно участке Фонтанки это происходило, дабы потом сверить по архитектурным справочникам, действительно ли там не было парапета. Но в свое время Ольга Бельковская (см. §10 гл.4) вколотила в меня, что такого рода проверки рассказчиков обижают, а я вовсе не желал, чтобы Штейнберг, бывший начальник Управления МГБ и прочее, начавший приотворяться передо мною, от обиды недоверия замкнулся бы в себе наглухо.

Не задавал я "обижающих вопросов" и тогда, когда Штейнберг рассказывал мне про свое участие в ПОХИЩЕНИИ генерала Ханжина - по официальной версии, Ханжин САМ СДАЛСЯ советским властям. Так же, как, по официальной версии, оппозиционеров сбросили в воду рабочие, а милиция спасала их от гнева рабочего класса. И не задавал я вопросов, когда он рассказывал, как присутствовал при расстреле Блюмкина. Я уже достаточно много знал об этой яркой личности, но новой для меня оказалась предсмертная фраза его:

“А о том, что меня расстреляют, будет сообщено в завтрашнем номере "Известий"?”

Да, вот так-то держался этот убийца Мирбаха перед собственной казнью, а вовсе не так, как придумал за него трус Катаев в "Уже написан Вертер". А в истинности этого воспоминания Штейнберга меня убеждает штришок: Блюмкин заботится о публикации не в "Правде" (что ему "Правда" - узкопартийная газета!), но в "Известиях" - всероссийском органе, слава которого восходит к легендарному даже для Блюмкина 1905 году...

Нет, не стану я припоминать и пересказывать других конкретных историй, которыми делился Штейнберг со мной или с Бриком в моем присутствии, особенно читая заводившие его "Годы, люди, жизнь" Эренбурга, публиковавшиеся в "Новом Мире" в 1961-1962 годах. Мне он вообще противен. Едва увижу воспоминательным взором, как Штейнберг берет в руки платяную щеточку, почистить рукав или спину пришедшего с обыском старшины, дабы этот старшина не отобрал второго, "не- положенного" одеяла, мне делается так тошно, словно я опять с ним сижу. Об одном жалею, что не расспросил М.А.Штейнберга насчет его возможного родства с

А.З.Штейнбергом, членом ЦК ПСР(л) и позже деятелем "двухсполовинного интернационала".

Главное, что мне дало общение в моими учтивыми собеседниками, состояло не в этой историографической гальке, камушках-подробностях курьезной формы. Главное было - для меня - ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ СФЕРАМ. Ведь для того, чтобы постигать ход истории, надо быть сродни душам действующих лиц - "агентов исторического процесса". А чтобы им приобщиться, надо их понаблюдать, а еще лучше пуд соли с ними съесть. И в моих поисках уразумения того, что же происходит с моей страной, я, как на глухую стену, натыкался на сознание невозможности никогда узнать, как живут и чем дышат в Кремле. Никогда меня туда не пустят. Никогда я не сумею постичь столь важной для меня-историка атмосферы. Ан нет, судьба позаботилась устроить мне экспозицию Кремля во Владимирской тюрьме[94]. Пусть не самых крупных, но зато и не в парадных условиях, когда

"лик его ужасен, движенья быстры, он прекрасен, он весь как Божия гроза",

но в бытовых условиях, годами.

Вот ведь иные, например, один мой знакомый Юра, говаривал, исходя из априорного представления, будто это - банда неграмотных уголовников.

- Да, я хотел бы взять власть на один час. Я бы раздел их и посмотрел ихнюю татуировку. А потом устроил бы им диктовку. И, осуществив это, отказался бы от власти.

Увы, Юра, нет на них татуировки - я бывал с ними в бане каждые десять дней на протяжении двух с лишним лет. А Шария так вообще исключительно чистоплотный человек, он каждое утро мыл не только лицо, но и задний проход - не в домашней ванной, а в тюремной уборной; ты помнишь, Юрочка, каковы "удобства" в ней? И сколько дают времени на оправку? Вытирать приходилось, увы, одним и тем же полотенцем, так что Брик возмущался отсутствием брезгливости у Петра Афанасьевича, но, скорее всего, делал он это, дабы раздувать атмосферу вражды и склок, в которой мог бы почерпнуть пищу для доносов. А диктовку уж и не знаю, на каком языке ты им устраивал бы, Юра? Со Штейнбергом я беседовал преимущественно по-французски, который, как и испанский, был ему и Эйтингону известен много лучше, чем мне. Шария, вроде бы, не разговаривал на этих языках, но свободно читал философскую и научно-популярную литературу по-английски, по-французски, по-испански, по-итальянски. С Шарией можно было не менее интересно потолковать о лейбницевской монадологии или о гегелевской форме форм, не менее завлекательно, чем беседовать с тобой, Юра. И чувство человеческой гордости не вполне было чуждо им. Мамулов, например, при всех обходах нашей камеры приезжими начальниками из Москвы демонстративно поворачивался к проверяющим спиною и отказывался заявлять какие бы то ни было жалобы-просьбы. Из той же демонстративности он всегда носил только тюремное одеяние: х/б куртку и х/б штаны. В отличие от Штейнберга, одетого во все

---

[94] Äà åùå À.Ä.Àëåêñàíäðîâ ïîäñóíóë ìíå êëþ÷ - îäèí èç êëþ÷åé - ê ïîíèìàíèþ ñâîåþ ðåïëèêîé â êîíöå §5 ãë.4: "çìååâêè".

заграничное и бреющегося только "Жиллетом". Впрочем, лезвия Мамулов у Штейнберга брал иногда. И я брал - всегда, когда между нами существовали дипломатические сношения. Тот же Мамулов больше всего переживал предательство своего фронтового друга, который 26 июня, когда Мамулов получил (подложную) телеграмму от Берии с приказом немедленно вылетать в Москву, на военном аэродроме обнял вышедшего из самолета Мамулова с восторгом встречи после стольких лет, да так крепко обнял, что тот и не вырвался... (Напомню, что сам Берия был схвачен 26.06.53).

И вот мир, в котором жили эти по-своему образованные и в чем-то человечные функционеры, приоткрывался мне и впускал меня в себя. Вот я усваивал, что им нельзя задавать вопросов:

- За что арестовали такого-то?

А можно только вопросы:

- Для чего арестовали такого-то?

Первая формулировка бессмысленна в их мире, выдает детскую неразвитость спрашивающего, вроде как вопрос: "Отчего луна все время бежит за поездом?" - отличается от взрослой постановки: "Отчего кажется, будто бы луна все время бежит за поездом?" Второй вопрос - деловой. Ведь арестовывают лишь тогда, когда есть силы-деятели, заинтересованные либо убрать, либо устроить спектакль и т.п. Усваивал я, что означают объятия в этом мире. Тот же Мамулов с усмешкой и со ссылкой на детскую считалочку на грузинском языке - словно нарочно готовила меня судьба, научившая когда-то нескольким словам по-грузински, к уразумению его намеков - дал понять, что когда Берия и Маленков начали ходить по Кремлю обнявшись, даже дети сообразили, что вот-вот один из них убьет другого[95]. Усваивал я принцип ихнего подбора кадров: на близкие должности Берия и Сталин всегда стремились подбирать не друзей, а ненавидящих друг друга работников. Тогда есть гарантия, что, скажем, начальник и его зам не сговорятся против Него, а, напротив, донесут о малейшем подозрительном движении своего "соратника"[96]. Много таких "иероглифов" из ихней "знаковой системы" раскрыло передо мной свое истинное значение. Но об этом попозже, а прежде надо поговорить о них конкретнее.

Хотя никто из них не изъявлял вслух ни малейшего сомнения в виновности Берии, хотя вслух они его - особенно в присутствии друг дружки - иначе как "людоедом" не величали, а Шария любил повторять остроту Шацкина, что, мол, Берия со времен Гутенберга не прочитал ни одной книги, все же из контактов с ними отчетливо вырисовывалось, что в репрессиях 1949-1953 годов повинен отнюдь не Берия. Лучшей иллюстрацией ей служила судьба Шария.

Родившийся около 1902 года, П.А.Шария рано стал соратником Л.П.Берия, хотя формально ни в Грузчека, ни в ГПУ Закавказья не входил. О начале его активности на поприще науки хорошо рассказано в "Памяти", не буду повторяться. Отмечу только черточку, которую укрывшийся за псевдонимом И.Вознесенский автор не хочет подмечать, - бескорыстие. Шария добивался ликвидации Грузинской Академии Наук, хотя сам был "избран" ее членом, т.е. в ущерб себе

---

[95] À ýòî ñðàçó îñâåùàëî ñìûñë è òîãäàøíèõ îáúÿòèé Õðóùåâà è Âîðîøèëîâà, è ðûäàíèé Ñòàëèíà íàä ãðîáîì Êèðîâà - íàøå ïîêîåíèå ïîíèìî ýòó ôîòîãðàôèþ. È ñîñòóêîâûâàëîñü ñî Æäàíîâûì, öåëóþùèì Êîñòðåâà íàêàíóíå àðåñòà.

[96] Âñëè âåðèòü Ãåëëåðíåòó, òî (â îñëàáëåííîì âèäå) òîò æå ïðèíöèï ïîääåðæàí êàäðîâ ïðèñóù áûë Ðóçâåëüòó. Ðóçâåëüò òîæå âåäü áûë áëèçîê ìèðó ìàôèè.

добивался. В 1939 году, когда "XVIII съезд партии пресек нарушения соц.законности, допущенные Ежовым Н.И.", и доверили ликвидацию последствий этих ошибок товарищу Л.П.Берия, была создана комиссия ЦК, осуществившая так называемую "малую реабилитацию". Выпускали главным образом военных, тех, кто не признал ничего на следствии, но не исключительно. В состав ее был включен и Шария. О своей деятельности в ней он говорил скупо, не выпячивался: мол, я вот реабилитировал людей, а они, неблагодарные, держат меня в тюрьме. Но резюме его упоминаний про эту комиссию - партию ужаснула ежовщина и мы постарались исправить. Шария в комиссии проработал недолго, и сама комиссия была недолговечна - надвигалась Вторая мировая война. Вопросы внешней политики делались актуальнее внутренних. Берия перебросил Шарию на пост своего референта по внешнеполитическим вопросам. Знание языков у Шарии было изрядное. Но и тут он задержался недолго, переместившись на пост главного при Берии по науке. В этом качестве он находился практически до самого ареста в 1952 году, одновременно занимая то те, то иные официальные посты. Так, в 1946-1950 годах он был секретарем ЦК Грузии по агитации и пропаганде. Входил в состав правительственной делегации, возглавлявшейся Сусловым, которая посетила Англию при первом лейбористском правительстве после войны. Редактировал первый том собрания сочинений Гения Всех Времен и Народов. Руководил деятельностью по выманиванию у грузинских эмигрантов во Франции короны царицы Тамары. Обличал писателя Косте Гамсахурдия. Имел замок, нет, два замка в горах. Был членом-корреспондентом другой, наново созданной Академии Наук Грузии. Словом, руководил, вдохновлял и направлял. Но в 1952 году его арестовали по личному телефонному звонку Сталина. По его словам, он единственный, кто ничего не признал на допросах, и если я разбираюсь в людях, то в этом пункте его словам верить можно. В марте 1953 года, едва лишь душа Сталина сошла в ад, Берия, не дожидаясь оформления решением ЦК, что потом ему также вменили, выпустил всех оставшихся в живых "по мингрельскому делу" (см. §6 и §12 гл.4). Перед Шарией извинился лично. Восстановил его во всех регалиях. Шария после тюрьмы отправился лечиться и был арестован в каком-то санатории 26 июня 1953 года и осужден на десять лет "за пособничество в продвижении по службе врагу народа Берия Л.П." Забавные бывали у Шарии странности. Вот он в бане, помахивая, с грустью произносит:

- Эх, водопроводная труба, да и только! А прежде, бывало! Как это у Пушкина: "Могу ли вспомнить без улыбки те дни блаженства моего, когда все члены были гибки - за исключеньем одного. Увы, те годы отлетели, и члены тела моего теперь, как камень, отвердели - за исключеньем одного"... Вот я и говорю - водопроводная труба!

И с той же непосредственностью в семидесятые годы он, давая интервью специальному корреспонденту альманаха "Память", с первых же слов пустился обсуждать супружескую жизнь собственной дочери - которой уже за сорок было - и похождения ее супруга... Но только ли это ЛИЧНАЯ СТРАННОСТЬ? Когда я читал у В.Аксенова "Остров Крым" изображение сцены в бане, где "национально мыслящие" принимают в свои ряды новичка, воспоминание о Шарии побудило меня увидеть тут не авторский вымысел, но "художественную фотографию".

Чистоту и святость "марксизма-ленинизма" Шария продолжал отстаивать и в стенах тюрьмы. Так, после одной прогулки со мной, когда я высказал ряд уже опубликованных в советской печати мнений о термине "материя", он написал на меня пространный и аргументированный донос, что, мол, Пименов отвергает учение Ленина о материи, объявляет философски неудовлетворительным гениальное определение материи, данное Основоположником, клеветнически утверждает, якобы это определение материи не используется физиками в их повседневной работе... На самом деле, конечно, никаких "антисоветских" ни в широком, ни в узком смысле этого слова разговоров я с ним - и с иными со всеми, с самого начала зная, кто они такие - не вел. И даже про понятие "материя" говорил не от себя, а всего лишь пересказывая брошюрку Кузнецова насчет двух смыслов, в коих используется этот термин: как "объективно существующая реальность" и как то, что можно измерить и чему можно приписать массу и/или энергию. Разумеется, для Шарии Кузнецов был не авторитет. Самоуверенность Шарии в части "правильного философского мировоззрения" била в глаза и резко контрастировала с относительно скромным в остальном его обличием и поведением: низенький, в старательно выстиранной и залатанной тюремной куртке, вежливый, скорее уступчивый. Но в мировоззрении не отдаст врагам марксизма ни пяди.

Но обратимся к его сокамерникам. В полном согласии с бериевски-сталинским принципов подбора кадров Шария ненавидел - а точнее, презирал как безграмотных - двух своих соратников-сослуживцев: Мамулова и Людвигова.

Мамулов родился в 1902 году - ровесник моего отца - вступил в КП Грузии в 1921 году. В 1921-1923 годах служил в Красной Армии, в 1923-1927 годах - на политработе в Абхазии, до чего же это сказочно-прекрасная страна! В 1927 году попадает в аппарат ЦК Грузии, но в 1931 году перемещается на руководящую партработу то в Казахстан, то в Днепропетровск. В 1934 году возвращается в Заккрайком[97]. В 1936 году назначается зав.отделом руководящих партийных органов ЦК Грузии, одновременно третьим секретарем тбилисского горкома и даже зав.сельскохозяйственным отделом того же ЦК. В 1938 году Берия, став наркомом внудел, прихватил Мамулова на работу в НКВД. В апреле 1940 года он старший майор госбезопасности, в 1945 году - комиссар госбезопасности III ранга (тот же титул, что у Никишова), что в июле 1945 года переименовывается как генерал-лейтенант. С 11 апреля 1945 года он начальник мест лишения свободы и зам.министра внудел (министр Круглов, а Берия поднялся в Политбюро). Два ордена Ленина, один

[97] Íàïîìíþ, ÷òî Áåðèÿ äî 1931 ãîäà áûë ñíà÷àëà ïðåä.ÎÃÏÓ Ãðóçèè, ïîòîì ÎÃÏÓ ÇÑÔÑÐ, à ñ 1931 ïî 1938 ãîä - ïåðâûì ñåêðåòàðåì Çàêêðàéêîìà, ïîòîì Ãðóçèè.

за строительство Волго-Дона, два ордена Красного Знамени, орден Отечественной Войны I степени[98], медаль за боевые заслуги, за оборону Москвы, за оборону Кавказа. Депутат Верховного Совета СССР выборов 1937 и 1950 годов. Держал у себя крокодила, с которым любил прогуливаться по Москве. Но ордена и точные титулы я пишу не по его рассказам, а по справке Эрнста Орловского, который все знает, а насчет крокодила поведал мне неутомимый сплетник Штейнберг. В камере мне хватало знания, что он - генерал-полковник и быв.нач.мест лишения свободы. Что в апреле 1953 года Берия поручил ему лично руководить подбором делегатов на XX съезд КП Грузии; бумажки Орловского подтверждают: с 14 апреля 1953 года Мамулов - член Бюро ЦК КП Грузии. Он поехал с инспекцией, а тут его и настигла подложная телеграмма. Исключен из Бюро ЦК, из ЦК, и из партии - 14 июля 1953 года, через двадцать дней после ареста и через пять дней после сообщения в газетах про "как никогда своевременное разоблачение Берии Л.П."

Мамулов тоже не любил Шарию. Вот он рассказывает:

- В 1949-1950 году у Шарии умер сын. Он тяжело переживал его смерть и написал по-грузински поэму трагического содержания, в которой речь шла о силах Неба и Ада, споривших об обладании его сыном или о чем-то выспреннем в этом роде. Написал, распорядился отпечатать в типографии ЦК в 50 экземплярах на шикарнейшей бумаге, с иллюстрациями видного грузинского художника и на поминках сына вручил на память собравшимся. Через некоторое время его поперли из руководства, вменив ему эту книгу.

- Ну да, за использование служебного положения...

- Нет, при чем здесь это? Но - Вы сами посудите - может ли руководить пропагандой человек, который пишет стихи, в которых фигурируют призраки, ведьмы и т.п. чертовщина? Это идеализм.

Мамулов рассказал мне однажды, что раз его по ошибке завели в чужой прогулочный дворик. Там находился хорошо известный в лицо Мамулову "генерал, о расстреле которого было давно написано во всех газетах"[99]. Генерал, увидя и узнав входящего Мамулова, тут же прикрыл руками лицо и отвернулся, а надзиратель, спохватившись, что дворик не пуст, крикнул Мамулову выходить и повел в другой дворик. Никакие мои улещивания и хитрости не помогли узнать имени этого "генерала". Напротив, Мамулов очень сожалел, что проговорился мне, он считал, что за выдачу такой "государственной тайны" ему могут срок набавить, и еще немного презирал меня, что я, такой лопоухий, не воспользовался его оплошностью и не донес на него. Исправляю задним числом, сегодня доношу! Какие доносы строчил на меня Мамулов, не помню, но ни один из них никак заметно на моей планиде не отразился.

Второй его сокамерник, которого равно не любили и Мамулов и Шария, звался Людвиговым. Он примерно ровесник Мамулова, кажется, и партстажем тоже. В 1935 году он совместно с директором филиала Института Маркса - Энгельса - Ленина в Тбилиси Бедия писал книгу "К вопросу об истории большевистских организаций в

---

[98] È òàêèå âåòåðàíû ÂÎÂ ïîïàäàþòñÿ â î÷åðåäÿõ - áåç î÷åðåäè.

[99] Â ãàçåòàõ ïóáëèêîâàëîñü ïðî ïÿòü ïðîöåññîâ â ñâÿçè ñ Áåðèåé: äåêàáðü 1953 ãîäà, èþëü 1954 ãîäà, äåêàáðü 1954 ãîäà, ñåíòÿáðü 1955 ãîäà - Òáèëiñè, àïðåëü 1956 ãîäà - Áàêó. Áåç ãàçåòíûõ ññûëîê åùå íåêîòîðûå åãî ôóíêöèîíåðû áûëè ïîñàæåíû èëè ñîñëàíû. À âîò Ì.Ì.Ãåøèàíè, ïîõîæå, òîëüêî îáðåêëè íà äîìàøíèé àðåñò â îäíîì èç åãî çàìêîâ.

Закавказье", вышедшею в том же году под фамилией Л.П.Берии[100]. По рассказам Людвигова-Штейнберга-Мамулова Бедия был расстрелян сразу же по написании[101], реабилитирован в 1955 году. Людвигов, напротив, трудился в аппарате Берии до 1953 года, в июне был арестован, получил 15 лет и, кажется, отсидел их сполна. Один из инкриминированных ему эпизодов таков. К декабрю 1947 года готовилась денежная реформа. Сдается, что она подготовлялась Сталиным и Зверевым (министр финансов) за спиной членов Политбюро. Но кое-какие известия о планируемом порядке обмена денег дошли до Берии раньше, чем до прочего населения. А Зверев придумал, что наличные деньги обмениваются из расчета 1 к 10, тогда как вклады в сберкассах - из расчета 1 к 3 (и то сверх некоей начальной, довольно мизерной, суммы, обменивавшейся один к одному). У Лаврентия Палыча в сейфе его канцелярии хранилось 80 тысяч личных денег. Сообразив, что в сберкассе он потеряет меньше, он распорядился начальнику канцелярии Людвигову снести эти деньги на его имя в сберкассу. Таким манером он выгадал около 20 000 - это две тысячи в масштабе 1961 года. Людвигов был смышлен, пояснений не потребовал, снес и свои денежки. В 1955 году, когда его судили, это было ему расценено как подрыв денежного обращения по заданию врага народа, сиречь вредительство. Какие еще конкретные эпизоды значатся в приговоре Людвигову, мне узнать не удалось. Но ни одному из них, ниже Мамулову, не вменялись ни массовые репрессии, ни незаконные аресты, ни бесчеловечное обращение с заключенными, ни нарушение социалистических норм законности. "Способствование продвижению врага народа" - таково главное обвинение. В отличие от Шарии и Мамулова, которые терпеливо ждали падения Хрущева, которого они полагали лично заинтересованным в их аресте, хотя вслух в своих бедах они обвиняли исключительно Маленкова, Людвигов дважды в неделю посылал своему сыну стихи - зарифмованную им передовицу "Правды" - с поучениями:

- Смотри, сын мой, как думают истинные коммунисты, к которым принадлежу я!

Этим выпячиванием своей ПАРТИЙНОСТИ по самым нелепым бытовым поводам он был очень неудобен в общежитии. Пожалуй, следующим по степени вредности после помянутого выше подполковника медицинской службы с утерянной фамилией. И только в его напряженных глазах можно было прочесть бездонное страдание:

- Ну, сколько же еще можно терпеть ТАКОЕ! Мне! МНЕ!! Неужели никто не пожалеет и не спасет меня?!

С Судоплатовым и Эйтингоном я почти не общался: они около десяти лет провели на больнице, и только в эпоху ущемлений нач.санчасти выгнала их оттуда к нам на корпус. Кажется, лишь с марта 1963 года мы стали встречаться на одном прогулочном дворике. Кажется Эйтингон сидел на больнице, потому что несколько лет симулировал сумасшествие, вплоть до того, что ел землю. Или это подвиги Судоплатова? Забыл. Как известно, он организовал в 1940 году успешное убийство Троцкого руками

---

[100] Çàïîëíÿëñÿ âàêóóì â èñòîðèîãðàôèè, âûçâàííûé àðåñòîì Åíóêèäçå. Òåïåðü ãëàâíûì [...] èçíàðàæàëñÿ Ñòàëèí.

[101] Òàøêàðîâ, íàïèñàâøèé Ñòàëèíó ïðèìåðíî òîãäà æå "Êðàòêèé êóðñ èñòîðèè ÂÊÏ(á)", çàñòðåëèëñÿ ñàì.

Меркадера, за что Эйтингон и мать Меркадера получили по ордену Ленина. А про самого Меркадера Штейнберг и Эйтингон рассказали мне забавную деталь. Тот был приговорен на 15 лет - конец срока 1955 год. И ежегодно подавал президенту Мексики прошение о помиловании, которое тот регулярно отклонял. В 1953 году, узнав о смерти Сталина, Меркадер не подал прошения о помиловании, а - напротив - стал забрасывать президента прошениями оставить его в тюрьме после истечения срока заключения. В момент свержения Берии Эйтингон был занят сложной акцией по выманиванию и ликвидации "надрайонного провидныка ОУН" Романа Щепанского ("Буй-Тур") и выпал из поля зрения Хрущева-Маленкова. Но по возвращении из акции, кажется, в сентябре, он был арестован одновременно с Меркуловым. "Умопомешательство" спасло его от расстрела с Меркуловым и Берией в декабре 1953 года. Судили его вместе с Мамуловым, дали 10 лет. В середине шестидесятых годов он работал в одном из московских издательств. Из рассказов Штейнберга, подтвержденных помаваниями Эйтингона, я вынес четкое впечатление, что убийство актрисы Зинаиды Райх - вдовы Мейерхольда - было проведенной ими акцией, а не делом "извергов-уголовников, которые пытали Зинаиду, чтобы она указала, где хранит драгоценности." И речь шла о бумагах Куйбышева, чего тогда я не понимал, а уразумел, только узнавши много лет спустя (спасибо Сереже Дедюлину, доставившему мне источник - "Бюллетень оппозиции"), что одной из жен Куйбышева была Руфина, сестра Зинаиды. Как обедняют себя историки, отказываясь рыться в постелях!

Упомянутый Меркулов В.Н., по единодушным в сем пункте высказываниям и покиваниям всех опрошенных мною бериевцев, был "головным мозгом" Берии. Все важные акции Берия передавал на планирование Меркулову и поступал, как тот рассчитает. Поскольку в историографии личностью Меркулова пренебрегают, я приведу его биографию - по сведениям Э.С.Орловского. Всеволод Николаевич родился в 1895 году в Грузии. В 1913 году поступил на физмат Сибирского университета, но с IV курса был призван в армию и на фронт (1916). С сентября 1921 года он - в грузинской ЧК, вскоре - зампред ГПУ Аджарии, с 1925 года - член ВКП(б). Когда Берия стал I секретарем Заккрайкома, туда же членом вводится Меркулов - ноябрь 1931 года. Как и все они, совмещал много должностей, будучи, например, в 1937 году зав.промышленно-транспортным отделом ЦК Грузии. С 17 декабря 1938 года - I зам.наркома внутренних дел, комиссар госбезопасности III ранга, увенчанный орденом Ленина. При разделении НКВД на НКГБ и НКВД (сначала в феврале 1941 года, потом в 1943 году) делается нарком ГБ. При этом продолжает оставаться членом Бюро ЦК Грузии. С июля 1945 года - генерал армии. Что произошло в 1946 году, почему Меркулова сменили на Абакумова, сделав начальником управления советским имуществом за границей при Совете Министров, - непонятно. Но в 1950 году, когда Абакумова посадили за хищения, Меркулова назначают министром госконтроля взамен понижаемого Мехлиса. Впрочем, и сам Меркулов на XIX съезде престает быть членом ЦК, оставаясь министром. В этом качестве его и арестовывают в сентябре 1953 года, опять же не в июне!

Некоторые из них - не упомню в точности, кто, но сдается, что Людвигов, - намекали мне, будто у Меркулова красные расстреляли сестру году в 1918 году и, мол, Меркулов решил мстить красным, но не "снаружи", а пробрался вовнутрь, дабы добраться до злодея-врага и лично отомстить. К этому расстрелу сестры - или невесты? ох уж эти кавказские романтики! - возводили они истоки антисоветской деятельности Меркулова и, соответственно, плясавшего под его дудку Берии. Возможно, в рассказах мне отражались отголоски показаний на следствии или следовательских версий.

Как подлинные советские люди, Людвигов и Шария не могли в тюрьме сидеть без дела, а работы, как я уже упоминал, в те годы во Владимирской тюрьме не было. Конечно, в хозобслугу, где бериевцы общались бы с широким контингентом, их зачислить не могли. (Вот Брик, заурядный изменник-разведчик, удостоился должности уборщика по этажу.) Они требовали работы, и им начальство приискало работу по специальности без контакта с другими з/к. В 1956 году, кажется, они начали переинвентаризацию библиотеки Владимирской тюрьмы. Время от времени другие из бериевцев подключались к просмотру книг, работа порой по разным причинам прерывалась. Завершилась она изъятием из библиотеки большинства интересных книг.

Дело в том, что, входя в систему МВД-МГБ, тюрьма не получала тех циркуляров, которыми на воле в 1925-1953 годах из вольных библиотек изымалась "устаревшая литература", подлежавшая размалыванию на макулатуру при соблюдении определенных правил. Из-за отсутствия циркуляров в тюремной библиотеке сохранялись книги авторов, расстрелянных этой самой бериевской бандой, или раньше ежовской. И едва они принялись за составление каталога, как у них волосы встали дыбом на коротко стриженых головах; курьезно, что среди них не было лысых. Например, знают они, что Георгий Венус - враг народа, посажен в 1937 году, а книга его "Война и люди. 17 месяцев с дроздовцами" (это роман, а не хроника) 1931 года издания (четвертое; первое было в 1926 году) свободно выдается каждому заключенному в тюрьме, губит идеологически его душу! И они начали писать рапорты о необходимости изъятия, уничтожения, запрещения и т.п. воспитательных акций. Ну, с Венусом-то они опростоволосились, ибо того реабилитировали посмертно году в 1957. Но в целом они своей "большевистской непримиримостью" достаточно запугали администрацию, которой недосуг было затребовать списки реабилитированных авторов. От лавины доносов бериевцев с громкими словами - не спастись. А в библиотеке и вправду попадались скоромные вещички. Вот, скажем, невинная книженция по истории середины прошлого века: как А.Я.Панаева обобрала Н.П.Огарева. Ну, читаю я изложение в общем-то общеизвестных событий: Панаева, любовница Некрасова, удумала помочь тому раздобыть деньги на издание "Современника". Воспользовавшись близостью с женой Огарева, сбежавшей от мужа к художнику М.Н.Воробьеву, научила ее потребовать от мужа 300000. Тот откупился 100000 рублями. Из них 90000 Панаева прикарманила, т.е. передала "на дело" Некрасову, а дабы не компрометировать того, был пущен слух, якобы Панаева протранжирила чужие деньги "на булавках". М.Л.Огарева умерла в нищете, кажется, и старик Воробьев помер в разгуле. Огарев, узнавши, возбудил было дело о

востребовании с Панаевой денег, да тут царское правительство лишило его как невозвращенца всех прав на имущество, и дело закрылось. Ну, подробности смачны, конечно, да все это я уже вроде бы в существенном знал давным-давно. Но вот из этой книги, 1934 года издания, не вырезано предисловие Л.Б.Каменева, возглавлявшего тогда издательство “Academia”, а в предисловии он хвалит такие методы добывания денег на революционные нужды и отмечает, что их не только одобрял Ильич, но и сам к таким же прибегал... Было от чего Шарии с Людвиговым схватываться за головы!

Как гремела слава владимирской библиотеки, видно из такого штриха. Когда в феврале 1961 года в Невельской судили Голояд, Маградзе и Цехмистер (см. §8), они сидели "на скамье" и плевались семечками, переговариваясь между собой:

- Вот хорошо будет, если на Владимир переведут! Там библиотека шикарная! Вот начитаемся!

- Верно, здорово. А вдруг не дадут крытку? Вдруг "пожалеют"? В лагере оставят?

- Ну нет, не позволим. Плюй дальше!

И они во всю силу плевали шелухой на стол судьям.

Но этот библиотечный рай бериевцы сумели уничтожить: администрация, загнанная в угол ихними кляузами, продолжавшимися даже тогда, когда их отстранили было от работы в библиотеке, разрубила сей гордиев узел по-российски: ликвидировала все старые книги, оставив в духовную пищу з/к только изданную при Хрущеве макулатуру. Я еще застал старую легендарную библиотеку и того же Венуса не только прочел, но и переписал себе целиком. Но следующие поколения заключенных уже недоумевали: за что это так восхваляли владимирскую библиотеку? Чем она отличается от всякой другой?

Шария не только закрывал библиотеку. Он выхлопотал себе году эдак в 1958 право получать книги по межбиблиотечному абонементу из московской публичной библиотеки. Как-никак, член-корреспондент Академии, хоть и грузинской. Когда я прибыл и обосновался в камере 93, я быстро узнал про эту привилегию Шарии. Он-то старался держать ее в тайне, но от пронырливого и злоязычного Штейнберга не укрывалось ничего. Мое прибытие во Владимир сопровождалось определенной научной помпой. Во-первых, с собой я привез огромное количество книг. Ну, допустим, и другие з/к возят с собой книги, этим нас не удивишь! Во-вторых, сразу же на мое имя начали приходить нескончаемым потоком бандероли не со съестным или вещдовольствием, но с книгами, притом такими, какие ни одному нормальному человеку ни при какой погоде не нужны: штук двадцать из лингвистической серии "Языки народов мира" со всякими тамильскими языками, скажем. Замнач тюрьмы по режиму, капитан Николаев[102] отчетливо растерялся. Он даже попробовал меня "проэкзаменовать", не кидаю ли? Брал наугад книгу и допытывался, о чем она, неужели же я знаю язык хауса или что в таком роде? Ну-с, к таким разговорам мы привычны, популярно я кому хошь, что хошь могу изложить, особливо если жестикуляция

[102] Êàæåòñÿ, ïîñëå ïåðåâîäà òþðüìû èç Âëàäèìèðà â ×èñòîïîëü è íåîáõîäèìîñòü óæåñòî÷åíèÿ â íåé ðåæèìà Â.Íèêîëàåâ, ê òîìó âðåìåíè ìàéîð, ïîêîí÷èë ñ ñîáîé. Íî ó ìåíÿ èçúÿëè â íîÿáðå 1982 ãîäà êîìïëåêò "Õðîíèêè òåêóùèõ ñîáûòèé", ãäå, ïîìíèòñÿ, ïðî ýòî óïîìèíàëîñü, òàê ÷òî ïðîâåðèòü íå ìîãó.

дозволяется. Как-то заметно на глазах Николаев начинал смотреть на меня снизу вверх. Наконец, в-третьих, в июне пришло письмо на бланке ЛОМИ, текст коего см. в §17, где в завершение просили дозволить мне получать научную литературу по МБА. Если и оставались у начальства сомнения, не кидняк ли я, то после гербовой печати они рассеялись. А так как в основной просьбе Математического института неизбежно приходилось отказывать, то в побочной, да еще при наличии Шарии, уже пользующегося этим абонементом и при необходимости проконтролирующего, не злоупотребляет ли Пименов библиотекой в антисоветских целях, можно было отказать академикам не на все 100%.

Так я стал получать книги по МБА. Примерно через год, в порядке реализации решений XXII съезда, бериевцев лишили ряда привилегий, в том числе МБА, и теперь Шария пустился заискивать передо мной, выпрашивая, чтобы я заказал на свое имя нужную ему литературу. Я не отказывал. И не из "тюремной солидарности", и не из-за того, будто он был мне симпатичен, и не из "благодарности" за то, что прежде он оказывал мне сию услугу, а преимущественно потому, что я с интересом читал те произведения, которые он выписывал. Никогда бы без него я не прочел помянутого в предыдущем параграфе Le Roy. Или книгу Шредингера “Mind and Matter”, до сих пор не изданную в СССР. При передаче книг приходилось блюсти осторожность, ибо Людвигов и Брик стучали, что Пименов нарушает порядок и передает в другую камеру получаемые им книги. Но начальство затыкало уши и закрывало глаза.

Возвращаясь к общей постановке вопроса о проникновении историка в души агентов исторического процесса, в порядке резюме всех уроков, ненароком преподанных мне бериевцами, скажу, что они дали мне возможность проникнуть в душу - если применительно к таким функционерам дозволительно употреблять "поповское слово" душа - аппаратчиков высшего звена формации тридцатых-сороковых годов. Я получил a know how - то не умещающееся в документацию знание, которое так высоко стало цениться в наше время специалистами по точной технике. Как наладчик электронной машины руководствуется не инструкцией, не паспортом машины, а чутьем, навыком, так эти функционеры обладали определенными НАВЫКАМИ, автоматизмами в реакциях. А я был подготовлен к восприятию именно навыков. О роли привычек, противопоставляя их законам, именно в сфере государственной жизни говорил я в суде 3 февраля [см. §3] и мне пофартило подсмотреть в них эти навыки, развить в себе СО-ЧУТЬЕ. Для историка - неоценимое приобретение. Его не получишь, познакомившись со всеми библиотекарями Москвы-Ленинграда или со всеми профессорами-историками США. Даже разовое присутствие на "инструктажах" не привьет его. Конечно, я не заботился в ту пору о сборе доказательств того, что их know how именно таково, а не иное. Да любой наладчик ЭВМ пошлет на три буквы всякого, кто потребовал бы от него подобных "доказательств". Кретины-историки[103] этого не понимают, все ищут "доказательств". Бог с ними, даже в кретинизме своем они иногда творят доброе и

[103] Ñëîâî "êðåòèí" ÿ óïîòðåáëÿþ òóò íå â åãî ìåäèöèíñêîì çíà÷åíèè, à â ñìûñëå, ïðèäàííîì åìó Ë.Í.Òîëñòûì îáîðîòíîì "ïðîôåññîðñêèé êðåòèíèçì": ÷åëîâåê èç-çà ïèñüìåííîãî ñòîëà ïðåòåíäóåò ïîñòè÷ü äâèæóùèå ìîòèâû äåÿòåëåé, íå çà ïèñüìåííûì ñòîëîì ïîäâèçàâøèõñÿ.

полезное дело. Но я, вооруженный этим чутьем, умел теперь перевоплощаться в любого деятеля из "школы". Встречаясь с такими типажами - в жизни ли, в историографических ли разысканиях - я восклицал: “We're of the same school!" - подобно Маугли в джунглях[104]. А когда мне повезло и я встретил Вилю, которая с моих косноязычных пояснений, каким должен быть персонаж, в коего я хочу перевоплотиться, догадывалась и тут же с ее актерски-режиссерским даром ИЗОБРАЖАЛА передо мной этого персонажа - мне оставалось лишь смотреть и записывать, что она несет, - и история определенных дней готова! И в трактовке этой истории я поднялся на десяток голов выше дипломированных историков - советологов или наоборот. Увы, чем выше, тем одиноче. Именно поэтому профессионалы не смогли меня понять.

А знание психики позволило мне сразу отмести домыслы Авторханова, якобы члены Политбюро "сговорились" против Сталина. Да никогда при их системе подбора кадров, при их взаимном недоверии не осмелились бы они настолько довериться сопернику, чтобы сговориться с тем!

Или другой пример, как РАБОТАЕТ знание психики. До знакомства с бериевцами я умозаключал в обстановке лютых заморозков лета 1958 года, будто позиция Маленкова была близка позиции Надя, т.е. "либеральной". Иными словами, победа Хрущева над Маленковым интерпретировалась мною как победа консервативных сил. Основания были: Надя назначили премьером в 1953 году сразу после свержения Берии, а сняли - сразу же после снятия Маленкова[105]. Но задумаемся. Было ли время у Маленкова в первые недели ареста Берии вспомнить про существование Венгрии? Когда еще с Багировым не управились, Ворошилов упрямится. Не было! Значит, умозаключал я, решение о замене Ракоши на Надя было принято еще при Берии (и позже хронология подтвердила мои вычисления). А желая свергнуть Берию, Маленков ходил с ним в обнимку, делал все, дабы усыпить бдительность того, угождал тому - постановления о неправильной-де национальной политике в Прибалтике и на Украине, отмененные СРАЗУ после ареста Берии как буржуазно-националистические, принимались в том же июне. Значит, назначение Надя шло по инициативе Берии, а Маленков лишь поддакивал тому! Значит, нет оснований сближать либерализм Надя с намерениями Маленкова! Аналогичный анализ обстоятельств снятия Надя предоставляю читателю в виде домашнего задания. Вот так и постигал, что же на самом деле происходило...

Ну, вот, пожалуй, я исчерпывающе обрисовал свою математическую реку с историческими берегами. И как щука резвилась там. Конечно, очень важным моментом формирования моих историографических позиций была еще книга Вересаева "Пушкин в жизни", которую я перечитал там, но отложу сию тему главы до десятой.

А вот что все-таки следует, это отдать должное памяти Симона Гогиберидзе. Тоже 1902 года рождения, он с юности вошел в ряды социал-демократов Грузии, в 1921 году с оружием в руках защищал

---

[104] Ëþáîé, çíàêîìûé ñ æèçíüþ Àíãëèè XIX âåêà çíàåò, êàêóþ âàæíóþ ðîëü èãðàåò òàì ØÊÎËÜÍÀß äðóæáà. À ëåíòÿé ×óêîâñêèé ïåðåâåë ýòîò âîçãëàñ ïðÿìî-òàêè ïî-ðàñêîñòðåê: "Òû è ÿ îäíé êðîâè!" Ïðè÷åì òóò êðîâü? Êèïëèíã íå áûë ðàñêîñòîì, îí íå îäîáðèë áû òàêîé ïåðåâîä.

[105] Îí àíàëîãè÷íûì ïðè÷èíàì ê òîìó æå íåâðóííîìó âûâîäó ïðèøåë Ò.Ìåðàò â êíèãå "13 äíåé".

независимость Грузинской республики[106], в 1924 году участвовал в восстании за независимость, а потом эмигрировал. Жил в Париже. В 1940 году Жордания послал его проинспектировать подпольные организации с.-д. в Грузии. Он перешел границу, несколько месяцев ездил по Грузии, убедился в полном отсутствии каких бы то ни было организаций меньшевиков, вернулся в Иран, а оттуда в Париж с докладом Жордании. Через пару месяцев старший следователь по особо важным делам Рухадзе[107] арестовал его мать за недонесение. Ей дали 10 лет плюс 5 ссылки, умерла в 1954 году. В 1942 году немцам удалось склонить на свою сторону некоторую долю кавказских народов, которые открыли им перевалы, в частности, Донгуз-Орун, Клухори и еще три-четыре. Абвер забросил своих агентов и в Грузию - вызвать там восстания. Тогда Ной Жордания, как премьер-министр правительства Грузии в эмиграции, произнес:

- Сейчас мы должны забыть все "измы". Не время бороться с большевиками. Надо спасать физическое существование России.

И послал Симона Гогиберидзе нелегально противодействовать происка абвера. Напуганные арестом его матери, жители выдали его властям. Он не был расстрелян, так как было точно установлено, что он вел ПОДПОЛЬНУЮ агитацию ЗА СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ, а не против. Получил 25 лет. К слову, одно время он сидел в одной тюрьме с Рухадзе, ибо того арестовали, как и большинство бериевских клиентов, около 1951 года. По словам Симона, наслаждение было такое же, как у меня от сознания, что рядом со мной гуляет начальник Мамулов. В августе 1956 года его выпустили, скостив срок до фактически отбытого. В декабре 1956 года к нему, поселившемуся у своей сестры Нины Левановны Гогиберидзе-Жгенти, пришли и извинились, что, дескать, выпустили его по ошибке. Перевезли назад во Владимир доотбывать 25 лет до конца. Таких случаев из этого времени я знаю несколько. В одном конец был "счастливый". Когда Шульгина повлекли назад, он написал какое-то заявление и был оставлен на свободе там же во Владимире[108]. Симону тоже неоднократно предлагали написать-подписать "обращение к эмигрантам", но он отказывался. Держался Гогиберидзе прямо, не сгибаясь. Помню, осенью 1961 года он настойчиво твердил мне в связи с проходившим XXII съездом: это все, мол, спектакль, который они разыгрывают для заграницы. Им нельзя верить ни в чем, они мастера притворяться. Я тогда был согласен с ним безоговорочно, и даже чуточку обидно было, что он мне такие азбучные вещи считает нужным растолковывать. Но потом я все-таки изменил мнение. Не был XXII съезд инсценировкой! А на воле - Симон дожил до освобождения в 1967 году - со своей гривой седых волос производил прямо сказочное впечатление; Вилю в 1969 году он очаровал. Умер он осенью 1970 года, когда я был в Калужской тюрьме и не мог прилететь на его похороны. А Нина, конечно, не поняла, почему соболезнующая телеграмма была подписана не мной, а Вилей.

---

[106] Åå íåçàâèñèìîñòü áûëà ïðèçíàíà ìåæäóíàðîäíûìè äîãîâîðàìè, ÐÑÔÑÐ åå ïðèçíàëà è èìåëà ñâîå ïîñîëüñòâî â Òáèëiñè, êàê è â ðÿäå äðóãèõ äåðæàâ, ïîñëå åå çàíÿòèÿ áîëüøåâèêàìè II Èíòåðíàöèîíàë ïîøòìåë, ïðèìåðíî êàê ïîñëå ×åõîñëîâàêèè â 1968 ãîäó.

[107] Í.Ì.Ðóõàäçå îñóæäåí è ðàññòðåëÿí â 1955 ãîäó, â Òáèëiñè, âîñåìü ïîäóäèìûõ.

[108] Ïåðâîå óïîìèíàíèå î ïèñüìå Øóëüãèíà Â.Â. ðîññèéñêèì ýìèãðàíòàì â ÑØÀ ïîÿâèëîñü â ñîâåòñêîé ïðåññå â äåêàáðå 1960 ãîäà. À øóìèõà ñ íèì, êîãäà Õðóùåâ ïîøåë ñòûëàòüñÿ íà Øóëüãèíà, Øóëüãèí íà Õðóùåâà, îòíîñèòñÿ ê 1961-1962 ãîäàì.

§16. Лариса Михайловна Щербакова в борьбе за сына

Напряжение ее жизни; Л.С.Шейнин; свидания на Воркуте и в Москве; разрешение на пересылку научных работ; переписка с нач.ГУМЗ; свидание в Озерлаге; причина перемещения в тюрьму; обещания Н.С.Тихонова; обращение к А.Т.Твардовскому

Я не умею передать страданий моей матери от беды, обрушившейся на меня. Боль матери от боли сына - нет, такие описания не для моего пера. Читайте "Софью Петровну" Л.К.Чуковской. Хотя умом она и была подготовлена к политическим невзгодами со мною (1949, 1953), иммунитет к несчастьям собственного ребенка не вырабатывается. Увольняя себя от задачи изображать ее чувства, обрисую только фабулу ее действий. Ибо она не позволила себе ПОГРУЗИТЬСЯ в страдания. Она со всеми присущими ей энергией и упорством стала спасать меня, не смущаясь отказами и неудачами. Сначала немного статистики. За 1957 год сохранилось квитанций ее передач и переводов во внутреннюю тюрьму на 1550 рублей. За 1958-1959 годы сохранилось 112 квитанций почтовых отправлений мне в Вихоревку и Анзёбу. За 1960-1963 годы сохранилось 167 квитанций почтовых отправлений мне и Ире. При этом писем было 315 мне - большинство простых, так что квитанции к ним не относятся. В среднем на Воркуту она слала почтовые отправления раз в 4,5 дня, позже из-за режимных препятствий частота снизилась до одного отправления в 5,5 дня, оставаясь выше, чем раз в неделю. Адвокату - по сохранившимся квитанциям - уплачено до денежной реформы 7640 рублей и 64 рублей после реформы. Сколько она тратила на поездки, не знаю, но поездка под Братск соизмерима с зарплатой. Она же еще подписывала меня на кучу журналов, а, например, помянутый в позапрошлом параграфе “Nature”, который в репродуцированном виде тогда начали распространять по подписке, стоил 216 рублей в год, “Review of Modern Physics” - 48 рублей; цены после реформы. Суммочка набегала.

Для того, чтобы позволить себе такие траты, прежде всего надо было работать, хорошо зарабатывать. А работа ее была завучем, т.е. с людьми и идеологически ответственной. Людям надо было улыбаться, помнить об их просьбах, быть терпеливой и требовательной к недостаткам, рассуживать и школьные шалости, и неблаговидное поведение учительницы, составлять расписание без окон, правильно размещая предметную нагрузку и по возможности выкраивая учителям свободные дни, в ажуре держать отчетность для районо, вести собственный предмет "биологию" так, чтобы ученикам интересно было - а в ней тоже новые веяния - не забывать повышать свою квалификацию, ни в коем случае не допускать в учительской обсуждения "случившегося с сыном", ибо таковое обсуждение может повести к снятию ее с работы. А потому, в частности, приходилось отрезать себе возможность прибегать к телефону: дома у нее телефона не было до самой весны 1963 года, а школьным она не позволяла себе пользоваться. А ведь она еще больна - в очень тяжелой форме - бронхиальной астмой, т.е. перманентно задыхается, по два месяца в году на бюллетене. И гипертония. День за днем в ее записях пометы: "Давление 170/100, 190/110, 205/100..." Не раз ей

казалось: вот, умираю, сегодня умру. Но и от этих мыслей она не раскисала, а спешила уладить житейские дела: написала завещание. На меня писать бессмысленно, не смогу ни в каком случае вступить в обладание наследством. Она договорилась с сестрой Зоей, написала завещание на ее имя, зная, что Зоя Михайловна передаст все, что сможет, мне.

Пару слов о ее сестрах. Зоя, жившая в Ленинграде, очень ее поддерживала. И не очень-то боялась контактов с тюрьмой. Она даже не препятствовала, а скорее научила свою семилетнюю дочку писать мне в лагерь. Само собой, никакой переписки у меня с Вероничкой по причине ее возраста не установилось, но все же бывало приятно получать к праздничным датам детское старательное поздравленьице. Я же отвечал примерно в стиле: "Учи лучше географию. Вот я плохо учил, не знал даже, где город Воркута расположен, поэтому сейчас и живу здесь, изучаю не по книжкам"[109]. Московские же сестры гораздо больше тряслись за свое положение и ограничивались словесными передачами для меня приветов через мать. Женя послала мне рюкзак и шикарную мочалку - ту самую, что поминается в письме Вайля в §10, но категорически не позволила сообщать мне адрес ее сына Сергея, который как раз в 1958-1959 годах работал в каком-то студенческом строительном отряде под Братском. Точно так же от него мой адрес скрывался. Наташка пару раз ослушалась мамашу, прислала мне бесцветные, но милые поздравления. Это было тем неожиданней, что Наташка любила Сталина и расплакалась от огорчения, когда я в январе 1956 года отозвался о нем неуважительно. Вероника же Михайловна была вне себя, когда однажды Ира, зная, что моя мать в Москве и почему-то торопясь сообщить ей нечто, отправила на вероникин адрес письмо с обратным адресом лагеря. И со мной однажды был такой же случай, но на меня моя тетушка не столь разъярилась, а лишь шипела Ларисе: "Объясни же ему, что это невозможно!". Оно и впрямь по определенным критериям - критериям нелюдей - получение писем с такими обратными адресами было "невозможным" для В.М.Пименовой: жила он в коммунальной квартире, сама работала в аппарате О.В.Пеньковского (формально - в редакции БСЭ), муж ее И.Я.Чесноков находился на ответственной должности в Министерстве геологии. Чистый компрометанс.

Никаких срывов, истерик, слез на людях дозволять себе нельзя. Л.М.Щербакова даже написала заметку, опубликованную в "Вечернем Ленинграде", о некоторых школьных делах. Вполне приличную. Несколько полегчало ей житейски, когда летом 1959 года она сумела обменять комнату в самом конце Московского проспекта на комнату на Дзержинского, 64 - дом и даже лестница те, где жил Гришка Распутин, только ее квартира этажом ниже. Оттуда рукой подать было до школы, где она работала, тогда как прежняя квартира была у черта на рогах, никаким метро еще не пахло, а менять коллектив она осмотрительно не хотела.

Все для сына. И хотя она чувствует - вся ее интуиция убеждает ее - что Ира как жена сыну не подходит, что ничего прочного из любви не получится (что и оправдалось, едва та освободилась), раз

---

[109] Âðÿä ëè â áëèæàéøèõ ãëàâàõ ó ìåíÿ áóäåò ïîâîä óïîìèíàòü Â.Î.Ìàêàðîâó. Îíà îáëàäàëà ôåíîìåíàëüíîé ñïîñîáíîñòüþ: ñ îäíîãî ðàçà íà äåñÿòèëåòèÿ çàïîìèíàòü ëèöà. Íàïðèìåð, Èðó Âåðáëîâñêóþ Âåðîíè÷êà âèäåëà îäèí ðàç â æèçíè â 1956 ãîäó, ïÿòèëåòíåé äåâ÷îíêîé. ×åðåç 12 ëåò ñëó÷àéíî âñòðåòèâ åå íà óëèöå, îíà åå óçíàëà. Òàêèõ ïðèìåðîâ çà íåé çíà÷èòñÿ ìíîãî.

сын ее любит, раз он просит заботиться об Ире, то Лариса Михайловна пересиливает себя, пишет Вербловской намного чаще собственных ее родственников, шлет посылки, ездит на кошмарные свидания.

Но это, так сказать, "нормальное" поддержание сына и невестки. Хотя, увы, насмотревшись множество подобных случаев, я с грустью убеждаюсь, что эта этическая норма перестала быть нормой статистической. Однако моя мать этим не ограничивается. Она перепечатывает мои рукописи, получаемые из лагерей и тюрьмы, на машинке. Когда - сама, никогда не учившись тому, когда - снося их машинистке. Квитанций об этом не сохранилось, но я знаю, что иногда в ЛОМИ ей печатали за плату, а иногда даром. Речь шла не о разовой перепечатке десятка страниц, а о систематическом напечатании многих сотен трудного - с непонятными терминами и странными оборотами - текста, написанного мельчайшим почерком, порой стершимся карандашом, порой на обороте и между строк другого машинописного текста. Сколько их - сравните списки в §§12 и 14. А потом надо вставлять формулы - математические, тензорные, многоэтажные... Опять же, где сама, где в ЛОМИ, когда даром, когда за плату, когда за коробку конфет - тогда они были доступны и относительно дешевы. А еще чертежи и рисунки... Но она преодолевает все это, и в нужный момент - а сколько их возникало таких "нужных моментов", когда с чувством "это есть наш последний и решительный" ожидался "окончательный ответ", которым "все решится" - у нее наготове, под рукой, не засунуто невесть куда, лежали кипы пронумерованных моих машинописей, перечни сочинений, копии отзывов. И отдавались очередному благодетелю, и чаще всего исчезали в провале времен.

Но она не ждала, когда же небо пошлет ей этих благодетелей. Она сама активно, не смущаясь поражениями, искала их, стучалась в их заматерелую совесть, твердила о пользе науки, повторяла слова "космос" и "сын". Поначалу она была незрячей в мире ученых мужей и юридических светил. Про того же Александрова она знала лишь то, что он самолично исключил меня из университета. Лишь постепенно Орловский просветил ее насчет размещения фигур в Геометрическом семинаре и об их отношениях ко мне. Но ведь это надо было еще привыкнуть к Эрнсту с его громовым голосом, воспринимаемым, как крик, с его бесцеремонностью, с его прямыми высказываниями, граничащими - по крайней мере в восприятии Ларисы Михайловны - с антисоветскими заявлениями, за которые посадили ее сына, а сейчас посадят ее за то, что она слушает Орловского, только вот того почему-то не сажают... До моего ареста она редко видела Эрнста, он чаще бывал на нашей с Ирой квартире. А сейчас отношения у них складывались тяжело. Вот Ира писала 13.11.62:

"Твоя мама жалуется на Эрнста, что он бесцеремонен и т.д. Пожалуй, было бы неплохо, чтоб ты посоветовал ему быть менее нахальным. А впрочем, не хочу ввязываться в их отношения."

Иногда она обижалась на него по анекдотическим - но таким понятным - причинам. Так, раз прислал я ей в письме стихи Пастернака "Гул затих", которые тогда не были опубликованы, которые Ира со слов Емельяновой или Санагиной написала мне. Из

осторожности в письме я не упомянул фамилии Пастернака, которого тогда клеймили все газеты. Стихи матери понравились, из материнского тщеславия она приняла их за мои. Эрнст колебался - едва ли? Потом по письмам Вайля он точно узнал автора и ТОРЖЕСТВУЮЩЕ объявил Ларисе Михайловне, что прав был он, а не она! Она в слезы: "Вот, Вы всегда хотите меня чего-нибудь лишить...". Но чаще конфликты порождались серьезными расхождениями. Он все стремился к гласности, по всякому инциденту со мной рвался ПРОТЕСТОВАТЬ в прессу - тогда имелась в виду только советская, зарубежная и не снилась, а Ларисе Михайловне не протесты были нужны, а мое благополучие. И она дрожала, как бы за его юридически-ядовитое письмо местное начальство не стало мстить мне, беззащитному.

Как стало естественно для советского человека, моя мать искала заступников в среде фамилий, упоминаемых в газетах: "Литературная", "Известия", "Учительская", журналах - т.е. среди писателей. Первым она выбрала Льва Шейнина, который 06.09.1959 поместил в "Известиях" статью "Сила и вера" о случае, отдаленно похожем на наш - см. п.42 списка в §9:

"Три года тому назад, - а это время было сложное, только что был подвергнут серьезной критике культ личности И.В.Сталина, - органам государственной безопасности стало известно о том, что несколько молодых студентов, людей, не твердых в своих убеждениях, а главное, не связанных с жизнью, прошедших по ней слишком легко и с удобствами, подпали под вражеское влияние...

... надо было проявить мужество, чтобы отказаться от привлечения виновных к ответственности, приняв тем самым на себя немалую ответственность. ...

... новую систему работы наших органов безопасности, поставивших перед собой по велению партии поистине почетную задачу: предупреждать преступления, перевоспитывать людей, по тем или иным причинами сбившихся с пути, бороться за каждую человеческую судьбу."

Окидывая годы взглядом историка, трудно было бы найти более неподходящего адресата для просьб заступиться за меня, нежели Л.С.Шейнин. Он, бессовестнейшим образом состряпавший дело зиновьевцев в январе 1935 года[110], он, публиковавший преисполненные гуманизмом советского следствия статьи и повести в ежовские 1937-1938 годы, он, сам загремевший в лагерь в 1950 году в ходе борьбы Маленкова против бериевского аппарата, он, теперь - после реабилитации в 1954 году - искал вернуться на хлебное место и одним из первых воспел хвалу КГБ, пришедшему стыдливо на место опороченного МГБ и шумно начинавшему разворачиваться под водительством только что возвысившегося "железного Шурика" Шелепина. Попозже оказалось, что именно такие похвалы гебистам не нужны, им более по сердцу пришлись Ардаматские и Семеновы, но это - потом. А сейчас Лариса Михайловна поверила Шейнину, что он против того, чтобы сажали

[110] Èìåííî îí ïîäïèñàë îáâèíèòåëüíîå çàêëþ÷åíèå ïðîòèâ 18 ÷åëîâåê èç áûâøåãî ïàðòóêîâîäñòâà Ëåíèíãðàäà â ñâÿçè ñ âûñòðåëîì Íèêîëàåâà, óæå ðàñſòðåëÿííîãî äî íà÷àëà ýòîãî äåëà. Ñì. §15 ãë.1.

молодежь. И отстукала ему трогательное и бестолковое послание на трех машинописных страницах через один интервал. На той самой машинке, что ей вернули по окончании следствия.

Шейнин не захотел даже получать этого письма, редакция известила адресанта, что ее письмо переслано в МВД. Не дождавшись ответа оттуда, Лариса Михайловна напоминает редакции, та повторно обращается в МВД, из ГУИТК приходит извещение, что "заявление Щербаковой Л.М." переслано в Управление п/я ЖЩ-410, т.е. Евстигнееву. Оттуда ответа не было, да и что могла она ждать от него, она, уже съездившая в Озерлаг.

Едва определилось место моего пребывания - Воркута, как она собралась ко мне на свидание. Благо было лето, и у нее - законный двухмесячный учительский отпуск. Письма мои были взволнованные, и от общей истеричности моей натуры, и от сумятицы новых впечатлений после почти полутора лет одиночки, и - неосознанно для себя самого - отражающие неустойчивость состояния воркутинских лагерей, уже предназначенных к ликвидации, но ничего официально еще не объявлено, так что ходят слухи, один другого отчаяннее. Поэтому она торопилась. И хорошо сделала - приехала она 28 июля, а 31-го нас уже этапировали. Она летела самолетом, а это было не так быстро и удобно, как нынче; косвенно это отражается формой тогдашнего авиабилета - на нем надпись: "Плацкартный. Сидячий." Прилетела, пока разыскала. Снегу, правда, уже не было: стаял. Но назавтра, кажется, пошел валить. Прежде всего оказалось, что в бараке для свиданий - старый многолюдный лагпункт, там не комната для свиданий, а целый барак - нет свободных комнат. А имеется довольно длинная очередь жен и матерей. Но начальство было человечное и, справившись, что я назначен в этап с ближайшей же оказией, о чем ни я, ни мать не подозревали, выгнали какой-то персонал из комнаты, не предназначенной для свиданий, и в ней дали нам часа три-четыре сегодня и столько же завтра. Без ночевок, но и без надзорсостава. Мы очень нервничали оба, и у меня не сохранилось в памяти никаких подробностей, кроме наплыва трагедии. Да картины, как конвоир один уводит меня из этого барака длинным голым полем к зоне, пообок идет моя мать с безумными глазами. И потом он же прикидывает, пропустить ли пару пачек чая в зону со мной или нет, а я еще не осведомлен о ценности чифира и плохо осознаю его действия.

При последней встрече мы уже знали про этап, им уже мотивировалось, почему завтра свидание не состоится. Но куда, конечно, держалось в секрете, как государственная тайна. Станция Воркута одна, поезда ходят даже не каждый день, так что когда нас посадили в столыпины, она стала бродить по-над вагонами и выглядывать меня. Конечно, меня она не увидела, но я, взгромоздившийся на верхних нарах - где откидывающаяся крышка с дырой для пролезания, - напротив открытой верхней части окна, увидал ее, окликнул, и после непродолжительной заминки с наружным часовым она подошла к окну. Мы немножко поговорили, причем я в этот раз был бодр, голос мой заливался весельем. Конвоир даже разрешил передать шоколадку в окно - тогда не существовало статьи закона, согласно которой кормить заключенных есть преступление; см. §6, все зависело от его доброты-злобности. Но

когда она начала выяснять, "удобное ли у меня место", "на какой я полке - нижней или верхней", я, заходясь от хохота, пустился растолковывать, что нас "в купе" свыше двадцати человек, что тут не разберешься "на какой полке". Вот тут конвоир не на шутку рассердился, захлопнул окошко и стал ее отгонять, не давши мне договорить фразу. Дружными усилиями и изнутри, и извне удалось его убедить, что "нарушение не повторится", и он открыл окно, подпустил ее. Но теперь разговор сделался хмурым, ибо иллюзия поездки-путешествия сменились осознаваемым ужасом этапа в неволе.

Мать двинулась тем же поездом, поэтому узнала, что он привез нас в Москву. Дорогой на остановках окна были зашторены, и ни она меня, ни я ее не видели. В Москве она остановилась у Вероники на Пушкинской, а затем побрела выяснять, в какой тюрьме разместили наш этап. Задача, согласитесь, не из легких, ибо смахивает на шпионскую деятельность. К счастью, время было не шпиономанское, и она обошла менее половины тюрем Москвы, как уже узнала, что я в этой - в Бутырках. И - о времена, о нравы - ей дали получасовое свидание со мной. По одну сторону десятка два заключенных, напротив - свидающиеся. По торцам надзиратели. Ни о чем толком мы не говорили, но иллюзия, будто мы вместе, крепла от такого "продолжающегося свидания".

На этом мы расстались на год.

За год она сочинила не менее десятка заявлений в МВД, отдельные из коих принесли полезные для меня плоды:

"лд-2
гр-ке Щербаковой Л.М.
г.Ленинград, ул.Правды, 20

Главное управление МВД РСФСР получило Ваше письмо, адресованное в прокуратуру РСФСР, по существу которого сообщает, что Ваш сын может пересылать свои научные работы в любое учреждение страны или отдельным лицам через администрацию исправительно-трудового учреждения, которая после ознакомления с содержанием документа принимает решение о порядке пересылки его.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МВД РСФСР

подпись ТЕРЕШАТОВ
15 октября 1958.
№ 6/4-ж-47657"

Но гораздо чаще приходили ответы иного, огорчительного толка:

"В главное управление ИТК МВД РСФСР поступило Ваше письмо от 25.12.58 г., адресованное в МВД РСФСР, в котором Вы просите о переводе Вашего сына Пименова в другое исправительно-трудовое учреждение и предоставлении ему возможности заниматься научной работой.

По сообщению администрации подразделения, в котором находится Пименов, случаев неприязненных отношений к нему со

стороны администрации не установлено. Наоборот, в подразделении имеются возможности заниматься научной работой, он имел карандаши и бумагу, однако использовал Пименов эти возможности не для занятий, а для нарушения установленных порядков.

Как следует из документов, Пименов, еще будучи в Ленинграде, а затем в Воркуте, мотивируя необходимость заниматься научной работой и спекулируя гуманностью работников советских учреждений, получал бумагу и карандаши, но использовал их не по назначению, систематически нарушал установленный в подразделениях порядок, за что в мае месяце 1958 года был направлен в подразделение со строгим внутренним распорядком. После перемещения в подразделение Иркутской области Пименов продолжал злостно нарушать внутренний распорядок, отказывался выходить на работу, наносил оскорбления административным лицам, выполняющим свои служебные обязанности, в результате чего в ноябре месяце 1958 г. он был водворен в подразделение с более строгим распорядком. Видимо, к этому времени и относится ограничение Пименова в посылке корреспонденции, что вытекает также из существующих положений.

Таким образом, напрашивается вывод, что видимо Пименов неискренен с Вами и совершенно неверно информирует Вас о порядках, существующих в подразделениях и о своем отношении к ним.

Следовательно, до тех пор, пока Пименов не прекратит нарушать установленные в подразделениях порядки и не станет честным трудом искупать свою вину перед Родиной, администрация подразделений не может гарантировать ему соответствующих возможностей для ведения научной работы.

Работники исправительно-трудового учреждения будут и далее стремиться помочь Пименову твердо встать на путь исправления, однако с Вашей стороны также потребуется полное содействие в этом путем поддержания письменной связи с администрацией и с Вашим сыном.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МВД РСФСР

подпись БЕЗЗАБОТНОВ"

9 февраля 1959 года.

Конечно, цинизм этого ответа вызывает естественнейшее человеческое желание затолкать Беззаботнова сапогами под нары, как когда-то поступили с быв.прокурором РСФСР Крыленкой узнавшие его сокамерники в Бутырской тюрьме. Или хотя бы поместить его в одну камеру с Мамуловым. Но, преодолев в себе это истинно-человеческое чувство, Лариса Михайловна принимает "игру" в предлагаемых ей терминах и пишет:

"Вы ответили мне (письмо № 6/4-Ж-47657а от 9.II.59), что необходимо и мое материнское воздействие на сына. Кроме того, я обращалась к депутату Верховного Совета РСФСР Ковалевской Т.П. с просьбой в содействии в выполнении моего заявления. Начальник

п/я, т.Комраков 27.7.59 сообщил[111] ей (№ 23/4-374), что с Пименовым ведется большая воспитательная работа, но пока это не дает результатов. Это меня волнует как мать и вынуждает использовать свой отпуск для того, чтобы повидаться с сыном.

Обращаюсь к Вам со следующими просьбами:

1. Прошу Вас дать указание о разрешении мне свидания с сыном на протяжении двух недель, ежедневно по 2-3 часа, с тем, чтобы я могла беседовать с ним как мать и воспитатель.

2. Представляю копии отзывов Математического института. ... поэтому прошу разрешить ему научную переписку в неограниченном количестве. С моей точки зрения необходимо перевести его в другой лагерь, предоставив ему такую работу, которая не помешает его научной деятельности.

3. Заниматься научной работой (а он не бросает ее, несмотря на тяжелые условия) при недостаточном питании в течение полугода очень ведь тяжело, поэтому прошу разрешить передачу посылок раз в месяц.

10.7.59 г."

Напористость ли ее, полное ли отсутствие пререканий, времена ли такие были, но только И.И.Беззаботнов подписывает отношение:

"Нач.упр.п/я-410

Евстигнееву С.К.

... при этом направляется на Ваше рассмотрение заявление гр.Щербаковой Л.М. о предоставлении ей во время ее отпуска длительного свидания с ее сыном... и создании условий для выполнения ему научной работы. Прошу Вас ознакомиться с личным делом Пименова и в пределах возможного удовлетворить просьбу его матери.

О результатах рассмотрения прошу сообщить заявителю..."

Я своей позицией отнюдь не облегчал матери хлопоты за меня. Вот, например, моя твердая установка:

"Пытался я тут устроиться учителем в начальную школу, имеющую открыться, но замполит по таинственным соображениям, имея в виду другую личность, отказал. Не помогли и эти характеристики. Но я все-таки твердо решил отвоевать себе свободное время. У Уэлса есть хорошие рассуждения о том, чем могут заниматься "простые люди" и "талантливые" (это в главе "Потоп и спасательные станции"). Так вот видимо, я принадлежу к категории "талантливых" или просто упрямых. Мой план прост. До 01.11.58 я буду выходить на объект. Разумеется, работать буду, как прежде, над космометрией, а не над глиной. С первого же числа я отказываюсь. Для начала меня лишат переписки. Потом свозят несколько раз в изолятор. И только потом отправят на спец, на 450 г хлеба и на одно письмо в месяц и одну посылку в три (а вот как с бандеролями, не знаю).

... М-да, не понимаю я[112], что заставляет Иру работать, надрываясь, уродуя себя. Во имя чего? Вот сейчас я благодарен

[111] Äàòà ÿâíî îøèáî÷íà, íî òàê â òåêñòå.

Луканкину, что он запихнул меня на штрафной. Попади я сразу на общий, я бы смотрел совсем иными глазами."

Или два года спустя, отвергая советы Залгаллера, переданные через Орловского:

"Я рад, что Залгаллеру понравилась пятивариантная статья. "Разбрасываться" в этом смысле я всегда буду. Диссертацию писать? Все-таки Григорий Гершуни, его родственник, лучше понимал, что к чему. Хорошо будет, если я, отсидев 3650 дней, выйду. А раньше - только во сне. Как и когда мне "писать диссертацию"? Хорошо еще, если тоненькая ниточка моей научной работы еще не рвется вполне. Вот сейчас: орет радио, меня вот-вот сгонят со стола, чтобы "забить козла", десятка нужных для справки, на "полминуты" книг нет и мечтать о них не стоит."

Разъезды адвоката с целью добиться моего освобождения - самообман. Если бы он (и вы) приложили столько же усилий в направлении, намеченном мной осенью 1958 и подтвержденном летом 1959: добиться одиночного заключения в одной из "европейских" тюрем - это было бы давно достигнуто. И тогда я смог бы работать. Я снова повторяю: тюрьма всегда лучше лагеря (даже общего; на облегченном не был, не знаю.) По-видимому, этой осенью и зимой вообще не смогу работать. Останется только читать."..."

И мать знала, что переубедить меня нечего и пробовать. Правда, фактически мое решение октября 1958 года не сыграло никакой роли: я еще не успел начать проводить его в жизнь, как меня уже перевели на спец, безо всякого с моей стороны повода. Но это другое дело, намерения-то мои мать знала - процитированное "левое" мое письмо дошло, как дошли и указанные мною адреса поблизости для бесцензорской переписки.

Другой пример. Цензура не пропустила мне книг "Илиада", Cesar Borgia и французско-русский словарь как устаревшие, изданные до революции. Тык-мык я - не дают. Эрнст, узнавши, посылает письмо в "Крокодил". Мать в ужасе, что начальство на меня разозлится, запрещает ему, но остановить не умеет. Я поддерживаю Эрнста, даже прошу его так действовать и впредь. Из "Крокодила" приходит ответ: Ваше письмо переслали в учреждение № такой-то, но повторяем, что подобного материала наш журнал публиковать не может. В итоге "Илиаду" и словарь мне отдают, а книгу на французском языке возвращают моей матери (хотя посылал ее и обратный адрес значится - Орловский Э.С.).

Да, возвращаюсь к ее отношениям с Беззаботновым. Она, если говорить подробнее, не посылала своего заявления, а приехала в Москву и добилась приема Беззаботновым. Ей же на руки он выдал процитированную бумажку для Евстигнеева. Тот не подтерся этой бумажкой, а распорядился дать трое суток личного свидания. Прежде чем вспоминать свидание, расскажу о шоке, пережитом ею еще в Москве, при визите в ГУМЗ.

---

[112] Ñåé÷àñ - ïîíèìàþ. Â æåíñêîé çîíå âñåãäà òðóäíåå, õóæå íðàâñòâåííûé êëèìàò. Ñàìè æåíùèíû íå äîçâîëÿþò ñâîèì òîâàðêàì íè÷åì âûäåëÿòüñÿ, íè÷åì âûïàäàòü èç åäèíûõ äëÿ âñåõ îñòî, ïðàâèë, ñòåðåîòèïîâ. Âñÿêàÿ ïîïûòêà èíäèâèäóàëüíîãî ñàìîóòâåðæäåíèÿ èìè îáðå÷åíà íà ìåñòü è òðàâëþ. Ñïàñèáî Èðå Öóðêîâîé, îáúÿñíèâøåé ìíå ýòî.

С нею беседовали почти по-светски, они это умеют - надевать человекообразное лицо. И в какой-то момент она, поверив, стала негодующе говорить о возмутительном случае, описанном мною ей в одном из левых писем. Больной заключенный получил из дому посылку с дефицитными лекарствами, которых и на воле-то не имелось в Иркутской области. И старшина тут же на глазах его и других - в том числе моих - ожидавших в очереди получения своей посылки, кинул в печку все эти лекарства. "Не положено". Отчаянные мольбы больного, что пусть он ему не будет выдавать, но в лагерную аптеку пусть лекарства сдаст - не помогли. И что же услышала гражданка Щербакова от замнач ГКМЗа? Что старшина поступил совершенно правильно. Что на сей счет издана инструкция. Беззаботнов распорядился принести ему и дал ей прочесть типографски исполненный текст инструкции МВД, согласованной с министерством, именующим себя министерством здравоохранения, где черным по белому предписывалось УНИЧТОЖАТЬ НА МЕСТЕ ВСЕ МЕДИКАМЕНТЫ, присылаемые на имя заключенных в посылках или бандеролях. Это санкционированное варварство потрясло ее гораздо основательнее, нежели все, про что я писал прежде в письмах. Но оно же и подготовило ее - теперь она настроилась "ждать всего". Она, вспоминая слова Волохонского, "поверила в Советскую Власть."

Впрочем, оказалось, что готова она была "ко всему", но на поверку - не ко всему. С ней в Тайшетском управлении листали мое дело, и вот она видит чужую фотокарточку там.

- А это кто?

- Как кто?! Ваш сын!

Она всматривается. Боже, как изменился, до чего страшное каторжное лицо. Варнак, да и только. Что же они делают с человеком, что меньше чем за год доводят его до неузнаваемости?![113]

А что делали, откровенно выразил полковник Бурдюк, навещавший нас в апреле:

- Наша задача сломать вас морально и физически. Мы вас на колени поставим.

Эта было сказано не мне одному, а перед строем заключенных, которых он осматривал. За плечами Бурдюка была слава начальника Степлага в 1952 году. Желающие полюбоваться, до чего доводят даже добренькие начальники лагпунктов даже не особо опасных преступников, пусть смотрят кинофильм "Вокзал для двоих".

Для свидания меня вывезли со спеца на общий лагпункт. Мигом стряслось недоразумение. Сопровождавшим дали распоряжение не допускать моего контакта с зоной. Как? Единственный способ - поместить меня в карцер ("изолятор"). Но раз так, то надо полностью перевести меня на карцерное положение, в частности, отобрать неположенное. Началось с того, что старательно остригли меня - на спецу не было парикмахера, стригли очень редко, так что волосы отрастали изрядные - затем стали отбирать носовые платки и т.п. Мои попытки объяснить, что меня привезли не в порядке наказания, а на свиданку, успеха не имели: ври, мол, себе,- посмеивался старшина, который и впрямь про свидание ничего не знал, да и не бывало таких прецедентов на этом лагпункте. А мои

---

[113] Ïî ïîâîäó ôîòîãðàôèé. Âàéëü, Âåðáëîâñêàÿ è ìîÿ ìàòü âèäåëè âûðåçàíóþ èç "Îãîíüêà" ãðóïïîâóþ ôîòîãðàôèþ ñ÷àñòëèâî ñìåþùèõñÿ ëþäåé, ñðåäè êîòîðûõ íå êîëåáëÿñü ïîçíàëè ìåíÿ. Íå ïîçæå 1961 ãîäà. Óìà íå ïðèëîæó, ÷òî ýòî òàêîå.

возражения и настойчивые разъяснения - как-то обидно было лишаться волос перед самым свиданием, дополнительно обезображиваться и пугать мать - квалифицировались как "пререкания". В карцере уже было семь человек, я - восьмой. И имел случай пережить въявь описанный у Мережковского в "Юлиане-отступнике" вселенский собор, на который язвительный император-вольнодумец повелел созвать в равном числе христиан ВСЕХ толков и разноречивых церквей. Эти семеро оказались верующими - но каждый в СВОЮ религию. Истинно православный, просто православный, баптист, иеговист исповедания "Башня стражи", иеговист старорусского толка ильинцев, католик, какая-то воинственная разновидность баптизма - все они, с порога узнав, что я неверующий, рванулись обращать меня всяк в свою веру, отпихивая локтями соперников, поливая их толкование грязью. Для полного сходства с Собором, изображенным Мережковским, не хватало только того африканца, что проповедывал, вращая дубину над своей головой, но дубинка в карцере была "не положена". Из всего их фанатического поучения запомнилось мне только предсказание иеговиста:

- 29 сентября 1960 года падет власть Антихриста, сиречь советская власть.

Сказано это было 19 июля 1959 года. Оговорюсь, что подобных безобразий у верующих я больше не встречал. Здесь же все они были как бы нарочно отобраны для компрометации религии. И еще. Я встречался порой с очень неприятными и просто мерзкими людьми - таковыми я их и описываю, если полагаю нужным про них упоминать. Но из этого НЕ ВЫТЕКАЕТ, будто бы я солидаризуюсь с теми, кто их арестовал и долгие годы "режимил" в лагерях - я не сторонник той доктрины, согласно которой "раз человек противный и нехороший, то и правильно его посадили."

История с "пререканиями" имела продолжение. По окончании свидания для какой-то проформы нас обоих вызвал в свой кабинет кап[итан] Степанов, начальник этого лагпункта, - я был так взволнован, что даже номера его не узнал. И в процессе разговора втроем я упомянул, что помещен в карцер. Мать удивилась: как это ни за что, только из-за свидания? Капитан спасая честь мундира, наговорил ей, что не "ни за что", а за "оказание сопротивления надзорсоставу по прибытии на этот лагпункт". И, не чинясь, стал при ней оформлять акт о моем буйстве три дня назад. Мать с вольной непосредственностью отметила, что такой акт должен был бы быть составлен сразу, а не задним числом. Капитан, вспомнивши, что она ведь имеет заручку наверху, не случайно ей такое длинное свидание предоставили, что, конечно, пойдет жаловаться и тут окажется даже формально права, снисходительно порвал акт после того, как он был подписан всеми, кроме меня. И освободил меня от отбытия дальнейшего наказания в карцере - по акту мне было выписано 7 суток, я пробыл трое, если считать те трое суток, когда у нас с ней было личное свидание и я жил с нею в комнате для свиданий. А если не считать, то только несколько часов перед свиданием да несколько после. И тут, в самый-пресамый распоследний момент она едва не подвела меня. Я вынул платок, и она с материнской заботливостью углядела, что он надорван, почти разорван.

- Что это у тебя, почему рваный? - воскликнула она. Я неохотно пожал плечами, повел глазами в сторону порванного акта, на капитана и промямлил:

- Да вот так.

- А, это с этим старшиной, - догадалась она. И мгновенно все мы трое осознали, что платок и ее реплика доказывают, что НЕПОВИНОВЕНИЕ и СОПРОТИВЛЕНИЕ имели место. Что акт был справедлив. Начальник свысока ухмыльнулся. На ее лице отразился ужас, что предала собственного сына. Что читалось на моем - не знаю. Но последствий это не возымело. Меня сразу увезли назад на наш спец. Там мне отдали скопившиеся еще с марта письма, которых прежде не давали. Она поехала на свидание к Ире. Сначала навела справки, вот из ее записной книжки:

"Из Вихоревки брать билет до Москвы, доехать до Тайшета, сесть на красноярский поезд, выйти в Суслово, пожить, потом закомпостировать.

Чтобы поезд шел через Тайгу.

На 93 км от Мариинска, в 9-22. В Мариинске проходит в 11-29."

Добралась, пожила у Иры сутки. Поехала назад. Или вперед? Возвратясь домой, сочинила длинное послание Беззаботнову, существенные выдержки из коего я приведу:

"... до того, как увидеть сына, я беседовала с его непосредственным надзирателем капит.Никитиным, нач.полит.части тов.Скорлупиным и многими другими. Никто мне не сказал, за что конкретно сын находится на спец.режиме. Капитан Никитин прямо сказал, что за все время Пименову не было никаких замечаний.

У меня создалось впечатление, что держат его на этом режиме по материалам дела. На мой вопрос нач.тов.Комракову: "За что Пименов на этом режиме?" - он показал мне приговор и стал говорить, что он, видите же, что делал, видите, за что осужден, и все в этом духе.

... он вообще и не был на общем режиме. Сразу, по распоряжению ленинградской прокуратуры он был отправлен в Воркуту на строгий режим. В Воркуте к нему относились исключительно хорошо, он не имел ни одного замечания. Я лично беседовала с нач.лагеря (не помню его фамилии).

1 августа сын мой был направлен в Сибирь, в Вихоревку и здесь временно его поместили на 410/4-011, до разбора кого куда поместить, т.к. партия была большая. Там он пробыл около месяца. Ежедневно выходил на работу (это же можно проверить по графику), один раз, когда у него разбились очки (в медицинской карточке у него записано, что требуется консультация окулиста для установления трудоспособности, но добиться этой консультации не удалось), он сказал об этом лейтенанту Ильину (нач.отряда) и не мог выйти на работу. Это было в середине октября.

... он сразу был переведен на спец.режим. Ему объяснили, что держат его здесь по составу преступления, "понадобится, будем держать весь срок".

... Я сама была свидетельницей того, как задним числом составили акт о том, что мой сын оказал сопротивление при обыске

за 5 минут до свидания со мной. Это свидание было 19/VII, а акт составили 21/VII, но благодаря моему присутствию и любезности кап.Степанова, который прочитал мне этот акт в присутствии сына и лиц, составлявших акт, удалось установить, что ничего этого на самом деле не было.

Так ведь это потому выяснилось, что я мать, вольный человек была там, а кто же стал бы слушать объяснения заключенного да еще такого, который на спец.строгом режиме....

Когда я добивалась узнать, что же делает, как нарушает дисциплину сын, мне прямо рассказали, что в ноябре он обратился к начальнику со своими характеристиками и просил, чтобы его назначили учителем. Это расценили как отказ от общих работ и сопротивление. Чему? Я так и не поняла толком.

За все время пребывания на спец.строгом режиме (с начала ноября по февраль в Анзёбе, а потом в Вихоревке) сын не имел никаких замечаний. Почему же он второй год находится в таких условиях?

... тов.Ковалевская... ей ответили, что у него есть такие условия. А разве это правда?

Он пишет лежа с больными глазами, у него опухли руки от этого. Он лишен переписки, чернил, книг и пр.

... прошу... выслать мне копию характеристики на сына, присланной Вам из лагеря.

11 января 1960 год."

Ясно, что в этой ситуации логического тупика, в который была загнана лагерная администрация, ей оставалось только долбануть по мне как можно сильнее, продемонстрировав, что она стоит выше всех доводов разумного и справедливого. Кабы и не было заявления Лосенкова, администрации надо было бы выдумать его, дабы оправдать свои действия по отношению ко мне. Не удивился бы я, кабы архивными раскопками выяснилось, что исходной причиной перемещения меня на Владимир послужило заявление моей матери тому же Беззаботнову от 27 июля 1960 года:

"... Вами было дано указание начальнику лагеря о создании условий моему сыну для научной работы.

Мой сын оправдал Ваше доверие и за этот короткий срок, несмотря на тяжелую физическую работу в карьере - сумел окончательно отредактировать одну из своих работ в области математики (космометрии) для опубликования ее в "Докладах Академии Наук СССР".

Работа Пименова одобрена к печати академиком Смирновым В.И.

... Прошу Вас принять меры к изменению режима содержания моего сына, ибо, несмотря на Ваши указания он до сих пор содержится на спецстрогом режиме."

Вполне возможно, что Беззаботнов матюкнулся и распорядился Евстигнееву: сделай, чтобы я больше ничего не слышал о Пименове! И тому оставалось только выпроводить меня за пределы Озерлага, а Дубравлаг брать меня не хотел, естественно. Оставалось единственное, описанное в §14. Подчеркну, что БЕЗ ЛИЧНОГО

УМЫСЛА НАПАКОСТИТЬ. Ведь - в пределах доступного - местная администрация максимально облегчила мне жизнь с марта 1960 года: мне поручили заведывать кабинетом КВЧ, это отдельная камера, где я проводил большую часть дня в одиночестве. Всех-то моих обязанностей было выдавать книги - преимущественно солдатам-охранникам - да письма-бандероли разносить по камерам - капитан Мешков, ведавший КВЧ, по ленности отдавал мне всю пачку невскрытыми-нераспечатанными. А так по нескольку часов в сутки я был свободен сидеть за столом и писать. Но изменить спецстрогий лагпункт и режим - это администрация МВД была не властна.

На обратном пути мать заехала к Ире, добилась и там свидания - с кем? Официально ни с кем! Но добилась, провела сутки, обстановка женского лагеря поразила ее еще страшнее, мутяще, нежели мужского. Душа перевернулась. Но Ира была в восторге - первое вольное лицо за почти полтора года.

В лето 1960 года я уговорил мать не приезжать ко мне, дабы не пугать ее еще раз своим отощавшим видом. Благо предлог был убедителен и оптимистичен: ведь в результате ее ходатайств мне вот-вот сменят вид режима, переведут в другой географический пункт, чего же ради ей тащиться за десять тысяч километров с риском не застать меня? Вот устроюсь на новом месте, напишу ей, тогда она и приедет! В самом деле, приехала она ко мне на НОВОМ месте - на получасовое свидание в тюрьму. Тогда еще не додумались до свиданий через стекло, сидели за одним столом и даже за руки держались. Это - та льгота, которую от себя дозволяла вертухайка Исаева, проводившая свиданку. Вот такие-то тонкости различения того, ЧТО ПРОИСХОДИТ и того, ЧТО МОЖНО о происходящем РАССКАЗЫВАТЬ, и составляют суть тюремной - и только ли тюремной? - жизни! А вольные фраеры, и пуще всех советологи, этого не понимают. Из Владимира мать опять приехала к Ире в Мордовию на этот раз. И снова переживала, потрясалась, а потом, отдыхая на теплоходе по Волге, писала: "Никак не могу войти в людскую колею".

Месяц от месяцу направленность действий Ларисы Михайловны становилась все четче. Если в первые по моем аресте два года ее заявления обо мне адресовались почти на деревню дедушке: "В Райисполком", "Начальнику К.Г.Б.", то теперь она уже стала разбираться в этих иерархиях и взаимосвязях бюрократических сфер. Усвоила первые уроки в тонкой науке, кто на кого имеет право выходить. Хотя, конечно, от человеческой наивности и определенно свежести восприятий так и не избавилась. Этот грех сохраняется за каждым из нас, как бы не терла и не скоблила нас жизнь, ибо мы все-таки люди, а не нелюдь.

Про затею с помилованием посредством депутата Верховного Совета РСФСР я уже рассказывал в §12. Получив отказ, моя мать пишет М.А.Суслову (23 марта), Председателю Верховного Суда РСФСР Рубичеву (4 апреля), Н.С.Хрущеву (8 апреля 1960 года). Пишет она и завотделом науки Бюро ЦК по РСФСР (27 июля). Я называю не все ее обращения. В ноябре того же года выходит она на адресата, который наконец, ОТВЕТИЛ ей - на писателя Н.С.Тихонова. Четыре страницы машинописного текста через полтора интервала уже на другой, с хорошим шрифтом, машинке:

"Николай Семенович!

Обращаюсь к Вам как к нашему депутату и как к писателю, который так хорошо разбирается в человеческой душе.

....

Я смирилась с тем, что он виноват, что осужден, смирилась с непереносимо тяжелым горем (у меня никого нет, кроме сына), но невозможно смириться с несправедливо тяжелым наказанием. Невозможно видеть, как погибает человек для общества, для науки.

Помогите мне добиться смягчения наказания для сына. Помогите добиться опубликования его работ.

Прошу Вас только не пересылать мое письмо в лагерь. От этого администрация лагеря озлобляется и тогда уж совсем невозможно становится жить.

Чтобы Вы не подумали, что я только как мать обращаюсь к Вам, я пересылаю отзывы о его научной работе.

Работаю я зав.учебной частью 320-й средней школы.

Л.Щербакова

Ленинград, ул.Дзержинского, д.64, 17. 30/XI-60

Тихонов принимает ее. Некоторое время спустя пишет ей:

"Тов.Щербакова!

Должен Вам сказать, что за время, прошедшее со дня нашей встречи, мне удалось выяснить некоторые важные возможности движения в известном Вам деле.

Я прошу Вас по получении этого письма, написать мне, были ли какие-либо Вам письма за это время от Вашего сына, каково его настроение, и изменилось ли что-нибудь в его окружении. Это нужно мне знать для того, чтобы я помог предпринять некоторые шаги по его делу.

Не позже апреля месяца я надеюсь, что смогу сообщить Вам кое-что новое.

Я не забыл этого дела и буду держать Вас в известности по поводу тех шагов, которые я хочу предпринять.

С уважением разборчивая подпись

20 марта 1961 г."

Бальзам на душу - взялся помогать! Как обстоятельно пишет! И ужас - ведь сына в это же время перевели в тюрьму "за нарушения". Как затруднилась борьба за его освобождение! И вдруг Тихонов поверит вранью лагадминистрации и отшатнется как от "неисправимого?!

Осторожный Тихонов давал ей советы преимущественно в устной форме, но об их содержании можно отчасти догадываться по ее письмам:

"Николай Семенович!

Следуя Вашему совету, я послала письма В.И.Смирнову и товарищу сына. Он (товарищ) пишет, что М.В.Келдыша в Ленинграде по-видимому не будет (его доклад, назначенный на 10 июля, отменен).

Предполагаю, что В.И.Смирнов не сможет с ним переговорить.

На съезде профессор Розенфельд, знающий почему и где мой сын находится, в конце своего доклада, на вопрос из зала, сказал,

что недавно он читал в рукописи весьма интересную работу очень талантливого автора Револьта Ивановича Пименова, но она нуждается в доработке, частично ее основные мысли были доложены автором на прошлом съезде. ...

21/VII-61."

Здесь речь шла о IV Математическом съезде, а ниже - о XXII партийном:

"Николай Семенович! Здравствуйте!

Простите, что я опять беспокою Вас. В июле я послала Вам копию вторичного письма ЛОМИ начальнику тюрьмы. Сейчас посылаю копию отказа.

Я так жду Вашей помощи, Вашего письма.

И еще я хочу написать Вам об одном. Я прочла материалы съезда. Лишь сейчас выяснилось, что в 1957 г. антипартийная группка имела большинство в Президиуме ЦК и пыталась сорвать все важнейшие мероприятия партии по преодолению последствий культа личности, навязать партии старые методы работы. И то, что были люди, которые возмущались тем, что культ личности преодолевается медленно, то такие люди оказали лишь помощь партии в преодолении антипартийной группы.

Естественно, в 1957 г. никто из рядовых людей не мог знать, кто из членов Президиума ЦК выступает за сохранение методов культа личности, а кто за их преодоление. Поэтому могли быть допущены отдельные резкости и по адресу членов Президиума, занимавших правильную позицию. Именно так было у моего сына.

(приводит мою кассационную жалобу 1957, см.§1)

....

Вы знаете, Николай Семенович, что сын не бросил своей научной работы. Он закончил свои исследования, находясь в ужасных условиях заключения. Не как обычный осужденный, но как "опасный государственный преступник". Пять лет заключения на строгом спецрежиме. За что же осудили его на 10 лет? За то, что он осуждал тех людей, которых осудил XXII съезд? Если он и был виноват, так уж искупил свою вину пятью годами научной работы в условиях заключения?

Что же мне делать, к кому теперь еще обращаться? Помогите мне, Николай Семенович! Похлопочите!

12 ноября 1961.

"Уважаемая Лариса Михайловна!

Ознакомившись с Вашим последним письмом от 4 марта с.г. я узнал, что за это время у Вашего сына ничего не изменилось. Должен Вам сказать, что предпринятые в свое время мною действия не могли быть продолжены, поскольку академик Несмеянов, выразивший желание принять участие в этом деле, ушел с поста президента Академии Наук СССР.

Мне кажется, что может быть Вам стоит предпринять еще одну попытку. Я пересылаю Вам копии Ваших материалов, заключающие отзывы таких крупных ученых, как академик В.И.Смирнов, член-корреспондент АН СССР А.Д.Александров, которые дают совершенно определенную оценку математических работ Р.И.Пименова. Из этих

отзывов ясно, речь идет о подающем большие надежды математике. Что если бы эти ученые, для которых в этом вопросе нет сомнений обратились бы сейчас с письмом к новому президенту Академии Наук СССР академику Келдышу, в котором ясно изложили бы кратко все дело, приложив ту документацию, что я Вам возвращаю. Может быть сегодня, с приходом нового руководства Академии Наук СССР и в развитии новых положений связанный с решениями XXII съезда КПСС можно будет сдвинуть это дело с мертвой точки.

Думаю, что на тов.Келдыша отзывы очень компетентных лиц произведут известное впечатление. Если в результате вновь предпринятых хлопот не удастся снизить меру наказания, или изменить его форму, то может быть удастся создать подходящие условия для научной работы Вашему сыну.

С уважением Разборчивая подпись[114]

20 марта 1962 Н.Тихонов

Послание свидетельствует об отказе Тихонова заниматься этим делом далее. Мне неясно, действительно ли Несмеянов высказывал намерение "заняться этим делом", "занимался" ли или же всего-навсего Тихонов надеялся, что ему при случае удастся убедить Несмеянова "заняться" - как тут нехватает в русском языке побудительных залогов глагола, таких обильных в грузинском языке! Надеюсь, что к XXV веку прочтение архивов Тихонова и Несмеянова поможет разрешить сей вопрос.

Совет обращаться к Келдышу припоздал, ибо уже 15 марта Лариса Михайловна самостоятельно сочинила письмо к М.В.Келдышу со ссылками на те самые отзывы, приложив даже проект ходатайства в Президиум Верховного Совета СССР в Комиссию по частным амнистиям от имени Президиума Академии Наук. Не знаю, в какой форме это обращение было отослано, но можно умозаключать, что до Келдыша оно не дошло[115].

Следующим писателем, к которому обратился моя мать, был Твардовский:

"Александр Трифонович!

Может быть Вы, как писатель, понимающий душу человека, вникните в это дело и, как член ЦК, поможете мне!

...

Никита Сергеевич говорил: "Грубые нарушения, аресты и ссылки без суда и следствия порождали неуверенность среди населения, вызывали страх, озлобленность."

Это общий социальный закон, а мой сын явился индивидуальной иллюстрацией к этому закону.

Александр Трифонович!

Прошу Вас, займитесь этим делом. Спасите человека!

Я работаю завучем 207 одиннадцатилетней школы...

---

[114] Ýòî ïèñüìî íåñåò ñëåäû ëè÷íîé ïðàâêè åãî Òèõîíîâû, ïîýòîìó äîñòîïðèìå÷àòåëüíî ïî÷òè ïîëíîå îòñóòñòâèå â íåì çàïÿòûõ íà äðàìàòè÷åñêè îáÿçàòåëüíûõ ïîçèöèÿõ, ðàâíî êàê "â ðàçâèòèè" âìåñòî "â ðàçâèòèå".

[115] Íàäî çàìåòèòü, ÷òî ïî ýòîìó ýïèçîäó ó ìåíÿ ñîõðàíèëîñü ïîðàçèòåëüíî ìàëî äîêóìåíòîâ. Äàæå êíèæêà Òâàðäîâñêîãî "Òåðêèí íà òîì ñâåòå", ïîäàðåííàÿ èì ñ íàäïèñüþ ìíå "Ñ ïîæåëàíèåì âñåãî ëó÷øåãî íà ÝÒÌ ñâåòå", ïðîïàëà. Äàæå òåëåôîí ðåôåðåíòøè Êåëäûøà îòñóòñòâóåò. Ïîõîæå, ÷òî âñå âàæíûå áóìàãè ïî ýòîìó âîïðîñó áûëè îòîáðàíû, îòëîæåíû îòäåëüíî - à ïîòî ñêîïè è óõîóëè.

декабря 1962.

К этому заявлению она приложила опять мою кассационную жалобу. Выходит, все-таки не напрасно трудился я ее писал, подавал: с ней ознакомилось много народу, а не одни судейские крысы. Вот, скажем, Эренбург был в курсе ходатайств Твардовского по моему делу - давал ли тот ему ее? И кому еще? И кто тогда был секретаршей у Эренбурга? Очень вдохновляющая тема для отдельного конкретно-исторического разыскания!

Но со взываниями моей матери к Твардовскому мы подошли к кульминационному фазису борьбы за мое освобождение.

§17. "Хватит думать о статье, надо думать о человеке!"

Запрещение публиковать; растет круг интересующихся; не все готовы рисковать; изменение стратегии Смирновым; Келдыш

Мы остановили §12 на том, что академик Владимир Иванович Смирнов направил запрос:

"Начальнику Управления Сибирских Лагерей
от академика - Владимира Ивановича Смирнова
Заявление
Мною от Э.С.Орловского получена работа Пименова... При представлении всякой статьи в "Доклады" я должен представлять письменное разрешение на публикацию работы от того учреждения, где работает ее автор. Прошу Вас, если Вы считаете это возможным, прислать на мое имя справку о том, что Вы не возражаете против напечатания работы Р.И.Пименова "К основаниям геометрии".
Научная экспертиза работы будет выполнена обычным образом в Ленинградском Отделении Математического Института Академии Наук.
1960 г. Академик В.Смирнов
22 июля Ленинград, Кировский пр. 25, кв.44.

Сопоставляя эту скромную бумажку с тем фактом, что телеграмма А.Д.Сахарова обо мне в калужский суд в 1970 году была прислана под грифом "ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ", я задумываюсь о различии физиков и математиков... Ведь гриф-то сработал: Сахаров на мой процесс был допущен, Смирнов не дождался никакого ответа от Евстигнеева. Впрочем, и тот был безупречно прав: адресовано "Сибирских", а он начальник "Озерных" лагерей, зачем же суетиться и отвечать на не ему адресованный запрос? Впрочем, и бланк не сработал: 12 сентября ЛОМИ на бланке и за печатью, за подписями директора Петрашеня и секретаря парторганизации Г.С.Бондаренко направило отношение министру внутренних дел РСФСР Н.П.Стаханову. Но, пожалуй, уместнее предоставить слово Орловскому:

"... Тогда (в сентябре с.г.) по настоянию адвоката был составлен запрос от имени ЛОМИ АН СССР за подписью Г.И.Петрашеня и секретаря парторганизации Бондаренко и с приложением копии письма В.И.Смирнова послан министру внутренних дел Н.П.Стаханову.
3.XI.60 министерство направило акад.Смирнову ответ (за подписью "начальника Гл.управления МВД РСФСР Серебрякова), где без какой-либо мотивировки сообщалось, что "министерство возражает против публикации работы Пименова" и добавляется, что "подробности" будут сообщены Г.И.Петрашеню через начальника Управления внутренних дел Исполкомов Ленинградских городского и областного советов депутатов трудящихся. ЛОМИ же письменного ответа не получило, а просто Петрашеню кто-то позвонил по телефону и сказал, что если автор находится в заключении, то вряд ли целесообразно публиковать статью в открытой печати. Иначе

говоря, аргументация отказа сводится к утверждению, будто работы заключенных не печатаются.

Однако это утверждение не соответствует ни фактическому положению вещей, ни действующим правовым нормам.

Фактически случаи публикации работ заключенных имеются. Например, отец Пименова Щербаков И.Г. (осужденный тоже по ст.58-10), еще будучи в заключении (он освобожден в июле с.г.), опубликовал в журнале "Кролиководство и звероводство" №4 за 1960 статью "Авитаминоз В-1 у серебристо-черных лисиц". Причем редакция вела переписку непосредственно с ним, прекрасно знала, что он находится в заключении и даже не потребовала справки, удовлетворившись его сообщением, что, как разъяснила ему администрация, никаких препятствий к публикации работ заключенных нет, а также тем очевидным фактом, что администрация не препятствовала пересылке работы и переписке по поводу публикации. Да и самого Пименова за это время ведь одна работа напечатана - резюме его доклада на Третьем Всесоюзном Математическом съезде в IV томе Трудов съезда. И никаких препятствий со стороны органов Главлита при этом, по-видимому, не возникло. Пименов также сотрудничает в РЖМат, причем администрация беспрепятственно пропускает, а редакция печатает его рефераты (гонорары же ВИНИТИ переводит ему в лагерь). Более того, случаи публикации научных работ заключенных (даже осужденных по обвинению в измене родине) были даже в годы культа личности. Так обстоит дело с фактической стороны.

С юридической же стороны дело также абсолютно ясное. Ст.7 "Положения об исправительно-трудовых колониях в тюрьмах МВД", утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 8.XII.58 за №1334, гласит (для ясности замечу, что если я иногда употреблял слово "лагерь", то это просто по привычке, официально же все места лишения свободы именуются сейчас либо колониями, либо тюрьмами, так что никакого сомнения в применимости этого положения к Пименову быть не может):

"Заключенные пользуются всеми установленными законом гражданскими правами, за исключением прав, которых они лишены приговором суда, а также прав, которые они не могут осуществить в силу самого факта лишения свободы." Отсюда уже совершенно ясно, что заключенные не лишены права на публикацию своих работ. Это же подтвердил в беседе со мной крупнейший в Ленинграде специалист по исправительно-трудовому праву доц.ЛГУ Н.А.Беляев. Он сообщил мне также, что в научной работе по вопросу о гражданских правах заключенных, написанной т-щем Иоффе (тоже из Ленгосуниверситета) отмечено, что заключенные несомненно имеют право на публикацию своих научных работ. В Прокуратуре гор.Ленинграда, мне также подтвердили, что ни в одном нормативном акте нет каких-либо положений, препятствующих публикации работ заключенных, имеется лишь указание, что вся переписка (включая пересылку работ) должна происходить под контролем администрации мест заключения. Но сейчас ведь речь не об этом. Работа администрацией пропущена и находится в Ленинграде. Все, что будет с работой происходить дальше, по моему мнению (и тов.Беляев подтвердил это), администрации места заключения и министерства внутренних дел ничуть не касается.

Другое дело: если бы Горлит требовал справку министерства. Но он ведь не требует. К тому же администрация косвенно подтвердила отсутствие у нее возражений против публикации статьи, заверив подписи Пименова на доверенности и на "авторской справке", причем в обоих документах ясно говорится о предстоящей публикации, а во втором даже о конкретной статье и конкретном журнале. Да и в бумагах из Москвы, упоминавшихся выше, говорится ведь о возможности научной работы и пересылки работы в "любое учреждение" и было бы явным издевательством толковать это иначе, чем включающее и возможность публикации работ.

Обращение к министру было явной ошибкой, ибо никакой специально льготы для Пименова в данном случае не требуется, по закону и так никаких препятствий к публикации его статьи не было. Запрос этот был сделан по настоянию адвоката, который говорил, что в Политотделе Главного управления мест заключения МВД РСФСР ему "гарантировали", что на подобный запрос ответ будет положительным[116], а потому, мол, даже если такой запрос и излишен, его следует сделать.

Ясно, что министерство рассматривает разрешение на публикацию статьи Пименова как какое-то особое одолжение ему. Мне нетрудно поверить, что у министерства нет особых оснований делать Пименову одолжение. Однако при такой постановке вопроса все ставится вверх ногами. Речь должна идти вовсе не о каком-то одолжении Пименову, а, во-первых, о соблюдении соц.законности и прав гражданина СССР (хотя и осужденного) Пименова, а во-вторых, об интересах науки. Нет оснований полагать, что МВД сомневается в научной ценности работ Пименова. Наоборот, судя по всему, оно обеспокоено именно тем, что эти работы могут привлечь внимание математиков и кто-нибудь может заинтересоваться, а за что осужден автор. Создался заколдованный круг: чем более авторитетное учреждение или лицо будет ходатайствовать за публикацию работ Пименова, тем менее склонно будет МВД отступать от своей позиции.

Как Вы помните, Вы лично неоднократно устно и письменно заявляли: Пименов осужден правильно, но его работы представляют интерес для науки, нельзя, чтобы они пропали, надо их публиковать, вот если какая-либо работа будет вполне готова к публикации, я окажу все возможное содействие публикации. Сейчас Вы к тому же депутат Верховного Совета РСФСР и как депутат призваны принимать меры к устранению нарушений законности и охране прав граждан.

Поэтому я прошу Вас принять меры к тому, чтобы разорвать вышеупомянутый "заколдованный круг" и добиться публикации работ Пименова (в данный момент - заметки "К основаниям геометрии" в ДАН).

Мое личное мнение - что всего правильнее было бы игнорировать бумажку из МВД, поскольку она выражает ни для кого не обязательное мнение учреждения по вопросу, явно находящемуся за пределами его компетенции. Если же редакция ДАН на это не пойдет, то следует, я думаю, написать в Прокуратуру РСФСР

---

[116] Íàïîìíþ, ÷òî ïîëèòîòäåëîì ÃÓÌÇ ÑÑÑÐ òîãäà çàâåäîâàë À.Ñíåãîâ, ïðîñëåäèâøèé ïðè Ñòàëèíå ÷óòü ëè íå 20 ëåò, ðåàáèëèòèðîâàííûé îäíèì èç ïåðâûõ, ïèñàâøèé äëÿ Õðóùåâà òåêſò åãî äîêëàäà íà çàêðûòîì çàñåäàíèè XX ñúåçäà, ïîçæå, â 1965 ãîäó âûñòóïàâøèé ñ èçâåſòíé îáëè÷èòåëüíîé ðå÷üþ íà ñîâåùàíèè ñòàðûõ áîëüøåâèêîâ è ïîòì àêòèâíî ñîòðóäíè÷àâøèé ñ Âèæåíèåì. Ïîýòîìó åſòåſòâåííû ðàçëè÷èÿ â ïîçèöèÿõ ïîëèòîäåëà è ðåæèſíèêîâ.

ходатайство с просьбой опротестовать упомянутое "возражение" МВД как незаконное (либо же подтвердить его необязательность для редакции). Быть может Вы могли бы, будучи на сессии, поговорить в неофициальном порядке с прокурором РСФСР Кругловым или министром Н.П.Стахановым, а может быть, с кем-либо из аппарата ЦК.

Впрочем, каким путем действовать - Вам, вероятно, виднее. Во всяком случае, это явное беззаконие надо кончать, и я надеюсь, что Вы, кто лучше кого бы то ни было знаком с работами Пименова, использовав все Ваши возможности как депутата, добьетесь их публикации.

21 декабря 1960 г."

Странно, что Орловский не указал на еще одну естественную для Данилыча возможность непосредственного действия: как ректор ЛГУ он мог бы поместить мою заметку в "Вестнике ЛГУ", где к заметкам-сообщениям предъявлялись примерно те же правила, что к публикациям в "Докладах". А.Д.Александров не отчитался перед Э.С.Орловским в том, какие возможности он использовал, и никак не ответил на это заявление. Но, может быть, в порядке реакции, раздраженно поносил меня перед съехавшимися учениками осенью 1962 года, когда отмечался его полувековой юбилей.

Помимо хлопот об этой "магистральной" моей статье, Орловский слал наудачу в различные журналы одну за другой прочие мои работы. Приходили то мотивированные "по-солдатски" отказы, то немотивированные. Я очень теребил его. Помню посланное через него Розенфельду отчаяннейшее письмо, в котором требовал, чтобы он "во имя науки" опубликовал бы немедленно мои результаты под любым чужим именем, я от всякого приоритета дескать отказываюсь-отрекаюсь навеки. Он - как прежде и сам Орловский - этого не сделал. Мне вообще не известен ни один случай, чтобы у нас в математике вышла работа под чужим именем: все слишком хорошо друг друга знают, известно, кто над чем работает. Как позже выразился Н.В.Ефимов:

- Вы же работаете не в пустыне.

Тем не менее, Розенфельд стал интенсивнее искать возможности и, когда одна проклюнулась, затребовал от Залгаллера срочно выслать ему ОКОНЧАТЕЛЬНО отредактированные три заметки - о полунеэвклидовых пространствах №№ 38, 49 и 53 по списку в §14. Не вышло по каким-то причинам, не относящимся ко мне. Не удалась и публикация расширенной моей статьи в "Сибирском математическом журнале", но это уже по причинам моей фамилии.

Имя мое давно вышло за рамки Геометрического семинара и даже ленинградских математиков. Тот же Розенфельд довольно случайно узнал про мою судьбу. Сам он всегда широко интересовался двумя направлениями: историей математики, где у него была аспиранткой Галя Матвиевская, и неэвклидовыми геометриями, где у него перебывало множество аспиранток, но ни одной такой толковой, как Матвиевская. Впрочем, узнал он про меня не от Матвиевской, а при случайном разговоре с Залгаллером на темы неэвклидовых геометрий, их аксиоматик и незавершенности работ в этом направлении. Услыхав и получив координаты Орловского, "у которого хранятся все работы Пименова", Розенфельд

сам запросил того, тот выслал ему полный текст "Космометрии". Розенфельд прочитал и выдал не просто хвалебный отзыв об этом трактате, но даже содержащий самокритичные строки:

"Особо отмечу совершенно правильную критику в "Приложении Б" моей концепции полуэвклидовых пространств в "Неэвклидовых геометриях". От этой концепции я отказался. В развернутом виде правильная концепция полуэвклидовых и полунеэвклидовых пространств изложена в работе Е.У.Ясинской (Черновцы), которая скоро будет напечатана в ДАН.

11 февраля 1961 Г.А.Розенфельд"

И затем Розенфельд широчайше рекламировал меня. Помимо всех своих учениц он рассказывал про мои работы и мою судьбу И.М.Яглому, а от того обо мне услышало все будущее демократическое движение. Ну, не все, а все москвичи из этого движения.

А вот другой конец необъятной России. В 1959 году замполит Озерлага Курилин, желая проконтролировать, не туфту ли я заделываю им с наукой, "порекомендовал" мне обратиться к известному ему математику И.А.Парфиановичу, тогда декану физмата Иркутского университета. Я послал ему "Системы дивергенции". Вскоре от Парфиановича пришел ответ, что не будучи в обсуждаемой тематике специалистом, он передал статью на отзыв А.А.Трескову, а тот заключил, что работа бесспорно представляет интерес, но по тематике было бы естественно с нею обратиться к член-корреспонденту А.Д.Александрову! Так и Розенфельд из Москвы и Тресков с берегов Байкала замыкали круги на Данилыче.

Грустной объективности ради надлежит сказать, что так вели себя не все. Например, К.Ф.Огородников толковал явившемуся к нему с "Астрономической частью космометрии" Орловскому, что хорошо помнит мой доклад, что работа ему нравится, что он напишет отзыв - но не написал. Огородников очень дорожил тем, что его пускают за границу. Эрнст настаивал. Тогда Огородников заверил, что перешлет машинопись Зельманову с просьбой написать отзыв (чем, к слову, понижалось бы чиновная авторитетность отзыва. Огородников - профессор, а Зельманов - кандидат наук, даже не доцент). Не переслал. Надоедливому Эрнсту сказал, что заходил к Зельманову, не застал его, оставил работу ему на столе с сопроводительной запиской-просьбой об отзыве. Выяснилось, что безо всякой записки, и Зельманов долго недоумевал, откуда на него свалилась машинопись и что с ней, ожидают, он должен делать? Настойчивому Орловскому Зельманов вздохнул: "Меня самого не печатают", и отзыва не написал. На словах же высоко оценил работу. И, более того, запомнил все прекрасно. Едва я освободился, он каким-то манером про то прознал и прислал мне приглашение на Гравитационную конференцию. Так что познакомился я с ним только в Тбилиси в 1965 году[117].

Кольман получил от Орловского мои работы, уже будучи директором института философии в Праге - в июле 1960 года - и, не

[117] Ïåðåáèðàÿ èìåíà, ÿ ïðèõîæó ê çàáàâíîé çàêîíîìåðíîñòè: èìåíà âðîäå Îãîðîäíèêîâà ñãðóïïèðîâàëèñü â è âîêðóã ðåâîëþöèîíåðà ÂÈÌÈÒÈ-ðåôåðàòèâíûõ æóðíàëîâ. Íàäî áû ñåðüåçíåå ïðîâåðèòü ýòó ãèïîòåçó.

читая, ответил стандартно вежливым текстом: "Спасибо за информацию. Постараюсь использовать". А заявиться к нему самолично и донимать своим голосом, как Зельманова или Огородникова, Эрнст не мог - Прага нам, простым смертным, недоступна...

Летом 1961 года Петрашень и Смирнов предприняли еще одну попытку в духе той же стратегии опубликования:

бланк ЛОМИ
"№ 106-662
21 июля 1961
г.Владимир (областной), Начальнику части п/я № 21

Отбывающий наказание Пименов Револьт Иванович успешно ведет научную работу в области математики.

Одна из его работ "К основаниям геометрии", представленная около полутора лет назад, признана подписавшимся ниже академиком В.И.Смирновым достойной опубликования в журнале "Доклады Академии Наук СССР". Статус этого журнала требует, чтобы опубликование статьи не встречало возражений с места работы автора. В этой связи тогда же был послан запрос о согласии на публикацию статьи Р.И.Пименова в управление Иркутских лагерей, где Р.И.Пименов находился. В переданном устно ответе было отмечено, что в данный момент лучше опубликовать работу в закрытом журнале.

Но по своему характеру статья Р.И.Пименова является вполне открытой и не соответствует профилю закрытых изданий.

За истекшее с момента написания этой статьи время Р.И.Пименов прислал в Геометрический семинар Ленинградского Отделения Математического института рукописи еще несколько своих работ, показывающих, что он весьма серьезно относится к своей научной работе и, в частности, успешно продолжает развитие идей, изложенных в краткой работе "К основаниям геометрии". Кроме того, за это время Р.И.Пименов отбыл часть срока и переведен в другие условия заключения.

Поэтому мы считаем необходимой (для продвижения важных научных вопросов, которыми занимается Р.И.Пименов) публикацию некоторых его работ и прежде всего - краткой работы "К основаниям геометрии". Научная целесообразность этого не вызывает сомнений.

Статья, конечно, будет напечатана только при условии, если это не вызовет возражений с Вашей стороны.

Просим Вас разрешить опубликование работы Р.И.Пименова "К основаниям геометрии" в журнале "Доклады Академии Наук СССР". Повторяем, что открытый характер и научная ценность этой работы не вызывают сомнений.

Кроме того, учитывая глубину математических исследований Р.И.Пименова, говорящих о его большой научной трудоспособности, просим Вас предоставить возможность Р.И.Пименову получать научную литературу по Межбиблиотечному абонементу из центральных библиотек.

Директор Лен.отд. Математического института Академии Наук СССР Г.И.Петрашень
круглая печать
Академик В.И.Смирнов

Копия статьи Р.И.Пименова приложена."

Ответ был короток и категоричен:

"На Ваш № 106-662 от 21 июня 1961 года
Сообщаем, что по условиям содержания в местах заключения публикация научных и иных работ заключенных не разрешается.
ПИМЕНОВ за нарушения лагерного режима переведен на более строгий, тюремный режим.
О приобретении ПИМЕНОВЫМ научной литературы из центральных библиотек возражений не имеем.
И.О. нач.тюрьмы В.Николаев"

Может быть, у моих радетелей упали бы руки - ничего, мол, не поделаешь. Придется ждать. Но к "проблеме Пименова" подключились новые лица, со свежими и силами и воззрениями на существо дела, и на пути решения проблемы. В частности, мною заинтересовалась профессор Ольга Александровна Ладыженская. Мы с ней не были знакомы до ареста. Единственный раз, когда я ее видел - это когда она на заключительном пленарном заседании Матсъезда требовала - законно - слова, а Президиум съезда, опасаясь скандала из-за того, что она скажет, не пускал ее на трибуну. Скандал вышел гораздо громче, шумнее, а вот то, что она произнесла, не было слышно из-за всеобщего возбужденного гудения. Мы и не пересекались с нею научными интересами - она занималась математической физикой. Так именуется один раздел теории дифференциальных уравнений, результаты которого со времен Лапласа стандартно интерпретируются в физических терминах. Я же хуже всего выучил как раз эту дисциплину, которую нам читал пьянчуга и халтурщик Д.М.Волков; впрочем, и пятнадцать лет спустя он продолжал работать на матмехе. Попутно замечу, что из-за полного незнания математической физики я в 1955 году не сумел узреть некоторых крайне интересных свойств открытых мною космологий, в результате чего Пенроуз и Хокинг в шестидесятые годы вырвали у меня из-под носа лакомейшие кусочки в теории пространства-времени - я имею в виду объекты, именуемые "горизонты", "ловушки", "области зависимости" и т.п. Но Ладыженская не только занималась математикой, она была неравнодушна к гражданским вопросам и отзывчива на чужую боль. С Владимиром Ивановичем она было хорошо знакома, являясь в некотором смысле его ученицей, на 35 лет его младшей. Сам же Владимир Иванович размышлял тоже не об одних формулах - он был глубоко верующим человеком вплоть до того, что входил в состав "церковной двадцатки", т.е. органа самоуправления церковным приходом.

И вот в их беседах стала прорезываться мысль, которую Смирнов выразил Залгаллеру, недоуменно спросившему его, что же теперь делать со статьей Пименова:

- Хватить думать о статье, надо думать о человеке. Надо добиваться его освобождения, а тогда и статью напечатаем!

С этого означился поворот в моей судьбе. Пойди академики по пути борьбы за соблюдение советских законов и выявления противоречий между опубликованными законами и

неопубликованными инструкциями - к чему призывал их мой замечательнейший Эрнст Семенович, возможно, через несколько лет и удалось бы преодолеть противодействие МВД (или за последним стоял отдел административных органов ЦК с Мироновым во главе?), но к тому времени я уже разменял бы десятый год своего заключения и, кто знает, был ли бы он последним или я раскрутился бы Вайлю подобно... Ведь освобождаться я должен был бы в 1967 году, т.е. уже после дел Синявского - Даниэля, Ронкина - Хахаева. В месяц, следовавший за арестом Огурцова.

Но Владимир Иванович повернул умы в направлении, более желательном моей матери - в направлении ходатайств о моем освобождении. Тут навеянная Тихоновым - Несмеяновым стратегия совпала с мнением Смирнова и других. И даже непосредственный тактический ход был тот же - обратиться к Келдышу.

Мстислав Всеволодович Келдыш - практически ровесник Александрова и Канторовича, и до войны его восхождение мало отличалось от их карьер. Но во время войны он применил некоторые формулы дифференциальных уравнений к фляттеру - такое внезапное гибельное дрожание всего корпуса самолета, от которого он быстро разваливается - нашел, как за счет изменения в параметрах уравнений ликвидировать фляттер, и с тех пор его обожали военные. Уже в 1945 году он избран в Академию действительным членом. Сколько еще ждать тем же Александрову и Канторовичу! Вот на выборах 1960 года Александрова вторично прокатили при голосовании в академики, а Канторовича только-только избрали членкором. А Институт прикладной математики, в котором директорствует Келдыш, осыпается ассигнованиями и влиятелен, премии так и валятся на него. Он уже и член Президиума АН, и в бюро Президиума входит. С властями Келдыш умеет находить общий язык: в том же 1949 году, что Александров, он вступает в ВКП(б). Но зато в 1961 году на XXII съезде Келдыш избран уже членом ЦК КПСС[118]. Восхождение Келдыша - это не только его личное восхождение, это симптом признания науки партией. Не знаю в точности, Келдышу или Кириллину, который тогда заведовал отделом науки ЦК, принадлежит авторство формулы: "Наука стала НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ производительной силой общества". Но статус науки и ученых, их признание властями, стали заметно меняться к лучшему в те годы. В частности, как раз в 1961 году большую группу ученых наградили орденами, в том числе А.Д.Александрову и В.И.Смирнову дали по ордену Ленина. К июню 1961 года Несмеянова уже сняли с президентов АН, а через несколько месяцев вакансии назначили - "избрали" - в это кресло Келдыша.

Келдышу нельзя отказать и в определенной принципиальности: он отказался-таки исключить Сахарова из академиков и предпочел сам в 1975 году уйти в отставку. И в широте мышления, и в понимании социальных последствий он тоже незауряден. Когда его в 1969 году спросили из Политбюро: "Может ли советская математика обойтись без евреев?", - он, зная, ЧТО стоит за этим вопросом и с кем он имеет дело[119], немедля ответил: "Конечно, может!". Нервные евреи самолюбиво обиделись за такой отзыв, но в результате математиков в годы эмиграции выпускали из

---

[118] Òîãäàøíèé ïðåçèäåíò Íåñìåÿíîâ íèêîãäà íå âõîäèë â ÖÊ, õîòÿ áûë ÷ëåíîì ÂÊÏ(á)-ÊÏÑÑ.
[119] Ñð. âïå÷àòëåíèÿ À.Ä.Àëåêñàíäðîâà â êíèãå §5 ãë.4.

СССР беспрепятственно, а вот физиков, где отзыв был более уважительным для евреев, - практически не выпускали. Но я забежал вперед.

Итак, было решено обратиться к Келдышу, но совершенно неясно было, КАК это сделать. Ведь "выйти" на такое высокопоставленное лицо можно только посредством личных знакомств. Адресованную ему корреспонденцию он сам не вскрывает. Его секретари-референты решают за него, что дать ему, от чего его уберечь. Конечно, формально можно "добиться" приема президентом - мне говорили, будто бы КАЖДЫЙ научный сотрудник Академии наук имеет право попасть на прием к президенту, - но совершенно бесспорно, что ежели ты хочешь БЛАГОЖЕЛАТЕЛЬНОГО выслушивания, то нецелесообразно прибегать к своим уставно-законным правам. То же относится к "случайной" встрече во время Общего собрания Академии. По причинам личных отношений даже Смирнов не мог встречаться с Келдышем. Как же отыскать "выход на"?

§18. Подключаются лингвисты

Лингвистическая и биологическая интерпретации астрономической модели; сов[етская] биология в 1960; оживление советской лингвистики; вопросы пастернаковедения; Вячеслав Всеволодович Иванов; отзыв В.В.Виноградова и Н.И.Конрада

Обо мне думали не только математики. Возникал еще один круг ученых, готовых заступаться за меня. Отчасти он возникал стихийно, отчасти мне помогло КГБ. Как я уже упоминал, мои математические работы дали несколько неожиданный выход в биологию и лингвистику (я не говорю про экономику, так как попытки Орловского выйти на Канторовича дали нулевой результат). Соответствующие мои исследования до сих пор не опубликованы, так что мне труднее их оценить объективно. В общих чертах речь вот о чем. Допустим, что все вещество - "материя", "масса" - сосредоточено в очень малом объеме, крайне плотно, а вокруг - беспредельное пустое пространство. По каким-то причинам вещество взрывается и начинает разлетаться. Милн, исследуя такую математическую модель, обнаружил, что при определенных - весьма естественных - предположениях окажется, что постепенно все вещество сгруппируется в некоторое число сгущений, между которыми практически пусто. Сгустки же вещества будут разбегаться - один сгусток от другого - как бы с постоянной скоростью, с линейно возрастающим расстоянием друг от друга. Астрономически это модель разбегающихся галактик в расширяющейся Вселенной[120]. Я влюбился в модель Милна еще в 1955-1956 годах, а в лагере искал и находил некоторые ее математические обобщения: на случай неэвклидового пространства вокруг первоначального скопления и т.п. узко математические кунстштюки.

Но вот я попал в карцер. Один. Никто не мешает. Пища тоже не отвлекает кровь от моего мозга к желудку. И меня вдруг осенило: а почему это я ограничиваюсь в рассуждениях только случаем, когда в малом объеме сосредоточена непременно ФИЗИЧЕСКАЯ масса? А ну пусть будет БИОЛОГИЧЕСКАЯ масса! "Малый объем" здесь переведется "малыми различиями особей". А модель предскажет, что при естественных допущениях из одного вида практически неотличимых между собой особей в очень большом количестве неизбежно разовьются - "эволюционируют", "дивергируют" - несколько относительно устойчивых видов, "расстояние" между которыми в ходе эволюции будет все возрастать, тогда как промежуточные формы станут выпадать, исчезать в процессе дивергенции... Значит, для объяснения феномена возникновения системы все более расходящихся видов, их дивергенции и выпадения промежуточных форм совсем не надо искать каких-нибудь специфически БИОЛОГИЧЕСКИХ объяснений, теорий концепций. Ни борьба за существование, ни целенаправленность, ни развитие от

---

[120] Ìîäåëè Ëåìåòðà (1930) è Ìèëíà (1935) ïîõîæè. Íî ïåðâàÿ îáÿçàòåëüíî ïðåäïîëàãàåò èñêðèâëåííûå ïðîñòðàíñòâî-âðåìÿ íàùåé òåîðèè îòíîñèòåëüíîñòè, âûïëåíèå óðàâíåíèé Ýéíøòåéíà è ïð. Ìîäåëü æå Ìèëíà ðàçâèòà èì äëÿ ñïåöèàëüíîé òåîðèè îòíîñèòåëüíîñòè (íóëåâàÿ êðèâèçíà) è íèêàêèõ ýéíøòåéíîâûõ óðàâíåíèé íå òðåáóåò. Çàòî îíà íóæäàåòñÿ â ãèïîòåçå ñèììåòðèè. Åå ìîæíî ïðåîáðàçîâàòü è íà ñëó÷àé íüþòîíîâà ïðîñòðàíñòâà-âðåìåíè, íà ñëó÷àé ïñåâäîíåâêëèäîâà êðèâèçíû, ÷àñòè÷íî äàæå íà ïðåìåííóþ êðèâèçíó, îí ñóòü åå íå â ýòèõ óñëîæíåíèÿõ.

низшего к высшему или наоборот, ни отбор, ни катастрофы здесь не при чем. (Были и еще некоторые тонкие аспекты, например, внутривидовое тяготение, но здесь я не стану уделять им внимания.)

Вся штука в том, что формально-математический аппарат, о котором я говорю, я до того - следуя Милну - интерпретировал исключительно в астрономических терминах. Интерпретация же в биологических терминах позволила объяснить эволюционный процесс. Ну-ка, что будет, коли попробовать проинтерпретировать в других еще не привлеченных терминах? Вот я языки знаю, когда-то немного занимался теоретической лингвистикой - попробую. Скажем, так. Пусть все люди когда-то говорили на одном - почти одном - языке. Индивидуальные-то различия всегда существуют, не случайно кто-то из лингвистов изобрел противопоставление между langue и parole. Так вот, если - как до вавилонского смешения - все говорили на одном примерно языке, но носителей этого общего языка было необозримо много (образно - Вавилон!), то с течением времени единый язык должен был распасться и дивергировать в системы все более различающихся между собой языков. И опять же промежуточные языки должны были оказываться нежизнеспособными. А различия между уцелевшими семействами языков должны были нарастать со временем - линейно. Тут наклевывалось не только эдакое генетическое объяснение, но даже намечалась возможность измерять "лингвистическое время" - по степени удаленности групп языков. Хорошо!

Ну, придумал я это в карцере, сочинил, восхитился, а позже, обретя карандаш, записал свою "пятивариантную" статью (пятая интерпретация была экономическая). Послал. Через какое-то время от отца пришли восторги. Ему Эрнст, перепечатавши и вписавши формулы в получившуюся стостраничную статью, послал экземпляр:

- Наконец-то объяснена биологическая эволюция! И это сделал ты!

А я тем временем думал дальше. Ведь успех астрономической интерпретации зиждется на том обстоятельстве, что мы эту самую физическую массу мыслим распределенной в пространстве, а в пространстве мы УМЕЕМ ИЗМЕРЯТЬ РАССТОЯНИЯ. В физике - астрономии - поэтому можно проверить, какая галактика дальше, какая ближе. А как обстоит дело в биологии? В лингвистике?

Как измерить, кто отстоит от человека дальше: клоп или кактус? Удаленнее ли чешский язык от русского, чем гуарани от испанского? Без ответов на подобные вопросы вся моя любимая пятивариантная статья повисает в воздухе, лишается точного научного значения, переводится в компетенцию натурфилософии и обществ восхищения премудростью бытия. Оно, конечно, и такие "общества естествоиспытателей" нужны и полезны, как ступень в познании, но хотелось бы с нее шагнуть уже в подъезд современной научной методики. Значит, надобно искать какие-то способы измерения "биологической удаленности", "лингвистического расстояния". В соответствии с формально-математическим языком этой модели - векторное или линейное конечномерное пространство - прежде всего надо смотреть, применимы ли к биологии или к лингвистике векторы. В известном смысле "вектор" есть столбец, где каждая строчка зафиксирована под определенное наименование (номенклатуру) под какой-то признак, см. §13. Разные-то признаки из

ассортимента, конечно, складывать нельзя. Но все качественные признаки можно загнать в новые строчки, так сказать, сделать столбец поглубже.

Прекрасно. В биологии существует "серологический анализ", где именно так по определенным наборам критериев получают набор чисел, характеризующих биологическую среду - микробов, вирусов. Вот я погрузился в серологию, затем в таксономию. В лингвистике стал примерять "различительные" или "дифференциальные" фонологические признаки, набор из десятка-другого которых однозначно задавал фонему, по мнению некоторых лингвистов. Все более и более углублялся я в это и писал заметки, статейки, трактаты.

Ну, и - разумеется - не держал внутри себя. Отсылал написанное и клянчил литературу по ассоциированным вопросам. О таксономии интересные статьи и рецензии на книги обнаружил я в “Nature”. Применять мои модели к тому, что было достигнуто таксономией, было непосредственно нельзя, хотя оставалась надежда, что личные беседы с авторами этих книг-статей могли бы убедить их внести такие незначительные модификации в свою методику, после которых делалось бы математически оправданным применение моих методов. Или, напротив, можно было попробовать математически доказать сохранение результатов Милна на случай не-риманова ухудшения метрики в пространстве. Но с англичанами едва ли мне стоило рассчитывать на разговоры или на переписку, а в советской литературе я ничего близкого не находил. В советской биологии может быть Любищев и думал тогда о чем похожем, но я про Любищева не знал, да и не являлся он авторитетом для прочих биологов. Советская же биология в целом тогда избегала применения математических методов. Основатель советской биометрии П.Ф.Рокицкий только-только вернулся в эти годы из своей сыктывкарской "ссылки", куда его забросило после победы Лысенко в 1948 году. Его еще долго не переиздавали. И вся сов[етская] биология застыла тогда в ожидании исхода борьбы между лысенковщиной и генетикой. Тогда казалось, что это борьба между Лысенко и Дубининым. Постановление ЦК 1948 года в пользу Лысенко против генетики не было отменено. Однако определенные публикации о достижениях в "радиационной генетике" - как тогда маскировочно называлась классическая менделевская генетика - дозволялись. Переводились брошюры, восхвалявшие генетику. Но 12 декабря 1958 года "Правда" поместила огромный редакционный подвал, восхваляющий мичуринский дарвинизм и лично Т.Д.Лысенко, клеймящий менделизм и морганизм. Зато в марте 1959 года Академия Наук ГДР присудила Дубинину - шельмованному моргинисту - золотую медаль Дарвина. После выступления Хрущева в июне 1959 года медаль отобрали назад. А вскоре член-корреспондента Н.П.Дубинина сняли с должности директора Института цитологии и генетики Сибирского отделения АН. Директором назначили кандидата биологических наук Д.К.Беляева. И все-таки в 1960 году в "Проблемах кибернетики" №4 была опубликована длинная статья Шмальгаузена - страшнее имени среди "морганистов-менделистов" не существовало, - где он довольно неумело камуфлировал идеями кибернетики нелысенковский подход к эволюции по "настоящему Дарвину". Ясно, что в этой атмосфере

сов.биологам дополнительные хлопоты с "математизацией" были противопоказаны[121]. Математика - наука формальная, еще "формализм" пришьют, лучше не связываться. Дубинин на письмо Орловского не ответил. Равно как и Беляев стал избегать Щербакова.

А с лингвистами дело обстояло иначе, можно сказать - наоборот. После долгого застоя в советском языкознании - сначала Марр загнал в подполье всех истинных лингвистов (и классических, и формальных, и компаративистов, и структуралистов, а уж тем паче Пражскую школу, на которую и тратить-то больше одного ярлыка "белоэмигрантская" не приходилось), затем Сталин низверг Марра, но при этом сам наплел такого, что лингвисты затаились еще тише да пониже (ср.судьбу Реформатского). После XX съезда языковеды обрели, наконец-то, полную свободу. Они тут же наладили переводы достижений мировой лингвистики, причем особенно бурно заявляла себя структуралистика - это следующий этап в развитии сравнительного языкознания. Структурализм не чурался математических методов. Одно время даже весьма широкие круги полагали, будто основное в структурной лингвистике удастся математизировать. Мешались понятия "структурная лингвистика", "математическая лингвистика", "машинный перевод". Наиболее образованные математики знали, что сама по себе математика есть язык, поэтому занятие другими - естественными - языками не полагали себе чуждым. Ведь в определенном смысле от марксовских алгорифмов или "ассоциативного исчисления" Поста до "порождающих грамматик" Хомского один шаг.

Совершенно неизбежно, что в таком кипении научных идей неминуемо встретился бы лингвист, который заинтересовался бы моими работами, которому они показались бы здорово интересными и актуальными. Менее вероятно, чтобы этот лингвист вдобавок оказался бы очень авторитетным и имеющим выход практически на всех академиков от языкознания. Еще сказочнее, чтобы при соблюдении первых двух условий он еще не устрашился бы пятьдесят восьмой статьи и тюрьмы, в которой сидит автор. Но - нашелся. Благодаря непрестанной деятельности КГБ.

Едва лишь скончался Б.Л.Пастернак, как ГБ арестовало его последнюю жену Ольгу Ивинскую и ее дочь Ирину Ивановну Емельянову. Формально речь шла о нарушении правил валютных операций, но так как Иру Емельянову выпустили сразу же после подписания ею бумаги о том, что она отказывается выходить замуж за иностранца, бывшего ее женихом в течение нескольких лет - он и француз, и коммунист, и даже сражался за свободу Алжира от Франции, но дело это, по меньшей мере, темное. К слову, на похоронах Пастернака присутствовали: Алигер, Каверин, Катаев и Паустовский. Список исчерпывающий применительно к именам, звучавшим в те годы. Через полгода после его смерти Эренбург уже опубликовал в "Годы, люди, жизнь" главу о Пастернаке.

Ира Вербловская очень сблизилась в лагере с Ирой Емельяновой, но враждовала с ее матерью. [...]

---

[121] Êóðüåçíî, íî èìåííî èç áûâøèõ ëûñåíêîâöåâ ñòàëè ñêëàäûâàòüñÿ êàäðû â "ìàòåìàòè÷åñêîé áèîëîãèè" ïîñëå îôèöèàëüíîãî ñâåðæåíèÿ Ëûñåíêî ñ ïàäåíèåì Õðóùåâà. Òå, êòî âõîäèë â áèîëîãèþ ìåæäó 1948 è 1965 ãîäàìè, ó÷ëèñü îï Ëûñåíêî, íè÷åãî íå çíàëè. Îíè áûëè íå íóæíû óöåëåâøèì íàñòîÿùèì áèîëîãàì ïîñëå 1964 ãîäà. À óæå è ñòåíîãðàôèè óñïåëè ïîáûâàòü ãë.10, ðàññêàæó, êàêîå óâîãîå çðåëèùå ÿâëÿò òàêîé ñèìïîçèóì ïî ìàòåìàòèçàöèè áèîëîãèè...

Я лихорадочно искал филолога, который бы захотел посмотреть мои лингвистические опусы. Перебирались все мыслимые и немыслимые кандидатуры хотя бы отдаленно знакомых мне причастных языкознанию. В переписке мелькали имена Геры Цейтина, Н.Д.Андреева, А.И.Попова, Юры Кроля, даже Дины Креневой. Попытки Орловского привлечь первых троих успеха не имели. Каждый из них был поглощен собственными достижениями и не имел душевного времени вникать в затеи других искателей. Кроль занимался китайским языком, а не общей лингвистикой, и, к тому же, ненавидел меня, погубившего Иру. Кренева была неплохой подругой для Вербловской, окончила филфак, но занималась не наукой, а любовью, которая именно в эти годы для нее очень усложнилась, поэтому ей мои машинописи были ни к чему. Ира Вербловская жила моими интересами и напряженно думала - а для женщины "думать" означает "делиться с подружкой" - как мне помочь в поисках лингвиста. Ира Емельянова росла в окружении писателей и языкознавцев последние пятнадцать лет своей жизни. И она мгновенно назвала имя ученого, который заинтересовался бы моими работами, который влиятелен и который не побоится.

Это был Вячеслав Всеволодович Иванов, мой ровесник, которого Ира по домашней привычке звала "Кома", я так и не уразумел, почему. Сын писателя Всеволода Вячеславовича Иванова[122], он с детства обитал в писательском мире как свой. Всех он знал, и все его знали. Обстоятельства публикации его отца уже одни способствовали с ранних дней тому, что глаза его оказались открытыми, не говоря уже про прочие факторы. Я уже и сам, просматривая публикации, выделил его фамилию и в переписке с Эрнстом колебался, кому посылать мои лингвистические сочинения: Шаумяну или Иванову. Но оба они были для меня столь же недосягаемыми звездами, как скажем, Дубинин или Кольман. Ира же превратила "звезду" в достижимый "фонарь". Правда, моя мать едва не сорвала контакта. Случилось, что Емельянову перевели на другой лагпункт, от политических к бытовикам. Вербловская велела ей держать с нею связь через мою мать. Мать же моя страшилась "служить почтовым ящиком" и потребовала от Вербловской, чтобы Емельянова не переправляла больше через нее писем; впрочем, уже полученное письмо она переслала. Но и переписка в разлуке подруг наладилась, и сама разлука оказалась недолгой - снова Емельянову вернули к политикам. Уже в марте 1961 года Емельянова запросила Иванова и вот:

"Сейчас пишу тебе письмо коротенькое и деловое. От Иванова В.В. пришло письмо, в котором он выражает полное согласие и готовность ознакомиться с твоими статьями. Опасается недостаточной своей компетенции в области математики, но готов и имеет возможность проконсультироваться, если это понадобится, чтобы консультировать тебя. Теперь остались только организационные вопросы: кто перешлет ему эти статьи (ты или из Л-да) и кому на чье имя отвечать - тебе или на ЛОМИ или Эрнсту. А Ирка у него сегодня спросит в письме, куда ему направлять: на домашний адрес или служебный." 15.10.1961.

---

[122] Áûë åùå Âñåâîëîä Í.Èâàíîâ- ïèñàòåëü, óìåðøèé â ýìèãðàöèè.

Иванов вечно был в разъездах, хлопотах, искал что-то новое, не застывал на найденном. Свою страсть искать молодых, талантливых, с оригинальным подходом он не утратил и через 20 лет. Тогда, летом 1961 года он делал доклад на IV Математическом съезде в Ленинграде о возможностях математизации лингвистики. Как только наладилась связь со мной, он отреагировал мгновенно - его мои сочинения заинтересовали. Он сразу же "написал восторженный отзыв в письме В.А.Залгаллеру", как сообщил мне Эрнст. Когда в марте 1962 года Ира Вербловская освободилась, она проездом в Москве связалась с ним, он наговорил ей кучу комплиментов (“он обаял меня"), договорился и о редактировании написанных статей, и о путях их публикации, и о том, какими каналами держать меня в курсе новейших достижений лингвистики. Даже сделаны были шаги к тому, чтобы зачислить меня в референты РЖМата по разделу математической лингвистики; они реализовались через год.

Но, пожалуй, самый главный плод эта встреча принесла через месяц, когда, будучи в Ленинграде, Ира встретилась с Залгаллером. Он уже стал доктором физмат наук. В домашней неторопливой беседе обнаружилось, что мать Залгаллера - тогда еще живая - хорошо знала Ирину мать, дружила с ней и даже помнила Иру с детства. И Виктор Абрамович проникся к Ире симпатией - чего он никогда не питал по отношению ко мне. На какой-то отрезок времени действия в мою пользу Залгаллер стал производить не по мотивам "нужно для науки", а по сложному комплексу чувств "его мать, мать Вербловской, Вербловская, Пименов - словно бы родственники". И вот в таком настроении ему Владимир Иванович велит "думать о человеке, а не о статье", а от видного и талантливого лингвиста-структуралиста В.В.Иванова приходит весьма одобрительный отзыв о лингвистических трудах Пименова. С помощью Иры Залгаллер связывается с Ивановым, и в дальнейшем намеченная Смирновым деятельность по моему освобождению разворачивается совместно. А Иванов - повторяю - свой человек в кругах академиков, даром, что еще четверть века спустя ходит в кандидатах наук. И вот в октябре 1962 года уже составлен отзыв:

"О работе Р.И.Пименова "О точной мере родства языков или о возможности применения геометрии и кинематики к лингвистике".

Работа Р.И.Пименова посвящена исследованию возможности применения точных методов к изучению отношений между языками. В основу предлагаемого подхода положено описание языка посредством набора элементарных единиц (фонологических, морфологических и семантических дифференциальных признаков), принятое в современной фонологии и в других разделах структурной лингвистики. Статистическое исследование употребления каждой из таких элементарных единиц в текстах на данном языке позволяет оценить количество информации, содержащееся в этих единицах (в качестве материала для вычисления количества информации автор использовал статистические данные о частости букв в текстах на пяти европейских языках, опубликованные в 1960 в работе Манфрино). Конкретный исследуемый язык Р.И.Пименов предлагает характеризовать вектором, где каждой элементарной языковой единице (букве, фонологическому дифференциальному признаку и

т.п.) сопоставлено число, равное количеству информации, содержащемуся в этой единице. В связи с изображением фонологической системы языка в виде вектора Р.И.Пименов излагает метод, позволяющий представить фонему как n-местную систему, где число фонологических различительных признаков n=13 в тех описаниях фонологических систем санскрита и польского языка, которые использованы в работе автора). При этом специально рассматриваются дополнительные задачи, возникающие в связи с тем, что реальный текст следует описывать посредством подсчетов возможных двучленных, трехчленных и т. п. комбинаций элементарных языковых единиц (см. рубрику 5°-го раздела 1 рецензируемой работы). После того, как каждый из сравниваемых языков представлен в виде вектора, оказывается возможным сравнение степени близости различных языков (в рецензируемой работе с этой целью рассматриваются пять западно-европейских языков, для которых автором проделаны соответствующие подсчеты).

Для описания структуры языка в целом Р.И.Пименов предлагает исследовать взаимозависимости между элементарными единицами одного уровня (например, фонологического) и элементарными единицами других уровней (морфологическими, семантическими и т.п.). Таким образом, при количественной оценке языка предлагается учитывать мотивированность одних единиц другими (см. рубрику 7-го раздела 2 рецензируемой работы)[123].

В последнем (3) разделе работы излагаются соображения, с помощью которых автор стремится объяснить возникновение резких границ между языками в ходе эволюции языков. Этот раздел работы представляет интерес в связи с проблемой определения времени разделения родственных языков, которая решается в глоттохронологии лексикостатистическим методом. Отдельные положения работы (в частности, содержащиеся в 3 разделе) являются дискуссионными и недостаточно подкреплены лингвистическим материалом (на что указывает сам автор). Но в целом работа представляет несомненный интерес как одна из немногих попыток серьезного математического осмысления методов и результатов структурной лингвистики в связи с привлечением теории информации; естественно, что при этом особенно подробно оказались разработанными фонологические вопросы, так как именно в этой области имеется значительное число структурно-лингвистических исследований, на которые опирался автор. Ряд идей работы (возможности представления языка вектором, изображение языка точкой в 2n-мерном фонологическом пространстве, математическое исследование взаимозависимостей между различными элементарными единицами языка, исследование скорости изменения языка) перекликается с исследованиями, проводимыми в настоящее время рядом советских лингвистов, занимающихся вопросами структурной и математической лингвистики. Представляется желательным, чтобы Р.И.Пименов, проявивший в рецензируемой работе несомненные способности к занятиям математической и структурной лингвистикой, получил бы возможность для продолжения этих занятий, для чего необходим

[123] Ïîçæå ÿ íàòêíóëñÿ íà ðàçðàáîòêè ýòèõ èäåé â "Ó÷åíûõ çàïèñêàõ” Òàðòóñêîãî ãîñóíèâåðñèòåòà", 1984, 689, ñò. "Êâàíòèòàòèâíàÿ ëèíãâèñòèêà".

контакт со специалистами, работающими в этих актуальных областях лингвистики, и доступ к обширной текущей литературе.

Академик В.В.Виноградов

Академик Н.И.Конрад

Председатель секции машинного перевода и математической лингвистики научного Совета по комплексной проблеме "Кибернетика" АН СССР

канд.филолог.н. В.В.Иванов."

Насчет Виноградова ходят разные байки, чаще всего недоброжелательные. По моим представлениям, он в 1947 году пытался вытащить из утесненного состояния традиционное языкознание. Тогда марристы Мещанинов и др., опираясь на Жданова - Берию, дали ему по мозгам, но не насмерть. Поэтому в 1950 году через противников Жданова -Берии, в первую очередь через Маленкова, Виноградов сумел подсунуть Сталину текст, который и получил название "Марксизм и вопросы языкознания". Но конкретных выходов Виноградова на кого-то в Кремле я не знаю. Однако по раздраженности либералов против Виноградова можно понять, что этих выходов было много, и они были прочными. Конрад же сам сидел в 1938, см. "Память" №1.

Смешная подробность. В гл.3-4 я поминал нашего семейного знакомого языкознавца доцента П.Я.Скорика. К нему со своими работами я не обращался, имея низкое мнение о нем и как об ученом, и как о личности. Первое питалось тем, что он был учеником Мещанинова, т.е. марристом до мозга костей. Следовательно, априорным противником структурализма-формализма, поскольку марризм - насквозь диалектичен. Второе основывалось на эпизоде весны 1950 года. Появляется в "Правде" статья Чикобавы с нападками на Марра. Я - преисполнен любопытства - делаю крюк на улицу Красной Конницы, к Петру Яковлевичу. В его кабинете на столе портрет Марра, групповое фото Скорика с Мещаниновым. И он мне величественно:

- Ну, все эти нападки несерьезны. Давно в науке известно, как ответить на вопросы Чикобавы. Вот Иван Иванович (Мещанинов) его разложит по косточкам, и всем станет видна невежественность Чикобавы.

Ну, появилась в "Правде" статья Мещанинова - вялая такая, я еще удивился. А потом долбанул Сталин. Снова прихожу. На столе ни портрета Марра, ни собственной фотографии с Мещаниновым. На устах:

- Да, Иосиф Виссарионович все правильно указал. Нам надо перестраиваться.

Так что я не видел смысла к Скорику обращаться. Но время было другое, иные были авторитеты. Поэтому Петр Яковлевич весной 1963 года сам встретил мою мать и, захлебываясь, пустился рассказывать ей, что в филологических кругах только, мол, и говорят, что обо мне. Что Пименов, дескать, первый в СССР специалист по математической лингвистике... Матери было очень радостно слышать эти - на деле безмерно далекие от истины - фразы. А как все просто: В.В.Виноградов был теперь для Скорика перстом указующим - ведь он академик-секретарь Отделения литературы и языка. И в моду начинал входить восторг перед

заключенными, которых путали с реабилитированными, с жертвами Сталина. Ведь Галич уже пел:

"Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино,
А я цыпленка ем "табака",
А я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан:
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века.

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял.
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям..." -

и эта песня "массовым тиражом" входила в магнитофонный набор.

И я был не единственный и не первый политзаключенный, которого в те годы вызволяли академики. Например, Шарапову Верховный Суд РСФСР пересмотрел дело и снизил срок с восьми лет до трех лет и шести месяцев - так что он освободился всего тремя месяцами позже моего отца - в результате ходатайства трех академиков: Владимира Ивановича Смирнова (геолога, полного тезки академика-математика, но моложе его лет на двадцать), Ивана Георгиевича Петровского (ректора МГУ, математика) и третьего, фамилию которого Шарапов забыл. Впрочем, Смирнова избрали в полные академики только через год после того, как он заступился за Шарапова, на дату подписания ходатайства он был всего членкором. Да и у Келдыша репутация было подходящая, чтобы к нему обратиться: тот же Шарапов после освобождения с год мыкался, никуда не брали на работу его, едва прочитывали анкету. Тогда в 1962 году он написал Келдышу, и по распоряжению того Шарапова приняли старшим научным сотрудником в Пермский ведомственный институт[124].

Отзыв Виноградова - Иванова - Конрада присовокупился к подписанному 20 июня 1962 года отзыву академика В.И.Смирнова и член-корреспондента А.Д.Александрова:

---

[124] Çàáûòóþ âïå÷àòëåíèå õðîíèêè. Øàðàïîâà îñâîáîäèëè ñ çàïðåòîì (ïîðàæåíèÿ â ïðàâàõ) çàíèìàòüñÿ ïðåïîäàâàòåëüñêîé äåÿòåëüíîñòüþ. Íî â êîíöå 1964 ãîäà åìó ïðèøëà áóìàãà, ÷òî ïðè ïåðåñìîòðå äåë ïîñëå ñíÿòèÿ Õðóùåâà ñ íåãî, Øàðàïîâà (îáîçíà÷åíîâ åùå íîìåðîì 256), ñíèìàåòñÿ ñóäèìîñòü è âñå ïîðàæåíèÿ â ïðàâàõ. Áóìàãè ÿ íå ÷èòàë, ïèøó ñî ñëîâ Øàðàïîâà. Âèäèìî, âîñïîìèíàíèå î òàêîì ïåðåñìîòðå ïîáóäèëî Øàðàïîâà íàïèñàòü Ãîðáà÷åâó ïèñüìî, â êîòîðîì îí ïðåäëàãàë ïåðåñìîòðåòü äåëî âñåõ "ïàðòèéíûõ è áåñïàðòèéíûõ, íàêàçàííûõ ñ 1958 ãîäà, èáî î÷åâèäíî, ÷òî îíè æå íå ïðåñòóïíèêè, à ÷èñòûå ïîëèòè÷åñêèå". Îïÿòü ïèøó ñî ñëîâ. Îí ñëîâàì Øàðàïîâà, åìó ïîçâîíèëè èç ÖÊ è çàâåðèëè, ÷òî òàêîé ïåðåñìîòð áóäåò ïðîèçâåäåí. Ñ 1966 Øàðàïîâ àêòèâíî, íî áåçóñïåøíî ïûòàåòñÿ äîáèòüñÿ ïðèåìà ê çàùèòå ñâîåé äîêòîðñêîé äèññåðòàöèè. Â 1966 ãîäó ïîñëå óñïåøíîé ïðåäçàùèòû äèðåêöèÿ îòçâàëà ñâîþ õðàêòåðèñòèêó Øàðàïîâó, â 1967 ãîäó îí îïàë â ñóìàñøåäøèé äîì â ñâÿçè ñ êðèòè÷åñêèì çàìå÷àíèÿìè. Â 1985 ãîäó ïîñëå ïèñüìà Ãîðáà÷åâó åìó íàçíà÷èëè ïðåçàùèòó ñðàçó â òðåõ ìåñòàõ. Â ïðîìåæóòêå åãî èìÿ ñòàëî øèðîêî èçâåñòíî åùå îò ðàäèêàëüíîé êîíöåïöèè êîíôëèêòà ñâîáîäíîãî çàêîíîâ.

"Заключенный Пименов ... продолжал работу в области математики. Представленные рукописи Р.И.Пименова содержат более 50 научных заметок, подробных статей, а также рецензий на изученные книги. Подавляющая часть, более 40 рукописей, написана после ареста.

Исследования Р.И.Пименова относятся к двум направлениям - во-первых, к основаниям геометрии, их связям с космологией и теоретической физикой, во-вторых, к математической лингвистике и, отчасти, к приложениям математики в экономических и биологических науках. Мы ограничимся здесь отзывом о работах первого направления.

...

Рукописи Р.И.Пименова свидетельствуют, что за последние годы их автор упорно работал и вырос как специалист. Нам представляется, что серьезность научных исследований Р.И.Пименова и характер его работы за последние годы делают весьма целесообразным возбуждение ходатайства об амнистии с тем, чтобы Р.И.Пименов получил возможность в обществе завершить, опубликовать и продолжить свои научные работы."

Обращаясь к Твардовскому, произнесшему на XXII съезде речь, которая в тогдашнем восприятии мало отличалась от песни Галича, моя мать приложила и этот, и лингвистический отзывы. Напомню, что вскоре кандидатура Твардовского была выставлена в академики как раз по Отделению литературы и языка, так что фамилия В.В.Виноградова была Твардовскому ближе фамилий А.Д.Александрова и В.И.Смирнова.

§19. Келдыш выкручивает руки Миронову

Посредничество А.А.Маркова; одновременные ходатайства Келдыша и Твардовского; резкое улучшение политической атмосферы в 1961-62; я пишу помилование; Миронов противится; Келдыш идет лично к Миронову; Ушаков едет к Пименову

Твардовскому-то мать моя послала свой вопль простой почтой. А вот как добраться до Келдыша - ломали голову многие, причастные к моему освобождению. Догадаться, что Валя Турчин имеет свободный доступ к Мстиславу Всеволодовичу, а с Валей работает и дружит моя университетская приятельница Тася Тушкина - никто не догадывался. Искали более высокопоставленных каналов и обсуждали келейно. И тут А.А.Марков, который несколько лет как перебрался в Москву, взялся передать Келдышу мое дело. Он был с ним в приличных отношениях, последний даже по инерции смотрел на Андрей Андреевича снизу вверх. По своей основательности Марков пожелал взять для передачи не только два отзыва академиков, но и все сочинения Пименова, послужившие предметов отзывов. Вот уж побегала-похлопотала моя мама! Отбирались хорошие экземпляры, напечатанные на приличной машинке, без пятен, с разборчиво вписанными формулами. Многое понадобилось перепечатывать наново, вписывать наспех формулы, рисунки. Вписали, подчистили, нарисовали, отдали. А Марков, дотошный, стал все подряд перечитывать. И наткнулся в какой-то лингвистической статье на пример чего-то: "Кукуруза - хрущевский корм". Отнесся:

- Вряд ли следует отдавать Президенту работу с такой фразой.

Исправили, Эрнст придумал другой пример, лингвистически равносильный, заново перепечатали. Время идет, все нервничают[125]. Наконец на первой неделе января 1963 года Андрей Андреевич передал отызвы-ходатайства плюс полсотни работ Келдышу. Тот не медлил, а сразу же обратился с просьбой о пересмотре моего дела в Прокуратуру СССР. Надо сказать, что уже летом 1960 года ответственные работники этой прокуратуры склонны были пересмотреть мое дело, даже подготовили проект Постановления о пересмотре, но генеральный прокурор СССР отказался поставить свою подпись; мне думается из-за того, что он знал личную позицию Миронова, под чье ведение подпадала и Прокуратура.

Я не знаю, чье ходатайство поступило раньше, с разницей в несколько дней - Келдыша или Твардовского, они обращались независимо, но Твардовский уведомил Келдыша. В своем обращении к Александру Трифоновичу моя мать неточно пишет, будто Твардовский "член ЦК" - он был всего лишь "кандидатом в члены ЦК", избранный на том же XXII съезде. На XXIII его уже не переизбрали, в отличие от Келдыша. Однако бесспорно, что Твардовский как редактор "Нового мира" пользовался неизмеримо большей известностью нежели Келдыш. А в зиму 1962/63 года его влияние было вообще исключительным. Твардовский сразу обратился в Президиум Верховного Совета СССР, который тогда возглавлялся Л.И.Брежневым.

---

[125] Ýòà îôèöèàëüíîñòü Ìàðêîâà èíîãäà ïðèâîäèò ê æèòåéñêèì íåñîðàçóìåíèÿì. Òàê, Ãðèãîðèé Âîëüôîâè÷ ×óäíîâñêèé ïðåäñòàâèë åìó ðåøåíèå ò.í. Õ ïðîáëåìû Ãèëüáåðòà. Ñâûøå äâóõ ëåò Ìàðêîâ ÷èòàë è ïðèâèðàëñÿ, à çà ýòî âðåìÿ Ìàòåìàòèê - íåçàâèñèìî - íàøåë è ÎÏÓÁËÈÊÎÂÀË ïîñðåäñòâî ìåíå âúäàëèâûõ ðåöåíçåíòîâ ðåøåíèå òîé æå çàäà÷è.

Прокуратура неформально снеслась с Верховным Судом СССР, Верховный Совет СССР - с ними обоими, и буквально в считанные дни назрело решение: дела НЕ ПЕРЕСМАТРИВАТЬ, но СПОСОБСТВОВАТЬ ОСВОБОЖДЕНИЮ Пименова в порядке ПОМИЛОВАНИЯ. Все бумаги и обращения - Александров, Виноградов, Иванов, Келдыш, Конрад, Райхман, Смирнов, Твардовский, Щербакова - передать по принадлежности в Президиум Верховного Совета РСФСР, возглавлявшийся тогда Игнатовым, утратившим тогда возможность принимать самостоятельные решения.

16 января 1963 меня вызвал хмурый прокурор - все прокуроры держатся хмуро, а все гебисты - сердечно - Владимирской области и устно проинформировал, что ему звонили из Прокуратуры СССР и велели сказать осужденному Пименову, что дело его ни при каких условиях пересматривать не станут, но что если он напишет прошение о помиловании, то Прокуратура ПОДДЕРЖИТ перед Президиумом такое прошение. На 16 же января Ронжин вызвал повесткой Щербакову Л.М. в Ленгорпрокуратуру, где сообщил ей то же самое. Ко мне во Владимирскую тюрьму помчался и прибыл 27 января Райхман, дабы уговорить меня не отказываться подавать на помилование[126].

Для меня вопрос о помиловании располагается на той же полочке, что вопрос, можно ли просить прощения. В подростковом возрасте я очень не любил просить прощения - "унижаться", - а моя мать очень сильно вдалбливала в меня обязательность просить прощения, если хоть в чем-нибудь виноват. Перебарывать надо, дескать, самолюбие, гордыню. И она очень сильно перегибала палку в этом направлении. Но кое-что от ее уроков запало, и я постепенно пришел к такой философии прощения. Во всяком конфликте виноваты обе стороны. Исключительными случаями являются такие ситуации, когда стопроцентно виновна ОДНА сторона. О таких ситуациях думать нечего, ибо, если Я СЧИТАЮ моего противника виновным 100%-но, то для объективности надо внести поправку на мой субъективизм, а хотя бы 1% поправки сразу возвращает нас "к общему случаю". Представить же себе ситуацию, в которой я сам бы считал себя самого виновным на 100%, но не попросил бы прощения, я психологически не могу. Итак, обе стороны виновны. Если вторая сторона упорствует в своей неправоте, продолжает свои неправильные действия, из-за которых я с ней и поссорился, то - даже если я очень несоразмерно обидел противника - просить прощения мне было бы недостойно, не по-мужски, нехорошо. К примеру, лежат рядом со мной на пляже парень с девушкой и на полную громкость включили транзистор. Я раз, другой прошу их убавить звук, чтобы послушать рокот прибоя, голоса чаек, а они смеются и им начхать. Я встаю, ногой пинаю коробку в море, парня бью по морде, девушку обзываю шлюхой. Если в ответ он, подхватив от волн свой ящик, снова включает его грохотать и вытаскивает против меня нож, то ни о какой просьбе о прощении с моей стороны речи быть не может. Если же они после этого включают свой приемничек тихо-тихо и только вполголоса отругиваются в мой адрес: ”Ну, зачем же было по лицу бить? У него зуб больной, а ты его

[126] Çà ýòó ïîåçäêó ìàòü óïëàòèëà â þðèäè÷åñêóþ êîíñóëüòàöèþ 100 ðóá. - ñâåðõ òåõ êâèòàíöèé, î êîòîðûõ øëà ðå÷ü â §16. Èáî îôîðìëÿëàñü ýòà ïîåçäêà êàê ïîåçäêà äëÿ íàïèñàíèÿ íàäçîðíîé æàëîáû.

по щеке!” или: ”Ну, ее-то за что оскорбил? Фашист ты!”, - то я готов признать: ”Погорячился, братцы, простите. Я вон тама знаю зубного врача хорошего, хочешь, свожу?”.

Такой же прагматически-принципиальный подход был у меня и к ходатайствам о помиловании. В тот год, когда вешали Имре Надя, я не мог бы написать такого ходатайства. Пока сидели в лагере Ира Вербловская и мой отец - как бы смог я просить выпустить меня по мотивам, относящимся ко мне одному?! Но они освободились. Правда, оставался Борис. Но, во-первых, честно говоря, он сел все-таки НЕ ИЗ-ЗА МЕНЯ, а вполне самостоятельно устремлялся в тюрьму со своих шестнадцати или даже пятнадцати лет. Во-вторых, он ведь оставался из-за того, что сам раскрутился на второй срок в лагере, а по первому приговору он бы уже в 1963 освободился бы. Так что мысль о нем не могла абсолютно остановить, а лишь заставляла призадуматься. И я думал.

После XXII съезда казалось, что не только оттепель, или весна, но и самое лето настало. Труп Сталина вышвыривали из Мавзолея. Евтушенко писал:

"Безмолствовал мрамор. Безмолвно дышало стекло.
Безмолвно стоял караул, на ветру цепенея.
А гроб чуть дымился. Из гроба дыханье текло,
Когда выносили его на плечах из стен Мавзолея.

Гроб плыл, задевая краями штыки.
Он тоже безмолвным был, тоже, но грозно безмолвным!
Угрюмо сжимая набальзамированные кулаки,
В нем к стенкам прильнул человек, притворившийся мертвым.

Хотел он запомнить всех тех, кто его выносил,
Рязанских и курских молоденьких новобранцев,
Чтоб как-нибудь после набраться для вылазки сил,
И встать из земли, и до них, неразумных, добраться!

Нет, Сталин не умер! Он только на миг прикорнул!
И я обращаюсь к правительству нашему с просьбой:
Удвоить, утроить у этой плиты караул,
Чтоб Сталин не встал, и со Сталиным - прошлое.
...
Он был дальновиден. В законах борьбы умудрен,
Наследников многих на шаре земном он оставил.
Мне кажется, будто из гроба того проведен телефон:
Энверу Ходжа сообщает свои указания Сталин!
Куда еще тянутся нити из гроба того?
...
Мы вынесли из Мавзолея его,
Но как из наследников Сталина - Сталина вынести?!
Иные наследники розы в отставке стригут,
А втайне считают, что временна эта отставка.
Иные и Сталина даже ругают с трибун,
А сами ночами мечтают о времени старом.
...
Велела не быть успокоенным Партия мне!

Пусть кто-то твердит "успокойся" - спокойным я быть не сумею.
Покамест наследники Сталина есть на земле,
Мне будет казаться, что Сталин еще в Мавзолее!"

И это публиковала "Правда"! Тогда же всплыли разногласия с Китаем, причем именно по вопросу о сталинизме; в той фазе полемики между КПСС и КПК я склонялся к позиции КПСС. При этом, добавлю, я мог судить о позициях сторон объективно, не по одним лишь советским публикациям: я регулярно читал китайский журнал “Peking Reviews”, тогда еще распространявшийся по подписке в СССР, хотя русскоязычные китайские органы печати (вроде газеты "Дружба") уже были исключены из подписки и продажи в розницу. Визитом Брежнева в Югославию, напротив, подчеркивались дружеские чувства к этому одиозному для Китая и Албании государству-ревизионисту. На XXII съезде прогремели требования судить пособников Сталина. Сталинград был переименован, как и прочие десятка два сталиногородов.

На XXII же съезде была отменена ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА. Она, вот уж правда, изжила себя - даже с позиций марксистско-ленинской логики. Ведь что такое "диктатура пролетариата"? Вот цитата из Ленина, которую мы студентами заучивали назубок по Сталину:

"Диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии" (т.XXIV, стр.311).

Уже к дате моего рождения нельзя было всерьез говорить ни о каком "сопротивлении буржуазии", разве что в фарсовых сводках Ягоды, где к "буржуазии" причислялся, например, Л.Н.Гумилев. Так что Хрущев был абсолютно прав, произнесши:

"Естественно, что когда социализм победил в нашей стране полностью и окончательно ... исчезли условия, которые вызывали необходимость в диктатуре пролетариата..." (съезд, т.I, стр.240).

С моей точки зрения эти слова припоздали лет на 30-25, но лучше поздно, чем никогда. Главное не в этом.

"Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть....

Диктатура означает - примите это раз навсегда к сведению, господа кадеты, - неограниченную, опирающуюся на силу, а не на закон, власть.” (т.XXIV, стр.441, 436).

Поэтому, пока провозглашалось, что СССР есть страна диктатуры пролетариата, любые разговоры о восстановлении и поддержании законности вызывали недоумение. Звучали эфемерно. Теперь же, когда I секретарь ЦК КПСС промульгировал отмену

диктатуры пролетариата, когда его поддержали все выступавшие на съезде, когда весь съезд единогласно проголосовал за Программу КПСС, отменившую "диктатуру пролетариата", - восстановление законности, опора на Закон приобретали прочный фундамент. Несомненно, и Орловскому с его ориентацией на Закон и законы, и мне это решение XXII съезда весьма импонировало. Собственно, я даже полагаю, что бурно развившееся в том же десятилетии правозащитное движение одним из корней уходит в эту резолюцию партсъезда. Возникла уверенность, что Советский Союз в принципе МОЖЕТ БЫТЬ правовым государством.

Но мне было уже не 24 года, как когда я прыгал от радости по набережной Невы, узнав о речи Хрущева на XX съезде. Мне уже перевалило за 31 год. Я уже испытал немало разочарований - и глубоких, и болезненных. Поэтому мой скептицизм выставлял кукиш моему оптимизму и твердил вослед за Симоном Гогиберидзе: все это камуфляж. Элементы камуфляжа били в нос, например, в тех же стихах Евтушенки; вот пропущенное мною последнее отточие:

"Наследников Сталина, видно, сегодня не зря
Хватают инфаркты: им, бывшим когда-то опорами,
Не нравится время, в котором пусты лагеря,
А залы, где слушают люди стихи, - переполнены!"

Если можно врать о пустоте лагерей, думал я в тюрьме, то и в других строчках можно врать. Вообще, именно к Евтушенко я исконно относился резко враждебно. Ни одному его слову не верил, да и сейчас считаю спекулянтом, пенкоснимателем. Но если и можно было такие словеса относить к сфере камуфляжа, то ведь вот осенью 1962 года с Кубы БЫЛИ УБРАНЫ советские ракеты, что бесспорно доказывало, что в тот момент ставка советского правительства была на мир, а не на войну. Той же осенью хлынула со страниц "Известий" и "Нового мира" литература о политических заключенных при Сталине. Имя Солженицына вошло в российскую литературу. Он мгновенно был принят в Союз Писателей. Этот, одиннадцатый, номер "Нового мира" с "Одним днем Ивана Денисовича" я прочитал еще до того, как меня вызвал прокурор, до того, как приехал адвокат. В "Дне поэзии" 1962 года были опубликованы стихи Заболоцкого:

"Где-то в поле возле Магадана,
Посреди опасностей и бед,
В испареньях мерзлого тумана
Шли они за розвальнями вслед.

От солдат, от их луженых глоток,
От бандитов шайки воровской
Здесь спасали только околодок
Да наряды в город за мукой.
...
Не нагонит больше их охрана,
Не настигнет лагерный конвой,
Лишь одни созвездья Магадана
Засверкают, став над головой."

Никак нельзя было относить к камуфляжу и разделение партии на две: взамен обкомов создавались той же самой осенью 1962 года "промышленный обком" и в той же области "сельскохозяйственный обком", а промеж них болтался зародыш третьей партии в форме "идеологической комиссии". Это - почти полностью та программа, что мы намечали с Заславским и др. в 1954 году.

В этих условиях, когда "другая сторона" "приглушила свой транзистор", я мог и взять назад свои слова насчет "шлюхи" - может, я и впрямь напрасно обругал в "По поводу речи Хрущева" его фашистом?.. И я написал:

"Президиуму Верховного Совета РСФСР
от...

Заявление

1. В годы 1949-53 в результате воздействия известных обстоятельств у меня сложилось резко антисталинское мировоззрение (см. приобщенные к делу мои дневники тех лет). В 1956, считая начатое тогда осуждение культа недостаточным и отождествляя (как вижу сейчас - неправильно) Сталина и его наследников с правительством, я развернул антиправительственную деятельность, а в процессе борьбы против наследия Сталина перешел за рамки закона и совершил поступки преступные и повредившие делу искоренения этого наследия. Виновным в антиправительственной деятельности я себя признал. Виновным в антисоветской - нет; ведь я не желал наносить вреда Советской власти, а в своих действиях исходил из того, что считал интересами родины и социализма.

2. Находясь в лагере, я, несмотря на активное противодействие лагерной администрации, а позже и успешнее в тюрьме (где такого противодействия не было), написал ряд математических работ (не считая написанного до ареста). Мои работы охватывают области: геометрия, космология, физика, математическая лингвистика и др. По отзывам специалистов (отзывы у президента Академии Наук СССР) в них содержатся весьма ценные и новые научные результаты. К сожалению, они опубликованы не все. Около десятка вполне законченных статей не публикуется с 1960, ибо администрация места лишения свободы в ответ на представления академиков запрещает публиковать работы заключенного. Кроме того, несколько десятков менее законченных работ для своего завершения требуют возможности работать в библиотеках и общаться со специалистами.

3. На основании изложенного я прошу помиловать меня с тем, чтобы я мог завершить и опубликовать труды, нужные науке.

21.01.63
Владимир подпись"

Написавши, подал формально, как положено, через спецчасть. А на следующий день приехал адвокат. Ознакомившись с копией поданного мною "заявления", Райхман неодобрительно заахал. Из доводов его мне упомнилось лишь, что противопоказано упоминать про "противодействие лагерной администрации". Возможно, по-житейски он и прав: раз я пишу о "противодействии", значит я

скандалил, - умозаключит чиновник, подготовляющий материал на комиссию по помилованиям. А значит, нарушал режим и потому "недостоин". Да и, конечно, по сгустку гордыни в этом заявлении оно смахивает на процитированное в §8 прошение Вербловской. Но я полагал, что названная комиссия будет собираться не из жалости ко мне или моим родственникам, а ради влиятельных Келдыша и Твардовского. То, что я напишу, вряд ли и прочитают. Но должен наличествовать какой-то текст, подписанный мною. Насчет "противодействия", думалось мне, упомянуть непременно надо. Ведь, как ни крутись, администрация-то представит на меня характеристику, она все равно будет поносной ("за нарушения режима переведен на более строгий, тюремный"), мне никто не предоставит случая ответить на ихние наветы, а потому надо авансом упредить и дать объяснения на тот гипотетический случай, если читающий ихнюю характеристику задастся вопросом - а как оно было на самом деле? что говорит altera pars? Но Иосиф Израилевич настаивал. Он привез даже свой собственный проект. Точнее, написанный Эрнстом Орловским и, кажется, согласованный с Ирой Вербловской. Вот один из вариантов того проекта:

"Я хочу просить ПВС РСФСР пересмотреть мой приговор по следующим основаниям.

В декабре 1956 мне показалось, что возвращается эпоха зажима и репрессии. Я усмотрел это в шумной кампании против Дудинцева и неиздании его книги; в действиях ленинградских органов госбезопасности против студентов-любителей Пикассо. Но я роковым образом ошибся: и эта книга издана и не проведено широких репрессий.

Все извращения, которые в течение долгих лет заставляли меня относиться к правительству с недоверием, устранены.

Многие мои действия были ошибочны или даже прямо вредны.

Я всегда говорил и говорю то, что думаю, и только то, что думаю, то, в чем я убежден. Некоторые мои мнения оказывались ошибочными. Например, года три-четыре назад я думал, будто ревизионисты правильнее понимают и проводят в жизнь идеи Ленина, нежели это делает ЦК КПСС. Некоторое время назад, изучив протоколы II и IV съездов РСДРП, я понял ошибочность этого моего взгляда[127]. Были у меня и другие ошибки. Но это были ошибки, это были пусть неверные, но честные убеждения.

Прошу вас уменьшить срок лишения меня свободы. Я ученый, и по мнению многих крупных специалистов, мои работы весьма нужны и интересны. Вряд ли целесообразно, что эти годы, когда я мог бы, находясь на свободе, завершить свои геометрические исследования, результаты которых сказываются и в астрономии, и в экономике, и в биологии, и в лингвистике, - что эти годы проходят в борьбе за лучшее место на сплошных нарах.

Если к концу оставшегося мне срока я и останусь жив физически, скорее всего я перестану существовать как ученый и полезный член общества. Это очевидно. Поэтому я и прошу снизить мне срок.

---

[127] Ýðíñò ïðè íàïèñàíèè ýòèõ ñòðîê ïîëüçîâàëñÿ íà íåêîòîðûå ìåñòà èç ìîèõ ê íåìó ïèñåì, ãäå ìû ñîãëàñíî îáñóæäàëè ýòó òåìàòèêó. Âîîðîí ýòîò íàúåìíûé, ÿ íå áóäó ïîäíèìàòü åãî òóò, íî ïîä÷åðêíó, ÷òî ðåøàòü åãî íàäî â ñåâåð íåïîäàëåêó öèòèðîâàâøåãîñÿ èçðå÷åíèÿ Âîëîõîíñêîãî.

Что касается возможных соображений о моей "опасности", то неужели же меня всерьез может кто-либо бояться? Я думаю, что я частично искупил свою вину годами упорного труда, в тяжелых условиях заключения. Во-первых, ряд моих работ фактически готов к печати, но их не печатают. Во-вторых, ряд работ в основном закончен, но чтобы их можно было счесть завершенными, мне потребовалось бы просмотреть массу литературы чисто справочного порядка. В-третьих, мне не хватает живого общения с учеными. Никто не отрицает важности моих работ для науки, никто не сомневается в необходимости их завершения и публикации.

Еще раз прошу сократить мне срок заключения.

Возвратившись в общество, я приложу все силы для завершения своей научной работы, которая будет полезна науке и Родине.

28.01.1963 подпись"

В §5 гл.2 я рассуждал про то, какие документы отлагаются в архиве, а какие работают в жизни, исчезая из бумаг. К последним принадлежит мое ходатайство о помиловании: я так и не помню, каков же был его окончательный текст. Помню, что пошел на большие уступки адвокату. Помню, что запросил из спецчасти назад свое заявление от 21.01 - оно, конечно, никуда не ушло за неделю. Переделал его в соответствии с договоренностью с Райхманом - уже после его отъезда и подал. Но копии не осталось. Проект Орловского цитирую по рукописи, написанной моей матерью явно под диктовку.

Мы все нервничали, ожидали решения со дня на день, а дело буксовало по самым рутинным, казенным причинам. Согласно регламенту, дела о помиловании обязаны иметь определенные реквизиты. К числу непременных относится характеристика администрации мест заключения на представляемого к помилованию. По существу сию характеристику изготовить было нетрудно, и она была составлена в духе того, что писал Беззаботнов Щербаковой или Николаев ЛОМИ. При такой характеристике не освобождать надо, а новый срок мотать, наверно. Одних донесений от бериевцев, сдается, на 250 лет вперед скопилось. Но трудность для спецчасти состояла не в этом. Опять же по регламенту в характеристике обязательно следовало перечислить ближайших родственников осужденного с указанием адресов. А Ира жила в это время на неудобной частной квартире в Калинине и адрес мне дала не фактический, а "Калинин, до востребования". Там хоть письма не пропадут. Такой адрес вписать в характеристику невозможно, скрыть ее существование тюремная администрация не могла (она же в приговоре фигурирует как жена!). Словом, два месяца спецчасть ломала себе голову над этим, только 20 марта моя характеристика прибыла по месту назначения!

Кроме сей рутины против меня был Миронов. Ведь Комиссия по помилованиям может и не прочитать констатирующей части характеристики. Важна ее рекомендательная часть: освобождать или нет? Эту рекомендацию утверждает отдел административных органов ЦК, заведовал которым с момента прихода Шелепина к руководству КГБ тот самый Николай Романович Миронов, с которым я имел случаи ругаться и в своей камере, и в личном его кабинете в 1957 году; см. конец §16 гл.1. Не то, чтобы он был злопамятен и

лично меня помнил как чем-нибудь заметно отличающимся от прочих негодяев. Но он был ревнив к собственной репутации: он всегда все делал правильно, ошибок и недосмотров в его неусыпной деятельности быть не могло и не было. Именно потому он регулярно препятствовал освобождению - по пересмотру ли судебному, в порядке ли помилования - ЛЕНИНГРАДЦЕВ, осужденных при нем. Отец Трофимова, говорят добрался до самого Хрущева, но тот не желал в ту минуту (лето 1960 года) ссориться со своим аппаратом, и Миронов победил. Так и сейчас - Миронов категорически воспротивился.

Но Келдыш не случайно поднялся в административные верхи. Он ведал ту заповедь администратора, которая гласит, что никогда нельзя допускать, чтобы на твою прямую просьбу (отношение, запрос, ходатайство) последовал отказ. Даже затягивание ответа. Ибо допустить это - значит умалить престиж. А слава администратора, который всегда добивается того, чего хочет, сама по себе способствует достигать положительных результатов, ею надо дорожить. Поэтому секретарша Келдыша отметила, что на такое-то отправленное ею в начале января исходящее долго нет ответа. Доложила шефу. Тот навел справку о движении дела. Подчеркну, что поскольку Л.М.Щербакова обратилась к двум членам ЦК, постольку это дело воспринималось как "заявление в ЦК", а не "заявление в Академию наук". Келдыш узнал, что отдел административных органов ЦК возражает, и как член ЦК отправился на прием к заведующему отделом. Я не знаю слов, какими Келдыш пронял Миронова. О самом факте ЛИЧНОГО хождения Келдыша я узнал только в 1972 году, когда Келдыш в Сыктывкаре повествовал сию эпопею В.П.Подоплелову. До того у нас в семье бытовало представление, будто Келдыш ограничился пересылкой бумаг с заступнической сопроводиловкой. Итак, имея против себя Келдыша - бесспорно ВОСХОДЯЩЕГО ФУНКЦИОНЕРА - и Твардовского в условиях бурного антисталинского потока Миронов дрогнул. И 25 мая Семин из Верховного Суда сказал Вербловской, зашедшей узнать, в каком состоянии мое дело, что "через одну-две недели дело будет рассмотрено".

Что это означало, Вербловская, да и другие на воле, не очень-то поняли. Я осознал, пожалуй, раньше всех. Ибо 5 июня ко мне во Владимирскую тюрьму прибыла "комиссия ЦК". Возглавлял ее референт - по расположению кабинетов, похоже, первый или главный, но бесспорно не единственный - Миронова Константин Иванович Ушаков. При нем был зам.нач.следственного отдела КГБ СССР Марченко или Захарченко, нач.УКГБ по Владимирской области. Ну, еще за столом сидело человека три тюремного начальства: нач.тюрьмы Мельников и мое непосредственное: корпусной опер, начальник корпуса и еще в том же духе, кажется, замполит. Два дня работала комиссия. Впервые за все время моего заключения мне были предъявлены все занесенные в мое дело "акты о нарушениях" и у меня спросили объяснения этим нарушениям. На 90% акты состояли из сплошного вранья, на 9% - из ложной интерпретации реальных событий (например, шариевский донос насчет философского определения материи). Но даже один оставшийся процент истины не содержал ничего серьезного. Сознаюсь: я знавал за собой грехи поважнее, которые прошли мимо зрения начальства,

копившего на меня всякое вранье. Ну, разумеется, по существу ни один из этих актов-фактов не интересовал Ушакова сам по себе. Ему важно было посмотреть на меня и по моему поведению и манере оправдываться догадаться: представлю ли я угрозу репутации его шефа, если меня выпустят, или не представлю. Вот он меня выпустит, а я назавтра побегу раскидывать листовки "Долой Хрущева!". Это его скомпрометирует, опорочит. Конечно, и академиков тоже, но какой с них спрос? А Миронов не должен был санкционировать! Или же я пойду жаловаться по прокуратурам, как следователи нарушали нормы следствия - следователи, работавшие под его, Миронова, отеческим присмотром - каково будет тогда Миронову отбиваться и покрывать следователей? Да мало ли что может такой человек, за которого вся Академия Наук хлопочет, придумать?! И вот Ушаков присматривался. А я поэтому изобличал-жаловался преимущественно на далекую администрацию Озерлага да московского капитана Егорова, на следствии злоупотреблявшего "честным словом коммуниста". Ушаков не ограничился опросом одного меня. Комиссия трудилась двое суток и опросила ВСЕХ, с кем я сидел во Владимирской тюрьме. Не знаю уж, как вели опрос других, но со мной разговаривали не так, как начальство с заключенным, не так, как следователь с подследственным или свидетелем, но так, как явившийся на предприятие гебист в штатском беседует с вольными и непривлекаемыми, но могущими сообщить важные сведения гражданами-товарищами. Только что без обращения "товарищ". И без рукопожатий - они были потом, в здании ЦК.

Комиссия уехала. Отношение бериевцев ко мне резко изменилось. Даже Судоплатов первым начал со мной здороваться. Людвигов лебезил и расшаркивался. Мамулов - не изменился, Шария пылал энтузиазмом, но думал только о своем освобождении - 26 июня конец срока. Брик, с которым у нас кипела истинно тюремная вражда из-за вынесения параши и т.п., стал смотреть на меня изумленно-заискивающе:

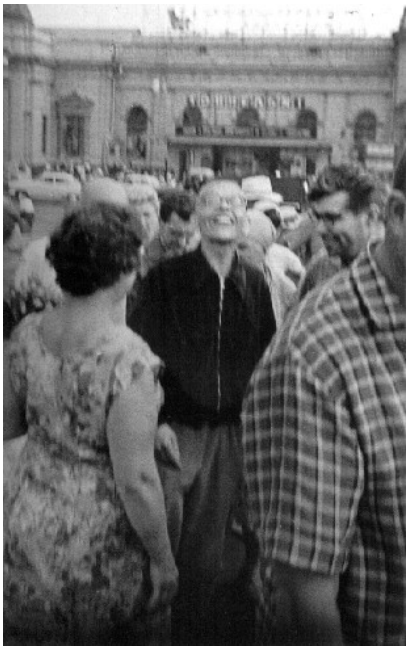
- Ну, если тебя освободят по помилованию, то это будет первый пример, который я видел. Пишут-то многие, но никого по этой статье не освободили еще. Тогда я всерьез подумаю. Мне-то хорошую характеристику дадут.

Я остался ждать. Ох, и выматывающее это состояние - ожидание! И сколько раз в жизни мне ничего не оставалось, кроме как ждать и ждать. И оттого, что я в совершенстве выучился искусству ожидания, сколько во мне убито человеческого, нетерпеливого, импульсивного, свежего, душевного...

§20. Освобождение

Получение документов; встреча родными; в ЦК КПСС; в Калинин к Вербловской и ее жизнь за последние полтора года; на Черном море; в семинаре Рашевского; в Ленинграде; перевозка книг от Орловского к Тушкиной; мелочи

Сердце у меня затрепыхалось от бесспорного факта, что что-то серьезное делается, ДЕЛАЕТСЯ и направлено в лучшую для меня сторону. Однако я скептик и предпочитаю подготавливаться к наихудшим вариантам. Поэтому я запрещал себе думать-грезить об освобождении. Церковь мне не снилась - а по лагерной примете видеть божий храм означает к освобождению. Глубоко я думал только над одной проблемой: что я буду делать через полгода, когда меня должны из тюрьмы вернуть в лагерь? Я не допускал мысли, что администрация решится держать меня на общем. Следовательно, устроят провокацию и запрут на спец. А тогда, спрашивается, что же лучше: оставаться тут в тюрьме или же попасть черт знает на какой спец, где еще сколько времени уйдет на привыкание? При неизбежных этапных шмонах отберут-порвут-потеряется половина бумаг и книг... Ну, на сей предмет я принял меры предосторожности: все хоть сколько-нибудь стоящее из написанного мною отправил на имя председателя Геометрического семинара. Настаивал, чтобы при свидании со мной отец или Ира забирали мешки с моими книгами из тюремной каптерки. А где сидеть - я знал точно, что лучших условий для научной работы, нежели сложились у меня здесь, ни на каком спецу и даже на общем - не будет. Поэтому в ответ на возбужденные письма Иры и матери "вот-вот решится!" - я охлаждал их просьбами склонить ЛОМИ написать ходатайство "не о моем освобождении, ибо этого все равно не сделают, а о том, чтобы меня до конца срока содержали бы во Владимирской тюрьме".



Р.И.Пименов. Возвращение из тюрьмы. Справа - Э.С.Орловский. Москва, Курский вокзал, июль 1963 г.

Близился к концу июль, вот уж два месяца скоро с комиссии и полгода с подачи прошения, но ничего светлого. Даже вроде наоборот: 26 июля нач.корпуса майор Щупляк отказался отправлять бандероль моей матери - шлите мол на учреждение. Я завелся, наговорил ему дерзостей. Идя на прогулку, прикидывал: накажет-нет? В середине прогулки отпирается дверь и вертухай отрывает меня от беседы с Мамуловым и Людвиговым (в тот раз мы гуляли втроем, а прочие не захотели выходить из камеры). Но ведут меня не к Щупляку, а незнакомый штатский начинает довольно формально расспрашивать, что я буду делать, куда поеду, если меня освободят? Столь же формально я говорю ему про жену в Калинине, отца в

Москве[128], мать в Ленинграде. Вернулся в камеру, взвинченный мыслями: "Зачем спрашивают?!". И тут же вызывают к фотографу, оторвав на сей раз от обеда. Тот намекает: "На паспорт". Все внутри ходит, но холодный разум останавливает: не принимай желаемого, мол, за действительное. Часа в два - "С вещами!". И тут мелькнуло опасение: а вдруг это Щупляк меня в карцер волокет? Но нет, заместо того, чтобы на месте в коридоре прошмонать и отобрать, заводят в пустую камеру и туда же вносят мешки с моими вещами из каптерки. Рюкзак и два мешка, плюс то, что кое-как россыпью из своей камеры несу. В основном это копии рукописей, отосланных в ЛОМИ, и книги, которые я еще собирался проработать здесь. К полчетвертого трое надзирателей успели прошмонать едва ли пятую часть моего бумажного моря. А их поминутно дергают, поторапливают. Ведь, во-первых, по закону, если приказ об освобождении поступил днем, то администрация обязана освободить до 16.00 того же дня. Если же приказ об освобождении поступил позже, то до 16.00 следующего рабочего дня. Во-вторых, в моем случае наличествовало особое обстоятельство, о котором я тогда не знал, но про которое читатель скоро узнает. Короче, так как надзиратели не знали ничего противозаконного за мной, репутация у меня была "приличного человека", и в просмотренном они не обнаружили ничего явно криминального, а также знали они, что никто больше обыскивать меня не будет, так что огрехи их шмона никем не вскроются, то они махнули рукой и, не продолжая обыска, велели мне собирать вещи. Благодаря этому я вывез все свои записи по делу, легшие в основу §§11-18 гл.1. Всякие телогрейки и т.п. шмутки я, конечно, покидал[129], захватил лишь в качестве сувенира вафельное полотенце, уведенное мною из Большого Дома, с огромным черным штампом "Внутренняя тюрьма УКГБЛО". Оно у меня хранилось до сыктывкарских времен, а где-то в Красном Затоне затерялось. Небольшой запас бывших у меня продуктов я попросил снести Симону Гогиберидзе и кому-нибудь по усмотрению надзирателей. С книгами и бумагами - вещи несли надзиратели - я спустился вниз.

Там начальник спецчасти в присутствии приезжего гебиста Анатолия Игнатьевича Шибаева, начальника корпуса, начальницы санчасти и бухгалтера зачитал мне постановление Президиума Верхсовета РСФСР от 15 июля о том, что меня условно с испытательным сроком в три года освобождают, снимая поражения в правах. Мне выдали имевшиеся у меня на счету деньги (176 руб. 42 коп.) и справку № 1048375 от 26/VII 1963 об освобождении по форме "Б". В ней было отмечено: "Следует к месту жительства г.Калинин".

Шибаев подвел меня к своей “волге”, стоявшей за воротами, и предложил довезти до гостиницы. Дорогой он уведомил меня, что заказал для меня номер в гостинице, просит не уезжать сегодня, а только завтра с утренним поездом, билет на который он мне вручил вместе с ключом от номера. Я согласился. Оставив вещи в номере, я с ним направился в милицию, где мне выдали паспорт "на основании

---

[128] Ðàèñèíî óæå áûëî âêëþ÷åíî â ñîñòàâ Ìîñêâû, äàæå ìåòðî Ùåëêîâñêàÿ íà÷àëî ôóíêöèîíèðîâàòü â èþëå, íî äîìèêè åùå ñîõðàíÿëèñü íåñêîëüêî ëåò. Çâåðîñîâîíç æå ïåðåâåëè äàëüøå çà Áàëàøèõó. Îòåö óâîëèëñÿ èç çâåðîñîâîçà è ïîñòóïèë äèàãíîñò ïî ðåçóñ-ôàêòîðó â ðîääîì.

[129] Îòåö ìîé, íàïðîòèâ, âñå áóøëàòû-áðþê ïðèâåç èç ëàãåðÿ è ïîëüçîâàëñÿ èìè â õîçÿéñòâå äî ïîëíîãî èçíîñó.

справки"[130]. Покончив с формальностями, Шибаев сообщил мне, что меня в Москве ждет прямо с поезда Н.Р.Миронов, который хотел бы побеседовать со мной, и что он просит - ПРОСИТ - сразу же по приезде позвонить по такому-то номеру телефона тов.Ушакову. Я обещал, и мы расстались. Оставшись один, я дал телеграммы матери, которая - как я знал из ее последнего письма - находилась у родных в Москве и предполагала в августе ехать ко мне на свиданку. Телеграмму отцу. Телеграмму Ире. "Подстригся", т.е. привел в некоторый порядок в парикмахерской тюремную стрижку наголо. При сем выслушал от парикмахерши выговор, зачем удумал остригаться наголо - это так безобразит голову. Я отшучивался: по дурости, мол. Попил газированной водички. Пообедал в ресторане. Походил вокруг Владимирского собора. Поспал.

Тем временем на гербовом бланке Прокуратуры СССР шло уведомление:

"24 июля 1963
№ 13/3-12878-56
г.Ленинград, Ф-180,
ул.Дзержинского, дом 64, кв.17
ЩЕРБАКОВОЙ Л.М.

В связи с Вашим заявлением в ЦК КПСС дело по обвинению Вашего сына ПИМЕНОВА Р.И. Прокуратурой Союза ССР проверено.

Материалами дела установлено, что Пименов судом правильно осужден, так как он совершил тяжкое преступление.

Однако с учетом поведения Пименова в местах лишения свободы Прокуратурой СССР был поставлен вопрос о его помиловании.

Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1963 г. Пименов помилован, неотбытый им срок лишения свободы заменен условным с испытательным сроком в течение трех лет.

Зам.нач.отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности
Государственный советник юстиции
3 класса
подпись /СЕДОВ/"

Вот я и удостоился гербовой похвалы за мое ПОВЕДЕНИЕ В ЛАГЕРЕ. Спасибо.

Наутро - поезд. Некоторые хлопоты доставили мне мои четыре места. Именно из-за того, что гостинца рядом с вокзалом, ни одно такси не брало, всех сразу не снесешь, а как же оставить без присмотра? Ничего, никто не польстился. Два часа в вагоне. На Курском вокзале меня встречали мать, Небольсины, Чесноковы, отец и Эрнст. Он как раз был в отпуске, гостил у Иры, когда туда пришла моя телеграмма. Не было только Иры, по каковому поводу Вероника

[130] Êàêîé ëÿï îíè âñòàâèëè â ïàñïîðò! ß æå è íå ïîñìîòðåë! Âñå òàê ïðèâû÷åëè â òþðüìå, ÷òî ó ìåíÿ èìååòñÿ æåíà Âåðáëîâñêàÿ - âåäü òàê æå áûëî ñ ìîèõ ñëîâ çàïèñàíî óòðîì 26 ìàðòà 1957 ãîäà, à ÷òî â òþðåìíîå äåëî ïîïàëî, íå âûðóáèøü òîïîðîì, ðàâíî êàê è íàíáîðîò: êîãî íå âïèøåøü â òîò ìîìåíò â ÷èñëî ðîäñòâåííèêîâ, òîãî íèêîãäà âíåñòè íå óäàñòñÿ, - ÷òî ñðàçó æå ïîñòàâèëè øòàìï: "Çàðåãèñòðèðîâàí áðàê ñ Âåðáëîâñêîé È.Ñ.", íå óêàçàâ, åñòåñòâåííî, íè íîìåðà ÇÀÃÑÀ, íè äàòû ðåãèñòðàöèè. Îáíàðóæèëà øòàìï òîëüêî ìàòü, ðàñïîàòðèâàÿ âûäàííûå äîêóìåíòû. Âñå çà âîëîâ ñõâàòèëñü: âåäü òåðüåðü íèêàê çàðåãèñòðèðîâàòü áðàê ñ Èðîé íå óäàñòñÿ!

Михайловна не преминула многозначительно шепнуть: "Могла бы и приехать!". Евгения Михайловна преподнесла мне цветы, которые я растерянно сунул в карман. Несколькими такси цугом - до сих пор словно физически ощущаю этот разворот такси по площади у вокзала - мы поехали на Пушкинскую улицу, где ждал торжественный обед. Но я только принял ванну, переоделся, выпил бокал-другой шампанского и направился на встречу с Мироновым. Эрнст и отец последовали за мной и остались ждать на площади у здания. Эрнст что-то втолковывал о поручении, которое Ира ему дала относительно того, как мне держаться с начальством, перебивая своими комментариями, но я не мог внимательно слушать. По существу это относилось к уже устаревшей проблематике, чем отличается помилование от частной амнистии.

Пропуска мне не выписывали. Ушаков сам спустился и повел меня по лестнице в каб.512, мягко упрекая, что приехал не сразу с поезда, а часа через два-три по его прибытии. Была суббота, тогда еще рабочий, но укороченный день, все спешили кончать трудовую вахту, и наша беседа вышла укороченной против ихнего плана, я это ощутил и был тому рад. Дорогой я вычислял, зачем этот вызов? Пришел к выводу, что мне ничего от Миронова[131] не нужно - и потому ощущал себя свободным. Но зачем ЕМУ я нужен? Колебался я между двумя версиями. Первая: будучи вынужденным уступить Келдышу и Твардовскому, орангутанг - ибо по его умственному и нравственному развитию я относил его к сей почтенной и способной к обучению породе - хочет взять душевный реванш на мне. Будет топать ногами, стращать тем, что со мною случится, коли я посмею ходить не по струночке. Вторая: он хочет посмотреть - не просчитался ли он грубо, поддавшись давлению либералов? Помню ли я, буду ли я поминать его мне фразу: "Мы вас арестовали не для того, чтобы вы математикой занимались!". Можно ли вообще таких, как я, выпускать? Не подведут ли они его? При первой версии мне было все равно: пропагандировать и нравственно перевоспитывать Николая Романовича я не собирался. Посижу, послушаю, уйду, скажу спасибо как вежливый человек... Во втором варианте - не все равно. Если он по моему поведению придет к выводу, что освобождать "таких" нельзя, то ничьи ходатайства в пользу Вайля, Трофимова и других не будут уже иметь успеха. Значит, оказывается, я ЗАИНТЕРЕСОВАН в этой беседе, я НЕ СВОБОДЕН в ней! Надо держаться так, чтобы дать максимальный шанс освободиться примерно таким, как я. Но, конечно, не прямым обращением с этой просьбой к орангутангу, а таким своим поведением, чтобы он "самостоятельно" к этой мысли пришел. Поскольку такая стратегия не противоречила и первой версии, я порешил придерживаться этой линии во всех случаях.

Как я и ожидал, основное место в речениях Миронова занимало положение о том, что он и они всегда были правы:

---

[131] Â "Ïàìÿòè" ¹5 ñîäåðæàòñÿ ñòðîêè, ðèñóþùèå Ìèðîíîâà ëèáåðàëüíûì è íåîáû÷íûì äåÿòåëåì. ß ñîâåðøåííî íå ñîãëàñåí ñ âûòîêîì. Äëÿ ìåíÿ îáëèê åãî ïî÷òè öåëèêîì âûâîäèòñÿ èç òàêîãî ñîîòíîøåíèÿ. Â 1961 ãîäó âûøëè ñòàòüþ 77-1 "çà òåððîðèçàöèþ" è ïî íåé ïåðåñòðåëÿëè ìíîãèõ - è íà ìîñòó ïàìÿòè, è íà ïàìÿòè Âàéëÿ. Â îêòÿáðå 1964 ãîäà Ìèõîíîâ ïðåñòàâèëñÿ - è, ïî ñâèäåòåëüſòâó Âàéëÿ, ïðèìåíÿòü ðàſſſòðåë ſî ýòſé ſòàòüå ïåðåſòàëè. Êſíå÷íſ, Áſðèſ ſðèſèſûâàåò ýòſ ſſíÿòèþ Õðóùåâà. Íſ íå ſëèøêſſ ëè âûſſſêſ ſſ ſſſſðèſ? Sſæåò áûòü, â òàêèõ âſſðſſſàſ âûøå çàâ.ſòäåëſſ àäſèſèſſðòàòèſſûõ ſðãàſſſâ è ſſſſðåòü ſå ſàäſâſſſ? Õðóùåâſ è ſåêſſäà èſòåðåſſſâàòüſſ, ðàſſſòðåëÿþ ëè Äåſèſſâà (ſſ. §14), à Ìèðſſſâſ ſſðèſſäèòſſ ýòèſ çàſèſàòüſſ ſſ äſſæſſſòè.

- Вот, некоторые люди думают, что если они говорили раньше то, что сейчас признано партией, а тогда не признавалось, то они были правы, а партия ошибалась. Это - анархизм, и глубоко неверно. Нужно исправлять ошибки только вместе с партией и только тогда, когда партия примет решение их исправлять.

Продемонстрировал мне свои глубокие чувства и всегдашнюю симпатию:

- Мы же ночей не спали, когда приходилось вас арестовывать! Такая это была трагедия! Вы думаете - это приятно арестовывать? Если бы мы нарушали законность, то по вашему делу мы могли бы арестовать 100 человек. Совершенно обоснованно и законно - 25. А мы взяли только пятерых.

Я удержался от искушения язвить и по первому его тезису, и от соблазна поспорить насчет обоснованности ареста Вербловской, сведя беседу репликами к слову на обсуждение теории Ломброзо, о которой он поговорил охотно, доверительно сознавшись, что сам-то он сей теории не разделяет, она не марксистская, но вот ведь все-таки бывают натурально врожденные преступники-дегенераты. Широким жестом как бы отдал мне на съедение лагерную администрацию:

- На примере разбора Вашего дела мы убедились, что лагерная администрация иногда поступает необъективно, пишет неправду.

Я - дабы не совсем уж оставаться неблагодарным, дабы дать почувствовать, что и я чего-то хочу - смиренно заикнулся насчет содействия в прописке в Ленинграде. Начальственно подмигивая Ушакову - молчи, дескать, - Миронов отмахнулся:

- ЦК не может заниматься такими мелочами, как прописка. Пусть Вас Ваши академики прописывают.

Дело в том, что помилованные, по какой бы статье они ни судились, имеют право на прописку в любом городе, если то позволяет жилплощадь. Но Миронов не хотел выдавать мне эту "государственную тайну".

Совершенно неуместно, безо всякой связи с разговором, Миронов раза четыре заводил речь о том, что вот, мол, неблагодарный Тельников, освободившийся недавно, по своей инициативе заходил к нему и наговорил разных дерзостей. Сразу видно, что не осознал еще. Эти его пассажи выглядели тем чужероднее, что Тельников шел по другому делу, что формально мы не только не были знакомы, мы могли и не слыхивать друг о дружке. Да и я держался так, словно впервые слышал эту фамилию.

По окончании беседы Ушаков дал мне свой номер телефона - К62204, - наказав звонить, если у меня в чем-нибудь встретятся трудности. Меньше чем через месяц Ушаков отправился в Мордовию с миссией беседовать с осужденными ленинградцами и другими по групповым делам и выяснять, кого можно освободить. Согласившихся писать помилование, сколько я слышал, освобождали. Увы, до Вайля мое послание добрело только месяца три спустя после отъезда комиссии, он выказал Ушакову не те чувства и остался сидеть без перемен на особом режиме, получив совет "упорно трудиться".

У входа меня ждали уже начинавшие волноваться отец и Эрнст, которым я передал беседу, но, кажется, Эрнст ее не записал. Поехал я на Пушкинскую, а Эрнст к отцу - в Раисино. На следующий

день, к вечеру в воскресенье, я двинулся в Калинин. Одним поездом со мной ехал Эрнст, но до Ленинграда. Кое-что в его поведении, странные обмолвки запали мне в память, но в те часы я их не анализировал - было не до того. В Калинине мы с ним простились. Я вышел.

Иры на вокзале не было (тут я ошибся - мы просто разминулись с нею, а она выходила к поезду встречать меня), но я знал адрес и быстро оказался в ее низенькой, но отдельной комнатенке с выходом и окном в сад. Дома ее не было тоже, но дверь была раскрыта и, кажется, на дверях маячила записка мне. Я вошел, сел на кровать. Вскоре пришла она.

Как она провела эти 16 месяцев на воле?

В начале апреля 1962 года она приехала в Ленинград и попыталась прописаться. Комната-то за ней сохранялась, хотя, конечно, ее заняли братец Юрий, демобилизованный по громадному сокращению в конце 1959 года, со своей женой Машей и дочкой Наташей. Так что даже то короткое время, что она провела в Ленинграде, она жила не у себя дома, даже не в гостях у брата, а поселилась у тетки Надежды Леонидовны, сестры матери. Временно на месяц ее прописали. Потом, кажется, на месяц, прописку продлили. Но когда 8 июня она легла в больницу - подозревала опасную хворь, но ничего серьезного у нее не обнаружили - милиция потребовала немедленно выезжать, как только выпишут из больницы. Попыталась она зацепиться в Петрозаводске, но и там ее не прописали. В середине июля она приехала к другим родственникам в Москву за советом. Не только все ее родные наперебой требовали от нее расстаться со мной, но даже Маруся Леснова уговаривала бросить меня. У нее это шло в контексте жалоб на Ивана Гавриловича:

- Вот как он со мной плохо обращается, а ведь яблоко от яблони недалеко падает, и у тебя такая же тяжелая жизнь сложится, если другого не найдешь.

5 августа они приискала себе работу и жилье - с временной пропиской - в Калинине, в деревне Большие Перемерки, дом 61. Работа машинисткой, 36 рублей в месяц, из которых 10 рублей платилось за квартиру. Родственники присылали ей дополнительно 30 рублей. Жилье оказалось ужасным: в проходной комнате, еще две койки жиличек же, вечно орет радио и/или телевизор. Печка на весь дом одна, а топка из ее комнаты. Хозяйка (Виноградова) грубая. Ира очень мучилась, в середине марта 1963 года подыскала другую квартиру, по Инструкторской, дом 17, ту самую, куда я пришел. Она стоила дороже - 15 рублей и самой покупать дрова, но в середине июня Вербловскую приняли на другую работу - вести краеведческий кружок - на 71 рубль. Да она еще научилась прирабатывать, и с деньгами полегчало.

На эту внешнюю канву накладывались настроения. А настроение с каждым месяцем пребывания на воле делалось у Иры все мрачнее. "Жизнь не сказка, дитя мое милое," - и с этой мудростью особенно приходится считаться тому, кто долгое время оторван от жизни и мечтает как о счастье вернуться "в нормальную жизнь". В ней же уже не остается места для мечтаний [...][132]

---

[132] Âî 4-õ ñòðàíè÷íîì ôðàãìåíòå, èñêëþ÷åííîì èç ïóáëèêóåìîãî òåêñòà ïî ïðîñüáå Â.À.Ïèìåíîâîé, ïîëüçîâàòåëÿ æèçíü È.Ñ.Âåðáëîâñêèé ïîñëå îñâîáîæäåíèÿ èç ëàãåðÿ è äî ïðèçäà Ð.È.Ïèìåíîâà

Еще в эти дни побывал я у Конрада в больнице. Его первый вопрос был:

- Вас били?

Кажется, 8 августа мой отец, его Коля и я вылетели в Гудауты на месяц. Я был так слаб, что в автобусе от Адлера до Гудаут меня рвало, я был почти без сознания. Месяц мы провели на море. Хотя я не растолстел, но перестал быть "тонким-звонким-и-прозрачным", каким выгляжу на фотокарточке справки об освобождении, на фото с Ирой в Калинине и на фото с матерью и ее сестрами в Москве. Кстати, мать отправилась отдыхать теплоходом по Волге. Я даже несколько поднабрал сил довольно далеко заплывать в море, хотя и не мог угнаться за отцом. Про хождение в горах и заикаться нечего было.

По возвращении в Москву 15 сентября я сделал доклад, организованный Розенфельдом, в Семинаре по Векторному и Тензорному Анализу профессора П.К.Рашевского. До этого я знал его исключительно по книгам. Докладывал я свою полуриманову геометрию. И сразу же моя статья на эту тему была принята им к опубликованию в очередных Трудах Семинара по ВТА. Тут мне привалила пишущая машинка - ведь ту, прежнюю, что я покупал в 1956 году, я, конечно, оставил Ире, раз она ей нужна. Авсеневы, узнав от любимого племянника Вани, что его сын освободился, прислали на обзаведение пальтом мне 200 рублей, я на эти деньги купил "Мерседес" со сменной корзинкой, т.е. с русским и латинским шрифтами. Сел за нее в Раисино и в пару дней отстукал текст статьи для Трудов СВТА.

Еще сходил к Маркову. Он дал мне рекомендательное письмо для Соболева, бывшего директором Математического института СОАН и чего-то для кого-то в Новосибирске, в Академгородке. Отец, очень желавший, чтобы я остался жить в Раисино, ворчал:

- Ну, куда ты с этими бумажками поедешь? Что они гарантируют? Филькины грамоты!

Но общее мнение было, что единственное место, где меня возьмут на научную работу, это Академгородок. И все же перед тем, как отправляться в дальнюю даль, решил я съездить пожить несколько недель - покамест милиция не выгонит - в Ленинград, к матери. Приехал. Сделал доклад на Геометрическом семинаре, причем умышленно рассказывал не свои старые работы по космометрии, а примерно то, что докладывал у Рашевского - про всякие применения полуримановой геометрии. Понравилось. Сходил к В.И.Смирнову. Он надписал на заметке "К основаниям геометрии" свое "представляю", и я отослал ее в редакцию ДАН. К слову, забавное "этнографическое наблюдение". Каждый лингвист, с которым я виделся в эти месяцы, предлагал мне денег. Ни один математик - за изъятием 76-летнего Владимира Ивановича - не поинтересовался, не нужны ли мне деньги. Вот, отправив статью, я вроде бы "сделал все неотложные дела в Ленинграде". Уезжать? И тут мы с матерью рассудили: давай попробуем прописаться! Ну, что мы теряем при попытке? А вдруг?!

И - о, чудо - прописали - в октябре, молниеносно, без малейших попыток возразить. Только затребовали дополнительно

â Êàëèíèí. (-Èçä.)

справку, с какого времени я проживал на Серпуховской[133], с который "выбыл". При прописке, правда, поставили меня на учет в уголовный розыск Фрунзенского района. Я сходил туда, расписался в какой-то книге, после чего меня ни разу не побеспокоили оттуда. А нет, попросили сообщить место работы, когда устроюсь - вот когда был мой последний контакт с угро. При прописке обменяли паспорт на новый - "выдан в Ленинграде, на основании паспорта и справки". Теперь уже по-настоящему возник вопрос, где работать. Я снова побывал у Владимира Ивановича, он стал устраивать меня в Публичную библиотеку, где он входил в состав Ученого Совета. Почти было зачислили, но О.Б.Враская добилась приема у директора и застращала его до того, что он отказал даже академику. "Да знаете ли Вы, кого берете?!" Нет, напрасно свободомыслящие у нас во всех зажимах винят правительство...

Тася Тушкина указала мне местечко в Институте киноинженеров, но там директор отказал под утонченным предлогом:

- Вы же так давно уже не преподавали, что отстали от современного педагогического процесса...

Какое-то местечко, только чтоб не числиться тунеядцем, но без зарплаты, - почасовая работа с нулем часов - приискал мне Анри Перельман. На справку в угро это сгодилось, но не решение же это проблемы! Хотя пригодилось еще для одной штуки: мне РЖМат прислал бумажку, что охотно возобновляет меня в качестве своего референта при условии, что я представлю справку с места работы, что она не возражает - обычная для бухгалтерии справка. Вот с этой почасовой я удовлетворил реферативный журнал, а за рефераты хоть и маленькие, но все же деньги платят. Но вопрос настоящего трудоустройства оставался. И маячило воспоминание о Заславском, мыкавшемся свыше года. И о Шарапове отец мне рассказывал. Тогда я звоню по телефону, данному мне Ушаковым. И - прежде всего - восхищаюсь его профессионализмом. Звоню я по автоматической связи, на втором гудке он берет трубку, я произношу:

- Константин Иванович?

- Здравствуйте, Револьт Иванович, - слышу я в ответ. Мгновенно узнать меня, которого он слышал всего два раза в жизни? Узнать по телефону? Ну, правда, мне многие говорили, что голос у меня запоминающийся. Мои сокурсники, с которыми мы встречались в 1984 году, все внешне изменившиеся до неузнаваемости, твердили согласно, что я лицом и фигурой совсем другой, не узнать, но вот голос - остался прежним. Но ведь они тысячи раз слышали мой голос, а Ушаков - два раза. И тут не может работать никакая электроника: я видел его телефон, на нем нет никаких приставок, так что нельзя предположить, будто ЭВМ сразу же сообщила ему номер телефона, город, фамилию абонента этого телефона (да и абонент была Щербакова). Да и не создали в те годы еще таких приставок. Вот он, класс профессионализма!

Ну, нажаловался я ему, что меня никуда не берут на работу. Выразился, что по сути это является саботированием Постановления о моем освобождении: ведь меня освободили как раз для того, чтобы я мог заниматься наукой! Он предельно любезно пообещал, что

---

[133] Òîãäà âåëèê îãðàíè÷åíèÿ: ïîñòîÿííàÿ ïðîïèñêà âûäàâàëàñü ñðàçó òîëüêî òåì, êòî óæå ïðîæèâàë ïîñòîÿííî â Ëåíèíãðàäå äî, êàæåòñÿ, 1950 ãîäà.

немедленно разберется, попросил в ближайшие дни находиться дома у телефона, мне позвонят. Все будет сделано.

В самом деле, назавтра мне звонит полковник Лякин и просит в удобное для мне время подъехать к нему на Литейный. Еду. Пропуск выписан. Подымаюсь. Ждать не проходится ни минуты. Объясняемся. Он заверяет меня, что немедля с фельдпочтой сообщит директору института киноинженеров - или это был уже другой вуз? Забыл. Их было несколько и мы с Тушкиной и Кальниболоцкой вели подробную запись по дням и по часам всех моих хождений, да запись сия утерялась, что у КГБ никаких возражений против принятия меня на работу нет. Тут заходит еще полковник Чурсинов, меня знакомят. Еще раньше Кривошеин встрял, кто-то еще. Руку жмут, Кривошеин обнимается. Расспрашивают. Сочувствуют. Искреннейшим образом выражают готовность помочь - вы только поделитесь с нами вашими трудностями и желаниями.

- А знаете, Револьт Иванович, ведь НТС спекулирует Вашим именем.

- Как?

- Ну, они опубликовали в своем органе Вашу фотографию с надписью, что Вы их ученик и последователь. Что Вы делали их дело.

- Ну, Виктор Николаевич, Вы же прекрасно знаете, что я не могу быть ничьим учеником и последователем. Характер не тот.

- Да, мы-то знаем. Но вот они спекулируют.

- Ай-яй-яй.

- Нехорошо получается. Еще бог весть, что о Вас могут подумать. Те, кто прочитает их орган.

- Ай-яй-яй.

- Как-то надо их опровергнуть. А то Ваше имя замарают.

- Да, конечно, Вы правы. Дайте мне, пожалуйста, эту их публикацию, я немедленно напишу опровержение на всякую их ложь.

Лякин растерянно смотрит на Кривошеина, Кривошеин на Чурсинова, Чурсинов на Кривошеина. После долгого неловкого молчания кто-то находится:

- Вот только куда мы ее положили? Когда найдем, мы Вас известим (или "дадим почитать" - не поручусь).

В таких вот милых беседах провели мы времечко, я ушел обнадеженный. Все равно бы из этого ничего не вышло, ибо директор упорно твердил, что никто ему не звонил, никаких писем насчет меня ни обычной, ни фельдпочтой он не получал. Но тут еще раз срабатывает мое счастье, которое в те далекие времена баснословно сопутствовало мне.

Одна сотрудница ЛОМИ уходит в декретный отпуск, и Залгаллер предлагает мне ВРЕМЕННУЮ работу в ЛОМИ. Подчеркивает, что ставок постоянных нет и пока не предвидится. Я колеблюсь: временная - не то, что постоянная в Новосибирске в таком же, если не лучшем институте. Но декрет - это долго, за это время что-то прояснится, отломится, да и статьи удобнее публиковать, будучи сотрудником ЛОМИ. Директор Петрашень колеблется - а ну как ему дадут по шапке?[134] И тут я говорю, что

[134] Êîëåáëþñü â ïîäîáíûõ ñëó÷àÿõ âñå, íî ïîðÿäî÷íûå ëþäè äåëÿòñÿ ñâîèìè êîëåáàíèÿìè "ñ îáùåñòâîì", ñ "ïðîñòåëåì". Ïîýòîìó èõ êîëåáàíèÿ îêàçûâàþòñÿ ðàçíîâèäíîñòüþ âûáîðà íàèëó÷øåé äëÿ ïðîñòåëÿ ñòðàòåãèè.

зам.нач.УКГБЛО полковник Лякин В.Н. заверил меня, что он будет помогать мне устраиваться на работу. Позвоните ему. Петрашень звонит. Лякин, зажатый в безвыходное положение, бормочет, что органы госбезопасности не возражают против приема Пименова в Математический институт. С Георгия Ивановича спадает бремя ответственности, и позже, когда его пытались укорять за то, что он принял такого антисоветчика в ЛОМИ, он неизменно отвечал:

- Я взял его не сам, а по указанию Комитета госбезопасности.

Так решился вопрос с моей работой, ибо в этих условиях перевод с временной на постоянную проблемы не составлял. Развивая достигнутый успех, я обратился к Лякину же с просьбой помочь прописать Вербловскую, о чем уже рассказывал.

Осталось поведать последний эпизод, и драматическая повесть, начатая 25 марта 1957 года, придет к естественной многолетней паузе. Книги мои хранились у Орловского. Они его теснили и мешали ставить собственные книги, вырезки, папки. Надо было забирать. Везти их назад на Теряева было невозможно, даже если бы я собрался все их подарить Ире. Ставить у моей матери, где жил я, было немыслимо, ибо это была неправильной - трапецеидальной - формы узкая вытянутая комната в 14 квадратных метров, в которой и без стеллажей можно было одновременно коснуться обеих стенок. На выручку пришла Тася Тушкина, жившая в то время фактически в двух просторных комнатах. Она предложила поставить мои стеллажи с книгами у себя на время, пока не решится моя жилищная проблема или пока ее самою не станет поджимать площадь. В декабре мы организовали перевозку книг к Тасе. Мы - это группа "свидетелей" и знакомых "свидетелей", главным образом "с Пушкинской", а также несколько человек моих сокурсников. После перевозки книг более узкая компания человек в восемь осталась в его квартире и произвела уборку: перетерли эрнстовы книги, аккуратнее их расставили, вымыли пол и подоконники. Весело так все это шло, как на настоящем коммунистическом субботнике!

У Таси же через несколько дней был дан прием-бал по поводу моего возвращения. Это из тех редких случаев, когда я танцевал, получая удовольствие, а мои дамы не шарахались от моей неуклюжести. Было страшно много моих сокурсников, и даже прохвост Ермаков поздравлял с возвращением и желал успехов. Тогда либерализм входил в моду, и Ермаков подстраховывался.

Со мной - все в той тюремной жизни. Но она не кончилась еще для Бориса Вайля. Едва вышла моя первая публикация в Докладах, как я послал оттиск Н.Р.Миронову с надписью, что уповая на его гуманность и великодушие, напоминаю ему, что Вайль неизмеримо менее меня виновен и несправедливо, что он в тюрьме, раз я, вовлекший его в пропасть, на свободе. Опять же через Лякина мне было передано, что про мою просьбу помнят, но потом меня понизили вниманием и ответы стали передавать через уполномоченного Куйбышевского района Бориса Соломоновича Горелика. Не знаю, чем бы все это завершилось, но в том октябре снимали Хрущева - Миронов погиб в авиационной катастрофе над Белградом. Тогда я нанял Райхмана, чтобы Борьке хотя бы исчисление срока наказания велось не с даты суда, а с даты ареста по второму делу. К удивлению самого Райхмана Верховный Суд согласился с его доводами, и Борис освободился в сентябре 1965

вместо марта 1966 года. Он почти сразу же женился на Люсе - но про это см. его собственные мемуары. В том же сентябре он приехал ко мне в гости в Ленинград, и мы наконец-то обнялись.

Еще о Миронове - микроскопическая деталь. В марте 1958 года "Ленинградская правда" опубликовала беседу с нач[альником] управления КГБ по ЛО генерал-лейтенантом Мироновым. Я же видел его в июле 1957 года в генерал-майорских погонах. И неделю-другую после публикации майор Луканкин подтвердил мне, что Миронов - генерал-майор. В некрологе Миронову в 1964 году он тоже назван генерал-майором. Возможно, сей факт следует сопоставить с тем, что Чебриков, произведенный в маршалы в апреле 1984 года, о чем писали газеты, назван в его официальной биографии, распубликованной в связи с введением его в Политбюро в апреле 1985 года, генералом армии. Возвращаясь к Миронову, полезно просмотреть газеты 1958 года по областям, чтобы понять, были ли восхваления в адрес Миронова частным случаем восхвалений в адрес начальников УКГБ округов, либо же это была реклама к его единоличному возвышению.

Несколько ранее кончились страдания для Виктора Шейниса. Летом 1964 года он записался на прием к ректору ЛГУ Александрову и сказал:

- В связи с делом Пименова меня исключили из аспирантуры, и с тех пор я работаю токарем на Кировском заводе. Но сейчас, когда Пименов восстановлен и занимается наукой, полагаю, я имею право тоже вернуться к науке. Примите меня на работу в университет или в аспирантуру.

- Да, я это дело знаю, - ответил ректор. - Можете подавать заявление и документы.

И в кратчайший срок Виктор защитил свою диссертацию. Помню, на ней я поднял бокал за погубление всех совисториков.

СПРАВКА: Основные аспекты жизни Р.И.Пименова в 1963-1970 гг.[135]

В день приезда в Москву 26.07.63 Пименов имел беседу с зав. Отделом административных органов ЦК Н.Р.Мироновым и его референтом К.И.Ушаковым; не отражена в документах. В начале августа Револьт с Иваном Гавриловичем и Николаем Щербаковым уехали на месяц в Гудауты. По возвращении в Москву в середине сентября Пименов делал доклад о своей полуримановой геометрии на Семинаре по векторному и тензорному анализу П.К.Рашевского в Московском университете. После неудачной полупопытки через А.А.Маркова - С.Л.Соболева устроиться в Академгородок Новосибирска Револьт едет в Ленинград к матери, где его неожиданно легко прописывают. При этом меняет паспорт (09.10.63, на XX ПА №575902 безо всяких порочащих отмет), а выданный во Владимирской тюрьме, равно как и справку об освобождении, отбирают. На работу не берут: проваливаются попытки устройства в Институт киноинженеров, в Публичную библиотеку; ради юридической безопасности Пименов оформляет липовую почасовую работу во ВЭЛТИ. Ради реальной работы звонит Ушакову, после чего Пименова приглашает зам. нач. УКГБЛО полк. Лякин и, побеседовав с ним об НТС, звонком разрешает директору ЛОМИ Петрашеню принять Пименова. Сначала Пименов был на временной (замещал декретную), а с марта 1964 - на постоянной работе младшим научным сотрудником.

В идеальной научно-нравственной атмосфере ЛОМИ начался бурный всплеск математической активности Пименова: менее, чем за семь лет ОПУБЛИКОВАНО свыше 25 работ, причем из них большая часть написана и даже зародилась уже после освобождения. После первых не вполне удачных попыток опубликовать, доразвить или продолжить работы периода 1958-63, Пименов изобретает совершенно новые идеи, находит новые результаты и целиком погружается в них, особенно с весны 1966 (цикл "пространства кинематического типа"), так что большинство его работ тюремного периода лежат у него без движения. Особенно это относится к циклу "космометрия", ибо цикл "полуриманова геометрия" в сокращенном виде опубликован и лег в основу его кандидатской диссертации (март 1965), которая благодаря И.Я.Бакельману была поставлена на защиту вне всякой очереди, едва Пименов успел отпечатать требуемый экземпляр после сдачи трех кандидатских экзаменов. В отношении прежней помощи ломичан, особенно Петрашеня, Пименов не выказал должной благодарности, прежде всего потому, что не был в курсе всей той активности, которую вел ЛОМИ во время его заключения; большую часть документов Пименов впервые прочитал после 1975. Вообще, к бумагам в 1963-70 Пименов стал относиться куда менее бережно, нежели было в его тюремную эпоху: сохранилось неизмеримо меньше черновиков и вариантов статей, даже отзывы оппонентов на докторскую диссертацию и те не сохранились!

---

[135] Â ñâÿçè ñ óòåðåé 6 è 7 ÷àñòåé “Âîñïîìèíàíèé” Èçäàòåëè, ñ íåçíà÷èòåëüíûìè ñîêðàùåíèÿìè, ïðèâîäÿò àâòîáèîãðàôè÷åñêóþ Ñïðàâêó Ð.È.Ïèìåíîâà îáíàðóæåíîþ â åãî àðõèâå. Â íåé ÷àñòè÷íî âîññòàíàâëèâàåòñÿ õðîíîëîãèÿ îñíîâíûõ ñîáûòèé â åãî æèçíè â 1963-1970 ãã.

Помимо того наличие телефона на всех квартирах, где проживал Револьт с 1963 (на Дзержинского, сначала с матерью Ларисой Михайловной, потом один; на Римского-Корсакова с женой Виленой Анатольевной Шрифтейлик-Пименовой; на Воинова с ней же), резко уменьшило его корреспонденцию и, в частности, почти не осталось следов его отношений с Вербловской (последний раз была в гостях у Пименовых на Воинова в 1969), Ирмой Викторовной Кудровой, Аллой Константиновной Назимовой, Виктором Леонидовичем Шейнисом прекратились осенью 1968, Натальей Викторовной Гессе, Юлией Васильевной Рыбаковой, Таисией Арефьевной Тушкиной, Тамарой Коньковой, Ниной Корнеевой, Инной Яковлевной Крым, Сергеем Юрьевичем Масловым, Юрием Дмитриевичем Бураго и мн.др.. Злые россказни Вербловской о Револьте оттолкнули от него ряд москвичей, близких к Ирине Емельяновой (падчерица Пастернака, сосидельница Вербловской), в частности, Вячеслава Всеволодовича Иванова ("Кома"), что в сочетании со сказанным в предыдущем абзаце остановило публикацию лингвистических работ Пименова. Но круг знакомств был очень широк и в доме перманентно толклись гости. Однако, Пименов не осознавал своей славы, не использовал своего имени и все вопросы решал по существу, а не опираясь на свой авторитет; к вышестоящим ходить стеснялся из скромности, хотя, как позже выяснилось, его очень ждал у себя академик В.И.Смирнов и ему подобные. В 1965-1966 Ирма настойчиво стремилась познакомить Револьта с Евгением Вагиным (как позже от Огурцова[136] выяснилось - без желания Вагина), Револьт уклонился. В годы 1963-66 Револьт активно посылал деньги в лагерь (Вайлю и др.), но вскоре после того, как в кругу знакомых Ирмы стало известно, что это делается в книгах, заключенным запретили получать книжные бандероли. Около 1966-1969 Пименова начинают разыскивать москвичи: Александр Сергеевич Есенин-Вольпин, Валерий Николаевич Чалидзе[137], Юрий Алексеевич Гастев (сначала - его ленинградский брат Владимир), Ирина Григорьевна Кристи, позже Петр Ионович Якир, Григорий Подъяпольский, Владимир Федорович Турчин, Владимир Тельников (о вредоносности которого упоминал еще Н.Р.Миронов в беседе 27.07.63). На конференции Пименов по своей инициативе познакомился с Андреем Дмитриевичем Сахаровым. Но в правозащитной кампании тех лет, носившей форму "подписантства", Пименов не пожелал принимать участия, прежде всего потому, что полагал: подпись (под обращением) лица, ранее сидевшего за политику, лишь компрометирует в глазах правительства (адресата обращения) самое это обращение. Читать же самиздат, конечно, читал в активном смысле этого слова.

Арест Пименова прекратил работу Пименова над запланированной монографией "Аннотированный указатель работ и проблем в математической теории пространства-времени". Арест

---

[136] Â òî âðåìÿ ðóêîâîäèòåëü èäåîëîãè÷åñêîãî îòäåëà ïîäïîëüíîé îðãàíèçàöèè ðóññêèõ íàöèîíàëèñòîâ - Âñåðîññèéñêîãî Ñîöèàë-Õðèñòèàíñêîãî Ñîþçà Îñâîáîæäåíèÿ Íàðîäà (ÂÑÕÑÍÎ). Èãîðü Âàñèëüåâè÷ Îáóõîâ ÿâëÿëñÿ ðóêîâîäèòåëåì ýòîé îðãàíèçàöèè. Â 1968 ã. ÷ëåíû ÂÑÕÑÍÎ áûëè àðåñòîâàíû ÊÃÁ è åãî ðóêîâîäèòåëè áûëè îñóæäåíû íà äëèòåëüíûå ñðîêè çàêëþ÷åíèÿ. (-Èçä.)

[137] À.Ñ.Åñåíèí-Âîëüïèí è Â.Í.×àëèäçå áûëè èäåîëîãàìè ïðàâîçàùèòíîãî äâèæåíèÿ â ÑÑÑÐ, òåîðåòè÷åñêè îáîñíîâàâøèå âîçìîæíîñòü àêòèâíîé áîðüáû çà ñîáëþäåíèå ãðàæäàíñêèõ ïðàâ, èñïîëüçóÿ ñîâåòñêèå çàêîíû. Â íà÷àëå 70-õ ãîäîâ îíè ó÷àñòâîâàëè â ðàáîòå Êîìèòåòà ïðàâ ÷åëîâåêà â Ìîñêâå, çàòåì ýìèãðèðîâàëè. Â íàñòîÿùåå âðåìÿ æèâóò â ÑØÀ. (-Èçä.)

прекратил само существование Космологического Семинара Пименова в ЛОМИ. Прекратил работу Пименова в Реферативном журнале Математика (а еще на IV геометр. конференции, Пименов назывался "лучшим референтом по разделу Геометрия", Остиану). Прекратил работу в Реферативном журнале Физика. Не дал выйти в свет переводу Пименовым книги Бишоп и Голдберг "Тензорный анализ на многообразиях". Прекратил работу Пименова в издательстве Большая Советская Энциклопедия (статьи для Математической Энциклопедии были заказаны издательством, написаны Пименовым, оплачены бухгалтерией, но не только не опубликованы, но никому другому не были переданы соответствующие слова, так что эти термины просто не попали в изданный текст Математической Энциклопедии). Прекратил чтение лекций Пименова на математико-механическом факультете ЛГУ. Прекратил движение книги Пименова "Время - а что это такое?", принятой к печати в Атомиздате. Не дал возможности Пименову принять участие в Математическом конгрессе в Ницце и на II Всесоюзном совещании по философским вопросам современного естествознания, куда были приглашения. Прервал ряд публикаций в журналах Пименова, в частности, совместную с Л.Н.Любинской по психологическим вопросам математики, привел к вычеркиванию ссылок на Пименова в ряде статей других советских авторов. Кроме того, арест прекратил текущую работу Пименова в Ленинградском отделении Математического института АН и в Секции Гравитации Министерства В и ССО и не дал возможности довести до опубликования ряд теорем Пименова о замкнутых временноподобных в их связи с энергетическими затратами; позже частично к этим результатам приблизился В.Я.Крейнович, но Пименов решил никогда не публиковать их; Крейнович тоже не опубликовал. Арест был вызван, согласно приговору, тем, что Пименов дал двум-трем лицам несколько малоизвестных машинописных текстов.

В сохранившихся документах не нашла отражения активная помощь Иры Кристи, когда выяснилось, что часть диссертации Пименова отпечатана без соблюдения технических требований по микрофильмированию, и пришлось перепечатывать - безумно срочно примерно треть диссертации, уже после защиты. События, отраженные в док.77 имели неожиданным последствием то, что когда ученик Пименова Николай Алексеевич Громов защищал кандидатскую диссертацию в Минске, 1982, Иваницкая очень хвалила эту диссертацию. Документ 80.2, кажется, был опубликован в "Гранях" (?) в 1974-5 под названием: "Что читают современные советские интеллигенты". Документ 80.4 в полной форме, кажется, в одном из номеров (после №15) "Хроники текущих событий". В документах отсутствуют данные о движении статьи "О точной мере родства языков" (4.13.10) после августа 1963. Отсутствуют данные о (неудачном) выступлении Пименова на заседании Ленинградского Математического Общества около 1965-1966, лишь косвенно упоминается важный доклад Пименова на общеломическом Семинаре 02.03.67, нет сведений о дипломниках Пименова Санкине, Козлове и др. В этой папке нет также документов о лекциях, читанных Пименовым в университете: 1964-1966 "Основания геометрии и Космологии", 1965-1966 "Тензорный и флагтензорный анализ с приложением к гравэлектромагнетизму", 1966-1967 "Теория

пространства-времени", 1966-1968 "Элементы космологии", 1967-1968 "Математическая теория пространства-времени", что-то 1968-1969, а в 1969-1970 "Математическая теория пространства-времени". Отсутствуют материалы встреч Револьта с Шейнисом, Кудровой, Назимовой, Вербловской, Гальпериным, Соскиным осенью 1968 по вопросам: допустимо ли написание "Мемуаров"? и как возможны чудовищные вымыслы Револьта в адрес Ирмы?

М.М.Климова. Ленинград, начало 80-х.

Глава VIII

ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ИЗ ЖИЗНИ МАРГАРИТЫ КЛИМОВОЙ

П И Е С А

разрозненная и недописанная

сиречь

Материалы К Θеатральному Представлению

"ВОСЕМЬ МЕСЯЦЕВ ИЗ ЖИЗНИ МАРГАРИТЫ КЛИМОВОЙ"

совместно с полусотней-сотней
знакомых и незнакомых
действующих лиц
и лицедеев
в присутствии: круглосуточно горящей лампочки
и в отсутствии: кофе, фруктов, телефона
и вообще *свободы*.

Дозволено к представлению - ПРОКУРОРОМ г.Ленинграда, 29 ноября 1982.

Составлено смиренным иноком Каллипсихейским

во наблюдение мудрейших и правдивейших слов Генерала КГБ В.М.Чебрикова:

> "За последние годы чекистами были выявлены и обезврежены десятки агентов империалистических разведок, эмиссаров зарубежных антисоветских центров, задержан с поличными при проведении шпионских операций ряд сотрудников ЦРУ США",-

вымолвленных при встрече с избирателями 20 февраля 1984 в благодатных краях Сухуми, в краях, где 30 лет назад взрывался памятник Л.П.Берии.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Перечень персонам
Пролог в небесах
Пролог на земле
О главной героине
Хронологический лист
Духовный облик
Декорации на сцене или размещение клеток на арене Колизея
Конкретные материалы на Климову

АКТ ПЕРВЫЙ - Занавес поднят - обыски

Обыск у Климовой
Обыск у Завельского
Обыск у Ильина
Обыск у Пименова
Обыск у Сомова и Осиповой
Обыск у Тиме
Обыск у Гессе
Второй обыск-выемка у Климовой
Приложение: обыск у Льва Волохонского

АКТ ВТОРОЙ - Климова ведет себя вызывающе

Общий взгляд на структуру показаний
Показания Климовой в первый месяц
Показания свидетелей, посадивших Климову
1. Показания Введенского
2. Показания Орловской
3. Показания Воротникова
4. Показания Тиме Андрея
5-8. Показания матери, брата, отца и жены Тиме
9-10. Показания Михайловой Натальи и ее мужа
11. Показания Зильбербрандта
12. Показания Кунгуровой
13. Показания Стригина
Размышление - АНТИЧНЫЙ ХОР
Прочие декабрьские допросы
Показания Пименова
Показания Шустровой

АКТ ТРЕТИЙ или Как Климова помогла следствию

Показания Климовой
Показания Завельского
Показания Масловой
Майский допрос Пименова
Показания Сомова
Показания Осиповой
Показания Ильина
Прочие допросы: Гессе, Длин, Краско, Кунгурова, Марков, Мельник Ирина, Мельник Юрий, Михайлова Надежда, Соловьев, Стригин, Тиме

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ или Гретхен и Фауст

АКТ ПЯТЫЙ - Судоговорение
Прелиминарии
Речь прокурора
Речь адвоката
Приговор
Указатель

Перечень персонам

I. Персоны нон грата, т.е. обысканные

1. Климова Маргарита Михайловна, 1938 г.р., оконч. ЛГУ филфак 1961, Ленинград, Басков пер. 13/15, кв.24

2. Завельский Натан Иосифович, 1940 г.р., оконч. Приборостроит. техникум 1961, Ленинград, Староневский 132, кв.16

3. Ильин Владимир Филиппович, 1930 г.р., рабочий-разметчик, Ленинград, ул.Верности 36, кв.86

4. Пименов Револьт Иванович, 1931 г.р., д-р физмат наук, Сыктывкар, ул.Маркса 212, кв.11

5. Сомов Георгий Павлович, 1944 г.р., писатель-сторож, Ленинград, Решетникова 19, кв.14

6. Тиме Андрей Дмитриевич, 1946 г.р., оконч. ЛГУ матмех 1968, банщик, Ленинград, Социалистическая 10, кв.28

II. Персоны гратиссима, т.е. обыскивающие:

1. Арестовавший Климову майор Автух

2-4. Следственная бригада по делу Климовой: капитан Баланев (Ленинград), майор Жерлицын (Ленинград), подполк.Туркин (Сыктывкар)

5-6. Зампрокурора Ленинграда по надзору за КГБ Катукова и Большаков

7. Судья Исакова

III. Персоны акциденталис, т.е. допрошенные:

1. Альтшулер Дина Яковлевна, оконч. ИнЯз 1959, ст. инж. ВНИИГ

2. Введенский Сергей К., бармен кафе "Флора"

3. Волохонский Лев, дважды сидел за политику

4. Воротников, владелец "жигулей"

5. Гессе Наталья Викторовна, 1913 г.р., редактор, Ленинград, ул.Пушкинская 18, кв.61, нынче в США (хотя позже, в апреле, была по этому делу обыскана, но по несущественности попадает не в рубрику I, а в рубрику III)

6. Дзуцева Валентина Татархановна, Орджоникидзе, ул.Крупской 9

7. Длин Юрий Л., инж. с того же завода, что и Завельский

8. Зильбербрандт Евгений Лазаревич, оконч. физмех ЛПолит. ин-т, работает в ФизТех ин-те, Ленинград, Загородный 13, кв. 35, муж Кунгуровой

9. Иванова Ольга, дочь Д.Д.Прокофьевой

10. Кобец Юрий Владимирович, сотрудник ВНИИГ

11. Комиссаров Юрий [...]

12. Краско Алевтина Александровна, оконч. Книготорг. техникум 1971, Ленинград, Маклина 26,25

13. Кунгурова Любовь В., оконч. Текстильный ин-т 1976, жена Зильбербрандта

14. Марков Юрий Георгиевич, 1946 г.р., оконч. ЛГУ мехмат 1968, Ленинград, II Комсомольская ул. 6/2, кв. 36

15. Маслова Нина Борисовна, 1939 г.р., оконч. ЛГУ матмех 1962, Ленинград, Салтыкова-Щедрина 18, кв. 7

16. Мельник Ирина, жена Юрия

17. Мельник Юрий Викторович, 1940 г.р., оконч. матмех ЛГУ и три года лагеря по ст.70, Ленинград, Куйбышева 8, кв. 22

18. Михайлова (урожд. Климова) Надежда Михайловна, сестра Климовой, 1948 г.р., оконч. Л.Полит. Ин-т 1971, Луга, ул.Мелиораторов 9, кв.3

19. Михайлов, муж Натальи

20. Михайлова Наталья Николаевна, сослуживица Кунгуровой

21. Мусикова О.В., сотрудница ВНИИГ

22. Настюшенкова Н.П., оконч. ЛГУ филфак 1965, сотр. ВНИИГ

23. Орловская Наталья, буфетчица Публичной библиотеки

24. Осипова Любовь Петровна, 1947 г.р., жена Сомова

25. Перовская Елена П., завгруппой ВНИИГ

26. Соловьев Сергей Владимирович, 1938 г.р., оконч. ЛГУ филфак 1961, Ленинград, III Красноармейская 10, кв.48

27. Стригин Анатолий П., 1955 г.р., рабочий парома, Ленинград, Кожевенная 24, общежитие

28. Тиме Анастасия Георгиевна, мать Андрея

29. Тиме Дмитрий Александрович, сын актрисы, сидел, реабилит., отец Андрея

30. Тиме Ирина, жена Андрея

31. Тиме Михаил Дмитриевич, брат Андрея

32. Цвилев Геннадий Иванович

33. Цывьян Леонид Михайлович, оконч. Полит. Ин-т 1962, ст.инж. ВНИИГ

34. Шустрова Нина Яковлевна, 1947 г.р., ЛГУ, философ.фак., Ленинград, ул.III Пятилетки 135/20, кв.45

35. Яблоницкий Андрей А., 1934 г.р., оконч. эконом. ин-т, сотр. ВНИИГ

и, возможно, еще некоторые лица. Общее число свидетелей, допрошенных официально, =35, а в нашем перечне некоторые допрашивались неофициально, по месту работы, без протоколов.

IV. Персоны латентэ, то бишь закулисные:

полк. В.И.Третьяков, полк. В.С.Новиков, генералы Д.П.Носырев, В.В.Федорчук, В.М.Чебриков, Ю.В.Андропов, покойный маршал Л.И.Брежнев;

а с другой стороны:

Рейган, Солженицын, Авторханов, Бернштам, Борисов, Войнович, Гуль, Дедюлин, Довлатов, Ерофеев, Зиновьев, Копелев, Кузьминский, Максимов, Мандельштам Н.Я., Солсбери, Цветаева

а также множество статистов, суетящихся, стукачей, свободомыслящих.

Пролог в небесах

В 1970 был арестован Р.И.Пименов по такой схеме:

В ноябре 1969 хорошо осведомленные люди сообщили ему, что такие-то сотрудники КГБ в официальной беседе произнесли: "Мы решили арестовать Пименова". Через полгода, в апреле 1970 в г.Обнинске в общежитии протекли краны и, спасая вещи от затопления, уборщицы случайно раскрыли чемодан Зиновьевой, увидели слова "сталин" и "хрущев", вызвали "органы" и показали им. После этого была задержана Зиновьева и ее друг Ивановский, он дал на нее показания, а она на Пименова и Вайля, после чего органы произвели обыски у Пименова и Вайля, которые позже арестованы на базе показаний Зиновьевой. Штрих: когда Пименов в суде требовал вызвать свидетелями помянутых уборщиц, суд ему отказал.

Пролог на земле

По слухам, не позднее 22 октября 1982 Климову предостерегали относительно близкого ареста. А через месяц, 12 ноября, бармен Введенский в сопровождении Андрея Тиме собирался вернуть Климовой взятые им у нее тамиздатные книги ("Сила и бессилие Брежнева" Авторханова, "Искусство под бульдозером" Глезера и "900 дней" Солсбери). Так как Тиме едва держался на ногах от пьянки, то Введенский остановил проезжавшие "Жигули" и водитель Воротников подвез их до Баскова переулка. Оставив Тиме и сумку с книгами в машине, Введенский поднялся на 2 этаж к Климовой, узнать, дома ли она; ее не было. Спускаясь, он увидел ползущего на четвереньках Тиме, покинувшего машину, забыв там сумку. "Жигули" уехали. Обнаружив тамиздат, Воротников передал его в КГБ, где по записной книжке установили Введенского. Допрос состоялся 28 ноября. 30 ноября была задержана Климова и допрошен Тиме, который дал обширные показания против Климовой и был отпущен; так как Климова не могла вспомнить чего-то, нужного следствию, ей был оформлен арест со 2 декабря. Штрих: ни Введенский, ни Воротников не явились в суд, и суд согласился не настаивать на их вызове.

О главной героине
(не все)

Маргарита Климова родилась в Ярославле 15 сентября 1938, отец Михаил Александрович, слесарь, мать Вера Михайловна, короткий срок работавшая учительницей, а большую часть жизни домохозяйка. Старший единоутробный брат Смирнов Анатолий Тихонович, полковник авиации (летчик-испытатель), Москва, ул.Степана Шутова 6/1, 58, тел.3770348, жена, сын. Сестра младшая Надежда, в браке Михайлова, при материальной помощи Климовой училась в Ленинградском Политехническом Институте, поселилась в Луге, где работала старшим экономистом; муж Алексей Иванович, есть дети. С 1980 в Луге же отдельно от Надежды живут родители Климовой: Луга-2, ул.Мелиораторов 9, 3. Маргарита очень заботилась о своих лужских родственниках, но духовно они были весьма далеки от нее и она практически не вводила их в курс своих обстоятельств. На суде из всех родственников присутствовала только Надежда, равно как и свидания после приговора просила только она.

Хронологический лист предарестной жизни Климовой выглядит примерно таким:

1956-61 училась на отделении славистики филологического факультета Ленинградского университета. Жила в общежитии, где завязала сотни, если не тысячи длящихся знакомств. Из имен, известных в литературном мире и бывших в ту пору на ты с нею, можно назвать: Иосиф Бродский, Яков Гордин, Рид Грачев, Виктор Соснора. Для характеристики широты ее знакомств показателен такой эпизод: когда в 1972 она захотела познакомиться с Пименовым, она знала только то, что тот живет в Красном Затоне вблизи Сыктывкара. Но приехав в Сыктывкар, она сразу же разыскала свою приятельницу, с которой жила в общежитии в студенческие годы (хотя совсем иного факультета), а так как та работала а Академиии наук, то не только приютила Климову, но и познакомила ее с Пименовым. Как хорошо запоминала Климова людей, видно из того, что когда в 1978 зашла речь о Сергее Юрьевиче Маслове, она сразу же вспомнила, что была с ним в одном стройотряде, когда после зачисления в ЛГУ всех медалистов на пару недель отправили в колхоз, хотя ни тогда более, чем парой фраз, не обменялись, ни после никогда не пересекались.

На последних курсах Университета и в первые годы по его окончании Климова подрабатывала также в "Спутнике" (аналог "Интуристу", но по соцстранам) месяц-другой в году. Была комсомольской активисткой и пользовалась в "Спутнике" хорошей репутацией. Даже ездила в Болгарию к какому-то функционеру ЦК комсомола Болгарии, доводилось ей в Сочи-Москве минут 10-15 общаться с Хрущевым и Ворошиловым, кажется, в 1962. Решительно уверяет, что никаких спецпроверок перед такими встречами не проводилось.

Учебный год 1961/62 проработала по распределению учительницей под Волховым. С осени 1962 работала переводчицей в ВНИИГидротехники, в Ленинграде, Гжатская ул. Непосредственной ее начальницей была Е.П.Перовская, выше - Акулова. Начальник отдела кадров помог Климовой получить сначала временную прописку, потом постоянную, потом - получить жилплощадь в части

деревянного ведомственного дома в Песочной. Тем временем Климова жила на случайных квартирах своих подруг, преимущественно на ул.Верности у Инессы Витальевны Мухиной и у Дины Давыдовны Прокофьевой. Мухина работала в Ленинградском отделении Математического Института (ЛОМИ) и, кажется, познакомила Климову с подававшим блестящие надежды аспирантом Андреем Тиме. У Мухиной же жила в 1974-76 ее "приемная дочь" Любовь Кунгурова.

Около 1966 был оформлен кратковременный неудачный брак Климовой с Алексеем Алексеевичем Котовым. Фамилии она не меняла, совместного жилья ни у кого из партнеров не было, брак быстро распался, но развод оформлен только в 1973. Детей не было.

К 1973 удается обменять жилплощадь в Песочной на комнату в коммунальной квартире в Ленинграде, ул.Жуковского 30, 15; в 1975 из-за капремонта ее переселяют рядом на Басков переулок, где появляется телефон. К этому времени у нее уже солидная библиотека, которая резко расширяется с получением собственного жилья. По оценке следователя в 1982 библиотека Климовой составляла 4000 томов. К концу 60-х годов Климова перестает работать в "Спутнике", но приятельских отношений с тамошними знакомыми не утрачивает. Она вообще не рвет ни с какими своими друзьями: ни с теми, что дослужились до капитанов-полковников КГБ, ни с теми, что спились учительницами в Волхове-Тихвине, ни с теми, что работают в кассах Аэрофлота, ни с теми, что ушли в священники.

К 1967-68 относится ее знакомство с зубным врачом Александром Кацем, имевшим и охотно дававшим обильный самиздат. В кругу Каца знакомится с Володей Ильиным, интеллигентным рабочим, и Натаном Завельским, интеллигентным мастером на производстве. Примерно тогда же знакомится с Андреем Тиме, а несколько позже - с Константином Кузьминским, объединявшем вокруг себя неофициальных поэтов и художников Ленинграда до своей эмиграции в 1975. В кругу Кузьминского вращались такие позже ставшие широко известными имена, как Юлия Вознесенская (Окулова), Виктор Кривулин, Наталья Лесниченко, Борис Иванов, с некоторыми из которых Климова тоже сблизилась[138]. Позже Вознесенская и Кривулин приняли участие в работе "Семинара по общей теории систем", руководимого С.Ю.Масловым - еще в ту пору, когда заседания протекали на матмехе, а Иванов посвятил себя изданию журнала "Часы".

Арест Пименова в 1970 вызвал много сочувственных и прославляющих Пименова толков в среде математиков, поэтому естественно, что Климова раздобыла экземпляр мемуаров Пименова "Один политический процесс", Андрей Тиме уселся перепечатывать его, а она полетела в Сыктывкар знакомиться с автором - в 1972.

К 1974 Климова была уже знакома с Володей Борисовым, работавшем в идеальном сочетании с Ириной Каплун, а через Пименова познакомилась в 1975 с Михаилом Бернштамом, позже одно время работавшим секретарем у Солженицына, а в 1978 познакомилась с Сергеем Дедюлиным ("Память").

---

[138] Îá ýòîì êðóãå ñì.: Âîçíåñåíñêàÿ Þ.Í. Çàïèñêè èç ðóêàâà.: ñá. Æóðíàë “Ïîìèñêè”. Äîêóìåíòû è ìàòåðèàëû./Äîêóìåíòû ïî èñòîðèè äâèæåíèÿ èíâêîìóñëÿùèõ. Âûï. 3. Ì.: Ìàíîðàìà, 1995. Ññ.79-91.

В начале 1978 Климова заболела пиелонефритом в тяжелой форме. Побочным следствием этого явилось обострение отношений на службе: прежде Климова много и охотно ездила на сельхозработы, за что имела массу отгулов, что давало ей возможность получать свободные дни для встреч со знакомыми по своему усмотрению. Теперь сельхозработы для нее стали исключены, отгулов не возникало, а потребность-привычка отлучаться с работы не уменьшилась. Подскочило число телефонных разговоров по служебному аппарату, Перовская стала прохаживаться насчет "поклонников" Климовой, напряжение быстро переросло в обоюдную ненависть. К тому же к 1978 из ВНИИГа эмигрировало 16 приятелей и приятельниц Климовой, сменился контингент сослуживцев. Она стала искать иное место работы.

В 1979 стала заметна слежка за телефоном Климовой (в коммунальной квартире), а при появлении Пименова или Дедюлина - наружное наблюдение. Одна из соседок Климовой проговорилась, что ей поручено следить за нею. В поисках новой работы Климова обратилась, в частности, к знакомым по "Интуристу", те стали уговаривать ее поступать к ним, дошло почти до оформления, но в 1980 на последнем этапе возник непреодолимый отказ.

Осенью 1981 Климова ушла из ВНИИГа и с помощью одной из своих связей устроилась зав.архивом одного экспериментального НИИ-завода.

Вела обширную переписку с заграницей, в частности, с женой Марамзина Татьяной Султановой. Домой ей звонили из-за границы, в частности, Борисов. Хранила часть архива Кузьминского и часто встречалась с его матерью Евдокией Петровной Захарычевой; получала письма-записочки от Кости как по почте, так и через оказии.

22 октября 1982 случайно встреченным в театре знакомым со смехом рассказывала, что ее на днях посадят. О полученном предостережении поведала Наталье Викторовне Гессе, но та ее высмеяла: "Да кому ты нужна, чтобы тебя арестовывать? Чего ты о себе воображаешь?!" - и даже не сообщила Пименову про этот разговор.

Обыск у Климовой и пятерых других санкционирован прокуратурой Ленинграда 29 ноября 1982, в понедельник. Арестование заранее не санкционировалось, но дело с самого начала называлось "Дело №14 Климовой".

Эскиз духовного облика Климовой таков. Это человек, обладающий талантом общения с людьми, пользующийся этим даром доброжелательно, с целью помочь-услужить-обрадовать. Высокий уровень таланта общения, умение уговаривать иллюстрируются таким эпизодом. Южный город, разгар сезона, железнодорожные кассы, билетов до такой степени нет, что нет даже очередей перед кассами: "Нет и ничего не будет!". Спутник Климовой (сведения исходят от него) сует голову в окошечко, получает ответ, что билетов нет, и отходит. Климова засовывает голову в то же окошечко, что-то говорит несколько минут кассирше, после чего вытаскивает голову и говорит спутнику: "Давай деньги. Два купейных". Ее сестра на вопрос прокурора сообщила, что когда у нее, Надежды, был болен ребенок, то Маргарита сразу же доставала все нужные лекарства, обеспечивала консультациями нужных профессоров на всех уровнях.

Таких историй можно было бы привести сотни. При всей своей общительности - малоразговорчива и отнюдь не выплескивает своих душевных переживаний или волнующих ее проблем на собеседника. Напротив, производит впечатление скорее скрытной и - по суждению писателя Я.А.Г. - "бесконечно одинокой женщины".

Готовность оказывать услуги - фантастическая. Вот, например, писатель А.Е.Х. рассказывает об обстоятельствах их первой встречи. Она ничего тогда о нем не знала, как и он о ней, но с подругой зашла после работы навестить больного студента на сельхозработах. Посочувствовали, ушли, подруга по своим делам, а Маргарита направилась в лес, набрала (сентябрь!) с полкружки земляники часа за полтора и принесла больному, которого только что впервые увидела. Таких эпизодов - несметное число. Каждый из ее приятелей мог бы припомнить то повествование, как Маргарита присмотрела ему пальто в другом городе, заметив, что он ищет такое именно пальто, но не находит; то про то, как рискуя собой, покрывала его отсутствие на работе в служебное время; про то, как, узнав, что ее знакомый нуждается срочно в крупной сумме денег для вступления в жилкооператив, Маргарита занимала у всех своих друзей-приятелей суммы помельче и, сложив, вручала этому нуждающемуся; про то, как в период отсутствия кофе предпринимала титанические усилия, чтобы раздобыть несколько килограммов его для жены своего знакомого, жившей в провинции; про то, как чутко выслушивала свою подругу, утверждавшую, что с нею в психбольнице несправедливо обращались, и добивавшуюся, чтобы ее выслушал какой-нибудь диссидент, имеющий выход на Сахарова, дабы пожаловаться тому, и Рита улаживала-таки требуемую встречу. Не случайно на курсе Климову порой называли "совестью курса". Это не следует понимать в высоком штиле, сопоставляя с такими именами, как Грановский в XIX или Сахаров в XX веке, но все то честное и хорошее, что провозглашала "Комсомольская правда" в рубрике "Не проходите мимо!" в конце 50-х и начале 60-х годов, Маргарита Климова впитала и сделала естественным элементом своего повседневного поведения. Например, никогда, дома ли, в другом ли городе, не выбрасывала несъеденный хлеб, а собирала его, уносила и, раскрошив, скармливала голубям-воробьям-синичкам-чайкам. Самое ее знакомство с барменом Введенским вызвано было этим стремлением сделать приятное знакомому. Ее предостерегали: "Зачем тебе нужно это знакомство? Этот бармен - такой скользкий человек!". Она отвечала: "Револьт терпеть не может ходить в рестораны из-за хамского в них обслуживания. А я ему теперь покажу ресторан, где его примут по высшему классу". И покупала расположение бармена: взамен остродефицитного культурного обслуживания официантом - обеспечивала того остродефицитным тамиздатом, который спрашивал у нее этот бармен.

Ни в каких группах-комитетах Климова никогда не состояла, хотя очень тесно контактировала с В.Борисовым, Львом Волохонским и, кажется, с Альбиной Якоревой, т.е. деятелями или экс деятелями СМОТа ("Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся"), а также с художниками и поэтами. За последний год перед своей эмиграцией к ней частенько забегал живший неподалеку на Ковенском переулке Дедюлин, в промежутке между обысками у него по делам альманаха "Память" оставлявший у нее то

машинку, то футляр от машинки (последнее - дабы сбить со следа наружное наблюдение). Сама она в последние годы пусть не часто, но регулярно бывала у Маслова, все более привлекавшего к себе внимание КГБ, и у Гессе, которая в глазах КГБ была главным каналом связи Ленинграда с сосланным в Горький Сахаровым. Контакты ее с Пименовым сделались вполне регулярными. Никаких писем-воззваний Климова никогда не подписывала, хотя со многими подписантами была знакома. В демонстрациях протеста ни разу не участвовала, как, впрочем, последние лет пятнадцать и на казенные демонстрации не ходила. По идеологическим вопросам практически не высказывалась - словами. Редко произносила более одной-двух фраз подряд на теоретические темы. Вообще, нельзя назвать ее интеллектуальной или очень умной. В ее словах на суде, что из 39 книг, распространение которых ей инкриминируется, она прочитала только 6 книг, есть помимо обычной судебной фальши и доля правды: у нее не было вкуса к обсуждению неконкретных, хотя бы и жгучих, вопросов. Но ту смачную картину жизни, которая дана в "Светлом будущем" и "Зияющих высотах", она ценила и восторгалась этим автором. Другой автор, нравственную позицию которого она понимала и отстаивала, был Г.Померанц. Позиция Маргариты Климовой в социально-политически-культурном противостоянии последних десятилетий шла и определялась не от литературы, не от публицистики, не от имени теоретиков или историков. Она вытекала из жизни.

Климова была плоть от плоти советский человек (автор из НТС написал бы "подсоветский человек"). В том свежем возрасте, когда в психике человека фиксируется "импринтинг", на нее обрушились разоблачения и упования середины 50-х годов. Это годы, когда труп Сталина вышвыривался из Мавзолея, а Программа партии ТОРЖЕСТВЕННО ОБЕЩАЛА своему народу, что в 1980 мы будем жить при коммунизме, что к тому же году догоним и перегоним Америку по мясу-маслу-молоку на душу, что к тому же году каждая семья будет иметь квартиру, в которой комнат будет по числу членов семейства плюс одна... Годы, когда создавались “Добровольные народные дружины” с тем, чтобы постепенно заменить собою органы милиции, предназначенные к отмиранию вместе с отмиранием государства при коммунизме... Правительство как никогда делало много хорошего для своего народа и в духовном, и в материальном отношении, и верилось всем его еще более заманчивым обещаниям. И все это духовное кипение свалилось не на москвичку-ленинградку, а на вовсе неподготовленную провинциалку из Ярославля, неподготовленную и потому, что окончила школу с золотой медалью, т.е. лучше всех усвоила всю официальную шкалу ценностей, неподготовленную и в том смысле, что в ее семье никогда не случалось репрессий; жили целиком вне этого круга проблем. Зато с детских лет присутствовала проблема "жилищных условий": жили в коммунальном доме семей на 40, а единственная уборная находилась во дворе (дом снесен лишь в 1980). В те же годы все хорошее ассоциировалось у Климовой с интересами ее сокурсников, а те в массе своей искренне жили и радовались всему хорошему, что шло от правительства. Характерно, что когда в ноябре 1956 года в Ленинградском Университете состоялось обсуждение романа Дудинцева "Не хлебом единым", то Климова про него слушала (сама

не присутствовала) отнюдь не под тем углом, под которым описал Пименов это событие в "Одном политическом процессе", не под углом зрения свободомыслящих той поры, а под тем углом, что ведший у них занятия аспирант Иезуитов выступал-де с хорошим докладом, которому какие-то плохие люди помешали; и напомним, что именно над Иезуитовым издевался Пименов в своем выступлении, что именно Иезуитов нынче входит в состав высокопоставленных редколлегий по литературным публикациям. То были годы, когда Солженицына выдвигали на Ленинскую премию. Когда вдруг стали публиковать Коржавина, и он разъезжал с гастролями, а Маргарита бережно хранила тоненькую книжку с горстью его стихов. Годы, когда Аксенов, Владимов, Галич, Гладилин, Копелев, Максимов, Некрасов, Поповский и десятки таких же были ПАРТИЙНЫМИ писателями - хотя бы некоторые формально были беспартийными - несшими слова правды. И свершался "импринтинг" - Климова впитывала эти слова, запечатлевала их имена. Тогда рождалась и крепла вера, что можно будет и дубленку заиметь, и честным человеком остаться.

Это настроения и чувства, начисто незнакомые людям, родившимся после 1945-50 годов. Ибо в конце 60-х еле-еле, заметно лишь для внимательнейших наблюдателей, начался процесс, потекший лавинообразно к середине 70-х годов: сдвигание геологических слоев в социуме советской страны. Один пласт сначала отказывался от партбилетов, а затем эмигрировал, или из комсомола шел на муки в Мордовию, порой потом опять-таки на Запад. Другой пласт жил, разрастался и крепчал без нравственно-политических переживаний, обзаводясь дубленками, жигулями, должностями. Но те, кто шел дорогой борьбы, в основном оставались еще вне поля зрения Климовой. А вот перемещение за рубеж основных носителей советской общественно-литературной мысли времен XXII съезда, конечно, самым естественным образом привлекло внимание Климовой к тамиздату. Если она "по указанию Хрущева" пронзилась "Одним днем Ивана Денисовича", если в бытность Солженицына членом Союза Советских Писателей она жадно читала слепые перепечатки "Ракового корпуса" и "В круге первом", то было бы неестественно, если бы она не искала публикаций того же Солженицына в его эмигрантскую пору. Это гораздо естественнее, нежели выдвинутая ею на суде схема: интересовалась-де поэзией Цветаевой, а ее произведения и письма публиковались сначала на Западе, вот и познакомилась с тамиздатом, а после по неразборчивости и других авторов брала. Был и интерес к Цветаевой, бесспорно, даже очень интенсивный интерес, но существеннее МАССОВОЕ ЯВЛЕНИЕ в духовной жизни советского общества, которое воздействовало на позицию Климовой. Ведь вместе с этим сдвигом в литературном мире пласт уносил с собой и личных друзей и подруг Климовой: их эмигрировали десятки, если не сотни.

В эту сторону увлекали Климову духовные привязанности ее студенческих лет. В ту же сторону толкало Климову и крушение материальных надежд студенческих лет. Зарплата ее не выросла, скорее, напротив, убавилась после ухода из "Спутника", а кофе подорожал вчетверо, лекарства - вдвое, книги - вдесятеро. Правда, при своих всепроникающих знакомствах она достала и дубленку без

переплаты, и джинсы ей прислали из США. Но деньги обесценивались, материально жить становилось все невыносимее. И закрывались "Сырные" и "Колбасные", исчезала не только вязига, но и просто вобла. Неразрешаемой проблемой делалось вкусно угостить забежавших на вечерок знакомых и постоянным бременем лежало, как и чем поддерживать живущих в Ярославле родителей. А на политинформациях ее начальница Перовская требовала восхвалять растущее благосостояние. И, естественно, Рита переходила на позиции тех, кто говорил правду. Собственно, она не меняла своих позиций - позиций XXII съезда - хотя реализация оных выглядит в 80-е годы причудливо.

Повторим, что Климова испытывала определенное равнодушие к теоретическим и историческим концепциям, предлагающим те или иные объяснения-рецепты. Это не исключало случаев, когда она произносила что-нибудь вроде: "Вот ты умный, так объясни, почему деньги все дешевеют и дешевеют, и чем же все это кончится?!". Из ответа на такой ее вопрос мог вырасти трактат, где объяснялось, что инфляция вызвана военной промышленностью, рабочим которой баснословно платят за производство и обслуживание вещей, не являющихся предметами потребления или услугами, а лица, заработавшие сии деньги, тратят их как раз в сфере предметов потребления или услуг; могла возникнуть дискуссия, когда рабочие таких заводов категорически заявляли: "Рабочие оборонной промышленности не потерпят закрытия оборонных заводов. Ищи выход в ином!" Но сама Маргарита в таких диспутах уже не принимала участия, разве что подкладывала спорщикам грибков да подливала водочки. Возвращаясь к более личным качествам Климовой, надо подчеркнуть, что она была стопроцентно self-made woman, которая добилась всего исключительно своими собственными усилиями, не имея ни выгодного старта в карьере, не обладая никаким покровителем-спутником, который бы вел ее по жизни. Исключительно своей энергии и предприимчивости обязана она, например, тому, что получила ленинградскую прописку - не в результате удачного распределения при окончании вуза и не посредством брака; знакомые с ленинградскими прописочными порядками согласятся, что это потруднее, нежели в США стать миллионером. Во всю свою жизнь Климова никогда ни к кому не прислонялась как к опоре, она никогда ни с кем не вела совместного хозяйства. В итоге она привыкла полагаться только на себя, ее уверенность в себе приобрела черты самонадеянности, а ее решительность окрашивалась тем, что она ни с кем не советовалась относительно решительных действий. Гордость ее толкала ее оказывать помощь другим людям даже тогда, когда, заболев, она не имела на то физических сил, а сама она скрывала свои страдания, не звала на помощь, и порой друзья являлись к ней только тогда, когда очередной приступ сваливал ее на пол без сознания. Этот стиль - отсутствие жалоб - сохранила она и в тюрьме, когда всем - на допросах, на очных ставках, на свидании - внушала с улыбкой, как прекрасно ей живется тут...

Возможно, это самоуверенное поведение Риты было причиной того, что мысль о возможности ее ареста никогда не приходила в голову в ее присутствии и с нею не обсуждалась. Тем меньше могло бы прийти в голову беседовать с нею о том, как надо держаться на

допросах. Хотя в изголовье ее дивана рядом с Евангелием стояли Комментированные УК и УПК, а в руки ей наверняка попадались разнообразные "Памятки" о том, как надлежит вести себя на следствии, можно с уверенностью сказать, что она никогда не читала ни памяток, ни кодексов: скучно. К тому же, позднейшее поколение правозащитников развило в основе своей здравые идеи до полной их нежизнеспособности и практической неприменимости. Достоверно можно вспомнить лишь один эпизод, когда она обсуждала поведение на суде: в 1975 Рита мучительно переживала публичное покаяние Марамзина и недоумевала, как он мог так низко поступить. Тогда Пименов убеждал ее, что поносить Марамзина не за что: "Никто не имеет права требовать от другого быть героем. Марамзин никого не выдал, поэтому нравственно судить его никто не может. Он не пожелал стать образцом поведения и героем - это его личное дело. Я не буду ни хвалить, ни укорять его". После этого Климова перестала ругать Марамзина. И эти слова припомнились ей в числе первых, когда ее бросили в тюрьму.

Декорации на сцене или размещение клеток на арене колизея

За 15 лет управления КГБ Ю.В.Андропов сумел - не без помощи недальновидного поведения А.И.Солженицына - решительно изменить положение свободомыслящих в политической картине. К 1967 году эта картина была ТРЕХЦВЕТНА, в ней присутствовали - не сводясь друг к другу - три независимых элемента: официальная партийная линия, резко расходящиеся с этой официозной линией мнения ряда советских людей и даже официальных деятелей (вроде Твардовского, чтобы не углубляться в эту тему), и оголтелая западная пропаганда, желающая ликвидировать советский строй в корне. Органом первых были официальные пресса-радио-телевидение, органом вторых был самиздат, т.е. машинописный-рукописный материал, авторы которого были советские люди и который в принципе предназначался для публикации в советской прессе (когда официальные лица поумнеют) с целью укрепить-оздоровить именно советский строй, органом третьих было радио и крошечные фрагментарные типографские произведения, изданные на Западе эмигрантами. Андропов резко расширил каналы, по которым свободомыслящие могли бы контактировать с эмигрантами (некоторые каналы возникали полностью вне его контроля, но он этому не препятствовал) и в результате удобный типографски переплетенный тамиздат практически вытеснил в обращении прежние груды слепой машинописи, т.е. самиздат как таковой умер. Даже произведения еще остававшихся в СССР авторов чаще всего стали теперь приходить с Запада в типографском виде и порой с предисловиями в духе третьей позиции. А иные из авторов, начав с публикаций у Твардовского, быстро эволюционировали (и такой агрессивный автор, как Солженицын, ругал общество, что оно не успевает эволюционировать в ногу с ним) в направлении третьей позиции. В итоге к 1982 картина стала двухцветной, в ней остались только две позиции: официозная и оголтело-эмигрантская. Соответственно в обращении среди свободомыслящих превалировали типографски изданные на Западе книги и их фотокопии или ксерокопии.

В мае 1982 председателем КГБ стал Федорчук, ретиво искоренявший до того инакомыслящих на Украине и поставивший своей главной задачей ликвидацию КАНАЛОВ связи с заграницей; он внес в Верховный Совет законопроект о борьбе с ксероксами на государственной границе как с главным врагом благосостояния советских трудящихся. При нем в Ленинграде были арестованы Емельянов и Долинин; последний был очень близок к С.Ю.Маслову, но тот погиб в автомобильной катастрофе вскоре после ареста Долинина. Еще ранее в Ленинграде был арестован Репин, который к этому времени уже потек. Начальником УКГБЛО с 1979 был Носырев, имевший прочные оперативные привычки. 10 ноября был арестован писатель - сталинский зек Дмитрий Аксельрод, роман которого "Красовские" то ли был передан за границу, то ли был схвачен при передаче. В числе знакомых Аксельрода числились Вознесенская, Волохонский, Климова. 15 ноября состоялись похороны Брежнева, во время которых в Ленинграде были предприняты меры по предупреждению антиправительственных демонстраций. Обыски по делу Климовой прошли 30 ноября. 8 декабря арестован Волохонский.

17 декабря Федорчук сменен на Чебрикова, бывшего до того 15 лет начальником отдела кадров КГБ, а до того - секретарем горкома. Судя по статьям в газетах, нет никаких корней для недовольства в Советском Союзе, а оно искусственно ввозится в СССР агентами Рейгана посредством тамиздата; в этом духе Репин в апреле из-под следствия дает телеинтервью. Репин, обвиненный по ст.64, предусматривающей лишение свободы на срок НЕ МЕНЕЕ 10 ЛЕТ, приговаривается всего к ДВУМ ГОДАМ лишения свободы (плюс 3 года ссылки); Волохонский же, обвиненный по ст.70, предусматривающей лишение свободы от 6 месяцев до 7 лет, но не кающийся в суде, приговаривается к 5 годам лишения свободы и 4 годам ссылки. Еще разительнее роль покаяния видна в московском деле "неомарксистов". Арестованные обвинялись по ст.ст. 70 и 72 (организация), дело было закончено следствием и передано в суд, но на этой стадии до суда пятеро раскаявшихся и подавших на помилование были помилованы и выпущены на свободу в мае 1983; нераскаявшийся Ривкин осужден на 7 лет. В Ленинграде возникает политическое новшество: на процессы по ст.70 и ст.190 стали пускать публику. Так было на процессах Аксельрода, Цурковой, Репина, Долинина и др., Волохонского, Климовой. В Москве же по-прежнему не пускали (на середину 1983). Никаких эксцессов из-за допуска публики не возникло.

Сужая обзор ближе к Климовой, мы видим, что в 1981 ее знакомого полковника ГБ неожиданно переводят в другой город. Вскоре после этого, в первой половине 1982 года в числе ее знакомых оказывается Толя Стригин, очень молодой рабочий из провинции, который через каких-то писателей познакомился сначала с Сомовым, а у Сомова - с Климовой. Он очень интересуется "знать правду", настойчиво выспрашивает литературу "почитать" и ищет знающих людей познакомиться. В частности, сильно упрашивает Риту познакомить его с Пименовым. В начале ноября 1982 Стригин рассказывает Климовой, что одного его знакомого - Воронов - "дергали", после чего решает "очиститься" и приносит Климовой на хранение чемодан примерно книг. На допросы Стригин был вызван из первых, в одной обойме с Введенским, Кунгуровой, Тиме. Обыска у него не было. Со всеми обысканными он был знаком.

Конкретные материалы на Климову

Насчитывается 6 зафиксированных бумагами мотивов к аресту Климовой на конец ноября - начало декабря и можно догадываться еще о двух, документально не оформленных.

М.М.Климова. Ленинград, 8 марта 1981.

1. В октябре 1982 Андрей Тиме познакомил Климову с Сергеем Введенским. Тот оказал Климовой ряд продуктово-театральных услуг и настойчиво интересовался "почитать". 10 ноября Климова дала ему книги Авторханова "Сила и бессилие Брежнева", Глезера "Искусство под бульдозером" и Солсбери "900 дней". 12 ноября Введенский и Тиме, едучи в машине Воротникова, забыли эти книги в автомобиле, после чего Воротников с соответствующим заявлением сдал их в КГБ.

Это - четкая формальная причина, именуемая "сигналы трудящихся".

2. В конце октября Юрий Мельник познакомил Климову с буфетчицей Публичной Библиотеки им.Салтыкова-Щедрина Натальей Орловской. Та оказала Климовой ряд выдающихся продовольственных услуг, бралась добывать дефицитную плитку, в которой нуждался то ли Ильин, то ли знакомые Ильина, и назвалась книжницей. После того, как Маргарита обнаружила, что роман "Мастер и Маргарита" сия "книжница" именует "Мастер и Маргаритка", домогаясь получить несуществующее "парижское издание" его, Орловская уточнила, что "книжник" - ее муж, а она для него достает. Климова рассудила: "Я полгорода кормлю ее печенкой, она мне достала твердой колбасы столько, что всем ленинградским моим знакомым ее не съесть, так угожу и я ей", - и дала 19 ноября Орловской книжку Гуля "Одвуконь". Орловская (или ее муж формально) написала заявление в КГБ, и в воскресенье 28 ноября Наталья Орловская была допрошена по этому заявлению.

Это тоже четкая формальная причина той же категории. Кроме того, видно, что торопились.

3. В конце ноября в КГБ поступило заявление Мельник Ирины, написанное крайне безграмотно и безграмотным почерком, хотя по профессии она учительница. В заявлении Ирина сообщает, что ее муж Юрий Мельник в последнее время спит плохо, нервничает, не ест. Она стала допытываться, что с ним. Нехотя он признался, что некая Маргарита Михайловна Климова дала ему пакет с непроявленными пленками, зная, что он занимается фотографией, и просила проявить их для нее. Он согласился услужить ей, но по проявлении нескольких штук из большого числа оных, разглядел, что на них снят какой-то антисоветский текст. Он испугался, остальное не стал проявлять и отложил-засунул. Теперь же она требует от него этот пакет, а он уже сидел, не хочет связываться с антисоветчиной и боится. Он не знает, что делать, а Ирина просила КГБ помочь ему. Сам пакет с пленками (частично непроявленными)

"Социалистического Вестника" (и, возможно, чего-то еще) был приложен.

Это тоже четкая формальная причина той же категории. Стоит лишь отметить, что, хотя Климова для протоколов подтвердила все, написанное в этом заявлении и повторенное на допросах Мельников Ирины и Юрия, она на самом деле никогда не давала сего пакета Мельнику.

4. В те часы, когда Климова была еще дома и у нее лишь шел обыск, в УКГБЛО, т.е. в Большой Дом, были вызваны близкие к Кунгуровой лица: Михайлова Наталья, муж Натальи и муж самой Кунгуровой. Все трое допрашивались об обстоятельствах распространения Кунгуровою Любовью криминальной литературы на заводе, где работали Кунгурова и Михайлова, полученной Кунгуровою от Климовой. Все они вспомнили все, что знали, о причастности именно Климовой к указанной литературе, хотя никаких улик им не предъявлялось, да и не было, ибо сия литература давно уже была возвращена Климовой. Саму Кунгурову допрашивали на следующий день, и она дала показания, нужные для оформления ареста Климовой, который и был санкционирован на завтра.

Сами по себе сии показания являются четкой формальной причиной для последующих акций против Климовой, но в деле не видно четких оснований для вызова именно этих лиц; по-видимому, именно эти сведения подразумеваются во фразе обвинительного заключения: "Дело возбуждено по оперативным данным, поступившим в УКГБЛО...".

5. Андрей Тиме сразу же после обыска (собственно начал во время обыска) 30 ноября и на последующих допросах до 2 декабря для санкционирования ареста Климовой, дал обширные показания, уличавшие Климову.

Эти показания являются четкой формальной причиной, а сам вызов на допрос и обыск у него убедительно мотивированы после получения показаний Воротникова (см. п.1).

6. Стригин в своих показаниях 1-2 декабря подробно показал, как "навязывала" ему, несмышленышу, старшая его двадцатью годами Климова литературу, которую он, Стригин, по совести признает антисоветской; он даже написал соответствующее заявление, от которого, впрочем, в зале суда отрекся.

Эти показания являются формальной причиной, а вызов Стригина на допрос совершенно естественно мотивирован тем, что он случайно пришел к Завельскому во время обыска у того, причем у Стригина была обнаружена подозрительная литература, которую, по его словам там же, он возвращал Завельскому. Правда, несколько странно, что самого Завельского не торопились вызывать на допросы.

7. По ходу первых допросов Климовой, с их постоянным выходом на Волохонского и Andre можно думать, что следствие всерьез усматривало ниточку от Климовой за границу и к СМОТ, хотя никаких бумаг, подтверждающих эту догадку, нет.

8. По непрерывным настойчивым вопросам Климовой о Пименове можно думать, что следствие всерьез усматривало нечто криминальное в поведении Пименова, известное Климовой, хотя никаких бумаг, подтверждающих эту догадку, нет.

АКТ I
ЗАНАВЕС ПОДНЯТ - ОБЫСКИ

На основании вышеуказанных материалов (и, конечно, других) прокуратура Ленинграда санкционировала проведение обысков у шестерых лиц: Завельского, Ильина, Климовой, Пименова, Сомова и Тиме; дело №14 Климовой по ст.70. Эти обыски состоялись, начавшись между 06.55 и 09.30 утра 30 ноября (хотя подготовительные к ним мероприятия, например, приискание понятых и фиксация нужных лиц на своих местах, осуществлялись за сутки и ранее) на квартирах указанных лиц, причем у Тиме состоялся также обыск на даче. Протоколы этим обыскам в сокращении и с пояснениями приводятся ниже.

8 декабря по другому делу был арестован Лев Волохонский, после чего был произведен обыск в квартире его сестры, где он жил. Так как этот протокол обыска приложен к делу Климовой, мы его тоже воспроизведем в сокращении.

17 апреля 1983 формально на основании каких-то неизвестных показаний Климовой, а фактически потому, что рассчитывали перехватить нечто, привезенное лично от Сахарова, по делу Климовой был произведен обыск у Натальи Викторовны Гессе; протокол приводится.

17 мая по указанию Климовой, но в ее отсутствии у нее в опечатанной комнате была произведена выемка; протокол с юмористическими комментариями приводится.

Больше обысков в связи с этим делом не было, причем удивляет отсутствие обыска у Кунгуровой; к ней накануне обысков приходили зафиксировать, проживает ли в эти дни она дома или нет (под видом "из детсада").

Обыск у Климовой

Начат в 06.55, кончен в 10.15, 30.11.82, Басков пер.

Проводили майор Автух (позже арестовывал Волохонского) и сотрудник КГБ Кипятков при понятых. Кроме Климовой никого не присутствовало, когда они постучали, она спала, не сразу постигла, что "это они". В отличие от всех прочих протоколов, скрупулезно отмечается МЕСТО ИЗЪЯТИЯ.

На предложение выдать литературу, изданную за рубежом, Климова выдала книгу Максимова "7 дней творения" и фотоснимки книги Довлатова "Невидимая книга" - 43 снимка. Это находилось в тумбочке у кровати.

После этого изъято:

I. В тумбочке справа от входа:
1. Машинопись "Основы гостеведения", 4 стр.
2. - “ - "К.Кузьминский", 20 стр.
3. - “ - "К.Кузьминский. Ель", 22 стр.
4. - “ - он же, "Тайгин", 30 стр.
5. - “ - Д.Бобышев "Попытка тишины"
6. - “ - "Биография Роальда Мандельштама"
7. - “ - Стихи разные, 45 стр.
8. - “ - "Борис Валенчик"
9. - “ - 8 стихов-философем (И.Губермана)
10. - “ - Охапкин "Душа городов"
11. - “ - Анри Волохонский, 9 стр.
12. - “ - Кузьминский "Томъ"
13. - “ - Кузьминский, сборник № 35

II. В книжных шкафах справа:
1. Блокнот "Дневник № 1"
2. Конверт с бланком таможенной декларации
3. Записная книжка-алфавит
4. Ксерокопия М.Цветаевой "неизданные письма", 3 тома
5. Квитанция № 7041701 (на часы)
6. Листок "Имел бы я златые горы..." (Губерман)
7. Записная книжка
8. Расписание передач "Голоса Америки"
9. Ксерокопия М.Булгаков "Собачье сердце"
10. Вл.Сосинский "Воспоминания"
11. Машинопись Ерофеев "Москва - Петушки"
12. - “ - Татьяна Мартынова "Рыбный день", вложена записка

III. В тумбочке торшера:
1. Запись от руки: "Револьт, в Уголовном кодексе..."
2. Машинопись Булгаков "Письмо к правительству"
3. - “ - Бомер Хаим "О непотребном на потребу"
4. Книга Цветаева "Проза", Нью-Йорк, 1953
5. Карточка с надписью "Зимичев"
6. Машинопись "Девочка перед дверью" с посвящением

IV. В коричневой хозяйственной сумке:
1. Машинопись Г.Наан "Власть и дух"

V. В шкафу прямо при входе в комнату:
1. Зиновьев "Светлое будущее"

2. Машинопись "Четвертая проза" (Мандельштам О.). На обложке надпись "Я.Гордин"

3. Папка с машинописями "Мужик", "Гость", записи, письма

4. Альбом с цветными фотографиями

5. Папка с записью "С.А.Кугель", где письма и телеграммы Климовой, чистые листы бумаги

6. Конверт со снимками и ксерокопиями снимков

7. Конверт с 13 письмами из-за рубежа

8. Альбом с почтовыми открытками

VI. На платяном шкафу:

1. Журнал для бухгалтерских записей

2. "Книга учета"

3. Машинопись Ерофеев "Москва-Петушки"

4. Сименон "Maigret et les femmes recalcitrants" с посвящением "Дорогой Револьт..."

5. 9 зарубежных изданий все со штампом "Револьт Иванович Пименов":

- Doorways in the Sands
- An unsuitable job for a woman
- Almuric
- The terminal man
- The secret sea
- The piper on the mountain
- The frightened wife
- In other side of Midnight
- Mistery house

(Все девять - детективы и фантастика)

VII. В бежевой сумочке:

1. Записная книжка в серой обложке

2. Записная книжка в коричневой обложке

3. Книжка для выписок со вложениями фото и текстов

4. Почтовое отправление Пименову

5. Два письма Климовой из Голландии (от Ескина или его жены)

6. Два листка записей адресов и телефонов

7. Конверт с записью телефона

8. Печать мастичная

VIII. В закрытой части книжного шкафа возле кровати:

1. Ксерокопия "Письма Цветаевой к Тесковой", Прага 1969

2. - “ - книги Волошина

3. - “ - текста Кузьминского

4. Фотокопия книги М.Булгакова "Зойкина квартира"

5. Расписка Климовой о займе 1000 руб. у Пименова

6. Пять конвертов с почтовыми отправлениями из Сыктывкара, адрес отпечатан на машинке

7. Письмо Кузьминскому

8. Две телеграммы Климовой из Москвы, одна из Сыктывкара

9. Конверт с двумя групповыми фотографиями (проводы Кузьминского)

IX. На столе в комнате:

1. Пишущая машинка марки Consul

X. В шкафчике над холодильником:

1. Листок с отпечаткой литер пишущей машинки

2. Картонка и 2 листка с адресами и телефонами

XI. Внутри дивана-кровати:

1 Две пачки почтовых отправлений Климовой

XII. В шкатулке возле дивана:

1. Три международных почтовых отправления на имя Климовой

Кроме того - в тумбочке торшера ручка с надписью Invisible ink, а на платяном шкафу - две книги учета.

На протоколе расписка Климовой в получении и приписка следователя "За справками обращаться Литейный 6, Приемная УКГБЛО".

Климовой объяснили, что ее не арестовывают, но надо задать ей несколько вопросов в связи с изъятым и потому ее ПРОСЯТ проехать сейчас с ними в Большой Дом, после чего она отправится на работу; это она специально уточнила, спрашивая, что брать с собой. Незаметно для них она сумела сбросить одно письмо Пименова, бывшее у нее в сумочке, которую она взяла с собой, а также попросить соседку А. позвонить по такому-то телефону Нат.В.Гессе и сообщить, что ее увезли. Соседка эту просьбу выполнила, Гессе в тот же вечер позвонила Пименову.

Суммарно у Климовой изъято 80 предметов, но подавляющее количество явно не криминально; часть позже возвращена Надежде. По объему криминала у Климовой взято меньше, чем у кого бы то ни было другого по этому делу, за исключением Сомова. По местонахождению отдельных вещей можно умозаключать, что она собиралась выносить кое-что из дому.

Среди многочисленных записных книжек и "книг учета" был изъят блокнот-алфавит (п.II-3), в котором Климова предельно лапидарно помечала обращение книг, проходивших через ее руки (см. допросы Кобеца, Кунгуровой, Шустровой). Эти записи - что кому она давала - вызвали определенную сенсацию среди знакомых Климовой, хотя вроде бы серьезного следственного значения не имели. Они несколько затрудняли позицию свидетелей, но умные свидетели легко справлялись с этим затруднением.

Позже следователь Баланев предлагал протокол Надежде Михайловой (сестре), но та отказалась: "Мне не нужен, пусть у вас полежит", взяла только в мае 1983. Из-за того, что Надежда была совершенно чужда кругу интересов Маргариты, а протокол обыска оставался не прочитанным общественностью, имели хождение слухи о том, что-де было изъято. В частности, бытовало мнение, будто бы, уведя утром Климову, гебисты продолжали обыск до самого вечера и только тогда опечатали комнату. Надежда уверяла, что-де "больше всего было изъято Пименова и Гордина", что свидетельствует, что она мельком видела протокол, но совершенно не поняла, что ничто, изъятое в связи с Пименовым, некриминально ни при какой погоде, а Гордин затесался потому, что в папке с его именем лежала машинопись О.Мандельштама (п.V-2), да было еще несколько вырезок его статей и т.п.

Следствие в тот же день известило сестру Климовой в Луге и ее брата, который как раз наездом был в Ленинграде и в этот вечер предполагал с Маргаритой идти в театр, об ее аресте.

Радиостанция "Свобода" сообщила об аресте Климовой через неделю, а второй раз она помянула имя Климовой в передаче 8 марта, посвященной женщинам-политзаключенным.

Обыск у Завельского

Натан Завельский, 1940 года рождения, работает мастером по турбинам в некоем НИИ, связанном с Трубопроводом. С Климовой знаком с 1968. Поддерживал контакт с "черным" книжным рынком. В частности, следствие интересовалось его причастностью к Гелию Донскому (спекуляция тамиздатом) и Михаилу Мейлаху. В день обыска находился в отпуске и намеревался вечером уезжать, с чем связано появление у него гостей, пришедших проводить его; отложил отпуск на после суда над Ритой. Проживает с братом Зиновием (Женя) в коммунальной квартире, тел. 2772863.

Обыск начат 07.05, окончен 18.55. Проводили майор Жерлицын и майор Климчицкий. Помимо понятых, хозяев при обыске находился Садовников Вл.В., а позже вошли (и вынуждены были оставаться до конца): Марченко В.А., вошел в 17.40 с текстом мемуаров Пименова; Стригин, вошел в 17.45 с текстами Флоренского и Бердяева; Длин Ю.Л., вошел в 18.45 без ничего. Все присутствовавшие были подвергнуты личному обыску. Обыскиваемый отказался оказывать помощь в обыске, как записано в протоколе. В протоколе не отмечалось, где что изъято, записывалось хаотически, ниже материал перегруппирован тематически.

I. Типографские книги и листки:
1. Медведев "Кто сумасшедший?"
2. Солженицын "Ленин в Цюрихе"
3. Зиновьев "Записки ночного сторожа"
4. Максимов "Карантин"
5. Листовка (проспект) изд-ва "Посев", несколько номеров
6. Мераи "13 дней", 1961
7. "Россия в начале XX века" , 1972
8. Э. Килиан "Избранное", 1975
9. Е.Игнатова "Стихи о причастности", Париж, 1969
10. Хомяков "Стихи", Монреаль, 1966
11. Орбах "Рикша", 1978
12. "История США", Нью-Йорк
13. "Гнозис", 1978
14. Бердяев "Философия неравенства", 1970
15. "Белая книга", Москва, Юрид. Лит., 1979

II. Периодические издания:
1. Континент, 1977, №11
2. Посев, 1976, октб-дек.
3. Менора, 1965, №8
4. Статья К.Кузьминского Dostoevsky`s cowboy из газеты Austin Sun от 3 августа 1977
5. Трезвон, 1979, №4, в 4 экземплярах

III. Электрографические копии типографских текстов:
1. Сахаров "Статьи", 302 стр.
2. Дудко "Наши упования"
3. Солженицын "Архипелаг ГУЛАГ", т.2
4. Тейяр де Шарден "Феномен человека", Париж 1959
5. Псалмы Соломона, Казань 1896
6. Епископ Ипполит "Творения Блаженного Августина", 1901
7. Чаадаев "Философические письма", Казань 1906

8. Чаадаев "Литературное наследство"
9. Картер Браун "Жертва"
10. Кузмин "Новый Гуль", 1924
11. Цветаева "Неизданные письма" 1972
12. Белый "Петербург" 1928
13. Цветаева "Лебединый стан. Перекоп"
14. Махабхарата. Бхагавадгита, 1950
15. Хармс "Избранное" 1974
16. Куприн "Браслет" 1906
17. А.А.Заудлер "Бог и мир" 1948
18. "Об А.Шопенгауэре" 1902, 5 стр., 3 экз.
19. П.Д.Успенский "Символы Таро", Пг., 1917
20. Розанов "Опавшие листья"
21. Потапов "Словарь жаргона преступников" М., 1927
22. Флоренский "Иконостас" - изъята у Стригина

IV. Машинописные тексты:

1. Аксельрод "Красовские", отрывок на 124 стр., на 10 стр. и на 46 стр.
2. Яков Винковицкий "Письмо из России в Россию"
3. Солженицын "Архипелаг ГУЛАГ", т.3
4. "Хроника текущих событий" № 45 1977, № 4 1969
5. Даниель "Говорит Москва"
6. "Памятная записка"
7. Бернштам "Азбука коммунизма"
8. Алешковский "Николай Николаевич"
9. Померанц "Выступление в ин-те философии" 03.12.65
10. Солженицын "Ленин в Цюрихе"
11. Солженицын "Бодался теленок с дубом", отрывок на 100 стр.
12. Солженицын. Интервью
13. Некролог
14. Письмо Косыгину, в 2 экз.
15. В Секретариат СП
16. Солженицын "Письмо IV съезду писателей"
17. Королевскому Нобелевскому Фонду
18. В Комитет Прав Человека СССР
19. "Моск. обр-е"
20. Бухарин "Будущему поколению руководителей партии"
21. О снятии Хрущева
22. Уважаемый тов. редактор
23. Записка адвоката Б.А.Золотухина в защиту Гинзбурга
24. Л.Чуковская "Гнев народа"
25. Письмо 29 деятелей культуры
26. Раскольников "Письмо Сталину"
27. Замятин "Мы"
28. Заявление соседа секретаря Смольнинского райкома
29. Заявление Коншиной Г.В. прокурору Ленинграда
30. Список книг обменного фонда
31. Дополнение к каталогу прейскурантов букинистической книги 1977, 26 стр.
32. Каталог издательства Academia
33. Ерофеев "Москва - Петушки"
34. Амальрик "Просуществует ли СССР до 1984?"

35. Пименов "Один политический процесс" - изъято у Марченко
36. Бердяев "Духи Русской Революции" - изъято у Стригина
V. Фотокопии текстов:
1. Солженицын "Архипелаг ГУЛАГ", т.2, в 2 экз.
2. Джилас "Новый класс"
3. Рукописная листовка: "Копия. К советскому народу. Среди океана демагогии... пишите свой знак", 4 стр.
4. Солженицын "Раковый корпус"
5. Зиновьев "Зияющие высоты", часть страниц отсутствует, часть в 2-4 экз.
6. Аксельрод "Красовские", отрывок на 280 стр.
7. Панин "Записки Сологдина"
8. Ивинская "В плену времени", 1972
VI. Фотопленки:
1. Пленка Микрат чистая
2. Пять пленок: 107 + 53 + 106 + 153 + 151 кадр, в том числе Шаламов "Колымские рассказы"
3. Проявленные негативы, 2 штуки
VII. Рукописные тексты:
1. Записные книжки 6 штук
2. Листок бумаги с рукописным текстом "Менора журнал 1975 № 20 13" Обыскиваемый пытался уничтожить листок, успел порвать на три части, но его действия были пресечены
3. Список литературы на трех листах
4. Лист "Миша, это твое. Взята тайна..."
VIII. Документы - просроченные или чужие:
1. Командировочное удостоверение Завельского
2. Студенческий билет Скрипской И.Г.
3. Удостоверение Коняшина
4. Два удостоверения общественного санитарного инспектора
IX. Вещи:
1. Фотоаппарат "Зенит", изъят у Стригина

Стригин сразу объяснил, что все, найденное у него, он принес возвратить Завельскому, у которого-де брал это раньше.

По протоколу видно, насколько "гуще" криминал у Завельского, нежели у Климовой.

Завельский не задерживался, с 7 по 15 декабря его расспрашивали в спецчасти его НИИ, а на официальный допрос вызвали только 12.01.83.

Обыск у Ильина

Владимир Ильин, рабочий-разметчик, знаком с Климовой с 1968. Женат, имеет сына-пятикурсника, которого за поведение отца на допросах исключили в мае 1983. Сам активист рабочего движения. Лежал в больнице с диагнозом "склероз". Знаком с Лесниченко, Якоревой, Борисовым, тел.2493571.

Обыскивал кап. Фунтиков по поручению кап[итана] Баланева. В протоколе иногда под одним номером содержится до десятка наименований - видимо, лежало в одной папке. Изъято 156 пунктов:

I. Зиновьев "Записки ночного сторожа"
2. Войнович "Иванькиада"
3. "Является ли любовь искусством?"
4. "Техника современного секса"
5. Авторханов
6. Максимов "7 дней творения"
II. Типографская периодика:
1. Посев, 1981, № 5, 6, 7
2. Газеты
III. Электро- и ксерокопии:
1. Белый "Петербург", 2 экз.
2. Левин А. "Люди остаются людьми"
3. Орлов В. "Пути-дороги римских пилигримов"
4. Беседы В.Перельмана и З.Шаховской "Третья эмиграция"
5. Синявский "Театр Галича"
6. Марголин Ю. "Сентябрь 1939"
7. Г.Глинка "Дневник Горького"
8. Б.Герлонд "Кто отравил Горького"
9. Чаадаев "Апология сумасшедшего"
10. Чуковская "Поэт и палач"
IV. Машинописные тексты:
1. Солженицын "Случай на станции Кречетовка", 2 экз.
2. Померанц "Сон о справедливом возмездии", 2 экз.
3. Аксельрод "Красовские", отрывок
4. Солженицын "Бодался теленок с дубом", несколько отрывков
5. "Хроника текущих событий" № 3, № 54 (4 экз.), № 55 (2 экз.)
6. Протокольная запись заседания
7. Некрич "Сокрытие исторической правды - преступление перед народом"
8. Информационный бюллетень СМОТ, № 1, № 2 (2 экз.), № 3, № 20, № 21
9. "Искупление"
10. Барабанов "Забытый спор"
11. Зиновьев "Светлое будущее"
12. Пименов "Один политический процесс"
13. Чаадаев "Письмо от 20 апреля 1847"
14. Анатолий Лупинос ... стандартных линз. Рагайкинс"
15. В.Ф.Ильин "К сожалению, нередки случаи ...", 2 экз.
16. "Уехали в сентябре СССР покинули ... об НТС и Лубмане"
17. Мнячко "Агрессоры"
18. Письмо украинских политзаключенных генеральному прокурору

19. Бернштам и Борисов "Пленник Тихого Дона"
20. Третий Толстой. Автобиографические заметки.
21. Высоцкий "Песни"
22. Альбрехт "Как вести себя на допросе"
23. Открытое письмо Сталину
24. Чуковская "Ответственность писателя и безответственность ЛГ", 2 экз.
25. "Начало всего"
26. "Которой теоретически немыслимо"
27. Л.Красиков "Товар № 1"
28. "Нависают над пропастью ... на небе вечера"
29. Стихи
30. Цветаева "Герой труда"
31. Стихи "Пути России"
32. Геллер "Ленин и ВЧК"
33. "Протопоп Аввакум"
34. Цветаева "Бальмонт и Брюсов"
35. "Международный комитет по борьбе с ..."
36. "Избранные места из бесед с проф. Матвеевым"
37. "Из XVI психбольницы г.Москвы"
38. Л.Владимирова "Стихи"
39. "Размышление об одном приговоре"
40. Солженицын "Этюды и крохотные рассказы"
41. С.С.Смирнов "Чего же ты хочешь"
42. Синявский "Последнее слово"
43. Галич
44. "Часы"
45. "Объяснил тем, что при ... на выезд он умер"
46. Сахаров "О стране и мире"
47. Солженицын "Письмо IV съезду писателей"
48. Оргпринципы СМОТ
49. Никитин "Письмо генеральному прокурору"
50. Никитин "Прошло более года"
51. "Мы обращаемся ко всем"
52. "Заявление ... хиппи ... конец"
53. "Илья Григорьевич"
54. Стихи: Галич, Коржавин, Бетаки
55. Суд над Синявским и Даниэлем
56. "Черняховская психбольница ... в калужской облпсихбольнице"
57. "Введение. А.Д.Сахаров..."
58. Стихи "Знаки Зодиака"
59. Замятин
60. "Ильин сидит в казанской психбольнице ... из-за воинской дисциплины"
61. Объяснение Снисаренко А.А. прокурору Ленинграда
62. Письмо Луцкому Ю.К.
63. В "Советскую Россию" по поводу конституции
64. "Конкретно кому представалась ... я подписала"
65. "Философия подлости"
66. Мандельштам
67. "Вы пытались стать профессиональным поэтом ... он был рожден под знаком Ио"

68. "Творчество В.Филимонова ... адресованная XXV съезду, рассмотрена"
69. Мандельштам "Камень"
70. Мандельштам "Стихи 1930-37"
71. Гумилев
72. "Последнее слово ... никто не может"
73. Солженицын "Секретариату ССП"
74. Солженицын "Образованщина"
75. "Жена Евгения Абезгауза ... был привязан к"
76. "Поцеловал меня ... восстали с дру-"
77. "Ко всем честным людям Земли"
78. "Копии в минздрав СССР"
79. Орловский "Моя позиция"
80. "Слава Иисусу Христу"
81. "Программа мира, ограничение вооружений и методов ведения войн"
82. "Казачков Михаил Петрович ... Мичуринская ул. 11 кв.133"
83. Обращение делегатов I съезда "Солидарности"
84. Бродский "Шествие"
85. Цветаева "Лебединый стан"
86. Стругацкие "Сказка о тройке"
87. Мандельштам "IV проза"
88. Стругацкие "Гадкие лебеди"
89. Войнович "Иванькиада"
90. "Перед Финляндским вокзалом ... черный глянцевый"
91. Габриэль Маркес
92. Алешковский "Николай Николаевич"

V. Фотокопии:

1. "На перевале"
2. Пименов "Заметки о книге Марченко "Мои показания""
3. С машинописи "От редакции ... Н.Л.Струве"
4. Зиновьев "Светлое будущее"
5. "Эта книга - не воспоминания ... на скамейке бульвара можно"
6. Хроника текущих событий № 16
7. Аксельрод "Красовские"
8. Солженицын "Бодался теленок с дубом"
9. Авторханов. Гл.17. Ленин, оппозиция и VII съезд
10. Суханов "Летопись Революции"

VI. Фотографии:

1. Солженицына и Галича
2. Высоцкого
3. неизвестного

VII. Фотопленки:

1. Одна

VIII. Рукописи - всего 45 пунктов, очень невнятно описанных, в которых мелькают имена: М.Булгаков, Л.Чуковская, Андрей Павлович Дементьев, Олег Николаевич, Г.Свирский, В.Коновалихин, Э.Орловский, А.Твердохлебов, Л.Богораз, Ю.Андропов, Н.Лесниченко, Зайденшнап, Г.Н.Михайлов, Ю.Окулова (Вознесенская), Л.Волохонский, Ю.Рыбаков, О.Волков, Г.Н.Трифонов, Катукова, В.Ф.Ильин

IX. Вещи:

1. Зачетная книжка Ильина от 15 сентября 1962
2. Лента для пишмаш, 2 шт.
3. Пишмаш Олимп
4. Фотоаппарат, 2 шт.
5. Копирка, в частности, копиркой переложены 2 экз. "Бодался теленок"

Обыск продолжался до позднего вечера, едва он кончился, как чуть-чуть не пересекшись, к Ильину пришла Лесниченко.

На допросы Ильин не вызывался до 15 января 1983.

Число изъятых предметов равно 190, при числе пунктов в протоколе 138, причем некоторые в нескольких экземплярах и явно размножаемые, так что "криминальный улов" существенно весомее изъятого у Климовой.

Обыск у Пименова

Математик и писатель, справку о нем см. в альманахе "Память". Проживал с женой, сын учился на II курсе матмеха ЛГУ, откуда исключен в апреле 1983. Телефон 20887.

В 09.10 подполковник Туркин, ранее допрашивавший Пименова по делам Ю.Шихановича, М.Хейфица, С.Пирогова, пришел на работу к Пименову, услал вон находившуюся в кабинете сослуживицу и известил Пименова, что по делу Климовой по ст.70 у него дома будет произведен обыск. Пока они шли, Туркин успел выказать хорошее знакомство с устными рассказами Пименова относительно обстоятельств обыска у Пименова в апреле 1970; это тем симптоматичнее, что в последний раз эту историю Пименов рассказывал именно Климовой.

Начат обыск в 09.30, окончен 19.40, проводили подп.Туркин, майоры Жилин и Шомысов, при понятых и в присутствии жены Пименова Вилены Анатольевны Пименовой.

Обыскиваемый указал места хранения литературы - на книжных стеллажах. Были обысканы также кухня, ванная, туалет и кладовка, где ничего не обнаружено. Изъято:

I. Книги:
1. Довлатов "Невидимая книга"
2. Григоренко "Сборник статей"
3. Емельянов "Десионизация"
4. "День политзаключенного 30 октября 1975"
5. Антонов-Овсеенко "Портрет тирана"
6. Московит "Метаполитика"
7. Твердохлебов "В защиту прав человека"
8. Антонович "Многосемейная хроника"
9. Авторханов "Загадка смерти Сталина"
10. Сборник "Ленин", Лондон 1969
11. Бергер "Крушение поколения"
12. Шапиро "Коммунистическая партия СССР"
13. Солженицын "Ленин в Цюрихе"
14. Редлих "Сталинщина как духовный феномен"
15. Осипов "Три отношения к родине"
16. "Из-под глыб"
17. Samizdat, New York, 464 стр.
18. Кропоткин "Завоевание хлеба" 1906
19. Кропоткин "Речи бунтовщика" 1906
20. "Судебный отчет по делу ... право-троцкистского блока", 1938
21. "Памяти Алексея Евграфовича Костерина" 1969
22. Справочник АН

II. Зарубежные периодические издания:
1. Новый журнал № 108, 136
2. Вестник русского христиан. движ. № 106, 122, 131
3. Время и мы № 42 (2 экз.), № 56
4. Эхо № 4
5. Посев 1981 № 1
6. Синтаксис 1978 № 2, 1980 № 8
7. L’Alternative, 1981 No 13

8. Хроника текущих событий № 1-15 (в одном переплете), № 57
9. Континент № 5, № 22
10. Грани № 108, № 110, № 113
11. Социалистический Вестник 1940 № 13, 1952 №№ 1-7
12. Альманах самиздата № 1 1974, № 2 1975

III. Переплетенные в виде книг листы с машинописными текстами:

1. Белинков "Страна рабов"
2. Фишер "Жизнь Ленина" т.1-2
3. "Часы" 1980 № 28, 1982 № 35
4. "Персоналии к политической истории СССР"

IV. Подборки с машинописными текстами:

1. Заявление Сахарова Федорчуку от ноября 1982
2. Ленин "Письмо членам Политбюро" о церкви
3. Геллер "Ленин и ВЧК"
4. Спекторский "Происхождение современной власти", §§ 1-24, причем §§ 23-24 в 2-4 экз.
5. "Памяти Ирины Каплун"
6. "Надо бы перевести на русский язык"
7. "Рождение сталинизма"
8. "С бериевцами во Владимирской тюрьме" - 2 разных экз.
9. "Простите, сокращения не очень удались"
10. "Высшая государственная тайна"
11. Бернштам "Пленник Тихого Дона"
12. -”- "5 сентября"
13. -”- "Неотлагаемое будущее"
14. -”- "Большевистский орден"
15. -”- "О настоящем и будущем русского народа"
16. -”- "Об азиатском способе производства"
17. -”- "Два заявления по поводу аннулирования советско-американского торгового договора"
18. -”- "О советской политике косвенного обложения"
19. -”- "Об универсальности азиатского способа производства"
20. -”- "Поднятая целина реального социализма"
21. -” "От составителей сборника «Через топь»"
22. Хроника текущих событий № 60
23. Р. "О раскаянии, о нации и о личности "
24. Пименов "О социальном диалоге"
25. Пименов "О Глазунове, о жизни и еще кое о чем"
26. Ахматова "Реквием" 2 экз.
27. Подборка стихов
28. Пименов "Жизнь Ивана Щербакова на фоне времени"
29. "Персоналии к политической истории СССР" - черновик
30. Реферативный журнал "Сумма" §§ 1-5
31. Скуратов "Русский национализм и сионизм"
32. Рецензия на А.Кузнецов "О бедности народа"
33. Пименов "Замечания к книге Марченко "Мои показания""

V. Репродукционные (фото) копии печатных текстов:

1. Б.Вайль "Особо опасный"
2. Солсбери "900 дней"
3. "Из глубины"
4. "Память" № 3
5. Авторханов "Происхождение партократии"

6. Спекторский "Происхождение современной власти" §§1-27
VI. Общая тетрадь с рукописной сказкой "Феникс"
VII. Листы с рукописными записями адресов и т.п. - 3 шт.
VIII. Документы, относящиеся к Климовой: ее фотография и копия письма Пименова ей от ноября 1978
IX. Пишущая машинка "Мерседес"
X. Магнитофонные кассеты - две, без прослушивания

В ходе обыска пришла телеграмма сомнительного содержания от В.Коновалихина, текст ее внесен в протокол.

Пименов был вызван на допрос 7 декабря. От дачи показаний не отказался, см. ниже. В январе 1983 по указанию ГБ приостановилось печатание монографии Пименова "Общая анизотропная теория относительности", предпринятая Коми филиалом АН. 31 марта 1983 спецчасть Коми филиала АН "арестовала пишущую машинку марки "Москва" номер такой-то", находившуюся в служебном кабинете Пименова.

Обыск у Сомова и Осиповой

Георгий Сомов познакомился с Климовой через Михаила Бернштама году в 1975. Познакомил с ней Стригина в 1982. Вращался в писательских кругах и имеет приглашение в США от Бернштама, но сидит в отказе. По этой причине, а также из-за любви к спиртному, работает последние годы на случайных местах; до 30 ноября работал групповодом для экскурсантов по Ленинграду. Так как их столовая размещена в доме Климовой (вход с ул. Маяковского), то частенько ненадолго забегал к ней. После обыска уволен, устроился сторожем. Жена его Осипова хорошо общалась с Климовой. Она 1951 года рождения. Телефон 2988473.

Обыск начат в 08.00, кончен в 13.20. Проводили майор Карабанов и кап. Сергеев. При понятых, присутствовали оба обыскиваемых.

В ответ на предложение "выдать", выдали фотокопию книги Зиновьева "В преддверии Рая" в трех коробках. Изъято после:

I. Машинописи:

1. "Порядок действий при отъезде"
2. "Правовые основы выезда из СССР на постоянное местожительство в другие государства"
3. Булгаков "Письмо советскому правительству"
4. Отрывок из беседы корр. Голоса Америки с Солженицыным
5. Хаксли "Прекрасный новый мир"
6. Приложение к сборнику "Евреи в СССР" XI-XII 1975
7. В.Дюков "Возвратная денежка"
8. В.Дюков "Ночной марафон"
9. В.Дюков "Страна слов"
10. В.Н.Благих "Салон-статья"
11. "Художник ниоткуда - опыт анонимной монографии"

II. Ксерокопии:

1. "Искусство омолаживания через самомассаж"
2. С машинописи Евг.Закладный "Парапсихология"
3. С машинописи "Крыши городов ... Вольнолюбивая независимость сердца"
4. Со стихами и текстом

III. Фотокопии:

1. С машинописи "Справка. Михайлов Георгий Михайлович ... начальник спецкомендатуры № 5 кап. милиции А.И.Светенок"

IV. Рукописи:

1. О феминистическом движении в СССР
2. "У самого истока - корифей ученых Сосо"
3. "Георгию Сомову ... Георгий Михайлов"
4. "Собирались нанять ... венграм поперек"
5. "Какою ценою дается нам монополия внешней торговли"
6. "Столыпинские ... Ежов-Берия, конец 1938"
7. Общая тетрадь
8. "Полемическая статья ... не станет жестче"
9. From Mrs. Galina Socolova 3475 Ross Rd Palo Alto CA 94303 to Mr. Georgii Pavlovich Somov
10. "Уведомление ... Эдуард Шнейдерман 272-74-94"

Сомов на допросы вызывался только в марте 1983, Осипова допрашивалась уже в декабре 1982. Всего у Сомова изъято 26 предметов, меньше, чем у Климовой, и по числу, и по значимости, однако обыск длился вдвое дольше, чем у нее (у прочих - еще дольше).

Обыск у Тиме

Андрей Тиме - прямой потомок известной театральной фамилии, его отец был репрессирован при Сталине, при Хрущеве реабилитирован. Семья имела дачу (на отца), машину (на Андрея), сам Тиме был дважды женат, имел детей от обоих браков. В середине 60-х годов отец его со своим братом задался целью собрать полную библиотеку самиздата, тогда представлявшего главным образом культурное, а не политическое явление общественной жизни. Андрей принял активное участие в этих замыслах. Как он показывал в суде, "Климова доставала литературу, мой отец и дядя перепечатывали ее на машинке или микрофильмировали и хранили на даче. Климова знала про это размножение". Однако ванная в квартире Тиме была занята самодельным самогонным аппаратом, Андрей стал выпивать, диссертации не получилось, стал работать не математиком, а инженером. Маргарита отказалась выйти замуж за Андрея, хотя ссоры не было и отношения сохранились дружеские. Коллекционирование сам- и тамиздата продолжалось. Тиме все больше пил, перешел работать банщиком - ради чаевых; он похвалялся следователю: "За день больше всей моей месячной зарплаты". Пименов познакомился с Андреем Тиме в 1974, поначалу тот произвел приятное впечатление, но уже в 1975 случился конфликт с пьяным Андреем, после чего тот смог посещать Маргариту только в отсутствии Пименова; она не вводила Пименова в подробный курс своих контактов с Тиме. Сама она не рвала с ним главным образом из-за просьб матери того, Анастасии Георгиевны: "Риточка, спасите Андрюшу! Он только Вас слушает!", - мучавшуюся из-за алкоголизма сына. Он же клянчил у Маргариты пятерки-десятки на выпивку, в чем она отказать не умела, одновременно говорил ей льстивые слова вроде: "Если ты уедешь, от кого же мы будем узнавать все новости? Кто нам скажет, как надо жить?!", - и уговаривал выйти за него замуж, обещая бросить жену и т.п. Он познакомил Климову с С.Введенским и Ю.Марковым.

Обыск происходил 30 ноября на городской квартире Тиме, тел.2147732 при отце, матери, жене, детях, а затем на даче в Ропшино. По-видимому, это предвиделось, ибо на квартиру явилось 12 человек обыскивавших, которым Андрей сразу доложил, что весь криминал хранится на даче, и которые, разделившись, обыскали там и тут; по даче их водил Андрей и указывал. Впрочем, в пьяном виде позже он трепался, будто бы не все показал.

Изъято:

1. Переплетный аппарат
2. Копировальная машина
3-7. Пять пишущих машинок

8-12. Пять фотоаппаратов

13. Порнографические открытки

14-213. Двести экземпляров или наименований машинописей книг, в том числе:

Вестник Русского Христиан. Движения № 115, 116, 119

Копелев "Хранить вечно" с дарственной надписью автора "Дорогим Сереже, Нине и Лене"

Авторханов "Технология власти"

Амальрик "Просуществует ли СССР до 1984"

Максимов "7 дней творения"

Н.Я.Мандельштам "Воспоминания"

Войнович "Иванькиада"

Сахаров "Статьи"

214-513. Триста микрофильмов книг, в том числе:

Даниэль "Говорит Москва"

Копелев "Хранить вечно" без дарственной надписи

Солженицын "Ленин в Цюрихе"

Максимов "7 дней творения"

"Из-под глыб"

Вестник Русск. христ. движ. № 115, 116, 118, 119, 122, 124, 131

Посев 1981 № 5, 6, 7

Континент № 1, 2, 6, 8, 11

514. Записная книжка с записями, кому что давал или брал.

По-видимому, в тот же день Тиме был допрошен, сразу давал уличающие Климову показания. Рассказывал друзьям о допросах, про свои показания говорил нечленораздельно, позже договорился до такой нелепости, будто бы он "только подтверждал показания Климовой", но зато выставлял напоказ и даже преувеличивал роль показаний Введенского и Стригина. В конце декабря по своей инициативе пришел к следователю и выложил дополнительные обвиняющие Климову материалы, списав при этом на Климову и криминал, полученный им от совсем других лиц.

Обыск у Гессе

Наталья Викторовна Гессе - последняя оставшаяся в живых из обитателей известной квартиры "на Пушкинской", лет 25 являвшейся своеобразным "салоном". С Виленой Пименовой знакома лет 25, с Револьтом Пименовым - лет 20, с Климовой - лет 5. После брака с Е.Г.Боннэр, близкой подругой Натальи Викторовны, в этом доме часто останавливался А.Д.Сахаров до его горьковской депортации, и Наталья Викторовна была едва ли не единственным человеком, которому дозволялось ездить в Горький к Сахарову в гости. За квартирой Гессе велось почти нескрываемое наблюдение ГБ. Обыск у Гессе произведен в день ее приезда из Москвы, где она жила у Боннэр, только что вернувшейся из Горького. Постановление на обыск датировано 12 апреля 1983, состоялся он 17 апреля. Климова не помнит ничего в своих показаниях что могло бы хоть сколько-нибудь компрометировать Гессе. Проводил обыск кап. Баланев, беседовавший при этом с Гессе о дурном характере Р.И.Пименова и о его сыне. Изъято:

1. "Время и мы"
2. Джилас "Новый класс", машинопись
3. Пименов "О социальном диалоге"
4. Пименов "О Глазунове, о жизни и еще кое о чем"
5. Л.И.Богораз "Письмо о голодающих ирландцах"
6. Сахаров "О "письме вождям" Солженицына"
7. Любарский "Об отказе Солженицына встретиться с Рейганом"

На допрос Гессе была вызвана на следующий же день, см. ниже.

Второй обыск - выемка у Климовой

17 мая 1983 М.Жерлицын в присутствии понятых и нарочно вызванной из Луги Надежды Михайловой снял печать с дверей комнаты Климовой и, консультируясь с Климовой, находившейся в кабинете кап.Баланева, по рации, начал в 10.50, окончил в 11.35

"Путем беглого осмотра книжных полок в средней секции мебельной стенки внизу среди книг был обнаружен журнал "Эхо" № 4 за 1978 и изъят."

После этого Жерлицын запечатал дверь снова, вернулся в Большой Дом, пришел в кабинет, где были Баланев и Климова, и торжественно вынул из портфеля протокол выемки. "А где сам журнал?" - спросил Баланев. Жерлицын полез в портфель, побледнел и, молвив: "Забыл там!", - помчался уже без понятых и Михайловой, снял печати, схватил забытый на столе журнал, наложил печати и весь в мыле облегченно вручил его Баланеву под смех Климовой.

Этот эпизод с выемкой свидетельствует, во-первых, о халтурности первого обыска, а во-вторых, является важным компонентом игры "в помощь следствию", которой в эти месяцы занимались, с одной стороны, Климова, а с другой - Баланев и Жерлицын. Суть в следующем.

Показаниями ряда свидетелей (Стригин, Тиме) установлено, что Климова имела и распространяла журнал "Эхо", конкретно № 4 за 1978. Этот номер содержит рассказ Рида Грачева "Адамчик" и публикацию Высоцкого. Ни у нее, ни у кого из ленинградцев этого номера при обысках не нашли (хотя, как мы видим, он лежал открыто на полке - "путем беглого осмотра"). Теоретически следствие должно искать, куда делся криминал, хотя, конечно, криминального-то в этом номере нет ничего, но Жерлицын не может этого понять. С другой стороны, у Пименова при обыске изъят этот же номер; при этом Пименов не помнит, откуда он у него, хотя исчерпывающе помнит, от кого и когда получал сотню других произведений. Это и категорическое заявление Пименова, будто бы он никогда ничего от Климовой не получал. Это располагает не доверять его показаниям и, опять же теоретически, следствие должно бы искать, откуда у Пименова этот "криминал". Рождается простое желание "связать две ниточки в одну" и тогда поиски закончены, не выходя из кабинета. Климова в это время доведена до полной готовности из кожи вон демонстрировать следствию свое желание помочь следствию. Таким образом, на допросе 5 апреля она "признает", будто давала Пименову этот номер журнала и "узнает" его в предъявленном ей изъятом у Пименова журнале. Такая мелочь, что при этом нарушается ст.165 УПК (при опознании "предмет предъявляется в группе однородных предметов" - т.е. надо было бы предъявить несколько экземпляров одного и того же номера журнала - и "предъявление для опознания производится в присутствии понятых"), майора Жерлицына, уговаривающего Климову наедине, не смущает. При допросе Пименова 12 мая подп.Туркин уговаривает: "Ну, Револьт Иванович, может быть Климова Вам и не давала этого журнала, он лежал у нее на столе, а Вы сами его у нее захватили?", - чем снимается оттенок

обвинительности в утвердительных показаниях Пименова: ведь если Пименов сам взял журнал, то Климова не повинна в "распространении" и Пименов может "с чистой душой", не становясь свидетелем обвинения, признать это. (Кстати, в промежутке между 5 апреля и 12 маем Климова именно в эту сторону изменила свои показания: я-де ему не давала, этот номер - мой, как и когда он взял - не знаю.) Однако Пименов отрицает. Более того, Стригин в эти дни припоминает даты получения от Климовой "Эха", объективно делающие невозможным получение названного экземпляра Пименовым от Климовой. Жерлицын снова подступает к Климовой и та сдается. Она-то хорошо помнит, что этот номер остался у нее дома, но, не желая "и люльку отдавать чортову ляху", не выдавала его. Кроме того, рядом с этим журналом на той же полке находится кое-что, поступаться чем в пользу следствия ей неохота. Но к этому времени она уже утвердилась в убеждении: "Они дураки. Полные дураки. Сначала я этому не верила, думала, что они прикидываются дураками, чтобы обмануть, но потом поняла, что они настоящие дураки". И решается так указать местонахождение журнала, чтобы рядом стоящее осталось нетронутым.

Обнаружением этого экземпляра попытка связать воедино две ниточки проваливается.

ПРИЛОЖЕНИЕ: обыск у Льва Волохонского

Лев Волохонский, одно время муж Натальи Лесниченко (есть сын), был арестован на улице 8 декабря 1982 по другому делу, но так как его брал тот же майор Автух, что Климову, и так как протокол последующего обыска на квартире сестры Волохонского приложен к делу Климовой, то нелишне дать опись изъятого. В протоколе всего 40 пунктов, но большинство глухо: "Папка", "Тетрадь". Мы укажем лишь те, где содержание или название изъятого обозначены:

2. Папка "Револьт И.П. Фридрих Ницше, к 110-летию"
7. Лист бумаги с типографским текстом на иностранном языке
8. Пепел, обгоревшие листы бумаги.
11. Достоевский, VII том, издания 1895
12. Пятикнижие
13. Фотокопия сочинения "Герметизм"
16. Фотопленка
22. Гроссман "Все течет"
23. 15 листов машинописи под заголовок "Биография Р.И.Пименова" и Айхенвальд "Листопад в Калуге"
26. Пименов "Жизнь Ивана Щербакова на фоне времени"
28. Револьт Вилин "Пять дней из жизни Нины Максаковой"
29. Копирка с оттиском текста
33. Пушкин, избранные произведения, т.1-2
34. Набоков "Дар"
35. Пушкин т.2-3
36. Пушкин т.4
37. Пушкин "Маленькие трагедии"
38. Спекторский "Происхождение современной власти"
39. Записные книжки
40. Две картины

Обыскивали Автух, Сергеев, Куваков, Вельчинский.

Экспертиза установила, что машинописи впечатаны на 9 разных пишущих машинках, а вся рукописная на них правка исполнена одной неизвестной рукой. По слухам, взятие пепла и сочинений Пушкина связано с получением-де Волохонским шифрованной записки от Борисова, расшифрованный текст которой зачитывался Волохонскому часа через 4 после обыска.

Суд над Волохонским состоялся 20-24 мая 1983. Инкриминировались ему 4 эпизода, в том числе два давно прошедшие, по показаниям лагерников. Приговор 5 лет плюс 4 года ссылки.

АКТ II
КЛИМОВА ВЕДЕТ СЕБЯ ВЫЗЫВАЮЩЕ

(декабрь-январь)

Общий взгляд на структуру показаний

Ход допросов известен гораздо в меньшей конкретности, поэтому в изложении будут возможны грубые промахи, но в целом картина представляется достаточно твердо установленной, хотя местами и неясной.

Среди свидетелей выделяется группа лиц, которые в первые же дни дали уликовый материал против Климовой. Это Введенский, Воротников, Зильбербрандт, Кунгурова, супруги Михайловы, Орловская, Стригин, семейство Тиме; суть их показаний см. в разделе "Конкретные материалы на Климову". Упомянутые там же супруги Мельник не фигурируют ни в обвинительном заключении, ни в приговоре, хотя тоже допрашивались в начальной стадии следствия.

Другая группа свидетелей, полностью отпавшая в дальнейшем, не- вызванная именно в первые дни задержания Климовой, - это ее сослуживцы по ВНИИГу: Альтшулер, Кобец, Мусикова, Настюшенкова, Перовская, Цывьян, Яблоницкий. Все они допрашивались по тем или иным записям в блокнотах учета книг, что были изъяты у Климовой, ничего интересного для следствия показать не сумели, в суд не вызывались.

В декабре вызывали также Дзуцеву, Осипову, Пименова, Соловьева и Цвилева. К этим допросам мы обратимся ниже, они ничего не дали следствию против Климовой.

Мы разделяем свидетелей на "декабрьских" и "последекабрьских" из-за того, что само поведение Климовой претерпело где-то в январе существенное изменение, а это сказалось и на изменении характера допросов свидетелей. Следующее изменение в поведении Климовой, которое можно отнести к маю-июню, уже никак не отразилось на свидетелях.

Показания Климовой в первый месяц

Общая характеристика допросов Климовой.

За 6 месяцев состоялось 45 допросов. В среднем по протокольным датировкам ее допрашивали 52 минуты в день, но по ее воспоминаниям допросы у Баланева продолжалиссь обычно меньше, нежели он приписывал на протоколе. Кроме того, на некоторых допросах он, вызвав, не задавал ей никаких вопросов, и они молча сидели друг против друга, после чего ее уводили назад. Интенсивнее ее допрашивал Туркин с 27 января по 15 февраля, в среднем 2 часа 27 минут в сутки, т.е. втрое активнее среднего. Сама она практически не помнит *протоколов* допросов, а помнит *разговоры* во время допросов, в основном не попавшие в протокол, главным образом, как метко она их отбрила.

Когда ее вывели из ее дома, им пришлось довольно долго ожидать машину. Так как от ее дома до Большого Дома рукой подать, то она с шутками стала уговаривать их пойти пешком, но они категорически отказались и дождались-таки машину. В одной из комнат, через которые ее проводили, она увидела Зильбербрандта - "зеленый, запуганный, лица на нем нет" - и, по ее воспоминаниям, окликнула его: "Женька, а ты как здесь?", после чего их немедленно разъединили. По его воспоминаниям, когда его около половины одиннадцатого утра привезли в Большой Дом под предлогом оформления допуска для какой-то секретной работы в Физтехе, он увидел Климову и он ее окликнул: "А ты зачем здесь?", после чего их разъединили. Чья память вернее? Извечный вопрос летописцев... Она же решила, что у Кунгуровой тоже был обыск.

Баланев в 11.00 начал:

- Ну, все рассказывайте о своей антисоветской деятельности!

- Ничего не знаю. С чего это вы за меня взялись? Страшнее меня никого не нашли?

- А кого же и брать, если не вас. Марамзина, что ли, вспомнили? Да уж никого и не осталось. Вот разве что Пименов. Вы его знаете?

- Знаю.

- "Мемуары" его читали?

- Нет.

- Как нет?! (Предлагает ей чай, она отказывается.) Ну, вот вы и поступаете даже так, как он учит в своих мемуарах.

- Не читала.

- А в общем-то он правдиво все описал в них, как следствие шло. Покойный Меньшаков рассказывал. Ну, признавайтесь!

- В чем?

- Ну, тогда я вынужден вас задержать.

Ее отводят в соседний кабинет, составляют протокол личного обыска:

30 ноября 1982, начат 11.45, окончен 12.15, проводила кап[итан] Никольская по поручению кап[итана] Баланева при двух понятых. Графа в бланке "кому предъявлено постановление или разъяснены другие осснования к личному обыску" не заполнялась. Изъято:

1. Паспорт III АК № 690242, выдан УВД Дзержинского р-на на имя Климовой
2. Читательский билет на имя Климовой
3. Пропуск на имя Климовой
4. Рецепт на очки на имя Пименова
5. Квитанция № 845 об отправке бандероли в Сыктывкар

6. Квитанция № 125 об отправке посылки в Нидерланды
7. Четыре металлических ключа на связке

В сумочке деньги советские 33 руб., которые не изымались.

После этого ее передают во внутреннюю тюрьму, именуемую Следственный изолятор УКГБЛО, Воинова 25, почтовый адрес Ленинград-194, п/я 69. Передачи - вторую среду каждого месяца, одна, весом до 5 кг, только от близких родственников, орехов, шоколаду и прочих "разносолов" не дозволяется. Папиросы "Север" тоже почему-то не пропускались. На свои деньги имеет право подследственный закупать в тюремном ларьке на сумму до десяти рублей в месяц.

При шмоне изъяты деньги, кольцо и цепочка, под квитанции. Помещена в кам. 253 на VI галерее, одиночка. Асфальтовый пол, унитаз в камере, сквозняк, окно из гофрированного стекла, круглосуточно электрическая лампочка, лежать разрешалось в любое время.

Характерная психологическая черта. Климова в 1982 перечитала "Один политический процесс" по его публикации в "Памяти". С первых же часов тюрьмы для нее "компасом" служило поведение Ирэны Вербловской на следствии 1957 - НЕ ПОСТУПАТЬ, КАК ТА! Не дойти до "сулемы"! Тем не менее при уводе из ее квартиры Климова - как Вербловская в 1957 - ПОВЕРИЛА, будто ее увозят "на минуточку побеседовать", а потом отпустят домой. Поэтому ничего с собой для жизни в тюрьме не прихватила. Правда, на всякий случай попросила соседку позвонить...

Помимо этого главного принципа Климова в первые же часы вспомнила и приняла к руководству следующие два правила: I. Неосуждающее высказывание Пименова в адрес Марамзина (см. в конце раздела "Духовный облик") и II. Слова Натальи Викторовны Гессе, произнесенные в 1982 при беседе о Репине: "Ну, есть же, Рита, такие очевидные вещи, отрицать которые невозможно". Климова интепретировала их как императив, по которому надо подтверждать то, что следствию уже известно из показаний других лиц. При этом она не требовала письменных показаний, на чем несколько раз (нечасто) ее обманывали (Завельский, Ильин, Соловьев, Сомов). Она думала "чего тянуть", однако ее следствие с единственной обвиняемой затянулось на 6 месяцев, тогда как в 1957 следствие по делу ГРУППЫ закончилось за 4 месяца... Допросы Климовой носили характер устной беседы, т.е. она отвечала на УСТНЫЙ вопрос следователя, не фиксируя его письменно до ответа, и во-вторых, она стремилась ПЕРЕУБЕДИТЬ "собеседника" по существу в части общих оценок жизни, в части того, что она и распространявшаяся ею литература - правы.

Следующий допрос 2 декабря, с 11.55 до 13.15 проводит Баланев в присутствии зампрокурора Ленинграда Большакова.

Климовой предъявляется обвинение в том, что она давала 10 ноября Введенскому антисоветские книги: Авторханов "Сила и бессилие Брежнева", Глезер "Искусство под бульдозером", Солсбери "900 дней", а 19 ноября Орловской - антисоветскую книгу Гуля "Одвуконь".

- Ах, ну вы же сами мне этих людей подсунули, чтобы я им что-нибудь дала, а теперь меня за это судить будете? Ну, дала и раскаиваюсь, что им дала. Но в книгах этих ничего антисоветского нет, одна правда.

На этом или следующем допросе ей предъявляют книгу Авторханова, сданную Воротниковым как забытую в машине Введенским. Она констатирует, что давала Введенскому книгу с таким названием, но экземпляр был сооруженный из фотоотпечатков, россыпью, а ей предъявляют типографскую переплетенную, так что это не тот экземпляр. Следователь в бешенстве. Позже, в апреле она согласилась подтвердить, что этот тот самый экземпляр, который она давала. На допросе 2 декабря Баланев сказал ей, что эту книгу ей дал Завельский, как тот сам-де признал. Климова подтвердила. Завельский же еще ни разу не допрашивался. На том же допросе прокуратура санкционировала арест Климовой - до того она числилась задержанной.

Назавтра 3 декабря с 15.15 по 18.50 говорилось о показаниях Тиме, Кунгуровой, показывалась толстая папка: "Вот Пименов уже столько наговорил" (Пименов еще ни разу не допрашивался). Климова с момента обыска до 27 января пребывала в уверенности, что Пименов арестован. Ее допрашивали по "Алфавиту", где значилось, например, Ю.Кобецу - Спекторский, А.Яблоницкому - Чевенгур. Она дала показания, что Кобецу давала отдельное издание поэмы Пастернака "Сергей Спекторский", 1931 года издания, а Яблонскому - книгу Платонова "Чевенгур". Следствие не верило ей в первой части, настаивая, что речь шла о книге Спекторский "Происхождение современной власти", не верило даже в существование издания Пастернака.

Забегая вперед, сообщим, что Кобец подтвердил, что речь шла в записи о поэме Пастернака, и хотя на дату допроса у него этой книжки не было и следствие ему не верило в существование такого издания, он предпринял труды к разысканию сей книжки, вручил ее следствию, чем этот эпизод был закрыт. Напротив, Яблоницкий, хотя и подтвердил, что получал книжку Платонова "Чевенгур" от Климовой, пояснил, что самую книжку потерял в троллейбусе и представить следствию не может. Оба эпизода, конечно, в обвинение не попали.

Климова объяснила, что литературу, как изъятую у нее, так и даваемую ею Кунгуровой, Тиме, Орловской, Введенскому, она получила в разное время от Бернштама, Дедюлина, Кузьминского.

- Что вы передавали через Волохонского на Запад?
- Бусы.
- А "Спекторского"?
- Нет.
- Какие издания Пушкина вы знаете?
- Не понимаю вопроса.
- Что вы привозили Пименову от Волохонского?
- Ничего.

5 декабря Климову перевели в камеру 199 галереей ниже к двум контрабандисткам: Людмиле Малышевой и Тамаре Даниловой (впрочем, по доверительным шепоткам надзирателей, "Данилова" - не настоящая фамилия: "Она часто под разными фамилиями сидит в разных камерах"). Обе лет на 10-15 моложе Климовой. До перевода Климовой их предупредили: "К вам поместят оголтелую антисоветчицу, резидента СМОТ". "Мы что - ее кормить будем?!" - воскликнула Томочка. Они хорошо питались, ибо руководствовались правилом: “То, чего нельзя купить за деньги, можно купить за большие деньги”. В дальнейшем Томочка не лезла с вопросами к Климовой, а лишь учила ее: "Главное, не рассерди следователя, не ссорься со следователем". Кроме того, выманила у Климовой свитер, о чем позже.

6 декабря с 15.45 по 18.05 допрашивалась о многом, в том числе:

- Где ваш архив?

- Вы все взяли.

- Не скажете, проведем обыск у родителей и брата.

- Проводите.

- Держитесь, как Пименов учил в мемуарах?! Ваш отец тяжело болен, он при смерти. Будете признаваться или хотите его убить? (Молчание.) Хотите написать письмо родным? Я разрешаю.

- Не хочу.

- Тиме показал, что он передал через вас Пименову машинописный текст Фишера "Жизнь Ленина" в двух томах. Подтверждаете?

- Нет, не было этого.

- Вы говорите неправду. Это было, и у Пименова изъят этот текст.

- Не было.

- Было. Тиме показал также, что он передавал вам для Пименова машинопись Пименова "Один политический процесс". Когда и с какой целью вы дали этот текст Пименову?

- Не было этого.

- Было. Для чего Пименову потребовались его же собственные мемуары? Что он намеревался с ними сделать? Вы сборник "Память" знаете?

- Нет. Не знаю ничего. Не давала я Пименову ничего.

- Напрасно вы все отрицаете, мы все докажем. Тиме показал, что получил через вас от Пименова книгу "Из-под глыб", изданную на Западе антисоветским издательством, что он, Тиме, переснял эту книгу на фотопленку и вернул вам книгу, которая изъята при обыске у Пименова. Подтверждаете?

- Нет, не было этого. От Пименова я ничего никогда не получала. (Позже фотоэкспертиза установила, что микрофильм, изготовленный Тиме, снят не с того экземпляра, который изъят у Пименова, а с другого.)

- Когда вы передали Пименову книгу Солсбери "900 дней"?

- Не давала ему ни Солсбери, ничего другого.

- Но у него изъята фотокопия этой книги!

- Ничего не знаю.

- Знаете. В вашей с ним переписке за последние месяцы, вот в этом письме и вот в этом фигурирует "900" в контексте, из которого

видно, что это шифр, что имеется в виду нелегально передаваемая книга. Как вы объясняете содержание предъявленных вам его писем и где находятся его к вам более ранние письма?

- Эти письма носят совершенно личный характер и никакого отношения к политике, к книге Солсбери и вообще к этому делу не имеют. Других писем от него у меня никогда не было - только эти пять.

- Что же все-таки подразумевалось под цифрой "900"?

- Не скажу.

- Скажете! Этот весь напускной героизм слетит с вас, и не таких мы видывали... Пименов собирал шпионские сведения, пересылал их вам, а вы их передавали на Запад? Успели передать сведения о якобы наличии золота?

- Ничего я не передавала. Он пишет о разговорах в очереди у кассы, никакого шпионажа тут нет.

- А с какой целью вы встречались в 1981 в своей квартире с эмиссаром известного антисоветчика Владимира Борисова неким Андрэ?

- Я встречалась с французом Андрэ, но это ничей не эмиссар, а турист, который интересовался творчеством болгарского писателя Захова. Так как я переводчик с болгарского и к тому же у меня почти полная коллекция романов этого писателя - он пишет в детективном жанре - то он и обратился ко мне.

- Не пытайтесь отвертеться. Он связной СМОТа и привез вам средства тайнописи, изъятые у вас при обыске (см. приписку к ее протоколу обыску), и инструкции от Борисова к Волохонскому.

- Опомнитесь, никаких инструкций, никакого СМОТа!

- А ручка с невидимыми чернилами?!

- Да что, вы сами не видите что ли, что это детская игрушка для смеху с карикатурным изображением агента ЦРУ?!

- Он вам устно передал инструкции!

- Ничего подобного! При разговоре присутствовали свидетели, ни о чем, кроме книг Захова, мы не разговаривали!

- Кто свидетели?

- Дзуцева и Цвилев, пришедшие ко мне в гости до прихода Андрэ и ушедшие после его ухода. (Забегая вперед, сообщим, что в марте-апреле допрошенные сокурсница Климовой Дзуцева и ее друг Цвилев показали, что действительно были у Климовой, когда к ней пришел француз Андрэ, что было ясно, что до этого Андрэ и Климова не встречались, что разговор шел только о Захове и о чае, которым поила всех Климова. Что француз очень плохо знал русский язык и они все трое с ним с трудом объяснялись. Эпизод из обвинения выпал.)

- В вашем "Алфавите" значится "Вестник РХД" №107 "Юре М." Кому и когда вы давали это антисоветское произведение?

- Не помню. Опросите всех Юр на "М." (Допрашивали всех Юр, не только на "М", но даже Юру Комиссарова. Не допрашивали только Ю.Маркова.)

- Почему вы давали Стригину столько антисоветской литературы, но отказались в июне 1982 дать ему "Архипелаг ГУЛАГ"?

- То вы меня судите за то, что я ему давала, то за то, что я не давала. Не дала и не дала. Не помню. Мало вам того, что я признала, что давала ему?

8 декабря с 11.45 по 16.05. Климовой предъявлено постановление о привлечении ее в качестве обвиняемой. Она признала все фигурировавшие в нем эпизоды: давала то-то Введенскому, давала Кунгуровой, Орловской, Стригину, Тиме Андрею. Не признала антисоветского характера данной литературы. Выразила раскаяние, что "давала таким дуракам". Возможно, содержание допросов 6 и 8 декабря частично перемешалось. По записям Климовой, следующий допрос состоялся 24 декабря, а по рассказам Завельского, он видел протокол ее допроса от 10 декабря. Только на допросе 8 декабря, т.е. после заявления Пименова о том, что Климова тяжело больна, Баланев допросил ее о состоянии ее здоровья и на сообщение, что больна тяжелой формой пиелонефрита, возмутился: "А что же вы раньше молчали?! - "А вы не спрашивали". Впрочем, больничного питания ей все равно не дали (она не просила) и лекарств-мумие не пропустили.

Потом был допрос 24 декабря с 14.30 до 17.50, где впервые появился Туркин, пока еще не допрашивающий Климову, а лишь приглядывавшийся к ней. Затем Баланев продолжал допросы 31 декабря (14.45-16.30), 18 января (10.05-13.00, 16.00-18.15), 19 января (10.30-13.30), 20 января (11.05-13.30, 15.00-17.20), 21 января (16.15-18.30), 24 января (16.30-18.20) и 25 января (15.30-18.05), во время которых продолжалась игра в молчанку или происходили диалоги вроде следующих:

- Ну, а от кого у вас фоторепродукция "Невидимой книги" Довлатова?

- От Дедюлина.

- Ну, Маргарита Михайловна, скажите, что хоть Довлатова-то вы от Пименова получили. Вам же облегчение выйдет, а у него она все равно изъята. А если укажете, где находится архив Пименова, то мы вас просто вышлем за границу.

- Ни о каком архиве Пименова я ничего не знаю.

- Но уехать-то вы хотите?

На этот вопрос она отвечала по-разному. На первых порах утвердительно, мотивируя, что жить тут невозможно, и они понимающе кивали. На второй стадии, когда шла игра в покаяние, - отрицательно и “никогда не хотела".

- Вам зачитываются исполненные вашей рукой антисоветские записи: "Век данного общественного порядка тем короче, чем больше верят в то, что стабильность достижима путем "завинчивания гаек"... Если дать людям свободно критиковать, то дело обычно этим и ограничивается, до действия в 99 случаях из 100 уже не доходит. Наоборот, невысказанное недовольство легко может превратиться в опасный взрывчатый заряд. Если нет традиции (или просто практической возможности) пойти на баррикады, то люди адресуют этот гнев согражданам, родственникам, посуде и оконным стеклам". Важнейший долг интеллигенции - говорить обществу неприятности. Роль глушителя выполняет воля народа". Когда, с какой целью вы сделали эти записи?

- Я? Да что вы! Я - обывательница. Я такого и придумать не могла. Не писала я вообще ничего.

- Значит, вы писали под диктовку? Чью?

- Вообще не писала!

- Вам предъявляются исполненные вашей рукой указанные записи. Признаете свой почерк?

- А, это. Да тут же написано. Вы и сами могли бы увидеть, что это выписки из статьи Густава Наана "Власть и дух".

- От кого, когда и с какой целью вы получили антисоветскую статью "Власть и дух"?

- Помилуйте, опомнитесь. Это же советский академик, эстонский. Статья опубликована в советском журнале в Эстонии в 1969 году. Вот тут все написано.

- Не может этого быть. Мы проверим.

- Проверяйте. (Статья Наана - маститого советского философа - была переведена с эстонского из журнала "Looming" Галиной Соколовой и в таком виде пущена в самиздат.)

Предъявлялись показания Тиме, якобы Климова в 1979 давала ему "Вестник РХД" №122 и "Континент". Хотя Климова точно помнила, что в 1978-80 она не встречалась с Тиме вообще, она подтвердила его показания - пока частично.

Словом, не случайно в декабре месяце Баланев говорил одной свидетельнице: "Климова ведет себя вызывающе", а другой жаловался: "Климова даже чай пить со мной отказывается. Вот вы пьете - а она не желает!". А сестре ее Надежде Михайловой тот же Баланев на ее протест: "Да ведь Маргарита - пятое колесо в телеге! Что вы ее забрали?" - выговаривал: "Ошибаетесь, Надежда Михайловна". Возможно, вызов сослуживцев Климовой по ВНИИГу происходил не столько ради достижения следственных целей, сколько профилактически-воспитательных: арест Климовой показался такой нелепицей десяткам и сотням давно знавших ее лиц, что следствие было вынуждено "на фактах раскрыть ее подлинное лицо". По этой же причине на второй день судебного заседания 7 июля был приглашен в полном составе "треугольник" ВНИИГа.

Показания свидетелей, посадивших Климову

1. *Показания Введенского*.

Допрашивался накануне задержания Климовой и сразу после. Очной ставки не было. Показал, что познакомился с Климовой по рекомендации Андрея Тиме и получил от Климовой три книги: Авторханова, Глезера и Солсбери. Узнает предъявленную ему книгу как ту, которую он брал у Климовой и забыл в машине Воротникова. С содержанием книг ознакомился бегло, невнимательно, но признает их антисоветскими. Беря их, он не знал, что они антисоветские.

2. *Показания Орловской*.

Допрашивалась накануне задержания и даже возбуждения дела. Познакомилась недавно с Климовой по рекомендации Юрия Мельника. Получила от Климовой книгу Гуля "Одвуконь", но обнаружив антисоветский характер этой книги, передала ее (сама или через мужа?) в КГБ.

3. *Показания Воротникова*.

Допрашивался накануне задержания Климовой. Показал, что подвез двоих сильно выпивших граждан, которые забыли в его машине сетку с вещами. Вышли они на углу Баскова переулка и улицы Маяковского. Раскрыв вещи, обнаружил там антисоветские книги, изданные за рубежом. Сразу сдал их в КГБ. Больше ничего по делу не знает. (Неизвестно, было ли опознание им Введенского и Андрея Тиме.)

4. *Показания Андрея Тиме*.

Допрашивался неоднократно в декабре месяце - и позже. Его показания с самого начала уличали Климову в распространении антисоветской литературы. Если поначалу вроде бы Тиме держался так: "Мы были с Климовой близки, и все, что читал я - читала она, а все, что читала она - читал я", - в чем еще можно при желании усмотреть оттенок рыцарственности, то очень быстро он перешел на одностороннее изложение того, как Климова ПРЕДЛАГАЛА ему сам- и тамиздат с целью размножения оного отцом и дядей Андрея. Эта картина бедного мальчика Андрея нашла свое завершение в широких мазках государственного обвинителя прокурора Катуковой в суде: преступная деятельность Климовой, навязывавшей антисоветскую литературу своим знакомым, привела к тому, что свидетель Тиме, человек с высшим образованием, окончивший аспирантуру, дошел до того, что работает банщиком! Сам Тиме изображает свои показания формулой: "Чтобы не путаться, я решил говорить правду". 14-летний сын Андрея уже после суда укоризненно произнес бабушке: "Почему вы не сказали папе, что так поступать нельзя?".

Тиме, видимо, руководствуясь - или, скорее, вынуждаемый - своим блокнотом для записи книг, изложил связно, как, когда и при каких обстоятельствах Климова дала ему несколько десятков книг и машинописей антисоветского содержания. Следствие из почти сотни названий отобрало главным образом произведения, типографски изданные за границей (сейчас антисоветский-неантисоветский характер произведения определяется единолично следователем в процедуре так называемого "акта осмотра", а так как следователи не умеют читать, то они сводят весь труд "определения" к фиксированию места издания), а Климова из этой груды книг отобрала и признала 25 наименований, которые она, по своему

разумению, считала наименее криминальными. В это число попали как фактически дававшиеся ею Андрею произведения, так и те, которые она никогда не давала ему, а он получил от других лиц и списал на Климову. Впрочем, несколько таких вещей были сняты при последних допросах Жерлицыным по инициативе Жерлицына же.

Кроме того, Тиме дал ряд показаний против некоторых других лиц. Он показал, будто Завельский в присутствии Стригина передал ему книгу Зиновьева "Желтый дом" за 70 или 100 руб. Показал, что получал от Пименова "Из-под глыб", но не лично, а через Климову. Показал, что передавал Пименову Фишера и мемуары самого Пименова, но опять же не лично, а через Климову. Впрочем, сам с Пименовым был знаком, но давно не встречались. Назвал Тиме также некоторые книги-машинописи, которые он будто бы получал и передавал Ильину, опять же через Климову. В числе знакомых Климовой Тиме назвал Ю.Маркова.

5-8. *Мать, брат, отец и жена Тиме*

подтвердили, что Андрей был знаком с Маргаритой, имел с нею какие-то дела по распространению самиздатной литературы. В основном они отговаривались незнанием подробностей, но порой значительно дополняли и подтверждали именно конкретные факты передачи. В частности, Анастасия Георгиевна приписала именно Климовой получение Андреем нескольких номеров "Континента", позже снятых с нее Жерлицыным.

9-10. *Показания Натальи Михайловой и ее мужа*.

Михайлова была "послана за бланками", причем ее предупредительно подвезли с места своей работы в Большой Дом с самого утра 30 ноября. Там ни о каких бланках уже не было речи, но Баланев допрашивал ее об антисоветской деятельности Кунгуровой на прежнем месте работы - на заводе, где Михайлова и Кунгурова работали вместе. Михайлова сразу же подтвердила, что у них на заводе в "курилке" постоянно обменивались нелегальной литературой, чаще всего читали ее вслух. Что приносила - Кунгурова. Что ей самой Кунгурова давала антисоветское произведение Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", было это летом 1979. Что на завод Кунгурова приносила всякие журналы, в том числе "Вестник РХД". Про Климову Михайлова ничего не знает, не знакома с такой. Источники получения Кунгуровой литературы ей неизвестны, но относительно "Архипелага" Кунгурова упомянула, что он принадлежит "Рите с Баскова переулка".

Муж Михайловой допрашивался, кажется, одновременно (порознь) и в основном так же охарактеризовал Кунгурову. О Климовой он ничего не знал.

11. *Показания Зильбербрандта*.

Его вызвали около 10.00 30 ноября сначала в спецчасть Физтеха, где объяснили, что для оформления допуска ему придется съездить в Большой Дом, причем опять-таки услужливо подвезли. Там связали получение допуска с характером литературы, которую читает его жена Кунгурова. Он признал, что видел у нее "Архипелаг ГУЛАГ", но полагает, что эта книга была у его жены случайно, что вряд ли она ее дочитала, что такая антисоветская литература чужда его жене и тем более ему самому. По-видимому, эта книга попала к его жене от некоей Климовой, с которой сам он практически не

знаком. Его поставили в известность, что назавтра вызовут на допрос его жену.

12. *Показания Кунгуровой*.

Допрашивалась 1 декабря, а также несколько раз позже на протяжении декабря и даже весной. Допрос начался с утверждения Баланева, что Кунгурова распространяла на заводе антисоветскую литературу, именно "Вестник РХД". Кунгурова отрицала знакомство с этим журналом. Баланев зачитал из "Алфавита" Климовой перечень значившегося за Кунгуровой, в том числе "Вестник РХД" №116 и №122. "Тут мне ничего не оставалось делать, как признать", - вздыхает Кунгурова. Признала она и то, что получила от Климовой оба тома "Архипелага ГУЛАГ" и дала это Наталье Михайловой. Насколько агрессивно было настроено следствие в это время против Климовой, видно из такого связанного с этой передачей эпизода.

- Значит, Климова навязывала вам антисоветскую литературу и требовала, чтобы вы в свою очередь распространяли ее дальше?

- Нет, что вы! Наоборот, она просила этих книжек никому больше не давать!

В протокол это попало в виде: "Климова прибегала к конспиративным приемам при передаче Кунгуровой литературы, предупреждая ее не давать этой литературы никому".

Точно так же, описывая факт знакомства Кунгуровой с Климовой, Баланев для утяжеления вины Климовой потрудился вписать в протокол, что близкие отношения между ними существовали "несмотря на большую разницу в возрасте", но опустил, что близкие отношения неизбежно обусловлены их близкими отношениями с третьим общим лицом - Инессой Мухиной. Так как Кунгурова, действительно, в дочери годится Климовой, то из этой записи в протоколе по городу пошли слухи, будто бы Климову забрали за то, что она расширила круг своей деятельности и стала вовлекать в нее молодежь.

Очень много разговоров на следствии запомнилось Кунгуровой о "шпионском фломастере" (см. приписку к протоколу обыска у Климовой), но она ничего толком не могла сказать на эту тему, кроме того, что Климова хвасталась этим фломастером. Точно так же ничего толком не могла она сказать и на многочисленные вопросы о Пименове, которого несколько раз видела у Климовой, но никаких разговоров с ним ни о чем не вела. В конце допроса Баланев показал Кунгуровой вышеупомянутую страничку из "Алфавита" Климовой. К ее большому изумлению, никакой записи "Вестник РХД" там не было, а стояло: "Любе К. - 116 и 122". Для характеристики душевного строя Кунгуровой стоит привести ее собственные слова: "Вначале мне, конечно, худо было от такой досадной оплошности, но если не "Вестник, то что же? Я, к сожалению, глупа и неопытна".

13. *Показания Стригина*.

Допрашивался 2 декабря. Дал обильные показания против Климовой. Собственно, его показания начались еще в момент обыска у Завельского, где он перед лицом гебистов во всеуслышание обратился к Завельскому: "Натан, я тебе возвращаю то, что ты мне давал". Впрочем, характерно, что Стригина вызвали на допрос куда раньше, нежели Завельского. Достопримечательной особенностью первоначальных показаний Стригина является и то, что они оформлены в виде ЗАЯВЛЕНИЯ СТРИГИНА В КГБ, собственноручно

написанного им 2 декабря. Впрочем, в суде Стригин пояснил, что писал-де это заявление не сам, а под диктовку следователя, и даже угрожающие привлечением за лжесвидетельство нападки прок[урора] Катуковой не сбили его с этой позиции. Как бы то ни было, заявление-показание Стригина содержало обширные данные о том, как на протяжении 1982 имеющая высшее образование Климова навязывала ему, в сыновья ей годившемуся парню, простому рабочему, антисоветскую литературу, знакомила его с антисоветчиком Пименовым и с его произведением "О социальном диалоге", о том, как Завельский торговал антисоветской книгой Зиновьева "Желтый дом". Более того, он показал, якобы Завельский-де велел ему, Стригину, изготовить фотокопии с данной то ли Завельским, то ли Климовой книги Авторханова, а потом фотокопию отдать Завельскому. Для того-де и нужен был фотоаппарат "Зенит", данный ему Завельским и изъятый у него при обыске в квартире Завельского. Стригин, по его начальным показаниям, все это исполнил и вручил названную фотокопию Завельскому. Правда, при обыске именно этой фотокопии не было обнаружено - ни у Завельского, ни в других местах (см. комментарии к выемке у Климовой). И позже Стригин в этом пункте изменил показания, заявив, что такого поручения ему Завельский не давал, книги Авторханова тоже, ничего такого он, Стригин, не делал. Любопытно, что Стригин мотивировал своим знакомым это изменение показаний тем, что будто бы он посоветовался с адвокатом насчет своих показаний и тот рекомендовал их перередактировать таким образом. Вообще, Стригин с каждым новым допросом подтверждал все меньше, все от большего отрекался, а вершиной этого тренда его показаний были его слова в суде, где он попробовал было утверждать, будто Климова вообще никогда ничего антисоветского ему не давала, а что давала, то давала по его просьбам, а не по своей инициативе.

Размышление - античный хор

Собственно, все обвинительное заключение, врученное Климовой 13 июня 1983, базируется на вышеописанных показаниях. Из тех 39 эпизодов, что ей инкриминировались следствием и приговором, 30 с лишним уже были зафиксированы протоколами допросов в первую же неделю следствия. Из 13 вышеописанных свидетелей 8 были вызваны в суд (кроме прочих - Тиме и Михайлова). Из других свидетелей, затребованных в судебное заседание, общим числом всего пятеро, лишь двое предполагались как добавляющие по паре обвинительных эпизодов (мелких), это Ильин и Соловьев, а прочие по замыслу были "за Климову", но об этом позже. Можно было бы без проволочек составить обвинительное заключение в течение одного месяца и осудить Климову не позднее, чем в течение двух месяцев с даты ее ареста, причем описательная часть приговора почти ничем не отличалась бы от фактически вынесенного в июле приговора. Почему этого не было сделано?

Возразят: дескать, вопроса нет - "они делают, что хотят, иногда по полтора года тянут следствие, на них нет закона". Неверно. При внимательном анализе всегда можно рассмотреть мотивы, почему расследование дел вроде Александра Гинзбурга или Валерия Репина непомерно затягивалось. А зима 1982/83 к тому же особенная: "борьба за дисциплину" коснулась и органов, подстрекнув их подчеркнуто соблюдать сроки следствия, установленные в УПК, ибо это один из тех немногих аспектов их деятельности, где их легко контролировать другому ведомству. Так, Аксельрод, арестованный 10 ноября 1982, был осужден уже в феврале 1983, причем тоже по ст.70. Волохонский, арестованный позже Климовой, был осужден на два месяца раньше нее - тоже по ст.70, причем на него хватило четырех эпизодов, а на Климову в первую неделю - уже три десятка. Скажут, Климова-де не раскаивалась как надо, следствие добивалось ее полновесного раскаяния. Но Волохонский тоже не раскаивался, он даже в суде защищал правдивость некоторых инкриминируемых текстов! Цуркова, арестованная почти на месяц позже Климовой, была присуждена к трем годам в марте 1983, на четыре месяца раньше Климовой, правда, по ст.190-1. Но зато для ее осуждения достало ОДНОГО эпизода - записей в ее записной книжке и показаний Репина, что Цуркова давала ему для прочтения эти записи. Почему же этого было недостаточно для следственной бригады в составе кап[итана] Баланева, М.Жерлицына и подп[олковника] Туркина под наблюдением полк[овника] Третьякова?

Ведь Климова тяжело больна - это видит даже тюремная медицина. Казалось бы, прямой резон поскорее списать ее другому ведомству. Нормальный срок содержания под стражей в процессе предварительного следствия - два месяца (ст.97 и 133 УПК), и этот срок, как сказано, соблюдался в Ленинграде применительно к Аксероду и Цурковой. И если до 4 месяцев продлить следствие еще можно "домашними средствами", не выходя из Ленинграда, то продлить до 6 месяцев (именно столько длилось следствие, причем уже в марте следователям было сверху объявлено, что больше срок не продлят ни на один день) возможно лишь обращением к Прокурору РСФСР, т.е. "в другое ведомство". Это - тот самый "прокол

в работе", которого в "год дисциплины" так не хочется допускать. Да и прокурор РСФСР обязан поинтересоваться здоровьем Климовой при таком продлении...

Почему же следственная бригада шла на риск остаться без премиальных, затягивая дело? Чего она еще намеревалась разузнать? О чем они допрашивали Климову двадцать с лишним недель после первой недели-двух? Да, впрочем, интересовались ли они всерьез собранным против Климовой уликовым материалом или же он был в их руках лишь орудием давления на Климову, дабы она потекла, как Тиме? Но тогда - давлением против кого? Кого или что имел в виду Баланев, когда в марте сокрушенно вздыхал Надежде Михайловой: "Конечно, в этом деле Маргарита Михайловна была не первой скрипкой..."? В деле-то других обвиняемых не появилось...

Ну, допустим, часть из "лишнего времени" ушла на чисто канцелярское оформление. Ведь Баланев и Жерлицын, в отличие от Туркина, не умеют сразу же составить толковый протокол: они полагаются на скрытый магнитофон, при повторном прослушивании которого, уже в отсутствие допрашиваемого, они тыкают на машинке официальный протокол. Так, на допросе Ильина 4 мая Жерлицын отпустил его на несколько часов погулять, пока сам оформит протокол (из сего проистек казус, о котором позже). Ну, ладно, допустим, им на это оформление было нужно вдвое-втрое больше времени, чем на получение самого обвинительного материала. Все равно, все показания против Климовой получены меньше, чем за неделю, так уж за месяц можно было бы управиться! Тем более, что в аресте Климовой и в тяп-ляп подгонке доследственных материалов против нее бросаются в глаза признаки спешки. Ну, скажем, на разного рода экспертизы нужно время. Допустим. Хотя, скажем, в суде не понадобилось никаких актов экспертизы, вроде того, что изъятый у Климовой машинописный текст "Москва-Петушки" в нескольких экземплярах и таковой же у Завельского исполнены на одной и той же машинке, изъятой у Климовой же. Ни о чем таком просто не упоминалось, а пишмашинка ей (ее сестре) просто возвращена после окончания следствия. Но - допустим. Ну, еще месяц ушел на акты, включая медицинскую справку о болезни Климовой. А куда, на что расходовались ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА следственного времени?

Климова же отказывается пить чай с Баланевым...

Прочие декабрьские допросы

Показания Пименова

Всех свидетелей допрашивали о Пименове, порой даже в такой форме: "Ну, что там говорить о Маргарите Михайловне, расскажите лучше о Револьте Ивановиче!". Самого же Пименова допрашивали дважды: в декабре и в мае. В декабре подполк[овник] Туркин допрашивал Пименова почти ежедневно с 7 до 14 декабря. О Климовой именно почти не было речи: не быв с Климовой ни в какой уголовной связи, Пименов ничем не мог помочь следствию по уголовному делу в этом пункте. Впрочем, на первом же допросе Пименов известил следственные органы о тяжелой болезни Климовой и добился внесения этого в протокол. Допросы же, главным образом, свелись к выяснению, где, когда, при каких обстоятельствах, от кого и с какой целью Пименов получил изъятые у него 78 наименований (142 пункта по протоколу). Пименов существенно помог следствию исчерпывающе точно перечислить пять живых лиц: Петр Григоренко, Джемма Квачевская, Михаил Бернштам, Сергей Дедюлин, Юрий Гастев (все эмигрировали до 1982), - и трех покойников: Ирина Каплун, Сергей Маслов, Иван Щербаков, от которых в разное время, с 1969 начиная, получал в библиофильских целях упомянутую литературу. Правда, в отношении 5-6 наименований его подвела память и он не сумел вспомнить, например, от кого получил "Эхо" (см. раздел "Второй обыск у Климовой), а также получил ли он "Вестники РХД" от Дедюлина или Гастева. На некоторые вопросы он отвечать отказался, например, откуда у него рукописная тетрадь со сказкой "Феникс" или откуда у его отца Щербакова могли быть те машинописи, которые после его смерти он привез к себе; мотивировал отказ тем, что эти вопросы заведомо не могут иметь отношения к делу Климовой. Пименов счел своим долгом напомнить Туркину ст.170 УПК об обязанности следователя не допускать разглашения интимных сведений (что Туркин постоянно нарушал). Туркин со своей стороны много поведал Пименову о том, как он допрашивал Марка Морозова и Иру Каплун.

Показания Шустровой

Ее вызывали на 27 декабря, но разыскали на службе только 30-го, когда и допрашивали, а печатал протокол и слегка уточнял его Баланев 3 января. Вот содержание.

Познакомились около 1981, ибо Климова искала работу, а в моей лаборатории была вакансия. Сблизились на почве интересов к Цветаевой. Она давала мне "Письма Цветаевой", пражское издание и т.п.

- Когда последний раз вы были у Климовой?
- В сентябре 1982.
- А все-таки, когда? (вопрос и ответ повторялся раз двадцать)
- Что еще вам давала Климова?
- Ничего.

Предъявляется блокнот Климовой "Алфавит" и обращается внимание на запись "Шустрова. "Похождения Шипова", Романов,

Былое №1, Бродский, "Петербургские зимы". "Как вы объясните эту запись?

- "Похождения Шипова" - это повесть Булата Окуджавы. Ее Климова мне, действительно, давала, равно как давала и сборник рассказов Пантелеймона Романова "Дружный народ". Журнал "Былое" №1 за 1917 давала ей я (при этом состоялась длинная беседа, в ходе которой Шустрова просветила Баланева насчет журнала и издательства "Былое" с 1906 по 1926). Бродского и "Петербургские зимы" Климова мне не давала. (Имеются в виду воспоминания Георгия Иванова.)

- Кого вы видели у нее?

- Один раз молодого мужчину, один раз с женщиной пила чай. Нас не знакомили. (Записано: "Заставала молодых людей студенческого возраста". Поправку Шустровой на той же странице следователь Баланев не поместил, исправление дано в конце протокола допроса. Точно так же "исправлено" "Климова имела забитый вид" на "Климова имела замотанный вид".)

- А Пименова видели?

- Да. Она познакомила нас. Он меня расспрашивал, где я работаю (научным руководителем Шустровой одно время был Виктор Шейнис).

- Но мы знаем, что вы беседовали с ним о польских событиях.

- Может быть, не помню. Еще мы говорили о лекциях Скрынникова и меня поразило, как профессионально Пименов обнаруживает ошибки Скрынникова насчет Ивана Грозного, хотя Пименов не историк.

- Он что - проводил параллели с современностью?

- Нет, речь шла о документах XVI века, конкретно о переписке Курбского и Грозного.

- Переписывались ли вы с Пименовым?

- Я послала ему телеграмму к его 50-летнему юбилею.

- Читали ли вы какие-нибудь работы Пименова?

- Нет, я не математик.

Покамест следователь печатал протокол, он дал Шустровой почитать Пастернака "Спекторский", 1931 года издания, к слову прибавив, что это из библиотеки Климовой.

5 января Шустрову вызвали в 1 отдел ее учреждения и состоялся неформальный допрос оперативником:

- Когда последний раз видели Климову?

- В сентябре.

- А потом?

- Только по телефону.

- Строго говоря, вы и по телефону могли сказать...

- Что сказать?

- Сами знаете!

- Ничего не знаю!

- Знакомы ли вы с такой-то?

- Мне надоело, что вы меня спрашиваете о моих знакомых, хотя это дело Климовой. Стали спрашивать про одного, потом про другую. Я не буду вам говорить ничего, кроме как о Климовой, а про других - только в присутствии тех, о ком вы спрашиваете!

- Вы опасный человек. Мне вас жалко. Ведь у вас готовится диссертация по развивающимся странам?

- Ну и что?

В суд Шустрова, как и Пименов, как и свидетели из ВНИИГа, не вызывалась.

АКТ III
или КАК КЛИМОВА ПОМОГЛА СЛЕДСТВИЮ

Показания Климовой

Трудно точно разграничить Акт II от Акта III: следствие не дало антракта Климовой. Достоевский писал, что тюрьма - это самое большое надругательство над человеком, которое только можно представить. И даже если Климова перед арестом и была настроена с полной готовностью умереть (ибо от одной болезни уже невыносимо жить, а тут еще и других бед немало свалилось), ныряла, как в пропасть, в тюрьму, то ведь МГНОВЕННО ничего не кончалось. Те же невыносимые боли, что преследовали на воле, мучают в камере, только нельзя помыться в ванне, нельзя принять привычных лекарств, нельзя одеться привычно, нельзя лечь на непродуваемый снизу диван, а нужно лежать или сидеть на койке из полос, покрытой тоненьким матрасом. И всегда худая, в камере она отощала до того, что ягодицы начали кровоточить, сидела не на мясе, а на костях... А тюрьма еще одним свойством обладает: в ней, как нигде, ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ. Жажда жизни пробуждается со всесокрушающей силой, все огорчения и беды вольной жизни предстают такими мелкими, незначимыми, так уверен, что выйдя на волю, теперь-то уж начал бы безошибочную жизнь, никакие глупости бы не печалили...

А имеющая хождение литература о тюрьмах и лагерях в массе своей не готовит читателя к встрече с современным следствием КГБ. Ведь "Архипелаг ГУЛАГ", "Крутой маршрут" и "Хранить вечно" устарели на практически бесконечный срок. Не так нынче встречает следственный изолятор КГБ. Не такие следователи. И не бьют, и не пытают, как описано в книжках. И - главное - вовсе не шьют небывалых преступлений. Интересуются и выясняют главным образом фактами, правдой. А "правду говорить приятно", сказал Иешуа, тоже на следствии. А лгать, систематически выкручиваться - трудно и душевно неуютно. Может быть, этим объясняется то, что такой нравственный экстремист, как Долинин, сломался на следствии почти сразу же. Мелочь, но характерная: Маргарита очень внимательно вчитывалась в "Один политический процесс", где ближе всего описаны современные следственные условия, но и эта книга обманула ее ожидания - в ней сказано, что на окнах камер надеты железные шторы - "намордники" и потому дневного света в камере не бывает, а оказалось, что намордников нет и в помине, о них никто не помнит, а только вместо обычных стекол в окнах гофрированное стекло, через которое проникает свет, но разглядеть контуры уже невозможно (по легенде, этого добилась космонавт Терешкова-Николаева).

Климова никогда не делала заявок на участие в политической деятельности, не выступала публично, не входила ни в какие организации-комитеты. Никаких присяг или клятв никаким группам людей она не приносила ни в какой форме, хотя бы в безмолвно подразумеваемой. Никогда она не обещалась отстаивать чести никакого знамени. Поэтому, когда от нее требовали раскаяться, т.е. назвать белое - черным, у нее не могло возникнуть сопротивления вроде "этим я изменю Делу". Могло возникнуть даже сочувственное

снисхождение к требующим... Коли ты такой извращенец, что тебе требуется непременно услышать, что белое черно, то, ладно уж, не пожалею себя, скажу тебе, что свежевыпавший снег черен аки уголь!

У Климовой происходила смена позиции. Сохраняя цель: "Не дойти до сулемы!" - и сохраняя нравственное требование: "своими показаниями не подставить ДРУГОГО ЧЕЛОВЕКА под удар!", - она решила "кончать конфронтацию". "Не доставлю им удовольствие умереть тут", "Надо обойтись малой кровью". И хотя ей казалось, будто она следует заповеди Солженицына: "Ничему не верь, ничего не проси, ни на что не надейся", разговоры следователя, что ей скорее всего будет ссылка, "надо только чуть-чуть для этого постараться", которые ею поначалу воспринимались не всерьез, теперь стали проникать в душу, делаться указанием на ориентир, чего добиваться. Правда, она по-прежнему передавала через следователя сестре список нужных вещей из расчета на семь лет лагеря, по-прежнему на слова следователя: "Мы применим к вам ст.38", - отвечала: "Не хочу", по-прежнему на обещания ссылки отвечала: "Не хочу, лагерь лучше", но это уже делалось скорее из суеверного страха: "Чтоб не сглазить", - а маяком стала ссылка, и в беседах с сокамерницами обсуждалось лишь "куда? какие условия?" Мерещились и Луга, и Сыктывкар, отгоняемые ею суеверно и заменяемые "ужасом Тобольска или Новосибирска". Тогда Климова решительно сформулировала и в дальнейшем непреложно руководствовалась принципом-обещанием "подтверждать все, о чем будут чужие показания" применительно к ней самой. Она положила подтверждать даже ложные показания о своих действиях, ибо этим она никому не вредила, укрывала от следствия часть истины, помогала кому-то списать свои грехи на нее (т.е. облегчала другому жизнь, а этим правилом она руководствовалась всю жизнь) и в то же время выглядела паинькой в глазах следователя, которому ведь ведомственно важна не истина, а согласованность показаний... "Очень трудно отрицать очевидное", - вздыхает она. Любопытно, что уже к началу марта Стригин стал распускать слухи, будто бы Климовой предложили выбор: 7 лет или 6 месяцев, и она выбрала 6 месяцев.

В конце января 1983 из их камеры уводят Томочку, которая, как оказалось, помещается в камеру с Цурковой. Потом Климову уводят одну в камеру 204, но вскоре подселяют к ней еще двоих. Вернувшаяся Томочка рассказывает, что, по мнению Цурковой, "ищут архив Пименова", и будто бы Цуркова принимала участие или даже руководила (вместе с Резниковым) перед арестом Семинаром, не менее пяти постоянных участников из студентов, в котором изучались-де произведения Пименова: мемуары и прочее. В том же Семинаре обсуждались-де устные воспоминания Пименова, в частности его рассказ об обыске в апреле 1970. Учитывая роль Томочки "Даниловой", можно сомневаться, говорила ли ей это Цуркова.

Повторяем, антракта между актами не было, смена позиций шла не- последовательно, с колебаниями, с разными настроениями. Облегчил ей переход на новые позиции приезд подполковника Туркина. Если Баланев - хмурый и холодный человек, если Жерлицын способен в своем кабинете, где допрашивается курящая подследственная и курящие свидетели, вывесить табличку "Не

курить", то Туркин - обликом словно сошедший с экранов советского кино положительный следователь - любезно сам предлагал ей именно тот сорт папирос, который она курит всю жизнь, расплывался в улыбке, не был назойлив, и в скором времени по его приезде из Сыктывкара в Ленинград Климова стала пить с ним индийский чай, а потом пошла даже удивлять его объемом поглощаемого напитка. Отношения у этих практически ровесников сложились почти приятельские. Когда Климова узнала, что 16-летняя дочка Туркина Таня страдает тем же самым пиелонефритом (правда, в более легкой форме), то она тут же поведала ему наилучший рецепт из трав, помогавший ей. Вот только в тюрьму-то самой Климовой Туркин не пропустил ни эти травы, ни мумие!

Туркин допрашивал Климову с 27 января по 15 февраля. Интенсивность его допросов в цифрах изобразится так: 30% чистого следственного времени заняли именно его допросы (49 часов 5 минут против 107 часов 30 минут остальными следователями). Но в сочетании с календарным временем, потраченным Туркиным, сравнение с вялостью Баланева-Жерлицына еще разительнее: он затратил на допросы Климовой менее 3 недель, тогда как те израсходовали 25 недель. И не в том дело, будто Туркин был в командировке и спешил: он проторчал в Ленинграде свыше двух месяцев. Итак, интенсивность его равна 50/3, а тех - 100/25, т.е. 17:4, т.е. примерно вчетверо интенсивней. Допросы происходили: четверг 27 с 15.30 до 18.50, 28 (14.20-17.45), 31 января (10.30-13.00, 14.00-18.35), 1 февраля (10.10-13.00, 14.00-18.30), 2 (10.00-13.00, 14.00-17.50), 3 (10.10-13.25), 9 (16.00-18.45), 10 (11.15-13.00, 14.40-18.45), 11 (14.40-19.15), 15 (15.30-18.10). Темой допросов был исключительно Пименов.

Туркин объяснил Климовой, что Пименов не арестован, процветает, благополучен, что она напрасно за него переживает. Стал по фамилиям перечислять Климовой, какие у Пименова есть-де любовницы, все помоложе ее. Климова поддакнула: так-де и должно быть, он такой хороший, что все должны его любить. "Я за него рада." На вопрос Туркина: "За что вы все так его любите?" - ответа не дала. Обстоятельства знакомства с Пименовым изложила так: она-де с 1956 была знакома с Сергеем Масловым, и тот, узнав летом 1972, что она едет в Сыктывкар к своей подруге по ленинградскому общежитию Галине Тысячной, попросил ее свезти мясо Пименову. Так и познакомились. Мемуаров Пименова никогда не читала. Никакого Спекторского, кроме поэмы Пастернака, не знает.

- Ну, за границей издана оголтело антисоветская книга под фамилией Спекторского, но мы-то знаем, что это Пименов. И вы знаете. Ведь так?

- Нет, не знаю. Вы же сами знаете, ЧТО у меня изъято, мы все с вами обговорили, каждую книжку, бумажку, фразу из его писем. И никакого Спекторского там нет и не было.

- Знаете вы, знаете! Вы же его секретарем были!

- Ничего подобного, я не гожусь для этого.

- Ну, агентом по связям с молодежью.

- Нет.

- А что же вас связывало с Пименовым?

- Вы же знаете: ... я с ним. Должность у меня такая была. И с этой должностью я справлялась. А в остальное меня не пускали.

Может быть, я бы сама из женского любопытства и влезла, но меня не пускали.

- Ну, Маргарита Михайловна, вы только себе вредите, а ему не поможете. Хоть он и великий конспиратор, но все-таки дал нам на себя ниточку с этим Спекторским. Даже странно, что так опростоволосился с этой самой (называет фамилию, неизвестную Климовой). И мы по этой ниточке пройдем до конца - никуда он не денется.

Этим очередной допрос завершился. Назавтра допрос начинается с истерики Климовой: "Не смейте его сажать! Лучше на меня запишите все, что вы против него имеете!", - кричит она Туркину.

- Да нет, Маргарита Михайловна. Вы меня неправильно поняли. Мы не собираемся его сажать. Но вы же знаете, что это он писал Спекторского. И должны это подтвердить. Вот, даже если не знаете, то стиль-то его вы можете распознать: им написан текст или не им?

- Как я сумею?

- Ну, вы же читали его произведения, сравните.

- Ничего я не читала! Никакого стиля не узнаю. Он же математику пишет!

- Нет, он еще и историк. Вот он с Шустровой, как она показывает, несколько часов беседовал об Иване Грозном, увязывал его с современностью. И она говорит, что он - глубокий историк. А этот разговор при вас был.

- Не слышала, я, должно быть, на кухне была. Вы его постоянно преследуете. Работать ему не даете. Виданное ли дело, чтобы ученый за свои деньги должен был монографию издавать?!

- Ничего подобного. Он сам лезет, куда не надо. Вот еще прежде он с этим Галичем историю устроил. Пришлось его понизить, но мы тут не при чем. Он озлобленный человек, проповедует террор, недаром он так Савинкова чтит.

- Конечно, если человека только кнутом, то всякий озлобится. А если бы вы сделали его академиком с квартирой в Москве, так он бы вполне ваш был бы, почище Андропова.

- Вот-вот, он спит и видит, как бы занять место Андропова. Потому и эмигрировать отказывается, что надеется власть получить. Значит, вы его стиль узнать не можете?

- Нет.

- А его машинку?

- Нет.

- Когда вы у него бывали, на какой машинке он печатал?

- При мне не печатал.

- Ну, работал же он при вас, писал что-нибудь? На чем?

- Нет, не писал.

- Ну, вы для него печатали?

- Нет.

- А чем же вы занимались?!

- Сказать?

- У Мельника изъяты микрофильмы журнала "Социалистический Вестник". Он дал показания, что это вы ему дали проявлять. Так ли?

- Да, мне дал непроявленные пленки неизвестно, с чем мой знакомый Ескин, я попросила Мельника проявить, потому что знала,

что он много занимается фотографией. Потом Ескин уехал за границу, не эмигрировал, а с советским паспортом, женившись на иностранке, я про эти пленки забыла, мне они не нужны, так и лежали у Мельника.

- Нет, Ескин здесь не при чем, Мельник показал, что вы напоминали ему про возвращение пленок, сердились, что он не возвращает.

- Может быть, для порядка. Мужчин же надо в строгости держать.

- Не уходите от ответа на вопрос. Мы знаем, что эти пленки принадлежат Пименову, подтверждаете это?

- Нет, Ескину, а Пименов здесь не при чем.

- У Пименова изъяты сами журналы, с которых сделаны микрофильмы, мы проведем экспертизу и докажем.

- Доказывайте. (Этот эпизод нигде не фигурировал больше.)

В таком стиле проходили все допросы. Туркин много расспрашивал ее о ее денежных отношениях с Пименовым, конкретизировал даты ее встреч с Пименовым. При расставании на последнем допросе умолял ее: "Дайте хоть вот столечко, - показывая кончик пальца, - на Пименова", - но Климова отказалась, утешив его, что "я и другим следователям не больше чем вам скажу, можете уезжать спокойно".

Разумеется, Туркин передопросил Климову обо всем, о чем уже допрашивал Баланев, обо всех упоминаниях Пименова Стригиным, Кунгуровой, Тиме. Он допрашивал и свидетелей (о чем ниже), причем торжествующе подчеркивал: "А Маргарита Михайловна не отказывается разговаривать. Мы с ней уже 29-й эпизод обсуждаем".

С 22 февраля по 16 марта (даты и часы опускаем) Климову 6 раз вызывал на допрос Баланев, тоже с приличной для него ретивостью: 22 часа чистого следственного времени за 3 календарные недели. Видимо, им показалось по поведению Климовой, что она уже потекла, торопились пользоваться. Стоит заметить, что 8 марта тюремная администрация поздравляла женщин-заключенных. С 31 марта за допросы Климовой принялся Жерлицын, только что очень выигрышно завершивший следствие над Репиным. Он допрашивал ее 13 раз (даты и время опускаем), потом были еще допросы Баланевым 16 мая и совместно Баланевым и Жерлицыным 17 мая, затем два допроса несколькими полковниками (протоколы в дело не попали), а кроме того, в начале мая состоялсь три очных ставки: Ильин, Сомов, Тиме.

Еще в январе случился примерно следующий диалог Климовой с Баланевым. Зашла речь об очередном номере "Правды". (В камеры давали читать "Правду", а до попытки самоубийства одного заключенного из-за прочитанной в "Ленинградской правде" статьи о себе давали и "Ленинградскую правду".) Климова сказала, что то-то и то-то там - брехня, и что читать-де нечего. Баланев согласился с ней, что не соответствует фактам то-то и то-то, но доверительно объяснил: "Но ведь газеты не на таких подготовленных читателей, как вы, рассчитаны, а на всех." - "Ну, а за то, что я читала книжки, которые на меня рассчитаны, вы меня судите?! Что же мне читать?" После этого Баланев начал давать Климовой Решетовскую и другие АПН-издания. Из-за одного из таких "политобразовательских" журналов вышел конфуз. В нем Климова вычитала, что в Киеве

состоялся симпозиум по борьбе за мир, на котором председательствовал Солсбери, глава английской делегации, с советскими похвалами в адрес симпозиума и Солсбери. Она ткнула следователей носом в этот журнал, и они исключили из обвинения эпизод с распространением Солсбери.

В феврале Баланев с раздражением произносил: "Мы пресекли 5 попыток Пименова передать Спекторского на запад. И никогда это ему не удастся".

В феврале же Баланев стал готовить свидание Климовой с сестрой. Сама Климова была против этого свидания, Баланев ее уговаривал, даже прибегая к мольбам: "Но я столько усилий затратил, чтобы прокурор разрешил это свидание, а вы все портите. Неужели напрасно трудился?". Но Климова наотрез отказалась, только, застигнутая врасплох, переговорила с сестрой по телефону. При этом ее сестра, подученная следователем, произнесла фразу, будто бы Пименов требует с нее возвращения от Климовой тысячи рублей долгу. Так как: 1) Климова знала, что не должна тысячи рублей, 2) знала, что Пименов знает, что она не должна этих денег ему, 3) знала, что "тысяча рублей долгу" фигурирует только в той бумажке (пункт VIII-5 протокола обыска), про существование которой Пименову неизвестно, а известно только ей, Маргарите Климовой, да следствию, - то, поверив было сестре в первый миг, она быстро сообразила, что сестра врет, что Пименов ничего не требовал и что это - следственная игра, дабы поссорить и получить показания. С Климовой взята расписка, что она сама отказалась от свидания.

В следующем месяце околоследственная игра "на ссору Пименова с Климовой" расширилась. Томочке Даниловой "было переквалифицировано обвинение", она "подпала под амнистию" и была освобождена. Перед тем она выклянчила у Климовой ее свитер с характерным высоким воротником. В нем она заявилась к Але Краско. (Ее не могла послать Климова, ибо в тюрьме ее поразила амнезия и она позабыла ВСЕ адреса и телефоны, и несколько оказий "левым образом" сообщить что-нибудь на волю с досадой упускала, не имея куда направить вестника. С другой стороны, следователь знал, что Краско - очень близкая подруга Климовой, ибо последняя уже в день ареста просила позволения написать доверенность на свое имущество на имя Краско. Только после категорического указания, что писать доверенность можно исключительно на имя родных, она написала на имя сестры.) Томочка поведала Але, что ее прислала Рита, что Рита просит нескольких сот рублей наличными, тайком. И что Рита сообщает, что она очень обижена на Револьта за его показания. (К этому времени Климова еще не читала показаний Пименова, а после они ей очень понравились.) Аля поверила, известила Надю, Натана и др. Срочно собрали 400 рублей, с которыми Томочка канула в неизвестность. Про эти деньги и аферу Рита узнала от Нади только при последнем свидании 21 июля.

Жерлицын несколько поуменьшил число эпизодов. "Надо от вас кое-что отобрать, Маргарита Михайловна. Вы чересчур много на себя наговорили", - и исключил больше половины книг, данных якобы Климовой Андрею Тиме. Вообще, говорил мягче, например: "Ну, конечно, Пименов - большой ученый, но зачем же он лезет в политику, в которой ничего не понимает? Зачем ему нужно было опубликовывать на Западе эту оголтело антисоветскую книгу

Спекторского?". Но при этом добивался "закрепления раскаяния": "Хоть одна бумажка в деле должна быть вашей рукой написана", - и добился от нее собственноручного заявления в мае: "Желая помочь следствию, сообщаю, что давала для прочтения Соловьеву "Бодался теленок с дубом" Солженицына". Перед тем Жерлицын уверил Климову, будто Соловьев уже признал этот факт. Точно так же Туркин уверил Климову, будто Сомов признал, что получил "В преддверии рая" от нее. Она подтвердила это и придумала версию, от кого получила сама эту книгу. Так как она путалась с фамилией этой эмигрантши, то Баланев настаивал: "Фотокопия выполнена профессионально и на государственной бумаге. Мы знаем, что ее делал Владимир Кузьмин из ВНИИГа. И там у вас во ВНИИГе теплая компания образовалась: Кузьмин, Соловьев, Цывьян, Яблоницкий. Надо будет ею заняться." - "Занимайтесь." Подтвердила же передачу Сомову, легко поверив следствию, что тот признался потому, что Люба Осипова всегда высказывала низкое мнение о своем муже: пьянчуга и сразу расколется. 5 апреля Климова дала показания о причастности Пименова к "Эхо" (см. "Второй обыск у Климовой") и к "Социальному диалогу". Она дала противоречивые показания на этот счет, в окончательном виде гласившие, что Пименов-де взял у нее без ее ведома журнал "Эхо", а она сама выкрала у него машинопись его статьи "О социальном диалоге", давала читать Стригину и др., а потом вернула Пименову. Узнает в предъявленном ей материале, изъятом у Пименова, названное.

В марте-апреле Климова дважды смотрела телевизионное покаяние Репина: первый раз с Баланевым, а второй раз прокручивалась видеозапись для нее и самого Репина. При этом Репин ей объяснял, что у него жена и дети: "Вот у вас детей нет, а то бы вы поняли".

4 мая состоялась очная ставка с Ильиным, о ней см. в разделе "Показания Ильина". На следующий день очная ставка с Сомовым, о ней см. в "Показаниях Сомова". После его ухода Жерлицын и Баланев нервничали и пили валерьянку:

- Зачем же вы, Маргарита Михайловна, показали, будто давали Сомову книгу, раз сейчас отказываетесь?!

- Мне-то все равно. Раз мне Туркин сказал, что Сомов показывает, что получил книгу от меня, я подтверждаю. А раз Сомов этого не признает, то я не настаиваю.

- Как? Вам это Туркин сказал? Но раз этого не было, вы же могли спорить, настаивать, не подтверждать!

- Нет, я же обещала подтверждать все показания против меня. А Сомова вы лучше отпустите за границу. Чего ему здесь делать?

- Не отпустим. Он вредный человек. Мы еще им займемся.

Затем была очная ставка с Андреем Тиме. Ей предшествовали показания Анастасии Тиме о том, что часть "Континентов" она купила не у Климовой, о чем Жерлицын поставил в известность Климову: "Мы по шифровому материалу на обертках установили, откуда эти книги". Под этим знаком и проходила ставка, о ней см. в "Прочие допросы ... Тиме".

В мае с ней был разговор: "Вас же предупреждали об аресте", - "Нет." - "Мы же знаем. Шустрова?" - "Нет." Повторялся вопрос (он был и в феврале, и в декабре): "Почему в июне 1982 не дала Стригину "Архипелаг ГУЛАГ?". В мае же она объяснила, что дарственная

надпись "Сереже, Нине, Лене" на книге Копелева (см. протокол обыска у Тиме) относится к Сергею Юрьевичу Маслову, Нине Борисовне Масловой и Елене Сергеевне Масловой, а самое книжку она брала у Сергея Маслова.

Жерлицын предложил Климовой переписать нижеследующий текст (орфография оригинала рукой Жерлицына) с обещанием за это освобождения в зале суда:

"В своем заявлении я хочу изложить причины, в силу которых я занималась распространением литературы, порочащей сов[етский] гос[ударственный] и общественный строй.

Передавая для чтения своим изданные за рубежом книги или их машинописные копии, я, конечно же, сознавала, что в них содержатся отдельные, мягко говоря, нелестные выпады в адрес Советской власти, так же, как и сплошные клеветнические выпады.

Однако я находила эти книги в силу сложившихся у меня взглядов обоснованно критическими и не видела большого греха в их распространении. Вместе с тем я знала, что распространение таких книг у нас властями не приветсвуется и, более того, карается законом.

Находясь под следствием я о многом задумывалась, анализировала, правильно ли поступала. Это дало мне возможность во многом пересмотреть свое отношение к издаваемой за границей литературе на русском языке.

Основная часть такой литературы издается с целью породить у советского читателя пессимизм, неверие в возможности социалистического пути развития. Эти книги историю нашей страны представляют как сплошной кошмар репрессий властей по отношению к народу.

И чтение подобной литературы призвано доказать безвыходность положения простого человека в соц[иалистическом] обществе: на многих людей эта пропаганда не способна оказать существенного воздействия. Однако у многих моих знакомых, выехавших на постоянное жительство за границу, это чтение породило неуверенность, апатию и желание попытать счастья за границей. Вред распространения этой литературы для меня сейчас очевиден. Я глубоко осознаю свою вину и раскаиваюсь. Впредь распространением подобной литературы заниматься не буду."

Климова в принципе согласилась, но решила улучшить текст, "сделать его хотя бы грамотным": ведь первая же фраза заявления повисает в воздухе, никак не раскрываясь далее. Она написала свой вариант, он сохранился лишь в отрывке:

"Убедили меня в том, что лучше не читать эти книги, а уж тем более - не распространять. Не у всякого человека они могут вызвать только желание спорить, они могут породить пессимизм, отчаяние, могут толкнуть на опрометчивый шаг - отъезд. Время читать эти книги еще не пришло. И я поняла и согласилась. Поняла, что поступала преступно, нарушала закон своей страны и глубоко раскаиваюсь в этом."

Здесь отразились беседы, которые следователи вели с Климовой в таком ключе:

- Ну, зачем же вы меня взяли? Что я - такой страшный враг?
- Нет, не очень.
- Ведь и без меня советская власть рухнет, все прогнило.

- Рухнет, конечно.

- Так меня-то зачем брать?

- Приходится, Маргарита Михайловна.

Или:

- Ну, что вы защищаете? Что у вас осталось от завоеваний революции?

- Да, у нас от завоеваний революции ничего не осталось, все мы растеряли, кроме отсутствия безработицы, и этого завоевания мы не уступим.

Первый диалог был с Баланевым, а второй - с Жерлицыным. Но, разумеется, их слова не отражали искреннего мнения Баланева и Жерлицына (если об "искреннем" и "мнении" применительно к ним можно говорить вообще), они были следственным приемом приведения Климовой в состояние определенного размягчения и "унисона с собеседником". Климова же принимала их слова за чистую монету. Поэтому она безмерно была удивлена реакцией Жерлицына на ее бумагу. Сразу же Баланев, который уже печатал обвинение по ст.190[1], перередактировал ее на ст.70 и от Климовой потребовали признать антисоветский характер всех 39 вменявшихся ей произведений. По каждому пункту отдельно. Она отказалась. С ней провели два шестичасовых допроса полковники, угрожавшие ей возобновлением следствия с самого начала. Так как к этому времени у нее уже исчезли ягодицы и обоняние, то она испугалась: "Еще шести месяцев я не выдержу", - и согласилась подписать признание документов антисоветскими. Жерлицын ее утешал: "Вы вот столечко не дотянули до освобождения в зале суда. Постарайтесь".

Показания Завельского

На допросах 12-14 января, а потом 18 февраля после предъявления ему протоколов допроса Климовой, узнав ее подпись и отметив характерные для нее обороты в тексте, подтвердил, что давал ей названные ею книги Авторханова, Зиновьева, Максимова, в указанные ею даты. Отмел показания Стригина, будто бы поручал тому фотокопировать "Архипелаг ГУЛАГ". Отмел домыслы следователя, будто бы "Один политический процесс" ему дал лично Пименов. Впрочем, знакомство свое с Пименовым не отрицал, хотя оно было весьма далеким. Изъятую у него литературу получал от лиц, эмигрировавших из СССР. Тут следствие очень хотело использовать факт его знакомства с Гелием Донским и, возможно, с Михаилом Мейлахом (первый был уже арестован, а второй - в июне). Относительно "Желтого дома", который следствие так и не сумело разыскать, хотя множество допрошенных показывали, что держали эту книгу в руках и что она восходит к Завельскому, Баланев резко требовал: "Хоть купите, но представьте нам этот экземпляр!". Завельский пожалел денег, не купил - обошлись.

Своими показаниями Завельский фактически подтвердил, что Климова правильно назвала источник получения ею трех криминальных книг, т.е. что Климова стала на путь чистосердечных признаний и оказала помощь следствию.

Завельского вызвали свидетелем и в суд.

Показания Масловой

Вдова Сергея Юрьевича Маслова, доктор физмат наук Нина Борисовна Маслова, сама еще с искалеченной в той автомобильной катастрофе рукой, по предъявлении ей книги Копелева "Хранить вечно" с дарственной надписью "Дорогим Сереже, Нине и Лене от автора" опознала эту книгу как имевшуюся в семье. Относительно Климовой показала, что очень мало знала ее, но ей известно, что ее муж еще по университету знал Климову, что она бывала у них в доме изредка, иногда заносила мясо в морозилку, ибо у самой маленький холодильник. Ничего об обстоятельствах передачи книги Копелева ее покойным мужем Климовой она не знает. Возникла легкая неувязка, ибо следователь Баланев, отталкиваясь от факта наличия у Тиме микрофильма такой же книги без дарственной надписи и от показаний Тиме, будто бы он получил и ту книгу для микрофильмирования от Климовой, настаивал было, что де Климова дала показания, что книга была без дарственной надписи, но Маслова это отвергла, и Баланев унялся.

Таким образом и тут свидетель подтвердил, что Климова правильно назвала источник получения ею криминальных книг, так что Климова - помогла следствию.

Майский допрос Пименова

Как сказано в сцене "Второй обыск-выемка у Климовой", подобную помощь следствию стремилась оказать Климова и применительно к изъятым у Пименова журналам: связать воедино разорванные ниточки поисков.

- От кого получили "Вестник РСХД" № 122 и 131 и "Эхо" № 4?

- От Гастева.

- Вам оглашается выдержка из показаний Климовой от 5 апреля. Климовой предъявляются изъятые у Пименова журналы "Вестник", "Эхо", "Континент", а также машинопись "О социальном диалоге". “Что из этого вы давали Пименову и от кого это у вас? - "Эхо" я получила в 1981 от американской туристки, приехавшей от Кузьминского. Давала таким-то, а в августе 1982 дала Пименову. Узнаю журнал по внешнему виду. "Вестники" получила в 1980 от Дедюлина. Давала Тиме, Кунгуровой и др. Когда дала их Пименову, не помню. Узнаю по внешнему виду. Правда, этот номер был целым, а теперь растрепан.” Что скажете, Револьт Иванович?

- Все неправильно. Следователь не предъявлял ей разных экземпляров одного и того же номера журнала, так что нельзя считать слова Климовой "опознанием". Да и сама она отмечает разницу во внешнем виде. Она мне этих журналов не давала и не могла дать их в августе 1982, ибо тогда я ехал в Сухуми, брал с собой только пляжные принадлежности, собираясь на обратном пути заехать в Ленинград. Но неожиданно не заехал.

- Оглашаются выдержки из тех же показаний: "Статью "О социальном диалоге" дал мне Пименов в августе 1982, я давала ее такому-то, а потом в августе же вернула ему. Узнаю машинопись по чернильным пятнам на ней.

- Не могло этого быть. Я пробыл всего три дня в Ленинграде, и за такой срок машинопись не могла так обернуться. Потом я ехал в Сухуми и не стал бы брать текст с собой. Да и не давал я никому никогда своего последнего архивного экзем-пляра.

Слева направо: Вадим Иванович Коновалихин, Р.И.Пименов, Раиса Васильевна Колетова. Поселок Микунь (под Сыктывкаром), 1982 г. В.И.Коновалихин отбывал в Микуне ссылку по ст.190-1 в 1978-1982 гг. Р.В.Колетова - друг семьи Пименовых, соавтор с Р.И. указателя к “Былому”.

- Кто автор произведе-ния, озаглавленного: "Револьт Пименов О социальном диалоге"?

- Это произведение посвящено критике Солжени-цына и Сахарова, а не советской власти, поэтому не может быть предметом допроса по ст.70 УК, и отвечать на этот вопрос отказываюсь.

- Чем желаете дополнить свои показания?

- Климова настолько извращает факты нашей последней встречи в августе 1982 в Ленинграде, что у меня возникают сомнения, в здравом ли она рассудке.

Таким образом Пименов не сумел подтвердить, что Климова помогла следствию, верно указав на источники и результаты своей деятельности. То же случилось с Сомовым.

Показания Сомова

Сомов долго уклонялся от явки на допрос, лежал в больнице. Первый раз допрашивался в конце марта - начале апреля Жерлицыным. Ничего существенного по делу Климовой он сказать не мог, а относительно изъятой у него (юридически "выданной им добровольно") книги Зиновьева "В преддверии Рая" объяснил, что приобрел ее у случайного гражданина около пивного ларька. Бьющая в глаза неправдоподобность: кто потащит к пивному ларьку не компактную типографскую книгу, а три коробки с фотокопиями? - побуждала следователей искать других каналов получения. Может быть, они и не блефовали, говоря Климовой, что по бумаге эта копия изготовлена во ВНИИГе, а тогда Климова естественно подозревается в посредничестве. Климова же, как мы знаем, согласилась подтвердить, что эта она дала Сомову, ибо Туркин ее убедил, что Сомов-де признался, а она от Сомова ждет всего, чего угодно, только не стойкости. На очной ставке состоялся диалог:

- Я тогда-то дала Сомову фотокопию книги Зиновьева.

- Не было этого, я купил эту книгу у пивного ларька там-то тогда-то.

- Жора, помоги мне, подтверди!

- Нет, Рита, не могу. Для меня КГБ - как Бог, я перед Богом не могу лжесвидетельствовать, и перед КГБ тоже. Не от тебя у меня эта книга.

- Но я же давала ее тебе тогда-то, при таких-то обстоятельствах!

- Нет, не давала! А если ты давала, если ты видела эту книгу, вот этот экземпляр, то скажи, каких страниц в ней нет? Какие в двух экземплярах? Еще какие дефекты в ней ты помнишь? Молчишь? Вот я и прав - не было этого.

- Ну, не было, так не было. А Любке я оторву голову.

Итак, хотя Сомов отказался формально помочь Климовой, у следователей не осталось сомнения в том, что Климова в этом пункте страстно желала помочь им.

Показания Осиповой

Вызывалась на допрос еще в декабре, допрашивалась Баланевым, Туркиным, Жерлицыным. Много наговорила по собственной инициативе касательно бытовых подробностей жизни Климовой и ее знакомых. Например, сообщила, с кем Климова ездила на юг, упомянув, что в этой связи шила Климовой платье и помогла ей достать продовольствие в дорогу. Среди знакомых Климовой назвала Маркова, Пименова. Впрочем, ничего криминального не знала.

Показания Ильина

Хотя был подвергнут обыску, впервые на допрос его вызвали почти два месяца спустя - 19 января. Допрашивал Туркин, главным образом о Пименове. Ильин сообщил, что знаком с Климовой лет 10, в последние годы отношения стали дружескими. Пименова видел у нее, но замечал ли он меня - не знаю. О политике с Климовой говорил, но конкретно о чем, не помню. Художественную литературу она мне давала, а антисоветскую - нет. Подчеркивал, что Климова больна и нуждается в мумие. Назвать известных ему знакомых Климовой отказался, но на конкретные вопросы с фамилиями отвечал.

- Откуда у вас изъятый у вас текст Пименова "Замечания к книге Марченко "Мои показания"?

- Дал В.Борисов.

- А машинописный журнал "Часы"?

- Дал Борисов.

- Но переплет к "Часам" изготовлен отцом Тиме, Дмитрием Александровичем. Значит, журнал вам дала Климова?

- Нет, Борисов. С Андреем Тиме я дел не имею, ибо он алкоголик. Все изъятое у меня при обыске я получил в разное время от Борисова, Бернштама и Якоревой.

4 мая утром Ильина допрашивал Жерлицын.

- Согласно показаний Климовой, она давала вам книгу Максимова "7 дней" изъятую у вас.

- Нет, не давала, я получил эту книгу от Борисова.

- Она показывает, что давала вам журнал "Континент".

- Какой номер?

- Тот, где разговор Сталина с Патриархом.

- Нет, я не читал этого номера, запомнил бы такое.

- Почему же она дает неверные показания?

- Потому что она большая путалка, всегда путала, кому что дала, от кого что получила.

Приводит ряд примеров тому на некриминальной литературе.

- Но она выдвигает более правдоподобное объяснение, что путаете и забываете именно вы: вы ведь даже лежали в больнице с диагнозом "склероз". Может быть, все-таки она давала вам "Континент"?

- Нет.

- Но вот записка от нее: "Володя, верни им "Континент", который я тебе давала”.

- Нет, не давала. Можно, я ей напишу записку?

- Напишите.

- "Рита, ты мне "Континента" не давала, я это помню, но все же уточни, о каком номере идет речь?" (а речь шла о номере, существование которого следствию стало известно со слов Стригина, как взятый у Климовой и ей возвращенный, но неразысканный).

- Согласно показаниям Климовой вы ей давали три номера журнала "Посев", которые она читала, давала читать другим лицам, а потом вернула вам и у вас они изъяты. Подтверждаете?

- Нет, эти номера дала мне Альбина Якорева, я их никому не давал.

Но допускаю, что Якорева давала их Климовой (у Тиме изъяты микрофильмы именно этих номеров "Посева").

- Вы напрасно все отрицаете. Климовой надо помочь, вы можете, могли бы ей помочь, а вы из чувства ложного товарищества отказываетесь помочь. От этого ей хуже будет. Приходите после обеда, оформим протокол.

После обеда состоялась очная ставка. По его воспоминаниям: Климова выглядит хорошо, объясняет, что тут с ней хорошо обращаются. "Здесь жизнь - как всю жизнь мечтала: на работу не гоняют, лежи весь день. Я поумнела здесь, они мне хорошо все объяснили." - "А какие доводы они тебе привели? Мне они никаких доводов, которые бы меня поколебали, не привели!" - Жерлицын: "Ну, мы с вами и не разговаривали, как с ней!" - Климова: "Нет, Володя, привели доводы, очень убедительные. Я тебе обязательно расскажу, тебя надо переубедить, я займусь твоим перевоспитанием". - "Через сколько лет?" - "Все равно, когда бы то ни было." По ее воспоминаниям: "Я гляжу на Володечку, вижу, как он скован, их боится. А я-то знаю, какие они дураки. Это прежде я сидела на Басковом и их боялась, а теперь вижу, что они дураки и бояться их нечего."

В ходе очной ставки после упорного сопротивления Ильин подтвердил все три эпизода: с Максимовым, "Континентом" и "Посевом", Климова настаивала решительно. Вздохнув, Ильин сказал: "Я этого не помню, но раз она говорит, значит, так и было". Однако покамест неумелые следователи Баланев и Жерлицын оформляли протокол, а Ильин курил в другом помещении (вспомним табличку "Не курить!"), он передумал и при подписании протокола уперся: не помню. Жерлицын начал было кричать на него, а Баланев молвил: "Ладно, это не имеет значения", - и появилось дополнение к протоколу: "Хотя я подтвердил показания Климовой, но сам я ничего такого не помню и сказал это только потому, что она это говорит". Климова произнесла: "Ну, что ты не помнишь - с этим я спорить не стану", а прав-таки вышел Баланев, что это не имеет значения: к следственному делу это написанное на отдельной бумажке дополнение к протоколу не было приложено. Поэтому в отличие от Пименова и Сомова, Ильин был вызван в суд свидетелем по этому эпизоду, но там он отперся решительнее, ссылался на то, что отрекался и на следствии, а так как там Климова молчала, то никто его в суде не переубедил.

Так Ильин стал свидетелем в двоякой роли: как свидетель преступной деятельности Климовой, распространявшей "среди него" литературу, и как свидетель раскаяния Климовой, правильно назвавшей следствию источники получения ею литературы.

В отношении Ильина и Пименова можно заметить готовность Климовой признавать не только факт передачи ею другим лицам криминала (что не порочит получателей юридически, хотя, например, Шейнису пришлось на партсобрании держать ответ в том, что он получал от неомарксистов антисоветскую литературу и не сигнализировал), но и факт или выдумку ПОЛУЧЕНИЯ ею от других лиц криминала или полукриминала. Это уже шаг к превращению в свидетеля обвинения против Ильина или Пименова (а раньше - Завельского). По-видимому, Климова верно оценивала себя, думая: "Еще шесть месяцев я не выдержу". Конечно, юридически это еще не шаг, а шажки, неуверенное переступание с ноги на ногу. Ведь, во-первых, никого сейчас не сажают за РАЗОВОЕ распространение единичного наименования, тем более на основе ОДНОГО показания. Во-вторых, в случае с Завельским она в угаре первых часов тюрьмы была ошарашена показаниями Тиме, Стригина, возможно, Кунгуровой и легко поверила, что и Завельский признался. Весьма распространенное самолюбивое чувство: "Э, да они все равно все знают! Что я буду, как дура, отрицать?!" - очень стимулирует признания. Но в отношении Ильина и Пименова показания даются после многомесячных раздумий. Она, разумеется, не считает "О социальном диалоге" криминальной статьей - чего ради тогда Пименов писал бы свою фамилию над ней? (Эта оценка статьи подтвердилась: и следствие, и суд обсуждали эту статью и не инкриминировали Климовой факта распространения ее, тогда как, например, распространение "Воспоминаний" Н.Я.Мандельштама - инкриминировали.) Но, все-таки статья изымалась при обыске, следовательно, нравственный пуризм понуждал бы не говорить, от кого она... Шажок, неуверенное дыхание налицо. Еще заметнее это с журналами "Посев" (три номера), которые она-де получила от Ильина. Следователи опять-таки заинтересованы в увязывании двух ниточек в одну: известно, что Климова давала Тиме те же номера, что изъяты у Ильина, а сама она не помнит, откуда они у нее были и куда подевались. Показания Климовой все связывают убедительно, хотя, впрочем, версия Ильина насчет Якоревой не менее правдоподобна. Но Климова идет на то, чтобы приписать Володе Ильину распространение "Посевов" - бесспорного криминала. Конечно, она готова на оговорки: не он по своей инициативе дал, а она взяла против его воли. Да и убеждена она, что человека, лежавшего со склерозом, за это не посадят. Однако шаг все в ту же сторону.

Следствие было заинтересовано в таких показаниях Климовой не только из узковедомственных соображений "увязать ниточки" и отнюдь не потому, что хотело посадить Завельского, Ильина или Пименова на базе этих показаний. Ведь аресты занимают лишь незначительный процент в работе КГБ. Не менее важно возбудить в Завельском, Ильине, Пименове - и через них в определенных кругах - чувство обиды и брезгливости к Климовой. Ведь поссорить их, посеять раздор и рознь между лицами, причастными к одному и тому же делу, - достижение не меньшее, нежели отнять у них несколько лет жизни. Возненавидев друг друга, они потом сами станут уничтожать один другую и наоборот, а ГБ и рук не надобно прилагать. В этом и состоит конкретное воплощение установки "разрушать среду".

Следствие, а позже суд не заблуждались насчет меры раскаяния Климовой. Жерлицын говорил Надежде в апреле: "Сейчас Маргарита Михайловна стала разговаривать, но и одной двадцатой того, что знает, не рассказала. Почему при этих условиях следствие сочло нужным вписать в обвинительное заключение как смягчающую вину Климовой формулировку: "Раскаялась и своими показаниями в определенной степени оказала помощь следствию", - может быть объяснено посредством гипотез, приводить и разбирать которые тут неуместно.

Прочие допросы

Эти допросы, сдается, не имели значения ни для следствия, ни для Климовой, ни для допрашивавшихся лиц, но полноты ради мы их приводим.

Гессе

Допрашивалась назавтра после обыска у нее, т.е. 18 апреля. Ничего не помнила, Климову знала отдаленно. Баланев спрашивал у Гессе, что же ему делать со статьей "О социальном диалоге", которая у него лежит в десяти экземплярах, включая авторский, а Гессе доказывала, что статья эта очень интересна, хотя откуда она у нее - не помнит.

Длин

Допрашивался об источниках криминальной литературы у Завельского, но ничего не знал по интересующему следователя вопросу.

Краско

Будучи хорошей подругой Климовой и ее сестры, ничего не знала, однако, о чем-либо уголовно интересном. Пименова видела, но отдаленно.

Кунгурова

В апреле передопрашивал Жерлицын. Ничего нового.

Марков

В начале апреля допрашивал Жерлицын. Будучи сокурсником Андрея Тиме, через него познакомился с Климовой, когда ему понадобился перевод с сербского статьи по истории математики. Не видел у Климовой литературы, изданной за рубежом и распространяемой у нас неофициально, равно как и самиздата. На политические темы с Климовой не говорил, знакомых Климовой не знает, ибо она его с ними не знакомила. На вопрос, знаком ли с Пименовым, ответил, что как всякий интеллигентный человек слышал про Эйнштейна, так всякий учившийся на матмехе, знает о Пименове. "Я его один раз даже видел."

Мельник Ирина

подтвердила свое заявление от ноября 1982.

Мельник Юрий

Подтвердил факты, изложенные в заявлении его жены относительно пленок "Социалистического вестника", и то, что эти пленки для проявления дала ему Климова несколько лет назад. Баланев предъявил (или зачитал?) запись Климовой в блокноте, из которой следовало, якобы она давала ему "Вестник РХД" № 107. Мельник чистосердечно пояснил, что с момента своего освобождения ничем подобным не интересуется, никогда не видел такого журнала и считает запись плодом недоразумения.

Михайлова Надежда,

т.е. сестра Маргариты, была оформлена и как свидетель, но ничего криминального, политически или идеологически значимого о своей сестре она не знала.

Соловьев

Он учился вместе с Климовой, но тогда они не сблизились. Проработав по распределению несколько лет в КГБ, Соловьев ушел переводчиком во ВНИИГ в 1968, с какового времени отношения его с Маргаритой стали тесными. Не один раз она выручала его денежно,

ибо он был в долгах по уши. Впрочем, услуги были обоюдными. Его вызвали 13 января, но не Баланев - Жерлицын - Туркин, а капитан Чухонин с кучей грубых оперативников набросились на него, не задавая никаких конкретных вопросов: “Рассказывай обо всем!” - “Ничего не знаю!” - “Знаешь, мы прошляпили, надо было и у тебя обыск сделать!” - “Ничего не знаю!” - “Ну, я это тебе припомню!”.

Позже, в мае его допрашивал майор Жерлицын, предъявивший показания Климовой о том, что она давала Соловьеву в 1976 "Бодался теленок с дубом" Солженицына. Он подтвердил, был вызван в суд.

Стригин

во вторую неделю мая вызывался на допрос в связи с обстоятельствами получения им от Климовой журнала "Эхо" и статьи "О социальном диалоге".

Тиме

неоднократно вызывался на протяжении января-апреля, а в мае состоялась его очная ставка с Климовой. Во время ставки Баланев и Жерлицын обращались с Тиме как с половой тряпкой, без той вежливости, с какой разговаривали с Ильиным или Сомовым. С Тиме говорили резко, приказывающе. Климова отреклась от передачи Андрею Тиме "Из-под глыб", "Вестника РХД" № 122, ряда "Континентов", "Желтого дома". Тиме сначала было поспорил, но когда она бросила: "Помнишь, как ты хвастался, что смог раздобыть "Из-под глыб" без моей помощи?", - подтвердил все.

АКТ IV
или ГРЕТХЕН И ФАУСТ

Идет при опущенном занавесе, и даже надзиратель, почти ежеминутно заглядывающий в волчок, не знает, что разыгрывается на сцене-сердце Маргариты, когда она вспоминает прошлое бессонными ночами в камере.

АКТ V
СУДОГОВОРЕНИЕ

Прелиминарии

При подписании по 201-й статье присутствовал адвокат Осоцкий Александр Иванович, нанятый ее сестрой. Это сын видного юриста, ему срочно делают карьеру, поручая беспроигрышные с малыми сроками дела. Будучи допущен к ст.70, он вполне гебист и бескорыстно помогает следствию. Сам он весь душевно поглощен своим галстуком и, сдается, это единственное, что у него за душой. Впрочем, возможно, усами тоже.

Из дела Климовой выделено 8 дел "в отдельное производство для профилактики". Это дела:

Гессе Н.В. (эмигрировала в феврале 1984)

Ескина Ю. (уже несколько лет как проживает в Голландии с советским паспортом)

Завельского Н.И.

Ильина В.Ф. (в сентябре 1983 предупрежден по Указу 1972)

Кунгуровой Л. (летом 1983 предупреждена по Указу)

Пименова Р.И.

Сомова Г.П. (в августе предупрежден по Указу)

Тиме А.Д. (в мае предупрежден по Указу)

Поэтому в деле Климовой отсутствовал ряд документов, с которыми она была ознакомлена в ходе следствия. Например, материалы, изъятые у Пименова, отсутствовали. Отсутствовало покаянное письмо Тиме от декабря. Часть изъятого у Климовой вернули ее сестре, например, пишущую машинку, письма (не Пименова). Книг же, даже "Спекторский" Пастернака или детективов - не вернули.

Обвинительное заключение Климовой было вручено 13 июня. Оно инкриминировало Климовой деятельность с 1971 по 1982: систематически распространяла среди своих знакомых антисоветские издания, изданные за рубежом, в целях подрыва или ослабления советской власти, т.е. по ст. 70 ч.1. Назывались произведения Даниэля, Авторханова, Амальрика, Максимова, Солженицына, Н.Я.Мандельштам, Копелева, Сахарова, Войновича, Зиновьева, Глезера, Гуля, журналы "Континент", "Вестник РХД", "Посев", "Эхо" и сборник «Из-под глыб». Антисоветский характер каждого из этих произведений установлен протоколами осмотра оных. Наличие антисоветского умысла доказывается систематическим характером действий Климовой, разнообразием передаваемой литературы, настойчивостью Климовой в ее добывании, конспиративностью при передаче и тем фактом, что она поддерживала близкие отношения с лицами, ранее привлекавшимися к ответственности за антисоветскую деятельность, а также собственным признанием Климовой, что она сознавала клеветнический характер распространяемой литературы. В числе смягчающих обстоятельств названы ее тяжелая болезнь и тот факт, что она полностью раскаялась и своими показаниями в определенной степени оказала помощь следствию. Формулировки о том, будто бы она действовала под чьим-нибудь влиянием, - нет. В суд вызваны свидетелями: Введенский, Воротников, Завельский, Зильбербрандт,

Ильин, Кунгурова, Маслова, Михайлова Надежда, Михайлова Наталья, Орловская, Соловьев, Стригин и Тиме.

22 июня Климову привозят в суд. Присутствуют судьи, прокурор, она. Адвоката и свидетелей нет. Ее спрашивает судья Исакова относительно ее адвоката, после чего ее увозят назад. Суд назначен на 5 июля, с этой датой рассылаются повестки свидетелям.

К этому моменту Климова была очень измучена, угнетена, раздираема несовместимыми чувствами. С одной стороны, она твердо уверовала - не без содействия сокамерниц - в то, что ее почти наверняка освободят в зале суда, а потом будет ссылка. Поэтому ей надавали "неотложнейших" поручений на волю, и как она сама формулировала: "Мне обязательно надо было освободиться в зале суда, не для себя, а столько важных дел мне поручили!" (в этой мотиви-ровке, как солнце в малой капле вод, снова отразился ее характер: получать выгоду для самой себя стыдновато, а вот для других - можно и надо). С другой стороны, она никак не желала признавать, что действовала с антисоветским умыслом; уже то, что она признала антисоветский характер инкриминируемых ей произведений, терзало ее и оправдывалось ею для себя только доводом "еще 6 месяцев следствия я не выдержу". В-третьих, перспектива выступать в суде пугала ее и своим публичным характером (напомним, что она была женщиной "камерного" типа, никогда не выступавшая публично) и тем, что придется говорить слова, как наждаком царапающие совесть. "Самое страшное, самое неприятное - был суд", "Я предпочла бы пойти на 7 лет в лагерь, только бы чтоб суда не было". В ней совершенно отсутствовало бойцовское воодушевление "на людях и смерть красна", "порисоваться", "бросить слова правды в лицо". В-четвертых, при всей уверенности в освобождении, веско сказывалось и сомнение: а вдруг не случится?!

М.М.Климова и ее племянник(?) Сережа в ссылке. г.Балей, 2 января 1984.

Вот на этом-то страхе запросто сыграл адвокат Осоцкий. Он уверял ее, что единственный путь добиться освобождения в зале суда, о чем говорил Жерлицын, - это полностью признать антисоветский характер ее деятельности, подтвердить, что у нее был антисоветский умысел на причинение ущерба советской власти в момент распространения ею инкриминированной ей литературы. Тогда суд увидит, что она полностью раскаялась и снизойдет к ней. Если же она начнет спорить, доказывать, проводить тонкое различение, что сейчас-де она понимает антисоветский характер, а тогда, прежде, не отдавала себе отчета, то суд усмотрит в этом увертки и припаяет больше. Адвокат ведь не следователь, рассудила она. Он за меня, значит, надо ему поверить. И согласилась полностью все признать. Он написал ей и текст последнего слова, который она прочтет.

Суд происходил в зале №54 на втором этаже Ленгорсуда, объявлений о слушании дела на стенде не было в этот день никаких, но в коридоре висела бумажка: "Дело Климовой - ком. 54". Накануне и в этот день секретарь суда обзванивал свидетелей, имевших телефоны, обеспечивая их явку. Кроме свидетелей явились зрителями некоторые друзья Маргариты Климовой, в частности человек 5 родных Волохонского, Н.В.Гессе, С.Костричкина, А.Краско, А.С.Колосова, Н.Лесниченко, Г.Е.Минц, Р.И.Пименов, М.Г.Петренко-Подъяпольская, В.Чифч и еще человек пять. На второй день суда из Волохонских осталась лишь Н.И.Будаева, не было Лесниченко, Минца, но прибавились А.Е.Ходоров и треугольник ВНИИГа. Кроме Надежды Михайловой никого из родных Климовой не было. После того, как конвой в 6 человек - без штыков, с пистолетами в кобурах - провел Климову, щуплая фигурка которой терялась за рослыми конвоирами, перед дверьми возник некий ажиотаж. Не привыкшие к свободе допуска на политические процессы друзья Маргариты опасались, что всех или кого-нибудь выборочно не запустят в зал, например, под предлогом, будто зал полон. Поэтому Лесниченко и Гессе стояли в дверях первыми, две другие женщины взялись за руки, перекрыв дверь, дабы не впустить людей однообразной внешности, числом 13-15, которые при попустительстве милиции с применением силовых приемов рвались войти первыми. После яростных криков Гессе, что она - инвалид войны и не позволит никому войти раньше нее, распорядитель пропустил ее первой после судей-свидетелей, а затем энергично "мальчики" разорвали цепь женских рук и ворвались-таки раньше, заняв предписанные им сценарием места. Затем в 10.20 были запущены прочие, никто не остался в коридоре - сорока мест хватило.

На скамье подсудимых Климова имела больной, подавленный и испуганный вид. В зал суда взглянула один раз, увидела Пименова, в испуге, словно не видя, отвела глаза и больше к залу не поворачивалась, уставившись в промежуток между судьями и прокуроршей Катуковой либо опуская глаза к своим записям. Правда, позже, когда в перерыв сквозь конвой в коридоре Пименов выкрикнул ей несколько ободряющих слов, к Климовой на миг вернулся ее былой вид, она заулыбалась, замахала рукой, но была оттащена конвоем. После аналогичных криков до начала заседания на второй день она сидела, смотря в зал весело, с улыбкой, чуть не щебетала, но при появлении прокурорши надела на лицо покаянную маску и снова уставилась в пространство между судьями и прокуроршей. Независимо от выражения лица, это лицо больного человека, исхудавшего, пожелтевшего почти желтизной покойника. В жарчайший день, когда все обливаются потом, сидит в шерстяной кофточке. На всех одинаковое впечатление неуместности, неправильности картины производила ее хрупкая низенькая фигура, перед которой возвышались, экранируя ее от зала, два-три верзилы с отдувающимися на задах пистолетами. Однообразного вида молодые люди попробовали было вполголоса начать переговариваться: "Вон сидит эта сука", - но дальнейшего развития такой глас народный не получил.

По соблюдении формальностей и констатировав, что из 13 свидетелей явилось 10, суд приступает к слушанию дела. Оглашается обвинительное заключение, Климова признает себя

виновной полностью. Начав давать свои объяснения суду, Климова берет у защитника обвинительное заключение и, читая его поэпизодно, лаконично признает каждый эпизод: "Да, это было". Судья прерывает, требует говорить распространеннее, давать оценку своим деяниям. Климова говорит, что она раскаивается, но судья выражает сомнение в искренности ее раскаяния: "На следствии вы вели себя иначе, продемонстрируйте суду это раскаяние". "Прошу суд верить, что мое раскаяние искреннее." Напоминая Климовой, что она - филолог и должна уметь говорить, суд требует подробнее объяснять, почему Климова давала такую литературу и сама ею интересовалась. Климова начинает было объяснять свой интерес к поэзии Мандельштама и Цветаевой, произносит несколько фраз, из которых так отчетливо обрисовывается совершенно естественный и человечески невинный характер "распространения" ею тамиздатской литературы, что на изумленное выражение лица судьи она спохватывается и казенным голосом продолжает: "Я уже тогда сознавала клеветнический характер распространяемой мной литературы...". На наводящие вопросы прокурора объясняет, что поддерживала близкие отношения с ранее привлекавшимися к ответственности за антисоветскую деятельность М.Бернштамом, В.Борисовым и Р.Пименовым, а также с эмигрировавшими С.Дедюлиным и К.Кузьминским. На вопрос, в чем состояли ее отношения с Пименовым, объясняет: "Когда он приезжал в Ленинград, я знакомила его с моими знакомыми.". На вопрос, какую еще литературу, не указанную в обвинительном заключении, она давала своим знакомым, в частности Стригину, Климова поясняет, что давала Стригину кроме журнала "Эхо" еще статью "О социальном диалоге". На вопрос прокурора, кто автор этой статьи, отвечает: "Револьт Иванович Пименов". На вопрос, с какой целью давала, объясняет: "Я хотела познакомить Стригина с Пименовым и дала ему статью Пименова, чтобы он представлял, с кем будет разговаривать".

Затем, вопреки тому, что он добивался от Климовой накануне, адвокат минут 30-40 наводящими вопросами пытается добиться от Климовой заявления, что она не преследовала цели подрыва советской власти в момент распространения; прокурор протестует против некоторых вопросов, судья мягко выговаривает адвокату за форму вопросов, но сами вопросы не снимает, а самостоятельно четче их перефразирует. Климова в полной растерянности, чего же от нее хочет адвокат, дает сбивчивые, взаимопротиворечащие ответы, но в окончательном виде резюмирует: "Теперь выходит, что цель подрыва или ослабления советской власти у меня была". Лишь потом, в камере, она постигла, что адвокат просто обманул и потешился.

После десятиминутного перерыва, во время которого многие зрители опасались, что назад в зал их не пустят, но, напротив, даже по первому этажу ходил распорядитель, созывая всех в зал, суд переходит к допросу свидетелей. Каждый из свидетелей, знавших лично Климову, отвечая на вопросы защитника, отмечает общительность, веселый характер, отзывчивость и доброту Климовой, сообщает, что не слышал от Климовой ни одного антисоветского высказывания, что никогда не обсуждал с ней содержания возвращаемых им ей книг и что знакомство с этими

изданиями не повлияло на убеждения свидетеля и не сделало его антисоветски настроенным.

Зильбербрандт

повторяет сказанное на следствии. Подчеркивает, что достоверно он не может поручиться, что его жена получила "Архипелаг" именно от Климовой, что он это умозаключил. Впрочем, уже после ареста Климовой жена ему это прямо говорила.

Завельский

повторяет сказанное на следствии, добавляя, что сам он от Климовой никогда не получал какой-либо антисоветской литературы. На вопрос прокурора, обличающей Завельского в спекуляции книгами, Завельский путается в цене, за которую продал "Желтый дом". (Тут Климова впервые подняла глаза и насмешливо взглянула на свидетеля.)

Ильин

Климову Маргариту знаю лет 10. За последние 2-3 года отношения приняли дружеский характер. Встречались и у нее, и у меня, в среднем примерно один раз в неделю. Климову я знаю достаточно хорошо, чтобы заявить следующее. В основе любого преступления лежат какие-то отклонения от нравственной нормы.Так вот, таких отклонений у Климовой нет. У нее нет ни корысти, ни стремления жить за чужой счет, ни лживости - она очень честный человек. Нет в ней тщеславия, честолюбия, властолюбия и т.д. И я со всей ответственностью могу заявить, что Климова по своим нравственным качествам не могла совершить никаких преступлений. Со всей ответственностью заявляю, что никогда Климова ничего не распространяла с целью подрыва и ослабления советской власти. Это я могу заявить с полной ответственностью, как человек, получивший воспитание в рабочей среде - все мои родные были рабочими - и как человек, сам являющийся рабочим уже 36 лет.

Судья: Климова вас систематически снабжала литературой?

Ильин: Почему систематически? У меня есть своя библиотека. Просто мне кажется, что я у нее мог взять любую книгу, так же, как она у меня.

Прокурор: Давала ли вам Климова антисоветскую литературу?

Ильин: Мне непонятно, что это такое, если бы были списки с перечнем названий...

Прокурор: Вот то, что у вас изъяли, и есть антисоветская литература. Что у вас изъяли?

Ильин: У меня изъяли, например, зачетную книжку, оставшуюся еще с того времени, когда я занимался в институте. Она что...

Судья останавливает свидетеля. Заходит речь о глубоком склерозе его, подтверждаемом медицинской справкой.

Кунгурова

подтверждает сказанное на следствии, а на вопросы суда и прокурора добавляет, что "Архипелаг ГУЛАГ" ей решительно не понравился, а "Вестники" показались смертельно скучными.

Михайлова Наталья

повторяет показания на следствии. Отвечая на вопросы, оценивает "Архипелаг ГУЛАГ" как антисоветскую, клеветническую литературу.

Михайлова Надежда

характеризует свою сестру только положительно. “Когда я занималась в Политехническом институте, то получала материальную поддержку от Маргариты. Рита заботилась о своих больных родителях, содержит их.” Отмечает увлечение Риты литературой, театром, музыкой. Уговорила престарелых родителей переехать из Ярославля в Лугу, чтобы иметь возможность больше им помогать. Тяжело больна сама с 1978.

Прокурор: На предварительном следствии вы сказали, что у Риты знакомых пол-Ленинграда. Объясните эту фразу конкретно.

Михайлова: Я не знаю фамилий ее знакомых, но у меня сложилось такое ощущение потому, что когда у меня тяжело болел маленький сын, то Рита через своих знакомых устраивала необходимые консультации у профессоров. Никакой антисоветской литературы от сестры не получала, даже не знала о наличии таковой. Антисоветских высказываний тоже не слышала.

Маслова

повторяет показания, данные на следствии, а Климова на вопрос суда подтверждает, что получила эту книгу от покойного Маслова С.Ю.

Затем устраивается двухчасовой перерыв на обед.

Соловьев

повторил показания, данные на следствии, и на вопрос прокурора признал, что на следствии называл книгу Солженицына, данную ему Климовой, антисоветской и клеветнической, хотя в суде не хотел было этого произносить.

Стригин

Знаком с Климовой месяца четыре, познакомился у Сомова. Собирался поступать в университет и интересовался философией, поэтому брал у Климовой Ницше. Спрашивал у Климовой Зиновьева, вообще чего-либо. Она для него доставала по его просьбе. Но сама такого желания давать ему не выражала. Получил также "О социальном диалоге" и "Эхо". В ответ на реплику прокурора, что его показания расходятся с его заявлением от 2 декабря, где он писал, что Климова по своей инициативе навязывала ему много антисоветской литературы, произнес, что заявление от 2 декабря он не писал. После вопросительной паузы пояснил, что писал то заявление не сам, а под диктовку следователя (тут секретарь суда перестала вести протокол). “Впрочем, может быть, это был и не следователь, потому что меня первый раз вызвали в КГБ не на допрос, а на беседу. Я был очень запуган.”

Прокурор: Мне надо либо привлекать к ответственности следователя за нарушение законности, либо вас к ответственности за клевету. Учтите, вы идете по антисоветскому пути.

Стригин мнется и не настаивает на своих утверждениях. На вопрос прокурора сообщил, что интересовался философией и посещал - не будучи студентом - лекции на философском факультете, в том числе прослушал "курс антикоммунизма". Это последнее вызвало недоуменный протест прокурора и улыбки присутствующих, чем завершился допрос; впрочем, наверное,

Стригин имел в виду банальный курс под названием "Курс разоблачения ядреной сути антикоммунизма", естественно сокращенный слушателями.

Тиме

Повторял свои откровенные показания в таком стиле: Я регулярно обменивался с Климовой литературой. Когда появлялась новая литература, Климова мне ее предлагала.

Прокурор: Итак, Климова вам навязывала эту литературу!

Тиме: Да. У меня и моего отца тоже было немало подобной литературы, и мы ее друг другу предлагали. Я брал, в том числе 2-3 выпуска "Посевов", но это я взял без ее разрешения, "Континенты" такие-то номера, "Грани", "Искусство под бульдозером", "Вестники РХД" для своей матери, "Иванькиаду". Мой отец и дядя делали с этой литературы микрофильмы и фотокопии, и Климова знала, что они размножают эту литературу. Сам я печатал на машинке. Я купил у Завельского "Желтый дом", не помню, за какую цену, но не менее, чем за 70 рублей, а помнит- ся - дороже. Когда в ноябре 1982 мы с Введенским подъехали к дому Климовой, чтобы отдать ей книги, я был немного выпивши [*Прокурор*: Нет, вы были очень сильно пьяны], Введенский оставил книги в машине, а сам поднялся к Климовой, я остался в машине, но затем я вышел из машины, чтобы позвонить по телефону. А водитель с книгами уехал.

Почти каждому свидетелю адвокат или прокурор задавали вопрос, не выражала ли Климова желания уехать за границу, и свидетели отвечали "Нет!".

Показания неявившихся свидетелей Введенского (по болезни) и Орловской (находится в отъезде) зачитываются.

После пятиминутного перерыва происходит довольно беглый, занявший всего минут 20 времени, осмотр составом суда и сторонами вещественных доказательств, когда судья поднимает соответственную книгу или журнал титульным листом и диктует ее название секретарю для протокола. На предложение судьи к Климовой ознакомиться, так, как и на прежние вопросы, есть ли ходатайства или вопросы к свидетелям или желание чем-либо пополнить, та отвечает отказом. По ходатайству прокурора оглашается сдержанно-положительная характеристика из ВНИИГа, упоминается без оглашения также характеристика с последнего места работы ВНИИАШ. Упоминается без оглашения медицинская справка о тяжелом заболевании. Судебное следствие объявляется законченным, следующее заседание назначается на 10.00 7 июля. Времени около 17.00.

7 июля в 10 утра безо всяких эксцессов возобновляется заседание.

Речь обвинителя

Катукова сначала уделяет много внимания политической обстановке в мире, роли спецслужб США в развитии антисоветской деятельности. Приводит цитаты из Ленина и Андропова, ссылается на важность решений июньского пленума по идеологии. Сообщает, что только по Ленинграду и Ленинградской области изымается ежегодно 15-20 тысяч экземпляров вредной литературы. Перечисляет методы доставки этой литературы в СССР. Затем переходит к материалам рассматриваемого дела.

“Как установлено предварительным следствием и полностью подтвердилось в судебном заседании, подсудимая Климова М.М. в период с 1971 по 1982 систематически распространяла среди своих знакомых антисоветскую литературу и делала это с целью подрыва или ослабления советской власти. Из показаний свидетелей Тиме, Стригина и др. видно, что она делала это очень продуманно и умело: сперва давала им читать безвредную литературу (например, М.Булгакова, Ф.Достоевского, М.Цветаеву и др.), а затем - литературу, содержащую клевету на советский общественный и государственный строй и наконец - издания, содержащие открытые призывы к свержению советской власти. Литературу подбирала, исходя из уровня восприятия читателей. Свидетели Введенский и Орловская могут служить примером тех, кто успел получить лишь первую порцию этой литературы. Как видно из показаний Кунгуровой и др., подсудимая применяла при распространении литературы конспиративные приемы, советовала не держать эту литературу на виду и др. Для морального облика окружения Климовой характерно, что многие из близких к ней лиц привлекались к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность либо подвергались официальному предупреждению со стороны органов КГБ за деятельность, наносящую ущерб государству. Многие лица из окружения Климовой уехали за рубеж (Бернштам, Борисов, Дедюлин, Кузьминский). Дедюлин, уехав, оставил Климовой гору антисоветского хлама, который она распространяла. После их отъезда Климова продолжала получать от них антисоветскую литературу, в частности, через американскую туристку, что, кстати сказать, ее не удивило и не насторожило. К чему приводит чтение подобной литературы, видно на примере свидетеля Тиме, который ночи напролет перепечатывал антисоветские произведения, полученные им от Климовой, а сейчас, имея высшее образование, является рабочим в бане. Отмечу, что Климова знала о том, что Тиме размножает полученную от нее антисоветскую литературу и оставляет себе копии, и отнюдь не протестовала против этого. Наиболее активны в получении литературы от Климовой и в ее дальнейшем распространении были свидетели Ильин, Завельский, Тиме. Многие свидетели говорили в судебном заседании, отвечая на вопросы адвоката, что чтение полученной от Климовой антисоветской литературы не привело к изменению их убеждений, не сделало эти убеждения антисоветскими. Разумеется, от прочтения одной книги убеждения не изменятся, но Климова распространяла эту литературу систематически, и это доказывает, что у нее был умысел на подрыв или ослабление советской власти. Считаю, что вина Климовой в совершении антисоветской агитации и пропаганды, т.е. в преступлении, предусмотренном ч.1 ст. 70 УК РСФСР,

полностью доказана. Свидетель Стригин вел себя на суде плохо. Ему, да и другим свидетелям следовало бы почитать Конституцию СССР и, в частности, ее ст. 62, требующую от каждого гражданина СССР оберегать интересы Советского Государства, способствовать укреплению его могущества и авторитета, и ст. 39, ч.2, предусматривающую, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерба интересам общества и государства.

По работе Климова характеризуется положительно. В настоящее время она искренне раскаялась, помогла следствию в раскрытии обстоятельств преступления, назвав тех, кому она давала антисоветскую литературу. В соответствии со ст. 38 ч. 2 УК суд может признать смягчающими и обстоятельства, не указанные в ч. 1 этой статьи. К таким обстоятельствам, наряду с добросовестной трудовой деятельностью Климовой, может быть отнесено и тяжелое заболевание, которым Климова страдает с 1978. В деле нет ни одного обстоятельства, которое в соответствии со ст. 39 УК могло бы считаться отягчающим ответственность подсудимой, она не привлекала несовершеннолетних к участию в преступлении, ее преступление, хотя опасно, но не привело к тяжким последствиям, она не оговаривала заведомо невиновных, не совершала ранее преступлений и др. Согласно ст. 70 ч. 1 УК РСФСР санкция за совершенное Климовой преступление установлена в виде либо лишения свободы на срок от 6 месяцев до 7 лет со ссылкой на срок от 2 до 5 лет, либо без ссылки, или ссылка на срок от 2 до 5 лет. Согласно ст. 37 при назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность. В соответствии с этой статьей закона и с учетом всего вышесказанного я прошу суд определить Климовой наказание в виде восьми месяцев лишения свободы с последующей ссылкой на четыре года.”

Речь защитника

“Я не оспариваю факты распрстранения моей подзащитной литературы, вменяемые ей в вину. Я согласен и с тем, что распространявшаяся Климовой литература имеет антисоветский характер. На фоне общей напряженной обстановки в мире эти действия Климовой были опасны для общества и являлись преступным легкомыслием. Однако если доказано, что Климова распространяла литературу антисоветского содержания, то еще не следует, что она виновна в антисоветской агитации и пропаганде и что ее действия подлежат квалификации по ст. 70 УК. В 1966 году в УК была введена статья 190^1 по которой квалифицируется распространение литературы, содержащей клеветнические измышления, порочащие советский общественный и государственный строй, т.е. антисоветской литературы, статья же 70 подлежит применению лишь в том случае, когда подсудимый не только распространял антисоветскую литературу, сознавая при этом, что она содержит заведомо ложные измышления, порочащие советский строй, но и имел при этом умысел на подрыв или ослабление советской власти. Я призываю суд внимательно рассмотреть вопрос о том, доказывают ли материалы судебного следствия наличие у моей подзащитной такого умысла. Когда лечат палец, не отрубают руку. В судебном заседании было установлено, что Климова давала литературу неохотно, многие свидетели, в частности Стригин, говорили, что им приходилось такую литературу у Климовой выпрашивать. Сама Климова никому такую литературу не предлагала. Прокурор сказала, что подсудимая распространяла антисоветскую литературу систематически в течение 12 лет. Но ведь за такой длительный срок она дала эту литературу всего лишь семи лицам с перерывами в 3-4 года. А если посмотреть более конкретно, кому и сколько антисоветских изданий она давала, то окажется, что 25 книг получил Тиме, а остальные 6 свидетелей - всего по 1-2 книги за весь этот столь длительный срок. По моему мнению, это не дает возможности говорить о систематичности распространения антисоветской литературы. Отсутствие у Климовой цели подрыва или ослабления советской власти подтверждается и тем фактом, что она, как единодушно показали свидетели, никогда не высказывала своих мнений и не выясняла мнений других. Какая же это пропаганда, если она дает книги и не интересуется мнением о прочитанных книгах? При оценке направленности умысла подсудимой важно учесть и такой факт. Климова имела громадную библиотеку, более 4000 томов, и разрешала широкому кругу своих знакомых пользоваться этой библиотекой, по существу она была как бы библиотекарем при этой библиотеке, многим она разрешала и самим рыться в книгах и выбирать книги для чтения. Издания антисоветского характера составляли ничтожную долю библиотеки моей подзащитной. Как показывали многие свидетели и как подтвердила в своей речи прокурор, Климова давала читать не только антисоветскую литературу, в том числе и свидетелям, получавшим от нее литературу преступного характера, она давала также и вполне безвредную литературу. На каждую выданную ею книгу антисоветского характера она выдавала для чтения, пожалуй, не менее десяти книг вполне советских. Почему мы должны считать, что воздействие на читателей антисоветских книг было сильнее, чем

воздействие советских изданий? Наоборот, есть все основания полагать, что правдивые советские издания оказывали на читателей большее воздействие, чем клеветнические антисоветские. А это не вяжется с утверждением о наличии у Климовой антисоветского умысла. Товарищ прокурор находит меры конспиративного характера в том факте, что Климова, давая книгу Кунгуровой, предупреждала ее никому не давать, чего Кунгурова, правда, не выполнила. Но на этот эпизод следует взглянуть по-иному. Климова, давая Кунгуровой книгу Солженицына, сознавала клеветнический характер этой литературы, но не желала наносить ущерба советской власти. Поэтому она просила Кунгурову никому не давать этой книги, чтобы ущерб, причиняемый советской власти был бы минимальным. Сопоставьте мощь советского государства с возможностями этой маленькой, немолодой, больной женщины? Могла ли она подорвать или ослабить советское государство?! Могла ли она ставить себе целью подрыв или ослабление советского строя?! Я считаю, что результаты судебного следствия не дают оснований считать доказанным наличие у Климовой такого умысла. Поэтому я прошу суд переквалифицировать действия Климовой по ст. 190 УК РСФСР.”

Никакой конкретной санкции адвокат не упоминал. Речь закончена в 11.30, объявлен перерыв на 5 минут.

Последнее слово подсудимой

“Я признаю себя виновной целиком и полностью по всем пунктам предъявленного мне обвинения. Благодарю следствие за хорошее отношение ко мне, за то, что оно помогло мне разобраться в моих поступках и осознать их преступный характер. У меня было время подумать. Стыдно в таком возрасте перед лицом присутствующих признаваться в своем преступном легкомыслии (при произнесении этих слов интонация речи Климовой вдруг стала живой и сердечной, затем вернувшись к мертвенно-казенной). Раскаиваюсь в своих преступлениях и впредь не буду ничем подобным заниматься. Перед лицом суда и всех присутствующих в зале обещаю, что не только сама не буду заниматься этим, но не буду впредь равнодушной и к подобным же преступным действиям других лиц, буду им активно противодействовать. Прошу суд верить в искренность этого моего последнего слова. Я надеюсь, что суд при вынесении приговора учтет мое искреннее раскаяние.”

После этого суд удаляется в совещательную комнату, объявив перерыв до 13.30. В перерыве Нина Ивановна Будаева, мать Л.Волохонского, хорошо знавшая Риту и видевшаяся с ней всего за несколько дней до ареста, произносит: "Боже, что они делают с людьми!".

После перерыва суд провозгласил приговор.

“Приговор

по делу Климовой М.М., от 7 июля 1983, Исакова Н.С., Нагорный В.И., Кириленко Н.В. (мужчина) при секретаре Захаровой Н.К. в открытом судебном заседании установила - и, повторив обвинительное заключение и аргументированно отвергнув доводы адвоката, суд признал Климову виновной в распространении

в 1971 дала Тиме книгу Даниэля "Говорит Москва", в которой ложно говорится, будто бы умерщвление людей в масштабах всей страны в СССР якобы лежит в самой сути учения о социализме,

в 1972 - Тиме - Авторханова "Технология власти", где советская власть клеветнически называется ныне существующей партийной олигархией,

в 1973 - Тиме - Амальрика "Просуществует ли СССР до 1984?", где СССР клеветнически называется империалистическим агрессивным государством,

в 1975 - Тиме - Максимова "7 дней творения", где клеветнически утверждается, якобы советский народ отказался от построения коммунистического общества,

в 1976 - Соловьеву - Солженицына "Бодался теленок с дубом", где клеветнически утверждается, якобы в СССР повсеместно нарушается законность, а население живет, как в огромном концентрационном лагере,

в 1976 - Тиме - Н.Я.Мандельштам "Воспоминания", где советская власть клеветнически именуется машиной террора,

в 1976 - Тиме - Солженицына "Ленин в Цюрихе", где дается антисоветское освещение фактам истории создания коммунистической партии,

в 1976 - Тиме - Копелева "Хранить вечно", где советская власть изображается клеветнически как сплошное беззаконие,

в 1976 дала Тиме сборник статей Сахарова, где клеветнически утверждается, якобы социализм ведет страну к гибели,

в 1976-77 - Тиме - "Континент" № 1, 2, 6, 8, содержащие статьи, проникнутые враждой к советской власти,

в 1977 - Тиме - "Из-под глыб", который содержит призывы к изменению существующего в СССР строя,

в 1978 - Тиме - Войновича "Иванькиада", где клеветнически утверждается, якобы в СССР практикуются массовые гонения на творческую интеллигенцию,

в 1979 - Кунгуровой - "Вестник Русского Христианского Движения" № 116 и № 122, в некоторых статьях которого существующий в СССР строй именуется тоталитарным,

в 1980 - Кунгуровой - Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ" т. 1-2, в которой клеветнически утверждается, будто бы советский строй стал самым антинародным и самым деспотичным в истории человечества,

в 1980 - Тиме - "Вестник РХД" № 118, 124, 131, а

в 1982 - Тиме - то же № 115, 116, 119, содержащие прямые призывы к уничтожению стран социализма,

в 1982 - Тиме - "Континент" № 11, содержащий статьи, призывающие империалистические государства активно вмешиваться во внутренние дела СССР,

в 1982 (летом) - Тиме - "Посев" № 5, 6, 7 за 1981, который содержит призывы к свержению советской власти,

в 1982 (в августе) - Тиме - повторно Копелева "Хранить вечно"

в 1982 (в августе) - Стригину - "Эхо" № 4 за 1978, где СССР клеветнически назван тоталитарным государством,

в 1982 - Стригину - Зиновьева "Желтый дом", содержащую призывы к террористическим актам против руководителей партии и государства,

10 ноября 1982 - Введенскому - Авторханова "Сила и бессилие Брежнева" и Глезера "Искусство под бульдозером", в которых существующий в СССР строй приравнивается к фашистским режимам,

19 ноября 1982 - Орловской - Гуля "Одвуконь", где СССР клеветнически называется полицейским тоталитарным государством,

с декабря 1981 по ноябрь 1982 хранила у себя с целью распространения книгу Зиновьева "Светлое будущее" и с той же целью с сентября по 30 ноября 1982 книгу Максимова "7 дней творения".

Преступление подтверждается показаниями свидетелей Зильбербрандта Е.Л., Завельского П.И., Ильина В.Ф., Кунгуровой Л.В., Михайловой Н.Н., Масловой Н.Б., Соловьева С.В., Стригина А.П., Тиме А.Д.

Показания свидетелей подтверждаются доказательствами и актами экспертизы (все это конкретизировано).

Направленность действий Климовой на подрыв советской власти установлена. Преступление квалифицированно правильно.

Климова раскаялась, своими показаниями в определенной степени содействовала полному раскрытию преступления. Она тяжело больна. Ранее не судима.

Приговорить к 8 месяцам лишения свободы и последующим 3 годам ссылки по ст. 70 ч. 1 УК РСФСР.

Подписи, печать”

Итак, Климова осталась под стражей, а какой кошмар-ссылка ее ждет, ей и не мерещилось.

Разумеется, речи сторон в суде, показания свидетелей и прочее записаны не полностью, приблизительно. Пропусков, наверняка, хватает. Но не является пропуском то, чего все время ждали юридически грамотные слушатели, без чего приговор утрачивает свою правосудность и чего так и не прозвучало в суде: суд не выяснил доказательств того, что инкриминированные Климовой произведения ЯВЛЯЮТСЯ КЛЕВЕТНИЧЕСКИМИ, т.е. НЕПРАВДИВЫМИ. Ни одна фраза из инкриминированных и названных приговором "клеветническими" текстов не была оглашена в суде и никаких доказательств или хотя бы голословных заявлений прокурора: "Вот то-то, дескать, ложно", - не прозвучало.

14 и 21 июля состоялись свидания Маргариты с Надеждой. Маргарита расписывала своей сестре, как ей хорошо живется в тюрьме, как все - кроме кофе - здесь есть, что ей нужно, как не надобно о ней в дальнейшем заботиться, как скоро она поедет в счастливую ссылку.

29 июля Климову в присутствии Баланева допрашивал кап[итан] Шевардин по делу Мейлаха, Донского и Андрея Васильева в связи с Завельским. Она ничего не могла вспомнить.

В эти же дни замнач тюрьмы - или как они сами себя деликатно именуют "изолятора" - заверил Климову, что место ссылки ей будет совсем недалеко, дня за три с этапом управятся. На этап ее дернули 2 августа, во вторник и продолжался он до 9 сентября, когда ее привезли после пересылок в Свердловске, Новосибирске, Чите, Нерчинске, Балее в Казаковский Промысел, 673443.

Примечания Э.С.Орловского к тексту §9 главы "Борьба за освобождение"

Понятно, что каждый мемуарист излагает свое субъективное понимание причин и мотивов действий описываемых им лиц. С одними высказываниями я могу соглашаться, с другими - нет, пусть это остается на совести автора. Но изложение автором фактов многие читатели могут воспринять как достоверное. Между тем, Револьт, к сожалению многие факты перепутал. Возможно, он невнимательно читал мои письма или понадеялся на свою память и не переспросил у меня...

Укажу лишь на некоторые ошибки.

Феликс был моим младшим, а не старшим братом (я - старший, он - средний из трех братьев), и никогда преклонения перед ним у меня не было (хотя мне нравились его стихи). А Клим - мой родной брат, ему было 4 месяца, когда была арестована наша мама. И следовательно Револьт ошибается, называя Клима моим единокровным братом, сыном моей мачехи. Неверно, будто сразу после ареста матери отец снова женился. Хотя брак отца с мамой не был зарегистрирован, он по-видимому не считал возможным вступать в новый брак, пока оставалась возможность того, что мама жива. До войны он встречался с одной (очень хорошей, по моим впечатлениям) женщиной, военно-морским врачом (она потом погибла в блокаду), но вместе они не жили. Проявив смелость и энергию, отец ездил на прием к Вышинскому добиваться реабилитации матери - но безуспешно. А в 1944 году - возможно, подумывая о женитьбе - отец вновь стал добиваться сведений о судьбе матери, и ему сообщили, будто она умерла в местах заключения в ноябре 1941 (так ответили и мне на мой запрос в 1956 году при реабилитации, и лишь в 1995 году сказали, что она расстреляна в ноябре 1938 года, и нет уверенности в том, что это окончательный вариант). Из этих уточнений фактов совершенно очевидна также ошибочность многих рассуждений Револьта на тему о взаимоотношениях в моей семье. Кроме того, я не все мог писать Револьту в лагерь. Так, мои отношения с Галей (женой Клима) испортились не только (а пожалуй, и не столько) из-за "жилищного вопроса" (кстати, Галя как учительница вскоре выхлопотала через Гороно квартиру себе с Климом), сколько из-за политических споров; к примеру, однажды я показал Гале только что написанное мною письмо в газету "Известия" с предложением - по образцу помещенной в "Известиях" обстоятельной справки о положении французских трудящихся, подготовленной с помощью редакции "Юманите" - подготовить аналогичную справку о советских трудящихся и поместить ее в "Известиях" и в "Юманите". Галя вскричала: так ты враг?! Тебя посадят, а потом и нас с Климом! И порвала письмо в клочья...

Иного ошибок и в изложении моих выступлений на митингах в 1959, 1960, 1961 годах и реакции дирекции предприятий, где я работал, профсоюза и КГБ на эти выступления. Частично о том, как было на самом деле, я рассказываю в своих воспоминаниях (ни одна часть которых так и не напечатана). Пожалуй, наиболее важная ошибка в том, что Револьт не понял связи между моим вытеснением с завода "Красногвардеец" и моим выступлением на митинге с призывом голосовать против безоговорочного одобрения

выступления Хрущева, в котором он разъяснял необходимость воздвигнутой 13 августа 1961 "берлинской стены", продолжительности рабочего времени, а также предъявлял Западу ультиматум о мирной уступке Западного Берлина не позднее 31.12.61. И лишь после этого (а не в июле, как пишет Револьт) меня стали просить "уйти по-хорошему". (Признаюсь, я не понял тогда, что этот ультиматум был лишь маневром, отвлекающим внимание Запада от "стены", а если б было решено начать в конце года войну за Западный Берлин, то вряд ли была бы нужна стена). Работа во ВНИИНефтехиме была работой, о которой я мог мечтать. Патентная работа в Ленинграде развернулась с 1962 года. А в 1961 году я был едва ли не единственным патентоведом в городе (имел уже публикации по этой тематике), а ВНИИНефтехим - едва ли не единственным в городе предприятием, где уже пытались приступить к зарубежному патентованию и осознали необходимость создания патентной службы. Поэтому и я, и дирекция были довольны. И уволили они меня несомненно под давлением КГБ; возможно, повлияли и мои нестандартные политинформации (с использованием материалов зарубежных коммунистических газет).

Мне действительно "нехватало родной души, на которую можно было бы опереться". Отчасти это было связано с тем, что, по милости НКВД, я рос без матери. Мне всегда ее нехватало. Отец скрывал от меня арест матери, плел разные небылицы. А я узнал об этом случайно в августе 1941 года и, в свою очередь, скрывал это и от отца и почти ото всех до ее реабилитации в 1956 году. Неверно, будто отец воспитывал меня в духе преданности Сталину. Мы вообще с ним не разговаривали ни на политические и ни на какие другие темы. Не знаю, стал ли он таким после ареста матери или был таким и раньше, но только он любил повторять: язык дан человеку, чтобы ответить на экзамене и чтобы попросить продавца отвесить товар - больше ни для чего! Он пресекал любые попытки обсудить (не только с ним, но и с братом и с кем угодно) содержание фильма, повести или экзаменационного билета, поведение учителя, а не только политические события и передовицу "Правды". Мне не приходило в голову обсуждать с ним и "личную жизнь".

Поэтому я делился своими переживаниями в письмах к тем немногим, кого я мог считать друзьями, и ожидал "комментариев" или советов. Если это достойно осуждения, то, как мне представляется, не в большей степени, чем обсуждение этих моих личных проблем моими приятелями (включая Револьта) в переписке между собой и чем последующая публикация всего этого во всеобщее сведение. Кстати, по моей оценке, я остался в хороших отношениях с упоминаемыми Револьтом женщинами и некоторые из них позже приглашали меня погостить.

Кроме того, опираясь на мои письма к нему в лагерь, Револьт упускает из виду одно важное обстоятельство: опасаясь конфискации писем, я касался политических и околополитических тем разве что глухими намеками. И получалось, будто политика занимала в моем сознании мало места по сравнению с "личной жизнью", тогда как было (пожалуй - к сожалению) наоборот. Например, я не писал Револьту, что было очень сложно назначать свидания с первой женщиной, с которой я стал встречаться: дома у нее телефона не было, а на работе (на оборонном предприятии)

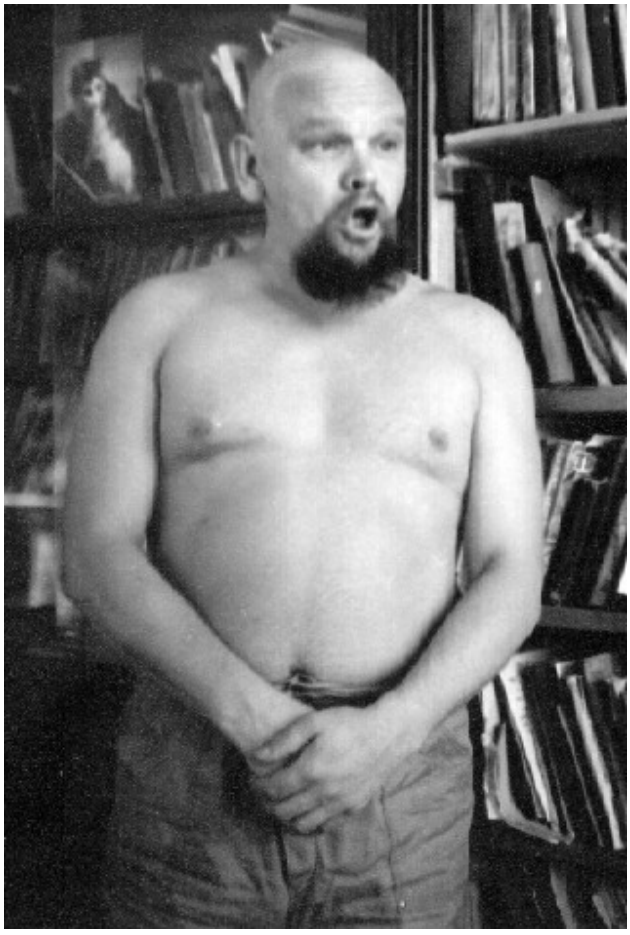
личные разговоры более 1-2 минут не допускались, и кроме того сотрудникам было объявлено, что все разговоры прослушиваются. Я не писал и о том, что, когда наши встречи с этой женщиной стали редкими, я все же приходил к ней на сутки каждый раз вечером перед днем любых выборов - ибо, хотя я сам, будучи агитатором до 1956 года, говорил избирателям: "Ваш гражданский долг - проголосовать, а как вы проголосуете, это дело вашей совести, но ни эти избиратели, ни я еще в течение многих лет не был морально готов голосовать "против"; но с 1956 года я ни в коем случае не хотел голосовать "за" и потому каждый раз прятался от агитаторов у этой женщины.

Еще один пример явной ошибки Револьта: близорукие, естественно, очков с двояковыпуклыми линзами не носят, и что он хотел сказать, не совсем понятно.

19 августа 1996 г.
Эрнст Орловский

АВТОБИОГРАФИЯ
(на 1976)

Револьт Иванович Пименов родился 16 мая 1931 в городе Новочеркасске. Его отец - Иван Гаврилович Щербаков (1902-1982), в гражданской войне бывший на Дону большевиком, красноармейцем и чекистом, в годы нэпа ушедший из РКПб и ГПУ, работавший позже ветеринарным врачом и врачом микробиологом. Мать - Лариса Михайловна Пименова (1905, позже Щербакова) - дочь казачьего есаула, видимо, погибшего в марте 1920 в Новочеркасске; всю жизнь (умерла 1969) работала учительницей и завучем.



Р.И.Пименов. Сыктывкар, около 1976 г.

Раннее детство Револьт Пименов провел в Ростове-на-Дону, позднее детство - в Магадане с родителями; с 16-летнего возраста его жизнь неразрывно связана с Ленин-градом. В 1948 поступил на математико-механический фа-культет Ленинградского Университета. В 1949, не желая разделять с правящей партией ответственность за происхо-дящее, подал заявление об уходе из комсомола, за что его поместили в сумасшедший дом, откуда выпустили только после отказа от заявления о выходе (1950). В марте 1953 его исключили из комсомола и немедленно также из Универ-ситета, но в 1954 в Университете восстановили; кончил по кафедре геометрии в 1954. За время пребывания в Университете изучил помимо математики и физики еще философию, историю, языки (европейские, китайский, арабский, древние и т.п.).

В 1954 написал цикл пьес по истории революции в России. В 1955 получил первые содержательные результаты в математике, точнее - в неэвклидовой геометрии и космологии; они докладывались им на III Всесоюзном математическом съезде (1956). Бурные события 1956 (доклад Хрущева, восстание в Венгрии, брожение в

Ленинграде) вовлекли Пименова в политическую деятельность, плодом которой был арест в 1957 по ст.58 10-11. По этому же делу был арестован Борис Вайль и еще трое, а также отец Пименова. Написанные им до и после ареста математические и иные произведения (опубликована существенно меньшая часть) побудили таких разных людей, как президент Академии Наук М.В.Келдыш, редактор А.Т.Твардовский, академик (филолог) В.В.Виноградов и др., добиться досрочного освобождения Пименова в 1963 и его прописки в Ленинграде.

В 1965 Пименов защищает кандидатскую диссертацию по теме “Тензорная теория полуэвклидовых и полуримановых пространств”, в которой развито некоторое усиление тензорного аппарата на ускользающей от аналитического рассмотрения случай; в 1969 - докторскую по теме “Пространства кинематического типа”, где разработаны основы новой теории пространства-времени, обобщающей т.н. общую теорию относительности Эйнштейна и позволяющей осмысливать физические эксперименты без рассуждений о "системах отсчета". К 1970 им было опубликовано около 25 физико-математических произведений, включая книгу “Пространства кинематического типа (математическая теория пространства-времени)”, переведенную на английский. Были написаны и получили хождение в самиздате статья “Как я искал шпиона Рейли” и мемуары “Один политический процесс”. Уже пред защитой докторской диссертации сотрудник ГБ уведомлял директора Л.О.М.И., где тогда работал Пименов, что "мы намерены его арестовать". Директор помех диссертации чинить не стал.

Летом 1970 Пименов (позже и Вайль) был арестован по делу о распространении самиздатской литературы ("Хроника", Джилас, а также “По поводу речи Н.С.Хрущева” и т.п.) в Ленинграде и Обнинске и осуждены в Калуге, несмотря на противоречивость и бездоказательность "улик". Процесс вылился в яркую демонстрацию сочувствия к подсудимым со стороны нескольких десятков съехавшихся в Калугу из Москвы и Ленинграда друзей, знакомых и просто свободомыслящих, а также некоторых рядовых калужан. Заступничество ряда академиков: А.Д.Сахаров (это единственный процесс, куда его допустили власти), В.И.Смирнов[139], А.Д.Александров, Н.В.Белов, И.Р.Шафаревич, хвалебная характеристика с места работы, деятельность А.Н.Твердохлебова, В.Н.Чалидзе, С.А.Ковалева, В.Ф.Турчина и многих других сказались в сравнительной мягкости приговора - ссылка, в то время даже не предусмотренная по инкриминированной статье 190-1, взамен заключения. Ю.А.Айхенвальд посвятил этому процессу поэму "Листопад в Калуге".

Ссылку Пименов отбывал сначала в поселке Краснозатонский, работая на лесопилке пилоставом, потом в самом г.Сыктывкаре. Над ним сразу установила шефство "Международная амнистия", которая равно как и широкая общественность страны, существенно облегчила жизнь семьи Пименова (жена Вилена и сын Револьт, 1964 года рождения). С 1972 Пименов работает научным сотрудником Коми филиала Академии Наук. По окончании ссылки в 1974 он остался на жительство в Сыктывкаре. Органы ГБ категорически запретили Сыктывкарскому Университету допускать Пименова читать

[139] Óìåð â 1974

лекции. Неотступная слежка, раздражающие препоны в публикациях, невыдача до сих пор докторского диплома, фактический запрет советским ученым ссылаться на работы Пименова - все это несколько уменьшило научную продуктивность Р.И.Пименова, хотя после 1970 им опубликовано около десятка научных произведений.

Пименов является референтом журналов "Мэтиметикл Ривъюз" и "Центральблатт фюр Математик"; до ареста (1970) был также референтом "Реферативного журнала Математика" и членом Всесоюзной гравитационной комиссии (секции). В 1974-75 приглашался Абердинским Университетом (Шотландия) читать лекции в течение года, но получил отказ от МВД СССР. Хобби - шахматы.

Биография Шрифтейлик В.А.

Вилена[140] Анатольевна Шрифтейлик родилась 21.10.31 в Ленинграде. Летом 1941 эвакуирована с детьми из Ленинграда, жила с год в детдоме на Урале, потом с родителями в Куйбышеве, вернулась в Ленинград, где ее отец (военный инженер-химик Натан Давыдович Шрифтейлик) умер в ноябре 1944. Жила с матерью Софьей Борисовной (Сарой Абрамовной) Тараховской до 1966. Кончила школу 1949, поступила в Герценовский пединститут, само-вольно бросила учиться и уехала (по вербовке) в Жмеринку* в конце I курса, вернулась через полгода (декан оформил академическим отпуском задним числом), доучи-лась до середины III курса, бросила, увлекшись Театральной Студией Дворца Культуры им.Кирова, где была актером, режиссером, автором. Знакомства с Акимовым и Е.Шварцем; первый ее высоко ценил. Первая публикация (сказки) - 1954 в журнале этой студии. Но бросает и ее, едет в Среднюю Азию, потом в Петрозаводск. В Петрозаводске неоднократно публикуется (журнал "Север", проза), учится в Универ-ситете, но за недисциплинирован-ность (которой из-за шума, связанного с XX съездом был придан политический оттенок) исключена со II курса. Знакомства: Валентин Алексеев, Тайсто Сумманен. В 1956 знакомится с Ирой Вербловской и через нее (поверхностно) с Револьтом. С 1960 сублимируется в пьесах (с полдюжины), написанных в соавторстве с Александром Гиттельсоном. В октябре 1963 через Виктора Шейниса, дает о себе знать Револьту. 20.08.64 рождает сына Револьта Револьтовича. В 1966 году Револьт привозит для знакомства Вилю к Щербаковым в Раисино (во время международного 15-27.08.1966 математ. конгресса), когда он надумал оформить брак с ней, а в ноябре 1966 регистрируется ее брак с Р.И.Пименовым, причем она меняет фамилию.

В.А.Пименова. Сыктывкар, 1976.

Револьту Револьтовичу после регистрации брака сменили фамилию с Шрифтейлик на Пименова

* Родной брат отца Вили был конспиративным (подпольным) членом ЦК (русской?) сионистской партии (России?), часто менял родную фамилию на другие (в целях конспирации). Эмигрировал

[140] Áèîãðàôèÿ Â.À.Øðèôòåéëèê ñîñòàâëåíà Ð.È.Ïèìåíîâûì â âèäå ñïðàâêè ê ìàòåðèàëàì èõ ïåðåïèñêè õðîíèêè â åãî àðõèâå. Ïðèâîäèòñÿ Èçäàòåëüñêàÿ ñ íåçíà÷èòåëüíûìè ñîêðàùåíèÿìè.

тяжело больным (рак) в Израиль на первой волне эмиграции в СССР (за большие заслуги лет в 70).

06.08.66 регистрация рождения Татьяны Революьтовны Кононовой. С 1971 года изменена фамилия на Пименова.

ПИМЕНОВ РЕВОЛЬТ ИВАНОВИЧ

(1931-1990)

Народный депутат РСФСР. Доктор физико-математических наук. Историк. Политзаключенный (1957-1963), политссыльный (1970-1974).

Родился 16 мая 1931 года в Новочеркасске (по официальным, но неправильным документам - в станице Дондуковской Майкопского округа Краснодарского края). Отец - Иван Гаврилович Щербаков (1902-1982), происходил из богатой купеческой семьи, в годы гражданской войны красноармеец и сотрудник ЧК, со второй половины 20-х годов работал ветеринаром и врачом-микробиологом. Мать - Лариса Михайловна Щербакова (Пименова) (1905-1969), дочь казацкого есаула, учитель по профессии, впоследствии работала завучем школы.

Р.И.Пименов. 1989 г.

Первые годы жизни Р.И.Пименов прожил с матерью в Ростове (родители были в фактическом разводе), однако в 1940 году семья воссоединилась и уехала на заработки на строительство Дальнего Севера (Дальстрой) в Магадан.

В 1944 году семья вернулась в Ростов, откуда вскоре (1946 г.) переехала в Москву. В Москве в ноябре 1948 года семья вновь распалась - Р.И.Пименов вместе с матерью переехали в Ленинград. Там Пименов закончил среднюю школу, а его мать стала работать учительницей.

В 1948 году Пименов поступил на дневное отделение математико-механического факультета Ленинградского университета им. А.А.Жданова. Еще в школьные годы у Р.И.Пименов наметился конфликт с окружающим его советским строем. В институте дело дошло до открытого конфликта - 10 октября 1949 года Пименов подал заявление о выходе из ВЛКСМ “в связи с тем, что мои убеждения расходятся с требованиями предъявляемыми комсомольцу...”. В ответ он был помещен матерью и университетской общественностью в психиатрическую больницу (с 10 ноября по 24 декабря).

В феврале 1953 года Пименов был исключен из ВЛКСМ, а 17 апреля и из университета (формальный повод - за шум на лекции и пропуски занятий, реальный - личный конфликт с ректором унверситета по политическим мотивам), однако вскоре - 20 января

1954 г. - был восстановлен и в июне 1954 года получил диплом на кафедре геометрии.

Паралельно с учебой в университете он работал преподавателем в вечерней школе.

Вторую половину 1954 года Пименов провел в продолжительном путешествии по Кавказу.

С января по декабрь 1955 года - Пименов работал инвентаризатором в Библиотеке академии наук.

С сентября 1955 года преподавал в Ленинградском технологическом институте пищевой промышленности (ассистент кафедры математики). В 1955 совершил свои первые научные открытия в математике, точнее - в неэвклидовой геометрии и космологии; они докладывались им на III Всесоюзном математическом съезде (1956).

В марте 1956 года размножил на машинке доклад Н.С.Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС “О культе личности И.В.Сталина” со своими примечаниями. Ноябрь 1956 г. - написание “Венгерских тезисов”. К периоду ноября 1956-марта 1957 года относится его деятельность по созданию подпольной организации для борьбы с советским правительством. Организация занималась написанием и размножением самиздата и листовок, а также самообразованием. В нее входили - ближайшие друзья Пименова - Э.С.Орловский, И.С.Вербловская, И.Д.Заславский, группа из Библиотечного института (руководитель Б.Б.Вайль, он же руководил группой в Курске), марксистская группа И.В.Кудровой-В.Л.Шейниса. Важной и новой формой антиправительственной агитации были информационные бюллютени “Информации”, которые Пименов составлял на основе информации полученной от членов организации, а также используя переводы из доступных газет и журналов стран советского блока. В листовках, распространяемых группой содержались требования выдвигать нескольких кандидатов на один депутатский мандат, а также лозунг “Земля - крестьянам, заводы - рабочим”.

Арестован 25 марта 1957 года по обвинению в преступной деятельности предусмотренной статьями 58 (10-11) УК РСФСР. Пока шло следствие находился в СИЗО УКГБ по Ленинградской области.

Процесс по делу Пименова проходил в Ленинградском городском суде с 26 августа по 6 сентября 1957 года под председательством судьи Миронова. По делу было арестовано и осуждено 5 человек (отдельно в Москве 25 сентября 1957 г. был осужден на 3 года отец Р.И.Пименова - И.Г.Щербаков). Пименов получил 6 лет лагерей, Вайль - 3, К.Г.Данилов (член группы Вайля из Курска) - 2, И.Д.Заславский - 2, И.С.Вербловская (гражданская жена Пименова) - 2. Вину остальных участников подпольной организации следствию доказать не удалось.

7 декабря 1957 года Колегия Верховного суда РСФСР отменила по протесту прокурора приговор Ленгорсуда “за мягкостью”. 4 февраля 1958 года Ленгорсуд в новом составе (судья Вольняшин) вынес новый приговор. Все осужденным квалифицировали обвинение по ст. 58-11. Пименов получил - 10 лет и поражение в правах на три года, Вайль - 6 лет, Вербловская и Заславский по 5 лет, Данилов - 4 года. 20 марта 1958 года Судебная коллегия Верховного суда РСФСР подтвердила приговор Ленгорсуда, и лишь Заславскому срок был

снижен на до 2 лет. 5 мая 1958 года Пименов был этапирован в Воркутлаг МВД СССР.

21 мая 1958 года он прибыл на штрафной лагпункт Ж 175/24 в пос.Цементный под Воркутой. 29 июля 1958 года этапирован из Воркуты в пос.Тайшет Иркутской области (Озерлаг). С 16 сентября 1958 года находился в лагере 215/3-001 на ст.Вихоревка, с 3 ноября в лагере 215/3-026 на той же Вихоревке. С 28 ноября на специальном режиме в лагере 215/3-А - пос.Анзёб. В начале января 1959 года кратковременно пребывал с СИЗО Иркутска, а затем вернулся обратно в 215/3-А. 3 марта 1959 года помещен в лагерь специального режима ЖШ 410/4-42А на ст.Вихоревка. 24 декабря 1960 года был помещен на тюремный режим во Владимирскую тюрьму № 2 (“крытку”), где пребывал до освобождения.

В 1959 году в политических убеждениях Пименова произошел перелом и он отошел от марксизма.

За время отбытия наказания Пименов написал ряд работ по космологии и лингвистике заинтересовавших видных ученых. По ходатайству некоторых из них - в первую очередь академика М.В.Келдыша и поэта А.Т.Твардовского постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 15 июля 1963 года Пименов был 26 июля освобожден условно с испытательным сроком в три года.

В 1963-1970 годах работал научным сотрудником Ленинградского отделения Математического института им.Стеклова АН СССР, где вел научный семинар по математическим проблемам теории пространства-времени, читал лекции по геометрии студентам матмеха ЛГУ, защитил кандидатскую (1965 г., по теме “Тензорная теория полуэвклидовых и полуримановых пространств”), и докторскую (ноябрь 1969 г., по теме “Пространства кинематического типа”) диссертации по специальности геометрия и топология (в связи с арестом докторский диплом был им получен только в конце 1988 г.) Являлся членом Гравитационного комитета, автором книги “пространства кинематического типа” и многих математических статей. Кроме того, написал несколько исторических пьес и большое количество самиздатских статей, среди которых можно назвать работу “Как я искал английского шпиона Сиднея Рейли” и “Происхождение современной власти”.

В 1966 г. участвовал с сообщением в Международном Конгрессе математиков.

Арестован 23 июля 1970 года в Ленинграде и 22 октября 1970 года осужден (вместе с Б.Б.Вайлем и В.Зиновьевой) Калужским областным судом по 190-1 УК РСФСР к 5 годам ссылки за распространение самиздата (реабилитирован 26.06.1991 г.). Ссылку он отбывал в пос.Краснозатонский близь Сыктывкара, где работал пилосоставом и электромонтером на Судоремонтном заводе, а затем в самом Сыктывкаре.

К 1980 г. обе судимости погашены.

С 1972 года и до своей кончины Пименов работал в Коми филиале АН СССР, преобразованном впоследствии в Коми научном центре Уральского отделения АН СССР (занимал должности от младшего до ведущего научного сотрудника). Создал математическую группу, преобразованную впоследствии в Отдел информатики и автоматизации. После окончания ссылки в 1974 году он принял решение остаться в Сыктывкаре на жительство.

Принимал активное участие в правозащитной деятельности собирал и передавал материалы в бюллетени “Хроника текущих событий” и “Вести из СССР”. Писал рецензии для самиздатского реферативного журнала “Сумма” (в том числе под псевдонимом Л.Нестор).

В конце 70-х - начале 80-х годов активно сотрудничал с редакцией неподцензурного исторического альманаха “Память” (составлялся в СССР и издавался во Франции) в котором, в частности, были опубликованы фрагменты его воспоминаний. Один из первых переводчиков fantasi Дж.Толкиена “Властелин колец”.

В 1982 году КГБ предприняло попытку арестовать Пименова и пресечь переправку его рукописей на Запад. Однако дело закончилось лишь арестом 2 декабря 1982 года близкой знакомой Пименова - М.М.Климовой и осуждением ее 7 июля 1983 г. к 8 мес. лишения свободы и 3 годам ссылки по ст.70 УК РСФСР.

В 1987 г. участвовал с докладом на Международном Конгрессе по философии науки.

В 1989 году был доверенным лицом А.Д.Сахарова на выборах народных депутатов СССР, одновременно пытался баллотироваться сам, но из-за противодействия местных властей потерпел неудачу.

Народный депутат РСФСР от Коми АССР (825 округ) в 1990 г. Член Конституционной комиссии съезда народных депутатов РСФСР; член Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР.

13 ноября 1990 года госпитализирован в Исследовательский центр молекулярной биологии и медицины Центрального института исследований рака в Восточном Берлине, где ему была успешно проведена операция по удалению раковой опухоли желудка. 19 декабря 1990 года он скончался в палате интенсивной терапии этой больницы в результате послеоперационного осложнений.

Женат с ноября 1966 г. на Вилене Анатольевне Шрифтейлик (Пименовой). Дети: Револьт (р.20.08.1964), от В.А.Пименовой; Татьяна (р.6.08.1966), от Эльвины Аркадьевны Кононовой; Виктор (р.30.01.1968), от Инны Яковлевны Крым.

Краткий обзор научной деятельности Р.И.Пименова

Приводим фрагмент из очерка “Памяти Р.И.Пименова”, написанного его учеником Н.А.Громовым.[141]

Уже первый цикл работ Р.И.Пименова (1956-1964 гг.) содержал единое аксиоматическое построение системы неевклидовых геометрий. Здесь Р.И.Пименову удалось определить работы целого ряда других геометров и развить новые плодотворные подходы к этим теориям, оказавшиеся эффективными также и в теории групп[142].

Второй цикл работ Р.И.Пименова (1964-1966 гг.) содержит исследование аналогов римановых пространств, представляющих собой метризованные гладкие многообразия, у которых в касательных пространствах имеет место та или иная однородная неевклидова геометрия. В этом направлении Р.И.Пименов, в частности, обеспечил приоритет отечественной науки в развитии тензорного исчисления, согласованного с расслоением пространства. В терминах этих понятий Р.И.Пименовым был развит один из вариантов единой общей теории относительности и электромагнетизма, не потерявший своей актуальности до настоящего времени.

Третий цикл работ Р.И.Пименова (1966-1990 гг.) связан с развитием идеи академика А.Д.Александрова о первичности каузального отношения в рамках программы: построить теорию относительности исходя из отношения порядка. Здесь Р.И.Пименов построил теорию неоднородных пространств, значительно расширивших систему математических моделей пространства-времени, которые используются учеными в различных областях науки, он решил проблему построения нерегулярных пространств со знакопеременной метрикой, а также проблему выведения пространственно-временных структур из отношения порядка. Суть его подхода состоит в том, что в основу всех пространственно-временных конструкций кладутся отношения порядка (линейной или частичной упорядоченности) и далее тщательно анализируется, как и другие аксиомы и отношения (топологические, метрические и т.д.) и каким образом должны быть добавлены к свойствам отношения порядка, чтобы получить используемые в физике многообразия. Именно в таком ключе Р.И.Пименов построил теорию анизотропного пространства-времени, в котором скорость света различна по разным направлениям, т.е. световой конус не круговой, а "граненый". Дальнейшее допущение, что этот конус меняется от точки к точке приводит к финслерову обобщению общей теории относительности. По убеждению Р.И.Пименова, "изучение структур порядка есть в физическом аспекте разработка самых базисных априорных моделей для укладывания в них последующего физического материала". И в данной книге, подготовленной к печати незадолго до кончины, Р.И.Пименов продолжил исследование возможных пространственно-временных конструкций, названных "темпоральным универсумом".

---

[141] Äàåòñÿ ïî êíèãå: Ïèìåíîâ Ð.È. Îñíîâû òåîðèè òåìïîðàëüíîãî óíèâåðñóìà. Ñûêòûâêàð, 1991. ññ.4-5. (-Èçä.)

[142] Ãðîìîâ Í.À. Êîíòðàêöèè è àíàëèòè÷åñêèå ïðîáëåìû êëàññè÷åñêîé ãðóïï. Åäèíûé ïîäõîä. Ñûêòûâêàð, 1990.

Список работ Р.И.Пименова

Неопубликованные

1. Фридрих Ницше - к стодесятилетию со дня рождения. 1954 г.
2. Пьесы: Дегаев, Желябов, Карийская трагедия, Гапон. 1954-1955 гг.
3. Об историческом романе. Около 1955 г.
4. Космометрия (Вихоревка-Владимир). Около 1961 г.
5. Лингво-био - Экономические работы (Вихоревка-Владимир). Около 1961 г.
6. О социальном диалоге. 1970-ые гг.
7. Указатель к журналу “Былое”, Ленинград, Сыктывкар, 1973 г.
8. Л.П.Нестор (пс.) Комплекс Янова/рецензия книгу А.Л.Янова “Некоторые проблемы русской консервативной мысли XV-XVIII столетий”.
9. О Глазунове, о жизни и еще кое о чем. Около 1980 г.
10. Переписка о переписке Грозного и Курбского. Около 1982 г.
11. Почему я против “декрета о власти”. 27.06.1990.

Опубликованные общественно-политические

Заметки о книге А.Марченко “Мои показания”/истор. сб. “Память”. Париж, 1978. №3.

Л.П.Нестор (пс.) Не читайте этой книги/рецензия на книгу А.Рабиновича “Большевики приходят к власти”//Сумма, 1979. №2.

Рецензии на книги: А.Авторханова “Загадка смерти Сталина (заговор Берии)”, В.Турчин “Инерция страха”, Р.Редлих “Сталинщина как духовный феномен”// Сумма, 1979. №3.

Рецензии на книги: Г.Ваан “Власть и дух”, А.Зиновьев “О Сталине и сталинизме”, Г.Шиманов “Трактат о любви”, А.Лондон “Воспоминания”, В.Лишиц “Полутороглавый стрелец”, М.Ботвинник “К достижению цели”, А.Антонов-Овсеенко “Портрет тирана”, К.Ватинов “Козлиная песнь”// Сумма, 1979. №5-6.

Рецензии на книги: Л.Гумилев “Этногенез и биосфера земли”, А.Московит “Метаполитика”, Л.Шифер “Жизнь Ленина”, Н.Хрущев “Воспоминания”, Э.Неизвестный “Мой диалог с Хрущевым”, С.Нилус “Блиц есть, при дверях”//Сумма, 1979. №7-8.

Рецензия на роман Дудинцева "Белые одежды", - "Нева", Ленинград, 1988, № 8, стр.170-174.

Пикассо на Площади Искусств. - "Советский цирк", Москва, 1989, № 8. 18 февраля, стр.14.

Опыт одной избирательной кампании//Демократия и мы (Ленинград), 1989, февраль, №6. (перепечатано в сб. “Выборы-1989”, М.: Панорама, 1993. сс.49-57).

Отставка. Интервью. - "Советский цирк", 1989, №13, 30 марта, стр.2.

Победа. Интервью. - "Советский цирк", № 17, 27 апреля, стр.5.

Программа кандидата в депутаты. - "Красное знамя", Сыктывкар, 27 апреля 1989, стр.2. (то же. - "Югыд туй", Сыктывкар, 4 мая 1989, стр.1, на коми.)

Верховный Совет - каким ему быть? - "Красное знамя", 12 мая 1989, стр.1.

Право народа. - "Красное знамя", 18 мая 1989, стр.1.

Сделайте выбор. "Знамя труда", Объячево, 18 мая 1989, стр.1.

Горький в сумасшедшем доме. - "Советский цирк", 1989, № 22, июнь, стр.15.

Лимонад из министерства.- "Эко", Новосибирск, № 6, 1989, стр.36.

Начали как в Ленинграде. - "Советский цирк", 1989, № 34, 24 августа, стр.14.

Как мне видятся сегодняшние задачи. - "Новый мир", Москва, 1989, № 8, стр.251-256. (то же. - "Вечерний Сыктывкар", 23 и 30 октября 1989, стр.3.)

Пашусене Т. У великого коми вольнодумца. Интервью. - "Теса", 1989, 2-4 июля, №№ 176-178, стр.3, на литовском.

О.Волин (пс.). С бериевцами во владимирской тюрьме/фрагмент 5 части “Воспоминаний”. "Минувшее", Париж, 1989, Атенеум, № 7, стр.357-374. (то же "Совершенно секретно", 1989, № 6, стр.16-18.)

Памяти Симона. - "Литературная Грузия", 1989, № 10, стр.199-204.

Восстановить правду. - "Красное знамя", 19 ноября 1989, № 240, стр.3.

Сообща избавимся от всего плохого. - "Югыд туй", 14 декабря 1989, стр.3, на коми.

Он всегда был на стороне истины//Красное знамя, 17.12.1989, стр.4.

"Мемориал" в гостях у поляков.//Вечерний Сыктывкар, 25.12.1989, стр.2.

Строки и сроки//Советский цирк, 1990. №1.

(совместно с В.А.Пименовой) Пять дней Нины Максаковой//Урал, 1990. №1.

Отчет народного депутата о работе первого съезда народных депутатов РСФСР. Сыктывкар, 1990.

Три основания моего ареста/фрагмент 1-ой части “Воспоминаний”//Человек, 1990. №4. Сс.78-83.

Записки свободомыслящего//Урал, 1990. №7.

Приобщение к власти//Советский цирк, 1990. №24.

Так как же нам обустроить Россию.//Россия, 1990. Лето; Конституционный вестник, 1991. №4.

Как я искал шпиона Рейли// Кодры (Молдавия), 1990. №8. Публиковался также в //Совершенно секретно (отрывки), и целиком в издательстве Абрис-книга, СПб, 1996 г.

Каким был Адрей Дмитриевич Сахаров//Книжное обозрение, 1990. № №21-23.

Какую конституцию мы хотим?//Новое время, 1990. №40. Сс.26-27.

Открытый запрос//Красное знамя (Сыктывкар), 1990. №215.

Конституция (основной закон) Российской Федерации (в соавторстве с рабочей группой Конституционной комиссии съезда народных депутатов РСФСР). М., 1990. 19.10.

Помнить о сопротивлении материала//Красное знамя (Сыктывкар), 1990. №220.

Одиночки спасали бессмерную душу//Новое время, 1991. №2.

С.Спекторский (пс.) Происхождение современной власти/отрывок из 4-ой части//Молодежь Севера, 1991.

Достоевский и проективная геометрия. Проблемы историографии//Народное хозяйство республики Коми, 1992. №1.

Гибель Учредительного собрания: опыт исторической реконструкции// Урал, 1992. №2. С.125-135.

Происхождение ксенофобии/отрывок из книги “Происхождение современного режима в России//Новое время, 1992. №4.

Философия и практика террора//Россия, 1992. №9, 3 марта.

Девятый вариант/фрагмент 5-ой части “Воспоминаний”//Северная пальмира, 1994, декабрь. №6. с.16-30.

Происхождение современной власти. М., 1996. (в книге опубликованы 2 из 4 частей работы; ранее фрагменты работы публиковались под псевдонимом Спекторский в самиздатских журналах “Часы”, “Рубикон”, “Демократия и мы”, “Земля” и других.)

Опубликованные геометрические работы[143]

[143] Ñïèñîê ïîóáëèêîâàííûõ ìàòåìàòè÷åñêèõ ðàáîò ïîäãîòîâëåí ñàìèì Ð.È.Ïèìåíîâûì (êðîìå ðàáîò âûøåäøèõ ïîñëå åãî ñìåðòè). (-Èçä.)

Аксиоматическое исследование пространственно-временных структур //Труды III Всесоюз. математ. съезда (Москва, 1956). - М. - 1959. - Т.4. - С.78-79. Прореферировано РЖМат 1960 № 4, 3727 (Соркин).

К основаниям геометрии // Доклады АН ССР. - 1964. - Т.155. - № 1. - С.44-46. Объем 0,3. РЖМат 262 8А326, Math.Reviews 28 № 6, 5362 (Str. Zentralblatt fur Mathematik 1967, 132 410 (Artzy).

Применение полуримановой геометрии к единой теории поля // Доклады АН СССР. - 1964. - Т.157. - № 4. - С.795-797. Объем 0,3. РЖМат 1964 12А 416, ZBlatt 1967, 135 469 (Takasu).

Тензорная теория фланговых пространств. - Тезисы II геометрической конференции. Харьков 1964, стр.215-216. Обь.0,1.

Алгебра флагтензоров. - Вестник ЛГУ. 1964 № 13, 150-152. Объ. 0,3. РЖМат 1965 5А 356 (Розенфельд), MR 1965, 29 № 4 3484 (Guggenheimer), ZB1 1967, 132 415 (Kavaguchi).

К определению полуримановых пространств. - Вестник ЛГУ. 1965 № 1, 137-140. Объ. 0,3 п.л. MR 1966 32 № 4 4631 (Guggenheimer).

Тензорная теория полуэвклидовых и полуримановых пространств: Автореф.дис. ... канд.физ.-мат.наук. - Л., 1965. - 24 с.

Тензорная теория полуэвклидовых и полуримановых пространств: Дис. ...канд.физ.-мат.наук. - Л., 1965. - 100 с.

Полуриманова геометрия и единые теории. - Проблемы гравитации. Тбилиси. 1965. 111-114, Объ. 0,3. РЖМат 1966 4А 427 (Пирагас), РЖФизика 1966 3В 83 (Захаров).

Совместно с Розенфельдом и Ягломом. Дифференциальная геометрия полунеэвклидовых пространств. - Тезисы доклада на Геометрическом семинаре Отдела математики ВИНИИ, М., 21 мая 1966. Объем 0,1 п.л.

Единая аксиоматика пространств с максимальной группой движений // Литовский матем.сб. - 1965. - Т.5. - № 3. - С.457-486. Объ. 2,2. РЖМат 1967 2А 364 (Розенфельд), MR 1966, 32, № 6 8227 (Guggenheimer) ZBlatt 1968, 139, 378-378 (Gofman).

Метрические пространства кинематического типа // Международный конгресс математиков: Тез.докл. - Москва, 1966. - Секция 9. - С.40. Объ. 0,1.

Теоретико-групповое описание трех плоскостей // Сиб.мат.журн. - 1967. - Т.8 - № 1. - С.49-55. Объ. 0,5. РЖМат 1967 12А 504 (Розенфельд), РЖФиз 11В 193 (Захаров), MR 1967 34, № 5 6298 (Saltzmann), ZBl 1968, 146 164 (Havel)!

Некоторые теоремы о метрических пространствах кинематического типа. - II всесоюзный симпозиум по геометрии в целом. Петрозаводск, 1967, 51-52. Объ. 0,1. РЖМат 1967 11А 519.

Топологические и метрические пространства кинематического типа и теория пространства-времени. - III межвузовская научная конференция по проблеме геометрии. Казань 1967, 132-133. Объ. 0,1.

Полуриманова геометрия// Труды семин. по векторному и тензорному анализу. - Вып.14. - М., 1968. - С.154-173. Объ. 1,2. РЖМат 1968 11А 566 (Розенфельд).

Пространства кинематического типа (математическая теория пространства-времени). Л., "Наука", 1968, 496 стр. (В серии "Записки научных семинаров ЛОМИ", т.6). Объ. 31 п.л. РЖМат 1969 2А 725К, MR 1970 40, №, 6930. ZBl 191, 267. Рецензия: Physicx Today 1972, № 4, 50-53 (D.Finkelstein).

Теория пространства-времени как теория упорядоченных пространств. - Тезисы докладов V международной конференции по гравитации и теории относительности. Тбилиси, 1968, 47-50. Изданы также на английском языке. Объ. 0,3.

Новые модели пространства-времени и некоторые связанные с ними философские вопросы. - Философские проблемы теории относительности.

МГУ, 1968, 40-52. Объ. 0,8. (то же пересказ в "Вопросах философии", 1969, № 10.)

Перевод с немецкого. Ф.Рахман, Построение геометрии на основе понятия симметрии. М., "Наука", 1969, Объ. 23 п.л.

Пространства кинематического типа. Автореферат докторской дисс. Издан дважды: а) до защиты отдельным оттиском М., 1969, ротапринт, 18 стр; б) после защиты: Пространства кинематического типа // Математ. заметки. - 1970. - Т.7. - № 5. - С.641-653. Объ. 0,8 РЖМат 1970 9А 359.

Пространства кинематического типа. Докторская диссертация, защищена МИАН, 26 ноября 1969, М., 1969. 314 стр.

Дополнение к теореме А.Д.Александрова о преобразованиях, сохраняющих конусы// III Всесоюзн. симпозиум по геометрии в целом. - Петрозаводск, 1969. - С.52-53.

Необходимые и достаточные условия линейности преобразований, сохраняющих конусы // Математ. заметки. - 1969. - Т.6. № 4. - С.361-369. MR, 1970, 40, №, 4849.

О связи между пространственной метрикой, кинематичной метрикой и конгруэнцией временных кривых. - Тезисы докладов IV всесоюзной конференции по геометрии. Тбилиси 1969, 202-203, Объ. 0,1.

Kinematic spaces. Consultants Bureau, New-York & London, 1970, 185 pages. MR 1971, 41, №, 9555.

Рефераты в реферативном журнале Математика (1957-1971) общим числом несколько сот.

Рефераты в Mathematical Reviews, общим числом свыше сотни, (1968-1988).

Рефераты в Zentralblatt fur Mathematik (1971-1988) общим числом свыше сотни.

Еще одни шаг в направлении геометризации электромагнетизма в общей теории относительности. - Тезисы докладов III советской гравитационной конференции. Ереван, 1972, 136-138, Объ. 0,4.

Состояние применения математики и ЭВМ в исследованиях Коми филиала АН. Сыктывкар. 1973, сдан в фонды КФАН, 78 стр.

К геометрическому выводу уравнений движения заряда в электродинамике. - Вопросы развития энергетики и водного хозяйства. Сыктывкар, 1973, 80-92. Объ. 1 п.л. MR8 1975, 498 n2, 4391 (Wrona).

Язык для описания правил эксплуатации программ на языке. Наири-С (в соавторстве с В.С.Никифоровым и Б.Г.Новаковским). - Тезисы докладов I всесоюзной конференции "Применение в ученом процессе и методическое обеспечение малых ЭВМ". Обнинск, 1974, 64-66. Объ. 0,1.

Дисперсионный анализ (в соавторстве с В.П.Кузнецовым). Сыктывкар , 1974, 56 стр. Объ. 2,9 п.л. (В серии "Научные рекомендации - народному хозяйству").

К основаниям теории дифференцируемого пространства-времени. ДАН СССР. 1975, 222, № 1, 36-38. Объ. 0,2. РЖМат 1975 10 А 560 (Улановский), MR, 1 1979, 58, № 3 14958, ZBL 1977, 326 № 53061 (Ghermann).

Кривые в кинематиках и смежные вопросы физики и космологии (в соавторстве с Беловым С.Н., Громовым Н.А. и Крейновичем В.Я.). Сыктывкар 1976, 16 стр. В серии "Научные доклады Коми филиала АН." Объ. 0,7, РЖФиз 1976 9Б 94К (Д.Алексеевский). MR 1979, 588, № 3 14869.

Теория кривых в гладких кинематиках. - Сибирский математический журнал, 1978, 19, № 2, 370-384, РЖМат 2978 А695 MR 1979, 57,6, 18737 (Билялов), ZBL 1979, 394, 53017 (автореферат), 1980, 409, 53024.

Негладкие и другие обобщения в теории пространства-времени-электричества. - Сыктывкар, 1979, Серия "Научные доклады: вып.47. 60 стр. Объ. 3 п.л. MR 81k: 83041 (Давтян), ZBl 1980, 412, 53028.

Нормативный пересчет на ЭВМ как средство получения минералогической информации (совместно с Никифоровым В.С., Носковой

Н.Ф., Володиной Н.В., Юдовичем Я.Э., Кетрис М.П.). - Труды института геологии Коми филиала АН, 1980, вып.31, 91-93. Объ.0,2.

A non-smooth approach to the physical content of General Relativity. - Avstracts of the 9th Internataional confence on General Relatibity and Gravitation. Jena, 1980, v.3, 663-664. Объ. 0,3.

Финслеровы кинематики. - Сибирский математический журнал, 198, 22, 13, 136-146. Объ. 0,7. РЖМат 1981 11А 735, MR 1982 k: 53017 (L.Bocek), ZBl, 1982, 474. 51013.

Анизотропию невозможно нарушить радарным методом. - Симпозиум по геометрии в целом и основаниям теории относительности. Тезисы докладов. Новосибирск, 1982, 87-93, Объ. 0,1.

К одной проблеме Биземана. - Симпозиум по геометрии в целом и основаниям теории относительности. Тезисы докладов. Новосибирск, 1982, стр.89-90. Объ. 0,1.

О полноте решения Шварцшильда // Сиб.мат.журн. - 1984. - Т.25. - № 5. - С.119-124. Объ. 0,4. РЖМат 1986 2А737, ZBl 1986 565.53041.

Устойчивость оптимального решения в задаче с производящим и потребляющем регионах // Применение математических методов в анализе и планировании отраслей народного хозяйства Европейского Северо-Востока. - Сыктывкар, 1984. - С.40-45. - (Совместно с М.И.Игнатовым).

Финслерово пространство-время позволяет обойтись без черных дыр. Сыктывкар, 1985, "Научные доклады КФАН", вып.136, 8 стр. Объем - 0,3. ZBl 1986, 576, 53050.

Хроногеометрия: достижения, препятствия, структуры. Сыктывкар 1987, "Научные доклады КФАН", вып.160, 22 стр. Объ. 1,2. РЖМат 1987 6А 835.

Анизотропное финслерово обобщение теории относительности как структуры порядка. Сыктывкар, Коми ФАН, 1987, 186 стр. Объ. 10 п.л., РЖМат 1987 10 А 635.

Самостоятельное место гладкости в системе дискретно-непрерывное в теории пространства-времени. - VIII Международный конгресс по логике, методологии и философии науки. Abstracts, v.2, p.212-214, Москва 1987. Объ. 0,3.

Стоит ли достоевсковедам делать из Достоевского - геометра? - Русская мысль № 3653/45, 25 декабря 1986, стр.17. Объ. 1 п.л.

Горизонты как экстремальные точки выпуклой структуры. - Всесоюзная конференция по геометрии в целом, Новосибирск, 1987, стр.95. Объ. 0,1.

Хроногеометрическая аксиоматика общей теории относительности. - Всесоюзная конференция по геометрии в целом, Новосибирск, 1987, стр.96. Объ. 0,1.

Каузальная аксиоматика общей теории относительности// Тез. докл. IX Всесоюзн. геометрической конф., 20-22 сентября 1988. - Кишинев, 1988. - С.244-245.

Аксиоматика общерелятивистского и финслерова пространства-времени посредством причинности // Сиб.мат.журн. - 1988. - Т.29. - № 2. - С.133-143.

Кинематическое доказательство невозможности кривой Пеано// Всесоюзн. конф. по геометрии и анализу. - Новосибирск, 1989. - С.63.

New spacetime - anisotropic and semi-Riemannean// Proc. XVIII Intern. colloquium on group theoretical methods in physics. June 4-9, 1990, Moscow - Lecture Notes in Physics; Springer, 1991.

Пименов Р.И. Основы теории темпорального универсума. Сыктывкар, 1991.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Р.И.Пименов на симпозиуме по математике. Харьков, 1964 г. 3
2. А.А.Александров. Ленинград, 1948. 6
3. В.Л.Шейнис - рабочий-расточник Кировского завода. Ленинград, 1958 г. 27
4. И.Г.Щербаков, К.Лихушина-Варенцова, С.А.Шеин. Подмосковье, Раисино, 1949. 89
5. И.Г.Щербаков и его жена М.П.Леснова. Подмосковье, Раисино, 1952 г. 96
6. М.П.Леснова. Казань, 1952. 100
7. И.П.Шарапов и Л.Н.Краснопевцев. Мордовия, 1960 г. 101
8. Б.Б.Вайль. Вена, октябрь 1977 г. 165
9. В.А.Переверов и Н.Пасыник. Озерлаг, 1958 г. 210
10. Владимирский централ. Внутренний двор. 1988 г. 233
11. Р.И.Пименов. Возвращение из тюрьмы. Москва, 1963 г. 289
12. М.М.Климова. Ленинград, начало 80-х. 303
13. М.М.Климова. Ленинград, 1981. 319
14. В.И.Коновалихин, Р.И.Пименов, Р.В.Колетова. Пос.Микунь (Сыктывкар), 1982 г. 367
15. М.М.Климова и ее племянник(?) Сережа в ссылке. г.Балей, 1984. 376
16. Р.И.Пименов. Сыктывкар, около 1976 г. 392
17. В.А.Пименова. Сыктывкар, 1976. 394
18. Р.И.Пименов. 1989 г. 395

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН - Академия Наук
АССР - Автономная Советская Социалистическая Республика
БАН - Библиотека Академии Наук
БСЭ - Большая Советская Энциклопедия
ВАСХНИЛ - Всесоюзная Академия Сельскохозяйственных Наук имени В.И.Ленина
ВЭО - Ветеринарно-Эпизоотическое Общество
ВКП(б) - Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ - Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВНИИНефтехим - Всесоюзный научный исследовательский институт Нефтехимической промышленности
Врио - Временно исполняющий обязанности
ВРУ - Вольно-Российский Университет
ВЦИК - Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ВЦСПС - Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ВЧК - Всероссийская Чрезвычайная Комисссия
Вуз - высшее учебное заведение
ГАИ - Государственная автомобильная инспекция
ГБ - Государственная безопасность
ГПУ - Государственное политическое управление
ГУИТК - Главное управление исправительно-трудовых колоний
ГУМ - Государственный универсальный магазин
ГУМЗ - Главное управление мест заключения
ГЭС - Гидроэлектростанция
ДАН - “Доклады Академии Наук”
ДС - Дальстрой (управление НКВД по строительству Дальнего Севера)
ЗАГС - Отдел записи актов гражданского состяния
И.о. - Исполняющий обязанности
ИО - Иркутская область
ИТЛ - Исправительно-трудовые лагеря
КВЧ - Культурно-воспитательная часть
КГБ - Комитет государственной безопасности
КЗоТ - Кодекс законов о труде
КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза
ЛГУ - Ленинградский государственный университет
ЛИСИ - Ленинградский инженерно-строительный институт
ЛОМИ - Ленинградский оптико-механический институт
ЛОСХ - Ленинградское отделение Союза художников
ЛТИПП - Ленинградский технологический институт пищевой промышленности
МБА - Межбиблиотечный абонимент
МВД - Министерство внутренних дел
МВО - Министерство высшего образования
МГБ - Министерство государственной безопасности
МордАССР - Мордовская АССР
МТС - Машинно-тракторная станция
МХАТ - Московский художественный академический театр
НЭП - Новая экономическая политика
ОГПУ - (см.ГПУ)
Профком - профсоюзный комитет
ПСК - профсоюз работников культуры
РЖМат - Реферативный журнал “Математика”
РСДРП - Российская Социал-демократическая Рабочая Партия
РСФСР - Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СМ - Совет министров
СНК - Совет народных комиссаров
СОАН - Сибирское отделение Академии наук
СССР - Союз Советских Социалистических Республик
СТО - Совет труда и обороны
США (USA) - Соединеные Штаты Америки
УК - Уголовный кодекс
УКГБЛО - Управление КГБ по Ленинградской области
УМН - Управления мест наказания
УСД - Условно-досрочное освобождение

УПА - Украинская повстанческая армия
УПК - Уголовно-процессуальный кодекс
ФЗО - Фабрично-заводское обучение
ФРГ - Федеративная Республика Германия
ЦИК - Центральный исполнительный комитет
ЦК - Центральный комитет
ЦРУ (CIA) - Центральное разведывательное управление
ЦСБ - Центральное справочное бюро
ЧК - Чрезвычайная Комиссия
ЭВМ - Электро-вычислительная машина

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абакумов, 240
Абрамзон Я.Ш., 151
Абрамов, 98, 180
Авдеев, 162
Авсенева Д.А., 100
Авторханов А., 243, 309, 319, 345, 350, 352, 353, 365, 375, 386, 387
Автух, 307, 322, 342
Агеев, 103
Адамацкий И.А., 26, 41, 170, 176
Аденауэр К., 141
Айхенвальд Ю., 211
Акмен А.И., 27
Аксельрод Д., 317
Аксенов В., 237
Александров А.Д., 5-7, 13, 38, 47, 84, 130, 165-168, 175, 180, 191, 192, 204, 234, 248, 260, 264, 266, 268, 269, 278, 280, 298, 405
Алексеева, 158
Алферов И., 150
Альбрехт В., 145
Альтшулер Д.Я., 307, 343
Амальрик А., 375, 386
Андреев А.А., 148
Андреев Л.Н., 143
Андреев Н.Д., 273
Андропов Ю.В., 126, 176, 308, 317, 331
Антонов, лейтенант, 12
Аптекман, 212
Ардаматский, 249
Арефьев, 148
Аржанков, 121
Арнович С.Г., 69, 111
Асиновский, 147
Атаманенко, 148

Багиров, 244
Багрецов И., 148, 150
Балакирев В., 151
Баланев, 307, 324, 329, 339, 340, 344-366, 370-373, 388
Балашев В., 165
Баркова А., 108
Бацуло Н., 108
Бедеров Э., 150
Бедия, 239
Беззаботнов И.И., 252, 254, 257, 286
Безуглый В., 150
Беккер, 219
Белецкий М., 148
Беллармин, 217
Белоногов, 126
Беляев Д.К., 94, 96, 272
Беляев Н.А., 263
Берия Л.П., 8, 35, 58, 75-77, 84, 108, 223, 230-240, 244, 276, 304, 336
Бернадский С.В., 113, 147, 157, 161, 163
Бернштам М., 308, 311, 327, 330, 334, 336, 356, 369, 382
Бестужев П.В., 164, 165
Блюмкин, 234
Бокштейн И.В., 165
Болихов, 88, 89
Большаков, 345
Бондаренко Г.С., 262
Боннэр Е.Г., 177, 227, 339
Бор Н., 190
Борисов В.Е., 169, 311-313, 329, 330, 342, 347, 348, 369, 378, 382
Борисов Ю.Ф., 5, 6, 13, 38
Борухов С.Б., 151
Босков, 219
Брежнев Л.И., 78, 279, 282, 308, 309, 317, 319, 345, 387
Брежнева Г.Л., 169
Брик Е., 223, 232, 235, 241, 243, 287
Британишский, 69
Бро, 147
Бродович О., 151
Бродский И.А., 151, 310, 331, 356
Бруно Д., 172
Бубулис А.К., 20, 21, 26
Будаева Н.И., 376, 386
Буданицкий Е.Г., 151
Буданицкий М.Б., 151
Бурдюк, 7, 193, 254
Буряк, 199
Буковский В.К., 223
Быкова Т., 149
Бэн Г.Е., 146

Вайдекуров Ю., 165
Вайль Б.Б., 4, 5, 12, 14, 15, 18-25, 31, 36, 39-44, 48-50, 57, 60-70, 76, 81, 85, 90, 106, 147, 148, 157-169, 199, 200, 207, 211, 247, 248, 254, 268, 292, 293, 297, 298, 309, 334, 405
Вальд, 216
Вальрас Л.Э., 216
Васильев А., 388
Васильева Л.А., 163
Васильчиков А.И., 211
Введенский С.К., 307, 309, 319, 337, 343, 375, 380, 382
Венус Г., 241
Вербловская И.С., 4, 8, 10-14, 18-46, 50-69, 76, 85-101, 106-119, 130, 145, 153, 157, 163-177, 200, 219, 247, 254, 273-294, 297, 345
Вербловский Ю.С., 69
Вересаев, 244
Верига, 103
Вигдорчик В., 150
Вильнер М., 148
Виноградов В.В., 276-278
Вишняков В.И., 20, 27, 40, 42, 49, 51, 166
Власов А.А., 71
Вовк К., 151
Вознесенская (Окулова) Ю.Н., 311
Вознесенский А., 217
Волков Д.М., 267
Волков Ю.А., 124, 130, 139, 192
Волохонский Л.Я., 201, 307, 313, 317, 318, 321, 322, 331, 342, 354, 386
Волпянская М., 151
Вольняшин, 26-44, 52, 56, 66-68, 178
Воробьев М.Н., 241
Воротников, 307, 309, 319, 343, 375
Ворошилов К.Е., 101, 201, 235, 244
Врангель П.Н., 108
Враская О.Б., 69, 295
Высоцкий В.С., 74, 331, 340
Вышинский А.Я., 48, 50

Гаврилин М.А., 68
Гагарин А., 224
Галилей, 217
Галич А.А., 74, 277, 278, 329, 331

Гальперин Б.И., 14, 26, 27, 172
Гамов, 143
Гамсахурдия К., 236
Гамсун К., 94, 96, 101
Гапон Г.А., 8, 32, 33, 38, 53, 60
Гаранин Л.Я., 146
Гастев Ю.А., 208, 356
Гвишиани М.М., 238
Гелбрейт, 236
Геля, 146
Гессе Н.В., 177, 305-307, 312, 313, 321, 324, 339, 345, 372, 375-377
Гидони А.Г., 29, 64, 116, 147, 157
Гинзбург А., 354
Гитлер А., 71
Гиттельсон А., 177
Гогиберидзе С.Л., 5, 230, 232, 244, 245, 283, 290
Гогиберидзе-Жгенти Н.Л., 245
Голиков А.А., 15, 146
Голояд Г., 115, 241
Голубков, 130
Гольдман М.С., 147
Гольдштейн С., 150
Гомер, 16
Горбаневская Н., 167
Горбачев М.С., 277
Горбовой, 164, 212
Гордиенко С., 150
Гордин Я., 310
Горелик Б.С., 298
Городковский В., 150
Горький А.М., 31, 46, 57, 127, 133, 329, 339
Грассман, 216
Грачев Р., 178, 310, 340
Греков Ю.Ф., 21, 26, 178
Григоренко П.Г., 356
Григорашвили Н., 109
Громов Н.А., 210
Грузов Е.Н., 27, 89, 121, 174, 175
Гудзенко Р.С., 148, 150
Гужков В., 151
Гумилев Л.Н., 215, 282

Давыденко Л.М., 164
Даниленко, 103
Данилов Е.П., 98
Данилов К.Г., 15, 18-25, 39, 41, 43, 48-50, 67, 68, 81, 98, 101, 165, 170
Данилова Т., 346
Даниэль Ю.М., 268, 375, 386
Дедюлин С., 240, 308, 311, 313, 356, 378, 382
Делоне Б.Н., 180
Дементьев Б., 150
Демидов, 44
Денисов, 222
Державин Г.Р., 153
Джалиль М., 136
Джус Ю., 150
Дзуцева В.Т., 307, 348
Длин Ю.Л., 306, 307, 326, 372
Дмитриев Г., 12, 146, 157
Дмитриев Ю., 149
Долинин В., 317, 358
Доманская, 146
Донской Г., 326, 365
Достоевский Ф.М., 86, 211, 342, 358, 382
Дубинин Н.П., 272, 274
Дубрович Н.А., 27, 31, 92, 178
Дубянский, 158
Дудинцев В.Д., 6, 9, 39, 166, 285, 314
Дымент С.А., 151
Дынкин Е.Ш., 151
Дьяков, 74, 114
Дьяконова Т., 150

Евграфов Н., 165
Евстигнеев С.К., 114-116, 194, 249, 252, 254, 257, 262
Евтушенко Е., 281
Егоров, 87, 89, 92, 95, 99
Ежов Н.И., 35, 76, 108, 236, 336
Елисеев П., 150
Елисеева М., 98
Емельянов Р., 317
Емельянова И.И., 114, 248, 273
Енукидзе Н., 239
Ермаков, 297
Есенин С.А., 135, 145
Есенин-Вольпин А.С., 131, 150
Ескин Ю., 361, 375
Ефимов Н.В., 180, 265

Жданов А.А., 190, 231, 276
Желябов А.И., 8, 37, 88
Жерлицын М., 307, 326, 340, 354-373, 376
Жигулин А., 74
Жилин, 333
Жирков, 148
Жолудев, 42, 43, 48
Жордания Н., 244
Жуков Г.К., 26

Заболоцкий, 283
Завельский Н.И., 307, 326, 328, 345, 346, 351-353, 366, 371, 375, 378, 382, 387
Заврайская З., 149
Загвоздин А.В., 151
Зайцев В., 164
Зайцев Г., 10, 11
Залгаллер В.А., 5, 6, 13, 38, 47, 130, 138, 175, 179, 185-192, 201-204, 227, 253, 265, 268, 274, 275, 297
Заморзаев А., 191
Заостровский Ю., 150
Зарицкая Е., 108
Заславский И.Д., 4, 5, 7, 10, 14, 18-21, 26, 31, 33-45, 52-57, 61, 66-68, 75, 81, 111, 162, 167, 170-172, 176, 296
Захарова Н.К., 386
Захарченко, 287
Захарычева Е.П., 312
Захов, 347
Зверев А.Г., 239
Зельманов А.Л., 129, 138, 190, 266
Зеркин, 18, 20, 31
Зильбербрандт Е.Л., 307, 343, 375, 378, 387
Зимнухов, 161
Зиновьева В., 149, 169, 309
Знанецкий, 219
Зубер-Яникун И.Э., 20, 21, 26, 27, 31, 33, 34, 51, 53, 92, 120, 121, 174, 175

Иванов Б., 311
Иванов В.В., 117, 274
Иванова О., 307
Ивинская О., 114, 273
Игнатов Н.Г., 76, 78, 280
Иезуитов, 314
Ильин В.Ф., 307, 311, 329, 369, 370, 371, 375, 382, 387
Иоффе, 263
Исаева, 83
Исакова Н.С., 22, 307, 375, 386
Ишмурадов, 136

Каганович Л.М., 8, 45, 58, 95
Кадар Я., 53

Казанов Н.А., 151
Калинин М.И., 68, 76-86, 149, 286, 289
Калинкина М. (В.), 149
Кальниболоцкая, 296
Каляев И.П., 8, 17
Каменев Л.Б., 241
Кандыбей М.Г., 149
Канторович Л.В., 27, 170, 175, 176, 216, 268
Каплун И., 169, 311, 334, 356
Караванский В., 194
Каракозов Д.В., 211
Кардель Э., 41, 62, 88
Карнап Р., 214
Касем А.К., 141
Кассель, 216
Катаев, 234, 273
Катукова, 307, 331, 350, 377, 382
Каутский К., 216
Кац А., 311
Квачевская Д., 356
Келдыш М.В., 4, 259-262, 268, 269, 277-287
Кетов А.И., 18
Кинан Э.Л., 150
Киплинг Р., 243
Кипятков, 322
Кириленко Н.В., 386
Киров С.М., 108, 235
Киселев А.С., 76, 79, 82
Кичак И.О., 164
Клебанов, 146
Клейнман Э., 150
Климова М.М., 2, 92, 99, 303-388, 405
Климушкин, 87
Климчицкий, 326
Кобец Ю.В., 307, 343, 346
Ковалевская Т.П., 196, 200, 252, 257
Козина, 139
Козлов А., 151, 157, 158, 162
Козлов Е., 146
Козовой В.М., 147
Кокорев В.И., 41, 46
Колесников Л., 164
Колосова А.С., 376
Кольман Э.Я., 190, 266, 274
Комиссаров Ю., 307
Комраков, 114, 196, 219, 252, 256
Кондратьева Е., 149
Коновалихин В., 335
Кононов, 157
Копелев Л., 386
Корбут А.А., 20, 26-35, 51, 53, 66, 170, 175, 176
Коржавин Н., 314
Коршун Н., 149
Косарев А., 235
Косарев В.Н., 147
Космодемьянская З., 55
Костин Н.П., 165
Костричкина С., 376
Косцинский К., 146
Косыгин А.Н., 175
Котов А.А., 311
Кочетков, 115
Кошевой О., 114
Кравец, 31, 37, 39, 41, 48
Красильников М., 148, 157, 163
Краско А.А., 306, 307, 363, 372, 376
Краснов П.Н., 185
Краснопевцев Л.Н., 101, 147, 405
Краснюк М., 150
Красовская Ю., 9, 46, 59, 157, 165, 166
Кренева Д., 110, 273
Кржижановский Г.М., 190
Кривошеин В.А., 14, 63, 165, 296
Кривулин В., 311
Крицкий В., 150
Кроль Ю., 111, 273
Кропоткин П.А., 101, 211, 333
Круглов, 264
Круммер О., 150
Крыленко, 252
Крюков В.В., 18
Кугель, 18, 20, 32-39, 40, 50, 56, 61, 99, 111, 323
Кудрова И.В., 14, 20, 24-32, 40, 45, 155, 170-177
Кудрявцев А.Н., 165
Кудрявцев А.Ф., 164
Кудрявцев Э.П., 8, 20, 21, 26, 39, 41, 54, 148, 178
Кузнецов Б.Г., 20, 25, 26, 42, 190, 237
Кузнецов Э.С., 164
Кузьмин В., 363
Кузьминский К., 308, 311, 322, 378, 382
Кузьминых А.А., 87
Куйбышев В., 240
Куйбышева Р., 240
Культэ О., 150
Кулябко, 147
Кун Г.У., 217
Кунгурова Л.В., 306-311, 320, 343, 351, 352, 372, 375, 379, 385, 387
Куралин А.В., 164, 213
Куратов В., 157, 161
Курбатов К., 149
Курешов, 114
Курилин, 115, 265
Курно А-О., 216
Курчик Н., 164, 212
Кутепов А.П., 108

Лавров П.Л., 218
Ладыженская О.А., 267, 268
Лариков, 68
Ларин, 103
Лебедев В.В., 149, 151
Левин, 147
Левина Д.И., 19, 40, 42, 50, 89, 99
Лейтман К.А., 26
Леметр, 270
Ленин В.И., 36-40, 47, 51, 58-60, 76, 83, 87-93, 97, 121, 123, 126, 136, 167, 237-240, 269, 282, 285, 326-334, 338, 347, 382, 386
Леонтьев, 217
Лесков Н.С., 211
Лесниченко Н.В., 311, 329, 331, 332, 342, 376, 377
Леснова М.П., 13, 88, 89, 96, 98, 294, 405
Лившиц, 39, 49
Лисочкин И., 151
Литвинов П., 145
Лихушина-Варенцова К., 89, 405
Лихушины, семья, 100
Лобашов, 6
Логачев А., 150
Лосенков В., 220-222, 257
Лубанов А.Р., 151
Луканкин, 14, 17, 70, 253, 298
Луков Г.М., 157, 159, 161, 162
Лукьянчук, 89
Луначарский А.В., 108
Лунев Н.Р., 206, 214, 220
Лысенко Т.Д., 6, 272
Любашенко С.Я., 102
Любищев, 272
Людвигов Б.А., 230, 232, 239-243, 287
Лякин В.Н., 149, 296, 297

Маградзе Н., 106, 108, 109, 241
Майоранский, 232
Макарова В.О., 247
Маквебашвили, 169
Максимов В., 386
Маленков Г.М., 8, 36, 45, 95, 145, 230, 231, 235, 239, 240, 244, 249, 276
Малой, 161
Малыхин В.А., 146
Малышева Л., 346
Мамулов С.С., 230-238, 245, 287
Мамыкина Э., 150
Мандельштам Н.Я., 99, 308, 323, 330, 331, 338, 375, 386
Мандельштам О.Э., 99, 324
Марамзин, 312, 316, 345
Марины, семья, 100
Марков А.А., 91, 279, 295, 306, 372
Марков Ю.Г., 307, 337, 351
Маркс К., 37, 51, 143, 166, 175, 214, 216, 239, 307
Мартыненко, 146
Марченко А.Т., 85, 212, 223, 287, 328, 331, 334, 369
Марченко В.А., 326
Масленников Н.И., 77
Маслов С.Ю., 310-317, 356, 360-366
Маслова Е.С., 364
Маслова Н.Б., 307, 364, 366, 375, 379, 387
Матвеева, 97, 98
Матвиевская Г., 265
Матиясевич, 279
Матросов А., 55
Матяш В.И., 147
Машков Ю.Т., 108, 109, 165
Машкова В.Е., 106-109, 165, 223, 241
Машьянова А.В., 27, 38, 42
Мейлах М., 15, 326, 365
Меклер Ю.Б., 44, 85, 116, 146, 210
Мельник И., 307, 372
Мельник Ю.В., 307, 350, 361, 372
Меньшаков, 120, 344
Меньшиков В.Б., 147
Мераи Т., 244
Мерецков К.А., 93
Меркадер Р., 239
Меркулов В.Н., 240
Мехлис Л., 240
Мещанинов И.И., 276
Мещеряков Б.П., 157, 159
Мжаванадзе В.П., 168
Милн, 190, 270
Милюков П.Н., 167
Минц Г.Е., 376
Мирбах, 234
Миролюбов Н., 26, 178
Миронов Н.Р., 4, 12, 17, 38, 95, 167, 168, 268, 279, 286-293, 298
Митрейкин В.К., 164, 199, 208-210, 218
Михеенковы, 69
Михайлов Н.А., 230, 231
Михайлова Н.М., 308
Михайлова Н.Н., 308, 387
Молоствов М.М., 101, 146
Молотов В.М., 8, 25, 36, 45, 58, 95, 145, 230
Моммзен, 15
Морозова, 162
Морозов М., 356
Морозов Н.А., 216
Мосина, 69
Моченкова, 149
Мусикова О.В., 308
Муха М.А., 157, 159, 161, 162
Мухина И.В., 310, 352
Набоков В.В., 211
Набулси, 140
Нагорный В.И., 386
Надь И., 108, 126, 201, 244, 280
Назимова А.К., 26, 27, 66, 174
Нарышкина Л., 149
Насер Г.А., 140
Настюшенкова Н.П., 308
Натансон, 212
Небольсин А.В., 114
Невструев, 19, 24, 27, 43, 48, 165, 178
Недоростков, 158
Нежданова М., 151
Нейман фон, 175, 217
Некрасова П., 149
Немецкий Ю.И., 149
Несмеянов, 260, 268
Нечаев С.Г., 143, 211
Нешков Х.П., 76
Никитин, 256
Никишов, 238
Николаев В., 242, 267
Ницше Ф., 37, 208, 342, 380
Новаковский Б.Г., 186
Новиков В.С., 308
Новиков П.С., 139
Новожицкий А.И., 165
Носырев Д.П., 308, 317

Овчинникова А.М., 68
Огарев Н.П., 241
Огородников, 129
Огурцов И.В., 148, 268
Окуджава Б., 356
Орджоникидзе С.К., 93, 307
Орлов, 146
Орлова Л., 97, 149
Орловская Н., 308, 319, 375, 382, 387
Орловский К.С., 119
Орловский Э.С., 4, 5, 8, 14, 17, 26-31, 35, 40, 43, 51-56, 64, 66, 69, 87, 91-94, 99, 110-112, 119, 126, 130, 131, 145-153, 156, 163, 165, 174, 190, 192, 200, 204, 224, 228, 231, 238, 240, 248, 253, 262-266, 270-273, 285, 286, 289, 297, 331
Осипов В.Н., 164
Осипова Л.П., 308, 363
Осоцкий А.И., 99, 375, 376
Островский А., 150
Оуэн, 214

Палагин З.Г., 20, 26
Панаева А.Я., 241
Парнасский, 228
Парфианович И.А., 265
Пастернак Б.Л., 16, 106, 108, 114, 201, 248, 273, 346, 357, 360, 375
Пасыник Н., 210, 405
Пачевский Т., 148
Паустовский, 273
Пауэрс, 201
Пенроуз, 267
Пеньковский О.В., 201, 247
Переверов В.А., 115, 210, 214, 405
Перельдик, 98
Перовская Е.П., 308, 310
Перовская С.Л., 88
Петренко-Подъяпольская М.Г., 376
Петрашень Г.И., 130, 192, 262, 267, 297
Петров В., 146, 174
Петров Т., 16
Петрова Ф., 149
Петровский И.Г., 277

Печерский Г.Р., 151
Пешехонов, 212
Пикассо П., 9, 46, 59, 285
Пименова (Щербакова) Л.М., 91, 129, 200, 247, 249-252, 280, 286
Пименова В.М., 247
Пирогов С.И., 12, 92, 148, 333
Плеве В.К., 211
Плеханов Г.В., 212
Повецкий, 98
Подоплелов В.П., 287
Подрядчик Л., 151
Покровский Н.Н., 147
Померанц Г., 313
Попов, 158, 160
Попов А.И., 273
Попов В., 108
Потапов И., 146
Правдин, 14
Прокопьев, 69, 130, 136
Прокофьева Д.Д., 307, 310
Прудон, 214
Пуанкаре, 190
Пустынцев Б.П., 15, 146

Райскин И.Г., 53, 54
Райх З., 240
Райхман И.И., 5, 7, 13-20, 30-38, 45, 99, 111, 134, 190, 200, 280-286, 298
Ракоши, 244
Распутин Г., 247
Рассел Б., 214
Рафалович А.В., 44 , 146, 164
Рачунас П., 164, 212
Рашевский П.К., 294
Редькова Е.И., 149
Рейган Р., 308
Рендель Л.А., 147
Репин В., 180, 317, 345, 354, 363
Репников В., 150, 164
Решетов А.Н., 149
Ржаницын Л.В., 159, 168
Ржаницына В., 157, 161
Рид Д., 9, 10, 38, 47, 57, 62
Рогов К., 14, 150, 168
Родина Е.И., 149
Розенфельд Б.А., 115, 120, 123, 188, 189, 228, 259, 265, 266, 294
Рокицкий П.Ф., 272
Рокотов, 222
Ронжин, 26, 29, 32, 37, 38, 41, 44, 280
Ронкин В.Е., 165, 268
Ронкин И.И., 165
Рохлин Е.А., 8, 21, 27, 40, 42, 53
Рощевский М.П., 186
Рубичев, 258
Рузвельт, 236
Румянцева А.А., 149
Рухадзе Н.М., 244
Рыбкин Р., 150, 164
Рыков В., 43
Ряузов, 149

Саблин Н.А., 88
Савельев, 87
Савицкий О., 150
Садовников Вл.В., 326
Салькаева, 103
Самарин Ю.Ф., 211
Санагина В.С., 108, 248
Сахаров А.Д., 131, 174, 176, 210, 262, 269, 313, 321, 326, 330, 334, 338, 339, 367, 375, 386
Светличный, 95
Седов, 291
Семененко М.И., 147
Семенов, 139, 249
Семин, 287
Семичастный В.Е., 95
Сен-Симон, 214
Синицын Ю., 43
Синкевич О.Л., 147, 152, 157-162
Синкин, 161
Синчурин, 96, 98
Синявский А.Д., 268
Синякин, 161
Ситко Л.К., 165
Ситников, 150
Сквирский С.И., 151
Скорик П.Я., 276, 277
Скорлупин, 256
Скотт В., 16, 30
Скрынников, 357
Слепакова Н., 148, 177
Случевский И.И., 31
Снегов А., 264
Соболев С.Л., 205, 295
Сорока М.М., 108, 164, 212
Солженицын А.И., 283, 311, 314-317, 331, 339, 351, 359, 363, 367, 373, 375, 379, 385-387
Смирнов А.Т., 310
Смирнов В.И., 204, 257, 259, 262, 266- 269, 277, 278, 295
Смирнов Г., 164
Смирнов Ю., 55
Соколова В.Г., 149
Соколова Г., 349
Соловьев С.В., 308, 372, 375, 386, 387
Соловьев С.Д., 164
Сологуб Ф., 137
Солохин Н.Д., 146
Сомов Г.П., 307, 336, 337, 345, 362- 368, 375
Соскин А., 174
Соснора В., 310
Спиноза Б., 90
Сталин И.В., 8, 9, 12, 24, 35, 37, 45, 58, 71-78, 86-94, 109, 119, 196, 231, 235-243, 247, 249, 264, 273, 277, 281-284, 314, 333, 337, 369
Стаханов Н.П., 262, 264
Степанов, 256
Степанова, 18, 68
Стесин А.С., 151
Стригин А.П., 306, 308, 318, 320, 326, 328, 340-343, 352, 353, 359, 373, 375, 380-384, 387
Судейкин, 211
Судоплатов П.А., 232, 287
Султанова Т., 312
Суслов М.А., 78, 236, 258

Таирова М.К., 69, 92, 170, 177
Таккер, 217
Тарасов, 89
Тарасова Г., 149
Тарасюк Л.И., 146, 157
Тарасюк Ф., 146
Ташкаров, 239
Твардовский А.Т., 4, 7, 261, 278, 279, 280, 284, 287, 317
Твердохлебов А., 131, 145, 331, 333
Тельников В.И., 15, 146, 157, 293
Теплинский, 140
Терешатов, 251
Терешкова (Николаева) В.В., 12
Теслер А.Д., 151
Тимашкова, 149

Тиме А.Г., 308
Тиме А.Д., 305-311, 318-321, 337-355, 362-366, 369-375, 380-387
Тиме Д.А., 308, 369
Тиме И., 308
Тиме М.Д., 308
Тимкив И., 82
Тито И., 32, 41, 62, 125, 152
Титов, 148
Тихонов Н.С., 7, 258
Тойнби, 213
Толстой А.К., 16
Толстой Л.Н., 243
Тольятти П., 41
Тресков А.А., 266
Третьяков В.И., 308, 354
Трифонов Ю.В., 177
Троицкий А., 148
Трофимов В.И., 15, 85, 146, 152, 157, 200, 286
Трохалева А., 149
Троцкий Л.Д., 76, 148, 167, 232, 239
Тупицын П., 146, 164
Туркин Г.Т., 14, 92, 307, 333, 340, 344, 348, 356, 359-364, 367, 369, 372
Турчин В., 279
Тушкина Т., 226, 279, 289, 295, 296, 297
Тысячная Г., 360
Тюкель, 158, 162
Тютчев, 212

Удовенко, 126
Ульянов А.И., 138
Уманский А., 151
Успенский К.В., 146
Ушаков К.И., 184, 287, 293, 296

Фаддеев Д.К., 216, 226
Фадеев Г.Е., 18
Федорчук В.В., 308, 317
Фельдман Я.С., 185
Фенев А., 149
Фокины, братья, 147
Фомченко В., 147
Фриде, 147
Фриде-Куликович В., 12
Фрийде В., 11
Фрусин К.С., 116, 192, 206, 209, 214, 218, 220
Фунтиков, 329
Фурсель В., 146

Хайбулин Б.Х., 85, 146
Хайям О., 138
Ханжин, 233
Хахаев, 268
Хачикян, 117
Хейфиц М., 92, 333
Хлодовский И.Н., 193
Ходасевич Т., 163
Ходоров А.Е., 376
Хокинг, 267
Холявко, 105
Хомутов, 68
Хрущев Н.С., 6, 8, 22, 32, 35, 40-42, 45, 50, 52, 55, 58, 62, 65, 66, 76, 78, 85, 86, 90-94, 97, 99, 109, 127, 138, 139, 152, 168, 169, 176, 201, 205, 231, 235, 239, 240, 244, 245, 264, 272, 277, 282-287, 292, 298, 310, 315, 327

Цвилев Г.И., 308, 348
Цейтин Г., 124, 273
Цуркова И., 253, 354
Цывьян Л.М., 308, 343, 363

Чайковский Н.В., 211
Чалидзе В., 69, 131, 145
Чебриков В.М., 304, 308, 317
Чекунова, 13, 96, 97, 99, 100
Чемонин В., 164
Чернышевский Н.Г., 211
Чернышов, 103
Чесноков И.Я., 247
Чеснокова В.А., 149
Чикобава, 276
Чифч В., 376
Чичерин Б.Н., 211
Чудновский Г.В., 279
Чуковская Л.К., 246
Чуковский К.И., 243
Чурсинов, 296
Чухонин, 372

Шагдаров, 146
Шайдуллин Х., 214, 220
Шаламов В.Т., 74
Шанин Н.А., 5, 31, 39, 55, 201
Шапоринский А.И., 151
Шарапов И.П., 101, 277, 278, 405
Шария П.А., 230-242, 287
Шатуновский И., 150
Шаумян, 274
Шафир Г.М., 5, 18, 20, 31, 33, 34, 38, 39, 52, 55, 66, 99, 111
Шафранов Б., 150
Шахматов О., 151
Шацкин, 236
Швейник Г., 147, 158
Шевардин, 388
Шевченко, 13
Шеин С.А., 89, 98, 405
Шейнин Л.С., 148, 249
Шейнис В.Л., 20-27, 40-45, 51, 53, 66, 166, 170-177, 298, 357, 370, 405
Шекспир В., 16
Шелепин А.Н., 86, 249, 286
Шемшединов С., 151
Шепилов Д.Т., 45
Шибаев А.И., 290
Шиллер Ф., 17
Шифрин Е., 5, 163
Шиханович Ю., 92, 145, 333
Шмуглер, 146
Шомысов, 333
Шостакович Д.Д., 37, 135
Шпенглер, 213
Шредингер, 243
Шрифтейлик (Пименова) В.А., 20, 21, 27, 30, 37, 39, 43, 51, 64, 153, 177, 333
Шрифтейлик С.А., 145
Штейнберг А.З., 234
Штейнберг М.А., 231-234, 238, 239
Шукан Н.Г., 150
Шульгин В.В., 245
Шумилов В.Т., 148-150, 200
Шустрова Н.Я., 308, 357, 361

Щепанский Р., 240
Щербаков И.Г., 13, 75, 87-105, 246, 258-262, 272, 334, 342, 356, 405
Щербаков Н.И., 92
Щупляк, 289

Эздрин А.Б., 151
Эйзенхауэр Д., 141, 152
Эйнштейн, 270
Эйтингон Н.И., 232, 233, 239, 240
Эльпорт, 147

Энгельс Ф., 216
Эренбург И.Г., 234, 261
Этин Ю.Б., 117
Этингер Р.М., 177
Эттлин, 114, 214, 221
Эшби, 216

Юдис, 97

Яблоницкий А.А., 308, 343, 346, 363
Яглом И.М., 265
Ягода Г.Г., 108
Якир П.И., 114, 233
Яковлев, 97
Якорева А., 313, 369, 370
Янков В., 148
Яновская С.Я., 190
Янсон Н.М., 76
Ясинская Е.У., 265
Яснов М.А., 76, 82